DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/proshloerossiiot01mikh

Н. П. МИХНЕВИЧЪ.

ПРОШЛОЕ РОССІИ ОТЪ РЮРИКА ДО РОМАНОВЫХЪ

Книгоиздательство
СПБ., Мойка 32.
„Сельскій Вѣстникъ".

Тво И. Д. Сытина
Москва
у Ильинскихъ воротъ

Н. Михневичъ,

заслуж. проф., дѣйств. членъ Императорскаго Русскаго Военно-Историч. Общества.

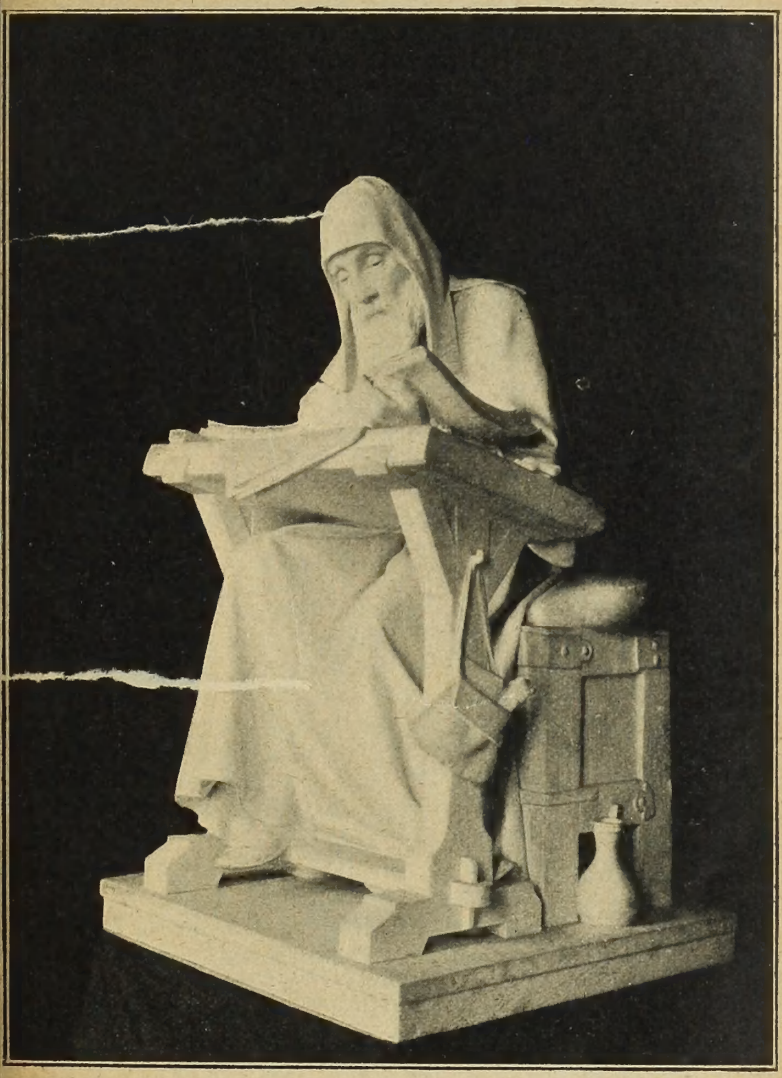
ПРОШЛОЕ РОССІИ
отъ РЮРИКА
до РОМАНОВЫХЪ.

Цѣна 30 коп.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва. — 1913.

Книгоиздательство
„Сельскаго Вѣстника".
С.-Пб., Мойка 32.

Т-во И. Д. Сытина
Москва
у Ильинскихъ воротъ



Лѣтописецъ Несторъ.
Скульптура *Антокольскаго.*

Богатыри. Съ карт. *В. Васнецова.*

947
М636Р

I.

Первобытная исторія русской земли.

(Около 500 л. до Р. Х. — 850 л. по Р. Х.)

На обширныхъ равнинахъ восточной Европы, занимаемыхъ нынѣ Европейской Россіей, съ незапамятныхъ временъ жили разные полудикіе народы, имена которыхъ до насъ не дошли. Они занимались охотой, рыбной ловлей, употребляли орудія, сдѣланныя изъ камня, такъ какъ примѣненія металловъ еще не знали. Это — люди, такъ называемаго, каменнаго вѣка.

Подъ невысокими курганами южной Россіи разрыты погребалища съ остатками предметовъ домашняго обихода, указывающими, что эти народы уже употребляли грубыя ткани и веревки; они носили ожерелья изъ зубовъ животныхъ, имѣли глиняную посуду, которую клали въ могилу покойника, думая, что она ему пригодится въ загробной жизни. У этихъ древнѣйшихъ людей уже была вѣра, были представленія о загробной жизни; вѣроятно, они, какъ и современные дикари, поклонялись своимъ предкамъ.

Сѣверная часть русской равнины, покрытая непроходимыми лѣсами, была населена болѣе дикими обитате-

лями, тѣмъ южная — степная, открытая равнина. По этой степной полосѣ надвигались волны народовъ изъ Азіи, черезъ, такъ называемыя, «ворота народовъ», къ сѣверу отъ Каспійскаго моря. Обстановка въ жизни обитателей южной Россіи была богаче: здѣсь появилось желѣзо, въ то время, какъ на сѣверѣ еще употреблялись каменныя орудія.

Писанная исторія объ обитателяхъ восточной Европы имѣется за 500 л. до Р. Хр. Греческій историкъ Геродотъ описалъ жизнь и бытъ *скиѳовъ*, обитавшихъ въ южной части современной Европейской Россіи и хорошо извѣстныхъ грекамъ, которые жили въ городахъ по берегамъ Чернаго моря и вели торговлю со скиѳами. Въ долинахъ Днѣпра и Днѣстра обитали скиѳы-земледѣльцы, а къ востоку отъ Днѣпра находились кочевники и скотоводы. Кочевники господствовали надъ земледѣльцами. Скиѳы вели большую торговлю; ихъ страна была даже житницей могущественной въ то время Персіи. Раскопки огромныхъ скиѳскихъ кургановъ иногда открываютъ много золотыхъ вещей и высоко художественныхъ издѣлій, которыя не встрѣчаются въ другихъ мѣстахъ погребеній ни въ Россіи, ни въ западной Европѣ.

Совѣщаніе скиѳовъ (съ Куль-обской вазы).

Эти раскопки съ изображеніями на найденныхъ предметахъ даютъ понятіе о жизни скиѳовъ, о томъ, что они пришли изъ Азіи и потомъ восприняли обычаи своихъ сосѣдей — грековъ.

Ко времени Рождества Христова, въ южной Руси, вмѣсто скиѳовъ живутъ *сарматы, аланы, роксоланы*. Объ этихъ народахъ мы меньше знаемъ, чѣмъ о скиѳахъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій послѣ Рождества Христова по русской равнинѣ двигались разные народы во всѣхъ направленіяхъ — то съ сѣвера на югъ, то съ востока на западъ, то обратно. Не все еще выяснено, но много есть и вѣрныхъ свѣдѣній объ этихъ временахъ. Извѣстно, напримѣръ, что германское племя — *готы* двинулись съ береговъ Балтійскаго моря къ югу и при Германрихѣ, въ IV вѣкѣ по Р. Хр., заняли даже южно-русскія степи, но были потомъ сметены *гуннами*, пришедшими съ востока и проникшими до равнинъ Галліи (нынѣшней Франціи). Часть готовъ удержалась на южномъ берегу Крыма и на полуостровѣ Фанагорія (Тмутаракань) и, какъ полагаютъ нѣкоторые историки, оказала вліяніе даже на возникновеніе Русскаго государства.

Славяне VI — VIII вѣка по Р. Хр. Гунны, тѣсня готовъ на западъ, очистили русскую равнину и тогда началось движеніе нашихъ предковъ — славянъ изъ Прикарпатья, гдѣ они первоначально поселились и были извѣстны подъ именемъ *венедовъ* и *склавенъ*. Достовѣрные свидѣтели этого движенія, своеобразные славянскіе курганы, могильники и городища, указываютъ, по находимымъ въ нихъ монетамъ, время, къ которому ихъ можно отнести и первоначальное направленіе этого движенія на юго-западъ. Могильники славянъ бѣднѣе скиѳскихъ и готскихъ, въ особенности въ сѣверной полосѣ, гдѣ они часто смѣшиваются съ финскими и литовскими; на югѣ же, въ окрестностяхъ Кіева, въ погребалищахъ находятъ много вещей, частью мѣстнаго производства, частью византійскаго, указывающихъ и на связь съ греческой колоніей Корсунемъ.

Авары (обры)—VI в. Въ VI в. *авары* (обры) перешли Донъ и покорили нѣкоторыхъ славянъ, но они не долго оставались въ предѣлахъ южной восточно-европейской

равнины и двинулись далѣе на западъ. Въ VIII в. власть надъ славянскими племенами, жившими въ этой равнинѣ, перешла къ *казарамъ* или *хазарамъ;* это племя въ VIII в. и въ первой половинѣ IX вѣка должно было вести упорную борьбу съ печенѣгами, которые сильно ослабили хазаръ и тѣмъ облегчили образованіе русскаго государства.

Главнѣйшая причина основанія обширнаго Русскаго государства. Русскій народъ непосѣдливый. Онъ любитъ охоту, новыя мѣста, новыя впечатлѣнія; широкая, безграничная равнина манитъ его своею далью въ невѣдомыя страны, и онъ двигается, въ теченіе всей своей исторіи, все впередъ, пока не достигаетъ естественныхъ рубежей — Чернаго и Каспійскаго морей, Великаго и Сѣвернаго океановъ. Эта черта русскаго народнаго характера наблюдается и теперь въ паломничествѣ внутри Россіи, и въ смѣломъ движеніи переселенцевъ въ Азію и даже въ Америку. Безъ всякаго сомнѣнія, эта особенность русскаго народа, въ связи съ обширными многосторонними его способностями и твердостью духа, естественно, привела его къ созданію обширнаго государства.

Славяно-русскія племена. Русскій народъ дѣлился на слѣдующія племена: *поляне* — по правому среднему Днѣпру, *древляне* — въ лѣсахъ къ югу отъ Припети, *кривичи* — по Западной Двинѣ и верховьямъ Днѣпра. *Ильменскіе славяне*, называвшіеся исключительно *славянами*, близко стояли къ *кривичамъ*. Къ нимъ же причисляютъ и *полочанъ* — по Зап. Двинѣ. *Дреговичи* жили къ сѣверу отъ Припети по направленію къ Зап. Двинѣ. *Радимичи* по Сожѣ и *вятичи* по р. верхней Окѣ составляли особое племя. Кромѣ того, по Зап. Бугу, на Волыни жили *дулѣбы* или *волыняне;* по Днѣстру до Чернаго моря и къ западу до Дуная — *улучи* и *тиверцы*. По лѣвому берегу Днѣпра жило обширное племя *сѣверянъ:* его поселенія доходили до Дона и даже далѣе.

Распредѣленіе племенъ по рѣчнымъ урочищамъ даетъ намъ вполнѣ вѣрно представленіе о томъ, какъ распространялись славяне по русской равнинѣ, двинувшись изъ Прикарпатья: въ дикой, лѣсистой странѣ самыми удобными путями могли быть только рѣки. Прежде

всего славяне попали въ обширную водную систему Днѣпра и такъ какъ въ степяхъ были опасные и многочисленные кочевники, то переселенцы направились многоводными притоками того же Днѣпра къ лѣсному сѣверо-востоку; отсюда, по небольшимъ волокамъ, они разошлись въ долины рѣкъ—Западной Двины, Волги и дальше на сѣверъ, въ Озерную область. Въ верховьяхъ Днѣпра и лѣвыхъ его притоковъ, выше Десны, славяне натолкнулись на *финское населеніе*. Это были древнѣйшіе обитатели данной мѣстности, полудикіе, не образовавшіе государственныхъ формъ. Почти безъ борьбы эти народности подчинились пришлымъ гостямъ, болѣе ихъ развитымъ и крайне для нихъ полезнымъ. Пришельцы начали родниться съ туземцами и внесли свой отпечатокъ въ послѣдующія поколѣнія, въ ихъ языкъ, нравы и обычаи.

Въ настоящее время русская народность дѣлится на три большія вѣтви: *сѣверно-русскую* (великорусскую), *южно-русскую* (малорусскую) и *западно-русскую* (бѣлорусскую). Самая многочисленная и занимающая наибольшее пространство сѣверно-русская народность преобладаетъ надъ остальными. Она создала и Русское государство, и все то, что носитъ на себѣ черты особенностей русскаго народа въ жизни, наукѣ и искусствѣ. *Великорусское племя* вѣроятнѣе всего образовалось отъ смѣшенія съ финскими племенами кривичей, двинувшихся изъ Смоленской области, ильменскихъ славянъ — изъ Новгородской, вятичей — жившихъ на верхней Окѣ, а также сѣверянъ—отступавшихъ на сѣверъ подъ натискомъ кочевниковъ.

Южно-русская народность образовалась на землѣ лѣтописныхъ полянъ, древлянъ, сѣверянъ, волынянъ. На югѣ было постоянное передвиженіе то къ востоку, при ослабленіи натиска кочевниковъ, то обратно — къ западу; и это совершалось нѣсколько разъ, по мѣрѣ появленія новыхъ волнъ кочевниковъ изъ Азіи, которые, конечно, оказали вліяніе на жизнь и обычаи южнорусскаго народа.

Западно-русская или бѣлорусская народность — самая слабая въ настоящее время и по численности, и по образованію — осѣла въ области Западной Двины, въ верховьяхъ Днѣпра и по его притокамъ.

Къ IX-му вѣку, русскіе славяне уже занимали обширныя пространства русской равнины съ городами: Кіевомъ, Переяславомъ, Черниговомъ, Смоленскомъ, Полоцкомъ, Новгородомъ, Ростовомъ. Это были настоящіе города, средоточіе общественной жизни для цѣлаго племени или цѣлой области.

Русскіе славяне были высокаго роста, статны и крѣпко сложены; волосы у нихъ русые, глаза голубые и свѣтлосѣрые. Они были красивы лицомъ, отличались смѣлостью и простотою въ обращеніи. Современники-иноземцы хвалили славянъ за ихъ мягкій характеръ, добродушіе, гостепріимство, уваженіе къ старшимъ и за кроткое и человѣчное обращеніе съ рабами.

Вѣра. Вѣра ихъ была языческая, основанная на обоготвореніи различныхъ силъ природы. Они поклонялись небу, подъ видомъ бога *Сварога* и солнцу — *Даждь-Богу*. Богомъ плодородія и покровителемъ стадъ былъ *Волосъ*, богъ грома и молніи — *Перунъ*, богъ вѣтра — *Стрибогъ*. Всю природу славяне населили мелкими божествами, и до настоящаго времени сохранились названія древнихъ божествъ — *водяные*, *лѣшіе*, *русалки* и т. п. Изображенія боговъ — *идолы* ставились на видныхъ мѣстахъ, гдѣ приносились жертвы. Были установлены ежегодныя празднества: *Коляда*, *Масленица*, *Купала* и *Радуница*. Первыя три посвящались чествованію солнечнаго тепла и свѣта, а послѣднее — поминовенію усопшихъ, такъ какъ наши предки и въ язычествѣ признавали загробную жизнь, которая представлялась имъ продолженіемъ земной жизни. Поэтому при похоронахъ, вмѣстѣ съ усопшимъ, иногда погребали женъ и любимыхъ слугъ покойнаго, клали въ могилу запасъ пищи, предметы домашней утвари и оружіе.

Предки наши почитали умершихъ и вѣрили, что духи ихъ принимаютъ живое участіе въ дѣлахъ потомковъ.

Общественное устройство. Жили славяне въ давнія времена *родовымъ бытомъ*. Начальная лѣтопись говоритъ: «живяху кождо со своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, володѣюще кождо родомъ своимъ».

Но ко времени образованія Русскаго государства родовой бытъ уже перешелъ въ общинный. Нѣ-

сколько семей или родовъ, сообща владѣвшихъ извѣстнымъ участкомъ земли, составляли *общину*, во главѣ которой стоялъ *выборный старшина;* онъ былъ и судьею.

Крупныя дѣла всей общины рѣшались въ общемъ собраніи всѣхъ самостоятельныхъ ея членовъ, которое называлось *вѣче.* Всѣ члены общины должны были стоять и отвѣчать другъ за друга — отсюда и произошла—*круговая порука* и *кровавая месть.* Тутъ вырабатывались основы государственности: *хорошо то, что выгодно всему роду; дурно то, что ему вредно.*

Бытъ и занятія. Семейный союзъ у славянъ былъ крѣпкій. Женщина пользовалась большимъ уваженіемъ въ семьѣ и общинѣ, могла владѣть отдѣльнымъ имуществомъ и, оставшись вдовою, принимала на себя заботы объ имуществѣ дѣтей.

Древніе славяне занимались земледѣліемъ, охотою и бортневымъ пчеловодствомъ. Хлѣбъ, мѣха, кожи, медъ и воскъ были предметами торговли съ сосѣдями. Они же покупали или вымѣнивали на свои произведенія отъ чеховъ и угровъ серебро и коней, отъ грековъ — дорогія матеріи (паволоки), золотыя украшенія, вина и плоды; отъ народовъ съ Балтійскаго побережья — желѣзныя издѣлія, янтарь, сукна, полотна, а съ азіатскаго востока — серебро, жемчугъ, драгоцѣнные камни, стеклянныя бусы, оружіе и доспѣхи.

Торговые пути. Торговыми путями для славянъ служили рѣки и озера. Съ сѣвера, съ береговъ Балтійскаго (Варяжскаго) моря, они двигались по Западной Двинѣ и ея притокамъ, затѣмъ по волоку въ одинъ изъ притоковъ Днѣпра и далѣе по Днѣпру до Чернаго моря. Другой путь, описанный въ лѣтописи — «*путь изъ Варягъ въ Греки*» шелъ изъ Финскаго залива по Невѣ, Ладожскому озеру (Нево), р. Волхову, озеру Ильменю, въ р. Ловать, оттуда по волоку въ одинъ изъ лѣвыхъ притоковъ Днѣпра и далѣе по Днѣпру. По лѣвымъ притокамъ Днѣпра поднимались къ притокамъ Дона и Волги, слѣдовательно, къ морямъ Азовскому и Каспійскому (Хвалынскому). По Каспійскому морю и Волгѣ плавали съ торговыми цѣлями арабы и хазарскіе евреи съ VIII вѣка. Такимъ образомъ Новгородъ на Волховѣ,

а также Смоленскъ и Кіевъ на Днѣпрѣ должны были сдѣлаться важными торговыми городами.

Сосѣди славянъ. Живя на торговыхъ путяхъ, славяне естественно, сталкивались съ сосѣдями, которые, вмѣстѣ съ торговлею, при случаѣ производили нападенія и грабили. Славянамъ приходилось постоянно быть настороже и вести упорную борьбу.

Варяги. Сѣверные, «новгородскіе славяне» вели борьбу со скандинавами, норманнами, которые съ начала IX в. наводили ужасъ на всю западную Европу; подъ именемъ *варяговъ*, они проникли въ страну Ильменскихъ славянъ и наводнили Новгородъ, откуда по великому водному пути дошли до Кіева, а потомъ и—въ Византію; одни изъ нихъ торговали, другіе грабили или же нанимались на службу къ византійскимъ императорамъ, у которыхъ они часто составляли отряды тѣлохранителей.

Норманская ладья.

Русь. На побережьѣ Чернаго моря, носившаго въ то время названіе «Русскаго» моря, жили родичи скандинавовъ — *готы*. Сильное царство ихъ еще въ IV вѣкѣ до Р. Хр. простиралось отъ Балтійскаго до Чернаго моря, но потомъ готы были оттѣснены далѣе на западъ, нахлынувшими съ востока, новыми народами; небольшіе же остатки готовъ удержались на побережьѣ Чернаго моря, въ Крыму и на полуостровѣ Фанагорія. Въ IX вѣкѣ, до основанія русскаго государства, какой-то народъ «Росъ» опустошаетъ сѣверные берега Чернаго моря, завоевываетъ все побережье Крымскаго полуострова—отъ Корсуня до Керчи, беретъ Суражъ (Судакъ) послѣ десятидневнаго боя, нападаетъ на Царьградъ. Были ли это смѣлыя дружины варяжскія, пришедшія съ сѣвера, или же мѣстныя дружины — неизвѣстно; можетъ-быть, эта Русь и не представляла отдѣльный народъ или племя, а лишь военный союзъ удальцовъ, какъ это

часто бывало въ то время. Во всякомъ случаѣ, съ этимъ именемъ связано начало русской исторіи и русскаго народа. Очень вѣроятно, что «русскій» языкъ былъ скандинавскаго происхожденія и не походилъ на нашъ «славянскій» языкъ; имена первыхъ нашихъ князей: Рюрикъ, Олегъ, Игорь, Аскольдъ и т. д. были скандинавскія. Ясно, что наши предки въ первыя времена государственной жизни имѣли близкое общеніе со скандинавами, то воевали, то дружили съ ними, вмѣстѣ ходили въ походы и, несмотря на это, сохранили полную самобытность и свой славянскій языкъ въ чистотѣ и неприкосновенности. Русскій народъ, принявши скандинавскую кличку, остался по духу славянскимъ; не славяне обваряжились, а варяги, жившіе съ ними, ославянились [1]).

Очевидно, наши предки удержали названіе «Русь» какъ имя, покрытое славою варяжскихъ подвиговъ и побѣдъ, къ которымъ и они были причастны, совершая походы и набѣги въ общихъ отрядахъ съ варягами.

Хазары. Хазары—полукочевой народъ тюркскаго племени; кочевали они лѣтомъ, а зимой жили въ городахъ. Въ низовьяхъ Волги у нихъ былъ большой городъ Итиль, но царство ихъ захватывало р. Донъ и даже далѣе на западъ отъ Дона. Итиль производилъ впечатлѣніе постоянной ярмарки или базара, гдѣ собирались народы со всѣхъ концовъ свѣта — христіане, магометане, язычники и евреи. Главными воротилами торговли являлись арабы и евреи; вліяніе евреевъ было такъ велико, что хазарскій «каганъ» (правитель, князь) съ его дворомъ и высшее сословіе страны исповѣдывали іудейскую религію. Хазары имѣли въ нѣкоторомъ подчиненіи ближайшія разрозненныя еще славяно-русскія племена, которыя платили имъ дань. Эта зависимость славянамъ была выгодна, такъ какъ хазары защищали ихъ жизнь и торговлю отъ нападеній.

Печенѣги. Въ IX вѣкѣ хазарское царство начало ослабѣвать, подъ напоромъ съ востока новыхъ тюркскихъ кочевыхъ народовъ — сначала *печенѣговъ*, а потомъ *узоторковъ*. Печенѣги прорвались въ южно-русскія степи

---

[1]) Въ нашъ языкъ перешло нѣсколько словъ отъ варяговъ: гридь (наемники), кнутъ, ларь, стягъ, стулъ, тіунъ, ябедникъ (слѣдователь), якорь.

и отрѣзали путь черноморской, а отчасти и каспійской торговлѣ. Постоянными нападеніями на приднѣпровскихъ славянъ они разрушали ихъ благосостояніе и уводили населеніе въ плѣнъ. Оплотомъ приднѣпровской Руси сдѣлался важный торговый городъ *Кіевъ;* ему предстояло большое государственное значеніе въ зарождавшемся на югѣ русскомъ государствѣ.

Захватъ Кіева варягами-русь. Какъ попали варяги-русь въ Кіевъ, достовѣрно неизвѣстно. Безъ сомнѣнія, этотъ богатый городъ, лежавшій на пути «изъ варягъ въ греки», привлекалъ всѣхъ. Можетъ-быть, Кіевъ былъ захваченъ силою, а возможно, что варяги-русь, какъ наемная дружина, приглашенные для охраны мѣстнаго торговаго населенія, захватили въ свои руки правительственную власть. Русь начала подчинять себѣ и сосѣднія племена. Это достигалось не всегда завоеваніемъ, а часто происходило добровольно, по оцѣнкѣ взаимныхъ выгодъ и той связи, которая установилась у нихъ съ Кіевомъ. Племенная независимость иногда вызывала сопротивленіе, и Руси приходилось, по словамъ лѣтописи, иногда «примучивать» къ подчиненію тѣхъ или другихъ сосѣдей. Такъ около Кіева зарождалось южное ядро будущаго великаго русскаго государства.

Литовцы. На сѣверо-западѣ сосѣдями славянъ были *литовцы*, народъ арійскаго племени, какъ и славяне. Дикія, воинственныя племена литовцевъ (собственно литовцы, жмудь, пруссы и ятвяги) первоначально занимали Балтійское побережье отъ низовьевъ Вислы до Рижскаго залива и большіе лѣса внутри страны по Нѣману и его притокамъ. Занимались они хлѣбопашествомъ и коневодствомъ. Литовцы не давали покоя сосѣдямъ своими частыми нападеніями, и славянамъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій пришлось вести съ ними ожесточенную борьбу.

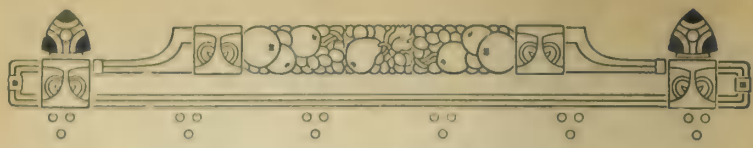
Финны. Самыми близкими сосѣдями русскихъ славянъ были *финскія племена*. До прихода славянъ изъ Прикарпатья, вся сѣверо-восточная часть современной Россіи была населена полудикими финскими племенами. Ни одного финскаго государства славяне не застали и, конечно, безъ труда покорили финновъ. Въ предѣлахъ нынѣшней Лифляндской губерніи жили *ливы*, Эстляндской — *эсты*, *чудь* и *водь* — по Финскому заливу, *весь*—

на Бѣло-озерѣ, *меря* — въ нынѣшней Ярославской и частью въ Костромской губерніяхъ, *мурома* — въ низовьяхъ Оки, *мещера*—въ верховьяхъ Оки; по среднему теченію Волги и по Камѣ *черемисы* и *мордва*, въ предѣлахъ Урала—*пермь*. Бороться со славянами, одаренными лучшими способностями, болѣе сильными и воинственными, финны не могли, а потому или уходили отъ нихъ далѣе на сѣверъ, или же подчинялись имъ.

Болгары. На востокѣ, по р. Камѣ и Волгѣ обиталъ сильный народъ тюркскаго племени — *болгары*. Они жили осѣдло, занимались земледѣліемъ и вели большую торговлю съ сосѣдними народами. У нихъ сложилось уже государство съ верховнымъ правителемъ. За 400 лѣтъ до основанія Русскаго государства часть волжскихъ болгаръ перекочевала на юго-западъ, къ низовьямъ Дуная, гдѣ они смѣшались съ мѣстнымъ славянскимъ населеніемъ и основали сильное *Болгарское царство*.

Изъ этого описанія сосѣдей, окружавшихъ славянскія племена, на восточно-европейской равнинѣ, видно, какъ тяжело было нашимъ предкамъ въ древнѣйшее время устроиться и сковать прочное государство: кругомъ находились финны; постоянно тревожили русскихъ славянъ то купцы, то разбойники-варяги; на западѣ ихъ тѣснили волохи, угры; на сѣверѣ—литовцы и опять варяги; на востокѣ — болгары, хазары; на югѣ происходилъ непрерывный наплывъ кочевниковъ изъ Азіи — печенѣги, торки и др. Много приходилось положить труда, пролить крови; много нужно было имѣть способностей духовныхъ и тѣлесныхъ, чтобы выйти побѣдителями при такихъ трудныхъ условіяхъ, не подчиниться другимъ народамъ, а покорить ихъ себѣ. И все это русскій народъ сдѣлалъ, подчинилъ себѣ много народовъ, покорилъ ихъ не одной грубой силой, но своими духовными способностями; даже варяговъ онъ ославянилъ. Не сидѣли наши предки на мѣстѣ, сложа руки, а постоянно двигались впередъ во всѣ стороны, искали свѣта и добрыхъ людей, завязывали торговыя сношенія и боролись съ тѣми, кто становился поперекъ имъ на пути.

Постараемся описать важнѣйшія событія тысячелѣтней жизни русскаго народа.



II.

Начало русскаго государства.

(862 — 1050 гг.)

Русскіе славяне наиболѣе густо селились по великому торговому пути «изъ варягъ въ греки». Здѣсь же они образовали и большіе торговые города — *Новгородъ* на Волховѣ и *Кіевъ* на Днѣпрѣ и между ними много другихъ городовъ и поселковъ. Городовъ было такъ много, что современныя скандинавскія лѣтописи называли эту страну восточнаго славянства «Гардерикъ», т.-е. страною городовъ.

Призваніе варяжскихъ князей. Съ рис. проф. *Ѳ. Бруни.*

Гибель русскаго флота подъ Царьградомъ. Съ рис. *Ѳ. Бруни.*

Варяги-русь. Въ IX вѣкѣ отважные скандинавскіе мореплаватели варяги-русь, именемъ которыхъ славяне называли Балтійское море (Варяжское), подчинили себѣ славянъ ильменскихъ и кривичей, а также финскія племена: чудь, весь и мерю. Но, по словамъ лѣтописца, около 859 года данники варяговъ соединились, возстали противъ нихъ и прогнали за море. Однако, освободившіяся отъ варяжской власти племена не могли ужиться въ мирѣ между собою. Снова пошли между ними усобицы и несогласія. Тогда словене, кривичи и сосѣдніе съ ними финны послали довѣренныхъ людей за море сказать другимъ варягамъ:

— Земля наша велика и обильна, а наряда (т.-е. порядка) въ ней нѣтъ; пойдите къ намъ княжить и владѣть нами.

Первые князья. На этотъ призывъ отправились съ своими дружинами въ русскую землю три брата—князья: *Рюрикъ*, *Синеусъ* и *Труворъ*. Это было въ 862 году. Рюрикъ сталъ княжить въ Ладогѣ, Синеусъ на Бѣлоозерѣ,

а Труворъ въ Изборскѣ [1]). Рюрикъ считается родоначальникомъ русскаго княжескаго рода и первымъ государемъ Русской страны. Синеусъ и Труворъ вскорѣ умерли. Рюрикъ сдѣлался единодержавнымъ княземъ всей области призвавшихъ его славянъ и ставилъ своихъ *мужей* (старшихъ дружинниковъ) управителями городовъ. Два его дружинника *Аскольдъ* и *Диръ* пошли къ

Смерть Аскольда и Дира. Съ рис. *Ѳ. Бруни.*

Кіеву и овладѣли имъ. Самъ Рюрикъ правилъ Новгородомъ до смерти, оставивши послѣ себя сына, малолѣтняго *Игоря* на попеченіи одного изъ своихъ родственниковъ *Олега*.

Олегъ (879 — 912). Олегу не сидѣлось въ Новгородѣ. Его манилъ къ себѣ Кіевъ — этотъ украйный городъ

---

[1]) Историкъ говоритъ: «Собрались три брата съ родичами своими, взяли съ собою всю Русь, и приняли», Рюрикъ поселился у славянъ Ильменскихъ, Синеусъ—между Чудью и Весью на Бѣлоозерѣ, Труворъ—у Кривичей въ Изборскѣ.

(Соловьевъ. Ист. Россіи съ древн. вр. т. I, стр. 101.)

восточнаго славянства, на рубежѣ хазарскаго царства, утопавшій въ южной зелени садовъ, расположенный на красивыхъ берегахъ глубокаго и широкаго Днѣпра, производившій обширную торговлю съ Византіей.

Олегъ собралъ свою дружину и, присоединивъ къ ней славянское и финское ополченіе, пошелъ на югъ покорять новыя земли. Въ Кіевѣ онъ вѣроломно заманилъ къ себѣ Аскольда и Дира, убилъ ихъ и провозгласилъ этотъ чудный городъ своею столицею. Отсюда онъ сталъ покорять сосѣднія племена — древлянъ, сѣверянъ, волынянъ и угличей, которыхъ заставилъ пла-

Походъ Олега въ Царьградъ по рѣкѣ Днѣпру. Съ рис. *Ѳ. Бруни.*

тить дань такъ же, какъ новгородцевъ и кривичей. Не всегда завоеванія эти были насильственными,—нерѣдко основывались они на взаимныхъ выгодахъ, на договорѣ: князь получалъ подать, а за это обязывался защищать страну отъ враговъ. Вотъ разсказъ лѣтописца о подобномъ событіи: «Посла Олегъ къ радимичемъ, рѣча: «Кому дань даете?» Они же рѣша: «казарамъ». И рече имъ Олегъ: «Не даите казарамъ, но мнѣ даите». Для защиты населенія Олегъ построилъ много городовъ и острожковъ (крѣпостей), особенно на югѣ, на границѣ со степью, гдѣ проходили тогда угры.

Олегъ прибиваетъ щитъ свой къ вратамъ Царьграда.
Съ рис. *Ѳ. Бруни.*

Олегъ владѣлъ всею страной отъ Балтійскаго моря до Днѣпровскихъ пороговъ. Столицу тогдашней Руси — Кіевъ онъ назвалъ «матерью городовъ русскихъ». Олегъ былъ первымъ «нарядникомъ»—устроителемъ русской земли. Собравши огромное войско, онъ двинулся къ Царьграду, побѣдилъ грековъ и заключилъ съ ними выгодный договоръ (въ 907 году, подтвержденный въ 911 году).

Мудрый Олегъ, прозванный «вѣщимъ», до конца своей жизни (912) твердо управлялъ Русью. Народное преданіе разсказываетъ, что онъ умеръ отъ укуса змѣи, выползшей изъ черепа его коня (стихотвореніе Пушкина «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ»).

Игорь (912 — 945). Преемникъ его, Игорь, былъ князь не твердый и менѣе счастливый: въ его правленіе появились на югѣ *печенѣги*, которые побѣдили хазаръ,

создали большое государство отъ Дона до Дуная и начали тревожить своими нападеніями кіевлянъ; почти полтора столѣтія печенѣги не давали имъ покоя. По смерти Олега, намѣстникомъ Игоря и командующимъ его войсками былъ назначенъ воевода *Свенельдъ*.

Въ началѣ княженія Игорю пришлось воевать съ древлянами, которыхъ онъ принудилъ платить дань, а потомъ съ уличами, жившими по Днѣпру ниже полянъ. Городъ ихъ Пересѣчень сопротивлялся три года (938—940). На побѣжденныхъ князь наложилъ дань, которую отдалъ Свенельду, а потомъ и дань съ древлянъ уступилъ тому же Свенельду. Игорь расширилъ границы Руси, взялъ жену изъ Пскова прекрасную и молодую *Ольгу*, отъ которой родился сынъ *Святославъ*.

Въ 941 г. Игорь, по примѣру Олега, ходилъ моремъ на Царьградъ. Походъ былъ неудаченъ: греки разсѣяли и уничтожили много судовъ Игоря страшнымъ дѣйствіемъ *греческаго огня* (особый разрывной снарядъ, который при паденіи на судно зажигалъ

Кончина Олега. Рис. *Ѳ. Бруни*.

его, этотъ «греческій огонь» даже въ водѣ горѣлъ). Договоръ, заключенный Игоремъ съ греками, былъ менѣе выгоденъ, чѣмъ договоръ Олега. Изъ договора Игорева мы узнаемъ, что послы греческаго императора, прибывшіе въ Кіевъ, потребовали утвержденія договора клятвами. Игорь согласился. На слѣдующее утро онъ призвалъ пословъ и повелъ ихъ на холмъ, гдѣ стоялъ Перунъ. Здѣсь русскіе сложили оружіе свое, щиты, золото. Послѣ этого стали присягать Игорь и всѣ люди

Дѣйствіе греческаго огня при осадѣ русскими Константинополя съ моря.
Съ рис. *Ѳ. Бруни.*

его, «сколько было некрещеной Руси»; христіанъ же приводили къ присягѣ въ церкви св. Иліи: это была приходская церковь, потому что многіе русскіе уже были въ то время христіанами. Игорь отпустилъ пословъ, одаривъ ихъ мѣхами, рабами и войскомъ.

Игорь былъ корыстолюбивъ, за что и поплатился жизнью. Отроки его жаловались:

— Дружина Свенельда богата оружіемъ и платьемъ, а мы наги: пойди, князь, съ нами въ дань — и ты добудешь, и мы.

Послушался ихъ Игорь и пошелъ къ древлянамъ собирать дань. Но онъ взялъ ее больше прежняго и вмѣстѣ со своею дружиною чинилъ насилія надъ древлянами всякія. Собравши дань, князь пошелъ въ свой городъ; на дорогѣ раздумалъ и сказалъ дружинѣ:

— Идите съ данью домой, а я возвращусь, похожу еще.

Съ небольшимъ числомъ отроковъ Игорь вернулся. Тогда древляне, по совѣту своего князя Мала, вышли изъ своего города Коростеня, убили Игоря и всѣхъ бывшихъ съ нимъ. Такъ, по преданію, погибъ Игорь [1]).

Игорь Рюриковичъ 912 — 945 г. (Истор. альбомъ тысячелѣтія Земли Русской).

Сынъ Игоря, *Святославъ*, былъ еще ребенкомъ, когда погибъ его отецъ. Правленіе перешло къ его матери, Ольгѣ.

Св. Ольга (945 — 957). Ольга была псковитянка, одаренная большимъ умомъ, мудростью и твердой волей. По обычаю того времени, она должна была отомстить древлянамъ за смерть своего мужа и поддержать власть государя — князя. Древляне прислали въ Кіевъ лучшихъ людей просить Ольгу вступить въ бракъ съ ихъ княземъ Маломъ, но она однихъ закопала живьемъ въ землю, другихъ сожгла. Затѣмъ она овладѣла Коростенемъ и обложила жителей тяжелою данью; много древлянъ было принесено въ жертву при тризнѣ на могилѣ Игоря.

Твердою рукою Ольга взялась за управленіе страною. Она назначила *уставы* и *уроки* (размѣръ государственныхъ повинностей) и устраивала во многихъ мѣстахъ *погосты* (гдѣ гостилъ князь, пріѣзжая чинить

---

[1]) Византіецъ Левъ Діаконъ говоритъ, что древляне, привязавъ Игоря къ двумъ деревьямъ, разорвали его.

судъ и расправу); уѣзжая, она оставляла здѣсь княжаго приказчика — *тіуна*. Эти погосты сдѣлались сосредоточіемъ управленія; около нихъ начали впослѣдствіи устраивать рынки и ярмарки, воздвигать церкви и основывать поселенія. Ольга объѣздила всю Русскую землю, вездѣ завела порядокъ и оставила по себѣ благодарную память въ русскомъ народѣ. Это была настоящая государыня всей Руси, а не глава отдѣльнаго племени или варяжской дружины. Сынъ ея носилъ уже славянское имя. Правда, важнѣйшіе ея сотрудники по управленію были все еще варяги.

Правительница княгиня Ольга съ сыномъ Святославомъ. Съ рис. *В. Верещагина.*

Мы видѣли, что христіанство въ Кіевѣ достигло уже извѣстнаго распространенія при Игорѣ: тамъ даже былъ приходскій храмъ св. Иліи. Мудрая Ольга понимала величіе христіанства и рѣшила креститься, но не иначе, какъ у самого греческаго патріарха. Въ 957 году отправилась Ольга въ Константинополь и крестилась тамъ, въ царствованіе императора Константина Багрянороднаго, при патріархѣ Поліевктѣ. Лѣтописецъ передаетъ, что императоръ, пораженный мудростью и красотой русской княгини, предложилъ ей вступить съ нимъ въ бракъ. Ольга не отказала, но потребовала, чтобы онъ былъ ея воспріемникомъ; императоръ согласился. Послѣ таинства Константинъ повторилъ свое предложеніе. Ольга въ отвѣтъ на это напомнила ему, что по христіанскому обычаю воспріемникъ не можетъ жениться на своей крестницѣ.

— Ольга! ты меня перехитрила! — воскликнулъ изумленный императоръ и отпустилъ ее съ богатыми дарами.

Возвратившись въ Кіевъ, Ольга начала уговаривать сына Святослава принять христіанство, но онъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ, такъ какъ боялся вооружить противъ себя дружину, которая состояла, большей частью, изъ язычниковъ. Онъ, по словамъ лѣтописца, продолжалъ жить по обычаю языческому, «творилъ норовы поганскіе».

Святославъ (957 — 972). Сынъ св. Ольги, Святославъ, былъ настоящій варяжскій витязь и не походилъ на нарядниковъ Руси — Олега и Ольгу. Этотъ средняго роста и широкоплечій человѣкъ даже по виду производилъ грозное впечатлѣніе. Суровые голубые глаза его сердито смотрѣли изъ-подъ нависшихъ бровей. Носъ у него былъ приплюснутый, усы длинные, бритая борода, на бритой головѣ красовался чубъ волосъ — знакъ благороднаго происхожденія; въ правомъ ухѣ онъ носилъ золотую серьгу съ двумя жемчужинами, съ вставленнымъ посреди нихъ рубиномъ. Когда онъ выросъ и возмужалъ, то началъ набирать воиновъ многихъ и храбрыхъ, ходя легко, какъ барсъ.

Любимымъ его занятіемъ была война. Воевалъ онъ много. Идя въ походъ, не возилъ онъ за собой ни возовъ, ни котловъ, потому что мяса не варилъ, но, изрѣзавъ тонкими ломтями конину, или звѣрину, или говядину, пекъ на угольяхъ. Шатра у него не было, а спалъ онъ на конскомъ потникѣ, положивши сѣдло подъ голову. Каковъ былъ Святославъ, такова же была и дружина его. Безстрашный русскій князь не любилъ воровать побѣду и никогда не нападалъ врасплохъ на непріятеля. Напротивъ, онъ всегда предупреждалъ врага, говоря: «Иду на васъ!»

Восточные славяне уже всѣ были подчинены Кіеву. Святославъ началъ расширять государство еще далѣе. Онъ покорилъ своей власти послѣднее славяно-русское племя — вятичей, разорилъ Великіе Болгары, взялъ хазарскіе Саракелъ и Итиль; потомъ двинулся противъ кочевавшихъ въ южныхъ степяхъ *яссовъ* и *косоговъ* и обезпечилъ этимъ существованіе здѣсь, у устьевъ Кубани, русской *Тмутаракани*. Греки просили у Святослава помощи противъ болгаръ, жившихъ на Дунаѣ. Взявши съ грековъ большую сумму, Святославъ съ 60.000 войскъ пошелъ противъ болгаръ (967 г.). Онъ

разбилъ 30.000-ю болгарскую рать, вышедшую противъ него, покорилъ Болгарію и овладѣлъ ея столицею Переяславцемъ (Преславою), на нижнемъ Дунаѣ, гдѣ и остался жить. Въ его отсутствіе, напали на Кіевъ печенѣги. Ольга, затворившись въ городѣ съ внуками, послала звать сына домой. Святославъ вернулся, разбилъ печенѣговъ и далеко угналъ ихъ въ степь.

Когда Ольга скончалась, Святославъ раздѣлилъ Русскую землю между сыновьями и снова ушелъ въ свой любимый Переяславецъ. Но греческій императоръ Іоаннъ Цимисхій рѣшилъ избавиться отъ такого опаснаго сосѣда, заключилъ союзъ съ болгарами и началъ войну противъ Святослава, пославши сухопутное войско и сильную флотилію на Дунай. Разбивши русскій отрядъ Свенкела подъ Переяславцемъ, Іоаннъ Цимисхій двинулся къ Доростолу (нынѣ Силистрія), гдѣ находился Святославъ, и осадилъ его. Русскіе удивили враговъ своимъ отчаяннымъ сопротивленіемъ, но поражаемые греческимъ огнемъ съ судовъ на Дунаѣ и подавленные превосходящимъ въ числѣ непріятелемъ, они поняли, что дальнѣйшее сопротивленіе безполезно. Святославъ рѣшилъ заключить миръ съ Іоанномъ Цимисхіемъ и вернуться въ Россію. При этомъ состоялось свиданіе императора съ русскимъ княземъ. Іоаннъ Цимисхій въ позолоченномъ вооруженіи выѣхалъ на берегъ Дуная, сопровождаемый всадниками, поражавшими всѣхъ блескомъ своего одѣянія и доспѣховъ. Святославъ же въ русской бѣлой рубахѣ переплылъ черезъ рѣку въ ладьѣ, сидя за весломъ; онъ гребъ наравнѣ съ прочими. Русскій князь поговорилъ съ императоромъ, сидя на лавкѣ въ ладьѣ, а затѣмъ переправился обратно. Заключивъ миръ съ греками, Святославъ очистилъ До-

Руссы до X вѣка. Рис. худ. *П. Икова.*

ростолъ и поплылъ на родину. Но у Днѣпровскихъ пороговъ его стерегли печенѣги, которые въ громадномъ, сравнительно съ княжескою дружиною, количествѣ напали на русскихъ и убили Святослава (972 г.); изъ черепа его они сдѣлали чашу, изъ которой пили вино на своихъ пирахъ.

Святославъ (964—972 г.) и Іоаннъ Цимисхій. Съ рис. *В. Верещагина.*

Раздоры сыновей Святослава. Передъ уходомъ въ Болгарію, Святославъ раздѣлилъ Русскую землю между своими сыновьями: старшему, *Ярополку*, далъ Кіевъ, *Олегу* — древлянскую землю, а младшаго, *Владиміра*, рожденнаго отъ рабыни изъ славянокъ, послалъ въ Новгородъ. Дружинники успѣли поссорить молодыхъ князей. Ярополкъ пошелъ войной на Олега и побѣдилъ его дружину. Олегъ былъ сбитъ съ моста у гор. Овруча въ оврагъ, гдѣ и погибъ. Узнавши

объ этомъ, Владиміръ бѣжалъ къ варягамъ, а Ярополкъ присоединилъ къ себѣ и Новгородъ. Въ то время въ Полоцкѣ сидѣлъ варяжскій князь *Рогвольдъ*. Ярополкъ заключилъ съ нимъ союзъ и хотѣлъ жениться на его дочери *Рогнѣдѣ*. Но Владиміръ привелъ варяжскую дружину изъ-за моря, склонилъ на свою сторону новгородцевъ, кривичей и чудь и послалъ къ Полоцкому князю также просить въ жены его дочь Рогнѣду. Рогнѣда отвѣчала, что она не желаетъ быть женой сына рабыни. Разгнѣванный Владиміръ пошелъ на Полоцкъ, перебилъ всю семью Рогнѣды и насильно женился на ней. Однако, гордая княгиня продолжала ненавидѣть Владиміра и онъ отослалъ ее на родину вмѣстѣ съ сыномъ *Изяславомъ*. Разгромивъ Полоцкъ, Владиміръ пошелъ къ Кіеву противъ Ярополка, который вышелъ къ брату, чтобы примириться съ нимъ, но былъ убитъ. Владиміръ остался единодержавнымъ владѣтелемъ всей Русской земли (980 г.).

Владиміръ Святой (980—1015 г.). Св. Ольга воспитала своихъ внуковъ Ярополка и Олега въ христіанскомъ духѣ, Владиміръ же, сынъ славянки, оставался суровымъ язычникомъ. Въ Новгородѣ, гдѣ княжилъ вначалѣ Владиміръ, язычество держалось сильнѣе, чѣмъ въ Кіевѣ. Кромѣ того, въ борьбѣ съ Ярополкомъ Владиміру помогали язычники. Поэтому, занявши Кіевъ, Владиміръ сталъ поощрять язычество: поставилъ на горѣ большого деревяннаго идола Перуна, съ серебряной головой и золотыми усами. Народъ во множествѣ приходилъ на поклоненіе идолу и приносилъ жертвы, даже человѣческія. Однажды кіевляне бросили жребій, кого принести въ жертву Перуну. Жребій палъ на сына варяга, Ѳедора, христіанина, крестившагося въ Царьградѣ. Ѳедоръ заперся въ домѣ вмѣстѣ съ сыномъ, молодымъ красивымъ юношей Іоанномъ и, взойдя на высокія сѣни дома, началъ увѣщевать толпу, объясняя ничтожество ихъ языческихъ идоловъ и величіе единаго Бога, Которому служатъ и поклоняются греки. Разъяренная толпа бросилась рубить столбы, на которыхъ держались сѣни. Сѣни рухнули и задавили своими обломками *Ѳеодора и сына его Іоанна*. Это были первые христіанскіе мученики на Руси, память которыхъ празднуется церковью 12 іюля.

Исканіе вѣры и принятіе христіанства Владиміромъ. Крещеніе Руси въ 988 году. Мудрый князь Владиміръ не могъ не сознавать превосходства христіанства надъ язычествомъ. Кромѣ того, онъ слыхалъ, что болгары дунайскіе, угры и поляки уже приняли христіанство. Великіе просвѣтители славянъ *св. Кириллъ и Меѳодій*, вмѣстѣ съ проповѣдью вѣры Христовой, дали славянамъ азбуку и священныя книги на славянскомъ языкѣ. Все это, а также необходимость близкой связи съ Греціей, располагали Владиміра къ принятію вѣры отъ грековъ. Но онъ былъ остороженъ въ рѣшеніи столь важнаго вопроса для своего народа. Онъ принималъ проповѣдниковъ всевозможныхъ вѣроученій — и болгаръ съ Волги, которые хвалили вѣру Магометову, и евреевъ изъ царства хазарскаго, предлагавшихъ законъ Моисеевъ; приходили къ нему и нѣмцы, уговаривавшіе принять христіанство отъ папы римскаго. Выслушалъ князь проповѣдника грека и сердце его склонилось къ греческому ученію.

И собралъ тогда Владиміръ на совѣщаніе бояръ, дружину, городскихъ старцевъ кіевскихъ и, посовѣтовавшись съ ними, послалъ десять бояръ мудрыхъ къ болгарамъ волжскимъ, а потомъ къ нѣмцамъ и къ грекамъ, чтобы они на мѣстѣ изучили разныя вѣры. Посланные вернулись и сообщили, что ни въ мечетяхъ болгаръ, ни въ храмахъ у нѣмцевъ они не видѣли такого великолѣпія, какъ въ храмѣ св. Софіи въ Царьградѣ.

— *До сихъ поръ еще не можемъ забыть той красоты и благолѣпія и ни на что смотрѣть не хочется... Каждый, кто попробовалъ сладкаго, не захочетъ вкусить горькаго; такъ и мы не хотимъ*,—заявили послы.

Выслушавъ эти слова, Владиміръ обратился къ боярамъ и старцамъ и сказалъ имъ:

— Слышите, что они говорятъ? Какъ думаете? Не принять ли и намъ законъ христіанскій отъ грековъ?

Бояре и старцы, увлеченные слышаннымъ, отвѣчали:

— Если бы дуренъ былъ греческій законъ, то не приняла бы его и твоя бабка, Ольга Премудрая!

— Гдѣ же мы крестимся? — спросилъ князь Владиміръ.

— Тамъ и крестимся, гдѣ тебѣ будетъ угодно! — отвѣчало любимому князю въ одинъ голосъ все собраніе.

Съ этой самой минуты мысль о крещеніи не оставляла Владиміра.

По государственнымъ соображеніямъ для Руси выгоднѣе всего было принять вѣру греческую изъ Царьграда, получить оттуда духовенство и славянскую грамоту. Но просить греческихъ императоровъ Василія и Константина о крещеніи Руси, по тогдашнимъ понятіямъ, было неудобно. Владиміръ рѣшилъ завоевать вѣру и пошелъ съ большимъ войскомъ на греческій городъ Корсунь (въ Крыму, близъ Севастополя). Овладѣвши городомъ послѣ продолжительной осады, князь потребовалъ руки греческой *царевны Анны*. Анна отвѣчала, что не можетъ выйти за язычника. Тогда Владиміръ изъявилъ готовность креститься. Царевна съ духовенствомъ прибыла въ Корсунь, гдѣ и былъ крещенъ русскій князь, подъ именемъ Василія. Владиміръ возвратилъ Корсунь грекамъ, построилъ въ немъ церковь и вернулся въ Кіевъ, принеся съ собою мощи св. Климента, иконы, церковную утварь. Вмѣстѣ съ княземъ пріѣхалъ первый русскій *митрополитъ Михаилъ* и нѣсколько священниковъ.

Крещеніе кіевлянъ и распространеніе христіанства по всей Руси. Вернувшись въ Кіевъ, Владиміръ крестилъ свою семью и приближенныхъ и приказалъ истребить идоловъ, причемъ Перунъ былъ сброшенъ въ Днѣпръ. Народъ рыдалъ, но не заступался за идола, такъ какъ все происходило по приказу любимаго князя. Въ то же время священники ходили среди народа и разъясняли ему христіанское ученіе.

Наступило 15 іюля 988 года. На берегу Днѣпра собрались всѣ кіевляне — и старъ, и младъ, и мужчины, и женщины. Всѣ вошли въ рѣку, матери держали младенцевъ на рукахъ. Священники съ крестами, иконами и священными книгами стояли на берегу и читали молитвы.

Послѣ крещенія кіевлянъ, Владиміръ приказалъ распространять христіанство по всей Русской зе-

млѣ, уничтожать идоловъ и строить церкви на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ стояли идолы. На горѣ, гдѣ находился въ Кіевѣ идолъ Перуна, была воздвигнута передъ дворцомъ князя *церковь во имя св. Василія*. На мѣстѣ убіенія св. мучениковъ Ѳедора и Іоанна князь построилъ каменную *церковь Богородицы, названную Десятинной,* такъ какъ на содержаніе ея онъ назначилъ десятую часть своихъ доходовъ.

Для распространенія христіанства внѣ Кіева, Владиміръ разослалъ своихъ сыновей съ дружинами и духовенствомъ, которое и основало первыя епархіи. Во главѣ русской церкви находился кіевскій митрополитъ, назначавшійся константинопольскимъ патріархомъ изъ грековъ или болгаръ. Для подготовки русскаго духовенства, Владиміръ основалъ въ *Кіевѣ школу*, куда матери отдавали своихъ дѣтей съ великими слезами.

Св. Равноапостольный князь Владиміръ. Съ рис. *кн. Г. Гагарина.*

По преданію, новую вѣру наши предки встрѣтили очень дружелюбно. Лишь въ Новгородѣ да въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ на сѣверѣ, гдѣ языческая религія достигла развитія, гдѣ были защитники старой религіи— волхвы, тамъ, подъ вліяніемъ ихъ, народъ противился насажденію новой религіи. Однако, почти всюду, языческіе нравы долго у насъ держались рядомъ съ христіанствомъ. И до нашихъ дней въ населеніи сохранилось еще кое-что изъ языческихъ обычаевъ.

Сдѣлавшись христіаниномъ, Владиміръ совершенно перемѣнился. Онъ бросилъ охоту, сталъ ревнителемъ

книжной мудрости, сдѣлался кротокъ, раздавалъ большія милости, не примѣнялъ смертной казни и былъ образцовымъ семьяниномъ. Онъ даже измѣнилъ отношеніе къ сосѣдямъ — уже не ходилъ въ походы для завоеванія чужихъ земель, а принималъ только оборонительныя мѣры: на степныхъ рубежахъ, по рѣкамъ Деснѣ, Сулѣ, Трубежу, Роси и Стугнѣ князь строилъ *остроги* (крѣпости), соединяя ихъ на открытыхъ мѣстахъ частоколомъ и валомъ (засѣчныя линіи). Для

Крещеніе кіевлянъ.

обороны этихъ линій онъ населялъ въ *станицахъ* (отрядахъ) храбрыхъ «верхнихъ воевъ», т.-е. сѣверныхъ людей, преимущественно новгородцевъ.

Высокій христіанскій обликъ и мудрая государственная дѣятельность привлекли къ Владиміру народную любовь. Населеніе видѣло, что всѣ мысли князя направлены на пользу всей Руси—отъ Ладоги до Кіева и Волги. Владиміръ первый отчеканилъ и общую русскую монету. Онъ скончался въ 1015 г. Народныя сказанія называютъ Владиміра Краснымъ Солныш-

комъ, а церковь величаетъ его святымъ и равноапостольнымъ [1]).

Усобицы между сыновьями Владиміра. Владиміръ еще при жизни раздѣлилъ области и города между своими сыновьями [2]): Святополку далъ Туровъ, Ярославу — Новгородъ, Изяславу — Полоцкъ, Борису — Ростовъ, Глѣбу — Муромъ, Святославу — Древлянскую землю, Мстиславу — Тмутаракань.

Незадолго до смерти Владиміръ готовился въ походъ противъ Ярослава, княжившаго въ Новгородѣ. Этотъ умный, расчетливый, желѣзной воли, некрасивый и хромой, князь имѣлъ за собою всю «верхнюю землю»: новгородцы, какъ главные представители язычества и варяжства, завидовали Кіеву и не любили Владиміра за то, что онъ увеличилъ дани и бралъ много людей для обороны степныхъ границъ. Ярославъ отказалъ отцу въ дани, и чуть было не началась изъ-за этого война отца съ сыномъ.

По смерти Владиміра, старшій изъ его сыновей, Святополкъ, немедленно явился въ Кіевъ, заискивалъ у кіевлянъ, а самъ тайно выслалъ убійцъ къ двумъ младшимъ братьямъ своимъ — Борису и Глѣбу. Борисъ сынъ царевны Анны [3]), былъ любимцемъ кіевлянъ, онъ возвращался изъ похода на печенѣговъ, распустилъ свою рать и былъ измѣннически убитъ въ своей палаткѣ во время молитвы. Глѣбъ былъ убитъ подъ Смоленскомъ. По приказанію Святополка, былъ убитъ и третій братъ Святославъ Древлянскій. За эти злодѣянія народъ прозвалъ Святополка Окаяннымъ. Князья Борисъ и Глѣбъ причислены къ лику святыхъ.

Узнавъ объ этихъ злодѣяніяхъ, Ярославъ созвалъ въ Новгородѣ вѣче и, утирая слезы, просилъ у народа помощи. Сильная рать изъ новгородцевъ и наемныхъ

---

[1]) Съ именемъ князя Владиміра связаны сказанія о сподвижникахъ его, славныхъ русскихъ богатыряхъ: Добрынѣ Никитичѣ, Ильѣ Муромцѣ, Алешѣ Поповичѣ, Соловьѣ Будиміровичѣ, Дюкѣ Степановичѣ, Иванѣ Гостинномъ сынѣ, Рогдаѣ и др.

[2]) Послѣ него осталось 11 сыновей.

[3]) О Борисѣ лѣтописецъ говорилъ, что онъ былъ «всячески украшенъ, на ратѣхъ храборъ, на совѣтѣхъ мудръ и благодать Божія цвѣтила на немъ».

варяговъ (около 50 тыс. чел.) двинулась на ладьяхъ внизъ по Днѣпру и у Любеча разбила Святополка, который бѣжалъ въ Польшу къ своему тестю Болеславу Храброму. Вскорѣ Святополкъ вернулся изъ Польши съ большимъ войскомъ и разбилъ Ярослава, который также вынужденъ былъ бѣжать изъ Кіева въ Новгородъ, а оттуда собирался даже за море. Но новгородцы разбили его челны, наняли варяговъ и снова пошли на Кіевъ. Святополкъ призвалъ на помощь печенѣговъ. У Альты, гдѣ былъ убитъ князь Борисъ, произошло сраженіе, въ которомъ «верхніе вои» побѣдили полчища Святополка. Самъ Святополкъ, весь израненный, бѣжалъ на западъ и умеръ гдѣ-то на дорогѣ.

Ярославъ сталъ княжить въ Кіевѣ (1019—1054 г.), а новгородцамъ, за помощь въ борьбѣ съ Святополкомъ, далъ особыя льготныя права (Ярославовы грамоты). Теперь у Ярослава остался одинъ опасный соперникъ— Мстиславъ Тмутараканскій, правившій далекою дикою страной. Это былъ богатырь, подобный своему дѣду Святославу, не знавшій пораженій, обожаемый своей удалой дружиной. Онъ окончательно разрушилъ царство хазаръ, потомъ на Кубани воевалъ съ косогами, убилъ на поединкѣ ихъ богатыря князя Редедю и держалъ подъ своею рукою весь востокъ Руси. Мстиславъ потребовалъ у Ярослава раздѣла русской земли. Ярославъ не согласился.

Тогда Мстиславъ занялъ Черниговъ при помощи хазаръ и косоговъ. Ярославъ призвалъ варяговъ и выступилъ противъ брата, но былъ разбитъ и снова бѣжалъ въ Новгородъ. Однако, Мстиславъ проявилъ необычайное для того времени великодушіе и предложилъ брату подѣлить русскую землю по Днѣпру на двѣ части: Кіевъ и всѣ волости по правой сторонѣ Днѣпра отошли къ Ярославу, а земли по лѣвую сторону — къ Мстиславу. Усобицы прекратились. Черезъ десять лѣтъ Ярославъ сталъ единодержавнымъ, такъ какъ Мстиславъ умеръ на охотѣ.

Ярославъ I Мудрый (1019 — 1054). Лѣтопись изображаетъ князя Ярослава уже не варяжскимъ княземъ-дружинникомъ, а княземъ правителемъ, *нарядникомъ земли, христіанскимъ государемъ.*

Имѣя испорченную ногу, Ярославъ не охотился, но любилъ сидѣть на Днѣпрѣ съ удицей, «ловя рыбу и бесѣдуя съ духовными и мудрыми людьми». Онъ былъ «ученый по книжному». Владиміръ только слушалъ чтеніе, а Ярославъ самъ зачитывался по ночамъ и даже переписывалъ книги. Ревностный христіанинъ, онъ много заботился объ утвержденіи православной вѣры на Руси, строилъ храмы и соорудилъ сохранившійся до нашего времени кіевскій соборъ св.

Великій князь Ярославъ I Мудрый.
(1019—1054 г.) Съ рис. *В. Верещагина.*

Софіи, построенный на мѣстѣ побѣды надъ печенѣгами, подъ стѣнами тогдашняго Кіева. При Ярославлѣ на княжемъ дворѣ переводили съ греческаго и переписывали болгарскія книги, для которыхъ при храмѣ св. Софіи было основано *первое* книгохранилище, а въ Новгородѣ учреждено училище на 300 мальчиковъ.

Ярославъ установилъ прочныя сношенія съ Европой; при его дворѣ говорили на 9 языкахъ. Онъ породнился со многими царствующими домами: сыновья его были

женаты на королевнахъ — англійской, греческой и польской; его дочери были за королями — венгерскимъ, французскимъ и норвежскимъ. Слава о Россіи пошла тогда по всей Европѣ, даже до Рима. Червонная Русь, захваченная поляками по смерти Владиміра Святого, была возвращена отъ поляковъ.

Невзирая на мирное преуспѣяніе государства, Ярославъ почти во все продолжительное свое княженіе не переставалъ воевать. Плѣнниками изъ Польши онъ населялъ южные городки для защиты отъ кочевниковъ. Такіе городки дошли при немъ уже до р. Росси. Въ это время въ степяхъ произошли значительныя перемѣны: Ярославъ разбилъ на-голову печенѣговъ подъ стѣнами Кіева, но на мѣсто ихъ появился новый, еще болѣе страшный врагъ — половцы, съ которыми надолго была связана судьба Кіевской Руси. Ярославъ предпринялъ нѣсколько походовъ на литовцевъ, прошелъ въ глубину Литвы и наложилъ на нее дань «лыкомъ и вѣниками», овладѣлъ Чудскимъ озеромъ и построилъ городъ Юрьевъ (въ честь святого, имя котораго онъ носилъ — Юрій), а на Волгѣ основалъ городъ Ярославль. Отсюда русскіе ходили въ Карелію (Финляндію) и до Желѣзныхъ воротъ (Усть-Сысольска). Такимъ образомъ, при Ярославѣ славянское населеніе (колонизація) захватило уже и чудь прибалтійскую.

При Ярославѣ произошелъ *послѣдній* неудачный походъ на Византію, при чемъ погибла почти стотысячная русская армія.

Русская Правда. Ярославъ началъ составлять первый русскій судебникъ—«*Русская Правда*». Этотъ судебникъ опредѣляетъ размѣры денежной кары за различныя преступленія какъ въ пользу пострадавшаго, такъ и князя («вира», если дѣло идетъ объ убійствѣ, и «продажа», если не объ убійствѣ). Уплата производилась «кунами», т.-е. деньгами. При Ярославѣ еще существовала «кровавая месть» за убійство, но при сыновьяхъ его она уже запрещена: «отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати», т.-е. замѣнили месть денежнымъ вознагражденіемъ. При Ярославѣ русская церковь временно сдѣлалась независимою отъ Византіи: во время войны съ Греціей соборъ русскихъ епископовъ избралъ въ митрополиты русскаго священника *Илларіона*, извѣстнаго

Отъѣздъ княжны Анны, дочери великаго князя Ярослава Мудраго, во Францію, для вѣнчанія съ королемъ Генрихомъ I. Рис. *бар. Клодта.* (Изъ журн. «Нива»).

своею ученостью и строгостью жизни. Ярославъ скончался въ 1054 году и похороненъ въ кіевскомъ Софійскомъ соборѣ. Передъ смертью онъ раздѣлилъ свои земли, для управленія, между сыновьями, завѣщалъ сыновьямъ жить дружно, и приказалъ *слушаться старшаго брата*, который долженъ быть для остальныхъ братьевъ — «въ отца мѣсто», замѣнять имъ отца.

III.

Время Удѣльно-вѣчевого порядка.

(1050 — 1250 г.).

Раздѣленіе Руси на удѣлы. Передъ кончиною Ярославъ раздѣлилъ свои владѣнія между пятью сыновьями, на пять частей, или удѣловъ, отчего и владѣвшіе ими князья назывались *удѣльными*. Кіевскій удѣлъ, съ званіемъ *великаго князя*, онъ отдалъ старшему сыну Изяславу, Черниговъ — Святославу, Переяславль — Всеволоду, Смоленскъ — Вячеславу и Владиміръ-Волынскій — Игорю. Уже при Ярославѣ двѣ области — Полоцкъ и Новгородъ составляли какъ бы особыя государства. Льготной уставной грамотой Ярославъ освободилъ Новгородъ отъ дани Кіеву и далъ ему право избирать правительственныхъ лицъ. Такъ образовался «*Господинъ Великій Новгородъ*», управлявшійся своимъ вѣче (народнымъ собраніемъ) и избиравшій князя, посадника и другихъ должностныхъ лицъ. Полоцкіе же князья (Рогвольдовичи) стали независимыми еще раньше, при св. Владимірѣ, который выдѣлилъ Рогнѣдѣ и ея сыну Изяславу Полоцкъ и совершенно не вмѣшивался въ управленіе этой областью.

Ко времени Ярослава Мудраго прежнее раздѣленіе нашихъ предковъ — славяно-руссовъ — на племена уже окончательно прекратилось. Въ лѣтописи этого времени слово «племя» замѣняется словомъ «земля».

Земли принимали названіе своего главнаго города. Разноплеменный городъ *Кіевъ* объединилъ въ одну область не только земли полянъ, но и древлянъ. Сѣверяне образовали двѣ земли: *Черниговскую* (въ которую вошли радимичи и вятичи) и *Переяславскую*. Новгород-

ская земля образовалась изъ новгородскихъ славянъ и ославянившихся финскихъ племенъ. Дреговичи образовали Туровскую землю. Кривичи составили двѣ земли: Смоленскую и Полоцкую; Волынская и Галицкая земли образовались изъ волынянъ, или бужанъ, съ червленскими городами. Сюда нужно присоединить еще двѣ новыя земли — Ростово-Суздальскую и Муромо-Рязанскую, гдѣ славяне являлись еще какъ бы переселенцами, а мѣстное населеніе (финское) было многочисленнѣе.

Внутреннее состояніе великаго княжества Кіевскаго. Къ концу перваго періода русской исторіи (862—1054 г.) границы Руси широко раздвинулись; она занимала обширныя земли отъ Балтійскаго моря до Днѣпровскихъ пороговъ, Азовскаго моря, Кавказа, Камы, Печоры и на западѣ—до Карпатъ. Введеніе христіанской религіи по всѣмъ русскимъ землямъ очень способствовало установленію связи между разнородными частями молодого государства. Но эта связь была еще слаба. Земли жили особнякомъ, имѣли свои суды, управленіе, сборы податей. Важныя дѣла каждой земли рѣшались собраніемъ полноправныхъ людей («мужей») на «вѣче» въ главномъ городѣ. Младшіе города области подчинялись рѣшенію старшихъ: «на чемъ старѣйшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ», — говоритъ лѣтопись.

Раздѣленіе Руси на удѣлы и размноженіе княжескаго рода постепенно вели къ ослабленію связи отдѣльныхъ земель. Правда, князья считали всю Русскую землю единою. Старшій изъ князей занималъ Кіевскій столъ, а остальные управляли удѣлами также по старшинству, постоянно переходя изъ одной земли въ другую и тѣмъ какъ бы поддерживая въ умѣ всѣхъ единство Руси. Но этотъ порядокъ удержался недолго: нѣкоторыя земли сживались съ отдѣльными вѣтвями княжескаго рода, не желали брать князей изъ другихъ родовъ, и князья такихъ земель не переходили въ другія области, а сидѣли въ отцовскомъ владѣніи, на своихъ вотчинахъ.

Очередной порядокъ при сыновьяхъ Ярослава. Установившееся на Руси понятіе о старшинствѣ, по которому наслѣдовалъ не сынъ, а старшій братъ (т.-е. старшій не въ семьѣ, а въ родѣ) — было причиною постоянныхъ раздоровъ и усобицъ. По смерти Кіевскаго ве-

ликаго князя его замѣщалъ старшій братъ, который и переходилъ изъ своего удѣла въ Кіевъ, а за нимъ передвигались и остальные князья изъ худшихъ удѣловъ въ лучшіе. Старшій сынъ умершаго великаго князя могъ получить право на кіевскій столъ только по смерти всѣхъ своихъ дядей. Дѣти того князя, который не былъ великимъ княземъ, навсегда теряли права на великое княжеское достоинство; имъ назначали удѣлы, какъ бы изъ милости. Такихъ князей именовали «*изгоями*» («гоити» означаетъ «жить», т.-е. князья, находившіеся внѣ обычнаго порядка жизни).

Дѣлежъ земель по старшинству легко было производить только между сыновьями Ярослава. Не то замѣчается въ слѣдующихъ поколѣніяхъ, когда стали дѣлиться между собою дяди съ племянниками и двоюродные братья. Когда же появились троюродные и четвероюродные братья и племянники, справедливый дѣлежъ становился невозможнымъ. Часто князья рѣшали свои споры или по договору «ряду», или же прибѣгали къ оружію. Нѣкоторые, болѣе смѣлые и рѣшительные князья не хотѣли владѣть худшими землями и добивались лучшихъ — изъ-за этого начинались усобицы и раздоры. Въ иныхъ областяхъ самъ народъ звалъ на «столъ» любимаго данною землею князя: народъ привыкалъ къ извѣстной вѣтви княжескаго рода, князья также привыкали къ родной для нихъ землѣ.

Съ теченіемъ времени сталъ заводиться новый порядокъ распредѣленія земель, по наслѣдованію отъ отца — отчинный порядокъ. Это мѣшало примѣненію очередного порядка и являлось новою причиною раздоровъ и смутъ. На общекняжескомъ съѣздѣ въ Любечѣ (1097) былъ принятъ *отчинный порядокъ*, т.-е. что каждый князь долженъ сидѣть на той землѣ, которою владѣлъ его отецъ, но соблюдалось это постановленіе не долго. Мало-по-малу, переходъ владѣній отъ отца къ сыну въ нѣкоторыхъ областяхъ, все-таки, началъ примѣняться. Володарь и Василько Ростиславичи, сыновья изгоя Ростислава, правнуки Ярослава Мудраго, получили въ наслѣдственное владѣніе землю Галицкую Русь. Смѣлые Святославичи отняли у дядей Чернигово-Сѣверскую землю, которая и осталась въ ихъ родѣ. Сыновья Владиміра Всеволодовича Мономаха тоже образовали

отдѣльныя наслѣдственныя княжества: Ростовско-Суздальское, Волынское и Смоленское.

Населеніе охотно принимало новый порядокъ. Народу выгоднѣе было имѣть постоянныхъ князей съ ихъ дружинами, которые радѣли о своихъ земляхъ, какъ объ отчинѣ. Сто лѣтъ спустя послѣ Ярослава, къ концу XII вѣка, въ общемъ владѣніи княжескаго рода оставались только земли: Кіевская, Новгородская и Переяславская, остальныя же области утвердились за тѣмъ или другимъ княжескимъ родомъ. Теперь родовое начало разрушается или, точнѣе, примѣняется въ болѣе ограниченныхъ предѣлахъ одной какой-либо земли. Князья почти утратили сознаніе кровнаго родства другъ съ другомъ. Такъ ослабѣла послѣдняя связь раздробленной Руси. Единство государственности почти уничтожилось. Одновременно измельчали и удѣлы. Личныя потребности князя и областей стали выше общихъ интересовъ всей родины. Такъ началось самое болѣзненное время, пережитое Россіей.

Начало междоусобій при сыновьяхъ Ярослава Мудраго. По смерти Ярослава, его сыновья лѣтъ десять прожили въ мирѣ и согласіи, какъ завѣщалъ имъ отецъ. Начало междоусобіямъ положили князья изгои. Внукъ Ярослава, Ростиславъ, оставшійся безъ удѣла, захватилъ Тмутаракань и сталъ въ ней княжить. По смерти его, трое его сыновей: Рюрикъ, Володарь и Василько Ростиславичи вернулись на Русь и стали требовать себѣ удѣловъ.

Къ этому времени въ южно-русскихъ степяхъ появился новый кочевой народъ—половцы, тюркскаго племени. Они разбили обитавшихъ на югѣ торковъ, берендеевъ, печенѣговъ и неожиданно появились на границахъ Черниговской земли. Ярославичи выступили противъ половцевъ, но были жестоко разбиты на рѣкѣ Альтѣ. Изяславъ прискакалъ въ Кіевъ. Половцы разсыпались по Кіевской землѣ и начали грабить и забирать людей въ полонъ. Кіевляне потребовали, чтобы князь снова шелъ съ ними на враговъ, но онъ отказался, и кіевляне не захотѣли его больше видѣть на велико-княжескомъ столѣ. Изяславъ обратился за помощью къ польскому королю и снова утвердился въ Кіевѣ. Вскорѣ онъ поссорился со своими братьями, *Свя-*

тославомъ Черниговскимъ и *Всеволодомъ* Переяславскимъ, и снова былъ изгнанъ изъ Кіева. Великокняжескій столъ занялъ Святославъ, послѣ смерти котораго Изяславъ вторично вернулся и сталъ княжить въ Кіевѣ.

Спокойствіе возстановилось не надолго. Племянники Изяслава, дѣти Святослава и Ростислава, стали требовать удѣловъ, а дяди не соглашались надѣлить ихъ изъ своихъ земель. Тогда младшіе князья, съ Олегомъ Святославичемъ во главѣ, призвали на помощь половцевъ и пошли противъ Изяслава. Великій князь палъ въ битвѣ подъ стѣнами Чернигова (1078 г.). Не смотря на это, младшіе князья ничего не добились отъ старшихъ.

По смерти Изяслава, по праву старшинства, занялъ Кіевскій столъ Всеволодъ Переяславскій. Междоусобія младшихъ князей со старшими продолжались. Княженіе Всеволода охранялъ его доблестный сынъ Владиміръ, по прозванью Мономахъ [1]), который умѣлъ сдерживать безпокойныхъ князей. По смерти Всеволода (1903 г.), кіевляне желали, чтобы Владиміръ Мономахъ занялъ велико-княжескій столъ, но этотъ князь твердо держался законнаго порядка и добровольно уступилъ мѣсто старшему въ родѣ — Святополку II Изяславичу, говоря: «его отецъ сидѣлъ въ Кіевѣ прежде моего отца».

Святополкъ не обладалъ способностями правителя: онъ не сумѣлъ ни заставить князей жить въ мирѣ, ни побѣдить половцевъ, которые сами нанесли ему жестокое пораженіе. Столь затруднительнымъ положеніемъ страны воспользовался Олегъ Святославичъ. Онъ снова сталъ добиваться удѣла и при содѣйствіи половцевъ напалъ на Черниговъ. Великодушный Владиміръ Мономахъ, избѣгая напраснаго кровопролитія, уступилъ Олегу свой Черниговскій удѣлъ и остался владѣть только Переяславомъ. Но Олегъ не удовлетворился этимъ, ссорился со всѣми, воевалъ съ сыновьями Мономаха въ Рязанской и Муромской землѣ и отказывался принимать участіе въ общихъ походахъ князей противъ половцевъ.

Угнетаемые этими раздорами, князья рѣшили собраться на общій съѣздъ въ Любечѣ Переяславскомъ (1097 г.). Здѣсь они, съ общаго согласія, порѣшили,

---

[1]) Мать его, греческая царевна, была дочерью византійскаго императора Константина Мономаха.

чтобы отнынѣ каждый князь владѣлъ удѣломъ своего отца (ввели отчинный порядокъ, вмѣсто очередного). Святополкъ II получилъ Кіевъ, Мономахъ — Переяславль, Олегъ съ братьями — Черниговъ, Рязань, Муромъ и Тмутаракань. Владиміро-Волынское княжество раздѣлили между Давидомъ Игоревичемъ (внукомъ Ярослава) и Ростиславичами, Давиду отдали Волынь, а Ростиславичамъ — Червонную Русь (Галицію).

Едва успѣли разъѣхаться князья изъ Любеча, какъ снова начались раздоры. Святополкъ, по совѣту Давида Игоревича, захватилъ смѣлаго и предпріимчиваго Василька Ростиславича, котораго онъ пригласилъ къ себѣ въ гости и приказалъ ослѣпить его.

Вѣсть объ этомъ насиліи привела въ ужасъ всѣхъ русскихъ князей. Во главѣ съ Владиміромъ Мономахомъ, они подступили къ Кіеву. Святополкъ перепугался и свалилъ всю вину на Давида Игоревича, котораго, по требованію князей, лишилъ удѣла и обѣщалъ вознаградить Ростиславичей.

Чтобы окончательно установить добрый порядокъ на Руси, князья собрались на общій съѣздъ въ Кіевской области, въ гор. Витичевѣ (1100 г.). Миръ, повидимому, наладился. Владиміръ Мономахъ воспользовался съѣздомъ, чтобы уговорить князей къ общему походу противъ половцевъ. Князья предприняли два похода въ половецкія степи, нанесли хищнымъ кочевникамъ жестокое пораженіе и прогнали ихъ за Донъ.

Владиміръ Мономахъ, великій князь Кіевскій (1113 — 1125 г.). По смерти Святополка, должны были занять Кіевскій велико-княжескій столъ Святославичи, но кіевляне и слышать объ этомъ не хотѣли и потребовали, чтобы великимъ княземъ сталъ Владиміръ Мономахъ. Они видѣли, какъ онъ началъ трудиться на пользу всей Русской земли еще при своемъ отцѣ и полюбили его. Теперь слава о немъ, послѣ походовъ на половцевъ, достигла Царьграда, Праги и даже Рима. Вся Русь твердила, что побѣдами надъ половцами, народъ обязанъ исключительно Мономаху, что половцы падали кучами именно передъ его полкомъ: головы ихъ сѣкла невидимая рука ангела Божія. Съ восторгомъ говорили о князѣ-героѣ, который «пилъ Донъ золотымъ шеломомъ». Мономахъ и на этотъ разъ хотѣлъ откло-

нить отъ себя предложеніе кіевлянъ, но они прислали сказать ему, что никому не хотятъ повиноваться, кромѣ его, и что, въ случаѣ его отказа, ему придется отвѣчать передъ Богомъ за всѣ бѣдствія, грозящія Кіеву и его святынямъ. Мономахъ согласился, и никто изъ удѣльныхъ князей не осмѣливался оспаривать у него велико-княжескаго стола.

Владиміръ Мономахъ вступилъ на великое княженіе около 60 лѣтъ отроду и княжилъ 12 лѣтъ. Это былъ образцовый князь древней Руси, «страдалецъ за Русскую землю». Онъ былъ справедливый, ласковый, гостепріимный и милостивый. Истинный христіанинъ, онъ плакалъ, когда видѣлъ человѣка въ несчастіи, не жалѣлъ своей казны для бѣдняковъ и прощалъ обиды, нанесенныя ему лично. Мономахъ писалъ: «лишатъ тебя чего-нибудь — не мсти; бранятъ тебя — молись». Въ оставленномъ имъ замѣчательномъ «Поученіи» онъ говоритъ дѣтямъ: «Путешествуя по своимъ землямъ, не давайте своей дружинѣ никого притѣснять. Не проходите мимо человѣка безъ привѣта: скажите каждому доброе слово. Но больше всего не забывайте убогихъ, кормите ихъ; одаряйте сироту, оправдывайте вдовицу; не давайте сильнымъ погубить слабаго, простого смерда. Не убивайте ни праваго, ни виноватаго — никакой души христіанской. Особенно не имѣйте гордости ни въ сердцѣ, ни въ душѣ своей, но говорите: всѣ мы смертны. Молитесь въ церкви, и дома, и верхомъ на конѣ». Мономахъ одѣвался просто и легко, чтобы не изнѣжиться, а спалъ нерѣдко на голой землѣ. Это былъ добрый хозяинъ, который уже съ ранняго утра на-

Владиміръ Мономахъ, 1113—1125 г. (Историч. альбомъ тысячелѣтія земли Русской).

ходился на работѣ, за всѣмъ слѣдилъ, во все самъ входилъ. Оттого его казна, несмотря на уменьшеніе податей и большія милостыни, раздаваемыя княземъ, всегда была полна. Большую часть жизни Владиміръ Мономахъ провелъ въ походахъ и объѣздахъ своихъ владѣній. Вездѣ были его глазъ и рука. Славился Мономахъ—и какъ страстный неутомимый охотникъ: своими руками онъ вязалъ дикихъ коней въ пущахъ; туръ не разъ металъ его на рога, лось топталъ ногами, вепрь на боку мечъ оторвалъ, медвѣдь кусалъ, волкъ сваливалъ вмѣстѣ съ лошадью: «Не бѣгалъ я для сохраненія живота своего, не щадилъ головы своей»,—говорилъ онъ самъ:—«Дѣти, не бойтесь ни рати, ни звѣря, дѣлайте мужеское дѣло; ничто не можетъ вамъ вредить, если Богъ не повелитъ; а отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мать, ни братья не отнимутъ: Божіе блюденье лучше человѣческаго!»

Мономахъ не любилъ новшествъ, но свято соблюдалъ порядокъ и обычаи старины. Были и другіе храбрые и умные князья, но храбрость и дѣятельность Мономаха всегда совпадала съ пользою для Русской земли. Народъ привыкъ къ нему, привыкъ вѣрить въ доблести и благоразуміе горячо любимаго великаго князя, считалъ себя вполнѣ спокойнымъ за его щитомъ, и потому питалъ къ нему полное довѣріе и сильную привязанность, которую перенесъ и на все его потомство.

Правленіе Мономаха было отдыхомъ для Кіевской Руси. Усобицы прекратились, судъ установился правый и милостивый; храбрые сыновья Мономаха ходили на половцевъ, на Донъ, на ляховъ, на чудь и на волжскихъ болгаръ. Собирались воевать они и съ греками, но дѣло кончилось миромъ. Были присланы изъ Греціи великіе подарки и въ томъ числѣ *вѣнецъ* и *бармы* (оплечье съ священными ликами) дѣда великаго князя, императора Константина Мономаха. Когда въ Россіи установилось царское достоинство, этимъ вѣнцомъ, названнымъ «шапкой Мономаха», наши государи стали вѣнчаться на царство.

Мстиславъ I Владиміровичъ, по прозванію Великій (1125—1132 гг.), вступившій на Кіевскій столъ по смерти Владиміра Мономаха, походилъ на отца и умомъ, и характеромъ. Никто не смѣлъ оспаривать его правъ,

потому что Мономаховичи были богаты, имѣли сильныя рати и владѣли почти всею Русью, за исключеніемъ земель Святославичей черниговскихъ, Ростиславичей галицкихъ и Всеславичей полоцкихъ. Всѣ Мономаховичи жили мирно и стояли другъ за друга. Поэтому Ольговичи черниговскіе (прозванные по крупной личности Олега Святославича) не оспаривали у Мстислава Кіевскій столъ. Великій князь удачно воевалъ съ половцами и покончилъ съ заклятыми врагами Ярославичей — полоцкими князьями. Сами полочане помогли ему схватить трехъ Всеславичей, которыхъ вмѣстѣ съ семьями онъ и отправилъ въ Царьградъ; они поступили на службу къ императору и отличались въ войнахъ съ арабами; въ Полоцкѣ сталъ княжить сынъ Мстислава.

Разгаръ усобицъ. Послѣ непродолжительнаго славнаго княженія Мстислава Великаго, Мономаховичи занимали Кіевскій столъ около полувѣка съ небольшими перерывами. Это время ознаменовалось безконечными усобицами даже между близкими родственниками. Въ теченіе столь небольшого промежутка въ Кіевѣ перебывало 18 великихъ князей. Удавалось иногда проскользнуть на велико-княжескій столъ даже черниговскимъ Ольговичамъ, и одинъ изъ нихъ хитрый и упорный Всеволодъ II Ольговичъ даже умеръ великимъ княземъ.

Мономаховичи и Ольговичи. Ярополкъ переяславскій, занявшій велико-княжескій столъ по смерти Мстислава, (1132 г.), вздумалъ передать свой удѣлъ не брату своему, а племяннику. Изъ-за этого началась въ семьѣ Мономаха борьба между дядьями и племянниками, которою и воспользовались Ольговичи черниговскіе. Послѣ смерти Ярополка (1139 г.), Всеволодъ II Ольговичъ предъявилъ свои права на старшинство, сѣлъ на велико-княжескій столъ въ Кіевѣ и даже хотѣлъ закрѣпить его въ своемъ родѣ, передавъ этотъ столъ брату своему Игорю Ольговичу, который и занялъ его по смерти Всеволода II (1146 г.). Но кіевляне, не любившіе Ольговичей, отказались признать своимъ княземъ Игоря и призвали Изяслава Мстиславича (внука Мономахова), выдѣлявшагося изъ среды всѣхъ князей умомъ, храбростью, блестящими дарованіями, доступностью и привѣтливостью.

Борьба Изяслава Мстиславича съ Юріемъ Долгорукимъ. Вокняженіе въ Кіевѣ Изяслава Мстиславича нарушало

правила старшинства, по которому, въ одномъ родѣ, племянникъ не могъ быть, при жизни дяди, великимъ княземъ. Поэтому, между Изяславомъ и его дядею Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ (княземъ ростово-суздальскимъ) начинается долгая и упорная борьба, въ которой принимаетъ участіе почти вся Русская земля, а союзникомъ Изяслава даже является король венгерскій. Два раза Юрію удавалось выгонять племянника изъ Кіева; но онъ самъ не могъ въ немъ удержаться. Наконецъ, Изяславъ Мстиславичъ, чтобы утвердиться въ Кіевѣ, посадилъ, вмѣсто себя, на великокняжескій столъ дядю своего Вячеслава. Юрій Владиміровичъ не хотѣлъ прекратить борьбы, но былъ разбитъ Изяславомъ Мстиславичемъ и принужденъ къ миру.

Великій князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій (1155—1157 г.). Съ карт. *В. Верещагина.*

Только послѣ смерти Изяслава, горько оплаканнаго кіевлянами, Юрій Долгорукій сѣлъ въ Кіевѣ и оставался въ немъ до смерти. Юрій посадилъ своего сына Андрея (Боголюбскаго) въ Вышгородѣ (въ 15 верстахъ отъ Кіева). Но Андрей, вопреки желанію отца, удалился въ суздальскую землю и поселился въ своемъ любимомъ городѣ Владимірѣ (на р. Клязьмѣ).

Эта упорная борьба между потомками Мономаха была не простымъ княжескимъ междоусобіемъ: здѣсь южная, Кіевская, Русь впервые столкнулась съ недавно народившейся, но сильно развивавшейся сѣверной, суздальской Русью. Юрій Долгорукій въ Суздальской землѣ строилъ дороги и города, переманивалъ переселенцевъ, давалъ имъ помѣстья за службу. Много недовольныхъ перешло къ нему въ суздальскую землю изъ новгород-

скихъ областей. Строгій порядокъ и отсутствіе усобицъ манили въ ростово-суздальскую область всѣхъ. Но Юрія, все-таки, привлекалъ къ себѣ югъ и особенно Кіевъ. Онъ не считалъ суздальскую область первой по значенію русскою землею. Истиннымъ представителемъ сѣверной Россіи явился его сынъ Андрей Боголюбскій.

Андрей Юрьевичъ Боголюбскій. Разореніе Кіева. По смерти Юрія Владиміровича Долгорукаго, снова начались усобицы между русскими князьями изъ-за обладанія Кіевомъ. Мономаховичи и Ольговичи перехватывали его изъ рукъ въ руки и, наконецъ, въ немъ вокняжился сынъ Изяслава II, Мстиславъ II Изяславичъ. Тогда Андрей Боголюбскій составилъ союзъ 11 князей и, не покидая своего далекаго удѣла, выслалъ противъ Мстислава II сильную рать. Мстиславъ былъ разбитъ, а Кіевъ подвергнулся страшному разграбленію (1169 г.). Суздальцы мстили кіевлянамъ за избіеніе дружины Юрія Долгорукаго послѣ его смерти. Но важнѣе былъ другой страшный ударъ, который нанесъ Кіеву Андрей Боголюбскій: онъ назначилъ кіевскимъ княземъ одного изъ подручныхъ князей своихъ, а самъ остался на сѣверѣ. Ему не нравился русскій югъ, гдѣ была сильная власть вѣча, гдѣ князья постоянно спорили и враждовали изъ-за Кіева.

Андрей Боголюбскій, 1157—1174 г. (Истор. альбомъ тысячелѣтія Земли Русской).

Андрей Боголюбскій не любилъ юга, гдѣ не было простора, ни для развитія княжеской власти, ни для правильнаго государственнаго строительства. Совсѣмъ другое положеніе было въ ростово-суздальской землѣ. Никто изъ князей не заявлялъ притязаній на эту непривѣтливую страну, замкнутую среди финновъ. Народъ здѣсь жилъ спокойно, не тревожимый ни набѣгами ко-

чевниковъ, ни раздорами князей. Князь держалъ небольшую дружину, а потому и значеніе ратныхъ людей здѣсь было не такъ велико, какъ на югѣ. Старыхъ городовъ, кромѣ Ростова Великаго да Суздаля, тамъ не было. Но и эти города потеряли здѣсь значеніе съ тѣхъ поръ, какъ Юрій Долгорукій сталъ жить въ Суздалѣ, а Андрей Боголюбскій — во вновь выстроенномъ имъ Владимірѣ-на-Клязьмѣ и въ с. Боголюбовѣ. Молодые города, «пригороды» тянули къ князьямъ и помогали имъ укрощать строптивость старыхъ городовъ. Вдобавокъ, сѣверные князья славились, какъ отличные хозяева. Воевали они мало и потому накапливали большія богатства, что и дало возможность Андрею Боголюбскому даже раздавить Кіевъ.

Такъ въ 1169 году совершился великій историческій переворотъ въ жизни Россіи: южная и сѣверная Русь обмѣнялись значеніемъ, Владиміръ Клязменскій сдѣлался, хотя не надолго, столицею «земли Русской», а Кіевъ сталъ простымъ удѣльнымъ городомъ.

Побѣдитель Кіева, князь суздальско-ростовской области, Андрей Боголюбскій, былъ князь новаго типа, родившійся, можно сказать, раньше своего времени. По взглядамъ на власть князя и на отношенія къ подданнымъ онъ былъ предтечею его потомковъ — Московскихъ Государей. Презирая родовое старшинство, Андрей Боголюбскій стремился *къ наслѣдственному самодержавію «милостіею Божіей»*. Онъ признавалъ только силу: для него тотъ былъ старше всѣхъ, кто былъ могущественнѣе всѣхъ. Смѣлый и настойчивый въ рѣшеніяхъ, онъ, кромѣ того, отличался необыкновенною мудростью, за что его называли «вторымъ Соломономъ». Онъ былъ очень набоженъ, много строилъ церквей, любилъ монашество и настойчиво воевалъ съ сосѣдними не христіанскими народами,—напримѣръ, съ камскими болгарами.

Твердою рукою Андрей Боголюбскій укрѣплялъ въ суздальской землѣ единоначаліе. Онъ не раздавалъ въ ней удѣловъ, а своихъ братьевъ и племянниковъ выслалъ изъ нея на югъ. Онъ разогналъ и старыхъ отцовскихъ бояръ, стоявшихъ за прежніе порядки въ отношеніяхъ князя къ боярамъ. Бѣжалъ и старый епископъ ростовскій, на мѣсто котораго князь поставилъ своего приверженца *Ѳеодора*, и его хотѣлъ

даже сдѣлать *митрополитомъ во Владимірѣ*. Но этому воспротивился Константинопольскій патріархъ. Разгромивши Кіевъ, Андрей Боголюбскій двинулъ тѣхъ же князей на Новгородъ, но потерпѣлъ страшную неудачу. Вскорѣ подобная неудача постигла его и въ Кіевѣ. Вождемъ юга явился отважный и гордый князь *Мстиславъ Храбрый*, противъ котораго Андрей Боголюбскій выслалъ 20 князей, съ приказаніемъ схватить Мстислава и привести его къ нему. Но Мстиславъ съ небольшою ратью разбилъ враговъ. Настойчивый Андрей Боголюбскій готовился уже къ новому нападенію на югъ, но былъ убитъ ненавидѣвшими его боярами въ своемъ дворцѣ, въ селѣ Боголюбовѣ (1175 г.). Тѣло князя бросили въ огородъ и лишь на шестой день похоронили его. Только теперь народъ опомнился и зарыдалъ, понявши, что потеряли въ немъ своего заступника и радѣтеля.

Всеволодъ III Большое Гнѣздо (1176 — 1212 г.). По смерти Андрея Боголюбскаго, начались снова усобицы. За старину стояли старые города Ростовъ и Суздаль, которые ненавидѣли Владиміръ, населенный «малыми» и «новыми людьми», и говорили про его жителей: «это наши холопы — каменщики». Бояре и старая дружина подняла племянниковъ на братьевъ умершаго князя, но братья побѣдили и миръ окончательно былъ возстановленъ вступленіемъ на владимірскій престолъ послѣдняго изъ братьевъ Андрея Боголюбскаго, *Всеволода III*. Владимірцы цѣловали крестъ «ему и его дѣтямъ», т.-е. *на Руси впервые признавалось престолонаслѣдіе по прямой линіи*.

Всеволодъ III Большое Гнѣздо, прозванный такъ потому, что имѣлъ большую семью, именовался своими подданными также «Великимъ»; они гордились своимъ княземъ. Андрея Боголюбскаго погубилъ горячій, крутой нравъ, Всеволодъ же отличался мягкостью и ровностью характера и ни выказывалъ своей власти такъ сурово, какъ покойный великій князь. Всеволода во всемъ сопровождала удача: подданные его любили, остальныя русскія земли вполнѣ охотно подчинялись вліянію даровитаго, мудраго и осторожнаго правителя. Онъ почти повелѣвалъ Рязанью, Смоленскомъ и Кіевомъ; его слушались даже гордые Ольговичи черни-

говскіе; отдаленный Галичъ искалъ его покровительства. Большимъ счастіемъ для Руси было то, что Всеволодъ III княжилъ долго, 37 лѣтъ: государство окрѣпло подъ его правленіемъ и мирно переходило отъ стараго быта къ новому.

Борьба Всеволода III съ Мстиславомъ Удалымъ. Мстиславъ Храбрый, послѣ побѣды надъ Андреемъ Боголюбскимъ близъ Кіева, былъ избранъ на новгородскій столъ и принесъ Новгороду большую пользу. Новгородцы искренно оплакивали смерть своего любимца. Но его сынъ *Мстиславъ Удалой* прославился даже больше своего отца. Это былъ удивительный воинъ отважный, искусный, любившій войну болѣе всего въ жизни; съ нимъ маленькій отрядъ бросался на цѣлое войско. Онъ всегда и вездѣ стоялъ за старину и за правду. Выступилъ на боевое поприще Мстиславъ уже не молодымъ. До этого онъ долгое время тихо сидѣлъ въ своемъ удѣлѣ, Торопцѣ и уже успѣлъ выдать дочь свою замужъ за Всеволода III, когда Всеволодъ началъ тѣснить Новгородъ и съ этой цѣлью захватилъ Торжокъ. Но тутъ явился Мстиславъ Удалой, никѣмъ не призванный. Онъ взялъ Торжокъ и послалъ сказать новгородцамъ:

— Пришелъ я къ вамъ, услыхавши, что вы терпите насилія отъ суздальцевъ; жаль мнѣ стало своей отчины. Не быть Торжку Новгородомъ, а Новгороду Торжкомъ!

Новгородцы пригласили Мстислава на княженіе. Мстиславъ готовился къ походу противъ Всеволода, но тотъ согласился на всѣ его требованія. Потомъ онъ воевалъ съ чудью, защищалъ въ Кіевѣ Мономаховичей противъ неугомонныхъ Ольговичей. Не успѣлъ онъ возстановить правду на югѣ, какъ узналъ, что надвигается бѣда на западѣ: венгры захватили Галичъ, а поляки напали на волынскаго князя Даніила Романовича. Мстиславъ Удалой прогналъ чужеземцевъ и посадилъ Даніила на Волыни и въ Галичѣ, выдавъ за него свою дочь. Отсюда онъ снова двинулся на защиту Новгорода.

Мстиславъ Удалой, Юрій II и татары. По смерти Всеволода III, въ суздальской землѣ поднялись опять смута и борьба, такъ какъ владимірскій столъ, по завѣщанію, достался не старшему сыну *Константину*, а младшему *Юрію II-му*. Константинъ съ новгородцами (которыхъ Юрій II притѣснялъ подобно своему отцу), подъ пред-

водительствомъ прилетѣвшаго съ юга Мстислава Удалого, разбили на р. *Липицѣ* суздальскую рать. Честь побѣды принадлежала Мстиславу, который съ своимъ топоромъ три раза проходилъ сквозь непріятельскіе ряды. Послѣ этой побѣды Мстиславъ снова вернулся въ Галичъ, куда появились опять венгры и поляки. Онъ прогналъ враговъ и былъ выбранъ княземъ Галича. Посреди пировъ, Мстиславъ получилъ извѣстіе о появленіи въ половецкихъ степяхъ новаго врага: то были татары.

Юрій II Всеволодовичъ 1212—1238 г. (Истор. альбомъ тысячелѣтія Земли Русской).

Наскоро собрались князья по призыву Мстислава; не было здѣсь только Юрія II. Рѣшили идти въ половецкія степи, чтобы не допустить врага до русской границы. Избили татарскихъ пословъ и съ 10.000 ратью двинулись навстрѣчу татарамъ. У *р. Калки* (Калміусъ) отрядъ Мстислава Удалого попалъ въ засаду и былъ разбитъ (1224 г.); самъ Мстиславъ бѣжалъ впервые въ своей жизни. Онъ вернулся въ Галичъ, выдалъ дочь за венгерскаго короля Андрея и въ приданое отдалъ ему галицкое княжество. Это была ошибка, внушенная ему коварными боярами, поссорившими его съ Даніиломъ Романовичемъ. Мстиславъ понялъ ошибку, но поздно. Поѣхалъ онъ въ Кіевъ съ разбитою душой и ослабѣвшимъ тѣломъ, и по дорогѣ скончался, принявъ передъ смертью постриженіе въ монашество.

Господинъ Великій Новгородъ. Еще до Рюрика Новгородъ имѣлъ большое значеніе въ озерной области, населенной финскими племенами и захваченной прибывшими туда славянами. На сѣверъ и востокъ отъ него раскинулись обширныя пространства, населенныя финскими племенами. Сюда-то и двинулись артели вольныхъ лю-

дей новгородскихъ «повольниковъ», «ушкуйниковъ», которые собирались около богатыхъ и предпріимчивыхъ людей и съ ними прокладывали пути въ глубь невѣдомыхъ странъ, захватывали ихъ во власть свою и «господина Великаго Новгорода», облагая данью мѣстное финское населеніе. Такъ новгородская вольница подчинила себѣ Заволоцкую Чудь, Пермь, Печору, Югру; владѣніе Великаго Новгорода простиралось даже до Бѣлаго моря и Уральскаго хребта.

Сборъ дани шелъ рядомъ съ обширной торговлей: дорогіе мѣха и уральское серебро скоплялись въ Новгородъ, откуда направлялись, частью на югъ къ Кіеву, частью въ Западную Европу. Новгородъ входилъ въ составъ громаднаго союза западно-европейскихъ городовъ (ганзейскій союзъ). Нѣмцы привозили въ Новгородъ: сукна, полотна, стекло, вина и оружіе, а вывозили оттуда — кромѣ мѣховъ — кожу, сало, ленъ. Съ паденіемъ Кіева, торговля Новгорода сдѣлалась еще значительнѣе. Вотъ при какихъ условіяхъ вырабатывался характеръ мѣстнаго населенія. Новгородцы отличались смѣлостью, свободолюбіемъ, подвижностью. Характеръ народа, конечно, отразился во всемъ укладѣ жизни новгородской земли.

Софійскій соборъ въ Новгородѣ (въ его современномъ видѣ) съ южной стороны.

Ярославъ Мудрый, какъ мы уже говорили, даровалъ Новгороду большія вольности, при чемъ великій князь считался и княземъ новгородскимъ. Но такъ какъ, живя въ Кіевѣ, великій князь не могъ управлять новгородскою землею лично, то посылалъ туда или одного изъ своихъ сыновей, или намѣстника. Но мало-по-малу Новгородъ добился права самому избирать себѣ князя. И

Архіепископъ новгородскій Симеонъ унимаетъ враждующихъ новгородцевъ.

Новгородъ не только широко пользовался этимъ правомъ, а даже злоупотреблялъ имъ. Нерѣдко Новгородцы прогоняли нелюбимаго князя. Иногда же князьямъ такъ тяжело приходилось, что они даже убѣгали отъ нихъ тайно. Власть князя въ Новгородѣ все слабѣла, а власть народнаго *вѣча* усиливалась.

Однако, новгородцы не могли обойтись безъ князя и иногда задерживали даже нелюбимаго ими князя до прибытія новаго. Приглашая къ себѣ князя, они заключали съ нимъ условія («рядились»), при соблюденіи которыхъ онъ могъ сохранять свою власть въ Новгородѣ. На князя возлагалась обязанность защищать новгородскую землю отъ враговъ. На «кормленіе» (содержаніе) князя собиралась особая подать, которая называлась «даромъ». Князь былъ ограниченъ въ выборѣ сановниковъ и даже въ охотѣ; ни онъ, ни его «люди» не имѣли права ни пріобрѣтать собственность въ Новгородской области, ни вести какихъ-либо торговыхъ дѣлъ. Новгородцы даже дѣлаютъ выборной должность посадника, который являлся помощникомъ и замѣстителемъ князя въ его отсутствіи. Рядомъ съ посадникомъ былъ еще тысяцкій, завѣдывавшій военнымъ дѣломъ,— новгородцы добились и выборнаго тысяцкаго. Точно также и епископъ выбирался на вѣчѣ «всѣмъ городомъ» и только рукополагался кіевскимъ митрополитомъ. Остальныя государственныя должности также были выборными.

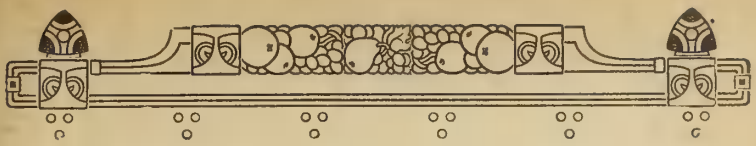
Постепенно Новгородъ выработалъ свое самоуправленіе. Онъ жилъ своею особою жизнью, вступаясь въ княжескія распри на Руси только въ крайнемъ случаѣ, когда ему нужно было отстоять свои права или независимость. Во главѣ управленія въ Новгородѣ стояло *вѣче* — общее собраніе всѣхъ свободныхъ гражданъ новгородскихъ. Собранія вѣчевыя были бурны и нерѣдко заканчивались страшнымъ кровопролитіемъ; обѣ враждебныя стороны вѣча старались столкнуть своихъ противниковъ съ моста въ р. Волховъ; мирить враждующихъ являлось духовенство съ св. иконами. Каждый изъ пяти концовъ города имѣлъ своего старосту и рѣшалъ свои дѣла на своихъ концовыхъ вѣчахъ. Всѣ земли около Новгорода, для удобства управленія, дѣлились на пять частей или пятинъ, въ которыхъ и нахо-

дились важнѣйшіе новгородскіе пригороды. Земли, лежавшія за предѣлами пятинъ, назывались волостями новгородскими (Заволочье, Пермь, Печора). Граждане пятинъ иногда призывались на новгородское вѣче; волости же составляли только земельную собственность города, съ которой собирались доходы въ новгородскую казну.

При всемъ богатствѣ и самостоятельности у Новгорода была слабая сторона — недостатокъ хлѣба. Такъ какъ хлѣбъ подвозился съ Поволжья, то суздальскіе князья могли препятствовать этому подвозу, а потому и вліять на Новгородъ и вмѣшиваться въ его жизнь. Мы уже видѣли, какъ Андрей Боголюбскій и его преемники тѣснили Новгородъ и что сдѣлали для него Мстиславъ Храбрый и Мстиславъ Удалой. Послѣ Мстислава Удалого новгородцы призвали къ себѣ на княженіе Ярослава Всеволодовича, съ которымъ у нихъ были постоянные нелады. Послѣ него новгородскій столъ перешелъ къ его знаменитому сыну Александру Ярославичу Невскому, при которомъ новгородцы вели успѣшно войны со шведами, литвою и ливонскими нѣмцами. Въ 1240 г. онъ нанесъ шведамъ жестокое пораженіе на берегахъ р. Невы, за что и получилъ прозваніе Невскаго. Въ 1242 г., когда нѣмцы захватили Псковъ и готовились идти на Новгородъ, Александръ Ярославичъ пошелъ на нихъ, отнялъ у нихъ Псковъ, а затѣмъ въ «*Ледовомъ побоищѣ*», на льду Чудскаго озера, совершенно уничтожилъ ихъ войско и взялъ въ плѣнъ много рыцарей и бароновъ. При Александрѣ Невскомъ новгородцы встрѣтили татарское иго.

Нѣмцы. Балтійское побережье, на пространствѣ отъ Финскаго залива до р. Нѣмана, населенное финскими племенами (эстами, ливами) и латышами (родственными литовцамъ), до половины XII вѣка было подъ властью Новгорода и Полоцка. Русскіе брали дань съ инородцевъ, но насильно не распространяли среди нихъ христіанства, не посягали на ихъ отцовскія вѣрованія. Съ половины XII вѣка бременскіе купцы, корабли которыхъ случайно были занесены бурей въ устье Двины, открыли здѣсь торговлю. Въ этой мѣстности явился нѣмецкій римско-католическій миссіонеръ Мейнгардъ (1187 г.), построившій церковь, а потомъ и крѣпкій

замокъ на мѣстѣ нынѣшней Риги. Заранѣе поставленный папою въ епископы надъ будущей паствой, Мейнгардъ съ усердіемъ сталъ обращать мѣстныхъ обитателей въ католичество. Латыши и ливы вскорѣ убѣдились, что обращеніе въ христіанство влечетъ за собою порабощеніе ихъ нѣмцами. Они стали сопротивляться введенію новой религіи и даже убили преемника Мейнгардова. Выручать нѣмецкое дѣло явился умный и смѣлый Альбертъ Буксгевденъ (1199—1229 г.), который основалъ здѣсь братство духовныхъ рыцарей — полу-монаховъ, полу-воиновъ и назвалъ его *орденомъ меченосцевъ* или *ливонскихъ рыцарей*. Рыцари эти носили бѣлые плащи съ краснымъ крестомъ. Папа далъ имъ право владѣть землями новообращенныхъ племенъ. Начальникъ ихъ имѣлъ титулъ магистра и жилъ въ Ригѣ (при устьѣ З. Двины). Рыцари начали распространять христіанство огнемъ и мечомъ. Язычники крестились, но тайкомъ бросались въ Двину, чтобы «смыть съ себя крещеніе и отправить его въ Германію». Неудивительно, что эсты, ливы и латыши относились къ своимъ поработителямъ съ величайшею ненавистью и много разъ производили возстанія, которыя усмирялись съ страшною жестокостью. Мало-по-малу, нѣмцы захватили все Балтійское побережье и стали посягать на сосѣднія русскія земли. Они отняли у полоцкихъ князей ихъ волости, а у новгородцевъ отобрали г. Юрьевъ (построенный Ярославомъ Мудрымъ) и переименовали его въ Дерптъ. На помощь къ ослабѣвшимъ ливонскимъ рыцарямъ всегда приходили рыцари тевтонскаго ордена, обосновавшагося у устьевъ Вислы, съ которыми и соединились меченосцы (1237 г.). Тевтонскіе рыцари всего сильнѣе стали тѣснить литовское племя — пруссовъ. Покончивши съ пруссами, они принялись за собственно литву и жмудь, которымъ грозило нѣмецкое порабощеніе. Бѣдствія заставляли литву призадуматься надъ своей судьбой. Разрозненныя литовскія племена начинаютъ соединяться и ко времени появленія татаръ образуютъ сильное княжество, съ которымъ впослѣдствіи пришлось восточной Руси вести продолжительную борьбу.



IV.

Внутреннее состояніе Руси до нашествія Монголовъ.

Земля и населеніе. За четыре истекшихъ столѣтія, Русь сложилась въ одно государство, управляемое потомками Рюрика, приняла христіанство и перенесла средоточіе государственной жизни съ юга, изъ Кіева, на сѣверъ, въ г. Владиміръ-на-Клязьмѣ. Постоянныя передвиженія князей изъ одной области въ другую способствовали укрѣпленію въ народѣ сознанія его единства, но происходившія въ послѣднія два столѣтія княжескія усобицы были неблагопріятны для увеличенія русской земли и ея населенія. За время 1055—1223 г. было 80 усобицъ; нѣкоторыя войны тянулись по 15 лѣтъ и болѣе кряду. Въ тоже время половцы опустошали южныя области, уводя тысячами въ полонъ, съ запада насѣдали венгры, съ сѣверо-запада — нѣмцы и литва. Голодъ и моръ нерѣдко опустошалъ области; особенно часто голодалъ Новгородъ, когда суздальскіе князья не давали подвозить ему хлѣба. Немудрено, что въ эти вѣка *границы* Руси мало расширились. Начиналось только естественное движеніе внизъ по Волгѣ, да еще ростово-суздальская область раздвинулась до Устюга на счетъ финскихъ земель, но зато мы потеряли Тмутаракань и часть прежнихъ владѣній въ Прибалтійскомъ краѣ. Конечно и тѣхъ земель, которыми владѣла тогда Русь, было много для ея населенія. Въ большихъ торговыхъ городахъ ея можно было встрѣтить: евреевъ, армянъ, волоховъ, грековъ, нѣмцевъ, хазаръ, турокъ, берендѣевъ, болгаръ и множество другого люда.

Князь. Во главѣ всѣхъ отдѣльныхъ земель въ домонгольское время стояли князья изъ дома Рюрика. Они раздѣлялись на *старшихъ* и *младшихъ*. Старше всѣхъ считался кіевскій князь. Онъ заботился о младшихъ

князьяхъ, разбиралъ ихъ споры и несогласія; собиралъ ихъ на *съѣзды* и командовалъ сборными войсками противъ иноплеменниковъ. Каждый князь въ предѣлахъ своей волости былъ совершенно независимъ отъ другихъ князей и отъ великаго князя. Каждый князь думалъ объ устройствѣ своей земли, о ратяхъ, объ уставѣ земскомъ; онъ предводительствовалъ войсками и производилъ судъ; всякая перемѣна, всякій новый уставъ происходили отъ него. Но въ первое время онъ долженъ былъ считаться съ прежними представителями власти— *родоначальниками*; городскіе старцы долго удерживали свое значеніе; они рѣшали дѣла на *вѣчѣ*, съ ними совѣтывался князь. Съ XI вѣка (при Ярославѣ I Мудромъ) значеніе старшинъ прекратилось; когда князю нужно было объявить, или предложить что-нибудь городу, то собирались не одни старцы, а цѣлый городъ, и происходило *общенародное вѣче*.

Вѣча иногда перекорялась съ княземъ въ смыслѣ «ряда», но нигдѣ они не возставали противъ самой княжеской власти; *были князья безъ земель, но не было земли безъ князя* (или его намѣстника). Безъ князя народъ вяло дрался на войнѣ и сварливо велъ свои внутреннія дѣла.

На содержаніе князя и его дружины собиралась *дань* со всѣхъ жителей волости, а также *пошлины* съ суда и ввозимыхъ въ княжество товаровъ. Князья имѣли и *личные доходы* со своихъ селъ и угодій, на которыхъ они вели обширное хозяйство, имѣли много скота, лошадей и занимались различными промыслами.

Дружина. У каждаго князя была *дружина*. Вначалѣ она состояла изъ варяговъ, но въ нее былъ открытъ доступъ храбрымъ людямъ изъ всѣхъ странъ и народовъ, преимущественно, разумѣется туземцамъ-славянамъ. Дружины были не только у князей, но и у ихъ женъ; даже у каждаго воеводы и знатнаго мужа была своя собственная дружина.

Добрый князь ничего не жалѣлъ для дружины, не скрывалъ отъ нея своихъ думъ; старшіе члены ея *(бояре, огнищане)* являлись главными его совѣтниками во всѣхъ дѣлахъ; дружинники второго разряда назывались *мужи, гриди* (гридьба) — это были не совѣтники князя, но воины по преимуществу.

Княжеское семейство (съ X до XIV вѣка).
Съ рис. *П. Икова.*

Со времени Владиміра и особенно Ярослава русская рать становится все болѣе народною.

Дружина жила на счетъ князя, а на войнѣ пользовалась частью добычи; назначаемые изъ состава ея намѣстниками или *посадниками княжескими* получали въ свою пользу часть судебныхъ и торговыхъ пошлинъ. Впослѣдствіи князья стали награждать старшихъ дружинниковъ землями, или въ пожизненное владѣніе— *помѣстьями,* или въ потомственное — *вотчинами.*

Въ старыхъ городахъ, въ новгородской, ростовской и галицкой землѣ, были еще *бояре городскіе* и *земскіе,* которые пользовались большимъ значеніемъ на мѣстахъ.

Городское и сельское населеніе. Все земское населеніе раздѣлялось на свободныхъ — *людей* (городскихъ и сельскихъ) и на несвободныхъ — или *холоповъ.* Холопы состояли въ полной, рабской зависимости отъ своихъ владѣльцевъ. Холопами становились несостоятельные должники, а также все потомство холоповъ. Середину между свободными людьми и холопами занимали *закупы* — полу-свободные люди, временно поступавшіе къ кому-либо

въ работу. Они не пользовались правами свободныхъ людей, но и не считались настоящими рабами. Уплативши своему владѣльцу деньгами или трудомъ свой долгъ, они становились свободными. Но сдѣлать это рѣдко какому закупу удавалось, и большинство закуповъ постепенно превращалось въ холоповъ.

Свободное населеніе (люди) принимали участіе въ *вѣчевыхъ собраніяхъ*. Для рѣшенія дѣлъ требовалось единогласіе. Чтобы прійти къ единогласію, люди, собиравшіеся на вѣчѣ, иногда долго спорили, иногда даже рѣшали дѣло рукопашной схваткой.

Русскіе съ X до XIV вѣка. Съ рис. *П. Икова.*

Постановленія вѣча въ большихъ городахъ имѣли большое значеніе: къ нимъ прислушивались даже князья, а для младшихъ городовъ — пригородовъ въ той же волости, эти постановленія были обязательны.

Городъ. Города являлись мѣстами убѣжища для населенія. Они обносились *стѣнами* или *валомъ съ тыномъ* и рвами. Внутри ихъ нерѣдко находилось послѣднее опорное мѣсто обороны — *дѣтинецъ* - кремль — крѣпость, гдѣ во время осады прятались семьи и самое дорогое имущество жителей. Внутри дѣтинца строились соборы и хранились драгоцѣнныя святыни; самымъ люднымъ мѣстомъ былъ *торгъ* (базарная площадь), гдѣ не только торговали, но и узнавали всѣ распоряженія князя или посадника, обязательныя для горожанъ. По мѣрѣ роста городовъ, за городскою стѣною строились *посады* или *предмѣстья*, которые также обносились оборонительной оградой.

Судъ. Отношенія между людьми основывались частью на *обычномъ правѣ*, частью и на *писанномъ законѣ — Русской Правдѣ*, составленной при Ярославѣ Мудромъ и дополненной при его сыновьяхъ и внукахъ. Судъ производился на дворѣ князя или посадника. О

нѣкоторыхъ преступленіяхъ и о розыскѣ преступниковъ объявлялось на *торгу*. Судебныя обязанности князь возлагалъ на членовъ дружины. Законъ ограждалъ преимущественно права свободныхъ *людей* и совсѣмъ не обращалъ вниманія на *холоповъ*. Свидѣтелями (видоками, послухами) признавались только свободные люди. Если уликъ было мало, то прибѣгали «*къ суду Божію*», т.-е. къ поединку, или испытанію водою.

Смертной казни не существовало. Въ качествѣ наказаній въ эти древнія времена на Руси примѣнялись *заточеніе*, денежная пеня — *вира, продажа*. Если преступникъ скрывался и община не хотѣла искать его, то она платила, такъ называемую, *дикую виру*.

За убійство княжаго мужа платилось 80 гривенъ, за убійство людина — 40 гривенъ, за убійство женщины взималась половина виры. За убійство холопа по его винѣ не полагалось виры, но за убійство безъ вины платился «урокъ» господину его и «продажа» князю.

«Займы» производились подъ проценты («рѣзы»). Несостоятельнаго должника продавали въ холопы, но если торговая несостоятельность происходила отъ несчастья или неосторожности, то законъ допускалъ снисхожденіе.

Торговля. Городское населеніе занималось торговлей подъ покровительствомъ князя, который защищалъ русскихъ купцовъ и иноземныхъ торговыхъ людей (гостей) отъ обидъ и притѣсненій и охранялъ торговые пути отъ грабежей.

Мы уже видѣли, какъ строилось русское государство по торговымъ путямъ — днѣпровскому (изъ «варягъ въ греки»), волжскому и двинскому, какъ образовались большіе торговые города: Кіевъ, Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ и Полоцкъ. Но торговля шла еще по южной границѣ «со степью»: кочевники пригоняли свои стада и табуны и обмѣнивали ихъ на русскіе товары.

Искусства и ремесла. При простотѣ жизни и ограниченности потребности, искусство въ тѣ времена примѣнялось только при постройкѣ храмовъ и дворцовъ. Вначалѣ у насъ работали греческіе художники и строители, но уже Владиміръ Святой завелъ мастерскія и школы въ Кіевѣ, и тамъ подготовлялись русскіе мастера, сначала подражавшіе своимъ учителямъ. Въ XII вѣкѣ на русское искусство оказали вліяніе германскіе и отчасти италь-

янскіе мастера. Въ суздальскихъ постройкахъ замѣтно даже вліяніе персидское, выразившееся въ одноглавіи храмовъ и въ изобиліи прилѣпковъ (барельефовъ) или обронныхъ (скульптурныхъ) украшеній изъ мягкаго бѣлаго камня. Дмитріевскій соборъ, построенный Всеволодомъ III во Владимірѣ-на-Клязьмѣ, является лучшимъ изъ сохранившихся суздальскихъ образцовъ.

Первыя самостоятельныя попытки въ искусствѣ были предприняты русскими книгописцами въ исполненныхъ ими цвѣтныхъ заставкахъ, миніатюрахъ (мелкіе рисунки) и заглавныхъ буквахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ поражаютъ красотою рисунка и красокъ.

Церковь и просвѣщеніе. Христіанская религія, проповѣдывающая любовь къ ближнимъ, снисхожденіе къ недостаткамъ другихъ, братство и взаимопомощь, была воспринята съ большой охотой братолюбивымъ русскимъ народомъ. Русскіе радостно отдали себя подъ духовное руководство Церкви. Православное духовенство распространяло на Руси Христову вѣру, учило русскихъ жить по вѣрѣ, мирило враждующія волости и князей, заботилось о развитіи на Руси книжнаго просвѣщенія.

Духовныя лица были главными совѣтниками князей и ихъ помощниками въ управленіи страной, примиряли воюющихъ и отправляли посольскую должность. Князья, какъ и весь русскій народъ, относились съ большимъ уваженіемъ къ духовенству, давали церквамъ и монастырямъ земли и всякія льготы.

Первое духовенство было изъ грековъ и болгаръ, но потомъ священники и епископы стали избираться изъ русскихъ. Кіевскій митрополитъ Иларіонъ былъ первымъ митрополитомъ изъ русскихъ (при Ярославѣ Мудромъ). Но это былъ единичный случай. Послѣ митрополита Иларіона опять константинопольскій патріархъ сталъ присылать въ Кіевъ митрополитовъ-грековъ. Во весь до-монгольскій періодъ былъ еще только одинъ случай поставленія митрополита изъ русскихъ (Климентъ Смолятичъ).

Вмѣстѣ съ первыми храмами на Руси появились и монастыри. Князья не жалѣли средствъ на устройство и содержаніе святыхъ обителей. Такъ, Ярославъ Мудрый построилъ въ Кіевѣ два монастыря — *Георгіевскій* и

Ирининскій, первый въ честь своего ангела, такъ какъ при крещеніи былъ названъ Георгіемъ (Юріемъ), второй — въ честь ангела своей супруги. Къ концу правленія Ярослава монастыри стали возникать по всей Руси заботами и усердіемъ подвижниковъ, которые уединялись для труда, поста и молитвы.

При набожномъ Ярославѣ Мудромъ возникла *Печерская обитель* въ Кіевѣ. Основателями ея являются преподобные *Антоній* и *Ѳеодосій Печерскіе*. Антоній (родомъ изъ Любеча, черниговской земли) съ ранней юности почувствовалъ влеченіе къ иночеству, много странствовалъ по греческимъ монастырямъ и, наконецъ, поселился подъ Кіевомъ въ пещерѣ. Къ нему стали стекаться иноки, жившіе также въ ископанныхъ ими пещерахъ, отчего и самый монастырь получилъ впослѣдствіи названіе Печерскаго.

Однимъ изъ первыхъ послѣдователей Антонія былъ *Ѳеодосій* (родомъ изъ Василева, Кіевской земли), ревностнѣйшій сподвижникъ Антонія, избранный впослѣдствіи братіей игуменомъ монастыря. Иноки Печерскіе славились чистотою и строгостью жизни; изъ ихъ среды вышло много усердныхъ проповѣдниковъ слова Божія по всей древней Руси.

Кромѣ примѣра христіанской жизни, монастыри служили хранителями и разсадниками грамотности и книгопросвѣщенія. Тамъ собирались, хранились и переписывались книги, писались драгоцѣнныя для науки и потомства лѣтописи.

Монастыри поддерживали тѣсную связь съ окрестнымъ населеніемъ, которое помогало имъ своими приношеніями. Съ своей стороны и монастыри помогали населенію — пищей въ случаѣ неурожая, пріютомъ — въ случаѣ пожара, оградой — въ случаѣ вражескаго нападенія. Благодаря монастырямъ, утверждалась вѣра и созидалась «православная святая Русь».

Начало русской письменности (литературы). Вмѣстѣ съ христіанствомъ появилась на Руси собственная письменность, благодаря славянской азбукѣ, изобрѣтенной св. Кирилломъ и Меѳодіемъ и, принесеннымъ къ намъ изъ Болгаріи славянскимъ переводамъ не только священныхъ и богослужебныхъ, но и святоотеческихъ и другихъ книгъ. Церковно-славянскій языкъ ихъ нѣсколько

отличался отъ разговорной русской рѣчи того времени. Но съ теченіемъ времени въ нашихъ самостоятельныхъ письменныхъ произведеніяхъ сказывается уже вліяніе родного русскаго языка. Первыя письменныя произведенія, появившіяся у насъ, были церковнаго характера. Таковы слова митрополита Иларіона, поученіе Новгородскаго епископа Луки Жидяты, посланія Ѳеодосія печерскаго, проповѣди Кирилла, епископа Туровскаго, житія русскихъ святыхъ, составившія впослѣдствіи знаменитый кіево-печерскій Патерикъ. Въ нихъ церковно-славянскій языкъ, по самому характеру ихъ, сохранился въ большей полнотѣ. Произведенія свѣтскаго содержанія, какъ, напримѣръ, «Поученіе» Мономаха, «Слово Даніила Заточника», «Слово о полку Игоревѣ», лѣтописи, которыя велись въ Кіевѣ, Новгородѣ и, вѣроятно, во всѣхъ областяхъ, написаны были болѣе живымъ, обиходнымъ языкомъ того времени.

Отцомъ русской лѣтописи считаютъ по преданію кіево-печерскаго инока преп. Нестора, которому приписываютъ составленіе нашей знаменитой «Повѣсти временныхъ лѣтъ», обнимающей событія отъ начала русской исторіи до 1110 года. Это преданіе нужно понимать въ томъ смыслѣ, что преп. Несторъ первый въ кіево-печерскомъ монастырѣ сталъ составлять монастырскій лѣтописный сводъ изъ письменныхъ и устныхъ повѣстей и разсказовъ прежняго времени. По смерти Нестора его монастырскій лѣтописный сводъ дополнялся другими монахами и сталъ затѣмъ основною составною частью общерусскаго лѣтописнаго свода, или «Повѣсти временныхъ лѣтъ». Эта же «Повѣсть» окончательно установлена въ письменахъ XII вѣка игуменомъ кіевскаго выдубицкаго монастыря *Сильвестромъ*.

Впослѣдствіи и въ другихъ мѣстахъ Русской земли иноки вели погодныя записи событій, изъ которыхъ и слагались лѣтописи; по смерти одного монаха-лѣтописца, ее продолжалъ другой. Въ лѣтописяхъ иногда встрѣчаются отрывки и изъ другихъ сочиненій, изъ житій святыхъ, отдѣльныхъ сказаній о событіяхъ, изъ грамотъ, писемъ, договоровъ и т. п. Кромѣ монашествующихъ лицъ, составленіемъ лѣтописей занимались и

приходскіе священники (напр. въ Новгородѣ), и свѣтскіе дружинники (напр. на Волыни).

«*Слово о полку Игоревѣ*», величайшее художественное произведеніе древне-русской письменности, служитъ доказательствомъ того, что русское творчество въ это время стояло очень высоко. Написано оно, вѣроятно, однимъ изъ дружинниковъ чернигово-сѣверскихъ князей. Содержаніе «Слова»—неудачный походъ князя Игоря (новгородъ-сѣверскаго) противъ половцевъ. Поэтъ разсказываетъ о подвигахъ Игоря, объ его пораженіи и плѣнѣ и, наконецъ, о счастливомъ избавленіи отъ плѣна. Поэтъ описываетъ современныхъ людей, отношенія ихъ и многія событія; онъ осуждаетъ дѣятельность одного изъ самыхъ выдающихся Святославичей — Олега, по прозвищу Гориславича, говоря, что при немъ «все сѣялось и росло усобицами», что «сокращался вѣкъ людской въ княжескихъ крамолахъ». Съ грустью онъ пишетъ: «И сказалъ братъ брату: это мое и то мое же», и начали князья говорить про малое: «это великое» и сами на себя ковать крамолу, «а поганые со всѣхъ сторонъ приходятъ съ побѣдами на Русскую землю». Пѣвецъ не одобряетъ предпринятаго похода, но любитъ неразумныхъ князей-храбрецовъ и рвется за ними, чтобы «испити шеломомъ Дону», или сложить свою голову «конецъ поля Половецкаго». Въ «Словѣ» упоминается объ одномъ изъ княжескихъ пѣвцевъ — *о вѣщемъ Баянѣ*, который воспѣвалъ древнихъ князей. Возможно, что и сочинитель «Слова» былъ подобнымъ же княжескимъ пѣвцемъ.

Изученіе письменности того времени показываетъ, что до начала XIII вѣка просвѣщеніе на Руси развивалось весьма быстро и успѣшно. Россія начинала итти тогда въ ногу съ своими сосѣдями, но надвинулась страшная туча съ востока и закрыла отъ насъ свѣтъ просвѣщенія на цѣлыя столѣтія. То была татарщина.

Военное дѣло. Кромѣ дружины княжеской, какъ главной основы рати, войско составлялось также изъ земскаго ополченія жителей городовъ и селъ, которое выступало по рѣшенію «вѣча». Рать пользовалась военною добычею и по окончаніи похода распускалась по домамъ. Сельчане приходили въ походъ со своими старостами;

ополченіе городовъ дѣлилось на десятки и сотни, подъ начальствомъ десятскихъ и сотскихъ; высшее же командованіе надъ ними возлагалось княземъ на одного изъ дружинниковъ, со званіемъ тысяцкаго или воеводы. Кромѣ того, нерѣдко усиливали рать наемными отрядами изъ варяговъ, печенѣговъ, торковъ, берендѣевъ и т. п.

Во время княжескихъ усобицъ выяснилось военное преимущество сѣвернаго населенія Россіи надъ южнымъ. «Верхніе вои» сѣверныхъ областей часто выручали южныхъ князей изъ бѣды.

Ратники (съ X до XIV вѣк.)
Съ рис. *П. Икова.*

Общее названіе всего войска, составленнаго изъ дружины князя, ополченій и наемныхъ отрядовъ, было «вои», иногда «дружина» (уже въ смыслѣ собирательномъ — войска, арміи), употреблялось еще слово «полкъ». Численность рати была различна: у Аскольда 8.000, у Олега и Игоря гораздо болѣе, у Святослава подъ Доростеломъ отъ 50—60.000 (своихъ 10.000 да отъ 40—50.000 наемныхъ венгровъ, печенѣговъ и др.); у Ярослава на Бугѣ противъ Болеслава Храбраго въ 1018 году — также 50—60.000; у Андрея Боголюбскаго при осадѣ Вышгорода въ 1173 году — тоже отъ 50 до 60 тысячъ войскъ.

До нашествія татаръ главнымъ родомъ войскъ была пѣхота и только князья, витязи, бояре, знатные и богатые люди иногда сражались на коняхъ. Впрочемъ, со временъ Владиміра при постоянныхъ столкновеніяхъ съ венграми и народами тюркскаго племени, сражавшимися на коняхъ, число конныхъ воиновъ и въ русскихъ войскахъ постепенно увеличивается.

Вооруженіе войскъ составляли: сѣкиры, топоры, мечи — большіе, прямые, простые или обоюдоострые, ножи, длинныя копья, луки и стрѣлы. Оборонительное вооруженіе — кольчужныя брони, остроконечные шлемы (у князей и знатныхъ людей богато украшенные и раззолоченные) съ кольчужными сѣтками, опускавшимися на лицо и плечи, и большіе, часто во весь ростъ, деревянные, снаружи красные (червленные) щиты. Иногда употребляли камнестрѣльныя машины. Вообще вооруженіе было неоднообразное, по достатку воиновъ. Тяжелое оружіе хранилось въ княжескихъ складахъ и выдавалось на походъ, а затѣмъ отбиралось и опять хранилось въ складахъ. При войскахъ были стяги (знамена) и военная музыка. Войска строились и сражались вокругъ своихъ стяговъ. Кромѣ большихъ стяговъ, въ дружинахъ были и малые, вѣроятно, для отдѣльныхъ частей (сотенъ).

Ратники (съ X. до XIV вѣк.). Съ рис. *П. Икова.*

Въ походѣ войска имѣли при себѣ обозъ съ припасами и шатрами.

Въ первое время природная сила цѣнилась выше всего. Богатырь, котораго сила доведена въ народномъ воображеніи до чудовищныхъ размѣровъ — вотъ герой старины. Богатыри часто прибѣгали къ единоборству, безъ оружія: боролись, обыкновенно, схватывая другъ друга, желая раздавить или ударить о землю. Но съ теченіемъ времени начинаетъ складываться новый взглядъ на высшую богатырскую природу, олицетворяемую Русью въ лицѣ князя Святослава. Преданіе не говоритъ объ его страшной силѣ, но отмѣчаетъ крѣпость духа, которая заставляла тѣло переносить всякаго рода лишенія; это—витязь дѣятельности, движенія: онъ ходитъ легко, какъ барсъ; онъ противоположенъ тѣмъ сказочнымъ богатырямъ, которые не двигаются отъ избытка

силы. Святославъ собственно—не богатырь, *онъ вождь—дружины*, которая похожа на него; онъ любитъ оружіе; онъ, первый между дружинниками, бьется въ числѣ ихъ, но не отдѣляется отъ нихъ, не существуетъ безъ нихъ, живетъ и умираетъ съ ними. Военная хитрость цѣнилась высоко, считалась мудростью; перехитрить, *переклюкать*, было тоже подвигомъ.

Первоначально русскіе заимствовали военное искусство отъ варяговъ и строились пѣшими въ глубокихъ строяхъ или въ формѣ свиной головы, дѣйствуя преимущественно холоднымъ оружіемъ (мечами и копьями) и въ слабой степени — метательнымъ (стрѣлами и пращами) изъ разсыпного строя.

Конный ратникъ съ припорцемъ съ X до XIV в.). Съ рис. *П. Икова.*

Боевой порядокъ состоялъ изъ трехъ частей: *чела* (въ серединѣ) и двухъ *крыльевъ*. Но къ концу періода, какъ описано въ «Словѣ о полку Игоревѣ», въ сраженіи на р. Сюурлія, русское войско, состоявшее изъ шести полковъ, построилось въ три линіи: одинъ полкъ стрѣлковъ въ первой линіи, два полка — во второй и три полка — въ третьей линіи. Необходимо отмѣтить послѣдовательное веденіе боя и отличное управленіе войсками. Это военное искусство было проявленіемъ самобытнаго творчества русскихъ; на Западѣ въ то время ничего подобнаго еще не существовало.

Со сборныхъ мѣстъ войско выступало въ походъ, предшествуемое *сторожами* или передовой стражей, которая развѣдывала о дорогахъ и непріятелѣ, добывала *языковъ* или плѣнныхъ и охраняла главныя силы отъ внезапнаго нападенія непріятеля. На ночлегахъ располагались *станомъ*, окруживъ его повозками или тыномъ и обезпечивъ себя, вблизи непріятеля, стражами, дозорами и т. п.

Въ бою часто примѣняли разныя хитрости: засады, заманиванія притворнымъ отступленіемъ, затѣмъ охваты и окруженіе противника.

Исходъ боевъ, большею частью, былъ кровопролитный и рѣшительный; побѣжденный или падалъ подъ ударами, или же сдавался въ полонъ. Одержавъ побѣду, побѣдитель иногда оставался нѣсколько дней на полѣ сраженія (по выраженію лѣтописей — «на костяхъ») праздновать ее, но бывали случаи и самаго настойчиваго преслѣдованія разбитаго непріятеля, всѣми силами и на большое разстояніе.

За военныя заслуги и отличія князья жаловали золотыя гривны (медали), цѣпи, кресты, оружіе, доспѣхи, коней, возводили въ санъ бояръ, воеводъ и т. п., войскамъ давали денежныя награды и военную добычу. Вдовы и сироты павшихъ на полѣ брани получали часть военной добычи въ томъ же размѣрѣ, что оставшіеся въ живыхъ побѣдители.

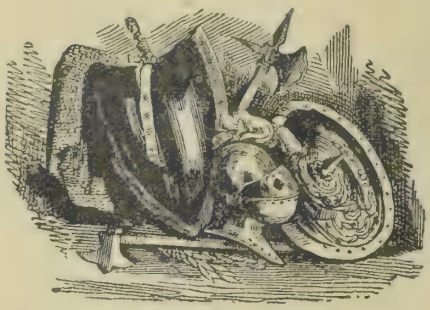
Въ первыя четыре столѣтія русской исторіи наши предки приложили къ военному дѣлу много труда и обнаружили въ немъ большія творческія способности; получили они побѣду надъ окружавшими ихъ противниками не случайно, но по достоинству.

Выводъ изъ событій первыхъ четырехъ столѣтій русской исторіи. Первые четыре вѣка русской исторіи естественно раздѣляются на двѣ почти равныя части: 1) отъ начала Русскаго государства до кончины Ярослава Мудраго, и 2) отъ Ярослава до нашествія монголовъ (время удѣльно-вѣчевого уклада).

Въ первые два вѣка идетъ большая работа по созданію и объединенію частей государства: 1) князья своими постоянными передвиженіями по Русской землѣ съ одного стола на другой — устанавливаютъ въ сознаніи народа понятіе о единствѣ всего государства; 2) народъ жертвуетъ своими племенными особенностями и складывается въ болѣе крупныя государственныя соединенія — земли, области.

Въ слѣдующіе два вѣка идетъ работа больше по внутреннему устройству, и стремленіе къ объединенію ослабѣваетъ: 1) князья начинаютъ понемногу отвыкать отъ передвиженій и переходятъ постепенно, особенно въ сѣверо-восточной Руси, отъ очереднаго къ вотчи-

ному порядку и 2) населенію это выгоднѣе, такъ какъ князья съ большей заботливостью относятся къ внутреннимъ хозяйственнымъ вопросамъ. Это было удобнѣе и для дружинъ; многіе изъ дружинниковъ обзаьелись собственною землею, и переходъ на новыя мѣста имъ былъ невыгоденъ. Вотчиный порядокъ, отказъ князей отъ передвиженій былъ выгоденъ всѣмъ. А разъ этотъ порядокъ установился, княжества зажили своею жизнью особнякомъ, и Русь распалась на отдѣльныя области. На первыхъ порахъ не замѣчали неудобствъ новаго порядка. Но когда потребовалось большое напряженіе силъ, чтобы дать отпоръ могущественному врагу, то оказалось, что при раздробленіи достигнуть этого было невозможно. Необходимо было объединеніе опять Русской земли, что и совершилось подъ главенствомъ московскихъ князей, сумѣвшихъ произвести эту огромную государственную работу въ теченіе послѣдующихъ четырехъ столѣтій нашей исторіи. На все это нужно было время и опытъ. Начавшій такую работу Андрей Боголюбскій былъ убитъ боярами, а потомъ эти же бояре начали проводить его же дѣло и много помогли Всеволоду III Большому Гнѣзду. При сыновьяхъ Всеволода раздѣленіе достигло высшей степени. Но грянула гроза въ видѣ нашествія татаръ, и русскіе люди одумались, увидѣли, что въ разъединеніи жить нельзя — иначе пропадешь.



V.

Покореніе Руси монголами.

1223-й годъ принесъ южной Россіи великое испытаніе: съ востока появился новый страшный врагъ—монголо-татары, до этого времени неизвѣстные русскимъ людямъ. «Явишася языцы,—говоритъ лѣтопись,—ихже никто же добрѣ ни вѣсть, кто суть и отколѣ изидоша и что̀ языкъ ихъ, и котораго племени суть, и что̀ вѣра ихъ». Родиною татаръ была нынѣшняя Монголія. Одинъ изъ князей Темучинъ, прозванный Чингисъ-ханомъ, т.-е. великимъ ханомъ, объединилъ подъ своею властью разрозненныя кочевыя и дикія монгольскія племена и въ 1213 году двинулся на завоеваніе сѣвернаго Китая, откуда повернулъ на западъ до Каспійскаго моря и Кавказа. Два его военачальника Джебе и Субутай прошли Каькказъ и двинулись въ Черноморскія степи, гдѣ столкнулись съ половцами. Половцы обратились за помощью къ южно-русскимъ князьямъ. Подъ предводительствомъ Мстислава Удалого изъ Галича, еще два Мстислава (кіевскій и черниговскій) и многіе другіе князья пошли навстрѣчу невѣдомому врагу, но въ 1223 году на *р. Калкѣ* (нынѣ Калміусъ) были разбиты. Татары замучили плѣнныхъ князей и воиновъ, преслѣдовали бѣжавшихъ до Днѣпра, но затѣмъ повернули назадъ и скрылись, неизвѣстно куда. Русь успокоилась; князья снова занялись своими обычными усобицами; но пришлось вскорѣ испытать несчастіе горше перваго.

Въ 1227 году Чингисъ-ханъ умеръ, еще при жизни раздѣливши свое огромное царство между своими сыновьями, изъ которыхъ *Угедей* былъ назначенъ старшимъ ханомъ. Племянникъ Угедея, внукъ Чингисъ-хана, Батый, получилъ разрѣшеніе двинуться на за-

падъ для завоеванія новыхъ земель. Въ 1235 году съ огромными полчищами, вѣрнѣе, цѣлыми кочевыми народами, съ женщинами, семьями и огромными стадами, направился Батый черезъ Уралъ въ сѣверную Русь. Въ составъ его полчищъ входили разныя племена: манджурскія, монгольскія и тюркскія, называвшія себя именемъ *татаръ*, откуда и взялось наше русское названіе *татары*.

Эти свирѣпые и дикіе народы были язычниками, они обоготворяли силы природы и преимущественно *огонь*. Главнымъ образомъ, поклонялись они «священному» огню и «тѣнямъ» предковъ. Полчища татарскія безпрекословно повиновались своимъ ханамъ, имѣвшимъ неограниченныя права надъ жизнью и имуществомъ каждаго изъ своихъ подданныхъ. Подъ страхомъ смерти они подчинялись древнему закону, который особенно строго наказывалъ за обманъ, невыручку товарища на войнѣ, ссоры и раздоры между своими.

Со временъ Чингисъ-хана, его государство имѣло чисто военное устройство и содержалось въ большомъ порядкѣ: проводились дороги, появилась почта, введены народныя переписи, правильное обложеніе податей; весь народъ представлялъ войско, раздѣленное на десятки, сотни, тысячи, во главѣ которыхъ стояли начальники соотвѣтственныхъ наименованій; войско области (улусы) подчинялось ханамъ; всѣ младшіе ханы были въ полномъ повиновеніи одному старшему. Для пріученія войскъ владѣть оружіемъ и перенесенія трудовъ и опасности ежегодно въ теченіе нѣсколькихъ недѣль производились ханами большія охоты на дикихъ звѣрей. При строгой дисциплинѣ и постоянныхъ войнахъ и охотѣ, татары представляли отличную боевую силу. Военное искусство ихъ было очень высоко. Они производили черезъ особыхъ развѣдчиковъ изученіе тѣхъ странъ, куда намѣревались внести войну. Есть свѣдѣнія, что передъ походомъ Батыя въ Россію татары выработали планъ завоеванія всей Европы въ 11 лѣтъ. Вторгнувшись въ чужую землю, они наводняли всю страну отдѣльными отрядами, которые успѣвали собираться къ полю сраженія. Искусно они осаждали города, умѣли строить осадныя машины, употребляли петарды и, вѣроятно, порохъ, давно извѣстный

въ Китаѣ, откуда они, повидимому, и заимствовали военное искусство.

Погромъ рязанскаго и суздальскаго княжествъ. Огромныя полчища Батыя въ 1237 году вступили на русскую равнину черезъ Уральскія степи. Подобно саранчѣ (по лѣтописцу «безъ числа, аки прузи»), они уничтожали все на своемъ пути. Прежде всего они разграбили царство камскихъ болгаръ, а потомъ вторглись въ рязанское княжество. Князья рязанскіе не могли остановить страшнаго врага и мужественно пали подъ его ударами. Населеніе пряталось за крѣпкія стѣны городовъ, но стѣны падали подъ ударами стѣнобитныхъ орудій, князья и населеніе гибли въ крови и пламени.

Къ сожалѣнію, русскіе люди дѣйствовали вразбродъ. Ни одна область не помогала другой, князья были въ ссорѣ и враждѣ другъ съ другомъ. Они не сговорились для дружнаго общаго отпора страшнаго непріятеля, и татарскія полчища могли побѣдоносно брать одну Русскую область за другою. Изъ рязанской земли они двинулись въ суздальское княжество, и послѣ упорнаго сопротивленія овладѣли Владиміромъ-на-Клязмѣ; городъ былъ разоренъ, жители частью перебиты, частью взяты въ полонъ, а семейство великаго князя Юрія II Всеволодовича, епископъ и знатные бояре были сожжены въ соборѣ, служившемъ имъ послѣднимъ оплотомъ. Великій князь Юрій II въ это время собиралъ рать на сѣверѣ; татары встрѣтились съ нимъ на берегахъ *рѣки Сити*, впадающей въ Мологу; въ страшномъ неравномъ бою (въ 1238 году) великій князь и его все войско полегли на мѣстѣ. Татары пошли дальше на Новгородъ, но лѣса и болота, при наступленіи весны, напугали ихъ, и они повернули на юго-востокъ. На обратномъ пути татары наткнулись на городъ Козельскъ, который доблестно оборонялся и задержалъ ихъ на нѣсколько недѣль. Взявши городъ, татары вырѣзали все населеніе и назвали Козельскъ «злымъ городомъ».

Разореніе Кіева. Въ слѣдующіе два года татары завоевывали княжества переяславское, черниговское и кіевское. Кіевъ палъ въ 1240 году. Описывая приближеніе Батыя къ Кіеву, лѣтописецъ говоритъ: «Отъ скрипа телѣгъ, рева верблюдовъ и ржанья стадъ нельзя было разслышать человѣческаго голоса». Князь Даніилъ Ро-

мановичъ удалился въ Венгрію, чтобы собирать войско и просить помощи у венгерскаго короля, а оборону Кіева возложилъ на боярина Димитрія. Городъ не могъ долго сопротивляться. Не смотря на доблестную оборону послѣ борьбы на стѣнахъ, рѣзня продолжалась на улицахъ и въ домахъ; послѣдняя же горсть храбрецовъ съ бояриномъ Димитріемъ отбивались въ Десятинной церкви, но татары ворвались и въ нее, перебили всѣхъ, кромѣ боярина Димитрія, котораго за доблестную оборону Батый возилъ съ собою и относился къ нему съ большимъ почетомъ. Кіевъ послѣ татарскаго погрома навсегда потерялъ свое первенствующее значеніе между русскими городами.

Пройдя страшнымъ потокомъ волынскую и галицкую земли, татары въ 1241 г. двинулись далѣе на западъ двумя ордами: одна изъ нихъ, разбивши польскихъ князей при Лигницѣ, стала разорять Силезію, другая вторгнулась въ Венгрію и Чехію. Чешскій воевода Ярославъ мужественной обороной г. Голомуца въ Моравіи надолго задержалъ татаръ. Въ это время до Батыя дошла вѣсть о смерти великаго хана. Татары повернули обратно въ привольныя южно-русскія степи. Большую часть года они кочевали между Волгою, Дономъ и Кавказскими горами, а на зиму стали собираться около ханской ставки, въ главномъ ихъ зимовьѣ, Сараѣ (близъ Царева, Архангельской губ.). Сюда ханы Золотой Орды вызывали на поклоненіе себѣ всѣхъ русскихъ князей, раздавая имъ земли, назначая дани и вынуждая къ повиновенію страхомъ нашествія и опустошенія.

Подчиненіе Руси татарамъ. Татары смотрѣли на завоеванныя русскія земли, какъ на свое имѣнье, съ котораго они получали доходы. По всѣмъ городамъ и волостямъ они послали особыхъ чиновниковъ — *баскаковъ*, которые произвели перепись населенію (за исключеніемъ женщинъ и дѣтей до десятилѣтняго возраста) и обложили всѣхъ данью. Наложили они дань также на промыслы, торговлю, оброчныя статьи. Изъяты были отъ обложенія церкви, монастыри и всѣ духовныя лица, такъ какъ татары отличались вѣротерпимостью и оказывали почетъ духовенству всѣхъ исповѣданій; кромѣ того, такою льготою татары хотѣли привлечь на свою

сторону русское духовенство, которое пользовалось большимъ уваженіемъ среди населенія. Дань собиралась крайне жестоко, татары отбирали у населенія все, что попадалось въ руки — и вещи, и одежду, и животныхъ, отнимали у бѣднаго послѣдній скарбъ его. Это нерѣдко вызывало возстаніе притѣсняемыхъ и избіеніе баскаковъ; татары въ отмщеніе присылали карательные отряды, которые жгли, разоряли, грабили непокорныхъ и уводили плѣнниковъ въ тяжкую неволю.

Съ переходомъ въ магометанство, татары начали покидать простыя привычки кочевой жизни, украшать свою столицу Сарай и строить другіе города. Потребности у нихъ росли, а на удовлетвореніе этихъ потребностей нужны были большія денежныя средства. Изворотливые хивинскіе купцы, бессермены предложили хану деньги, подъ залогъ русской дани — «выхода».

Теперь дань съ Русской земли поступала на откупъ бессерменскимъ купцамъ. Откупщики эти, конечно, взимали ее еще болѣе немилосердно, чѣмъ ханскіе чиновники — баскаки. Русскіе не выдержали. Во Владимірѣ, Суздалѣ, Ростовѣ и другихъ городахъ по-старому зазвонили на вѣче и, не слушая увѣщаній князя, перебили татаръ. Особенно бушевали новгородцы, еще не видѣвшіе татаръ и не платившіе имъ выхода.

Тяжкое это было время, хотя татары не трогали нашей религіи, не навязывали намъ своей вѣры. Но непосильною данью они лишали русскій народъ всѣхъ средствъ къ существованію. Изъ-за этого жизнь русскаго народа должна была замереть на цѣлыхъ два столѣтія. Распространеніе образованія и грамотности пріостановилось: тогда русскимъ людямъ было не до грамотности, — каждый думалъ лишь о томъ, какъ бы благополучно прожить сегодняшній день и не умереть съ голоду. А такъ какъ не стало на Руси просвѣщенія и образованія, то и нравы населенія огрубѣли. Вскорѣ лучшіе люди поняли вредъ той жизни, которая дала возможность татарамъ покорить насъ, и начали сознавать необходимость государственнаго объединенія Русской земли, во что бы то ни стало, жертвуя всѣмъ для спасенія отечества.

Но это дѣло будущаго. А теперь посмотримъ, какъ русскіе люди стали устраивать свою жизнь подъ та-

тарскимъ игомъ. Князья начали собирать разбѣжавшееся населеніе на брошенныя пепелища, возстановлять разрушенные села и города и вводить жизнь въ естественный порядокъ; духовенство и монашество побуждали князей и народъ къ смиренію и покорности судьбѣ, призывая всѣхъ къ согласію и единенію, внушая надежду на помощь Божію.

Татары не касались внутренняго управленія Русской земли. Они оставили въ ней всѣ прежніе порядки и требовали лишь правильнаго взноса дани да выраженія покорности со стороны русскихъ князей. И вотъ наши князья начали ѣздить въ Орду, чтобы получать *ярлыки* (т.-е. ханскія грамоты), утверждавшіе ихъ права на княженіе. Приходилось при этомъ возить большіе подарки ханамъ, ихъ женамъ, сановникамъ и чиновнымъ лицамъ. Во время такихъ путешествій на долю князей выпадало много униженій. Нужно было исполнять татарскіе обряды — проходить между огней, поклоняться изображеніямъ хана. Нѣкоторые изъ князей не желали подчиниться этимъ требованіямъ и погибли, принявши вѣнецъ мученичества. Такъ пострадалъ внукъ Всеволода, ростовскій князь Василій Константиновичъ, взятый татарами въ плѣнъ въ битвѣ на р. Сити (1838 г.). Также замучены князь Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій и его бояринъ Ѳеодоръ.

Нѣкоторые князья сумѣли примѣниться къ тяжелымъ условіямъ татарскаго ига и искусно повели русское государственное дѣло. Въ числѣ такихъ князей-устроителей (нарядниковъ) Руси первое мѣсто принадлежитъ князьямъ: Александру Ярославичу Невскому и Даніилу Романовичу Галицкому.

Александръ Невскій. Въ трудную годину бѣдъ Александръ Ярославичъ являлся на сѣверѣ Руси единственнымъ представителемъ военной доблести и удачи, государственной мудрости и самоотверженія. При жизни отца, Ярослава Всеволодовича, онъ княжилъ въ Новгородѣ и прославилъ себя громкими побѣдами надъ шведами, нѣмцами, чудью и литвою. По кончинѣ отца своего, онъ отправился въ Орду и здѣсь удостоился особыхъ почестей со стороны хана, который утвердилъ его княземъ новгородскимъ, а вскорѣ далъ ему и ярлыкъ на велико-княжескій столъ Владимірскій (1252—1263 г.).

Александръ Невскій возвращается съ Ледового побоища съ полономъ и добычею въ Псковъ.
Съ карт. *К. Лебедева.* (Изъ жур. «Нивы».)

Мужественный и отважный великій князь понималъ, что Русь еще не готова вступить въ рѣшительную борьбу. Онъ и самъ безпрекословно повинуется хану и всѣхъ русскихъ людей побуждаетъ къ такому же повиновенію. Но народъ съ ненавистью переносилъ татарское иго. Наконецъ населеніе возстало противъ своихъ поработителей и отказалось платить дань чужеземцамъ. Русской землѣ угрожало новое нашествіе татаръ. Но ее въ это время спасъ Александръ Невскій, который поѣхалъ въ Орду умолять хана простить виновныхъ. Четыре раза онъ ѣздилъ въ Орду въ хлопотахъ по русскимъ дѣламъ и, возвращаясь изъ своей послѣдней поѣздки, осенью 1263 г., скончался въ Городцѣ на Волгѣ, оплакиваемый всѣми, «много потрудившись,—какъ говоритъ лѣтописецъ,—за землю Русскую, за Новгородъ и за Псковъ, за все великое княженіе, отдавая животъ свой и за православную вѣру». Русская Церковь причислила Александра Невскаго къ лику святыхъ.

Александръ Невскій, 1246—1263 г. (Истор. альбомъ тысячелѣтія Земли Русской.

Даніилъ Романовичъ Галицкій. Южная Русь въ лицѣ князя Даніила Галицкаго нашла такого же устроителя, какимъ былъ на сѣверѣ Александръ Невскій.

Въ его правленіе Галицкое княжество, какъ и вся Русь, подверглось татарскому разгрому и опустошенію. Застигнутый врасплохъ, князь Даніилъ отправился въ Венгрію собирать войска и искать помощи и вернулся назадъ, когда татары уже ушли. Теперь онъ началъ дѣятельно устроять землю и возобновлять города, и вскорѣ привелъ свои владѣнія въ цвѣтущее состояніе.

Въ 1250 г., по вызову Батыя, Даніилъ послѣднимъ изъ русскихъ князей явился въ Орду на поклонъ и былъ принятъ съ честью. Возвратившись назадъ,

Папскій нунцій подноситъ князю Даніилу Романовичу корону.

мужественный князь только и помышлялъ о томъ, какъ бы свергнуть ненавистное татарское иго. Онъ продолжалъ свои мѣры по благоустройству княжества; чтобы увеличить населеніе въ своихъ владѣніяхъ, онъ призывалъ даже иноземцевъ: нѣмцевъ, поляковъ, армянъ и евреевъ. Продолжалъ онъ укрѣплять города и украшалъ великолѣпными зданіями свой любимый *Холмъ*. Для скорѣйшаго сверженія татарскаго ига Даніилъ искалъ сближенія съ папою римскимъ. Папа обѣщалъ поднять противъ татаръ крестовый походъ и прислалъ Даніилу королевскую корону, которой тотъ и вѣнчался. Но крестовый походъ не состоялся. Даніилъ понялъ, что Западная Европа не окажетъ ему никакой поддержки. Тогда онъ порвалъ сношенія съ папой и рѣшилъ войти въ тѣсныя связи съ языческою Литвою, чтобы съ нею итти на татаръ. Онъ женилъ своего сына Шварна на дочери литовскаго князя Миндовга.

Татары зорко слѣдили за дѣйствіями Даніила и потребовали, чтобы укрѣпленія галицкихъ и волынскихъ городовъ были разрушены. Братъ Даніила, Василько, вынужденъ былъ исполнить это требованіе изъ боязни новаго нашествія татаръ. Этотъ ударъ окончательно подорвалъ силы Даніила Романовича. Князь понялъ, что еще не настало время для сверженія татарскаго ига. Но своею дѣятельностью Даніилъ охранилъ Волынь и Галицію отъ непосредственной власти татаръ: татарское иго на югѣ было не такимъ суровымъ, какъ на сѣверѣ. Скончался Даніилъ Романовичъ черезъ годъ послѣ Александра Невскаго (1264 г.).

Долго еще потомки Даніила на галицкомъ столѣ отстаивали русскую народность отъ посягательствъ со стороны сосѣдей — поляковъ и литовцевъ. Но при полномъ ослабленіи кіевской Руси, галицкое княжество, отдѣленное отъ сосредоточія русской жизни, впослѣдствіи окончательно подпало вліянію сильныхъ западныхъ сосѣдей.

VI.

Литовско-русское государство.

Отношенія Литвы къ Руси. Литовцы — народность арійской расы, наиболѣе близкая къ славянской. Живя въ сторонѣ отъ большихъ торговыхъ путей, они долгое время сохраняли язычество и первобытный строй, несмотря на то, что ихъ сосѣди, русскіе славяне, уже давно перешли къ государственному быту и приняли христіанскую религію. Вначалѣ, пока литовцы были раздѣлены на множество отдѣльныхъ племенъ, полоцкіе и волынскіе князья успѣшно вели борьбу съ ними. Но картина мѣняется, когда Литва начинаетъ объединяться. Объединеніе (около при-нѣманской Литвы) началось съ тѣхъ поръ, когда нѣмецкіе рыцарскіе ордена меченосцевъ и тевтоновъ усиленно потѣснили литовскія племена. Еще раньше литовцы выучились военному искусству у русскихъ во время усобицъ полоцкихъ князей, которые приглашали ихъ къ себѣ на помощь и пріучили къ войнѣ. Съ тѣхъ поръ они начали нападать на своихъ сосѣдей, не исключая самихъ полочанъ. Паденіе Кіева и затѣмъ нашествіе татаръ еще болѣе способствовало ихъ усиленію.

Миндовгъ. Объединителемъ литовцевъ явился одинъ изъ ихъ князьковъ — Миндовгъ, утвердившійся въ русскомъ городѣ Новгородкѣ на верхнемъ Нѣманѣ. Хитрый Миндовгъ распространилъ свою власть на часть литвы, жмуди, ятвяговъ. Лютый, какъ волкъ, и хитрый, какъ лисица, онъ перебилъ всѣхъ своихъ родственниковъ, сталъ великимъ княземъ всей Литвы, даже присоединилъ къ себѣ русскую область полоцкую. Нѣкоторые изъ его родственниковъ успѣли спастись и при-

вели на него нѣмецкихъ рыцарей и Даніила Галицкаго. Но Миндовгъ обратился къ папѣ, притворно увѣряя его въ готовности принять христіанство. Папа остановилъ нападеніе ливонскихъ рыцарей и прислалъ Миндовгу королевскую корону. Миндовгъ съ членами семьи и нѣсколькими сотнями сановниковъ принялъ христіанство и былъ помазанъ на королевство. Вскорѣ онъ помирился съ Даніиломъ Галицкимъ, выдавъ свою дочь за Шварна, сына Даніила. Заручившись помощью русскихъ, Миндовгъ отрекся отъ католичества, разбилъ нѣмецкихъ рыцарей и сжегъ ихъ плѣнниковъ въ честь своихъ идоловъ. Погибъ Миндовгъ отъ руки оскорбленнаго имъ князя Домвонта, который спасся бѣгствомъ въ Псковъ.

Хотя Миндовгъ былъ убитъ, но основанное имъ государство не разрушалось. Правда, нѣсколько князей погибло въ борьбѣ за литовскій велико-княжескій столъ; но долгая междоусобица окончилась торжествомъ новой крѣпкой литовской династіи — Гедиминовичей.

Гедиминъ (1316 — 1341 г.) былъ храбрый воинъ, способный начальникъ, мудрый правитель, съ широкими замыслами, желѣзной волей, очень разсудительный и выдержанный. Онъ явился дѣйствительнымъ основателемъ могущества великаго княжества литовскаго, образовалъ изъ литовскихъ и русскихъ земель обширное государство. Онъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ русскія области — минскую, туровско-пинскую, берестейскую. Кромѣ того, онъ подготовилъ присоединеніе къ литовскому государству витебской и волынской земель, женилъ своего сына Ольгерда на наслѣдницѣ витебскаго княжества, а другого сына Любарта на наслѣдницѣ волынскаго княжества. Столицей государства Гедиминъ сдѣлалъ Вильну. Присоединеніе къ Литвѣ русскихъ княжествъ совершалось почти безъ завоеваній — русская народность шла навстрѣчу этой новой силѣ, обѣщавшей установить порядокъ и даже защиту отъ татарскаго населенія. Самъ Гедиминъ до конца жизни оставался язычникомъ. Но почти всѣ его сыновья были женаты на русскихъ православныхъ княжнахъ, а одинъ изъ нихъ еще при жизни отца крестился по православному обряду. Всѣмъ благоустройствомъ

литовцы были обязаны русскому вліянію. Русскіе люди служили въ войскахъ Гедимина и начальствовали надъ ними, были послами отъ Литвы въ другихъ государствахъ, управляли городами и волостями. Въ Литвѣ начинаютъ распространяться русскій языкъ и русская образованность. Происходитъ мирное сближеніе между сосѣдними народами. Двѣ трети всѣхъ земель Гедимина были русскими землями. Литва явилась ядромъ, къ которому потянулась, потерявшая свое единство, юго-западная Русь. Гедиминъ началъ ея собираніе, а его дѣти и внуки закончили это дѣло.

Въ теченіе своего долгаго княженія Гедиминъ велъ много войнъ съ ливонскимъ орденомъ, галицкими князьями и татарами, захватившими южныя русскія области. Онъ помогалъ Новгороду и Пскову въ борьбѣ съ нѣмцами; одинъ изъ его сыновей даже былъ избранъ новгородцами на княженіе; князь Александръ Михайловичъ Тверской нашелъ убѣжище при его дворѣ во время борьбы съ Москвою и татарами. Гедиминъ умеръ въ Вильнѣ отъ раны, полученной при осадѣ одного рыцарскаго замка; тѣло его, по древнелитовскому языческому обычаю, было сожжено на кострѣ, вмѣстѣ съ его любимымъ конемъ и оруженосцемъ.

Ольгердъ (1345—1377 г.). Гедиминъ, по обычаю того времени, раздѣлилъ государство на удѣлы между своими многочисленными сыновьями, но двое изъ нихъ, наиболѣе смѣлые и способные, Ольгердъ и Кейстутъ, захватили въ свои руки верховную власть и подѣлили государство дружески между собою. Ольгердъ сѣлъ въ Вильнѣ и боролся съ Москвою и татарами, а Кейстутъ— въ Трокахъ, опираясь на литовское племя жмудь, былъ государемъ западной половины государства; главный его врагъ были нѣмцы. Онъ помогалъ брату Ольгерду и защищалъ его съ западной стороны.

Первая и вторая жены Ольгерда были русскія православныя княгини — Марія витебская и Іуліанія тверская, всѣ сыновья его также были воспитаны въ русскомъ духѣ и православной вѣрѣ. Онъ вполнѣ сроднился съ русскимъ языкомъ и обычаями. Былъ онъ необыкновенно выдержаннымъ человѣкомъ, трудолюбивымъ и настойчивымъ въ достиженіи своихъ цѣлей.

Онъ подчинилъ своей власти витебскую и раздробленную на мелкіе удѣлы чернигово-сѣверскую земли, а также кіевскую и подольскую области, находившіяся дотолѣ подъ непосредственною властью татаръ. Во все великое княженіе Ольгерда происходила борьба Литвы и Польши за обладаніе волынско-галицкой земли: Волынь осталась за Литвой, но Галиція отошла къ Польшѣ вмѣстѣ съ холмскою землею. Наконецъ Ольгердъ привелъ въ зависимость отъ Литвы и смоленское княжежество, хотя до времени оставилъ въ Смоленскѣ и на меньшихъ столахъ князей — рюриковичей. Послѣ всѣхъ этихъ присоединеній литовское государство стало непосредственнымъ сосѣдомъ татарскихъ владѣній. Воспользовавшись безпорядками въ Золотой Ордѣ, Ольгердъ двинулся вглубь степей и *на Синихъ Водахъ*, въ въ долинѣ Южнаго Буга, одержалъ побѣду надъ тремя татарскими ханами (1362 г.). Все Поднѣпровье и Побужье, до Чернаго моря, оказалось во власти литовскаго государства. Собираніе юго-западной Руси Литвою пошло быстро и успѣшно, — быстрѣе и успѣшнѣе, чѣмъ собираніе сѣверо-восточной Руси Москвою. Многія причины этому способствовали: у великаго князя литовскаго не было сильныхъ соперниковъ внутри государства; въ западно-русскихъ областяхъ, присоединяемыхъ Литвою, княжеская власть была въ полномъ упадкѣ, вслѣдствіе сильнаго развитія народно-вѣчевыхъ началъ; населеніе присоединенныхъ русскихъ областей смотрѣло на литовскаго князя—не какъ на врага, а какъ на избавителя отъ татаръ.

Огромное литовско-русское государство простиралось отъ Балтійскаго до Чернаго моря и отъ верховьевъ Оки и Сейма до Западнаго Буга. Девять десятыхъ земель въ немъ были исконно русскія. Весь строй жизни и обычаи — все напоминало здѣсь старую удѣльную Русь. Во многихъ мелкихъ удѣлахъ еще сидѣли князья потомки св. Владиміра, а въ крупныхъ — гедиминовичи, по языку и обычаямъ—такіе же русскіе князья, какъ и тѣ, мѣсто которыхъ они заняли. Русскіе люди съ вѣрой въ блестящее будущее шли на соединеніе съ Литвою. Однако, дальнѣйшій ходъ событій не оправдалъ ихъ надеждъ, благодаря вмѣшательству въ это дѣло Польши.

Соединеніе Литвы съ Польшей. Ягайло. (1377 — 1434 г.). Послѣ смерти Ольгерда великимъ княземъ сталъ сынъ его, жестокій и безнравственный Ягайло (православное его имя Іаковъ). Онъ вступилъ въ борьбу со своимъ дядей, благороднымъ Кейстутомъ, коварно захватилъ его и приказалъ задушить. Разными способами отдѣлался онъ отъ своихъ братьевъ (изъ которыхъ многіе нашли себѣ радушный пріемъ у московскаго князя) и сдѣлался полнымъ обладателемъ Литвы. Теперь всѣ его помыслы обратились на соединеніе съ Польшей, которая была ослаблена внутренними смутами и сама стремилась соединиться съ Литвой. Съ этою цѣлью онъ женился на Ядвигѣ — дочери венгерскаго короля, которой, по наслѣдству, досталась польская корона. Для вступленія въ этотъ бракъ, Ягайло долженъ былъ перемѣнить православіе на католичество (что онъ и сдѣлалъ въ 1386 г.) и дать обѣщаніе обратить въ католичество своихъ родичей и весь литовскій народъ, который отличался преданностью и повиновеніемъ своимъ князьямъ.

Принятіе литовскимъ народомъ католицизма имѣло огромное значеніе въ исторіи Литвы и западной Руси. Это событіе сближало литовскую народность съ Польшей и отдаляло ее отъ русской части населенія и неизбѣжно вносило внутренній раздоръ въ литовско-русское государство. Но побѣда польско-католическихъ началъ жизни надъ православно-русскими не легко и не скоро досталась. Русскій языкъ остался не только письменнымъ, но и государственнымъ языкомъ великаго княжества литовскаго. Вплоть до XVIII вѣка частныя и правительственныя записи и граматы въ Литвѣ писались по-русски. Литовскій статутъ также изданъ на русскомъ языкѣ.

Прошлое Польши до конца XIV вѣка. Польша, какъ и Русь и Литва, вначалѣ дѣлилась на множество мелкихъ племенъ. Объединеніе ея началось во второй половинѣ X вѣка недостаточно ясно. Около этого времени при князѣ Мечиславѣ I въ Польшѣ появилось и христіанство (965 г.). Польскій князь принялъ христіанство по православному обряду и женился на чешской княжнѣ Домбровкѣ, которая была православною.

Оттого-то вначалѣ въ Польшѣ распространялось и христіанство по православному обряду. Однако, послѣ смерти Домбровки, Мечиславъ женился на нѣмецкой княжнѣ, которая начала покровительствовать католицизму. Православный обрядъ постепенно вытѣсняется изъ Польши и распространяется католицизмъ. Преемники Мечислава, три Болеслава — Храбрый, Смѣлый и Кривоустый — были сильными государями. Болеславъ Храбрый, подъ конецъ жизни, съ согласія римскаго папы, короновался королевскою короною, которую и передалъ своимъ дѣтямъ. Въ блестящее «время Болеславовъ» (1000—1139 г.) Польша объединила ляшскіе народцы и заняла пространство отъ Эльбы до Вислы и отъ Балтійскаго побережья до Чехіи и Карпатъ. Поляки пытались даже присоединить чеховъ, говорившихъ близкимъ къ польскому языку. Тогда же польскіе короли старались установить сношенія съ русскими, роднились съ нашими князьями, вмѣшивались въ ихъ внутренія дѣла, ходили на Кіевъ и Волынь, и русскіе отвѣчали имъ походами далеко на сѣверъ по Вислѣ. Русское вліяніе въ Польшѣ было слабое. Въ столь раннее время Польша начинаетъ отдѣляться отъ славянскаго міра и сближаться съ нѣмцами, которые, при помощи ихъ католическаго духовенства, подчинили поляковъ своему вліянію и своей образованности. Въ городахъ населеніе въ значительной мѣрѣ состояло изъ нѣмцевъ и евреевъ. Польскіе короли и высшее общество во всемъ подражали своимъ западнымъ сосѣдямъ — нѣмцамъ. Въ Польшѣ начинается чрезвычайное усиленіе шляхты (дворянства) и высшаго слоя ея — панства, или магнатства. Кметы (крестьяне) находились въ полномъ порабощеніи у пановъ. Короли щедро одаряли духовенство, которое во главѣ съ гнѣзненскимъ архіепископомъ, примасомъ польской церкви, сосредоточило въ своихъ рукахъ громадныя богатства и пріобрѣло очень большое политическое значеніе. Такимъ образомъ въ Польшѣ создался западно-европейскій государственный строй: наверху—король и сильныя духовныя и свѣтскія сословія, а внизу—безправное крестьянство. Воинская служба стала исключительнымъ достояніемъ одного шляхетскаго сословія, которое совершенно отстранило народъ отъ всякаго участія въ дѣлѣ защиты родины.

Короли, какъ и на западѣ, вынуждены были бороться съ высшими сословіями, но не имѣли успѣха. Въ то же время угнетенный народъ сталъ возставать противъ пановъ и жечь ихъ добро. Возродилась и старая вражда между Великою и Малою Польшей, съ ихъ столицами Гнѣзномъ и Краковомъ. Польша стала распадаться.

Вотъ почему въ началѣ XIV вѣка даже такіе способные короли, какъ Владиславъ Локтикъ (1319—1333 г.) и Казиміръ Великій (1333—1370 г.) — представители золотого вѣка Польши—многаго сдѣлать не могли для развитія своей страны. Впрочемъ, объединеніе польскихъ областей къ этому времени окончательно завершилось. Казиміръ успѣлъ даже провести нѣкоторыя преобразованія въ управленіи государствомъ: онъ ввелъ королевскую полицію и суды, издалъ писанное законодательство, ввелъ единую въ государствѣ монету, далъ селамъ и городамъ самоуправленіе; защищалъ крестьянъ противъ пановъ, за что даже получилъ прозваніе «короля хлоповъ». Онъ принималъ въ Польшу и евреевъ, изгнанныхъ изъ другихъ странъ, и наполнилъ ими польскіе города и мѣстечки. Но въ то же время онъ былъ страстнымъ поклонникомъ всего нѣмецкаго. Онъ обнесъ многіе города стѣнами, поднялъ въ странѣ искусства и науку, учредилъ краковскій университетъ (1364 г.). Однако, сломить самовластіе пановъ Казиміръ не могъ. По смерти его, магнаты стали еще сильнѣе, такъ какъ родъ Пястовъ прекратился, а призванный изъ Венгріи Людовикъ расширилъ права пановъ и впослѣдствіи согласился дать шляхетскому сословію новыя льготы за то, что оно признало его дочь Ядвигу наслѣдницей польской короны: онъ освободилъ шляхту почти отъ всѣхъ податей, кромѣ незначительной земельной, и обязалъ военной службой только въ предѣлахъ королевства. Въ 1386 г. паны заставили Ядвигу выйти замужъ за Ягайла Литовскаго.

Витовтъ (1392—1430 г.). Бракъ Ягайло съ Ядвигой не создалъ полнаго объединенія Литвы и Польши. Литовско-русское государство совсѣмъ не желало этого сліянія и было достаточно сильно, чтобы этому воспрепятствовать. Сынъ Кейстута, Витовтъ, сначала былъ

признанъ литовскимъ намѣстникомъ (такъ какъ самъ Ягайло жилъ въ Польшѣ), а затѣмъ и особымъ правителемъ, великимъ княземъ литовскимъ. Противъ общаго врага Литвы и Польши Ягайло и Витовтъ шли вмѣстѣ; такъ они разбили на-голову своего злѣйшаго врага—нѣмцевъ въ грюнвальденской битвѣ (при Танненбергѣ—1410 г.); послѣ этого пораженія тевтонскій орденъ не могъ оправиться. Выдающіяся способности и умъ сдѣлали Витовта прямымъ преемникомъ Гедимина и Ольгерда. При немъ владѣнія Литвы простирались отъ Балтійскаго до Чернаго моря; онъ окончательно присоединилъ къ ней смоленское княжесво и вмѣшивался въ дѣла Пскова, Новгорода, Твери, Москвы и Рязани; рѣка Угра (лѣвый притокъ Оки) сдѣлалась границею литовскаго и московскаго княжествъ. Витовтъ пытался наложить руку и на Золотую Орду, въ то время ослабленную междоусобицами, но ханъ Едигей разбилъ его на берегу р. Ворсклы (1399 г.); однако, Витовтъ успѣлъ утвердить династію гиреевъ въ отдѣлившемся отъ Орды крымскомъ ханствѣ. Витовтъ былъ народнымъ героемъ литовцевъ. Его правленіе считалось временемъ расцвѣта и наибольшей славы литовскаго государства. Но онъ не сумѣлъ воспользоваться недовольствомъ литовскаго и русскаго населенія противъ уніи (соединенія) съ Польшей,—не сталъ открыто на сторону русскаго населенія, чтобы, опершись на православно-русскую народность, обратить свое государство въ такое же русское великое княжество, какимъ была тогда Москва. Двѣ причины помѣшали этому: во-первыхъ, онъ нуждался въ поддержкѣ Польши для борьбы съ нѣмцами, а во-вторыхъ, по условіямъ уніи, опредѣленнымъ на съѣздѣ въ Городнѣ (1413 г.), литовцы-католики получали одинаковыя съ поляками права; литовская знать не хотѣла лишиться этихъ выгодъ и потому рѣшительно потянулась къ Польшѣ. Притомъ же, самъ Витовтъ исповѣдывалъ римско-католическую вѣру, и православно-русское большинство его подданныхъ не могло вполнѣ ему довѣрять. Населеніе его княжества раздѣлилось на три части: *православно-русскую, старо-литовскую и новую католическо-польскую.* Всѣ возлагали надежду на любимаго князя; онъ всѣхъ, дѣйствительно, ласкалъ, но не ста-

новился открыто ни на чью сторону [1]). Впрочемъ, въ концѣ своей многолѣтней жизни Витовтъ замыслилъ полное отдѣленіе отъ Польши и *хлопоталъ у германскаго императора о королевскомъ титулѣ* для себя, но поляки напали на императорскихъ пословъ и отняли у нихъ королевскія регаліи, присланныя императоромъ для Витовта. Въ 1430 г. Витовтъ умеръ. Такъ онъ и не достигъ отдѣленія Литвы отъ Польши; такъ государственная жизнь въ Литвѣ и не получила правильнаго направленія. Отъ этого началась внутренняя борьба, въ концѣ-концовъ погубившая сильное литовско-русское княжество.

По смерти Витовта, Литва утратила самостоятельное политическое значеніе. Въ правленіе великаго князя *Казиміра Ягайловича* (1440—1492 г.) были окончательно уничтожены удѣлы; изъ крупныхъ удѣловъ послѣднимъ былъ уничтоженъ кіевскій (1471 г.), и въ Кіевѣ вмѣсто князя засѣлъ въ такъ называемомъ литовскомъ замкѣ велико-княжескій намѣстникъ съ гарнизономъ.

Русское населеніе было крайне недовольно польскими порядками. Вскорѣ послѣ смерти Казиміра бо̀льшая часть бывшаго чернигово-сѣверскаго княжества, съ городами Черниговомъ, Стародубомъ, Новгородъ-Сѣверскимъ и др., добровольно отошла въ подданство Москвы.

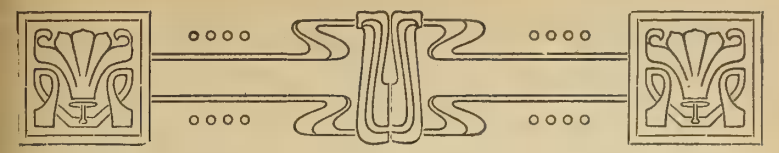
За Казиміромъ слѣдовалъ рядъ ягеллоновъ: Александръ, Сигизмундъ I, Сигизмундъ II Августъ, которые неизмѣнно держались одной политики, выражавшейся словами: «мы старины не рухаемъ (не нарушаемъ), новины не уводимъ (не вводимъ)». При Сигизмундѣ I изданъ сборникъ законовъ «*Литовскій статутъ*» (1529 г.), *написанный на русскомъ языкѣ*.

Послѣ бездѣтнаго Сигизмунда II Августа, династія ягеллоновъ должна была прекратиться. Поэтому король собралъ въ Люблинѣ (1569 г.) общій польско-литовскій сеймъ, на которомъ постановлено не только со-

---

[1]) Чтобы ослабить тяготѣніе своихъ русскихъ подданныхъ къ Москвѣ, онъ отдѣлилъ кіевскую митрополію отъ константинопольскаго патріарха, приказавши собору западо-русскихъ епископовъ избрать и поставить митрополитомъ въ Кіевѣ ученаго болгарина Григорія Цамвлака (1415 г.).

хранять унію между литовско-русскимъ государствомъ и Польшей даже по прекращеніи династіи ягеллоновъ, но еще ее усилить, т.-е. еще сильнѣе подчинить Литву Польшѣ. Литовскіе вельможи хотѣли сорвать сеймъ и разъѣхались, но рѣшеніе сейма, поддержанное королемъ, не было отмѣнено и вошло въ законную силу. Такимъ образомъ, люблинская унія соединила окончательно литовско-русское государство съ Польшей; сверхъ того, южно-русскія земли (Кіевская земля съ Побужьемъ и Волынь съ Подляшьемъ) отрывались отъ Литвы и соединялись непосредственно съ Польшей. Такимъ образомъ, южной Руси нужно было напрягать всѣ свои силы, чтобы сохранить свою вѣру и самобытность въ борьбѣ съ католической Польшей.



VII.

Объединеніе сѣверо-восточной Руси подъ властью Москвы.

Московскій удѣлъ и первые московскіе князья. Небольшой городокъ Москва, расположенный въ живописной мѣстности, на берегу судоходной рѣки, былъ построенъ Юріемъ Долгорукимъ. Онъ представлялъ собою пограничный укрѣпленный городокъ: въ немъ не разъ собирались сѣверные князья, чтобы изъ него отправиться уже на югъ съ цѣлью военныхъ дѣйствій. Какъ пограничный городъ, Москва не была сосредоточнымъ пунктомъ значительной области. При нашествіи Батыя татары сожгли городокъ. Дѣлается Москва стольнымъ городомъ маленькой Московской земли послѣ смерти Александра Невскаго, при его младшемъ сынѣ *Даніилѣ*. Сынъ Даніила, *Юрій*, уже чувствуетъ себя настолько сильнымъ, что вступаетъ въ борьбу за великое княженіе владимірское съ самымъ могущественнымъ изъ тогдашнихъ удѣльныхъ князей, Михаиломъ Ярославичемъ тверскимъ. Такое усиленіе Московскаго княжества зависѣло отъ его положенія и богатства. Находясь между Окой и верхней Волгой, на торговыхъ путяхъ изъ Новгорода въ Рязань и далѣе на юго-востокъ, прикрытая со всѣхъ сторонъ другими княжествами отъ ударовъ враговъ, населенная наиболѣе скученнымъ великорусскимъ населеніемъ, Москва множилась и богатѣла. При Даніилѣ и Юріи къ ней присоединены были Коломна, Можайскъ, Переяславль-Залѣсскій.

Князья ея, даровитые потомки Александра Невскаго, поняли свое положеніе и прокладывали себѣ путь къ велико-княжескому столу то силой, то хитростью, то деньгами. *Юрій Даниловичъ*, наконецъ, добился того, что Золотая Орда признала его владимірскимъ великимъ княземъ.

Іоаннъ I Калита (1328—1341 г.) и его дѣти. Іоаннъ I извѣстенъ подъ именемъ *Калиты* — «кошеля»: такое прозваніе онъ получилъ потому, что всю свою жизнь заботился о накопленіи денегъ. Этотъ ловкій и мудрый московскій князь добился полнаго довѣрія хана и получилъ право въ своей области собирать дань съ населенія. Но не всю собранную дань онъ отвозилъ въ Орду. Часть ея онъ оставлялъ въ свою пользу. Такимъ путемъ Іоаннъ разбогатѣлъ и получилъ еще большее вліяніе на татаръ. Онъ часто ѣздилъ въ Орду, льстилъ хану и представлялъ ему своихъ дѣтей, какъ вѣрныхъ слугъ. Татары вѣрили московскому князю и поддерживали его въ борьбѣ съ внутренними врагами. «Перестали поганые воевать Русскую землю, — говоритъ лѣтописецъ; — отдохнули и опочили христіане отъ великой истомы и многой тягости, и отъ насилія татарскаго; и съ этихъ поръ наступила тишина по всей землѣ». Калита завелъ большой порядокъ въ странѣ, уничтожилъ разбои. Спокойная и привольная жизнь въ Московскомъ княжествѣ, избавившемся отъ сбора дани баскаками или бессерменскими купцами, привлекала сюда населеніе и изъ другихъ русскихъ княжествъ. Въ Московской землѣ охотно селились и иноземцы, и крещеные татары. Сама Москва расширялась; въ Кремлѣ были построены Успенскій и Архангельскій соборы, храмъ Спаса на Бору и церковь Іоанна, на мѣстѣ которой воздвигли потомъ колокольню Ивана Великаго. Остальные русскіе князья боялись Калиты, а ростовскіе были его подручниками. Кромѣ того, Калита покупалъ или выгодно промѣнивалъ города и села. Онъ мечталъ распространить свою власть на всю сѣверо-восточную Русь. Онъ выдалъ своихъ дочерей за ярославскаго и ростовскаго князей и сталъ распоряжаться въ земляхъ своихъ зятьевъ. Намѣревался онъ наложить руку и на Новгородъ, но новгородцы избрали себѣ въ князья

сына Гедимина литовскаго, хорошо укрѣпились — и осторожный Іоаннъ ихъ не тронулъ. Добившись званія великаго князя владимірскаго, Іоаннъ Калита сдѣлалъ Москву навсегда главнымъ городомъ владимірскаго великаго княжества. Какъ человѣкъ религіозный и почтительный къ духовенству, Іоаннъ Калита пользовался расположеніемъ знаменитаго въ то время митрополита св. Петра, который часто посѣщалъ Москву, подолгу

Великій князь Іоаннъ Даниловичъ Калита (1328 — 1341).
Съ карт. *В. Верещагина.*

жилъ въ ней и предсказалъ этому городу блестящее будущее. Здѣсь же святитель и скончался въ началѣ великаго княженія Калиты. А его преемникъ митрополитъ Ѳеогностъ совсѣмъ переселился изъ Владиміра въ Москву. Такъ какъ митрополитъ на Руси былъ одинъ, то и тотъ городъ, гдѣ жилъ первосвятитель русской Церкви, считался главнымъ городомъ на Руси. Такимъ образомъ, Москва сдѣлалась средоточіемъ русской

жизни — сначала церковной, а потомъ и государственной. Послѣ 13 лѣтъ великаго княженія, Іоаннъ I Калита скончался въ 1341 г., принявъ схиму на смертномъ одрѣ и заслуживъ у лѣтописцевъ титулъ «перваго собирателя Русской земли». Своею жизнью и дѣятельностью онъ указалъ своимъ потомкамъ путь къ созданію величія Россіи.

Симеонъ Гордый (1340—1353 г.) и **Іоаннъ II Кроткій** (1353—1359 г.), хотя и уступали способностями своему отцу, но твердо держались заведенныхъ имъ порядковъ. Ихъ поддерживали и московскіе бояре; они держались правила—«жить за одинъ». Московское великое княжество окрѣпло скоро. Не мало этому способствовало и то обстоятельство, что у первыхъ московскихъ князей было мало сыновей, княжескій родъ не разрастался въ боковыя линіи: старшій сынъ безпрепятственно наслѣдовалъ отцу, такъ какъ не было дядей, оспаривавшихъ старшинство. Поддерживало великихъ князей московскихъ и духовенство. Въ этомъ отношеніи много сдѣлалъ преемникъ Ѳеогноста, *митрополитъ Алексій* (изъ рода бояръ Плещеевыхъ), пользовавшійся большимъ вліяніемъ при «кроткомъ и тихомъ» Іоаннѣ II Іоанновичѣ и его сынѣ Димитріи, оставшемся послѣ отца всего девяти лѣтъ. Митрополитъ Алексій отличался исключительнымъ умомъ и государственными способностями, его высоко почитали въ Ордѣ, особенно послѣ исцѣленія имъ болѣвшей глазами ханши Тайдулы. Съ большою чуткостью передовые представители русской Церкви оцѣнили значеніе Москвы, какъ сердца Россіи, и стали работать для ея возвышенія. Громадную пользу оказалъ Москвѣ и знаменитый подвижникъ, основатель Троице-Сергіевской лавры, преподобный Сергій Радонежскій.

Димитрій Іоанновичъ Донской (1363—1389 г.), внукъ Калиты, вступилъ на велико-княжескій столъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ внутренней неурядицы въ сѣверо-восточной Руси. Эту неурядицу создали нижегородско-суздальскіе князья, захватившіе было въ свои руки и велико-княжескій столъ. Но митрополитъ Алексій и старые бояре, спустя нѣсколько лѣтъ, положили конецъ этой неурядицѣ и помогли Димитрію Іоанновичу занять владимірскій велико-княжескій столъ. Это былъ

послѣдній въ новой исторіи случай оспариванія великокняжескаго достоинства у московскихъ князей сосѣдними князьями. Къ этому времени русскій народъ привыкъ смотрѣть на Москву, какъ на столицу и средоточіе русской жизни. Димитрію Іанновичу не было нужды слѣдовать во всемъ пріемамъ своего осторожнаго дѣда. Онъ рѣшительно установилъ, что *велико-княжескій санъ и городъ Владиміръ составляютъ «вотчину» московскихъ князей и никому другому принадлежать не могутъ*; въ отношеніи же суздальскихъ князей онъ держался властно и повелительно; съ сильнымъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ тверскимъ велъ долгую и тяжелую борьбу, въ которую вмѣшался и Ольгердъ литовскій, ревниво наблюдавшій усиленіе Москвы; Ольгердъ осадилъ даже Москву, обнесенную новой каменной стѣной, но взять ее не могъ и ушелъ въ Литву, а тверской князь въ 1375 г. призналъ себя «младшимъ братомъ» московскаго князя. За ослушаніе новгородцевъ, Димитрій пошелъ на нихъ войною и наложилъ на нихъ «окупъ» въ 8.000 рублей. При Димитріи Москва взяла верхъ надъ всѣми своими соперниками.

Но самымъ великимъ дѣломъ Димитрія Іоанновича Донского является его безсмертная борьба съ Золотой Ордой. Тамъ въ это время происходили внутреннія усобицы, и въ 25 лѣтъ смѣнилось 18 хановъ. Ихъ ставилъ и низвергалъ темникъ Мамай, который, наконецъ, самъ воцарился въ Сараѣ. Во время смутъ Золотая Орда распалась на пять главныхъ ханствъ: за Яикомъ, въ Казани — на мѣстѣ болгарскаго царства, въ Сараѣ, въ Астрахани и въ Крыму. Изъ Орды уходили изгнанники и неудачники, которымъ грозила гибель, они соединялись въ отряды и грабили пограничныя русскія земли. Считая ихъ за простыхъ разбойниковъ, русскіе люди безъ стѣсненій гоняли ихъ и били. Князья рязанскіе, нижегородскіе и самъ великій князь Димитрій посылали противъ нихъ свои рати. Это озлобило татаръ, которые собрали большія силы подъ начальствомъ царевича Арапши (Арабъ-Шаха), нанесли русскимъ сильное пораженіе на р. Пьянѣ (1377 г., притокъ Суры) и разорили Рязань и Нижній Новгородъ. За это москвичи и нижегородцы разорили мордовскія земли, въ

которыхъ держались татары на р. Сурѣ. Борьба становилась открытой и ожесточенной. Мамай рѣшилъ наказать русскихъ и послалъ на нихъ сильную рать, но Димитрій Іоанновичъ вышелъ къ ней навстрѣчу и разбилъ на-голову на берегу р. *Вожи* въ рязанской землѣ (1378 г.). Теперь обѣ стороны почувствовали, что пришло время рѣшительно помѣриться своими силами. Выросло новое русское поколѣніе, которое не видѣло нашествія татаръ и всѣхъ его ужасовъ, которое не трепетало одного имени татаръ. Недавнія побѣды подняли у русскихъ увѣренность въ своихъ силахъ. Молодой московскій великій князь Димитрій былъ надеждой и представителемъ новаго гордаго поколѣнія, рвавшагося къ свободѣ. Русскіе съ увлеченіемъ готовились сразиться въ рѣшительномъ бою съ татарами. Мамай вѣрно оцѣнивалъ важность предстоявшаго столкновенія и хотѣлъ напомнить русскимъ времена Батыя. Онъ собралъ всѣ силы татаръ, нанялъ зауральскихъ кочевниковъ, черкесъ съ Кавказа, даже генуезцевъ изъ Кафы, и вступилъ въ союзъ съ Ягайломъ литовскимъ и Олегомъ рязанскимъ.

Приготовленія татаръ не укрылись отъ Димитрія Іоанновича. Онъ собралъ вокругъ себя всѣхъ своихъ подручныхъ князей (ростовскихъ, ярославскихъ, бѣлозерскихъ и муромскихъ), послалъ за помощью въ Новгородъ и къ рязанскому и тверскому князьямъ, но отъ нихъ не успѣлъ получить вспомогательныхъ войскъ; пришли къ нему съ своими ратями и двое литовскихъ князей — Димитрій и Андрей Ольгердовичи. Собралось у Димитрія Іоанновича до 200.000 блестящей, давно невиданной русской рати. Передъ выступленіемъ въ походъ, великій князь, съ остальными князьями и воеводами, помолился въ Троицкой обители и принялъ благословеніе преподобнаго Сергія, который послалъ вмѣстѣ съ ратью въ походъ двухъ богатырей - иноковъ, Пересвѣта и Ослябя.

Куликовская битва (Мамаево побоище) — 8 сентября 1380 г. 20 августа 1380 г. войска русскія выступили изъ Москвы на Коломну, ожидая появленія татаръ изъ рязанской земли, но когда узнали, что Мамай идетъ навстрѣчу литовской рати Ягайло, то повернули на Серпуховъ, а оттуда въ «дикое поле», чтобы встрѣтить татаръ

раньше соединенія ихъ съ ратью Ягайло. Переправились черезъ Оку, подошли къ верховьямъ Дона; татары были близко. На военномъ совѣтѣ многіе говорили, что не слѣдуетъ переходить Дона, но великій князь приказалъ переправиться черезъ рѣку, не теряя времени, и немедленно сразиться съ Мамаемъ. Это рѣшеніе было вѣрное, такъ какъ войско Ягайло находилось всего въ 40 верстахъ. Русскіе навели мосты и послѣ переправы расположились на Куликовскомъ полѣ при впаденіи р.

Великій князь Димитрій Іоанновичъ Донской (1363 — 1389 г.).
Съ карт. *В. Верещагина.*

Непрядвы въ Донъ. Мамай спѣшилъ туда же. Обѣ рати стали почти въ виду другъ друга.

Въ туманное утро, 8 сентября, войска готовились къ бою. Русская рать выстроилась въ три линіи: впереди передовой полкъ, во второй линіи — главныя силы — большой полкъ и полки правой и лѣвой руки, а въ третьей линіи — запасныя, полкъ Димитрія Ольгердовича и въ зеленой дубравѣ—«засадный конный полкъ» Владиміра Андреевича, двоюроднаго брата великаго князя и опытнаго воеводы Димитрія Волынскаго-Боб-

рока. Великій князь надѣлъ поверхъ доспѣховъ простой воинскій плащъ, пересѣлъ на другого коня и сталъ во главу передового полка, передавши свой богатый плащъ и своего коня одному изъ любимыхъ бояръ, которому приказалъ сражаться при велико-княжеской хоругви.

Сраженіе началось въ 9 часовъ утра поединкомъ татарскаго богатыря Темира-Мурзы съ инокомъ Пересвѣтомъ, — оба героя пали. Сильнымъ ударомъ татары смяли нашъ передовой полкъ и начали страшный бой съ главными силами. Литовцы Андрея Ольгердовича отбили татаръ отъ полка правой руки. Большой полкъ несъ огромныя потери; татарамъ удалось подрубить велико-княжескій стягъ и потѣснить полкъ лѣвой руки, но стоявшій за нимъ полкъ Димитрія Ольгердовича выдвинулся впередъ и поддержалъ лѣвое крыло. Наступила рѣшительная минута боя: обойдя лѣвое крыло, татары бросились къ мостамъ, чтобы отрѣзать путь отступленія русской рати; тысячи ихъ въ большомъ безпорядкѣ ринулись туда. Но въ это время изъ зеленой дубравы вынесся засадный полкъ Владиміра Андреевича и неожиданно обрушился на татаръ сбоку и въ тылъ. Это рѣшило участь боя. Въ страшномъ безпорядкѣ, пораженные неожиданностью, татары бросились назадъ къ ставкѣ Мамая, разбитой на холмѣ, откуда Мамай и руководилъ боемъ. Русскіе всѣми силами перешли въ наступленіе и быстро сломили врага. Мамай съ своими приближенными ускакалъ. За нимъ побѣжали остатки его разбитой рати. Русскіе преслѣдовали его на нѣсколько верстъ, захватили много всякаго добра и плѣнныхъ.

Послѣ битвы долго искали виновника побѣды, великаго князя Димитрія Іоанновича, и нашли его лежавшимъ подъ деревомъ, безъ чувствъ. Его доспѣхи и шлемъ были изсѣчены, измяты ударами и забрызганы кровью враговъ. Придя въ себя, обрадованный герой объѣхалъ все поле сраженія и убѣдился, какой дорогой цѣной достигнута была побѣда: съ нашей стороны пало 15 русскихъ князей и около половины войска. «Русская земля надолго,—по выраженію лѣтописца,—оскудѣла и воинами, и воеводами».

Куликовская битва имѣла огромное значеніе: русскіе увидѣли, что они могутъ побѣдить страшнаго врага. Кромѣ того, эта побѣда еще выше подняла значеніе великаго князя Московскаго, который силами Московскаго княжества и только подручныхъ князей выступилъ защитникомъ всея Руси. Русскіе люди возблагодарили побѣдителя званіемъ «Донскаго», а доблестнаго Владиміра Андреевича прозвали «Храбрымъ». Русскою Церковью на вѣчныя времена установлено поминовеніе убитыхъ на Куликовомъ полѣ въ Димитріевскую субботу (послѣднюю передъ 26 октября).

Набѣгъ Тохтамыша. Убѣгавшій съ Куликова поля Мамай былъ разбитъ на берегахъ р. Калки Тохтамышемъ, намѣстникомъ Тимура, которому теперь и досталась Золотая Орда. Тохтамышъ потребовалъ отъ русскихъ князей покорности и дани. Они послали дань, но на поклонъ къ хану не поѣхали. Тогда Тохтамышъ рѣшилъ снова покорить Русь, быстро двинулся въ русскіе предѣлы и подступилъ къ Москвѣ. Димитрій Донской, застигнутый врасплохъ, удалился въ Кострому собирать войско, а въ его отсутствіе татары обманомъ овладѣли Кремлемъ, разграбили Москву и много людей увели въ полонъ. Спѣшившій на выручку Владиміръ Андреевичъ разбилъ одинъ изъ татарскихъ отрядовъ; остальные татары побоялись вступить въ битву съ московскою ратью въ открытомъ полѣ и поспѣшили удалиться. Набѣгъ 1382 г. не уменьшилъ значенія Мамаева побоища: татары одолѣли здѣсь лишь потому, что появились «тропомъ», внезапно, а Москва ихъ проглядѣла и не убереглась. Всѣ видѣли, что теперь татары могутъ только воровать побѣды. Чтобы избѣжать подобныхъ набѣговъ на русскія земли, Димитрій Донской призналъ болѣе выгоднымъ поддерживать съ татарами прежнія отношенія, т.-е. давать имъ «выходъ» и послалъ сына своего Василія съ боярами въ Орду на поклонъ хану.

Василій I Димитріевичъ (1389—1425 г.). Димитрій Донской умеръ внезапно 39 лѣтъ, оставивши княженіе 17-лѣтнему Василію I-му, напоминавшему своими способностями первыхъ московскихъ князей. Безъ борьбы, при содѣйствіи бояръ и съ помощью хановъ, онъ пріобрѣлъ Нижній-Новгородъ и Суздаль. Въ 1395 г. про-

неслась изъ Орды страшная гроза: новый монгольскій завоеватель Тамерланъ разбилъ Тохтамыша, захватилъ южную Русь и пошелъ на Москву, но, захвативши Елецъ, вдругъ повернулъ назадъ, преслѣдуемый литовцами Витовта. Москвичи приписали это *чудотворной иконѣ Божіей Матери, перенесенной изъ Владиміра*, которая и понынѣ хранится въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, какъ одна изъ величайшихъ русскихъ святынь.

После Тамерланова погрома Золотая Орда значительно ослабѣла; этимъ воспользовался Василій Димитріевичъ и пересталъ платить выходъ (дань), а когда ему напоминали объ этомъ, онъ ссылался на обѣднѣніе населенія: «взять, — говорилъ онъ, — дани не съ кого». Впрочемъ, татарская дань попрежнему исправно собиралась и поступала въ велико-княжескую казну. Перестали въ Москвѣ почитать и ханскихъ пословъ, а татарскимъ купцамъ «чинили обиды и оскорбленія». Въ отместку, Орда замыслила сдѣлать новый набѣгъ на Русь. Очень способный и пользовавшійся большимъ вліяніемъ въ Ордѣ, татарскій князь Едигей неожиданно вторгнулся въ Московское княжество (1408 г.): онъ распускалъ вѣсть, что идетъ на Литву, но вдругъ измѣнилъ направленіе и страшно опустошилъ московскія земли; не могъ онъ взять Москвы, на стѣнахъ которой уже стояли артиллерійскія орудія, заведенныя при Димитріѣ Донскомъ. Великій князь ушелъ на сѣверъ собирать войско, а Едигей, взявъ выкупъ въ 3.000 рублей, вернулся въ Орду. Вторженіе Едигея не заставило Василія I измѣнить свои отношенія къ Ордѣ.

Василій I Димитріевичъ, 1389—1425 г. (Истор. альбомъ тысячелѣтія Земли Русской).

Въ это время Москвѣ доставлялъ много хлопотъ другой врагъ—литовцы. Литва и Москва собирали русскія

земли и поневолѣ должны были столкнуться. Хотя Василій Димитріевичъ и былъ женатъ на Софіи Витовтовнѣ, дочери литовскаго великаго князя Витовта, но родственныя отношенія не могли предупредить неизбѣжной борьбы. Витовтъ захватилъ Смоленскъ и покушался наложить руку на псковскую и новгородскую области. Василій Димитріевичъ объявилъ войну тестю. Впрочемъ, ни тотъ, ни другой не спѣшили вступить въ бой; три раза сходились рати литовская и московская и три раза не рѣшились начать сраженіе. Наконецъ, *въ 1408 г. было условлено считать р. Угру границею между Литвою и Москвою.* Примирившись съ тестемъ, Василій Димитріевичъ, умирая, ввѣрилъ Витовту попечительство надъ своимъ сыномъ, а его внукомъ — Василіемъ Васильевичемъ.

Василій II Васильевичъ, прозванный **Темнымъ** (т.-е. слѣпымъ) лишился отца, когда ему было 10 лѣтъ. Княженіе его (1425—1462 г.) было безпокойное и несчастливое; оно отмѣчено княжеской усобицей, единственной во всемъ родѣ московскихъ князей. Теперь уже вошло въ обычай наслѣдованіе велико-княжескаго достоинства отъ отца къ сыну; кромѣ того, Василій Васильевичъ получилъ отъ хана ярлыкъ на великое княженіе. Не смотря на это, дядя великаго князя, Юрій Димитріевичъ Звенигородскій, по смерти Витовта (1430 г.), заявилъ права на великое княженіе. Въ борьбѣ приняли участіе и сыновья Юрія: Василій Косой и Дмитрій Шемяка. Юрій опирался на свой богатый галичскій удѣлъ (въ верховьяхъ р. Костромы). Не смотря на то, что за Василія Васильевича стояло большинство населенія, духовенство и боярство, — Юрій пошелъ противъ своего племянника, разбилъ его и захватилъ Москву, гдѣ вскорѣ и умеръ. Послѣ смерти Юрія заявилъ притязанія на московскій престолъ уже безъ всякаго основанія старшій сынъ Юрія, Василій Косой. Но Василій II послѣ долгой борьбы схватилъ своего соперника и ослѣпилъ его. За брата отомстилъ Димитрій Шемяка, который, въ союзѣ съ тверскимъ княземъ, захватилъ Василія Васильевича на богомольѣ въ Троицкой лаврѣ и, въ свою очередь, ослѣпилъ его. Съ этого времени Василія II и называли «темнымъ». Шемяка посадилъ Василія II въ тюрьму и занялъ Москву, но,

опасаясь народнаго волненія, долженъ былъ освободить Василія изъ плѣна. Шемяку ненавидѣли москвичи за его несправедливое правленіе; «Шемякинъ судъ», какъ образецъ неправды, вошелъ въ пословицу. Вскорѣ Шемяка былъ изгнанъ, и Василій II снова сталъ великимъ княземъ. Шемяка бѣжалъ въ Новгородъ, но погибъ тамъ отъ отравы. Со смертью Шемяки прекратилась смута въ Москвѣ. Въ побѣдѣ Василія II выразилось торжество новаго порядка престолонаслѣдія (отъ отца къ сыну), обезпечивавшаго общественное спокойствіе, что сознавалось всѣми. Духовенство въ соборномъ посланіи заявило Шемякѣ, что преемство велико-княжеской власти отъ отца къ сыну единственно правильное. А митрополитъ Іона въ окружномъ посланіи приглашалъ все «людство» отступить отъ Шемяки и бить челомъ Василію, угрожая, въ случаѣ неповиновенія, отлученіемъ отъ Церкви.

Продолжительное внутреннее междоусобіе въ Московскомъ княжествѣ пріостановило на-время успѣхи Москвы въ собираніи сѣверо-восточной Руси: тверское и рязанское княжества продолжали оставаться независимыми. Однако, это междоусобіе не только не остановило, но еще усилило паденіе удѣловъ въ предѣлахъ самого Московскаго княжества: послѣ побѣды Василія II надъ враждебными ему князьями, всѣ удѣлы ихъ (звенигородскій, можайскій, серпуховской, суздальскій и др.) присоединены были къ его владѣніямъ. Несмотря на московскую междоусобицу, власть Москвы надъ Новгородомъ и Псковомъ, въ княженіе Василія II, также усилилась. Всѣ историческія обстоятельства давно уже складывались неблагопріятно для ихъ дальнѣйшей независимости.

Утвердилась тогда и церковная самостоятельность Москвы. Русскіе епископы, не спрашиваясь константинопольскаго патріарха, выбрали изъ своей среды митрополита Іону (1447 г.). Поводомъ для этого послужило то обстоятельство, что московскій митрополитъ Исидоръ, родомъ грекъ, ѣздившій на соборъ во Флоренцію, подписалъ, — не имѣя на то никакихъ полномочій,—унію, т.-е. соединеніе восточной русской Церкви съ римскою католическою церковью. Съ этихъ поръ русская Церковь стала независимою отъ Византіи. Русскіе митро-

Василій Темный и дѣти его въ заточеніи. Съ карт. *С. Зейденберга.* (Изъ «Нивы»).

политы жили въ Москвѣ, здѣсь же находилась высокочтимая сѣверной Русью святыня — Владимірская икона Божіей Матери.

Раньше мы упоминали о распаденіи Орды и появленіи казанскаго татарскаго царства на средней Волгѣ, захватившаго въ свои руки всю волжскую торговлю и цѣлое столѣтіе препятствовавшаго распространенію Руси на востокъ. Кромѣ того, и новая крымская орда постоянными набѣгами почти 300 лѣтъ опустошала южныя и среднія области Русской земли.

Оплотомъ Руси съ этой стороны явилось *казачество*. Мы видѣли, что уже съ древнѣйшихъ временъ первые кіевскіе князья, начиная съ Владиміра святого, заселяли степные рубежи «верхними людьми», т.-е. русскимъ населеніемъ. Но когда сѣверная Русь раздвинулась на востокъ и на нѣкоторое время порвала связь съ южной Русью, подпавшей вліянію Литвы и Польши, то государственная власть не имѣла средствъ для обороны южныхъ границъ отъ набѣговъ кочевниковъ и татаръ. Вотъ тутъ-то и выступило на защиту русскихъ предѣловъ наше казачество, т.-е. пограничное населеніе, образовавшееся изъ всякаго званія людей, которымъ было тѣсно въ городахъ, которые стремились на просторъ, чтобы проявить свою удаль, пожить привольно и безъ стѣсненій. Казаки поневолѣ явились стражами Русской земли, которую они защищали съ оружіемъ въ рукахъ и въ то же время грабили торговые татарскіе караваны на Дону и Волгѣ. Слово «казакъ» татарское, почему нѣкоторые историки относятъ начало казачества къ половинѣ XV вѣка (рязанскіе казаки упоминаются въ 1444 г.). По мѣрѣ ослабленія татарщины, казачество все болѣе и болѣе усиливается, все глубже продвигается въ степи своими вольными станицами и вскорѣ потомъ пріобрѣтаетъ значеніе важнаго военнаго сословія.

Іоаннъ III Васильевичъ (1462—1505 г.) еще при жизни слѣпого отца много лѣтъ былъ его соправителемъ и носилъ званіе великаго князя. Одаренный сильнымъ умомъ и волей, съ большимъ житейскимъ опытомъ и привычкой къ дѣламъ, выработанными въ тяжелое время смутъ и борьбы, Іоаннъ III почти закончилъ собираніе великорусскихъ земель подъ властью Москвы, образовавши

единое Великорусское государство. Онъ подчинилъ себѣ силой или путемъ мирныхъ соглашеній всѣ обширныя владѣнія «господина Великаго Новгорода», князей тверскихъ и половину владѣній рязанскихъ князей. Русь сѣверо-восточная объединилась. Теперь границы его государства простирались непосредственно до земель татарскихъ, литовскихъ, нѣмецкихъ, шведскихъ; отъ этихъ народовъ и приходилось уже защищать всю Русскую землю.

Присоединеніе Новгорода (1471—1478 г.). Новгородцы понимали, что подъ рукою великаго князя московскаго—конецъ ихъ вольностямъ. Вся знать новгородская тянула на сторону Литвы, которая въ присоединенныхъ областяхъ оставляла старые порядки. Литовскіе сторонники, съ боярами Борецкими во главѣ, взяли верхъ и избрали княземъ Михаила Олельковича, брата послѣдняго удѣльнаго князя кіевскаго. Михаилъ скоро ушелъ обратно въ Кіевъ, но мысль о соединеніи Новгорода съ Литвой не была оставлена. Изъ-за сохраненія стараго вѣчевого порядка, новгородцы готовы были пожертвовать объединеніемъ всего русскаго народа. Низшіе же классы Новгорода и населеніе пригородовъ желали соединенія съ Москвой; когда Іоаннъ III предпринялъ походы противъ Новгорода, то рядомъ съ москвичами шли противъ новгородцевъ и ополченія разныхъ новгородскихъ земель и пригородовъ. При такихъ условіяхъ Новгородъ побѣдить не могъ. Чтобы закрѣпить присоединеніе Новгорода, Іоаннъ III казнилъ многихъ вліятельныхъ

Великій князь Іоаннъ III (со старинной гравюры).

бояръ, приказалъ постричь стоявшую во главѣ сторонниковъ Литвы вдову посадника посадницу Марѳу Борецкую въ монастырь; многихъ бояръ-купцовъ выселилъ въ московскіе предѣлы, гдѣ далъ имъ помѣстья, а на ихъ мѣста прислалъ московскихъ служилыхъ людей. Вѣчевой колоколъ отвезенъ въ Москву.

Вслѣдъ за Новгородомъ присоединены къ Москвѣ земля двинская (Заволочье), вологодскій край и земля пермская; позже другихъ присоединились вятская земля и отдаленный югорскій край. Къ концу XV вѣка московскіе предѣлы раздвинулись отъ Уральскихъ горъ до Бѣлаго и Балтійскаго морей.

Псковичи ходили съ Іоанномъ III противъ своего «старшаго брата» Великаго Новгорода и пока еще сохраняли старые порядки, но подъ строгимъ присмотромъ московскихъ намѣстниковъ. Псковъ испыталъ участь Новгорода уже при Василіи III — преемникѣ Іоанна III.

Отношеніе къ удѣльнымъ князьямъ и князю тверскому. Въ борьбѣ съ удѣльными князьями бояре становились на сторону Москвы, гдѣ они могли пользоваться большимъ почетомъ и большими выгодами; и поэтому успѣхъ Іоанна заранѣе былъ обезпеченъ. Многіе изъ князей подчинились ему безъ сопротивленія, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ продали ему свои удѣлы или выговорили пожизненное ими владѣніе. Іоаннъ III былъ вполнѣ сознательнымъ противникомъ удѣльной системы. Въ предѣлахъ собственнаго Московскаго великаго княжества онъ уничтожилъ почти всѣ удѣлы, принадлежавшіе его роднымъ братьямъ. Братьевъ своихъ Іоаннъ заставилъ признать сына Василія Іоанновича братомъ старѣйшимъ и обязалъ не вступаться въ выморочные удѣлы, т.-е. по смерти удѣльнаго князя его владѣнія отходили въ собственность великаго князя.

Великій князь тверской былъ шуриномъ Іоанна III и въ союзѣ съ нимъ даже ходилъ на Новгородъ, но, послѣ присоединенія новгородской области, княжество тверское оказалось внутри московскихъ земель. Важнѣйшіе изъ тверскихъ бояръ, предвидя близкое паденіе Твери, стали «отъѣзжать» на службу къ великому князю московскому. Іоаннъ принималъ ихъ милостиво и награждалъ богатыми помѣстьями. Великій князь тверской вступилъ въ сношенія съ Казиміромъ литовскимъ,

но это развязало руки Іоанну III. Онъ подступилъ съ войскомъ къ Твери; князь Михаилъ Борисовичъ бѣжалъ въ Литву, а Тверь безъ выстрѣла была присоединена къ Москвѣ (1485 г.).

Вторая женитьба Іоанна III. Въ 1465 г. Іоаннъ III овдовѣлъ и, два года спустя, задумалъ жениться на греческой царевнѣ, Софіи Ѳоминичнѣ Палеологъ, внучкѣ византійскаго императора, павшаго при защитѣ Константинополя противъ турокъ въ 1453 г. Послѣ паденія Константинополя братъ императора, Ѳома Палеологъ, удалился въ Римъ и тамъ скончался, а его дочь Софія проживала въ Римѣ подъ покровительствомъ папы. Сватовство Іоанна было принято благосклонно, такъ какъ вмѣстѣ съ царевной папа рѣшилъ отправить въ Москву своего посла для переговоровъ о соединеніи православной Церкви съ католической. Хотя соединеніе Церквей отъ брака Іоанна III не послѣдовало, но съ этого времени возобновились прекратившіяся во времена татарскаго ига сношенія съ Европой. Москва начала выписывать изъ Италіи и Германіи «хитрыхъ» мастеровъ, которые умѣли строить зданія, осаждать города, лить пушки и стрѣлять изъ нихъ, чеканить и отливать серебряную посуду. Знаменитый итальянскій мастеръ Аристотель Фіоравенти построилъ въ Кремлѣ Успенскій соборъ.

Бракъ Іоанна III на греческой царевнѣ имѣлъ еще другое значеніе: послѣ завоеванія Константинополя турками, единственнымъ самостоятельнымъ православнымъ государемъ оставался великій князь московскій. Порабощенные турками, христіане начинаютъ смотрѣть на Москву, какъ на «Новый Царьградъ» и «третій Римъ». Эта мысль охотно прививалась и при московскомъ дворѣ. Іоаннъ III принимаетъ званіе «царя» и самодержца, хотя еще въ сношеніяхъ иноземныхъ довольствуется званіемъ «государя всея Руси»; вмѣстѣ съ этимъ онъ соединяетъ гербъ Московскаго княжества (св. Георгій на конѣ, поражающій дракона) съ гербомъ византійской имперіи (чернымъ двуглавымъ орломъ)— указывая этимъ, что православные великіе князья московскіе являются прямыми наслѣдниками славы и величія православныхъ греческихъ императоровъ. Простота отношеній удѣльнаго времени при московскомъ

дворѣ исчезаетъ, подъ вліяніемъ Софіи. Старинный простой обрядъ вокняженія замѣняется торжественнымъ церковнымъ вѣнчаніемъ на царство. Іоаннъ III отдаляется отъ князей и бояръ, вводитъ строгое чинопочитаніе среди московскихъ царедворцевъ и окружаетъ себя блескомъ и великолѣпіемъ.

Великій князь Іоаннъ III и ханскіе послы.

Прекращеніе татарскаго ига. Іоаннъ III—«царь и самодержецъ»—не могъ переносить зависимости отъ татаръ, которая въ его время выражалась не въ уплатѣ дани, а только въ присылкѣ даровъ. Но и эта тѣнь прежняго подчиненія Золотой Ордѣ была отвергнута Іоанномъ III. Когда явились послы отъ хана, то Іоаннъ III въ страшномъ гнѣвѣ разорвалъ ханскую грамоту и растопталъ ногами басму, т.-е. изображеніе хана. Ханъ Ахматъ, разсчитывая на поддержку Казиміра Литовскаго, по-

шелъ войной на Москву. Война кончилась ничѣмъ: московская и татарская рати долгое время простояли другъ противъ друга, на противоположныхъ берегахъ р. Угры; наконецъ, татары, не дождавшись литовской помощи, ушли назадъ. Это произошло въ 1480 г.—и этотъ годъ считается временемъ прекращенія татарскаго ига. Но еще долгое время предстояло вести борьбу съ отдѣльными татарскими царствами, выросшими на развалинахъ Золотой Орды: казанскимъ, астраханскимъ, крымскимъ, не считая многихъ ордъ, кочевавшихъ по всѣмъ южно-русскимъ степямъ. Крымскій ханъ Менгли-Гирей былъ вѣрнымъ союзникомъ Іоанна III противъ Литвы: что же касается другихъ татарскихъ владѣній, то съ ними была непрерывная борьба, которую значительно облегчало доблестное казачество.

Отношеніе къ Литвѣ. При Іоаннѣ III, по присоединеніи вольныхъ земель и тверского княжества, отношенія къ Литвѣ круто измѣнились: до этого времени Литва наступала, а теперь перешла въ наступленіе Москва; Литвѣ пришлось обороняться. Мы видѣли, какъ въ концѣ XV в. многіе чернигово-сѣверскіе князья съ вотчинами перешли въ составъ Московскаго государства. Изъ-за этого Іоаннъ III долженъ былъ въ союзѣ съ Менгли-Гиреемъ вести войну съ Литвою, но Казиміръ Литовскій умеръ, а наслѣдникъ его Александръ въ союзѣ съ Ливонскимъ орденомъ вступилъ въ борьбу со Іоанномъ III, на дочери которой онъ былъ женатъ; борьба окончилась торжествомъ Іоанна III (1503 г.). Вотъ какъ писалъ Московскій государь своему зятю Александру, королю польскому и великому князю литовскому: «Отчина королевская — земля Польская и Литовская, а Русская земля — наша отчина, Кіевъ, Смоленскъ и многіе другіе города — давнее наше достояніе, мы ихъ будемъ добывать».

Судебникъ Іоанна III. Сознавая необходимость упорядочить внутреннюю жизнь и судъ, Іоаннъ приказалъ (1497 г.) дьяку Гусеву составить общій для всей Руси судебный уставъ, или «Судебникъ». Судъ производился бояриномъ, намѣстникомъ, «волостелемъ», въ присутствіи княжаго чиновника (дворскаго) и выборныхъ изъ лучшихъ людей. Полагалась судебная пошлина за судъ, взятки же (посулы) воспрещены. При недоста-

точности уликъ, допускался судебный поединокъ, имѣвшій значеніе «суда Божія». Наказанія были двоякія: смертная казнь и тѣлесное наказаніе на торгу. Въ этихъ новыхъ наказаніяхъ, которыхъ не знала Русь до монгольскаго нашествія, обнаружилось огрубѣніе нравовъ подъ вліяніемъ татарскаго ига.

Военное дѣло. Московскіе князья выводили на войну большія рати. Главнымъ же ихъ ядромъ было конное, отлично вооруженное войско «служилыхъ людей», которые за свою службу получали «помѣстья» и, по размѣру ихъ, должны были выходить «людны, конны и оружны». Къ нимъ присоединялись ополченія городовъ и «посошные», т.-е. крестьяне, собранные съ сохъ. Упоминаются также казаки, полки татарскіе и полки служилыхъ татарскихъ царевичей.

Главнымъ родомъ войскъ была въ это время конница; бѣднѣйшіе служили въ пѣхотѣ, которая входила въ составъ полковыхъ ратей, но преимущественно назначалась для обороны городовъ, полевыхъ военныхъ становъ и укрѣпленій. Уже въ послѣдній годъ княженія Димитрія Донского появилась артиллерія и ручное огнестрѣльное оружіе: въ 1389 г. привезли «изъ нѣмецъ арматы и стрѣльбу огненную, и отъ того часу уразумѣли изъ нихъ стрѣляти».

Оборона степныхъ границъ въ Московскомъ государствѣ была отлично устроена. Ежегодно, съ ранней весны до глубокой осени, высылалось на «береговую службу», т.-е. на край государства, какъ бы на берегъ степи, 65.000 ратниковъ; они первые встрѣчали нападающаго врага. Кромѣ этого, были устроены укрѣпленныя линіи — «черты» или «засѣчныя линіи», состоявшія изъ длинныхъ окоповъ со рвами и частоколомъ (тыномъ), съ построенными на нѣкоторомъ разстояніи оборонительными башнями. Третьимъ средствомъ обороны отъ степи являлись «сторожи» и «станицы», выдвигаемыя въ степь засѣчныя линіи, чтобы выслѣживать движенія непріятеля.

Такими способами, шагъ за шагомъ, производилось постоянное движеніе населенія Московскаго государства въ степь, пока оно не докатилось (впослѣдствіи) до береговъ Чернаго моря.

Положеніе литовскаго государства по отношенію къ степи было такое же, но Москва глубже и правильнѣе смотрѣла на дѣло государственной обороны.

При Василіи III появилось новое войско, вооруженное огнестрѣльнымъ оружіемъ — *стрѣльцы*. Начали заводить и наемные иноземные отряды; на все это нужны были деньги, почему впослѣдствіи Іоанну Грозному пришлось вводить *подати* на военное дѣло, на наемъ пѣхоты, на приготовленіе пороха («зелья»).

Государь и Великій Князь Василій III.

Іоаннъ III еще при жизни провозгласилъ сына Софьи Ѳоминичны Василія «великимъ Владимірскимъ и Московскимъ княземъ и самодержцемъ всея Руси». По духовному завѣщанію онъ оставилъ ему 66 значительныхъ городовъ, а остальнымъ четыремъ сыновьямъ—30 менѣе значительныхъ. Но онъ лишилъ ихъ всякихъ государственныхъ правъ, въ томъ числѣ и права чеканить монету.

Василій III. Василій III Іоанновичъ (1505—1533 г.) унаслѣдовалъ властолюбіе отца, а въ отношеніи къ придворнымъ и боярамъ—гордость своей матери. Иностранецъ Герберштейнъ, описавшій московское государство того времени, говоритъ, что московскій государь превосходитъ своею властью едва ли не всѣхъ монарховъ въ мірѣ. «Воля государства—Божья воля», «мы того не знаемъ—знаетъ Богъ да великій государь»—вотъ—по словамъ этого иностранца, посѣтившаго тогда Москву—обычныя выраженія москвичей. Роскошь и великолѣпіе при дворѣ Василія III были больше даже, чѣмъ при его отцѣ. Онъ одинаково твердо держалъ какъ бо-

яръ, такъ и потомковъ удѣльныхъ князей; въ случаѣ недоразумѣній или подозрѣній, онъ вызывалъ ихъ на судъ въ Москву и подвергалъ заточенію.

Присоединеніе Пскова. Конецъ удѣламъ. Псковъ сохранилъ еще свои вѣчевые порядки только потому, что безпрекословно повиновался Москвѣ и принималъ ея намѣстниковъ. Однако, псковичи часто бывали недовольны дѣятельностью намѣстниковъ и приносили на нихъ жалобу, въ особенности по судебнымъ дѣламъ, которыя намѣстники рѣшали по московскимъ обычаямъ, а псковичи ссылались на свои судныя граматы. Въ 1509 г., во время пребыванія своего въ Новгородѣ, Василій III, разбирая одну изъ подобныхъ жалобъ псковичей, принялъ сторону своего намѣстника и послалъ сказать Пскову, что онъ требуетъ уничтоженія вѣча, снятія вѣчевого колокола и полнаго подчиненія Москвѣ. Псковичи со слезами подчинились. 13 января 1510 г. снятъ былъ вѣчевой колоколъ съ колокольни Троицкаго собора и увезенъ въ Москву, потомъ триста лучшихъ семей отправлены изъ Пскова на поселеніе въ Москву, а на ихъ мѣсто присланы триста купеческихъ семействъ изъ разныхъ московскихъ городовъ.

Также покончилъ Василій III и съ послѣдними удѣлами: стремившійся къ самостоятельности, рязанскій князь Иванъ былъ арестованъ, а его волость присоединена къ Москвѣ (1517 г.).

Такимъ образомъ «удѣлы» были упразднены, и въ Московскомъ государствѣ князья, проживавшіе въ своихъ вотчинахъ, уже не имѣли никакихъ державныхъ правъ, а служили великому князю, какъ и прочіе бояре.

Борьба съ Литвою. Возвращеніе Смоленска. Самымъ важнымъ событіемъ въ княженіе Василія III является война съ Литвою, тянувшаяся, съ небольшими перерывами, пятнадцать лѣтъ (1507 — 1522 г.). По смерти Александра литовскаго (1506 г.), Василій III надѣялся получить званіе великаго князя литовскаго и такимъ образомъ мирнымъ путемъ возсоединить западную Русь и Литву съ Москвою. Это не удалось: великимъ княземъ литовскимъ, а вмѣстѣ и королемъ польскимъ—былъ избранъ братъ Александра, Сигизмундъ I Казиміровичъ. Тогда

Василій III, по совѣту перешедшаго къ нему на службу литовскаго вельможи, князя Михаила Глинскаго, началъ въ 1507 г. войну съ Сигизмундомъ. Захваченный врасплохъ, король заключилъ «вѣчный миръ», по которому призналъ за Москвой всѣ пріобрѣтенія Іоанна III и разрѣшилъ Глинскому и его приближеннымъ «отъѣхать» къ Москвѣ.

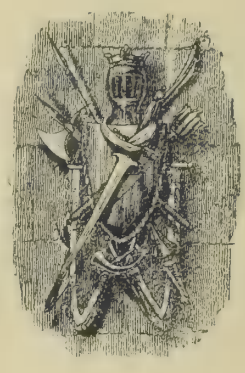
Но миръ продолжался недолго. Ссылаясь на притѣсненія въ Литвѣ своей сестры Елены Іоанновны (вдовы покойнаго Александра Литовскаго) и на сношенія Сигизмунда съ крымскими татарами, Василій III снова началъ войну. Три раза самъ московскій государь осаждалъ Смоленскъ и, наконецъ, въ 1514 г. городъ былъ взятъ и возвращенъ Москвѣ послѣ столѣтняго пребыванія подъ властью литовскихъ князей. Намѣстникомъ Смоленска былъ назначенъ князь Василій Васильевичъ Шуйскій. Многія лучшія семейства смоленскихъ гражданъ, по московскому обычаю, были выселены въ обмѣнъ на москвичей. По перемирію 1522 г. Смоленскъ остался за московскимъ великимъ княземъ.

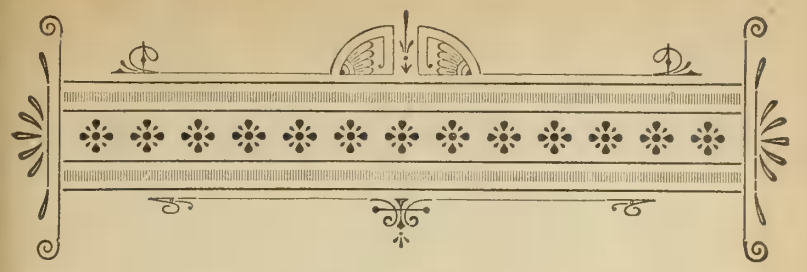
Борьба съ Крымомъ и Казанью. Борьба съ татарами была труднѣе, чѣмъ съ Литвой. Видя усиленіе Москвы, крымскіе ханы начали склоняться къ союзу съ Литвой и Польшей, а также и съ Казанью, куда былъ избранъ ханомъ Саинъ-Гирей, братъ крымскаго хана Мехметъ-Гирея. Въ то время, какъ войска великаго князя находились въ Литвѣ (1521 г.), казанцы неожиданно соединились съ крымцами и произвели съ двухъ сторонъ *набѣгъ* на Московское государство. Москва спаслась, благодаря крѣпкимъ каменнымъ стѣнамъ и артиллеріи. Татары опустошили окрестности Москвы, увели множество плѣнныхъ и ушли въ степи.

Отомстить крымскому хану походомъ черезъ степь было трудною задачею. Василій постарался обезпечить съ этой стороны свои границы. Но противъ Казани онъ предпринялъ два похода, тотчасъ по окончаніи войны съ Литвой, выгналъ оттуда Саинъ-Гирея и посадилъ своего сторонника Еналея. На р. Сурѣ великій князь заложилъ городъ Васильсурскъ; запретилъ нашимъ купцамъ ѣздить на ярмарку въ Казань, а для отвлеченія торговаго движенія отъ Казани—учредилъ ярмарку

въ Макарьевѣ (впослѣдствіи переведенную въ Нижній-Новгородъ).

Василій III былъ женатъ на Соломоніи изъ рода бояръ Сабуровыхъ и не имѣлъ дѣтей. Не желая оставлять великаго княженія своимъ младшимъ братьямъ (Юрію и Андрею), которыхъ онъ считалъ неспособными, Василій, съ разрѣшенія митрополита Даніила, принудилъ свою супругу постричься въ монахини (съ именемъ Софіи) и отправилъ ее въ Суздальскій женскій Покровскій монастырь; самъ же вторично женился на княжнѣ Еленѣ Васильевнѣ Глинской, отъ которой имѣлъ двухъ сыновей, Іоанна и Юрія. Старшему сыну, знаменитому впослѣдствіи Іоанну IV Васильевичу Грозному, было всего 3 года, когда умеръ Василій III отъ нарыва (около 60 лѣтъ отроду).





VIII.

Время царя Іоанна IV Грознаго.

(1533 — 1584 г.).

Іоаннъ IV Грозный — одинъ изъ крупнѣйшихъ государей Русской исторіи. Въ продолжительное свое царствованіе, полное борьбы и внутреннихъ неурядицъ, онъ нажилъ много враговъ, которые старались омрачить его дѣятельность и даже память о немъ. Однако, народъ любилъ своего царя, хотя и назвалъ его «Грознымъ» за его жестокія мѣры, но никогда не считалъ его больнымъ или умалишеннымъ человѣкомъ, какъ окрестили его нѣкоторые непонимавшіе его дѣятельности историки. О Грозномъ царѣ въ народѣ говорили, что онъ былъ «мужъ чуднаго разсужденія»; Грознаго народъ прославилъ въ своихъ пѣсняхъ.

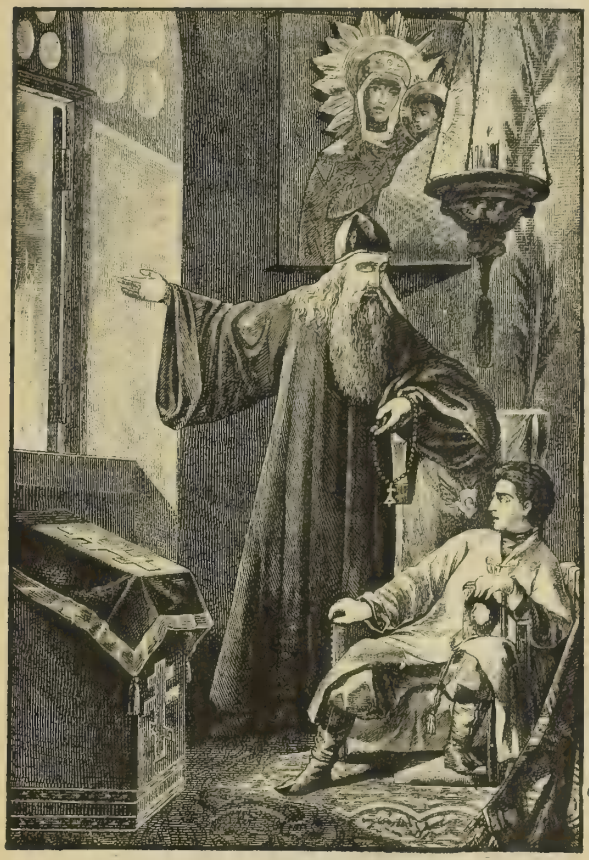
Дѣтство и юность великаго князя Іоанна IV Васильевича. Передъ смертью Василій III назначилъ *правительницею* государства, за малолѣтствомъ Іоанна, его мать Елену (Глинскую). Она оказалась женщиною безстрашной и проницательной, государственное дѣло повела твердой рукой и смѣло расправлялась со своими противниками; она, напримѣръ, посадила въ тюрьму своего собственнаго дядю Глинскаго и обоихъ дядей великаго князя, Юрія и Андрея (Іоанновичей); всѣ трое умерли въ заключеніи. Опасаясь опалы, многіе изъ знатнѣйшихъ бояръ бѣжали въ Литву. Литовскій великій князь думалъ воспользоваться этими несогласіями правитель-

ницы съ боярами и, въ союзѣ съ крымскимъ ханомъ, напалъ на сѣверскую область, но сподвижникъ Елены князь Овчина-Телепневъ-Оболенскій разбилъ враговъ, а потомъ подступилъ подъ стѣны Вильны и жестоко опустошилъ ея окрестности. Литва принуждена была заключить перемиріе съ Москвою (1536 г.). Правительница уже готовилась къ походу на Казань, строила крѣпости на границѣ, обнесла Москву новой оградой (Китай-Городъ), но вдругъ скоропостижно скончалась, оставивъ своего восьмилѣтняго сына на рукахъ бояръ (1538 г.).

Правленіе бояръ. По смерти матери, Іоаннъ съ братомъ остались круглыми сиротами; изъ родственниковъ былъ только двоюродный братъ—малолѣтній князь Владиміръ Андреевичъ Старицкій. Государствомъ правили бояре, но они занялись преимущественно сведеніемъ личныхъ счетовъ. Сначала во главѣ управленія стали князья Шуйскіе, у нихъ отнялъ власть князь Бѣльскій, а у Бѣльскаго снова отбили ее Шуйскіе. Бояре не обращали вниманія на воспитаніе великаго князя и даже не оказывали ему должнаго почтенія. Митрополитовъ бояре сгоняли, одного за другимъ; удержался только призванный изъ Новгорода архіепископъ Макарій, человѣкъ большого ума и такта. Это былъ единственный человѣкъ, въ которомъ Іоаннъ встрѣтилъ друга. Макарій пріохотилъ Іоанна къ чтенію и образовалъ его умъ, но не могъ оказать должнаго воздѣйствія на страстную природу Іоанна, который выросталъ озлобленнымъ и лукавымъ, благодаря всей окружавшей его обстановкѣ. Бояре растили его съ братомъ, какъ самыхъ убогихъ людей: даже не кормили во-время, плохо одѣвали и всячески обижали. Это страшно озлобляло Іоанна, такъ же, какъ и хищничество Шуйскихъ, тащившихъ изъ дворца все, что только попадало подъ руку. Мальчикъ ожесточался, что проявлялось даже въ его дѣтскихъ играхъ.

Вѣнчаніе Іоанна на царство и вступленіе въ бракъ. Когда Іоанну Васильевичу минуло 16 лѣтъ, онъ заявилъ митрополиту и боярамъ о своемъ желаніи жениться и принять царскій вѣнецъ. 16 января 1547 г., Іоаннъ вѣнчался на царство, и первый изъ нашихъ государей принялъ титулъ «царя московскаго и всея Руси»;

въ 1561 г. онъ добился у царьградскаго патріарха утвердительной граматы, въ которой патріархъ напомнилъ о родственныхъ связяхъ древнихъ великихъ кня-



Царь Иванъ IV и протопопъ Сильвестръ.

зей Владиміра (Равноапостольнаго) и Владиміра Мономаха съ византійскими императорами, а потому и указывалъ на Іоанна Васильевича, какъ на прямого потомка и законнаго преемника ихъ царственной власти.

Вскорѣ послѣ вѣнчанія (3 февраля 1547 г.) Іоаннъ вступилъ въ бракъ съ Анастасіей Романовной, дочерью окольничаго Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, одного изъ знатныхъ московскихъ бояръ.

Прекрасная собою и добродѣтельная супруга имѣла благотворное вліяніе на характеръ Іоанна и на отношенія царя къ окружающимъ. Однако, въ это время дѣлами управляли Глинскіе, которыхъ москвичи ненавидѣли. Между тѣмъ, въ Москвѣ произошелъ рядъ пожаровъ, опустошившихъ городъ (1547 г.); народъ обвинялъ Глинскихъ въ поджогахъ. Разъяренная толпа убила одного изъ Глинскихъ и двинулась въ с. Воробьево, гдѣ жили въ загородномъ дворцѣ царь и царица, съ требованіемъ выдачи остальныхъ Глинскихъ. Іоаннъ не потерялъ присутствія духа: онъ приказалъ схватить главныхъ бунтовщиковъ и немедленно казнить ихъ; мятежъ прекратился.

Сильвестръ и Адашевъ. Народныя волненія и бѣдствія, причиненныя пожарами, подѣйствовали на впечатлительную душу Іоанна. Юный царь рѣшилъ самъ вступить въ управленіе государствомъ. Въ сотрудники себѣ онъ взялъ своего духовника, умнаго, очень способнаго протопопа Сильвестра и добраго и честнаго царскаго спальника Алексѣя Адашева. Въ 1550 г. совершилось небывалое событіе: царь созвалъ земскій соборъ, съ участіемъ должностныхъ представителей всей Земли Русской. Со всѣхъ концовъ Руси стекались въ Москву князья, бояре, служилые и горожане. Царь вышелъ на Лобное мѣсто, на Красной площади, и сказалъ народу рѣчь, въ которой каялся въ своихъ прегрѣшеніяхъ, просилъ забыть прошлое, обвинялъ бояръ и вельможъ въ злоупотребленіяхъ и клялся завести вездѣ правду и порядокъ. Передъ лицомъ народа онъ приказалъ Адашеву принимать челобитныя.

Судебникъ Іоанна IV и Стоглавъ. Земскому собору былъ предложенъ на утвержденіе новый судебникъ, который долженъ былъ замѣнить устарѣвшій судебникъ Іоанна III. Въ 1551 г. соборъ духовныхъ лицъ разрѣшилъ цѣлый рядъ вопросовъ относительно церковнаго управленія и улучшенія нравовъ духовенства. Соборныя постановленія были раздѣлены на сто главъ (частей), отчего соборъ получилъ названіе Стоглаваго.

Іоаннъ IV водворяетъ христіанство въ завоеванной имъ Казани.

Внутреннія преобразованія. Іоаннъ IV вернулся къ древнимъ русскимъ порядкамъ. Онъ далъ широкое самоуправленіе земщинѣ. Отъ правительства только въ пограничныхъ областяхъ сидѣли «воеводы», командовавшіе гарнизонами, во всѣхъ остальныхъ городахъ должность царскихъ воеводъ и волостелей отмѣнена. Всѣ судебныя дѣла и все управленіе передано въ руки выборныхъ (излюбленныхъ старостъ, или головъ и губныхъ старостъ). За освобожденіе отъ кормовъ и пошлинъ въ пользу воеводъ и волостелей земскіе люди должны были вносить въ государеву казну оброкъ или «окупъ».

Приняты мѣры и къ болѣе правильному устройству служилаго класса. Съ каждыхъ 100 четвертей (полудесятинъ) пахотной земли полагалось выставлять «воина на конѣ и въ доспѣхѣ». Служилые люди были расписаны по «статьямъ» по ихъ служебной способности. Устроенъ особый полкъ «московскихъ дворянъ» изъ 1000 отборныхъ дворянъ и боярскихъ дѣтей, которымъ даны земли около Москвы («подмосковныя»). Заведена новая постоянная пѣхота съ ружьями или «пищалями» (стрѣльцы) и устроена хорошая артиллерія (нарядъ).

Наконецъ царь приказалъ произвести повѣрку и уравненіе помѣстій, чтобы государевы земли были справедливо распредѣлены между помѣщиками; нѣкоторымъ помѣщикамъ въ придачу назначалось денежное жалованье.

Іоаннъ IV обратилъ вниманіе на всѣ стороны государственной жизни и всюду вводилъ различныя усовершенствованія. Въ этомъ отношеніи онъ является истиннымъ устроителемъ, «нарядникомъ» Русской земли.

Завоеваніе казанскаго и астраханскаго царствъ. Близость Казани къ восточнымъ границамъ Московскаго государства препятствовала правильному развитію переселенческаго движенія и торговлѣ въ странѣ. Попытки овладѣть Казанью до Іоанна IV не удавались. Хотя казанцы, подъ угрозою силы, и смирялись, даже принимали назначаемыхъ Москвою хановъ, но по-прежнему производили постоянные грабежи и набѣги на

наши восточныя окраины. Іоаннъ IV рѣшилъ окончательно овладѣть Казанью. Въ 1551 г. онъ отправилъ двѣ рати: одну на южную границу — противъ крымцевъ, а другую — къ Казани. Въ устьѣ р. Свіяги былъ заложенъ г. Свіяжскъ и оставленъ тамъ отрядъ съ запасами для слѣдующаго похода. Въ 1552 г. 300.000 войска, съ Іоанномъ IV во главѣ, двинулись на Казань, выставивъ заслонъ на южную границу. Въ концѣ лѣта приступлено къ осадѣ Казани, которою и овладѣли штурмомъ 2 октября. Здѣсь русскіе впервые примѣнили взрывъ непріятельскихъ стѣнъ порохомъ. Гарнизонъ былъ весь перебитъ, городъ сожженъ, казанскій царь Едигеръ (Ядигеръ) взятъ въ плѣнъ и крещенъ. Такимъ образомъ татарское царство было уничтожено. Въ Казани царь построилъ *русскую крѣпость*, въ которой помѣстилъ своихъ служилыхъ людей, а татарамъ разрѣшилъ жить въ подгородной слободѣ.

Завоеваніе казанскаго царства имѣло огромное значеніе, какъ первая большая побѣда христіанскаго государства надъ магометанскимъ: такого успѣха надъ мусульманствомъ не могли добиться даже народы западной Европы. Теперь русскому народу открывался свободный путь въ Сибирь и къ низовьямъ Волги. Пришлось еще года четыре подчинять Москвѣ — мордву, черемисъ, чувашей, вотяковъ, башкиръ; во всѣхъ ихъ земляхъ сѣли русскіе поселенцы и построены русскія крѣпости (Чебоксары, Цивильскъ, Яранскъ, Уржумъ, Малмыжъ, Уфа).

Въ 1556 г. московскія рати заняли Астрахань, и астраханское царство присоединено къ Московскому.

Великое дѣло было закончено: по всей восточной границѣ государства насталъ покой, возвращено много русскихъ «полонянниковъ», томившихся въ неволѣ, пріобрѣтены огромныя плодородныя земли, открыты торговые пути въ Сибирь и въ среднюю Азію. Русскій народъ оцѣнилъ эти дѣла Іоанна IV и въ своихъ пѣсняхъ величалъ его народнымъ героемъ.

Разрывъ Іоанна IV съ совѣтниками. Довѣренные совѣтники царя—Сильвестръ, Адашевъ, кн. Курбскій и другіе держали себя неосторожно. Подозрительному Іоанну IV стало казаться, что «попъ» и «бояре» снимаютъ съ него

власть «и хотятъ, вмѣсто царя, сами царствомъ владѣть». Это чувство усилилось въ 1553 г., когда, заболѣвши горячкой и не надѣясь выздоровѣть, царь потребовалъ, чтобы бояре присягнули малолѣтнему сыну его Димитрію, какъ наслѣднику престола. Призванные во внутренніе покои, бояре подняли шумъ; нѣкоторые хотѣли послѣ Іоанна IV видѣть на престолѣ его двоюроднаго брата Владиміра Андреевича Старицкаго; потомъ всѣ дали присягу, какъ желалъ царь, но онъ узналъ, что въ числѣ противниковъ его воли былъ даже Сильвестръ. Іоаннъ выздоровѣлъ, а сынъ Димитрій вскорѣ скончался. Нѣкоторое время, пока жива была царица Анастасія Романовна, отношенія Іоанна къ совѣтникамъ, повидимому, оставались прежнія; но въ 1560 г. она скончалась, оставивъ Іоанну IV двухъ сыновей (Іоанна и Ѳеодора).

По смерти супруги, Іоаннъ круто измѣнился: началъ предаваться излишествамъ, окружилъ себя новыми лицами, а старыхъ совѣтниковъ удалилъ. Сильвестръ былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, Адашевъ — въ Ливонію, другіе хотѣли «отъѣхать», но царь потребовалъ отъ нихъ обязательства не отъѣзжать, а когда кн. Курбскій бѣжалъ въ Литву (1564 г.), то началось жестокое гоненіе на бояръ.

Время внутренней борьбы. Опричнина. Переписка царя съ кн. Курбскимъ, въ которой Курбскій заступался за казненныхъ Іоанномъ бояръ и доказывалъ, что только ихъ трудами сдѣлано все, чѣмъ прославлено царствованіе Іоанна, — все это раздражало царя и еще болѣе укрѣпляло его въ мысли, что необходимо сокрушить боярство. Онъ удалился изъ столицы въ Александровскую слободу (нынѣ г. Александровъ, Владимірской губ.), въ 120 верстахъ отъ Москвы, захвативъ съ собою царскую казну и всѣхъ приближенныхъ людей. Оттуда въ январѣ 1565 г. царь прислалъ грамату въ Москву съ извѣщеніемъ, что онъ оставилъ свое царство изъ-за боярской измѣны. Москвичи отправили къ царю посольство съ просьбою не покидать царства. Іоаннъ согласился только съ условіемъ, что онъ будетъ расправляться съ измѣнниками по своей волѣ, и заведетъ при себѣ «опричнину». Новые непосредственные слуги государевы стали называться *опричниками* (*кромѣшни-*

ками). На содержаніе ихъ были назначены особые города и цѣлыя области; даже часть Москвы была отчислена во владѣніе опричнины.

Все остальное государство, за исключеніемъ опричнины, получило названіе *земщины* и было отдано въ управленіе особымъ *земскимъ боярамъ*. Въ 1575 г. надъ земщиною Іоаннъ IV поставилъ особаго «великаго князя» въ лицѣ подчиненнаго ему крещенаго татарскаго (касимовскаго) царя Семеона Бекбулатовича, но скоро отправилъ его въ Тверь. Опричнина пользовалась большими преимуществами и держала земскихъ людей подъ страхомъ государева гнѣва. Много въ это тяжелое время погибло людей невинныхъ, имуществомъ которыхъ хотѣли воспользоваться опричники; насилія и несправедливости были страшныя. Во главѣ опричнины и всѣхъ ея темныхъ дѣлъ стояли три главныхъ любимца Іоанна — князь Вяземскій, Малюта Скуратовъ и Басмановъ.

Іоаннъ Грозный, по изображенію, помѣщенному въ «Титулярникѣ» XVII вѣка.

Началось уничтоженіе княжеской аристократіи и бояръ. Одинъ за другимъ, брались уѣзды и города въ опричнину и оттуда выводились всѣ опасные и подозрительные для Іоанна люди, обыкновенно потомки удѣльныхъ князей. Ихъ переселяли на окраины государства, на новыя земли, гдѣ эти люди казались Іоанну не опасными. Старыя же ихъ земли отбирались «на государя» и шли «въ раздачу». На эти мѣста селились вѣрные «опричники». Въ теченіе 20 лѣтъ, Іоаннъ IV забралъ въ опричнину половину государства и «перебиралъ людишекъ». Въ концѣ-концовъ, на всѣхъ торговыхъ путяхъ и въ

важныхъ пограничныхъ мѣстахъ сидѣли вѣрные слуги царя.

Цѣль, которую поставилъ себѣ Іоаннъ Грозный, была достигнута: знатные роды или истреблены, или обѣднѣли и потеряли всякое значеніе. Къ концу XVI в. большинство наиболѣе родовитыхъ княжескихъ родовъ вымерло.

Переселеніе помѣщиковъ и вотчинниковъ на новыя мѣста обыкновенно совершалось вмѣстѣ съ крестьянами; кромѣ того, множество крестьянъ двинулось на новыя мѣста—въ казанское царство или въ черноземную полосу на югъ отъ Оки; отъ этихъ причинъ срединныя области все пустѣли и пустѣли. Произошелъ отливъ населенія къ восточнымъ и южнымъ окраинамъ, а въ основныхъ земляхъ оказалось запустѣніе; царь не получалъ съ нихъ ни ратныхъ людей, ни податей. Это было главной причиной неудачнаго окончанія войны съ Литвой и шведами.

Опала митрополита Филиппа. Разгромъ Новгорода. Митрополитъ Филиппъ, родомъ изъ бояръ Колычевыхъ, смѣлыми проповѣдями порицалъ жестокія мѣры Іоанна Грознаго противъ бояръ. Сначала царь терпѣливо выслушивалъ обличенія митрополита, но потомъ они надоѣли ему. Къ этому присоединились наговоры вліятельныхъ опричниковъ, противъ жестокостей которыхъ архипастырь возставалъ. Іоаннъ лишилъ святителя сана и отправилъ въ Тверской Отрочь монастырь, гдѣ Филиппъ впослѣдствіи и былъ задушенъ Малютою Скуратовымъ (1569 г.). Одновременно погибъ и двоюродный братъ государя, князь Владиміръ Андреевичъ Старицкій, тоже заподозрѣнный въ измѣнѣ.

Вскорѣ послѣ того, царю донесли, что новгородцы сносятся съ польскимъ королемъ. Іоаннъ рѣшилъ наказать ихъ, и въ 1570 г. съ сильнымъ войскомъ и всею опричниною пошелъ на Новгородъ, по дорогѣ разгромилъ Клинъ и Торжокъ, а затѣмъ, пять недѣль сряду, казнилъ новгородцевъ въ самомъ Новгородѣ. Царь подозрѣвалъ и Псковъ въ измѣнѣ, но почему-то смиловался надъ нимъ, и Псковъ уцѣлѣлъ.

Ливонская война. По своему положенію у моря, Ливонія имѣла большое значеніе для Москвы: черезъ Новгородъ и Псковъ она торговала съ Нарвою, Ревелемъ и

Ригою и получала оттуда европейскіе товары. Но ливонскіе купцы старались преградить русскимъ путь къ морю, а иностранцамъ — на Русь. Не пропускали они къ намъ оружія, мастеровъ, художниковъ — однимъ словомъ, всего, что могло содѣйствовать усиленію Россіи. Такимъ образомъ, Ливонія на западѣ заняла по отношенію къ Москвѣ такое же угрожающее положеніе, какъ Казань на востокѣ. Царь рѣшилъ подчинить Ливонію. Обстановка представлялась благопріятною: архіепископъ рижскій ссорился съ магистромъ (главнымъ начальникомъ) ордена меченосцевъ; города не желали под-

Баторій передъ Псковомъ. Съ карт. *Я. Матейко.*

чиняться ни архіепископу, ни магистру; вновь появившееся вѣроученіе Лютера вызвало ожесточенную борьбу. Все это было извѣстно Іоанну Грозному. Въ 1558 г. царь началъ свою знаменитую войну за Ливонію. Онъ потребовалъ отъ ордена дани, Ливонія согласилась, но не выплатила дани въ срокъ. Московскія войска вошли въ Ливонію. Такъ началась война, продолжавшаяся 25 лѣтъ.

Начало было удачно. Два года русскіе хозяйничали въ странѣ. Не сдавались только укрѣпленные города и замки. Чтобы не попасть въ руки иновѣрной и ино-

племенной московской власти, Ливонія по частямъ отдалась въ руки своихъ балтійскихъ сосѣдей: Эстляндія перешла къ Швеціи, Лифляндія — къ Литвѣ, о. Эзель — къ Даніи, а Курляндія — къ Польшѣ. Такъ окончилъ свое существованіе ливонскій орденъ (1560—1561 г.). Теперь Іоанну IV пришлось вести борьбу съ тремя сильными противниками. Швеція и Литва требовали, чтобы московскій царь очистилъ ихъ провинціи. Грозный отказалъ и началъ войну съ Литвой и Швеціей. Съ Шведами война велась вяло и съ перерывами. Главная борьба происходила съ Литвой. Въ 1563 г. Іоаннъ IV завоевалъ Полоцкъ и опустошилъ Литву до самой Вильны. Литовцы, истомленные войной, предложили миръ и уступили намъ Полоцкъ. Но на земскомъ соборѣ, собранномъ въ 1566 г. въ Москвѣ, было принято рѣшеніе продолжать войну. Борьба шла для насъ благополучно до тѣхъ поръ, пока на польско-литовскій престолъ не вступилъ способный военачальникъ Стефанъ Баторій (1576 г.). Новый польскій король началъ рѣшительныя дѣйствія противъ Грознаго, какъ разъ въ то время, когда середина государства обезлюдѣла, и средства для борьбы у насъ были подорваны. Москва не успѣла собрать рати, и Баторій безъ труда отнималъ у насъ одинъ городъ за другимъ: взялъ Полоцкъ, Великіе Луки и даже подступилъ къ Пскову, который, впрочемъ, отразилъ короля (1581 г.). Въ это время папа, искавшій сближенія съ Россіей, прислалъ къ Баторію посла Антонія Поссевина съ предложеніемъ примирить короля съ московскимъ царемъ. Баторій согласился. Было заключено перемиріе (1582 г.), по которому Грозный отказался отъ всѣхъ завоеваній въ Литвѣ. Въ то же время шведы воспользовались нашею борьбою съ Баторіемъ, вступили въ русскіе предѣлы и взяли города Ямъ, Копорье и Корелу. Пришлось уступить шведамъ и Эстляндію, и эти города бывшей Водской Новгородской пятины (1583 г.). Грозный добивался Ливоніи потому, что хотѣлъ пробиться къ берегамъ Балтійскаго моря. Задача эта была весьма великая и трудная. Ее удалось впослѣдствіи осуществить лишь Петру Великому.

Отношенія къ Крыму. Видя быстрые успѣхи московскаго царя на восточныхъ границахъ государства, крым-

скій ханъ, при поддержкѣ Турціи, сталъ требовать возвращенія взятыхъ русскими татарскихъ земель. Въ 1571 г. онъ неожиданно переправился черезъ Оку, внезапно явился подъ Москвою и произвелъ страшныя опустошенія, уведя болѣе 100.000 въ плѣнъ. Въ 1572 г. онъ повторилъ набѣгъ. Но князь М. И. Воротынскій встрѣтилъ его на р. Лопасни и разбилъ. Послѣ этого въ Москвѣ былъ составленъ особый совѣтъ для обсужденія мѣръ борьбы съ татарами, который рѣшилъ занять «дикое поле» до верховій рѣкъ Ворсклы и Сѣвернаго Донца и прикрыть новую границу крѣпостцами и засѣчными линіями. Казачество, которое не хотѣло подчиниться государственной власти, ушло на низовья Дона и Донца, отчего и назвало себя «низовымъ».

Завоеваніе Сибири Ермакомъ. Въ царствованіе Іоанна IV произошло завоеваніе Сибири, по частному почину донскихъ казаковъ и бояръ Строгановыхъ, владѣвшихъ обширными землями по р. Камѣ до Чусовой. Строгановы получили разрѣшеніе строить крѣпости, созывать поселенцевъ, нанимать военныя дружины, управлять и чинить судъ надъ населеніемъ дарованной имъ земли. Въ половинѣ XVI в. на Оби и Иртышѣ сложилось новое татарское ханство съ главнымъ городомъ

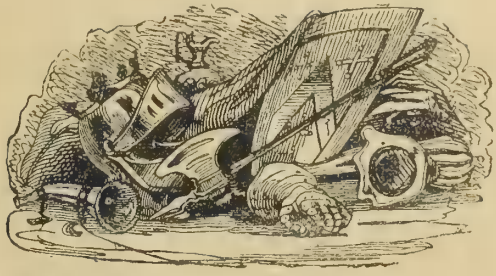
Посольство Ермака къ Царю Іоанну IV.

Сибирью. Инородцы этого ханства неоднократно нападали на соляные промыслы и владѣнія Строгановыхъ. Для защиты отъ нихъ Строгановы наняли отрядъ донскихъ казаковъ съ атаманомъ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ во главѣ. Казаки нѣкоторое время оберегали Строгановскія владѣнія, но затѣмъ Ермакъ Тимоѳеевичъ, увлекаемый своимъ воинственнымъ духомъ, двинулся далѣе на востокъ, въ Сибирь. Отрядъ, числомъ около тысячи человѣкъ, въ 1581 г. добрался съ Камы до Иртыша. Ермакъ разбилъ сибирскаго хана Кучума въ нѣсколькихъ битвахъ, чему особенно помогало огнестрѣльное оружіе, котораго инородцы вовсе не знали. Ермакъ занялъ столицу ханства Сибирь, въ которой и прозимовалъ. Въ слѣдующемъ году ханъ Кучумъ выслалъ противъ Ермака новыя полчища, подъ предводительствомъ сибирскаго богатыря, князя Маметкула. Но и эти полчища были разбиты, а самъ Маметкулъ попался въ плѣнъ. Тогда Ермакъ донесъ о завоеваніи Сибирскаго царства Строгановымъ, а Строгановы — царю. Въ Москвѣ билъ царю челомъ Сибирью товарищъ Ермака — Иванъ Кольцо. Грозный обрадовался счастливой вѣсти, приказалъ благодарить Строгановыхъ и Ермака, щедро наградилъ казаковъ и въ помощь имъ отправилъ воеводъ съ войскомъ. Ермакъ вскорѣ утонулъ во время одного ночного нападенія татаръ, но его дѣло не погибло: русскіе люди твердо основались по Оби и ея притокамъ.

Новый торговый путь по Бѣлому морю. Въ 1553 г. въ Бѣломъ морѣ появилось англійское судно изъ отряда, посланнаго отыскивать сѣверный морской путь въ Китай. Капитанъ судна Ричардъ Ченслеръ отправился въ Москву, гдѣ былъ принятъ хорошо. Черезъ два года онъ явился съ предложеніемъ отъ англійскаго правительства завязать торговыя сношенія съ Москвою. Прошло еще два года, и русское правительство отправилось въ Лондонъ. Скоро возникла довольно дѣятельная торговля Россіи съ Европой по Бѣлому морю, сперва при посредствѣ англичанъ, а потомъ и голландцевъ. Въ 1584 г., въ устьѣ Сѣверной Двины построенъ городъ Архангельскъ. Хотя Бѣлое море открыто для мореплаванія всего мѣсяца три въ году, но и это было счастіемъ, потому что у Русскаго государства

не существовало еще выхода ни къ одному открытому морю.

Кончина Іоанна IV. Жестокость и раздражительность Іоанна IV къ концу жизни достигли неимовѣрныхъ размѣровъ и влекли за собою самыя ужасныя послѣдствія. Разсердившись однажды на жену старшаго сына, царевича Іоанна, онъ прибилъ ее; сынъ вступился за жену, тогда Іоаннъ IV въ раздраженіи ударилъ царевича по головѣ своимъ желѣзнымъ посохомъ; царевичъ скончался черезъ пять дней. Это печальное событіе потрясло Іоанна окончательно, царь сильно страдалъ до самой кончины, послѣдовавшей 18 марта 1584 г. Послѣ него осталось два сына: Ѳеодоръ и младенецъ Димитрій, который родился отъ послѣдней его жены Маріи Ѳеодоровны изъ рода Нагихъ (1582 г.).



IX.

Смутное время на Руси.

Царь Θеодоръ Іоанновичъ (1584 — 1598 г.). По смерти Іоанна Грознаго царскій престолъ наслѣдовалъ его сынъ *Θеодоръ*, болѣзненный, тихій, богомольный, но совершенно неспособный къ управленію государствомъ. Заботы по управленію государствомъ съ первыхъ же дней царь возложилъ на родного дядю, боярина Никиту Романовича Юрьева-Захарьина и своего шурина — боярина Бориса Θеодоровича Годунова. Оба боярина старались успокоить государство послѣ пережитыхъ ужасовъ предыдущаго царствованія и удаляли отъ царя всѣхъ, кто способенъ былъ произвести смуту. Богданъ Бѣльскій, бывшій любимецъ Грознаго, былъ отправленъ воеводою въ Нижній-Новгородъ. Но были удалены отъ двора и бояре Нагіе, ближайшіе родственники царевича Димитрія, который вмѣстѣ съ матерью отосланъ въ Угличъ. Этотъ богатый торговый городъ съ 30 тысячами жителей былъ въ завѣщаніи Іоанна Грознаго назначенъ въ удѣлъ Димитрію.

Θеодоръ Іоанновичъ (1584—1598 г.) (Истор. альбомъ тысячелѣтія Земли Русской).

Борисъ Годуновъ — правитель. Въ 1585 г. Никита Романовичъ умеръ. Все управленіе осталось въ рукахъ Бориса Годунова съ титуломъ: «*конюшаго*, ближняго великаго боярина и намѣстника царствъ казанскаго и астраханскаго». Ему особо представлялись иностранные послы; онъ получалъ огромные доходы и жалованье: Годуновы могли выставить тогда на свой счетъ 100.000 ратниковъ. До смерти Ѳеодора, Борисъ Годуновъ 11 лѣтъ самовластно управлялъ Россіей.

Борисъ Годуновъ (изъ рода Мурзы-Чета) былъ очень способный и ловкій человѣкъ. Чтобы заслужить расположенія Грознаго, онъ женился на дочери Малюты Скуратова, но все-таки чуть не погибъ отъ желѣзнаго костыля Іоанна IV. По смерти Грознаго Годунову было 32 года. Это былъ красавецъ, съ черными волосами и густой бородой; его глаза внушали страхъ и покорность, но это сглаживалось сладкорѣчіемъ и ласковыми улыбками. Годуновъ поражалъ широтою своего ума, но былъ доступенъ подозрительности и наушничеству. Онъ медленно, но твердо шелъ къ намѣченной цѣли. Въ управленіи государствомъ онъ предпринялъ много полезныхъ мѣропріятій: былъ «строителенъ зѣло, о державѣ своей много попеченія имѣя», говоритъ современникъ. Обращалъ Годуновъ большое вниманіе на заселеніе новыхъ земель; имѣлъ бо́льшую склонность къ мирной дѣятельности, чѣмъ къ войнѣ; заявилъ онъ себя большимъ сторонникомъ народнаго образованія, подражалъ многимъ обычаямъ Запада. Онъ очень старался привязать къ себѣ низшіе классы заботливостью о нихъ и благотворительностью. Но народъ не любилъ Бориса и вѣрилъ всякому дурному слову про него.

Сдѣлавшись единоличнымъ правителемъ, Годуновъ вступилъ въ борьбу съ знатнѣйшими родами — князей Мстиславскихъ, Воротынскихъ и Шуйскихъ. Умный и хитрый Годуновъ сумѣлъ подвести къ опалѣ Мстиславскихъ и Воротынскихъ, но съ Шуйскими справиться оказалось труднѣе. Они задумали, при содѣйствіи митрополита Діонисія, нанести ловкій ударъ своему врагу: уговорить бездѣтнаго Ѳеодора развестись съ царицей, что, конечно, повело бы и къ удаленію Годунова отъ государственныхъ дѣлъ. Но Борисъ во-время узналъ объ этомъ заговорѣ, уговорилъ

митрополита не подавать царю челобитной, а Шуйскихъ обвинилъ передъ царемъ въ измѣнѣ и отправилъ въ ссылку. Митрополитъ Діонисій тоже былъ смѣщенъ и на мѣсто его избранъ, угодный Годунову, ростовскій аріепископъ *Іовъ*.

Послѣ этого никто не осмѣливался вступать въ борьбу съ Годуновымъ.

Сношенія съ Европою и расширеніе предѣловъ Московскаго государства. Устроивши на Бѣломъ морѣ архангельскую гавань, Борисъ Годуновъ поддерживалъ торговлю съ европейскими государствами и даже высылалъ на англійскихъ и голландскихъ судахъ посольства къ иноземнымъ государямъ.

Онъ очень искусно воспользовался возникшимъ столкновеніемъ между Польшей и Швеціей. По смерти Стефана Баторія, польскимъ королемъ былъ избранъ шведскій наслѣдный принцъ Сигизмундъ, который и вступилъ на Польскій престолъ подъ именемъ Сигизмунда III. Вскорѣ послѣ того отецъ Сигизмунда умеръ и шведской короной, спустя нѣсколько лѣтъ, завладѣлъ дядя Сигизмунда — Карлъ IX. И Сигизмундъ III, и Карлъ IX стали оба искать союза съ Московскимъ государствомъ, но Борисъ Годуновъ рѣшилъ не вмѣшиваться въ ихъ распрю. Карлъ IX заключилъ вѣчный миръ съ Московскимъ государствомъ (1595 г.), при чемъ возвратилъ намъ завоеванные шведами русскіе города: Ямъ, Иванъ-Городъ, Копорье и Корелу (Кексгольмъ).

Расширялись въ это время предѣлы государства и на востокѣ: въ Сибири они раздвинулись до Енисея; на восточныхъ протокахъ Енисея появились русскіе городки и острожки. Русское вліяніе распространялось и на Кавказѣ; многіе кавказскіе народы заявляли о желаніи подчиниться Московскому царству; напримѣръ, въ 1586 г. царь Кахетіи — Александръ перешелъ въ русское подданство, прося защитить его отъ Турціи и Персіи. По этому случаю Московское государство завязало сношенія съ персидскимъ шахомъ.

Отношенія къ Крыму и Турціи. Отношенія къ крымскимъ ханамъ и турецкому султану оставались попрежнему враждебными. Но султанъ былъ отвлеченъ войною съ Австріей. Къ тому же, чтобы обезопасить государство отъ набѣговъ крымцевъ, Борисъ Годуновъ уси-

Переговоры о мирѣ ханскаго посла Казы-Гирея и кн. Хворостинина на мосту рѣки Сосны въ 1593 г. (Съ карт. *Н. Дмитріева-Оренбургскаго.*)

лилъ оборону южной границы; татары съ трудомъ пробирались до Рязани и Тулы, и нерѣдко терпѣли жестокія пораженія.

Среди многихъ внутреннихъ мѣропріятій въ это время слѣдуетъ отмѣтить: 1) учрежденіе всероссійскаго патріаршества и 2) окончательное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ.

Когда (въ 1588 г.) случайно пріѣхалъ въ Москву константинопольскій патріархъ Іеремія, то Борисъ Годуновъ, отъ имени царя Ѳеодора, предложилъ ему остаться въ Москвѣ и принять на себя санъ патріарха всероссійскаго. Іеремія отклонилъ это предложеніе. По его совѣту, митрополитъ московскій Іовъ былъ провозглашенъ первымъ патріархомъ всероссійскимъ (1589 г.).

Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ было горькою государственною необходимостью. При постоянной борьбѣ внутри и противъ внѣшнихъ враговъ Московское государство нуждалось въ большой военной силѣ. Основною вооруженною силою являлось дворянство, которое было обязано, по первому требованію, выступать на войну «людно, конно и оружно». За несеніе этой службы государству дворяне получали опредѣленный земельный надѣлъ, «помѣстье». Но этотъ надѣлъ могъ приносить пользу владѣльцу только тогда, когда на землѣ находились крестьяне, какъ рабочая сила. Безъ крестьянъ земля не давала дохода и владѣлецъ ея не могъ нести «службу государеву». Въ концѣ царствованія Іоанна IV пришлось безславно окончить ливонскую войну потому только, что «земля оскудѣла людьми».

Оскудѣніе это происходило отъ права крестьянъ одинъ разъ въ году, въ Юрьевъ день (26 ноября), переходить безпрепятственно къ другому хозяину земли. Это было невыгодно для бѣдныхъ помѣщиковъ; отъ нихъ люди бѣжали къ богатымъ или на монастырскія земли; многіе уходили на новыя мѣста переселенцами— а въ серединѣ государства земля оскудѣвала людьми; даже подати государственныя, при этихъ постоянныхъ передвиженіяхъ, собирать было трудно. Избѣжать всѣхъ этихъ неудобствъ возможно было, воспретивъ переходъ крестьянъ съ мѣста на мѣсто. Грустная поговорка «вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!» напоминаетъ объ этой

мѣрѣ, тяжелой для крестьянства, но крайне необходимой для созданія государственной силы. Годуновъ старался опредѣлить указами правильныя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, но и передвиженіе крестьянъ не прекратилось, не прекратились и жалобы помѣщиковъ на уходъ и увозъ крестьянъ.

Смерть царевича Димитрія и прекращеніе царскаго рода. Царевичъ Димитрій жилъ въ удаленіи отъ двора въ Угличѣ, подъ присмотромъ матери Маріи Нагой и ея братьевъ. Угличемъ управлялъ присланный изъ Москвы царскій чиновникъ дьякъ Битяговскій, котораго ненавидѣли Нагіе, и отъ котораго ожидали всякой обиды и зла. 15 мая 1591 г. восьмилѣтній царевичъ погибъ отъ руки убійцъ. Въ полдень мать царевича, выбѣжавъ на крикъ изъ своихъ покоевъ, нашла сына на внутреннемъ дворѣ Углицкаго дворца со смертельной раной на шеѣ. Въ изступленіи Марія обвиняла Битяговскаго въ убійствѣ. Собравшійся на звонъ набатнаго колокола народъ растерзалъ Битяговскаго, его сына и нѣсколькихъ близкихъ къ нему человѣкъ. Для изслѣдованія этого дѣла присланы были изъ Москвы: патріаршій викарій Геласій, думный бояринъ князь Вас. Ив. Шуйскій, окольничій Андрей Клешнинъ и дьякъ Вылузгинъ, которые донесли, что царевичъ, игравшій съ «потѣшными робятками» ножемъ въ тычку, въ припадкѣ падучей болѣзни, самъ наткнулся на ножъ и получилъ смертельную рану. Жителей Углича же-

Царевичъ Димитрій Іоанновичъ.

стоко наказали за самоуправство: нѣкоторыхъ казнили и многихъ сослали въ Сибирь, въ г. Пелымъ. Царица Марія была пострижена въ монахини подъ именемъ Марѳы и заключена въ бѣдной обители за Бѣлымъ озеромъ, а братья ея разосланы по тюрьмамъ въ далекіе города. Народная молва не повѣрила нечаянному самоубійству царевича, а повторяла обвиненія матери царевича и втихомолку главнымъ виновникомъ злодѣйства называла Бориса Годунова. Скончавшійся царевичъ былъ похороненъ въ Угличѣ.

Черезъ семь лѣтъ, 5 января 1598 года, скончался и царь Ѳеодоръ. Потомства послѣ него не осталось.

Домъ, гдѣ жилъ царевичъ Димитрій въ Угличѣ.

Когда патріархъ и бояре спрашивали умиравшаго царя, кому желаетъ онъ поручить царство, Ѳеодоръ отвѣтилъ, что предается во всемъ на «волю Божію».

Такъ прекратилась въ Москвѣ династія Калиты, въ теченіе 270 лѣтъ (1328—1598 г.) сдѣлавшая такъ много для величія Русскаго государства.

Послѣ кончины Ѳеодора Москва немедленно присягнула царицѣ Иринѣ, но Ирина отреклась отъ престола и постриглась въ Новодѣвичьемъ монастырѣ съ именемъ инокини Александры. Борисъ Годуновъ также отказался отъ управленія государственными дѣлами и удалился въ обитель къ сестрѣ.

Воцареніе Бориса Годунова (1598—1605 г.). Послѣ отреченія царицы Ирины, думный дьякъ Щелкаловъ вышелъ къ народу и предложилъ присягнуть на имя боярской думы, но народъ не хотѣлъ и слышать о боярскомъ правленіи. Тогда патріархъ Іовъ, оставшійся «начальнымъ человѣкомъ» въ это безгосударное время, собралъ въ своихъ палатахъ земскій соборъ для избранія царя. Наиболѣе вѣроятными кандидатами на царскій престолъ считались—правитель государства, царскій шуринъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, или же двоюродный братъ царя Ѳеодора, племянникъ царицы Анастасіи Романовны, старшій изъ сыновей Никиты Романовича, Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ. Преданный Годунову, патріархъ Іовъ предложилъ собору избрать Годунова. Соборъ единогласно положилъ (17 февраля 1598 г.) проситъ Бориса Ѳеодоровича принять престолъ. Народъ слезно умолялъ Годунова согласиться на царство, а патріархъ угрожалъ, въ случаѣ его отказа, затворить всѣ церкви и прекратить богослуженіе. Тогда только Борисъ согласился, а сестра его, инокиня Марѳа, благословила его на царство.

Борисъ Годуновъ (1598 — 1605). (Историч. альбомъ тысячелѣтія Земли Русской).

Борисъ вѣнчался на царство не ранѣе, какъ убѣдился въ прочности избранія. Торжество вѣнчанія происходило въ день тогдашняго новаго года, 1 сентября. Борисъ надѣялся править Московскимъ государствомъ спокойно и потомъ передать престолъ своимъ дѣтямъ. Сыну своему *Ѳеодору* онъ далъ прекрасное образованіе и пріучалъ его къ государственному управленію, а дочь свою — Ксенію готовилъ въ замужество шведскому или датскому принцу, чтобы такимъ образомъ войти въ тѣсныя связи съ европейскими державами. Первые годы своего царствованія Борисъ Го-

дуновъ сносился съ германскимъ императоромъ, нѣмецкими вольными городами, съ Англіей, Даніей и Швеціей, чтобы завязать съ ними прочныя торговыя сношенія.

Во внутреннемъ управленіи Борису Годунову много вредила его подозрительность и недовѣріе. Онъ зналъ, что народъ не любитъ его, и боялся, что знатные бояре свергнутъ его съ престола. Болѣе другихъ онъ опасался Шуйскихъ, Мстиславскихъ, Голицыныхъ и Романовыхъ. Ловкіе люди воспользовались слабостью Бориса, и наступило время доносовъ; хотя явныхъ казней не было, но примѣнялись тайныя убійства, пытки и заточенія. Богданъ Бѣльскій, бывшій воспитатель царевича Димитрія, сосланъ въ Царевъ-Борисовъ, на самый крайній югъ государства. Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ со всею роднею по доносу отданы подъ судъ. Пять братьевъ Романовыхъ сосланы на далекій сѣверъ, а старшій изъ нихъ Ѳеодоръ и его жена были, кромѣ того, пострижены въ монашество (съ именами— Филарета и Марѳы) и сосланы въ глухіе сѣверные монастыри подъ строгій надзоръ. Сына Ѳеодора Никитича, малолѣтняго Михаила Ѳеодоровича съ сестрою, тетками и другими родственниками сослали на Бѣлоозеро. Этому-то отроку и суждено было впослѣдствіи сдѣлаться родоначальникомъ нынѣ благополучно царствующаго Дома Романовыхъ. Князей Шуйскихъ (изъ Рюриковичей) и Голицыныхъ (изъ Гедиминовичей) Годуновъ послалъ на воеводства, удаленныя отъ Москвы. Понятно, что боярство не могло любить Годунова. Не любило его и духовенство за большое пристрастіе ко всему иноземному; не любили его всѣ за то, что онъ отправлялъ молодыхъ людей для обученія за море, что онъ завелъ въ русскомъ войскѣ иноземный отрядъ и жаловалъ иноземцевъ помѣстьями наравнѣ съ русскими служилыми людьми.

Страшные неурожаи и голодъ 1601—1604 гг., вызвавшіе моръ людей, народъ объяснялъ наказаніемъ Божьимъ за грѣхи Бориса. Въ виду дороговизны хлѣба, землевладѣльцы стали выгонять своихъ дворовыхъ людей. Изъ этихъ голодныхъ людей составлялись шайки разбойниковъ, не дававшія проѣзда по дорогамъ, ни покоя въ селахъ и городахъ. Грабежи происходили

подъ самыми стѣнами Москвы. Дерзость грабителей доходила до того, что они рѣшались вступать въ бой съ царскими войсками и воеводами.

Борисъ Годуновъ всѣми мѣрами старался ослабить народное бѣдствіе, раздавалъ хлѣбъ и деньги голодающимъ, доставлялъ заработки народу на казенныхъ постройкахъ [1]). Онъ пытался облегчить положеніе крестьянства, строго опредѣливъ, сколько крестьянинъ долженъ платить помѣщику и сколько времени на него работать. Ничего не помогало: народъ волновался и считалъ бѣдствія наказаніемъ, ниспосланнымъ на Русь за грѣхи Бориса.

Появленіе самозванца. Въ самый разгаръ народныхъ бѣдствій, въ половинѣ 1603 г., изъ Литвы дошли вѣсти о томъ, что во владѣніяхъ польскаго короля явился «настоящій законный русскій царь», чудомъ спасенный отъ убійцъ въ Угличѣ, Димитрій, сынъ царя Іоанна IV. Назвавшій себя Димитріемъ, объявился сначала у русскаго зарубежнаго князя Адама Вишневецкаго, а потомъ перешелъ къ польскому пану Юрію Мнишку, у котораго и сталъ жить въ Самборѣ. Самозванецъ заявилъ, что онъ хочетъ «доступать» отцовскаго престола. Онъ представился польскому королю Сигизмунду III и, чтобы получить поддержку папы и поляковъ, принялъ католичество. Вскорѣ онъ началъ въ Самборѣ собирать войско для похода на Москву, вошелъ въ сношенія съ казаками на «дикомъ полѣ» и на Дону, поднимая ихъ на Бориса.

Вѣсти о самозванцѣ дошли до Москвы. Но здѣсь стали говорить, что это былъ никто другой, какъ Григорій Отрепьевъ, происходившій изъ дѣтей боярскихъ. Рано осиротѣвъ, онъ постригся въ монахи и бродилъ по разнымъ монастырямъ. Изъ Чудова монастыря онъ съ тремя товарищами ушелъ въ Литву и Польшу, снялъ съ себя монашество и объявился царевичемъ Димитріемъ. Борисъ Годуновъ разослалъ во всѣ города граматы, въ которыхъ доказывалось, что Лжедимитрій—никто другой, какъ бѣглый инокъ Гришка Отрепьевъ. Народъ не вѣрилъ словамъ Бориса.

---

[1]) Около этого времени сооружена колокольня Ивана Великаго въ Кремлѣ.

Въ октябрѣ 1604 г. самозванецъ вступилъ въ предѣлы русской земли. При немъ находилось 1600 человѣкъ польской шляхты и всякаго сброда. Съ каждымъ днемъ отрядъ увеличивался присоединеніемъ вольницы, жившей на окраинахъ государства. Путивль и Черниговъ открыли свои ворота незванному царевичу, но подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ онъ встрѣтилъ отпоръ со стороны любимца Бориса, храбраго Петра Басманова; подоспѣвшее московское войско, подъ начальствомъ князя Василія Ивановича Шуйскаго, разбило самозванца при Добрыничахъ. Но это не ослабило смуты: Лжедимитрій укрывался въ Путивлѣ, а часть его войска засѣла въ Кромахъ; сюда начали собираться цѣлыми толпами его сторонники и казаки изъ Украйны и съ Дона. Воеводы царя Бориса стали осаждать Кромы, но крѣпкій городокъ держался до весны 1605 г., когда получена была вѣсть о скоропостижной смерти царя Бориса.

Народъ присягнулъ юному сыну Годунова, *Ѳеодору Борисовичу*, который назначилъ начальникомъ войска противъ самозванца Басманова. Но ратные люди колебались: они вѣрили, что Лжедимитрій — настоящій царевичъ. Бояре не слушались выскочку Басманова; тогда онъ перешелъ на сторону самозванца, за нимъ послѣдовало и войско. Въ то время князь Василій Ивановичъ Шуйскій, который производилъ слѣдствіе объ убіеніи царевича Димитрія въ Угличѣ, сталъ говорить, что царевичъ не убитъ, а спасенъ и теперь самъ идетъ къ Москвѣ.

1 іюня въ столицу прибыли послы Лжедимитрія съ граматами, въ которыхъ самозванецъ требовалъ сверженія Годуновыхъ съ престола. Москвичи возмутились, убили Ѳеодора Борисовича и его мать, а сестру его Ксенію заточили въ монастырь и стали ждать «истиннаго» Димитрія. 20 іюня 1605 г. самозванецъ торжественно въѣхалъ въ Москву и былъ провозглашенъ царемъ. Но передъ самымъ прибытіемъ его въ Москву обнаружилась крамола бояръ, которые, отдѣлавшись отъ Годуновыхъ, хотѣли избавиться и отъ самозванца. Князь Вас. Ив. Шуйскій, вопреки прежнимъ своимъ показаніямъ, началъ говорить противъ самозванца, но ему уже не вѣрили.

Лжедимитрій I-й. По вступленіи въ Москву, самозванецъ назначилъ патріархомъ рязанскаго архіепископа Игнатія, который и вѣнчалъ его на царство. Лжедимитрій помиловалъ князя В. И. Шуйскаго, приговореннаго соборомъ къ смерти; приказалъ перевезти въ Москву царицу Марію (инокиню Марѳу), которую встрѣтилъ, какъ почтительный сынъ, передъ большой толпой народа, и сама Марѳа отнеслась къ нему на глазахъ всѣхъ, какъ къ истинному своему сыну. Были возвращены изъ ссылки и осыпаны милостями Нагіе и Романовы. Самозванецъ принялся за управленіе государствомъ, выказавъ при этомъ хорошія способности. Онъ скрывалъ свою принадлежность къ като-

Марина Мнишекъ.

Лжедимитрій I.

лической религіи, держалъ себя вполнѣ независимо отъ папы и польскаго короля; показывалъ себя православнымъ и не собирался вводить католичество на Руси. Впрочемъ, одно обѣщаніе онъ сдержалъ—готовился, въ союзѣ съ поляками, предпринять походъ противъ татаръ и турокъ. Конечно, польскіе паны и іезуиты не могли быть имъ довольны. Не нравилось и москвичамъ, что онъ не былъ богомоленъ, не строго исполнялъ посты, слишкомъ мирволилъ полякамъ; велъ себя не по царски: объѣзжалъ самъ лошадей, одинъ ходилъ по городу и рынку; плохое впечатлѣніе производило и то обстоятельство, что онъ рѣшалъ дѣла съ Басмановымъ и нѣкоторыми незначительными лицами. Окон-

чательно вызвала общее недовольство его женитьба на католичкѣ-полькѣ Маринѣ Мнишекъ; съ ней наѣхало въ Москву множество пановъ, которые, за отсутствіемъ гостинницъ, размѣстились по частнымъ домамъ и держали себя съ москвичами вызывающе. Народъ былъ смущенъ тѣмъ, что Марина не приняла православія.

Этимъ настроеніемъ воспользовался хитрый и дальновидный князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Онъ составилъ заговоръ противъ самозванца. Басмановъ и поляки предупреждали Лжедимитрія о грозившей ему опасности, но среди свадебныхъ пировъ онъ не хотѣлъ этому вѣрить и не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности. 17 мая 1606 г., заговорщики ударили въ набатъ въ Китай-городѣ и съ крикомъ, что «паны рѣжутъ бояръ», направили чернь на дома, занятые поляками, а сами бросились во дворецъ, гдѣ убили Басманова. Самозванецъ выбросился изъ окна и сломалъ при этомъ ногу. Заговорщики бросились на него и убили. Съ большимъ трудомъ удалось спасти Марину и ея отца; князь Василій Шуйскій оберегъ польское посольство отъ оскорбленія. Въ этотъ день погибло въ Москвѣ болѣе 2.000 поляковъ и другихъ иноземцевъ, пріѣхавшихъ на свадьбу въ свитѣ Мнишка и Марины.

Царь Василій IV Ивановичъ Шуйскій (1606—1610 г.). На третій день, 19 мая 1606 г., былъ выкрикнутъ въ цари толпою, собранной на Красной площади, князь Василій Ивановичъ Шуйскій, какъ представитель древнѣйшаго боярскаго рода и главный руководитель заговора противъ самозванца. Шуйскій очень торопился захватить царскую власть въ свои руки и даже не собралъ выборныхъ отъ всей Русской земли на земскій соборъ для утвержденія своего избранія, какъ это сдѣлалъ Борисъ Годуновъ. Шуйскій обѣщалъ судить по правдѣ, не налагать опалы безвинно, не слушать доносовъ, но эти обѣщанія остались только на словахъ, такъ какъ Шуйскій былъ самовластенъ и мстителенъ.

Взамѣнъ устраненнаго патріарха Игнатія, соборомъ избранъ и возведенъ въ санъ патріарха митрополитъ казанскій Гермогенъ, мужъ твердый, разумный и высоконравственный.

1 іюня 1606 г. царь Василій спѣшно короновался. Затѣмъ, чтобы убѣдить народъ, что подлинный Димитрій царевичъ мученически скончался, мощи его 3 іюня 1606 г. были торжественно перенесены въ Москву нарочито посланнымъ для этого въ Угличъ ростовскимъ митрополитомъ Филаретомъ (въ мірѣ бояринъ Θеодоръ Никитичъ Романовъ). Св. мощи обрѣтены нетлѣнными и при поклоненіи имъ произошло много чудесъ и исцѣленій, о чемъ немедленно были извѣщены особыми граматами всѣ города Россіи.

Василій Шуйскій (1606—1610 г.). «Историч. альбомъ тысячелѣтія Земли Русской».

Но не успѣли грамоты разойтись во всѣ концы Русской земли, какъ въ Москвѣ начали говорить, что Лжедимитрій не былъ убитъ во время мятежа 17 мая и что онъ успѣлъ спастись; а въ Сѣверской и Рязанской областяхъ положительно утверждали, что царь Димитрій спасся и скоро придетъ изъ Польши съ войскомъ, чтобы свергнуть Шуйскаго.

Возстаніе областей. Болотниковъ. Возстаніе охватило почти все государство: на южной окраинѣ оно опять сосредоточивалось около Путивля, гдѣ зачинщикомъ мятежа былъ князь Григорій Шаховской. Къ украинцамъ присоединились дворяне тульскіе и рязанскіе. Возстала мордва на Окѣ и Астрахань. Къ осени 1606 г. началась внутренняя борьба въ Москвѣ — всѣ сословія шли другъ на друга.

Въ сѣверской области во главѣ возстанія сталъ Иванъ Болотниковъ, бывшій холопъ, возвратившійся изъ татарскаго плѣна и поступившій на службу къ путивльскому воеводѣ князю Шаховскому, человѣкъ отважный и даровитый. Онъ собралъ вокругъ себя народъ не только именемъ царя Димитрія, но и несбыточными

обѣщаніями — отмѣнить крѣпостные порядки, уничтожить «лихихъ бояръ» и вообще богатыхъ людей. Онъ набралъ войско изъ казаковъ, бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ, разбилъ царскихъ воеводъ и подступилъ къ самой Москвѣ. Къ нему присоединились рязанскіе мятежники, предводимые дворянами Прокопіемъ Ляпуновымъ и Сунбуловымъ. Впрочемъ, послѣдніе вскорѣ помирились съ царемъ и отстали отъ мятежниковъ, а храбрый воевода, племянникъ царя Василія, князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, разбилъ Болотникова и заставилъ его запереться въ стѣнахъ Тулы. Здѣсь къ Болотникову присоединились пришедшіе съ Терека и Дона казаки и вольница съ княземъ Шаховскимъ и новымъ самозванцемъ, объявившимъ себя Петромъ, несуществовавшимъ сыномъ царя Ѳеодора Іоанновича.

Царь Василій Шуйскій съ большимъ войскомъ осадилъ Тулу, затопилъ ея окрестности, запрудивши р. Упу, и заставилъ мятежниковъ сдаться. Болотниковъ и Лжепетръ казнены, а главный зачинщикъ князь Шаховской былъ только сосланъ. Побѣдоносный царь торжественно вернулся въ Москву и думалъ, что теперь смута окончилась. Но эта надежда не оправдалась.

Въ Стародубѣ-Сѣверскомъ явился новый самозванецъ, принявшій на себя имя убитаго Лжедимитрія. Къ новому самозванцу присоединились сѣверскіе мятежники, казаки и много польскихъ и литовскихъ пановъ съ ихъ дружинами. Панъ Рожинскій былъ избранъ гетманомъ, т.-е. главнымъ начальникомъ войска. Полчища Лжедимитрія II двинулись къ Москвѣ и расположились станомъ около с. Тушина, въ 12 верстахъ, откуда самозванецъ и получилъ наименованіе «Тушинскаго вора». Для доказательства, что самозванецъ — настоящій Лжедимитрій, къ нему привезли злосчастную Марину Мнишекъ, которая и признала его своимъ мужемъ. Тушинскій воръ и Рожинскій осаждали Москву, а Сапѣга и Янъ Лисовскій 16 мѣсяцевъ старались овладѣть Троицкой лаврой въ надеждѣ взять ея богатства; но иноки съ нѣсколькими сотнями стрѣльцовъ отстояли св. обитель. Другіе отряды тушинцевъ разбрелись по московскимъ областямъ, жгли и грабили ихъ. Города, одинъ за другимъ, переходили на сторону самозванца.

Въ осажденной Москвѣ чувствовался недостатокъ во всемъ, а въ Тушинскомъ лагерѣ было изобиліе: сюда пріѣзжали купцы съ товарами изъ городовъ, признавшихъ самозванца. Многіе ратные люди уходили отъ царя Василія къ тушинскому вору на службу, прельщаемые наградами и болѣе высокимъ положеніемъ; нѣкоторые изъ нихъ снова возвращались къ царю съ повинной и не стыдились продѣлывать это по нѣскольку разъ, за что и получили прозваніе «перелетовъ».

Голодъ вызвалъ бунтъ въ Москвѣ; многіе даже служилые люди намѣревались свергнуть царя Василія. Бушующая толпа вывела изъ Успенскаго собора патріарха Гермогена и начала кричать, что Шуйскій — не настоящій царь, такъ какъ выбранъ одною Москвою, а не всей землей. Патріархъ Гермогенъ увѣщавалъ толпу и при этомъ сказалъ:

— Дотолѣ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ и никакіе города Москвѣ не указывали, а указывала Москва всѣмъ городамъ.

Заговорщики бросились было во дворецъ, но царь Василій съ твердостью сказалъ имъ, что убить они его могутъ, но свести съ престола, безъ согласія бояръ и земли, права не имѣютъ. Тогда мятежники ушли къ тушинскому вору.

Вмѣшательство иностранцевъ въ московскія дѣла. Весною 1608 г., царь Василій заключилъ миръ съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ III. По этому миру царь обѣщалъ отпустить бывшихъ въ плѣну поляковъ, взамѣнъ этого король долженъ былъ отозвать своихъ подданныхъ изъ войскъ Лжедимитрія II. Но Сигизмундъ обѣщанія своего не исполнилъ.

Тогда Василій Шуйскій рѣшилъ войти въ переговоры съ злѣйшимъ врагомъ поляковъ, шведскимъ королемъ Карломъ IX. Посланный для переговоровъ со шведами въ Новгородъ, Скопинъ Шуйскій, уступилъ шведскому королю Корелу, за что король обѣщалъ прислать царю Василію 5.000 хорошо обученнаго шведскаго войска, подъ начальствомъ генерала Делагарди. Этотъ отрядъ присоединился къ ополченіямъ — новгородскимъ и Сѣверо-западныхъ областей, бывшихъ подъ начальствомъ Скопина-Шуйскаго; соединенныя рати двинулись къ Москвѣ; тушинцы вездѣ терпѣли неудачи; города, одинъ

за другимъ, начали признавать законнаго царя; сильное пораженіе нанесъ Скопинъ-Шуйскій войскамъ Сапѣги подъ Колязинымъ монастыремъ. Москва оживилась надеждой на скорое избавленіе.

Этому помогъ самъ польскій король Сигизмундъ III. Узнавши, что царь Василій вступилъ въ союзъ со шведами, Сигизмундъ объявилъ ему войну, вторгся въ московскіе предѣлы и осадилъ Смоленскъ. Оттуда польскій король прислалъ въ Тушино приглашеніе полякамъ оставить самозванца. Въ тушинскомъ лагерѣ произошелъ бунтъ. Тушинскій воръ принужденъ былъ бѣжать, переодѣвшись крестьяниномъ, а Марина Мнишекъ ускакала въ гусарскомъ платьѣ; ихъ радушно приняли въ Калугѣ, куда за ними ушли казаки и часть русскихъ мятежниковъ. Гетманъ Рожинскій зажегъ лагерь и удалился къ своему королю. Скопинъ-Шуйскій торжественно вступилъ въ ликующую, освобожденную Москву.

По дорогѣ къ Смоленску Рожинскій заболѣлъ и умеръ. Войско его было разбито и разсѣяно царскими воеводами. При этомъ отбиты русскіе плѣнники и въ томъ числѣ ростовскій митрополитъ Филаретъ (Никитичъ Романовъ), который, наконецъ, получилъ возможность вернуться въ Москву.

Въ это время въ Москвѣ случилось горестное событіе: юный князь Скопинъ-Шуйскій (23 лѣтъ), на котораго всѣ возлагали большія надежды, внезапно заболѣлъ и скончался. Всѣ пришли въ уныніе отъ этой преждевременной смерти и обвиняли Шуйскихъ въ отравленіи молодого героя.

Вскорѣ дѣло дошло до открытаго возстанія: Прокопій Ляпуновъ, рязанскій воевода, началъ призывать всѣхъ къ низверженію Василія съ престола.

Между тѣмъ царь Василій отправилъ подъ Смоленскъ войско и шведскій вспомогательный отрядъ, подъ начальствомъ своего неспособнаго брата Димитрія Ивановича Шуйскаго, котораго, вдобавокъ, всѣ ненавидѣли и считали убійцей Скопина-Шуйскаго. 24 іюня 1610 г. при с. Клушинѣ гетманъ Станиславъ Жолкѣвскій разбилъ войско Димитрія Шуйскаго на-голову, такъ какъ во время сраженія шведы предали русскихъ полякамъ. Вслѣдъ за этимъ, поляки отъ Смоленска, а тушинцы изъ-подъ Калуги двинулись къ Москвѣ. Въ то же время

въ самой Москвѣ братъ Прокопія Ляпунова, Захаръ, взбунтовалъ народъ противъ царя Василія.

17 іюля 1610 года, бояре и всѣхъ сословій люди собрались на Красной площади и рѣшили просить царя Василія отречься отъ престола. Царь согласился и выѣхалъ изъ дворца въ свой боярскій домъ, но черезъ два дня Захарій Ляпуновъ съ единомышленниками принудили царя Василія и его жену постричься. Царя-инока заперли въ Чудовъ монастырь, а его братьевъ и родственниковъ заключили подъ стражу.

Междуцарствіе. Русское царство осталось въ ужасномъ положеніи: враги были кругомъ, шведы изъ союзниковъ обратились въ лютыхъ враговъ; всюду въ странѣ бродили отряды казаковъ, поляковъ и разной вольницы, которая занималась разбоемъ и грабежомъ. Управленіе государствомъ перешло въ руки патріарха Гермогена и думы изъ семи знатнѣйшихъ бояръ (семибоярщина). Патріархъ Гермогенъ настаивалъ на немедленномъ избраніи государя и предлагалъ въ цари либо князя В. В. Голицына, либо Михаила Ѳеодоровича Романова, сына Ѳеодора Никитича (митрополита Филарета); самому Михаилу было тогда 14 лѣтъ. При обсужденіи вопроса о выборѣ царя обнаружилось разногласіе: многіе держались тушинскаго вора; бояре, составлявшіе думу, пожелали возвести на престолъ королевича Владислава, сына Сигизмунда III. Когда Гетманъ Жолкѣвскій подошелъ къ Москвѣ, то сторонники избранія королевича Владислава взяли верхъ и вошли въ переговоры съ Жолкѣвскимъ, требуя, чтобы королевичъ короновался царскимъ вѣнцомъ изъ руки московскаго патріарха и не дозволялъ строить на Руси римско-католическихъ храмовъ. Одинъ патр. Гермогенъ требовалъ принятія королевичемъ православной вѣры. Для окончательныхъ переговоровъ отправлено къ королю Сигизмунду III торжественное посольство, во главѣ котораго находились князь Василій Васильевичъ Голицынъ и ростовскій митрополитъ Филаретъ. По приглашенію бояръ, гетманъ Жолкѣвскій ввелъ въ Москву польское войско. Умный Жолкѣвскій умѣлъ улаживать споры русскихъ и поляковъ, чѣмъ заслужилъ довѣріе патріарха Гермогена; но онъ вскорѣ уѣхалъ подъ Смоленскъ, оставивши польскій гарнизонъ въ Москвѣ, подъ начальствомъ пана Гонсѣвскаго.

Русское посольство въ польскомъ лагерѣ подъ Смоленскомъ твердо стояло на первоначальныхъ требованіяхъ. Сигизмундъ III прервалъ переговоры и отправилъ пословъ плѣнниками въ Польшу; туда же отвезли и бывшаго царя Василія Шуйскаго съ его роднею. Тушинскій воръ въ декабрѣ былъ убитъ однимъ изъ своихъ приближенныхъ—Урусовымъ. Это улучшило положеніе. Оставалось рѣшить вопросъ — избрать ли царя изъ русскихъ бояръ или отдать Русь въ руки Сигизмунда III, ревностнаго католика, преданнаго сторонника іезуитовъ? Всѣ сознавали, что послѣднее повлечетъ за собой окончательную погибель государства. Во всей Русской землѣ началось сильное движеніе противъ поляковъ. Патріархъ Гермогенъ, словамъ котораго всѣ вѣрили, посылалъ изъ Москвы граматы, призывая весь русскій народъ возстать для спасенія родины.

Въ январѣ 1611 г., Прокопій Ляпуновъ двинулся съ рязанскимъ ополченіемъ къ Москвѣ; туда же направились ополченія южныхъ и сѣверныхъ областей и съ Поволжья. Трубецкой и Заруцкій съ казаками, собранными для тушинскаго вора, тоже пошли на поляковъ. Все это воинство, числомъ до ста тысячъ, обложило Москву. Здѣсь въ это время находилось около 3.000 поляковъ. Они сожгли предмѣстья и засѣли въ Кремлѣ и Китай-городѣ, ожидая помощи отъ Сигизмунда.

Теперь въ лагерѣ русскихъ ополченій и казаковъ съ его «троеначальниками», Ляпуновымъ, Трубецкимъ и Заруцкимъ, сосредоточились всѣ дѣла по управленію государствомъ. Ратный совѣтъ изъ военнослужилыхъ людей и дворянъ рѣшалъ дѣла о сборѣ денегъ и ратныхъ людей по областямъ, о раздачѣ помѣстій, назначеніи и смѣнѣ воеводъ и защитѣ земли. Но казачество и земщина сговориться не сумѣли. Земщина помышляла о возвратѣ къ старому и только къ упорядоченію его. Казачество не думало ни о какомъ порядкѣ; оно желало воли и добычи. Разладъ закончился тѣмъ, что казаки вызвали Ляпунова въ кругъ и изрубили его; тогда дворянское ополченіе разошлось. Осаду поляковъ въ Москвѣ продолжали только одни казаки.

Лихолѣтіе. Это было самое ужасное время, какъ говоритъ лѣтописецъ: «и было *лихолѣтіе*, такая бѣда на Русской землѣ, какой не бывало отъ начала міра».

Государственной власти не существовало: ни Гермогенъ съ боярами, запертые въ Москвѣ съ поляками, ни остатки казачества съ атаманомъ Заруцкимъ и Мариной Мнишекъ съ ея «воренкомъ» (сыномъ «вора») не имѣли никакой власти. А между тѣмъ Сигизмундъ, овладѣвши Смоленскомъ, послалъ отрядъ на выручку поляковъ, запертыхъ въ Кремлѣ. Шведы овладѣли Новгородомъ; въ Псковѣ сидѣлъ третій Лжедимитрій; разбойничьи отряды всюду жгли и грабили.

Спасли же Русскую землю древнія учрежденія, возстановленныя въ правленіи Іоанна Грознаго. Земство и города восточной части государства, свободной отъ иноземцевъ, начали сноситься между собою и Москвою, получали граматы патріарха Гермогена изъ Москвы, а также архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына изъ Троицко-Сергіевской лавры. Города согласились поддерживать порядокъ, не допускать грабежей и усобицъ, не принимать никакихъ новыхъ властей и не заводить сношеній съ казаками. Заведя порядокъ у себя, они рѣшили начать борьбу и противъ общаго въ государствѣ нестроенія.

Мининъ-Сухоруковъ и князь Пожарскій. Въ октябрѣ 1611 года одна изъ призывныхъ граматъ Троицко-Сергіевской лавры была получена въ Нижнемъ-Новгородѣ. По прочтеніи этой граматы въ соборѣ, земскій староста Козьма Захаровичъ Мининъ-Сухоруковъ сталъ говорить собравшимся на площади гражданамъ:

— *Если хотимъ помочь Москвѣ, то мы не должны ничего жалѣть; дома продадимъ, женъ и дѣтей заложимъ, и будемъ бить челомъ — кто бы вступился за православную вѣру и былъ у насъ начальникомъ.*

Нижегородцы рѣшили давать «третью деньгу», т.-е. третью часть имущества на сборъ ратныхъ людей, и избрали воеводою очень даровитаго и добродѣтельнаго князя Димитрія Михайловича Пожарскаго. Въ званіи «воеводы всея Руси» онъ довелъ до конца дѣло возстановленія государственнаго порядка въ странѣ. Изъ Нижняго во всѣ концы государства поскакали гонцы съ граматами, въ которыхъ всѣ призывались встать «за одинъ, чтобы промышлять надъ польскими и литовскими людьми», затѣмъ «учинить крѣпкій совѣтъ во всякомъ дѣлѣ», «на государство не похотѣть ни литовскаго короля, ни Маринки съ сыномъ, ни того вора, что стоитъ подъ Пско-

вомъ». На призывъ нижегородцевъ живо откликнулись всѣ русскіе люди: отовсюду потекли къ Нижнему ополченія и деньги. Слухи о новомъ ополченіи дошли до Москвы. Тогда поляки и нѣкоторые русскіе бояре, ихъ сторонники, стали требовать отъ патріарха Гермогена, чтобы онъ запретилъ нижегородскому ополченію подходить къ Москвѣ. Святой старецъ на это отвѣтилъ:

— *Да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ для очищенія Московскаго государства, а вы, измѣнники, будьте прокляты!*

Злодѣи уморили святителя голодомъ; онъ скончался 17 февраля 1612 года.

Въ мартѣ 1612 г. общее ополченіе съ княземъ Пожарскимъ во главѣ и Мининымъ, какъ «выборнымъ человѣкомъ всей Русской земли» для завѣдыванія казной, выступило изъ Нижняго и въ апрѣлѣ подошло къ Ярославлю. Здѣсь оно простояло до августа мѣсяца, выжидая подкрѣпленій и присылки необходимыхъ средствъ. Снова при рати Пожарскаго сосредоточилась вся государственная власть; Пожарскій дѣйствовалъ «по совѣту всей земли», онъ распоряжался и государственными и земскими дѣлами на Руси.

Въ концѣ августа 1612 г. это второе земское ополченіе подошло къ Москвѣ и сначала выступило отдѣльно отъ казаковъ. Почти одновременно съ другой стороны подходилъ на помощь полякамъ, съ запасами и войскомъ, гетманъ Ходкевичъ. 22 августа онъ сдѣлалъ нападеніе на Пожарскаго, но былъ отбитъ; 24 онъ опять двинулся противъ стана Пожарскаго. Келарь Троицкаго монастыря, Авраамій Палицынъ, съ большимъ трудомъ уговорилъ казаковъ Трубецкаго, стоявшихъ рядомъ, поддержать Пожарскаго и не пустить поляковъ въ Кремль. Дѣло было кровавое и упорное. Въ самую рѣшительную минуту Мининъ съ отборнымъ отрядомъ врѣзался сбоку въ ряды поляковъ и склонилъ побѣду на нашу сторону. Ходкевичъ не могъ выручить засѣвшихъ въ Москвѣ поляковъ. Польскій гарнизонъ мужественно защищался, но былъ доведенъ до крайности голодомъ. Наконецъ, поляки выпустили на свободу бывшихъ съ ними въ Кремлѣ знатныхъ бояръ, въ томъ числѣ и юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова, и сдались на условіяхъ сохраненія жизни.

25 октября 1612 г. ополченія и народъ, съ духовенствомъ и воеводами, вступили въ Кремль.

Еще въ половинѣ ноября князь Пожарскій обратился во всѣ области съ предложеніемъ прислать въ Москву по десяти лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ

Великое посольство приходитъ въ Ипатьевскій монастырь съ граматою объ избраніи Михаила Θеодоровича на царство. (Со стар. рисунка.)

людей для избранія царя, такъ какъ безъ государя «ни малое время быти не можно». Съѣздъ выборныхъ отъ всей Русской земли на земскій сборъ нѣсколько замедлился вслѣдствіе движенія Сигизмунда на Москву. Но около Волоколамска польскій король былъ задержанъ и ушелъ обратно.

Въ январѣ 1613 г. выборные люди съѣхались въ Москву и привезли съ собой «договоры» о томъ, какъ «строить» землю. Переговоры между выборными шли медленно. Высказывались различныя мнѣнія,—«по многіе дни бысть собраніе людямъ, дѣла же утвердити не могутъ и вооще мятутся сѣмо и овамо», говорилъ лѣтописецъ. Знатные бояре хотѣли выбрать царя изъ иноземцевъ, но ратные люди, казачество и земскіе люди «не восхотѣли сему быти». Наконецъ, 7 февраля 1613 г., былъ

Самодержецъ Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ (1613—1645 г.). Съ карт. *В. Верещагина.*

избранъ на престолъ, не безъ вліянія казачества, бывшаго тогда въ силѣ, шестнадцатилѣтній сынъ митрополита Филарета — *Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ.* Разосланы были люди по городамъ узнать мнѣніе земли насчетъ этого выбора. Оказалось, что всюду высказались за Михаила, какъ за «природнаго» государя (по родству съ прежнимъ царствующимъ родомъ).

21 февраля 1613 г. состоялось торжественное подтвержденіе избранія царя въ Успенскомъ соборѣ. Здѣсь

принесена присяга новому царю какъ членами собора, такъ и населеніемъ Москвы.

Избраннаго царя не было въ Москвѣ. Въ концѣ 1612 г. онъ уѣхалъ съ матерью, инокинею Марѳою Ивановною, черезъ Ярославль въ Кострому въ свои имѣнія. Тамъ ему грозила опасность отъ одной изъ многочисленныхъ польско-литовскихъ шаекъ, бродившихъ по всѣмъ областямъ около Москвы. Михаила Ѳеодоровича спасъ крестьянинъ его села Домнина, *Иванъ Сусанинъ*. Извѣстивъ своего боярина объ опасности, Сусанинъ завелъ вражескую шайку въ лѣса, гдѣ и погибъ, но не указалъ ей пути на боярскую усадьбу. Михаилъ Ѳеодоровичъ укрылся въ крѣпкомъ Ипатьевскомъ монастырѣ у Костромы, гдѣ и жилъ съ своею матерью до прибытія посольства отъ земскаго собора. Михаилъ Ѳеодоровичъ долго отказывался отъ царства. Мать будущаго царя также не хотѣла благословить его на царство; она указывала на то, что царство Русское — въ разореніи, а русскіе люди «измалодушествовались» и могутъ измѣнить молодому Михаилу, какъ они измѣнили царямъ: Ѳеодору Борисовичу и Шуйскому. Но послы отвѣчали, что *«русскіе люди теперь наказались и пришли въ соединеніе»* и что если Марѳа Ивановна не благословитъ сына, то съ нея и взыщутся всѣ бѣдствія, грозящія государству. Доводы пословъ убѣдили Марѳу, и она благословила Михаила Ѳеодоровича на царство. Это произошло *14 марта 1613 года*.

Съ новымъ царствующимъ домомъ Романовыхъ русскій народъ, послѣ семи съ половиной вѣковъ неустанной работы и страшныхъ испытаній, былъ призванъ къ новой жизни: Домъ Рюрика сковалъ тѣло Руси, а Дому Романовыхъ предстояло вдунуть въ него душу просвѣщеніемъ и новыми путями къ общенію со всѣмъ міромъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. **Первобытная исторія Русской земли. Около 500 л. до Р. Х. 580 л. по Р. Х.** 5

Древнѣйшіе обитатели. Скиѳы. Готы. Гунны. Авары (Обры)—VI в. Славяне VI,—VIII в. по Р. Х. Главнѣйшая причина основанія обширнаго Русскаго государства. Славянскія племена. Общественное устройство. Бытъ и занятія. Торговые пути. Сосѣди славянъ. Варяги. Русь. Хазары. Печенѣги. Литовцы. Финны. Болгары.

II. **Начало Русскаго государства (850—1050).** 16

Первые князья: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ. Олегъ (879—912 г.). Игорь (912—945 г.). Св. Ольга (945—957 г.). Святославъ (957—972 г.). Раздоры сыновей Святослава. Владиміръ святой (980—1015 г.). Св. Ѳеодоръ и Іоаннъ, первые христіанскіе мученики на Руси. Исканіе вѣры и принятіе христіанства Владиміромъ святымъ. Крещеніе Руси въ 988 г. Усобицы между сыновьями Владиміра. Святополкъ Окаянный и Мстиславъ Тмутараканскій. Ярославъ I Мудрый (1019—1054 г.). Русская Правда.

II. **Время удѣльно-вѣчевого порядка (1050—1250 г.).** . . 39

Раздѣленіе Руси на удѣлы. Дѣленіе Кіевскаго великаго княжества на земли. Перечисленіе земель и ихъ отношеніе къ племенамъ. Внутреннее состояніе великаго княжества Кіевскаго. Очередной порядокъ при сыновьяхъ Ярослава. Любечскій съѣздъ 1097 г. Вѣча Новгорода и Кіева. Начало междоусобій между сыновьями Ярослава Мудраго. Половцы. Всеволодъ Ярославичъ, великій князь кіевскій, и сынъ его Владиміръ Мономахъ. Съѣзды князей: въ Любечѣ (1097 г.) и въ Витичивѣ (1100 г.). Владиміръ Мономахъ, великій князь кіевскій (1113—1125 г.). Мстиславъ I Владиміровичъ (Великій) (1125—1132 г.). Разгаръ усобицъ. Мономаховичи и Ольговичи. Борьба Изяслава Мстиславича съ Юріемъ Владиміровичемъ (Долгорукимъ) Суздальскимъ. Андрей Юрьевичъ Боголюбскій. Разореніе Кіева. Великій переворотъ 1169 г. Борьба Андрея I Боголюбскаго съ Мстиславомъ Храбрымъ. Всеволодъ III Большое

Стр.

Гнѣздо (1176—1212 г.). Борьба его съ Мстиславомъ Удалымъ. Мстиславъ Удалой, Юрій II и татары. Господинъ Великій Новгородъ. Нѣмцы.

IV. Внутреннее состояніе Руси до нашествія монголовъ.

Земля и населеніе. Князь. Дружина. Городское и сельское населеніе. Городъ. Судъ. Торговля. Искусство и ремесла. Церковь и просвѣщеніе. Монастыри. Начало русской письменности (литературы). Военное дѣло. Выводъ изъ событій первыхъ четырехъ столѣтій русской исторіи.

V. Покореніе Руси монголами 73

Появленіе татаръ въ Южной Руси. Битва на р. Калкѣ (1223 г.). Монгольское царство Чингисъ-Хана. Погромъ рязанскаго и суздальскаго княжествъ Батыемъ (1237—1238 г.). Разореніе Кіева (1240 г.). Вторженіе татаръ въ Волынь и Галицію (1241 г.). Золотая Орда. Сарай. Подчиненіе Руси татарамъ. Александръ Невскій (1252—1263 г.). Даніилъ Романовичъ Галицкій.

VI. Литовско-Русское государство 83

Отношеніе Литвы къ Руси Миндовгъ. Гедиминъ (1315—1340 г.). Ольгердъ (1345—1377 г). Соединеніе Литвы съ Польшей при Ягайло (1377—1434 г.). *Прошлое Польши до конца XIV вѣка.* Мечиславъ I. Время трехъ Болеславовъ—Храбраго, Смѣлаго и Кривоустаго (1000 — 1139 г.). Витовтъ литовскій (1392 — 1430 г.). Битва при Грюнвальденѣ (Танненбергъ—1410). г. Битва на р. Ворсклѣ (1399 г.). Съѣздъ въ Городлѣ (1413 г.). Литовско - Русское княжество при пріемникахъ Витовта. Литовскій статутъ (1529 г.). Люблинская унія (1569 г.).

VII. Объединеніе сѣверо-восточной Руси подъ властью Москвы. (Отъ Калиты до Грознаго) 93

Московскій удѣлъ и первые московскіе князья. Іоаннъ I Калита и его дѣти (1328—1359 г.). Симеонъ Гордый и Іоаннъ II Кроткій. Дмитрій Іоанновичъ Донской (1363—1389 г.). Куликовская битва (мамаево побоище)—8 сентября 1830—Набѣгъ Тохтамыша 1382 г. Василій I Дмитріевичъ (1389—1425 г.). Набѣгъ Едигея 1408 г. Борьба съ Литвою. Василій II Васильевичъ Темный (1425—1462 г.). Борьба съ удѣлами и татарами. Казачество. Іоаннъ III Васильевичъ (1462—1505 г.). Присоединеніе Новгорода (1471 — 1476 г.). Отношеніе къ удѣльнымъ князьямъ и князю тверскому. Присоединеніе Твери (1485 г.). Вторая женитьба Іоанна III. Софія Палеологъ. Московскій гербъ. Уничтоженіе татарскаго ига (1480 г.). Литовскія отношенія. Судебникъ Іоанна III. Военное дѣло. Оборона степныхъ границъ. Церковные вопросы. Ересь жидовствующихъ. Василій III Іоанновичъ. Присоединеніе Пскова (1510 г.). Конецъ удѣламъ. Борьба съ Литвою. Возвращеніе Смоленска (1514 г.). Борьба съ Крымомъ и Казанью. Вторичный бракъ съ Еленой Глинской.

Стр.

VIII. Время царя Іоанна IV Грознаго (1533—1584). 117

Іоаннъ IV Грозный. Дѣтство и юность великаго князя Іоанна IV Васьльевича. Правленіе Елены. Правленіе бояръ. Вѣнчаніе Іоанна на царство и вступленіе въ бракъ (1547 г.). Сильвестръ и Адашевъ. Судебникъ Іоанна IV и Стоглавъ (1551 г.). Внутреннія преобразованія въ государствѣ. Земское самоуправленіе. Служилый классъ. Мѣстничество. Завоеваніе казанскаго и астраханскаго царствъ (1552—1556 г.). Разрывъ Іоанна IV съ совѣтниками (1560 г.). Время внутренней борьбы. Опричнина (1565 г.). Опала Филиппа митрополита (1569). Разгромъ Новгорода (1570 г.). Внѣшнія дѣла во вторую половину царствованія Іоанна IV. Ливонская война (1558—1582 г.). Отношенія къ крымскому хану. Набѣгъ 1571 г. Битва на р. Лопасни (1572 г.). Завоеваніе Сибири Ермакомъ (1581—1582 гг.). Новый торговый путь по Бѣлому морю (1553 г.). Архангельскъ (1584 г.). Кончина Іоанна IV (1584 г.)

IX. Смутное время на Руси 132

Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ (1584—1598 г.). Борисъ Годуновъ правитель. Сношенія съ Европою и расширеніе предѣловъ Московскаго государства. Учрежденіе самостоятельнаго Всероссійскаго патріаршества (1588 г.). Прикрѣпленіе къ землѣ крестьянъ. Смерть св. паревича Димитрія Іоанновича и прекращеніе Московскаго царскаго рода. Воцареніе Бориса Ѳеодоровича Годунова (1598—1605 г.). Неурожаи и волненія (1601—1604 г.). Появленіе самозванца въ Польшѣ. Вступленіе самозванца въ Русскую землю. Смерть Бориса Годунова. Царь Ѳеодоръ Борисовичъ. Царствованіе и смерть самозванца (1605—1606 г.). Царь Василій IV Ивановичъ Шуйскій (1606—1610 г.). Патріархъ Гермогенъ. Возстаніе областей. Болотниковъ. Тушинскій воръ (Лжедимитрій II). Вмѣшательство иностранцевъ въ московскія дѣла. Междуцарствіе (1610—1613 г.). Мининъ Сухоруковъ и князь Пожарскій. Второе земское ополченіе. Взятіе Москвы. Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова 21 февраля 1613 г. Иванъ Сусанинъ.

КЪ 300-ЛѢТІЮ ЦАРСТВОВ. ДОМА РОМАНОВЫХЪ

выпущены слѣдующія изданія (книги и брошюры подъ ред. засл. проф. П. Н. Жуковича):

1. Засл. проф. *Н. Михневичъ.* **Прошлое Россіи отъ Рюрика до Романовыхъ.** Ц. 30 к.
2. Проф. *А. Елчаниновъ.* **Державный Домъ Романовыхъ.** Ц. 30 к.
3. Засл. проф. *П. Жуковичъ.* **Смутное время и воцареніе Романовыхъ.** Ц. 25 к.
4. *Н. Дучинскій.* **Воцареніе Державнаго Дома Романовыхъ.** Ц. 3 к.
5. *Л. Погожева.* **Безвинный страдалецъ Михаилъ Никитичъ Романовъ.** Ц. 5 к.
6. *Е. Поселяниновъ.* **Царица Анастасія Романовна.** Ц. 5 к.
7. *Его же.* **Герои и подвижники лихолѣтья XVII вѣка.** Ц. 15 к.
8. *Его же.* **Родоначальникъ Дома Романовыхъ—Патріархъ Филаретъ.** Ц. 7 к.
9. *Его же.* **Сусанинъ и его потомки.** Ц. 5 к.
10. *Н. Дучинскій.* **Три вѣка на Руси.** Ц. 10 к. Къ книжкѣ изготовлено 40 свѣт. карт. для публ. нар. чтен.: черн. по 40 к., раскр. по 1 р.
11. *Его же.* **Подъ скипетромъ Державнаго Дома Романовыхъ.** Ц. 5 к.
12. Засл. проф. *Н. Михневичъ.* **Русь и Домъ Романовыхъ. Т. I. Исторія Россіи.** Ц. 30 к.
13. Проф. *П. Мигулинъ.* **Русь и Домъ Романовыхъ. Томъ II.** Ростъ Россіи въ экономическ. отношеніи. Ц. 50 к.
14. Проф. *С. Никоновъ.* **Русь и Домъ Романовыхъ. Томъ III.** Ростъ Россіи въ культурномъ отношеніи. Ц. 40 к.
15. *Г. Сверцевъ-Полиловъ.* **Михаилъ Ѳеодоровичъ.** Ц. 15 к.
16. *Н. Ѳеодоровъ.* **Тишайшій Царь Алексѣй Михайловичъ.** Ц. 10 к.
17. *Л. Погожева.* **Царь Ѳеодоръ. Царевна Софія.** Ц. 5 к.
18. Проф. *П. Ковалевскій.* **Петръ Великій.** Ц. 20 к.
19. *В. Мазуркевичъ.* **Императоръ Петръ II. Императрица Анна Іоанновна.** Ц. 5 к.
20. *Н. Носковъ.* **Императрица Елизавета Петровна. Императоръ Петръ III.** Ц. 7 к.
21. *Его же.* **Екатерина Великая.** Ц. 15 к.
22. *Н. Ѳеодоровъ.* **Императоръ Павелъ.** Ц. 5 к.
23. *Н. Дучинскій.* **Александръ Благословенный.** Ц. 10 к.
24. *А. Ефимовъ.* **Императ. Николай I.** Ц. 12 к.
25. *Н. Дучинскій.* **Царь-Освободитель.** Ц. 12 к.
26. *А. Д. Поповъ.* **Царь-Миротворецъ.** Ц. 12 к.
27. Проф. *А. Елчаниновъ.* **ЦАРСТВОВАНІЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.** Ц. 25 к.
28. *А. Заринъ.* **Изъ жизни Русскихъ Царей и Царицъ** (разсказы, характер. и т. п). Ц. 35 к.
29. *А. Заринъ.* **Царскія развлеченія и забавы за 300 лѣтъ.** Ц. 30 к.
30. *Его же.* **Любимыя мѣстопребыванія Русскихъ Государей.** Ц. 25 к.
31. *Н. Жерве.* **Сподвижники Русскихъ Царей** (за 300 лѣтъ). Ц. 25 к.
32. *Н. Дучинскій.* **Три столѣтія.** (изъ произв. русскихъ писателей и поэтовъ и юбилейн. сборникъ). Ц. 35 к.
33. *Н. Сергіевскій.* **На зарѣ царства.** Историч. романъ (изъ временъ царя Михаила Ѳеодоровича). Ц. 75 к.
34. *А. Заринъ.* **1. Великій кормчій. 2. Разрушенное счастье.** Историческ. разсказы изъ временъ царя Михаила. Ц. 10 к.
35. *Его же.* **1. Божья воля. 2. Царскій соколъ.** Историческіе разсказы изъ временъ Алексѣя Михайловича. Ц. 10 к.
36. *Его же.* **По-хорошему.** Историч разсказъ изъ временъ Ѳеодора Алексѣевича. Ц. 7 к.
37. *Его же.* **1. Первый взлетъ. 2. Добровольецъ.** Ист. разок. изъ вр. Петра Вел. Ц. 10 к.
38. *Его же.* **1. Видѣніе. 2. Ангелъ-хранитель.** Историческій разсказъ изъ временъ Екатерины I и Петра II. Ц. 7 к.
39. *Его же.* **1. Стрѣлокъ. 2. Сказка.** Историческіе разсказы изъ временъ Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны. Ц. 15 к.
40. *Его же.* **Царицынъ подарокъ.** Историческ. разсказъ изъ временъ Екатерины II. Ц. 7 к.
41. *Его же.* **1. Неожиданное счастье. 2. Царское великодушіе.** Историческіе разсказы изъ временъ Павла I и Николая I. Ц. 10 к.
42. *Его же.* **Неузнанный царь. 2. Урокъ на всю жизнь.** Историческіе разсказы изъ временъ Александра I. Ц. 5 к.
43. *Н. Соколовъ.* **За природнаго Царя.** Драм. сцены въ 6 карт. Пьеса къ предст. дозв. и къ предст. въ нар. театр. одобрена. Ц. 20 к.
45. *А. С. Танѣевъ.* **Родина наша.** Музык. пьеса. Партитура и голоса. Ц. 50 к.
46. *И. Армсгеймеръ.* **Къ 300-лѣтію Дома Романовыхъ.** Въ стихахъ, съ музык. и пѣн. (съ сопровожд. свѣт. картинъ). Парт. 1 р. 50 к., оркестр. партіи 2 р. 50 к., 16 свѣт. картинъ: черн. 6 р. 40 к., раскр. 16 р.
47. *А. Котомкинъ.* **Кантата въ стихахъ** (безъ музыки). Ц. 5 к.

Портреты: Государя Императора 5 р., 1 р., 5 к. **Государыни Императрицъ** 5 р., **Наслѣдника Цесаревича** 5 р., каждаго Государя изъ Дома Романовыхъ 1 р.

Памятки къ 300-лѣтнему юбилею. Ц. 1 р. 25 к., 50 к., 15 к., 5 к.

Альбомъ къ 300-лѣтію Царствующаго Дома Романовыхъ. Ц. 25 к.

ВСѢ ЦѢНЫ ОЗНАЧЕНЫ БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ.

Съ требованіями обращаться: 1) въ книгоизд. «Сельскаго Вѣстника»—Спб., Мойка, 32; 2) къ Т-ву И. Д. Сытина—Москва, у Ильинскихъ воротъ, или въ отдѣленія Т-ва И. Д. Сытина—въ С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Екатеринбургѣ, Воронежѣ, Ростовѣ-на-Дону и Иркутскѣ.

Цѣна 30 коп.

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

Манифестъ 19 февраля 1861 года, 1.
И. Игнатовичъ. Борьба крестьянъ за свое освобожденіе, 13.
В. Евгеніевъ. Борьба съ крѣпостничествомъ въ русской художеств. литературѣ, 69.
А. А Корниловъ. Выработка крестьянской реформы 19 февр и главные ея участники, 188.
В. В. Крестьянская реформа и аграрный вопросъ, 239.
А. С. Посниковъ. Освобожденіе крестьянъ, 275.
М. Слобожанинъ. Земская реформа въ связи съ освобожденіемъ крестьянъ, 285.

ИЗДАНІЕ
„ЖИЗНИ ДЛЯ ВСѢХЪ“

Типо-литографія „Энергія“. Спб., Загородный, 17.

Манифестъ 19 февраля 1861 года.

Божіимъ Провидѣніемъ и священнымъ закономъ престолонаслѣдія бывъ призваны на прародительскій Всероссійскій Престолъ, въ соотвѣтствіе сему призванію Мы положили въ сердцѣ Своемъ обѣтъ обнимать Нашею Царскою любовію и попеченіемъ всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ всякаго званія и состоянія, отъ благородно владѣющаго мечемъ на защиту отечества до скромно работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу Государственную до проводящаго на полѣ борозду сохою или плугомъ.

Вникая въ положеніе званій и состояній въ составѣ Государства, Мы усмотрѣли, что Государственное законодательство, дѣятельно благоустрояя высшія и среднія сословія, опредѣляя ихъ обязанности, права и преимущества, не достигло равномѣрной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ, такъ названнымъ по тому, что они,

частію старыми законами, частію обычаемъ потомственно укрѣплены подъ властію помѣщиковъ, на которыхъ съ тѣмъ вмѣстѣ лежитъ обязанность устроять ихъ благосостояніе. Права помѣщиковъ были донынѣ обширны и не опредѣлены съ точностью закономъ, мѣсто котораго заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика. Въ лучшихъ случаяхъ изъ сего происходили добрыя патріархальныя отношенія искренней правдивой попечительности и благотворительности помѣщика и добродушнаго повиновенія крестьянъ. Но, при уменьшеніи простоты нравовъ, при умноженіи разнообразія отношеній, при уменьшеніи непосредственныхъ отеческихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, при впаденіи иногда помѣщичьихъ правъ въ руки людей, ищущихъ только собственной выгоды, добрыя отношенія ослабѣвали, и открывался путь произволу, отяготительному для крестьянъ и неблагопріятному для ихъ благосостоянія, чему въ крестьянахъ отвѣчала неподвижность къ улучшеніямъ въ собственномъ бытѣ.

Усматривали сіе и приснопамятные Предшественники Наши и принимали мѣры къ измѣненію на лучшее положеніе крестьянъ; но это были мѣры, частью нерѣшительныя, предложенныя добровольному, свободолюбивому дѣйствованію помѣщиковъ, частью рѣшительныя, только для нѣкоторыхъ мѣстностей, по требованію особенныхъ обстоятельствъ или въ видѣ опыта. Такъ, Императоръ Александръ I издалъ постановленіе о свобод-

ныхъ хлѣбопашцахъ и въ Бозѣ почившій Родитель Нашъ Николай I постановленіе о обязанныхъ крестьянахъ. Въ губерніяхъ Западныхъ инвентарными правилами опредѣлены надѣленіе крестьянъ землею и ихъ повинности. Но постановленія о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ приведены въ дѣйствіе въ весьма малыхъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ Мы убѣдились, что дѣло измѣненія положенія крѣпостныхъ людей на лучшее, есть для Насъ завѣщаніе Предшественниковъ Нашихъ и жребій, чрезъ теченіе событій, поданный Намъ рукою Провидѣнія.

Мы начали сіе дѣло актомъ Нашего довѣрія къ Россійскому Дворянству, къ извѣданной великими опытами преданности его Престолу и готовности его къ пожертвованіямъ на пользу Отечества. Самому Дворянству предоставили Мы, по собственному вызову его, составить предположенія о новомъ устройствѣ быта крестьянъ, при чемъ Дворянамъ предлежало ограничить свои права на крестьянъ и подъять трудности преобразованія, не безъ уменьшенія своихъ выгодъ. И довѣріе Наше оправдалось. Въ Губернскихъ Комитетахъ, въ лицѣ членовъ ихъ, облеченныхъ довѣріемъ всего Дворянскаго общества каждой губерніи, Дворянство добровольно отказалось отъ права на личность крѣпостныхъ людей. Въ сихъ Комитетахъ, по собраніи потребныхъ свѣдѣній, составлены предположенія о новомъ устройствѣ быта

находящихся въ крѣпостномъ состояніи людей, и о ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ.

Сіи предположенія, оказавшіяся, какъ и можно было ожидать по свойству дѣла, разнообразными, сличены, соглашены, сведены въ правильный составъ, исправлены и дополнены въ Главномъ по сему дѣлу Комитетѣ; и составленныя такимъ образомъ новыя Положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ разсмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ.

Призвавъ Бога въ помощь, Мы рѣшились дать сему дѣлу исполнительное движеніе.

Въ силу означенныхъ новыхъ положеній, крѣпостные люди получатъ въ свое время полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей.

Помѣщики, сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, предоставляютъ крестьянамъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе усадебную ихъ осѣдлость, и, сверхъ того, для обезпеченія быта ихъ и исполненія обязанностей ихъ предъ Правительствомъ, опредѣленное въ Положеніяхъ количество полевой земли и другихъ угодій.

Пользуясь симъ поземельнымъ надѣломъ, крестьяне за сіе обязаны исполнять въ пользу помѣщиковъ опредѣленныя въ Положеніяхъ повинности. Въ семъ состояніи, которое есть переходное, крестьяне именуются временно-обязанными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ дается право выкупать усадебную ихъ осѣдлость, а съ согласія помѣщи-

ковъ они могутъ пріобрѣтать въ собственность полевыя земли и другія угодья, отведенныя имъ въ постоянное пользованіе. Съ таковымъ пріобрѣтеніемъ въ собственность опредѣленнаго количества земли, крестьяне освободятся отъ обязанностей къ помѣщикамъ по выкупленной землѣ и вступятъ въ рѣшительное состояніе свободныхъ крестьянъ-собственниковъ.

Особымъ Положеніемъ о дворовыхъ людяхъ опредѣляется для нихъ переходное состояніе, приспособленное къ ихъ занятіямъ и потребностямъ; по истеченіи двухлѣтняго срока со дня изданія сего Положенія, они получатъ полное освобожденіе и срочныя льготы.

На сихъ главныхъ началахъ составленными Положеніями опредѣляется будущее устройство крестьянъ и дворовыхъ людей, установляется порядокъ общественнаго крестьянскаго управленія, и указываются подробно даруемыя крестьянамъ и дворовымъ людямъ права и возлагаемыя на нихъ обязанности въ отношеніи къ Правительству и къ помѣщикамъ.

Хотя же сіи Положенія, Общія, Мѣстныя, и особыя Дополнительныя Правила для нѣкоторыхъ особыхъ мѣстностей, для имѣній мелкомѣстныхъ владѣльцевъ и для крестьянъ, работающихъ на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, по возможности, приспособлены къ мѣстнымъ хозяйственнымъ потребностямъ и обычаямъ: впрочемъ дабы сохранить обычный порядокъ тамъ, гдѣ онъ предста-

вляетъ обоюдныя выгоды, Мы предоставляемъ помѣщикамъ дѣлать съ крестьянами добровольныя соглашенія, и заключать условія о размѣрѣ поземельнаго надѣла крестьянъ и о слѣдующихъ за оный повинностяхъ, съ соблюденіемъ правилъ, постановленныхъ для огражденія ненарушимости таковыхъ договоровъ.

Какъ новое устройство, по неизбѣжной многосложности требуемыхъ онымъ перемѣнъ, не можетъ быть произведено вдругъ, а потребуется для сего время, примѣрно не менѣе двухъ лѣтъ, то въ теченіе сего времени, въ отвращеніе замѣшательства, и для соблюденія общественной и частной пользы, существующій донынѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порядокъ долженъ быть сохраненъ дотолѣ, когда, по совершеніи надлежащихъ приготовленій, открытъ будетъ новый порядокъ.

Для правильнаго достиженія сего, Мы признали за благо повелѣть:

1. Открыть въ каждой губерніи Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе, которому ввѣряется высшее завѣдываніе дѣлами Крестьянскихъ обществъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ.

2. Для разсмотрѣнія на мѣстахъ недоразумѣній и споровъ, могущихъ возникнуть при исполненіи новыхъ Положеній, назначить въ уѣздахъ Мировыхъ Посредниковъ и образовать изъ нихъ Уѣздные Мировые Съѣзды.

3. Затѣмъ образовать въ помѣщичьихъ имѣніяхъ мірскія управленія, для чего, оставляя сель-

скія общества въ нынѣшнемъ ихъ составѣ, открыть въ значительныхъ селеніяхъ волостныя управленія, а мелкія сельскія общества соединить подъ одно волостное управленіе.

4. Составить, повѣрить и утвердить по каждому сельскому обществу или имѣнію уставную грамоту, въ которой будетъ исчислено, на основаніи мѣстнаго Положенія, количество земли, предоставляемой крестьянамъ въ постоянное пользованіе, и размѣръ повинностей, причитающихся съ нихъ въ пользу помѣщика, какъ за землю, такъ и за другія отъ него выгоды.

5. Сіи уставныя грамоты приводить въ исполненіе по мѣрѣ утвержденія ихъ для каждаго имѣнія, а окончательно по всѣмъ имѣніямъ ввести въ дѣйствіе въ теченіе двухъ лѣтъ, со дня изданія настоящаго манифеста.

6. До истеченія сего срока, крестьянамъ и дворовымъ людямъ пребывать въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ, и безпрекословно исполнять прежнія ихъ обязанности.

7. Помѣщикамъ сохранить наблюденіе за порядкомъ въ ихъ имѣніяхъ, съ правомъ суда и расправы, впредь до образованія волостей и открытія волостныхъ судовъ.

Обращая вниманіе на неизбѣжныя трудности предпріемлемаго преобразованія, Мы первѣе всего возлагаемъ упованіе на всеблагое Провидѣніе Божіе, покровительствующее Россіи.

Засимъ полагаемся на доблестную о благѣ

общемъ ревность Благороднаго Дворянскаго сословія, которому не можемъ не изъявить отъ Насъ и отъ всего Отечества заслуженной признательности за безкорыстное дѣйствованіе къ осуществленію Нашихъ предначертаній. Россія не забудетъ, что оно добровольно, побуждаясь только уваженіемъ къ достоинству человѣка и Христіанскою любовію къ ближнимъ, отказалось отъ упраздняемаго нынѣ крѣпостного права и положило основаніе новой хозяйственной будущности крестьянъ. Ожидаемъ несомнѣнно, что оно также благородно употребитъ дальнѣйшее тщаніе къ приведенію въ исполненіе новыхъ Положеній въ добромъ порядкѣ, въ духѣ мира и доброжелательства; и что каждый владѣлецъ довершитъ въ предѣлахъ своего имѣнія великій гражданскій подвигъ всего сословія, устроивъ бытъ водворенныхъ на его землѣ крестьянъ и его дворовыхъ людей на выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ, и тѣмъ дастъ сельскому населенію добрый примѣръ и поощреніе къ точному и добросовѣстному исполненію Государственныхъ постановленій.

Имѣющіеся въ виду примѣры щедрой попечительности владѣльцевъ о благѣ крестьянъ, и признательности крестьянъ въ благодѣтельной попечительности владѣльцевъ, утверждаютъ Нашу надежду, что взаимными добровольными соглашеніями разрѣшится большая часть затрудненій, неизбѣжныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣненія общихъ правилъ къ разнообразнымъ обстоятель-

ствамъ отдѣльныхъ имѣній, и что симъ способомъ облегчится переходъ отъ стараго порядка къ новому и на будущее время упрочится взаимное довѣріе, доброе согласіе и единодушное стремлені къ общей пользѣ.

Для удобнѣйшаго же приведенія въ дѣйствіе тѣхъ соглашеній между владѣльцами и крестьянами, по которымъ сіи будутъ пріобрѣтать въ собственность вмѣстѣ съ усадьбами и полевыя угодья, отъ Правительства будутъ оказаны *пособія*, на основаніи особыхъ правилъ, выдачею ссудъ и переводомъ лежащихъ на имѣніяхъ долговъ.

Полагаемся на здравый смыслъ Нашего народа. Когда мысль Правительства объ упраздненіи крѣпостного права распространилась между неприготовленными къ ней крестьянами, возникали было частыя недоразумѣнія. Нѣкоторые думали о свободѣ и забывали объ обязанностяхъ. Но общій здравый смыслъ не поколебался въ томъ убѣжденіи, что и по естественному разсужденію, свободно пользующійся благами общества взаимно долженъ служить благу общества исполненіемъ нѣкоторыхъ обязанностей, и по закону Христіанскому, всякая душа должна повиноваться властямъ предержащимъ (Римл. XIII, 1), воздавать всѣмъ должное, и въ особенности, кому должно, урокъ, дань, страхъ, честь (7); что законно пріобрѣтенныя помѣщиками права не могутъ быть взяты отъ нихъ безъ приличнаго вознагражденія или добровольной уступки, что было бы противно всякой справедливости поль

зоваться отъ помѣщиковъ землею и не нести за сіе соотвѣтственной повинности. И теперь съ надеждою ожидаемъ, что крѣпостные люди, при открывающейся для нихъ новой будущности, поймутъ и съ благодарностью примутъ важное пожертвованіе, сдѣланное Благороднымъ Дворянствомъ для улучшенія ихъ быта.

Они вразумятся, что, получая для себя болѣе твердое основаніе собственности, и большую свободу располагать своимъ хозяйствомъ, они становятся обязанными, передъ обществомъ и предъ самими собою, благотворность новаго закона дополнить вѣрнымъ, благонамѣреннымъ и прилежнымъ употребленіемъ въ дѣло дарованныхъ имъ правъ. Самый благотворный законъ не можетъ людей сдѣлать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучіе подъ покровительствомъ закона. Довольство пріобрѣтается и увеличивается не иначе, какъ неослабнымъ трудомъ, благоразумнымъ употребленіемъ силъ и средствъ, строгою бережливостью, и вообще честною въ страхѣ Божіемъ жизнью.

Исполнители приготовительныхъ дѣйствій къ новому устройству крестьянскаго быта и самаго введенія въ сіе устройство употребятъ бдительное попеченіе, чтобы сіе совершалось правильнымъ, спокойнымъ движеніемъ, съ наблюденіемъ удобности временъ, дабы вниманіе земледѣльцевъ не было отвлечено отъ ихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій. Пусть они тщательно воздѣлы-

ваютъ землю и собираютъ плоды ея, чтобы потомъ изъ хорошо наполненной житницы взять сѣмена для посѣва на землѣ постояннаго пользованія или на землѣ, пріобрѣтенной въ собственность.

Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.

Данъ въ Санктпетербургѣ, въ девятнадцатый день Февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ первое, Царствованія же Нашего въ седьмое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: *АЛЕКСАНДРЪ.*

Борьба крестьянъ за свое освобожденіе.

Въ числѣ факторовъ, подготовившихъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, несомнѣнно одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ отношенію самого народа къ крѣпостному праву. Крестьяне, конечно, не могли непосредственно вліять на крѣпостное законодательство, на приступъ къ реформѣ. Они были также тщательно устранены отъ какого бы то ни было участія въ выработкѣ Положенія 19 февраля: отъ нихъ требовали лишь безмолвнаго повиновенія. Но крестьяне разрозненно, стихійно, разными способами протестовали противъ своего положенія и безсознательно создавали тревожную общественную атмосферу, заставляли прислушиваться къ своимъ мнѣніямъ, требованіямъ и желаніямъ то самое правительство, то самое дворянство, которыя фактически сосредоточили въ своихъ рукахъ право вершить судьбами многомилліонной крѣпостной массы.

Крѣпостная зависимость не дѣлала изъ крестьянъ безотвѣтныхъ, покорныхъ рабовъ. Различными способами, начиная съ единичныхъ, повседневныхъ неповиновеній и кончая грозными массовыми движеніями, поднимавшими на ноги правительственныя власти, они заявляли протестъ противъ крѣпостного права. Во время пугачевщины—этого сложнаго движенія, гдѣ объединилось

столько недовольныхъ элементовъ населенія противъ господствовавшаго политическаго и соціальнаго строя — отъ взмаховъ разбиваемыхъ крѣпостныхъ цѣпей погибло не мало дворянъ, непрочно почувствовала себя на тронѣ Екатерина II. Память о пугачевщинѣ, до самаго освобожденія, была тѣмъ кошмаромъ, который преслѣдовалъ и дворянство, и власть, какъ возможный исходъ накопившагося народнаго негодованія. Правда, въ XIX вѣкѣ это негодованіе не выражалось массовыми возстаніями; протесты крестьянъ — за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ — не выходили за предѣлы отдѣльныхъ крѣпостныхъ ячеекъ и быстро подавлялись; но все поведеніе крестьянъ проникло́сь такою враждебностью по отношенію къ помѣщикамъ, что не могло не внушать имъ серьезныхъ опасеній за свое существованіе, а правительству — за прочность общественнаго порядка при крѣпостномъ правѣ. Условіями, взращивавшими эту враждебность, были не только злоупотребленія помѣщичьею властью. Помимо общаго стремленія крестьянъ къ волѣ, къ независимой жизни, главную причину нужно видѣть въ создавшихся экономическихъ отношеніяхъ. Въ XIX в. помѣщики начали энергично искать путей для повышенія доходовъ съ имѣній. Повышеніе эксплоатаціи труда во всѣхъ его формахъ—повышеніе оброка, расширеніе господскихъ запашекъ, влекущее за собою переводъ оброчныхъ крестьянъ на барщину, заведеніе фабрикъ и заводовъ — таковы были наиболѣе крупныя послѣдствія для крестьянъ „хозяйскаго“ усердія помѣщиковъ. При интенсификаціи и расширеніи помѣщичьихъ хозяйствъ требовалось сдѣлать крѣпостной трудъ болѣе производительнымъ. Среди различныхъ по-

пытокъ въ этомъ направленіи отмѣтимъ развитіе урочной системы, увеличеніе размѣра барщины, усиленіе надзора за крестьянами во время работъ и внѣ ихъ, переводъ на мѣсячину, стремленіе ограничить количество крестьянской земли и рабочаго времени въ пользу крестьянъ предѣлами строгой необходимости, что въ свою очередь вело къ сильнѣйшей регламентаціи крестьянской жизни, вмѣшательству въ частную жизнь крестьянъ. Все это сильно ухудшало экономическое положеніе крестьянъ, создавая почву для мелкихъ ослушаній, ежедневныхъ мелкихъ столкновеній съ помѣщикомъ или вотчинными властями и вызывая въ крестьянахъ отпоръ безграничной эксплоатаціи труда и личности. Патріархальныя отношенія все больше и больше отходили въ область преданій, и, лицомъ къ лицу, въ одной и той же крѣпостной ячейкѣ, должны были уживаться два антипода, изъ которыхъ одинъ смотрѣлъ на своего „подданнаго", какъ на средство наживы, а другой долженъ былъ быть ежеминутно готовымъ отстаивать свою личность и хозяйственную самостоятельность отъ присосавшагося къ нему паука. Соціальнаго мира въ такой ячейкѣ быть не могло, и состояніе напряженной, скрытой, но постоянно чувствуемой вражды, недовѣрія и борьбы все сильнѣе и опредѣленнѣе господствовало почти въ каждомъ помѣщичьемъ имѣніи.

Такое положеніе было крайне неудобно для дворянъ, не только въ отношеніи личной безопасности, — ибо на фонѣ общей враждебности тотъ или другой эксцессъ со стороны помѣщика или крѣпостного могъ повлечь кровавую развязку для перваго,—но и для помѣщичьяго хозяйства, вводя въ хозяйственные разсчеты такой неопредѣленный

факторъ, какъ наличность полнаго спокойствія и повиновенія въ имѣніи, за что, при господствовавшемъ „духѣ недовольства“, никогда нельзя было ручаться. Повышать репрессіи по отношенію къ крестьянамъ было небезопасно, какъ во избѣжаніе лишнихъ столкновеній съ крестьянами, такъ и въ силу правительственной политики, строже, чѣмъ прежде, проводившей принципъ наблюденія за отношеніями помѣщиковъ къ крестьянамъ; да и самый ростъ образованности мѣшалъ это дѣлать. Нужно замѣтить къ тому же, что всѣ средства повысить производительность крѣпостного труда мало помогали, задолженность дворянъ росла, крѣпостное хозяйство развивалось плохо. Ко времени освобожденія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, крѣпостной трудъ сталъ настолько невыгоднымъ, что ненаселенныя имѣнія цѣнились выше населенныхъ. И въ этомъ крахѣ крѣпостного труда мы не можемъ не отвести львиную долю вліянія росту „духа недовольства“ и отпору крестьянской массы поползновеніямъ помѣщиковъ выжать соки изъ крѣпостного люда.

На указанномъ общемъ фонѣ раздраженія и враждебности противъ помѣщиковъ росли различныя формы протеста крестьянъ противъ крѣпостного права. Свое недовольство крестьяне выражали жалобами, побѣгами, оскорбленіями и насильственными дѣйствіями противъ помѣщиковъ и вотчинныхъ властей, убійствами ихъ, частичными неповиновеніями, вплоть до полнаго отрицанія помѣщичьей власти и отказа повиноваться ей въ какомъ-либо отношеніи; сплошь и рядомъ эти неповиновенія помѣщичьей власти переходили въ открытыя неповиновенія правительственнымъ властямъ, выражаясь въ отказѣ подчиниться ихъ

требованіямъ. Такого рода неповиновенія переходили иногда въ бунты съ насильственными дѣйствіями, сопротивленіями и даже нападеніями на воинскія команды. Но такихъ бунтовъ въ николаевское время было очень мало. Возстаній же, хотя сколько-нибудь напоминавшихъ собою пугачевщину или т. п. народныя движенія, въ XIX в. ни разу нигдѣ не было.

Изъ всѣхъ видовъ протестовъ, повидимому, наиболѣе частыми и распространенными были жалобы. Къ сожалѣнію, невозможно указать даже приблизительнаго количества ихъ. По свѣдѣніямъ, приводимымъ въ трудѣ В. И. Семевскаго „Крестьянскій вопросъ во II половину XVIII и въ I половину XIX столѣтія“, за 34-лѣтній промежутокъ времени (съ 1828 по 1854 г.) въ министерство внутр. дѣлъ было подано 319 жалобъ и 33 всеподданнѣйшія жалобы, т. е. въ среднемъ по 32 жалобы въ годъ, а со всеподданнѣйшими—по 35-ти. Но этотъ перечень, даже по отношенію къ жалобамъ, занумерованнымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, далеко не полонъ. Жалобы кромѣ того подавались въ другія центральныя учрежденія, масса жалобъ получала то или иное разрѣшеніе, не доходя до центральныхъ властей. А сколько жалобъ не получало никакого движенія! Вызывались жалобы обременительностью оброка, барщины, жестокимъ обращеніемъ, недостаткомъ продовольствія и т. д. На учащеніе ихъ вліяли и различныя частныя причины. Назначеніе новаго губернатора, сенаторская ревизія, вообще какія-либо событія, пробуждавшія надежды въ крестьянахъ, что на ихъ жалобы могутъ обратить вниманіе, усиливало притокъ ихъ. Особенно увеличилось количество крестьянскихъ жалобъ въ послѣдніе годы передъ рефор-

мою. Въ это время оживились надежды крестьянъ получить защиту отъ помѣщичьяго гнета; мѣстныя и центральныя власти, дѣйствительно, стали внимательнѣе къ крестьянамъ и давали формальный ходъ такимъ жалобамъ, на которыя раньше не обратили бы вниманія. Не малое значеніе имѣли въ то время и упорные слухи о волѣ. Вообще, при нѣкоторыхъ слухахъ о дарованіи воли можно подмѣтить циркулирующую среди крестьянъ легенду, что воля будетъ дана тѣмъ, кто жалуется на помѣщиковъ. Такъ, эту мысль можно отмѣтить въ слухахъ по поводу указа 2 апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ. Вѣроятно, этимъ нужно объяснить обиліе волненій въ 1842 г. въ видѣ принесенія жалобъ толпами или группами крестьянъ. Нужно отмѣтить также вліяніе примѣра при подачѣ жалобъ. Крестьяне чутко прислушивались къ совершавшемуся въ другихъ имѣніяхъ, и успѣшное движеніе жалобы, поданной сосѣдями, вызывало нерѣдко ихъ на такой же шагъ. Помѣщики хорошо были знакомы съ этою „заразительностью“ жалобъ, а потому съ большимъ неудовольствіемъ и даже негодованіемъ встрѣчали внимательное отношеніе мѣстныхъ или центральныхъ властей къ крестьянскимъ жалобамъ. Тульскій губернскій предводитель Мясновъ въ 1846 г. обратился даже къ уѣзднымъ предводителямъ съ секретнымъ циркуляромъ, гдѣ просилъ „никогда ни словесныхъ, ни письменныхъ жалобъ отъ людей на помѣщиковъ не принимать“, ибо между прочимъ „таковыя жалобы... могутъ только распространять въ народѣ неуваженіе къ законнымъ властямъ“. [1])

Пронскій уѣздный предводитель дворянства,

[1]) В. И. Семевскій «Крестьянскій Вопросъ»... т. II стр. 576.

признавъ въ 1860 г. жалобу одного крестьянина принесенною „собственно по существующему вообще въ настоящее время раздражительному состоянію крѣпостныхъ людей и по грубости“, находилъ нужнымъ наказать крестьянина черезъ земскую полицію, „сдѣлавъ оное гласнымъ, иначе невзысканіе за подобныя жалобы увеличитъ число обращающихся и вмѣстѣ породитъ неуваженіе и безбоязненность къ помѣщикамъ и вотчинному начальству, и тогда трудно будетъ ввести порядокъ и спокойствіе.“ [1])

Желаніе помѣщиковъ пресѣчь жалобы вызывалось различными причинами. Каждая жалоба есть, конечно, прежде всего признакъ поколебленности безусловнаго повиновенія помѣщичьей власти; помѣщикъ же могъ спокойно вести хозяйство лишь при увѣренности, что крестьяне безпрекословно повинуются ему. Подача жалобы, съ другой стороны, вовлекала крестьянъ въ различные расходы по веденію дѣла: нужно было оплатить сочинителя просьбы, поддерживать подателя, нерѣдко одаривать чиновниковъ, отъ которыхъ прямо или косвенно зависѣло движеніе просьбы. Эти расходы, средства для которыхъ крестьяне добывали обыкновенно самообложеніемъ, иногда достигали значительныхъ размѣровъ и разоряли ихъ, чѣмъ косвенно наносился матеріальный ущербъ и помѣщику. Подача жалобъ толпою, для чего иногда всѣ крестьяне, иногда часть ихъ отлучались изъ имѣнія, вызывала въ барщинныхъ имѣніяхъ перерывъ въ работахъ, что, конечно, было крайне невыгодно помѣщикамъ, особенно, если это дѣлалось въ страдное лѣтнее время. Помимо этого, жалобы нерѣдко переходили въ неповиновеніе или вызы-

[1]) Повалишинъ «Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные». стр. 245.

вали его. Уже самовольныя отлучки толпою для подачи жалобы зачислялись нерѣдко въ офиціальной статистикѣ въ разрядъ крестьянскихъ волненій, хотя здѣсь перерывъ въ исполненіи крѣпостныхъ повинностей былъ лишь временнымъ, и, вернувшись домой, крестьяне мирно возвращались къ обычному повиновенію. Но бывали случаи, когда крестьяне, обжаловавъ тѣ или другія распоряженія помѣщика или вотчинныхъ властей, отказывались исполнять ихъ до разбора жалобы. Въ этихъ случаяхъ, подача жалобы дѣйствительно переходила въ неповиновеніе помѣщичьей власти со всѣми тяжелыми послѣдствіями какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ. Наконецъ, подача жалобъ могла повлечь довольно крупныя непріятности для помѣщиковъ, если они имѣли основаніе опасаться, что разслѣдованіе жалобы раскроетъ дѣйствительныя злоупотребленія помѣщичьей власти.

Правительство относилось къ крестьянскимъ жалобамъ двойственно, что зависѣло вообще отъ двойственной политики его въ крестьянскомъ вопросѣ. Съ одной стороны, правительство, желая ограничить крѣпостное право и бороться со злоупотребленіями помѣщичьей власти, должно было въ этихъ цѣляхъ прислушиваться къ крестьянскимъ жалобамъ, имѣя полное основаніе сомнѣваться, чтобы въ его цѣляхъ былъ достаточенъ надзоръ за помѣщиками со стороны мѣстныхъ властей и предводителей дворянства. Съ другой стороны, во имя сохраненія полнаго спокойствія среди крестьянъ, оно должно было требовать отъ нихъ *безусловнаго* повиновенія помѣщикамъ, а поэтому не могло поощрять ихъ къ подачамъ жалобъ. Соотвѣтственно этому, мы видимъ, что при Николаѣ I, закономъ, жалобы были попрежнему за-

прещены, и по уложенію 1845 г. крѣпостные за принесеніе жалобъ должны были подвергаться тѣлесному наказанію. Но, съ другой стороны, фактически, жалобы принимались всѣми, начиная отъ императора и кончая уѣздными предводителями и исправниками, и по нимъ назначались не только секретныя, но иногда и формальныя дознанія. Это противорѣчіе между практикою и закономъ давало широкій просторъ для усмотрѣнія мѣстныхъ властей, которыя относились такъ или иначе къ крестьянскимъ жалобамъ въ зависимости отъ вѣяній въ высшихъ сферахъ, отъ силы, богатства и вліянія помѣщика, на котораго крестьяне жаловались, и отъ личныхъ взглядовъ.

Такіе протесты, какъ убійства и всякаго рода расправы съ помѣщиками и вотчинными властями, грозили болѣе ихъ личной безопасности, чѣмъ наносили матеріальный ущербъ собственно помѣщичьему хозяйству. Къ такого рода расправамъ крестьяне прибѣгали сравнительно часто. За время отъ 1836 до 1854 г. было 75 покушеній на убійство, т. е. въ среднемъ по 4 въ годъ. Убійствъ произошло съ 1834 по 1854 г.—144, въ среднемъ ежегодно по 29. Въ теченіе только 9 лѣтъ (1839—1849 г.) въ Сибирь было сослано за убійство помѣщиковъ 416 человѣкъ (298 мужчинъ и 118 женщинъ) [1]) Сколько было случаевъ насилій крѣпостныхъ надъ помѣщиками, неизвѣстно, но есть указанія современниковъ (Ю. Ф. Самаринъ, Славутинскій), что ко времени освобожденія, приблизительно въ началѣ 50-хъ годовъ, число такихъ случаевъ увеличилось. При Александрѣ II, вплоть до самаго освобожденія, не прекращались

---

[1]) В. И. Семевскій «Кр. Вопросъ» .. т. II стр. 581.

подобныя расправы съ помѣщиками и вотчинными властями (убійства ихъ и проч.) Въ 1855 г. количество этихъ случаевъ, по офиціальной статистикѣ, было 16 въ 13 губерніяхъ. [1]) Въ 1856 г. убійствъ было 8, покушеній 2 и случаевъ побоевъ и другихъ оскорбленій—11. Въ 1857 г. убійствъ было 5, покушеній 4 и случаевъ побоевъ также 4. Въ 1858 г. убійствъ помѣщиковъ не было, но въ 8 случаяхъ имъ были нанесены болѣе или менѣе тяжелые побои, 1 управляющему были нанесены раны, а другой былъ убитъ, въ 4-хъ случаяхъ управляющимъ были нанесены побои. Въ 1852 году было 3 случая убійства, 4 покушенія и 3 случая побоевъ. Наконецъ, наканунѣ 19 февраля 1861 г., въ 1860 г. было 3 убійства, 1 покушеніе и 3 случая побоевъ, а въ теченіе только 2-хъ мѣсяцевъ 1861 г. (январь и февраль) было 2 убійства, 1 покушеніе и 1 случай побоевъ [2]).

Это несомнѣнно далеко не всѣ случаи нападеній крестьянъ на помѣщиковъ. „Большинство считало нужнымъ молчать, видя въ оглашеніи такихъ случаевъ не только позорящее для того, на кого нападеніе было произведено, но и опасное для сохраненія помѣщичьяго авторитета“ [3]). Не забудемъ, что подобныя расправы чаще всего были слѣд-

---

[1]) Матеріалы для ист. крѣп. права въ Россіи, т. I стр. 290-291.

[2]) Цифры, относящіяся къ 1856—1858 годамъ взяты изъ отчетовъ Деп. Пол. Исп. Министерства Внутр. Дѣлъ за эти годы (А. М. В. Д. Деп. Пол. Исп. 1857 г. № 877; 1858 г. № 564 и 1859 г. № 538.). — Относительно 1859 и 1860 г. приведены данныя, имѣющіяся въ еженедѣльныхъ справкахъ, составлявшихся для доклада Александру II (А. М. Вн. Д. Земск. Отд. Канцелярія 1859 г. № 1. и 1860 г. № 2.). Цифры 1861 г. получены на основаніи дѣлъ, хранящихся въ Деп. П. Исп. и Земск. Отдѣлъ М. Вн. Д. за 1861 г.

[3]) Кн. Волконскій «Условія развитія помѣщичьяго хозяйства» стр. 42.

ствіемъ злоупотребленій помѣщичьей властью. Поэтому помѣщики, чувствующіе за собою подобные грѣхи, предпочитали, боясь отвѣтственности, замалчивать покушенія и расправы съ ними, расправляясь съ обидчиками собственными средствами.

Причинами этихъ расправъ съ помѣщиками были чаще всего крайняя требовательность помѣщиковъ, страхъ передъ наказаніемъ или месть за него; видное мѣсто въ числѣ причинъ занимаетъ также развратъ помѣщиковъ; кромѣ того убійства и покушенія на убійства совершались при сдачѣ въ рекруты, при введеніи общественной запашки, изъ за опасенія переселенія и проч. Способы убійства были крайне разнообразны: удушеніе, зарѣзаніе, выстрѣлъ изъ ружья и т. п.

Страхъ передъ подобными расправами объединялъ помѣщиковъ. Кн. Волконскій указываетъ, что, во II половинѣ 50-хъ годовъ, помѣщики Рязанской губерніи собирались вмѣстѣ для выработки мѣръ воздѣйствія на крестьянъ въ виду часто повторявшихся нападеній крестьянъ на помѣщиковъ. Особенно страшились помѣщики массовыхъ убійствъ, подобныхъ тѣмъ, какія происходили во время пугачевщины или въ Галиціи въ 1846 г. Въ 1848 г. въ Смоленской губ. среди помѣщиковъ ходили тревожные слухи, что недалеко „мужики рѣжутъ помѣщиковъ и что нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что у насъ скоро начнется то же самое“. Даже дѣти,—говоритъ смоленскій дворянинъ, сообщившій этотъ фактъ,—были въ томъ же уныломъ настроеніи, въ которомъ были тогда всѣ[1]). Подобные слухи тѣмъ болѣе

---

[1]) «Воспоминанія смоленскаго дворянина». Русская Старина. 1895 г. іюль стр. 116.

тревожили помѣщиковъ, что среди крестьянъ дѣйствительно ходили слухи о необходимости вырѣзать пановъ. Такъ, по словамъ гр. Киселева, въ юго-западномъ краѣ въ 1831 г. между крестьянами разнесся слухъ, что вскорѣ послѣдуетъ указъ объ умерщвленіи шляхты и евреевъ; это было, добавляетъ Киселевъ, всегдашнее народное толкованіе [1]). Подобные же слухи о близкой рѣзнѣ пановъ и шляхтичей были замѣчены въ гродненскомъ уѣздѣ въ 1846 г. [2]). Въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ, въ то же время, одинъ крестьянинъ просилъ священника освятить ножъ, объяснивъ, что „пришло время разсчитаться съ панами за прошлое“ [3]). Въ 1847 г. въ Кіевской губ. распространились слухи о возобновленіи коліивщины или рѣзни поляковъ и евреевъ [4]). Въ Царствѣ Польскомъ и въ западныхъ губерніяхъ мысль объ избіеніи помѣщиковъ, вообще, пользовалась въ то время большой популярностью, очень вѣроятно, подъ вліяніемъ галиційскихъ событій [5]).

Правительство, конечно, круто расправлялось съ крестьянами за убійства и различныя насилія надъ помѣщиками. Но въ то же время оно не могло не обратить вниманія, что эти расправы вызываются, главнымъ образомъ, злоупотребленіями помѣщичьей властью. Поэтому наряду съ репрес-

---

[1]) Заблоцкій-Десятовскій «Гр. Киселевъ и его время», т. IV, стр. 146.

[2]) А. М. Вн. Д. Деп. П. Ист. 1846 г. № 969.

[3]) Попружанко. «Эпизодъ изъ исторіи польскаго крестьянства» (1846—1848 г.). Ист. Вѣстн., 1894 г., іюль, стр. 123.

[4]) Петровъ. «Обществ.-политич. броженія въ Кіевск. губ. въ 1846 и 1847 г.» Ист. В. 1885 г. кн. 9. стр. 542.

[5]) Попружанко. «Эпизодъ изъ исторіи польскаго крестьянства» (1846—1848 г.). Ист. Вѣстн., 1894 г., т. 2, стр. 720.

сіями по адресу крестьянъ, правительство принимало нѣкоторыя паліативы для устраненія причинъ этихъ насилій надъ помѣщиками. Такъ, послѣ убійства могилевскаго помѣщика Свадковскаго, отличавшагося жестокимъ обращеніемъ съ крестьянами, Николай I повелѣлъ сдѣлать строгіе выговоры губернатору, губернскому и уѣздному предводителямъ дворянства, а нѣкоторыхъ мѣстныхъ чиновниковъ предать уголовному суду; объ этомъ по Высочайшему повелѣнію было сообщено для назиданія губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ. Въ 1842 г., по случаю довольно многочисленныхъ случаевъ убійствъ и покушеній на жизнь помѣщиковъ и управляющихъ, было отдано распоряженіе, чтобы при подобныхъ случаяхъ производилось особое розысканіе губернскимъ предводителемъ дворянства и жандармскимъ офицеромъ для выясненія причинъ ихъ [1]).

Поджоги также занимали одно изъ видныхъ мѣстъ въ борьбѣ крѣпостныхъ съ помѣщиками. Какъ показываетъ статистика преступленій, число сосланныхъ за поджоги было больше всего въ мѣстностяхъ съ густымъ сельскимъ населеніемъ. Крестьяне поджигали изъ мести притѣснителямъ, иногда изъ другихъ побужденій, разсчитывая, напримѣръ, нанести этимъ значительный матеріальный убытокъ и вынудить этимъ отпустить ихъ на волю за умѣренную плату. Эти поджоги, нанося крупные убытки помѣщикамъ, были, конечно, опасны и для самихъ крестьянъ. Учащались ли случаи поджоговъ ко времени реформъ — неизвѣстно. Сохранилось любопытное свидѣтельство, относящееся къ кануну объявленія воли и

---

[1]) В. И. Семевскій, «Кр. Вопросъ», т. II, стр. 573—574.

указывающее, что и въ этомъ направленіи крестьяне начинали,—по крайней мѣрѣ мѣстами,—сильно наступать на помѣщиковъ, прибѣгая къ выкуриванію ихъ изъ имѣній. Нѣкій помѣщикъ Енишерловъ въ письмѣ отъ 29 января 1861 г. къ редактору „Сельское Хозяйство“ сообщалъ объ участившихся поджогахъ въ Краснослободскомъ уѣздѣ Пензенской губ. Онъ указывалъ, что въ короткое время поджоги произошли у 5 помѣщиковъ. Если первый помѣщикъ, по слухамъ, давалъ крестьянамъ поводы быть недовольными имъ, то послѣдніе 4, по указанію лично знавшаго ихъ Енишерлова, были людьми „добрыми и порядочными и если ихъ постигла такая участь, то въ цѣлой Россіи едва ли есть кто-либо изъ помѣщиковъ, которому бы не грозила подобная катастрофа“. „И прежде было слышно, пишетъ Енишерловъ, что здѣсь и тамъ сожгли усадьбу помѣщика, но, такъ какъ эти пожары происходили въ разныхъ концахъ губерніи, то они не обѣщали ничего особенно ужаснаго; здѣсь же случилось это въ одномъ и томъ же околодкѣ, и притомъ промежутки между пожарами чѣмъ далѣе, тѣмъ становятся короче, а потому теперь здѣсь не безъ основанія многіе ожидаютъ, что тѣмъ дѣло не кончится“. Енишерловъ ставилъ эти поджоги въ связь съ ожидаемой реформой и выражалъ опасеніе, что они усилятся съ объявленіемъ Положенія, когда крестьяне убѣдятся, что ихъ ожиданія обмануты.— Это письмо министръ государственныхъ имуществъ переслалъ министру внутр. дѣлъ. По сдѣланному послѣднимъ запросу отвѣтъ отъ пензенскаго губернатора получился лишь во второй половинѣ августа 1861 года. Губернаторъ сообщалъ, что опасенія Енишерлова не оправдались. Очевидно,

объявленная реформа направила силы крестьянъ въ другую сторону [1]).

Побѣги по внѣшней формѣ своей являются, хотя и незаконною, но довольно мирною попыткою разорвать крѣпостныя цѣпи. Крестьянинъ, не вынеся тяжести крѣпостного права, уходилъ отъ помѣщика. Но, по существу, какъ для крестьянина, такъ и для помѣщиковъ, эта форма протеста была крайне тяжела и невыгодна. Для крестьянина побѣгъ знаменовалъ полное разореніе налаженнаго хозяйства, разрывъ съ привычнымъ укладомъ жизни, иногда разлуку съ близкими во имя неизвѣстнаго будущаго. Только горькая нужда или глубокая вѣра въ возможность найти на сторонѣ „волю-долю“ могла побуждать крестьянъ рѣшаться на этотъ шагъ. Кряхтѣли отъ побѣговъ и помѣщики. Побѣгъ означалъ собою потерю рабочей силы, и чѣмъ большая группа крестьянъ рѣшалась бѣжать, тѣмъ большій ущербъ наносился хозяйству. Въ мѣстахъ, гдѣ побѣги были особенно распространены, хозяйственные разсчеты постоянно нарушались, особенно, если побѣги совершались въ рабочую пору. Необходимость удержать при себѣ рабочія силы заставляла помѣщиковъ въ такихъ мѣстахъ умѣрять крѣпостной гнетъ. Будучи безсильными удержать крестьянъ на мѣстахъ, помѣщики прибѣгали къ помощи правительства. Послѣднее съ своей стороны серьезно было озабочено борьбою съ побѣгами, будучи вынуждено примѣнять иногда даже военную силу для возвращенія бѣглецовъ или для предупрежденія побѣговъ. Оно возвращало бѣглецовъ помѣщикамъ, должно было стѣснять свободу поселенія въ по-

---

[1]) А. М. Вн. Д. Деп. П. Исп. 1861 г. № 2918.

граничныхъ мѣстахъ, куда устремлялись бѣглые, чѣмъ нарушало государственные интересы.

И тѣмъ не менѣе побѣги все расширялись и расширялись, принимая характеръ массовыхъ и народныхъ движеній, по своимъ размѣрамъ и полному нарушенію обычнаго уклада крѣпостной жизни приравнивающихся къ наиболѣе крупнымъ крестьянскимъ волненіямъ. Можно сказать даже больше. Въ то время, какъ т. наз. крестьянскія волненія во II четверть XIX вѣка почти никогда не выходили за предѣлы отдѣльнаго имѣнія [2]), побѣги, подъ вліяніемъ того или другого слуха, объединяли общимъ настроеніемъ, однородностью дѣйствій крѣпостное населеніе цѣлыхъ уѣздовъ и даже губерній. Сотни и тысячи крестьянъ двигались въ одномъ направленіи подъ вліяніемъ одного и того же слуха, объединенные одною и той же цѣлью. Въ этомъ отношеніи побѣги представляли для помѣщиковъ и правительства болѣе грозное явленіе, болѣе грозный симптомъ пробуждающейся солидарности крѣпостной массы въ поискахъ выхода изъ крѣпостной неволи, чѣмъ обычныя неповиновенія, отличающіяся разрозненностью, быстрою подавляемостью, мирныя по формѣ и внушавшія опасенія лишь ростомъ количества ихъ ко времени реформы въ связи съ другими формами борьбы крестьянъ съ крѣпостнымъ правомъ. Это легко подмѣтить даже изъ краткаго обзора того и другого вида протестовъ.

Мы не будемъ касаться единичныхъ побѣговъ, которые въ настоящее время еще не подсчитаны,

---

[3]) Исключеніе представляютъ волненія въ имѣніяхъ, представлявшихъ раньше изъ себя одно цѣлое, но распавшихся между нѣсколькими помѣщиками.

да и врядъ ли когда можно будетъ это сдѣлать. Эти побѣги происходили подъ вліяніемъ притѣсненій помѣщиковъ, отъ страха передъ наказаніемъ, рекрутчиной, по личнымъ мотивамъ и т. д. Скажемъ нѣсколько словъ о побѣгахъ, въ которые иногда выливались тѣ или другія волненія. Крестьяне, не желая подчиниться тѣмъ или другимъ распоряженіямъ правительственныхъ властей или помѣщика, иногда желая выждать рѣшенія возбужденнаго ими судебнаго иска или по поданной жалобѣ, скрывались изъ имѣнія временно или навсегда, смотря по обстоятельствамъ дѣла. Цѣлыя деревни пустѣли, крестьянскія помѣщичьи хозяйства разорялись, и нерѣдко помѣщикъ принужденъ бывалъ за безцѣнокъ продавать разоренную, обезлюдѣвшую деревню.

Мы остановимся, главнымъ образомъ, на побѣгахъ, по поводу различныхъ слуховъ объ освобожденіи, при переселеніи въ тѣ или другія мѣстности, въ основѣ которыхъ зачастую лежали дѣйствительныя распоряженія правительства о заселеніи той или другой мѣстности, не имѣвшія отношенія къ крѣпостнымъ крестьянамъ. Такъ, въ серединѣ 20-хъ годовъ, происходили массовые побѣги изъ Воронежской, Саратовской, Пензенской и Симбирской губерній подъ вліяніемъ слуховъ, что помѣщичьи крестьяне будутъ поселены на свободныхъ земляхъ по Уралу. Правительство было настолько озабочено этимъ движеніемъ, что въ мѣста побѣговъ былъ командированъ сенаторъ кн. Долгоруковъ. Въ началѣ 30-хъ годовъ потянулись бѣглецы изъ Саратовской, Курской, Симбирской и Нижегородской губ. на Кавказъ записываться въ казаки, ибо прошелъ слухъ, что правительство вызываетъ желающихъ селиться по

Кавказской линіи, съ предоставленіемъ имъ различныхъ льготъ и въ томъ числѣ, конечно, воли. И опять-таки, для прекращенія этихъ побѣговъ, правительство нашло нужнымъ командировать флиг.-адъютанта кн. Трубецкаго. Ловля этихъ бѣглецовъ шла въ 1830, 31 и 1832 годахъ. Въ 1834 г. крестьяне цѣлыми партіями бѣжали изъ Воронежской губ.; въ 1837 г. въ этой губерніи опять проявились сильные побѣги на Кавказъ; тоже наблюдалось и во внутреннихъ губерніяхъ. Однихъ воронежскихъ крестьянъ было задержано въ Области Войска Донского около 900 человѣкъ, въ Черноморіи около 250. Въ 1839—1840 гг. жалуются на побѣги помѣщики Херсонской, Подольской и Волынской губерній. Въ 40-хъ годахъ побѣги усиливаются. Въ 1841 г. изъ бѣлицкаго уѣзда Могилевской губ. бѣжало до 1000 чел., бѣжали изъ Харьковской, Екатеринославской (по 200—250 чел.), Херсонской, Подольской, Волынской губ. Въ 1843 г. бѣжали на Кавказъ 157 чел. изъ Пензенской и Тамбовской губ. подъ вліяніемъ слуха, что правительство отвело земли на Кавказѣ для приписки крѣпостныхъ съ дарованіемъ имъ воли. Въ 1845 г. крестьяне опять цѣлыми толпами бѣгутъ на Кавказъ. Въ 1847 г. побѣги принимаютъ мѣстами стихійный характеръ. До 1300 человѣкъ бѣжали изъ Саратовской, Курской, Воронежской губ. на Кавказъ опять-таки подъ вліяніемъ слуховъ о свободномъ и льготномъ поселеніи тамъ крѣпостныхъ людей. Съ мѣста трогались цѣлыя семьи, деревни, продавая имущество за безцѣнокъ или оставляя его на произволъ судьбы. Подобные побѣги замѣчались и въ другихъ сопредѣльныхъ губерніяхъ. Въ Курской губ. къ побѣгу готовилось до 20.000 человѣкъ, но они были останов-

лены насильственнымъ возвращеніемъ раньше бѣжавшихъ. Здѣсь, при задержаніи бѣглецовъ военною командою, крестьяне оказали сопротивленіе, выхватили оружіе изъ рукъ солдатъ и перевязали полицейскихъ чиновниковъ; впрочемъ, эти крестьяне были быстро усмирены. Еще обширнѣе и интенсивнѣе, по силѣ сопротивленія мѣстнымъ властямъ и военнымъ командамъ, было движеніе витебскихъ крестьянъ въ томъ же году. Это движеніе настолько обширно, настолько привлекло къ себѣ вниманіе общества и правительства, поразило современниковъ, что на немъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

Главною причиною витебскаго движенія было тяжелое экономическое положеніе, обостренное трехлѣтнимъ неурожаемъ. Не только крестьяне, но и многіе помѣщики были разорены имъ. Продовольственная помощь голодающему населенію была недостаточна. Измученное населеніе жаждало выхода изъ своего положенія. Оно жадно ловило слухи, обѣщавшіе ему въ той или иной формѣ волю или льготы. Слухи же были крайне разнообразны. Говорили, что готовится воля, чему дала поводъ подготовка инвентарей. Разрѣшеніе жить безъ паспортовъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, а особенно на заработкахъ на с.-петерб.-московской желѣзной дорогѣ, что было допущено въ видѣ помощи витебчанамъ, крестьяне истолковали въ томъ смыслѣ, что поступившіе на эти работы получаютъ свободу изъ крѣпостного состоянія. Распоряженіе о переселеніи витебскихъ казенныхъ крестьянъ въ другія отдаленныя губерніи было слухомъ распространено и на помѣщичьихъ крестьянъ. Толковали, что Витебскую губернію, какъ неплодородную, рѣшено заростить лѣсомъ, а всѣхъ крестьянъ пере-

селить въ лучшія губерніи, даровавъ имъ волю и выдавъ на переселеніе паспорта, деньги и подводы. Говорили, что въ великороссійскихъ губерніяхъ уже дали волю и слѣдуетъ спѣшить туда. Подъ вліяніемъ этихъ слуховъ, витебчане двинулись въ великороссійскія губерніи цѣлыми семьями и деревнями, распродавая за безцѣнокъ имущество. Любопытно, что нѣкоторые шли съ намѣреніемъ показать царю, чѣмъ кормятъ ихъ паны. Движеніе началось въ Себежскомъ уѣздѣ весною 1847 г., быстро охватило Дризенскій и Невельскій уѣзды, и вскорѣ крѣпостные всей Витебской губ. готовы были послѣдовать ихъ примѣру. Въ Дризенскомъ уѣздѣ крестьяне покупали въ дорогу ружья, порохъ, лили пули, перековывали лемеши на пики. Въ пути толпы крестьянъ въ 100, 300 и 500 человѣкъ оказывали сопротивленіе военнымъ командамъ, причемъ нѣсколько человѣкъ крестьянъ были убиты. Въ великолуцкомъ уѣздѣ Псковской губ. толпа въ 500 человѣкъ избила незначительную военную команду, пытавшуюся остановить ихъ, разогнала бывшихъ при ней понятыхъ, избила исправника и захватила въ плѣнъ станового. Общее количество охваченныхъ движеніемъ простиралось до 10.000 чел., возвращено было болѣе 600 человѣкъ и около 600 не было разыскано. Для усмиренія пришлось употребить 1 пѣхотный полкъ, 1 батальонъ, 2 роты изъ 2-хъ другихъ полковъ, Витебскій гарнизонный батальонъ и инвалидныя команды. Усмиреніемъ руководили самъ ген.-губернаторъ и 2 флиг.-адъютанта. Для продовольствія возвращаемыхъ крестьянъ въ пути было ассигновано правительствомъ 10.000 р. и командировано спеціально для этой цѣли 5 чиновниковъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Рас-

права за участіе въ движеніи была сурова. Военному суду предали по однимъ свѣдѣніямъ 95 чел., по другимъ 114. Менѣе виновные—до 4000 чел.—были наказаны розгами.

Послѣ 1847 до половины 50-хъ г.г. неизвѣстно крупныхъ массовыхъ движеній, подобныхъ указанному. Но затѣмъ въ 1854, 1855 и 1856 г.г. мы встрѣчаемся съ крупными народными движеніями. То были движенія крестьянъ по поводу призыва въ морское ополченіе въ 1854 г., — въ государственное ополченіе въ 1855 г. и массовые побѣги крестьянъ „въ Таврію за волей" въ 1856 г. Движеніе 1854 г. по своему характеру занимаетъ промежуточное мѣсто между побѣгами и волненіями, движеніе же 1855 г. имѣетъ особый характеръ, но, чтобы не возвращаться къ массовымъ движеніямъ, мы ихъ изложимъ здѣсь.

Въ 1854 и 1855 г. государство, напрягая силы въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ, обратилось къ населенію за помощью. Въ 1854 г. населеніе призывалось въ морское ополченіе, въ 1855 г.—въ государственное. Крѣпостные горячо откликнулись на этотъ призывъ, глубоко вѣря, что поступленіе въ ополченіе ведетъ за собою освобожденіе отъ крѣпостной зависимости, какъ для самихъ охотниковъ, такъ и для ихъ семействъ; указанія и разъясненія правительства, что крѣпостные крестьяне могутъ поступать въ ополченіе лишь съ согласія помѣщиковъ и по окончаніи кампаніи будутъ возвращены въ прежнее состояніе, [1]) прошли мимо народнаго сознанія: народъ попросту не вѣрилъ въ возможность этого. Толпами потянулись крѣпостные ве-

[2]) Въ морское ополченіе кромѣ того призывались жители только 4-хъ приозерныхъ губерній: с.-петербургской, олонецкой, тверской и новгородской.

сною и лѣтомъ 1854 г. въ уѣздные и губернскіе города, даже въ Петербургъ и Москву, для заявленія своего желанія поступить въ морское ополченіе. Движеніе наблюдалось, по свѣдѣніямъ Департамента Полиціи Исполнительной, въ 10 губерніяхъ. Для задержанія крестьянъ были посланы войска, командированы были 2 фл.-адъютанта, и мѣрами строгости движеніе удалось остановить.

Однако въ 1855 г., послѣ призыва въ государственное ополченіе, движеніе возобновилось съ еще большею силою, проявившись въ 6 великороссійскихъ губерніяхъ (воронежской, саратовской, казанской, пермской, самарской, симбирской) и одной юго-западной (кіевской). Крестьяне съ небывалымъ усердіемъ записывались въ „казаки" въ кіевской губ. и въ „ратники" въ великороссійскихъ губ.; крестьяне массами шли въ города для поступленія въ государственное ополченіе. Господскія работы, въ большинствѣ случаевъ, послѣ того прекращались, и крестьяне отказывались отъ какого бы то ни было повиновенія помѣщикамъ, ибо, по ихъ мнѣнію, съ записью въ ополченіе, крѣпостная зависимость прекращалась. Движеніе приняло огромные размѣры, перекидываясь изъ имѣнія одного помѣщика въ имѣніе другого. Въ кіевской губерніи оно выражалось, кромѣ того, въ насиліяхъ надъ священниками, ибо носились слухи, что они скрываютъ царскій указъ о волѣ. Въ этой губерніи движеніе отличалось вообще наибольшею интенсивностью, осложнившись историческими воспоминаніями о казачествѣ; развитію движенія здѣсь благопріятствовало и снисходительное отношеніе мѣстной и центральной администраціи къ русскому сельскому населенію въ противовѣсъ польскому вліянію помѣщиковъ. Какъ бы то ни

было, и въ великороссійскихъ губерніяхъ, и въ кіевской это движеніе пришлось подавлять силою оружія. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ кіевской губ. произошли кровавыя столкновенія военныхъ командъ съ крестьянами, во время которыхъ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ было убито 36 крестьянъ и ранено 57; на самомъ дѣлѣ тѣхъ и другихъ было значительно больше. Въ тяжелое военное время для усмиренія крѣпостныхъ въ одной кіевской губ. пришлось двинуть 16 эскадроновъ кавалерійской дивизіи, 2 роты саперъ, резервный батальонъ Бѣлевскаго егерскаго полка и 1 дивизіонъ. Въ великороссійскихъ губерніяхъ усмиреніе совершено съ большею легкостью и съ меньшими затратами военной силы, но и здѣсь произошло кровавое столкновеніе между крестьянами и солдатами въ с. Масловкѣ воронежской губ., въ результатѣ чего было 9 раненыхъ крестьянъ, изъ нихъ 5 тяжело. Для усмиренія крестьянъ въ 1855 г. въ мѣста волненій было командировано 2 фл.-адъютанта.

Эти движенія 1854 и 1855 г., происшедшія во время тяжелой для государства крымской войны, имѣли громадное вліяніе на общество, а главнымъ образомъ на правительство. Они ярко подчеркнули молодому императору, только что вступившему на престолъ, что при крѣпостномъ правѣ правительство не можетъ свободно распоряжаться подвластнымъ и преданнымъ ему населеніемъ, даже въ минуты государственной опасности, что крѣпостное право противорѣчитъ государственнымъ интересамъ, и что во имя охраны крѣпостного права приходится послѣдніе приносить въ жертву первому. Новому императору эти движенія отчетливо показали напряженность и общность стремленія

крѣпостныхъ къ волѣ, способность крѣпостныхъ массъ переходить изъ инертнаго состоянія въ активное подъ вліяніемъ одной и той же идеи или слуха на громадномъ разстояніи, безъ всякаго сообщенія другъ съ другомъ и безъ всякихъ подстрекательствъ. Это были слишкомъ грозные признаки народнаго возбужденія: подобныя движенія грозили слишкомъ большою опасностью для общественнаго и государственнаго порядка, чтобы не навести молодого монарха на сознаніе необходимости покончить разомъ съ крѣпостнымъ состояніемъ.

Еще болѣе должно было укрѣпить опасенія Александра II и доказать серьезность и упорность народныхъ ожиданій воли вспыхнувшее народное движеніе на югѣ Россіи въ 1856 г. Это движеніе также было связано со слухами о волѣ и отчасти съ крымскою войною. Весною 1856 г. среди крестьянъ южной Россіи пронесся слухъ, что правительство вызываетъ помѣщичьихъ крестьянъ для заселенія разоренныхъ мѣстъ Крымскаго полуострова, даруя имъ за это волю, выдавая переселенцамъ пособіе и плату за казенныя работы. Мѣстами этотъ слухъ принялъ легендарную форму. Говорили, что гдѣ то, въ херсонскихъ степяхъ, сидитъ на горѣ царь и раздаетъ всѣмъ волю; по другой версіи, царь въ золотой шапкѣ сидѣлъ на Перекопѣ, и запоздавшіе явиться къ нему лишались права на волю. Подъ вліяніемъ этихъ слуховъ крѣпостной людъ тронулся со всѣмъ скарбомъ въ поиски за этимъ царемъ. Съ помѣщиками крестьяне разставались въ большинствѣ случаевъ вполнѣ мирно, забирая впрочемъ отъ нихъ необходимый скотъ, экипажи и пр.; лишь въ одномъ имѣніи крестьяне учинили буйство, ворвавшись

съ кольями въ господскій домъ, разграбили его, выбили стекла и двери, грозили помѣщицѣ и приказчику, а затѣмъ ушли, забравъ свое имущество и экономическій скотъ. Движеніе это началось въ екатеринославской губ., гдѣ только въ 2-хъ уѣздахъ (верхнеднѣпровскомъ и екатеринославскомъ) число бѣжавшихъ доходило до 9 тысячъ. Затѣмъ движеніе захватило херсонскую губ., гдѣ въ іюнѣ число бѣглецовъ простиралось до 3-хъ тысячъ человѣкъ. Съ меньшею силою это движеніе проявилось въ черниговской, полтавской, харьковской, курской и орловской губерніяхъ. Для подавленія этого движенія потребовались военныя команды командированъ былъ фл.-адъютантъ. Въ екатеринославской и херсонской губ. произошелъ рядъ кровавыхъ столкновеній между крестьянами и солдатами. По оффиціальнымъ даннымъ, такихъ столкновеній было 6, причемъ 5 человѣкъ было убито и 50 ранено.

Репрессіями и другими мѣрами движеніе было подавлено, но впечатлѣніе отъ него осталось, хотя и не столь сильное, какъ отъ движеній 1854 и 1855 г. Въ отчетѣ Департамента Полиціи Исполн. за 1856 г. этому движенію посвящено не меньше мѣста, чѣмъ движенію 1854 и 1855 г. въ отчетахъ предыдущихъ годовъ. Въ отчетѣ за 1858 г. указывается одинаково на движеніе 1855 и 1856 г., какъ на признакъ возбужденнаго настроенія народа, заставлявшаго опасаться за спокойствіе крѣпостныхъ при обнародованіи рескриптовъ. Наконецъ, секретный циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 26 іюля 1856 г., объявлявшій всѣ слухи о волѣ не имѣющими никакого основанія, предписывалъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, „немедленно принять мѣры предупрежденія, дабы

избѣжать послѣдствій, подобныхъ тѣмъ, какія происходили недавно въ новороссійскомъ краѣ, гдѣ открылись весьма значительные побѣги крестьянъ въ Крымъ...“

Что этотъ циркуляръ вполнѣ соотвѣтствовалъ мысли Александра II, свидѣтельствуетъ собственноручная надпись его на подлинникѣ: „очень хорошо“ [1]).

Наряду съ побѣгами и другими формами борьбы крѣпостныхъ съ крѣпостнымъ правомъ, росло количество и т. наз. вольненій или, вѣрнѣе, неповиновеній крестьянъ. За періодъ времени отъ 1826 по 1854 г. болѣе или менѣе извѣстны волненія у 712 помѣщиковъ, причемъ эти волненія по пятилѣтіямъ располагались слѣдующимъ образомъ. Съ 1826—29 г. ихъ было 85, съ 1830—34 г.—60; съ 1835—39 г.—78, 1840—1844 г.—138, съ 1845—49 г.—207 и съ 1850--54 г. — 141. Такимъ образомъ, количество волненій непрерывно росло до конца 40-хъ годовъ [2]), и лишь въ послѣднее пятилѣтіе передъ приступомъ къ реформѣ крестьяне какъ будто присмирѣли. Но по нѣкоторымъ соображеніямъ можно предположить, что это уменьшеніе лишь кажущееся. Во первыхъ, пятилѣтіе 1845—49 г.

[1]) А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1856 г. № 144.

[2]) Количество волненій за пятилѣтіе 1826—1829 г. объясняется обильными волненіями 1826 г.—въ первый годъ по вступленіи на престолъ императора Николая I. Приведенные выводы сдѣланы на основаніи подлинныхъ дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Мин. Вн. Дѣлъ, отчетовъ министерства внутреннихъ дѣлъ за 1836—54 г. (Мат. для ист. крѣп. права) и «Исторіи Министерства Внутр. Дѣлъ» Варадинова (т. III кн. 1—4), составленной также на основаніи подлинныхъ дѣлъ, многія изъ которыхъ въ настоящее время въ Архивѣ Мин-ства Внутр. Дѣлъ уже уничтожены. Нѣкоторые факты почерпнуты изъ мѣстныхъ изслѣдованій Повалишина, Мордовина, Снѣжневскаго и др., изъ воспоминаній современниковъ и т. д.

приходится признать исключительнымъ. Въ эти годы въ юго-и сѣверозападномъ краѣ усиленно шла подготовка инвентарей, а въ югозападныхъ губерніяхъ произошло и самое введеніе новаго инвентарнаго положенія. Въ эти же годы въ указанныхъ губерніяхъ было замѣтно вліяніе галиційскихъ событій, и до нихъ доходили волны польской демократической агитаціи. Въ 1844 г. въ западномъ краѣ казенные крестьяне были переведены съ барщины на оброкъ, что вызвало соотвѣтствующія ожиданія и среди помѣщичьихъ крестьянъ. Всѣ эти обстоятельства порождали рядъ слуховъ и волненій. Дѣйствительно, четвертая часть (50) волненій за указанный періодъ ириходится на юго-и сѣверозападный край. Съ другой стороны, въ это же пятилѣтіе былъ объявленъ, а затѣмъ въ 1849 г. негласно отмѣненъ указъ 8 ноября 1847 г. о правѣ крестьянъ выкупаться при продажѣ имѣнія съ аукціоннаго торга. Этотъ эпизодъ николаевскаго законодательства также послужилъ причиною ряда волненій въ различныхъ губерніяхъ. Наконецъ, на эти годы падаетъ сильное оживленіе въ правительственныхъ и дворянскихъ кругахъ въ области крестьянскаго вопроса, что претворялось въ крестьянской средѣ въ обиліе слуховъ о волѣ, а это въ свою очередь оживляло крестьянскія надежды, выводило ихъ изъ инертнаго состоянія и побуждало къ борьбѣ за свои права. Такимъ образомъ, въ это пятилѣтіе можно отмѣтить рядъ специфическихъ причинъ, повлекшихъ за собою обильныя волненія, причинъ, которыя перестали дѣйствовать въ послѣдующее пятилѣтіе и отсутствовали въ предыдущее. Пятилѣтіе же 1850—54 г., наоборотъ, отличается глухой реакціей въ крестьянскомъ вопросѣ, что могло

вызвать уменьшеніе слуховъ о волѣ среди крѣпостныхъ. Кромѣ того цифра волненій за это пятилѣтіе отличается большою неполнотою, сравнительно съ цифрами за предыдущія пятилѣтія. Если же мы даже эту неполную цифру сравнимъ съ количествомъ волненій за 1840 — 1844 г., то мы все же должны будемъ отмѣтить нѣкоторое увеличеніе количества ихъ. Съ другой стороны, мы имѣемъ свидѣтельства нѣкоторыхъ современниковъ (напр., Самарина, Славутинскаго), что количество волненій возросло именно въ послѣднее 10-лѣтіе передъ приступомъ къ реформѣ, причемъ они не указываютъ на замиреніе крестьянъ въ послѣднее пятилѣтіе.

Указанныя волненія происходили почти повсемѣстно, а именно въ 43-хъ губерніяхъ, причемъ на каждую губернію приходится болѣе 15 волненій. Причины этихъ волненій крайне разнообразны и зачастую сталкивались между собою, такъ что нерѣдко даже современникамъ крайне трудно было опредѣлить, что служило главною причиною неповиновенія. Эти причины отразили между прочимъ 2 характерныя черты крѣпостного быта. Съ одной стороны, половина волненій, причины которыхъ болѣе или менѣе извѣстны, вызывалась или всецѣло, или отчасти стремленіемъ крестьянъ стать вольными на основаніи ли ложныхъ слуховъ о дарованіи воли, или при помощи исковъ воли на основаніи мнимо или дѣйствительно законныхъ правъ на нее. Это — характерная черта наростающаго тяготѣнія крестьянъ къ волѣ. На волненіяхъ отразился также экономическій гнетъ, ростъ котораго въ XIX вѣкѣ былъ отмѣченъ выше. Въ 208 волненіяхъ изъ 423-хъ экономическія причины играли или первенствующую роль, или одну изъ

наиболѣе видныхъ. Наибольшее количество волненій вызывала барщина (47 волненій) или переводъ на нее (19 случаевъ); къ этимъ же группамъ нужно отнести, вѣроятно, и тѣ волненія, гдѣ причинами служили „обремененія работами“ (39 имѣній). Оброкъ (чрезмѣрность его, повышеніе, злоупотребленія при взиманіи и пр.) служилъ причиною волненій въ 26 имѣніяхъ, а различныя мѣры по взысканію его—въ 9 имѣніяхъ. Недостатокъ продовольствія вызвалъ волненія въ 30 имѣніяхъ, переселенія дали 17 волненій и уменьшеніе количества крестьянской земли--13 волненій. Такимъ образомъ, стремленіе сбросить крѣпостныя цѣпи, усилившійся экономическій гнетъ и жажда хотя бы ослабить его—эти характернѣйшія черты крестьянской жизни 2-ой четверти XIX вѣка, нашли себѣ вѣрное отраженіе въ крестьянскихъ волненіяхъ.

Волненія николаевскаго времени, разросшись въ количествѣ, не углубились однако ни по силѣ сопротивленія, ни по сплоченности населенія. Они попрежнему были мирны по формѣ, слабы по силѣ сопротивленія, крайне разрозненны и рѣдко выходили за предѣлы отдѣльныхъ крѣпостныхъ ячеекъ. Достаточно указать, что за всѣ 29 лѣтъ лишь въ 22-хъ имѣніяхъ крестьяне самовольно смѣстили вотчинныхъ начальниковъ, а въ 11-ти установили самоуправленіе; насильственныя дѣйствія противъ вотчинныхъ властей отмѣчены въ 24-хъ имѣніяхъ, угрозы и буйство противъ нихъ въ 9 имѣніяхъ; противъ помѣщиковъ (или помѣщицъ) насильственныя дѣйствія встрѣтились лишь въ 3-хъ имѣніяхъ, угрозы и буйство въ 8. Изъ 271 имѣнія, о которыхъ имѣются болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія, лишь въ 34-хъ имѣніяхъ оказано было

какое бы то ни было сопротивленіе военной командѣ, вооруженныя же столкновенія съ военными командами случились лишь въ 8 имѣніяхъ за всѣ 29 лѣтъ, причемъ 5 случаевъ изъ нихъ относится къ концу 20-хъ и началу 30-хъ годовъ. Лишь въ 2-хъ имѣніяхъ крестьяне сами произвели нападеніе на военныя команды. Буйство и грубость противъ чиновниковъ встрѣтились лишь въ 15 имѣніяхъ, а насильственныя дѣйствія противъ нихъ—въ 10-ти случаяхъ. Конечно, если мы будемъ судить о силѣ волненія по мѣрамъ усмиренія, то, пожалуй, можемъ сдѣлать неправильное заключеніе о силѣ волненій и упорствѣ неповиновеній. Такъ, военныя команды вводились въ 259 случаяхъ, въ 80 случаяхъ крестьяне были преданы военному суду и т. д. Но мѣры усмиренія относятся скорѣе къ характеристикѣ правительственной политики въ крестьянскомъ вопросѣ, и суровость ихъ зависѣла какъ отъ вѣяній въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, такъ отъ взглядовъ и ретивости мѣстныхъ властей. Напримѣръ, изъ 80 случаевъ военныхъ судовъ большая половина относится къ періоду 1826—34 г., хотя волненія этого періода не отличались особенною силою, упорствомъ или насильственными дѣйствіями. Это одно уже показываетъ, что примѣненіе подобной мѣры зависѣло не отъ силы волненія, а отъ другихъ причинъ. Несмотря на обиліе случаевъ, гдѣ будто бы понадобилось ввести военную команду, лишь въ 8 случаяхъ этимъ военнымъ командамъ пришлось примѣнить силу оружія.

Однако, нѣкоторыя стороны волненій и увеличеніе ихъ числа сильно тревожили помѣщиковъ. Почти каждое волненіе сопровождалось полнымъ или частичнымъ неповиновеніемъ помѣщику цѣ-

лаго крестьянскаго общества или группы крестьянъ [1]). Чаще всего крестьяне отказывались отъ работъ, отъ платежа оброка или другихъ повинностей. Подобные отказы наносили, понятно, серьезный матеріальный ущербъ помѣщикамъ и разстраивали помѣщичьи хозяйства. Волненія обыкновенно сопровождались подачею крестьянами жалобъ, возбужденіемъ ими того или другого судебнаго иска и т. п., что вовлекало крестьянъ въ довольно крупные расходы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, крестьяне отказывались отъ собственныхъ работъ, разбѣгались при вводѣ военныхъ командъ и т. д., что также разоряло ихъ. Самое усмиреніе правительственными властями, необходимое для помѣщиковъ, чтобы быстро прекратить неповиновеніе, было палкою о 2-хъ концахъ. Наѣздъ чиновниковъ, содержаніе ихъ и введенныхъ военныхъ командъ, били помѣщика по карману, даже въ томъ случаѣ, если эти расходы взыскивали съ виновныхъ крестьянъ; но бывали случаи, когда расходы эти, въ виду бѣдности и разоренія самихъ крестьянъ, взыскивались непосредственно съ самаго помѣщика. Аресты крестьянъ, допросы ихъ, наказанія по суду, особенно если осужденные удалялись изъ имѣнія, лишали помѣщика рабочихъ силъ на время или навсегда. Все это наносило помѣщичьимъ хозяйствамъ большой ущербъ и заставляло помѣщиковъ—помимо всякихъ другихъ соображеній—страшиться волненій въ силу матеріальныхъ разсчетовъ. Нельзя игнорировать того, что всякое волненіе и усмиреніе его могло повлечь за собою раскрытіе злоупотребленія помѣщичьей

---

[1]) Неповиновеній отдѣльныхъ личностей мы въ своемъ изложеніе не касаемся.

властью, если таковое было, и подвести помѣщика подъ ту или другую кару. Это также могло служить не маловажною причиною, почему помѣщики такъ боялись возникновенія волненій въ ихъ имѣніяхъ.

На ряду съ этимъ, подавленіе вспышки неповиновенія не означало еще усмиренія крестьянъ. „Обычнаго повиновенія“, „обычнаго спокойствія“ не наступало нерѣдко и послѣ усмиренія. Враждебность, мелкія ослушанія, небрежность при исполненіи повинностей наносили не меньшій ущербъ хозяйству, не меньше досаждали помѣщику, чѣмъ открытое неповиновеніе, при которомъ можно было призывать на помощь правительственныя власти для примѣненія репрессій. Иногда, какъ упоминалось, крестьяне постепенно разбѣгались. Иногда, удачно и быстро подавленная вспышка неповиновенія черезъ нѣкоторое время возобновлялась съ еще большею силою, иногда эти вспышки повторялись въ годъ по нѣскольку разъ, изъ года въ годъ или возобновлялись черезъ нѣсколько лѣтъ. Въ промежуткахъ крестьяне, большей частью, находились въ состояніи скрытаго броженія. При этомъ можно отмѣтить, что съ каждымъ разомъ вспышки становились сильнѣе и неповиновеніе упорнѣе, а крестьяне все замѣтнѣе и замѣтнѣе озлоблялись какъ противъ помѣщиковъ, такъ и противъ правительственныхъ властей. Иногда волненіе, первая вспышка котораго была совершенно мирнаго характера. кончалась вооруженнымъ сопротивленіемъ, и только суровѣйшія репрессіи, кровавое усмиреніе, продолжительный постой военной команды сламывали ихъ упорство. Бывали случаи, когда повиновеніе въ такихъ имѣніяхъ поддерживалось только постоемъ военной команды. Это не могло стать обычнымъ состояніемъ имѣнія, и постой могъ со-

вершенно разорить крестьянъ. Поэтому, бывали случаи, что какъ самъ помѣщикъ, такъ и мѣстныя власти не видѣли другого выхода, какъ пріобрѣсти имѣніе въ казну или продать его въ другія руки. Типичнымъ и яркимъ примѣромъ такого затяжного и наростающаго волненія можетъ служить громадное волненіе крестьянъ гр. Борха Витебской губ.

Эти затяжныя волненія не были единичными исключеніями. Несмотря на неполноту имѣющагося матеріала, можно указать на 68 волненій въ николаевскій періодъ, гдѣ отдѣльныя вспышки повторялись отъ 2-хъ до 5 разъ, причемъ въ счетъ введены лишь тѣ имѣнія, гдѣ вспышки повторялись не ранѣе, какъ на слѣдующій годъ. Въ одномъ случаѣ (имѣніе Закашевской Волынской губ.) волненіе въ общей сложности длилось съ промежутками 37 лѣтъ (съ 1811 по 1848 г.), въ теченіе которыхъ крестьяне болѣе или менѣе сильно волновались 5 разъ, и имѣніе переходило изъ рукъ въ руки. Въ 14 имѣніяхъ „броженія“ длились отъ 10 до 30 лѣтъ, въ 29 имѣніяхъ—отъ 3 до 9 лѣтъ и въ 24 имѣніяхъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ. Такого рода волненія заставляли иногда самихъ помѣщиковъ просить о взятіи имѣнія въ опеку, купить его въ казну; иногда помѣщикъ старался продать такое имѣніе въ другія руки или отдѣлаться отъ него какимъ либо другимъ путемъ. Подобныя имѣнія менѣе охотно покупались, теряли въ цѣнѣ. Бывало и такъ, что помѣщикъ, узнавъ послѣ покупки имѣнія, что крестьяне здѣсь передъ тѣмъ волновались, старался быстро перепродать его.

Для правительства волненія, несмотря на ихъ мирный характеръ, доставляли много хлопотъ, ибо, по тѣмъ или другимъ причинамъ, приходилось

употреблять военную силу и другія средства для ихъ подавленій. Правительство не могло также не озабочиваться замѣчающимся возрастаніемъ ихъ количества, несмотря на принимаемыя репрессіи и другія мѣры, а также на наростающее недовѣріе крестьянскихъ массъ къ мѣстнымъ и даже центральнымъ властямъ, за исключеніемъ одного лишь царя. Эти признаки, на ряду со все растущей воспріимчивостью крестьянъ къ слухамъ о волѣ, передвиженіями *массъ* подъ ихъ вліяніемъ, какъ то было въ Витебскомъ движеніи 1847 г. и въ массовыхъ движеніяхъ 1854—1856 г.г., составляло то грозное дыханіе крѣпостной массы, которое сильнѣе, чѣмъ слова, говорило правительству о растущемъ раздраженіи крестьянъ, о все сильнѣе, глубже и шире охватывавшемъ его стремленіи къ волѣ, заставлявшемъ его безъ размышленія, безъ думъ, подъ вліяніемъ какъ бы заразы, бросать родныя мѣста въ поискахъ за волею, быть готовыми жертвовать своими силами и жизнью, идя въ ополченіе, чтобы добыть волю себѣ и своимъ близкимъ. Это было могучимъ факторомъ приступа къ крестьянской реформѣ, это было грознымъ признакомъ, вставшимъ передъ Александромъ II, по вступленіи его на престолъ, и не давшимъ ему успокоиться на простомъ объявленіи слуховъ о волѣ ложными.

Крестьяне же не переставали волноваться до самаго освобожденія, какъ бы напоминая этимъ, что, пока существуетъ крѣпостное право и не раздается слово освобожденія, мира съ помѣщиками не будетъ. Такъ въ 1855 г., помимо движенія по поводу государственнаго ополченія, были волненія въ 10 имѣніяхъ, въ 1856—въ 25-ти, въ 1857—въ 40 имѣніяхъ, въ 1858 г. было почти 200 случаевъ неповино-

веній, въ 1859 г.—75, въ 1860 г.—болѣе 114, а въ 2 зимнихъ мѣсяца (январь и февраль)—почти 10, не говоря о другихъ формахъ протеста, о которыхъ говорилось выше.

Ростъ „духа недовольства“, разнаго рода протестовъ и народныхъ движеній не оставался незамѣченнымъ дворянскою массою, и чѣмъ ближе мы подходимъ къ эпохѣ реформъ, тѣмъ сильнѣе реагируетъ дворянство на настроеніе и поведеніе крестьянъ, тѣмъ сильнѣе охватываетъ его страхъ передъ возможностью народнаго возстанія, повтореніемъ пугачевщины или Галиційской рѣзни въ русскихъ условіяхъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности въ этомъ бѣгломъ очеркѣ прослѣдить за этимъ наростаніемъ тревожнаго настроенія дворянъ. Мы отмѣтимъ лишь нѣкоторые факты.

Уже въ началѣ царствованія Николая I мы встрѣчаемся сь жалобою вологодскаго дворянства на распространившейся среди крестьянъ духъ буйства, непокорности. Заблоцкій-Десятовскій въ своей запискѣ 1841 г. свидѣтельствуетъ, что „дворянство сходится въ одномъ, въ чувствѣ страха возстанія крестьянъ“, и онъ признаетъ, что эти опасенія „не безъ основанія“ [1]). Баронъ Гакстгаузенъ, мнѣніе котораго также относится къ 40-мъ годамъ, говоритъ, что „всѣ умные русскіе люди сознаютъ необходимость уничтоженія крѣпостного права“, замѣчая при этомъ, что „важнѣйшій вопросъ дня состоитъ въ томъ, чтобы разрѣшить эти отношенія, не вызвавши соціальной революціи“ [2]). Министръ внутр. дѣлъ Перовскій, въ своей извѣ

---

[1]) Середонинъ «Обзоръ дѣятельности комитета министровъ» т. II ч. 1 стр. 231.

[2]) Заблоцкій-Десятовскій «Гр. Киселевъ и его время» т. IV, стр. 336.

стной запискѣ 1845 г., называетъ въ числѣ причинъ, по которымъ дворяне безъ страха относятся къ уничтоженію крѣпостного права,—„раздоры“ между крестьянами и помѣщиками, вытекающіе изъ неопредѣленности крестьянскихъ обязанностей [1]). Въ концѣ 40-хъ годовъ страхи дворянъ обострились. Галиційская рѣзня 1846 г., соотвѣтствующіе слухи среди крестьянъ, рѣзко поставили вопросъ о возможности такихъ же событій и у насъ. Петрашевскій, въ одномъ изъ своихъ писемъ, указывалъ „на возобновленіе общаго вниманія къ эмансипаціи крестьянъ“ подъ вліяніемъ приведенныхъ кіевскимъ ген.-губернаторомъ Бибиковымъ извѣстій, что крѣпостные смежныхъ съ Галиціей губерній „весьма расположены вырѣзать помѣщиковъ“. [2]) О вліяніи слуховъ о галиційской рѣзнѣ приходилось уже говорить. Какъ указано В. И. Семевскимъ, динабургское дворянство возбудило ходатайство о выработкѣ правилъ освобожденія крестьянъ—послѣ возстанія въ Галиціи и въ виду предстоящаго опредѣленія крестьянскихъ повинностей, а среди побудительныхъ причинъ, по которымъ витебское губернское депутатское собраніе въ 1846 г. выразило готовность освободить крестьянъ,—были волненія послѣднихъ [3]). Во время кампаніи за отмѣну столь непріятнаго для помѣщиковъ указа 8 ноября 1847 г., дворянство, въ лицѣ губернскихъ предводителей дворянства аппе-

---

[1]) Баронъ А. Гакстгаузенъ. «Изслѣдованія внутр. отношеній народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденій Россіи», т. I, стр. 72 – Москва, 1869 г.

[2]) В. И. Семевскій. «Кр. вопросъ» т. II стр. 138.

[3]) В. И. Семевскій «Кр. вопросъ въ Россіи во 2-ой половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX в.» ст. въ сборникѣ «Крестьянскій строй». стр. 275—276.

лировало къ возможности обостренія враждебныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками, и къ безпорядкамъ, происшедшимъ или могущимъ произойти въ связи съ этимъ указомъ. Революція 1848 г. возбудила сильнѣйшій страхъ въ дворянахъ передъ возможностью чего-либо подобнаго у насъ. И. В. Кирѣевскій писалъ Погодину послѣ февральской революціи, что должно, желать только того, чтобы правительство... не возмущало народъ ложными слухами о свободѣ и не вводило бы никакихъ новыхъ законовъ, покуда утишатся и объяснятся дѣла на Западѣ, чтобы, напримѣръ, оно не дѣлало инвентарей къ помѣщичьимъ имѣніямъ, что волнуетъ умы несбыточными надеждами" [1]). Въ этомъ отношеніи правительственная реакція въ крестьянскомъ вопросѣ послѣ 1848—49 г. вполнѣ соотвѣтствовала желаніямъ дворянъ.

Въ 50-хъ годахъ опасенія дворянъ обострились. На это указываетъ цѣлый рядъ современниковъ. Чиновникъ особыхъ порученій въ рязанской губ., Славутинскій, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ серединѣ 50-хъ годовъ „крестьянскими бунтами и всѣмъ, что относилось къ нимъ, даже причинами, по которымъ они возникали, интересовались уже чрезвычайно". При разговорахъ на эту тему, помѣщики жаловались, что приходится жить въ тяжелое время, что „прежде, еще такъ недавно, ничего подобнаго не случалось". Славутинскому приходилось слышать общимъ хоромъ выражаемыя опасенія, что при такомъ настроеніи крестьянъ, при склонности ихъ къ волненіямъ, къ покушеніямъ на помѣщиковъ и къ нанесенію имъ побоевъ, уже нечего ждать до-

[1]) Барсуковъ «Жизнь и труды М. П. Погодина» т. IX стр. 303.

браго и въ будущемъ. Эти опасенія Славутинскій слышалъ года за $1^1/_2$ до начала освобожденія крестьянъ. „Вобще, говоритъ Славутинскій, опасенія на счетъ будущаго положенія крѣпостныхъ отношеній, на счетъ какъ будто бы уже неминуемаго съ каждымъ годомъ усиленія реакціи со стороны самихъ крестьянъ противъ крѣпостнаго права, сдѣлались къ тому времени чѣмъ то нормальнымъ въ обществѣ, какъ между помѣщиками, такъ и между чиновниками". По его мнѣнію, „черезъ нихъ то именно и началось общественное сознаніе относительно необходимости порѣшить окончательно съ крѣпостнымъ правомъ" [1]).

Многіе опасались возстанія при приступѣ къ отмѣнѣ крѣпостного права. Эти страхи, по указанію того же Славутинскаго, были именно результатомъ „тѣхъ крестьянскихъ волненій, которыя за послѣднее десятилѣтіе передъ 1857 г. стали случаться часто, стали обходить уѣздъ за уѣздомъ" [2]). А. И. Кошелевъ также указывалъ, что, подъ вліяніемъ страха передъ народнымъ возстаніемъ въ 1854—55 гг., ярые крѣпостники готовы были на самыя невыгодныя условія освобожденія, лишь бы развязаться съ крѣпостнымъ правомъ [3]). Самаринъ въ своей запискѣ 1856 г. говоритъ также объ опасеніяхъ помѣщиковъ за свою безопасность. Въ одной статьѣ 1856 г. онъ отмѣчаетъ, что „дворяне сознаютъ про себя непрочность своихъ правъ и опасаются одинаково народной расправы и внезапнаго, неподготовленнаго распоряженія прави-

---

[1]) Славутинскій «Выдержки изъ отрывочныхъ воспоминаній» Др. и Нов. Россія 1879 г. № 9 стр. 388.

[2]) Ibid., стр. 389.

[3]) А. И. Кошелевъ. «Записки».—Приложенія, стр. 78. — Берлинъ, 1884 г.

тельства... Просвѣщеннѣйшіе изъ нихъ... откровенно сознаются въ настоятельной необходимости предупредить грозящую опасность своевременными уступками и добросовѣстно изыскиваютъ способъ перейти отъ настоящаго напряженнаго положенія къ болѣе прямому порядку вещей. Доказательствомъ можетъ служить множество записокъ объ упраздненіи крѣпостного права, ходящихъ по рукамъ въ Москвѣ и Петербургѣ и оттуда распространяющихся по всей Россіи“ [1]). И мы знаемъ, на примѣрѣ хотя бы сильно распространенныхъ въ освободительные годы записокъ самого Самарина, Кошелева, Кавелина, что мотивъ возможности народнаго возстанія, въ случаѣ промедленія реформы, является въ нихъ однимъ изъ главныхъ доказательствъ необходимости немедленно приступить къ отмѣнѣ крѣпостного права на основѣ надѣленія крестьянъ землею.

Не менѣе важно было вліяніе крестьянскихъ протестовъ во время самой выработки Положенія 19 февраля. А. А. Корниловъ отмѣчаетъ, что одною изъ причинъ невозможности для дворянъ медлить съ ходатайствами объ улучшеніи быта крестьянъ, послѣ ходатайствъ с.-петербургскаго нижегородскаго и московскаго дворянствъ, было опасеніе народныхъ волненій. „Сами помѣщики, говоритъ онъ, вездѣ понимали, что отстать отъ другихъ невозможно и даже опасно, такъ какъ промедленіе могло легко вызвать безпокойство и волненія среди крестьянъ“ [2]). Крестьяне въ этомъ отношеніи безсознательно слѣдовали политикѣ систематическаго устрашенія.

---

[1]) Самаринъ. Собр. сочиненій, т. II стр. 139—140.

[2]) А. А. Корниловъ. «Крестьянская реформа 19 февраля 1861 г.», стр. 316. Сборникъ «Крестьянскій строй», стр. 316.

Если мы сопоставимъ таблицу крестьянскихъ волненій 1858 и 1859 г. по мѣсяцамъ съ таблицею отвѣтныхъ рескриптовъ на ходатайства дворянъ объ открытіи губернскихъ комитетовъ и времени закрытія ихъ, то убѣдимся, что, за малыми исключеніями, крестьянскія волненія и другія формы протестовъ были чаще до рескриптовъ, замирали во время работъ комитетовъ и возобновлялись съ новою силою съ закрытіемъ ихъ, когда, подъ вліяніемъ переноса крестьянскаго дѣла въ Петербургъ, среди крестьянъ возникли слухи, что дворянамъ опять удалось или удастся скрасть волю.

Неспокойное поведеніе народныхъ массъ сыграло весьма крупную роль въ дѣлѣ ускоренія реформы. Справедливы были сѣтованія многихъ дворянъ, что, съ оглашеніемъ приступа къ реформѣ, крѣпостное право въ сущности было разрушено. Крестьяне лишь выжидали объявленія воли, крѣпостныя повинности выполнялись крайне небрежно; крестьяне сильнѣе и чаще реагировали на злоупотребленія помѣщичьей власти, жалуясь и волнуясь нерѣдко по поводу такихъ дѣйствій помѣщиковъ, которыя раньше сносились безропотно. Съ другой стороны и помѣщики, въ виду повышенной чувствительности крестьянъ и усиленнаго вниманія администраціи къ обращенію помѣщиковъ съ крестьянами, опасались пользоваться вотчинною властью съ прежнею смѣлостью. Калужскій помѣщикъ Доломановъ, напримѣръ, жестоко наказывавшій раньше крестьянъ за каждую небрежность въ сельскихъ работахъ, прекратилъ наказанія со времени начала реформы. Нѣкоторые помѣщики сознательно уклонялись отъ всякихъ расправъ съ крестьянами собственною властью и по

каждому случаю неповиновенія или грубости обращались за содѣйствіемъ къ земской полиціи.

При подобныхъ отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками, крѣпостное хозяйство, разсчитанное на сильную вотчинную власть помѣщиковъ и безусловное повиновеніе крестьянъ, не могло идти успѣшно, и помѣщики должны были жаждать скорѣйшей развязки въ ту или другую сторону. Крайне характерно письмо А. И. Кошелева отъ 26 мая 1860 г. изъ села Песочнаго Рязанской губ. Онъ указывалъ на полное разстройство хозяйства въ силу бездѣйствія крестьянъ, выжидающихъ воли и ждущихъ, что царь прикажетъ. „Власть полиціи, помѣщика ослабѣла, воровство, пьянство усилились, барщина плоха, землю не уважаживаютъ, не дѣлаютъ никакихъ условій при переходѣ на оброкъ, однимъ словомъ — полный хозяйственный застой, хотя народъ и спокоенъ". Кошелевъ умоляетъ торопиться съ реформою, ибо при промедленіи можетъ произойти бунтъ [1]). Въ другомъ письмѣ отъ 30 іюня 1860 г. онъ указываетъ на готовность всѣхъ помѣщиковъ принять какой угодно проектъ, лишь бы прекратить создавшуюся неурядицу (Кошелевъ имѣетъ въ виду Тамбовскую, Пензенскую, Саратовскую и Самарскую губерніи). Онъ жалуется, что крѣпостного права фактически уже нѣтъ, но и нѣтъ ничего взамѣнъ. Кошелевъ прямо говоритъ, что помѣщиковъ „посадили на колъ" и имъ волею-неволею приходится жаждать развязки [2]). Изъ фактическихъ данныхъ мы знаемъ также, что спокойствія среди

---

[1]) Кн. О. Трубецкая. «Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго», т. II, стр. 190—191.

[2]) Кн. О. Трубецкая. «Матер. для біогр. кн. В. А. Черкасскаго», т. II, стр. 191—192.

крестьянъ не было, волненія не уменьшались, а скорѣе росли.

Необходимо отмѣтить также, что опасенія крестьянскихъ безпорядковъ заставляли дворянъ считаться съ народными взглядами на волю. Помѣщикамъ, постоянно соприкасавшимся съ крестьянами, былъ хорошо извѣстенъ взглядъ послѣднихъ на неразрывность ихъ съ землею. Можно сказать, что мысль о необходимости надѣленія крестьянъ землею, какъ въ правительственныхъ, такъ и дворянскихъ кругахъ, завоевала въ XIX вѣкѣ право гражданства въ значительной степени подъ вліяніемъ опасеній, что безземельное освобожденіе можетъ вызвать взрывъ народнаго негодованія. Это получило особо сильное значеніе при выработкѣ самаго Положенія 19 февраля. Въ запискахъ Самарина, Кошелева, Кавелина, Унковскаго и др. рѣзко подчеркивалась мысль, что крестьяне не иначе представляютъ себѣ освобожденіе, какъ съ землею, и освобожденіе можетъ произойти мирно только при условіи обезпеченія за крестьянами владѣнія землею.

Дворяне ясно сознавали, что вполнѣ мирное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса возможно лишь тогда, если будутъ удовлетворены всѣ народныя ожиданія отъ воли. И нужно замѣтить, что страхи многихъ помѣщиковъ передъ грядущимъ освобожденіемъ, опасенія общихъ сильныхъ безпорядковъ зависѣло въ значительной степени отъ сознанія, что ожиданія крестьянъ отъ воли не могутъ быть и не будутъ удовлетворены. Народная программа „воли“, на которой мы не имѣемъ возможности останавливаться здѣсь, была настолько шире дворянской, правительственной, даже программы „либеральной“ партіи, что полное ея удо-

влетвореніе было немыслимо для дворянъ, даже подъ страхомъ кроваваго народнаго возстанія: для этого имъ нужно было отречься отъ собственныхъ интересовъ, отъ собственнаго бытія. Но уже важно и то, что крестьянскія волненія, та борьба, которую крестьяне вели въ разныхъ направленіяхъ противъ различныхъ проявленій крѣпостного права, заставило хотя въ слабой степени считаться съ народными требованіями, и выработка Положенія 19 февраля происходила подъ грознымъ вліяніемъ возбужденныхъ народныхъ массъ.

Нашъ обзоръ былъ бы крайне неполонъ, если бы мы ограничились лишь бѣглыми замѣчаніями объ отношеніи правительства къ крестьянскимъ протестамъ и вліяніи послѣднихъ на первое. Въ силу особыхъ условій, вліяніе правительства въ русскомъ государствѣ особенно сильно сказывалось во всѣхъ областяхъ общественной и народной жизни. Самодержавная власть брала исключительно на себя иниціативу какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ; она всегда стремилась властвовать надъ „обывателями“, а не „гражданами“, строго отмежевывая имъ лишь сферу частныхъ *обывательскихъ* отношеній. Особенно типичнымъ выразителемъ этой самодержавной идеи былъ императоръ Николай I. Въ частности его отношеніе къ крестьянской массѣ было рѣзко и опредѣленно. Народная масса должна быть безмолвно покорной, и всѣ заботы о ея благѣ должно было принимать на себя правительство. По поводу галиційскихъ событій 1846 г. онъ писалъ кн. Паскевичу: „Происходящее въ Галиціи—урокъ добрый и доказываетъ еще разомъ болѣе, что никогда черни воли давать не должно, чего у насъ отнюдь не допущу. Чернь должна слушать, а не дѣйство-

вать". Поручивъ ген.-губернатору Бибикову не допускать въ Подольской и Волынской губ. ничего подобнаго тому, что было въ Галиціи, Николай I замѣчаетъ, что „никогда не дозволитъ распорядковъ снизу, а хочетъ, чтобы ждали сверху".

Причины, по которымъ онъ такъ опасался крестьянскихъ возстаній, революцій снизу, отчасти выражены имъ въ одномъ изъ писемъ къ тому же кн. Паскевичу. Онъ полагалъ, что народныя волненія, народное недовольство являются хорошей почвой для распространенія ненавистныхъ ему соціальныхъ идей братства и равенства, и для предупрежденія такой возможности необходимо держать народъ въ безмолвной покорности. „Вѣрю очень,—пишетъ онъ, намекая, что австрійское правительство виновно въ попустительствѣ галиційской рѣзни,—что теперь австрійцамъ не легко будетъ приводить народъ къ порядку, ибо сколько народное орудіе въ томъ случаѣ не было полезно, оно самое опасное, ибо выводитъ изъ порядка и послушанія, а *тутъ и коммунизмъ готовъ*". Примѣръ пугачевщины, европейскія революціи—также не могли не учить его, что народныя возстанія угрожаютъ какъ самодержавному строю государства, такъ и соціальному строю, основанному на порабощеніи трудящихся массъ сильными политически и экономически группами. Конечно, какъ государственный человѣкъ, онъ не могъ не понимать, что однѣми репрессіями онъ не можетъ сдержать народныя массы въ повиновеніи, и во имя самой покорности ихъ нужны своевременныя уступки назрѣвающимъ потребностямъ. Этимъ объясняется его политика въ крестьянскомъ вопросѣ.

На ряду съ суровыми репрессіями по отношенію къ крестьянамъ, борющимся съ помѣщиками

за свои права и волю, наряду съ неоднократными подтвержденіями требованія безусловной покорности помѣщичьей власти, онъ пытается постепенно ограничивать крѣпостное право, имѣя конечною цѣлью его уничтоженіе, онъ борется со злоупотребленіями помѣщичьей властью. Его благія начинанія въ крестьянскомъ вопросѣ зависѣли въ значительной степени отъ желанія предупредить крестьянскія волненія. Принимая въ 1842 г. депутатовъ отъ смоленскаго дворянства, онъ выразилъ въ рѣчи къ нимъ мысль, что лишь переводъ крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные можетъ предупредить „крутой“ переломъ. „Лучше намъ отдать добровольно, чѣмъ допустить, чтобы отъ насъ отняли“, говорилъ онъ [1]). Именно такъ понимали его политику и современники. Смоленскій губернскій предводитель дворянства кн. Друцкій-Соколинскій въ своей запискѣ 1849 г., объяснялъ возникновеніе мысли о преобразованіи крѣпостного права желаніемъ правительства предупредить стремленіе крѣпостныхъ пріобрѣсти свободу [2]). Самая реакція послѣ 1848 г. была отчасти результатомъ тѣхъ же опасеній народнаго возстанія. Подъ вліяніемъ примѣра революціи 1848 г., онъ готовъ былъ отказаться отъ всякихъ поступательныхъ шаговъ въ крестьянскомъ вопросѣ, лишь бы не поддерживать въ народныхъ массахъ броженія противъ существующихъ властей. Николай I внимательно слѣдилъ за всѣми формами крестьянскихъ протестовъ, приказывалъ докладывать себѣ особо о выдающихся случаяхъ волненій и требовалъ тщательнаго выясненія причинъ ихъ; нѣкоторые случаи волненій

---

[1]) В. И. Семевскій «Кр. вопросъ», т. II стр. 163—165.

[2]) Ibid., стр. 181.

вызывали съ его стороны распоряженія и даже законодательные акты для устраненія признанной имъ причины ихъ. Укажемъ на нѣкоторые факты этого рода.

Обильныя волненія крестьянъ въ 1826 г., слухи о волѣ, а также декабрьское возстаніе 1825 г. вызвали большое оживленіе въ крестьянской политикѣ. Донесенія о циркулировавшихъ въ народѣ слухахъ о волѣ и связанныхъ съ ними волненіяхъ непосредственно вызвали изданіе манифеста 12 мая 1826 г., требовавшаго отъ крестьянъ полной покорности помѣщикамъ и объявившаго слухи о волѣ неимѣющими никакой почвы подъ собою. Съ цѣлью скорѣйшаго подавленія крестьянскихъ волненій въ томъ же году учреждены смѣшанные (изъ гражданскихъ и воинскихъ чиновъ) военные суды для неповинующихся крестьянъ. Въ томъ же году изданы рескрипты 26 іюня и 6 сентября съ цѣлью сократить злоупотребленія помѣщичьей властью. Открытъ былъ секретный комитетъ 1826 г., на обсужденіе котораго былъ поставленъ и крестьянскій вопросъ. Слухи о волѣ, возникшіе въ 1830 г., и вспышка волненій въ этомъ году, вызвали разсылку секретныхъ циркуляровъ по Высочайшему повелѣнію губернаторамъ отъ 4 мая 1830 г., и предводителямъ дворянства отъ 22 декабря того же года, объ искорененіи подобныхъ слуховъ и прекращеніи самыми дѣятельными мѣрами малѣйшихъ признаковъ неповиновенія крестьянъ помѣщикамъ [2]). Въ 1833 г. волненіе крестьянъ помѣщика Грудева Московской губ., работавшихъ на фабрикѣ, побудило составить секретныя правила (циркуляръ 26 декабря 1833 г.), которыми должны

---

[3]) А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1830 г. №№ 235 и 392.

были руководствоваться предводители дворянства въ надзорѣ за вотчинными фабриками. Хотя эти правила, повидимому, не имѣли практическаго значенія, они интересны, какъ попытка регулировать крестьянскій трудъ на вотчинныхъ фабрикахъ [1]). Въ этомъ же году, обильномъ безпорядками на почвѣ недостатка продовольственной помощи, Николай I, опасавшійся голодныхъ бунтовъ, повелѣлъ усмирять крестьянъ силою (оружія), не щадя ихъ [2]), а по войскамъ было отдано дополнительное секретное Высочайшее повелѣніе о безотлагательномъ содѣйствіи гражданскимъ властямъ въ случаѣ безпорядковъ на почвѣ голода. Эти распоряженія вызвали вакханалію усмиреній и примѣненіе военной силы по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Вообще слѣдуетъ отмѣтить, что первые годы царствованія Николая I, характеризующіеся большимъ интересомъ его къ крестьянскому вопросу и болѣе широкими планами въ области крестьянскаго законодательства, въ то же время отличаются болѣе суровыми репрессіями по отношенію къ крестьянскимъ безпорядкамъ.

Мы знаемъ уже о мѣрахъ, принятыхъ по поводу убійства крестьянами помѣщика Свадковскаго, и о распоряженіяхъ 1842 г. по поводу участившихся случаевъ убійствъ помѣщиковъ. Укажемъ также на волненіе крестьянъ помѣщиковъ Чулковыхъ Московской губ. въ 1842 г., вызвавшее указъ 1842 г. о запрещеніи лицамъ, происходившимъ изъ крѣпостного состоянія и возведеннымъ въ дворянское

---

[1]) А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1833 г. № 398. См. также Туган-Барановскаго. «Фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ» стр. 111—112.

[2]) Циркуляръ 20 сентября 1833 г.—А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1833 г. № 420.

достоинство, владѣть населенными имѣніями, въ которыхъ они, или отцы и дѣды ихъ были записаны по ревизіямъ. Одновременно съ указомъ 2 апрѣля 1842 г. о правѣ помѣщиковъ отпускать крестьянъ въ обязанные, былъ выпущенъ министромъ внутр. дѣлъ секретный циркуляръ въ предупрежденіе могущихъ послѣдовать слуховъ въ народѣ о волѣ и безпорядковъ въ связи съ этимъ; циркуляръ предписывалъ строго наблюдать за разглашателями подобныхъ слуховъ, подвергая ихъ взысканію по всей строгости законовъ, и всѣми мѣрами немедленно подавлять случаи неповиновенія крестьянъ ихъ помѣщикамъ. Извѣстно также, что отмѣна указа 8 ноября 1847 г. послѣдовала въ значительной степени подъ вліяніемъ безпорядковъ по поводу этого указа и опасенія, что они усилятся; повліяло и впечатлѣніе отъ революціи 1848 г. Наконецъ, нельзя не упомянуть о волненіи крестьянъ помѣщика Колонтарова Ставропольской губ. въ 1853 г., выдѣляющагося изъ волненій начала 50-хъ годовъ не только кровавымъ усмиреніемъ (при усмиреніи противъ крестьянъ пущены были въ ходъ пушки), но и нѣкоторымъ движеніемъ въ крѣпостномъ законодательствѣ. По поводу этого волненія послѣдовалъ особый секретный циркуляръ, подтверждавшій о точномъ соблюденіи манифеста о 3-хъ дневной барщинѣ и разъяснявшій, что переносъ барщинныхъ дней съ одной недѣли на другую не допустимы и что время теряемое на проходъ на мѣсто работъ, должно зачитываться въ число барщинныхъ дней. Это важное для крестьянъ разъясненіе, къ сожалѣнію помимо секретности, обезсиливавшей его — сдѣлано было наканунѣ, можно сказать, паденія крѣпостного права. Въ этомъ дѣлѣ очень любопытно также

утвержденное Пр. Сенатомъ постановленіе губернскаго правленія о крестьянахъ Колонтарова, чтобы на господскія работы съ каждаго тягла могли брать не болѣе 2-хъ воловъ [1]).

Нельзя забывать также при оцѣнкѣ вліянія крестьянскихъ протестовъ сдѣланнаго уже замѣчанія, что наиболѣе цѣнный шагъ въ исторіи крестьянскаго вопроса ко времени реформы—сознаніе правительствомъ и обществомъ необходимости надѣленія крестьянъ землею—сдѣланъ въ значительной степени подъ вліяніемъ опасеній народныхъ волненій при безземельномъ освобожденіи.

Преемникъ Николая I, Александръ II, будучи наслѣдникомъ, проявлялъ консервативныя тенденціи въ крестьянскомъ вопросѣ, и при вступленіи его на престолъ на него смотрѣли, какъ на защитника крѣпостного права. Но отчасти литературное вліяніе, а главнымъ образомъ крымская компанія и народныя движенія 1854—1856 г. заставили его измѣнить прежнее мнѣніе. Для него ясно стало, что во имя государственныхъ интересовъ необходимо покончить со всѣмъ крѣпостнымъ укладомъ русской жизни и прежде всего съ крѣпостнымъ правомъ. Народныя движенія, вихрь слуховъ о волѣ, охватившій крѣпостную массу въ 1854—1857 гг., ясно показали ему, что медлить съ отмѣною крѣпостного права нельзя, если онъ не хочетъ, чтобы взмылась народная волна и не затопила общество и государство, противящееся ясно выраженнымъ народнымъ интересамъ. Послѣ заключенія мира, какъ говорили, государь сказалъ на праздникѣ мира: „теперь мы кончили съ внѣшнимъ врагомъ; надо начинать войну съ врагами внутренни-

---

[1]) Арх. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1853 г. № 820.

ми“ [1]). Въ 1856 г., въ своей исторической рѣчи къ московскому дворянству, онъ рѣзко и опредѣленно выразилъ мысль, что отмѣна крѣпостного права необходима для предупрежденія революціи снизу, т. е. народнаго возстанія во имя сверженія крѣпостного права. Его слова: „лучше, чтобы освобожденіе произошло сверху, нежели снизу“, знаменовали собою цѣлую правительственную программу, исполненіе которой можно замѣтить во всѣхъ дѣйствіяхъ Александра II, несмотря на массу колебаній, нерѣшительности, компромиссовъ, проявленныхъ имъ на пути реформы.

Въ соотвѣтствіи съ этой программой, правительство выступило рѣшительно на путь реформы, разыгравъ вскорѣ изъ тактическихъ соображеній комедію иниціативы самого дворянства въ крестьянскомъ вопросѣ. Эта комедія, впрочемъ, была до извѣстной степени необходима и съ указанной точки зрѣнія правительства—для замиренія отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и разсѣянія увѣренности крестьянъ, что дворянство мѣшаетъ освобожденію и скрываетъ волю.

Съ другой стороны, правительство всѣми мѣрами стремилось предупредить „освобожденіе снизу“.

Въ циркулярахъ оно предписывало тщательно слѣдить за спокойствіемъ крестьянъ и мѣрами строгости подавлять неповиновенія помѣщичьей власти, преслѣдовать разгласителей слуховъ о волѣ, объявивъ послѣдніе ложными. Усиливъ борьбу съ злоупотребленіями помѣщичьей властью, правительство въ тоже время внимательно слѣдило

[1]) А. А. Корниловъ. «Кр. реформа 19 февр. 1861 г.» Сборн. «Крестьянскій строй» стр. 298.

за крестьянскими протестами. Министръ внутр. дѣлъ особымъ отношеніемъ, въ мартѣ 1858 г., предписалъ губернаторамъ доносить себѣ о всѣхъ случаяхъ неповиновенія, какъ бы ни были они маловажны. По Высочайшему повелѣнію, въ томъ же мартѣ, министръ внутр. дѣлъ долженъ былъ представлять Императору еженедѣльные доклады „о случаяхъ неповиновенія крестьянъ помѣщичьей власти, происшедшихъ по поводу новаго устройства крестьянскаго быта“ [1]). Такого рода доклады дѣлались въ теченіи всего освободительнаго періода. Отъ правительства, такимъ образомъ, не могло укрыться тревожное настроеніе крестьянской массы, не укрывались колебанія въ немъ въ связи съ работами губернскихъ комитетовъ и слухами о судьбѣ реформы. Эти свѣдѣнія еще болѣе должны были убѣждать Александра II, что, вступивъ на путь реформы, отступать нельзя. Ускоренный темпъ хода крестьянской реформы въ концѣ освободительнаго періода, поспѣшность, съ какою были объявлены манифестъ и Положеніе 19 февраля до начала полевыхъ работъ, въ значительной степени объясняются опасеніями, что въ весеннее и лѣтнее время волненія среди крестьянъ могутъ вспыхнуть съ особою силою въ виду истощающагося народнаго терпѣнія. Любопытно, что, по свидѣтельству современника реформы Н. А. Крылова, „торопливое распоряженіе насчетъ объявленія воли черезъ полицію объясняли давленіемъ изъ Петербурга, куда будто бы губернаторы писали, что народъ теряетъ терпѣніе и недалекъ отъ массовыхъ безпорядковъ“ [2]). И мы знаемъ изъ предыдущаго

---

[1]) А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1858 г. № 1360.

[2]) Н. А. Крыловъ. «Историч. Вѣстн.» 1904 г. № 7, стр. 91.

изложенія, что самые факты должны были, помимо особыхъ донесеній, убѣждать Александра II, что народъ нетерпѣливо ждетъ освобожденія, что озлобленіе и враждебность его по отношенію къ дворянамъ растетъ, и потому нужно было торопиться съ окончаніемъ начатой реформы.

Эти же опасенія передъ народными волненіями заставляли правительство становиться на стражу крестьянскихъ интересовъ, ибо для него было очевидно, что чѣмъ полнѣе будутъ удовлетворены крестьяне, тѣмъ спокойнѣе они будутъ при объявленіи воли. Наиболѣе твердо стояло правительство въ вопросѣ о надѣленіи крестьянъ землею, ибо хорошо понимало, что безземельное освобожденіе можетъ вызвать серьезныя волненія, а, можетъ быть, и возстаніе крестьянъ.

Въ другихъ пунктахъ, въ размѣрѣ земельнаго обезпеченія, въ формѣ его, въ повинностяхъ, въ крестьянскихъ правахъ и обязанностяхъ, правительство уже колебалось и пошло по пути компромиссовъ, пытаясь сочетать противоположные крестьянскіе и дворянскіе интересы. Самъ Александръ II, а также другіе дѣятели реформы, повидимому, отлично понимали, что путь компромиссовъ, никого не удовлетворивъ, можетъ повести къ крестьянскимъ волненіямъ, которыхъ такъ желали избѣгнуть. Поэтому правительство заранѣе заботилось объ установленіи сильной власти на мѣстахъ при объявленіи воли, въ цѣляхъ немедленнаго подавленія крестьянскихъ протестовъ. Этимъ объясняется, между прочимъ, составленіе проекта учрежденія временныхъ ген.-губернаторовъ, за который одно время упорно держался Императоръ Александръ II. Министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, будучи противникомъ

этого учрежденія, въ 1858 г. представилъ Александру II записку, составленную В. А. Арцимовичемъ, гдѣ докладывалась ненужность ген.-губернаторовъ. Александръ II остался очень недоволенъ запискою и сдѣлалъ на нее рядъ собственноручныхъ замѣчаній. Изъ нихъ видно, что уже въ то время Александръ II считалъ, что реформа не сможетъ удовлетворить крестьянъ, которые спокойны лишь *въ ожиданіи* реформы. По его мнѣнію, нужно заранѣе приготовиться къ крестьянскимъ волненіямъ, для чего и необходимы ген.-губернаторы. Государь выражалъ даже опасеніе за дальнѣйшее спокойствіе народа до конца выработки реформы, судя по доходящимъ до него свѣдѣніямъ. На указаніе записки, что „спокойствіе народа только тогда надежно, когда оно есть плодъ удовлетворенія законныхъ потребностей и всеобщаго довольства“, Александръ II замѣтилъ: „да, но къ несчастью, наше положеніе и административная организація еще далеки отъ этого“ [1]). — Какъ извѣстно, Александръ II отказался отъ учрежденія ген.-губернаторствъ, но фл.-адъютанты съ особыми полномочіями были разосланы на случай безпорядковъ. Такимъ образомъ еще наканунѣ объявленія воли Александръ II былъ уже убѣжденъ въ неудовлетворительности ея съ точки зрѣнія крестьянскихъ интересовъ и ожиданій, и въ неизбѣжности крестьянскихъ волненій.

Такъ какъ въ крестьянской реформѣ, какъ извѣстно, пришлось сыграть значительную роль и интеллигенціи, то необходимо сказать хотя нѣ-

---

[1]) А. А. Корниловъ «Крестьянская реформа въ калужской губ. стр. 31—37.

сколько словъ о значеніи для нея крестьянской борьбы съ крестьянскимъ правомъ.

Для интеллигенціи массовыя движенія крѣпостныхъ, протесты ихъ, всѣ тѣ признаки, которые такъ пугали дворянъ и правительство, служили могучимъ доказательствомъ необходимости торопиться съ отмѣною крѣпостного права. Но въ то время, какъ представители дворянства среди интеллигенціи, даже такіе, какъ Кошелевъ, со страхомъ говорили объ угрожающемъ государству и обществу народномъ возстаніи, соціалистическая интеллигенція, пользуясь указаніями на возможный взрывъ для воздѣйствія на правительство и дворянство, — сама видѣла въ немъ исходъ изъ труднаго положенія, если не послѣдуетъ отмѣны сверху. Еще нѣкоторые декабристы — эти первые революціонеры XIX вѣка — и часть петрашевцевъ видѣли въ народномъ возстаніи желанную грозу, которая прочиститъ душную крѣпостную атмосферу, если невозможно будетъ добиться этого болѣе мирными средствами. Герценъ былъ сторонникомъ той же идеи. Вся статья Герцена „Юрьевъ день, Юрьевъ день!“ написанная еще въ 1853 г., есть сплошной призывъ къ дворянамъ немедленно приступить къ освобожденію во избѣжаніе второй пугачевщины или укрѣпленія самодержавія, если освобожденіе будетъ дано съ высоты престола „Освобожденіе крестьянъ, писалъ Герценъ, необходимо, неотразимо, неминуемо.—Если вы не сумѣете ничего сдѣлать, они все-таки будутъ свободны, по царской милости или по милости пугачевщины... Страшна пугачевщина, замѣчаетъ Герценъ, но — скажемъ откровенно, если освобожденіе крестьянъ не можетъ быть куплено иначе, то и тогда оно не дорого ку-

плено. Страшныя преступленія влекутъ за собою страшныя послѣдствія". „Спасите себя отъ крѣпостного права и крестьянъ отъ той крови, которую они должны будутъ пролить", шлетъ Герценъ страстный призывъ къ дворянамъ изъ-за рубежа; „пожалѣйте дѣтей своихъ, пожалѣйте совѣсть бѣднаго народа русскаго. Но торопитесь,—время страдное, ни одного часа терять нельзя" [1]).

И послѣ того возможность народнаго возстанія, значеніе наростающихъ крестьянскихъ безпорядковъ, необходимость для удачнаго конца реформы народнаго представительства при выработкѣ Положенія, необходимость полнаго удовлетворенія народныхъ интересовъ постоянно выдвигались въ органахъ печати, издаваемыхъ Герценомъ и ставшихъ въ то время выразителями свободной русской мысли. Извѣстія о волненіяхъ крестьянъ всегда находили себѣ гостепріимный пріютъ на страницахъ „Колокола" и въ листкѣ „Подъ судъ". Въ „Колоколѣ" постоянно подчеркивалось, что если народные интересы будутъ удовлетворены, то при освобожденіи нельзя ожидать и крестьянскихъ волненій.

Изъ этого краткаго очерка мы видимъ, что хотя крестьяне и были устранены отъ участія въ выработкѣ реформы 19 февраля, но вліяніе ихъ на главныхъ участниковъ — правительство и дворянство—было громадно. Печать молчанія была наложена на народныя уста, шпицрутенами, кнутомъ, плетьми и каторгою расправлялись съ нимъ за его протесты противъ крѣпостного права, но языкъ фактовъ, которымъ говорилъ народъ — былъ настолько убѣдителенъ, страшенъ, что правительство

([1] А. И. Герценъ. Собраніе сочиненій, т. V, стр. 306, 308.

и дворянство должны были изъ страха передъ народнымъ возстаніемъ дѣлать уступки народнымъ требованіямъ. Конечно, борьба крестьянъ съ крѣпостнымъ правомъ не единственный факторъ, подготовившій паденіе крѣпостного права, но онъ несомнѣнно одинъ изъ наиболѣе важныхъ, подъ давленіемъ котораго шло отчасти развитіе крестьянскаго вопроса въ Россіи, и особенно—приступлено къ реформѣ и разработкѣ Положенія о крестьянахъ. Безъ изученія этого фактора не можетъ быть объяснено и понято, какъ начало, такъ и ходъ крестьянской реформы. Положеніе 19 февраля было выковано не только правительствомъ, дворянствомъ и интеллигенціей, но и самимъ народомъ. Не его вина, что это Положеніе такъ мало соотвѣтствуетъ его идеаламъ, его пониманію „воли". Можно сказать лишь, что еслибы крестьяне своей борьбой не оказали того вліянія, которое имъ пришлось оказать, то Положеніе 19 февраля было бы, пожалуй, еще менѣе удовлетворительнымъ, а очень можетъ быть, въ 50-хъ годахъ къ крестьянской реформѣ и не приступили бы.

И. Игнатовичъ.

Борьба съ крѣпостничествомъ въ русской художественной литературѣ.

I.

Восемнадцатый вѣкъ.

Нападки на крѣпостничество въ русской художественной литературѣ начинаются вмѣстѣ съ возникновеніемъ этой послѣдней. Первый русскій писатель Кантемиръ—родоначальникъ нашей изящной словесности—являлся въ то же время и обличителемъ крѣпостного права. Въ знаменитой сатирѣ „На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ“ онъ не только осуждаетъ дурное отношеніе къ крѣпостнымъ, но и указываетъ то нравственное основаніе, которое приводитъ его къ этому осужденію—„плоть въ слугѣ твоемъ однолична“, говоритъ Кантемиръ, обращаясь къ праздному и жестокому владѣльцу, т. е. помѣщикъ и его крѣпостной равны другъ другу, какъ люди. Болѣе подробно развивается эта же мысль въ концѣ сатиры. Адамъ, говорится здѣсь, дворянъ не родилъ, но одному сыну поручилъ копать садъ, а другому пасти скотину; Ной въ своемъ ковчегѣ спасъ равныхъ между собою людей — „простыхъ земледѣтелей, нравами лишь славныхъ“: отъ нихъ мы и произошли, причемъ одни раньше оставили дудку и соху, а другіе позднѣе. Такимъ образомъ Кантемиръ, какъ можно видѣть изъ этой

сатиры, является принципіальнымъ сторонникомъ равенства между сословіями. Понималъ ли онъ, что самый институтъ крѣпостного права по существу своему противорѣчитъ понятію равенства? Прямого отвѣта на этотъ вопросъ мы не находимъ въ творчествѣ перваго русскаго писателя, но горячее его сочувствіе тяжелому положенію закрѣпощеннаго народа внѣ всякаго сомнѣнія.

Въ Елизаветинскую эпоху, время наибольшаго расцвѣта ложно-классическаго направленія, антикрѣпостническая тенденція въ русской литературѣ какъ будто бы прерывается. Но за то въ послѣдующій историческій періодъ, Екатерининскій, она проявляется уже весьма замѣтно. Этому способствуетъ цѣлый рядъ причинъ общественно-политическаго характера. Важнѣйшими изъ нихъ являются—изданіе Екатериной II „Наказа", въ которомъ хотя и слабо, но все-таки сказалось либеральное настроеніе Государыни въ крестьянскомъ вопросѣ, конкурсъ Вольно-экономическаго общества на тему о собственности крестьянъ, споры въ Комиссіи для составленія проекта новаго уложенія и наконецъ непрекращающіяся волненія крѣпостныхъ, ожидавшихъ, что за „вольностью дворянской" (знаменитый указъ Петра III, подтвержденный и Екатериной) должна послѣдовать вольность крестьянская. Все это привлекало къ крѣпостному праву вниманіе русскаго общества, а слѣдовательно и литературы, которая, оставаясь по формѣ ложно классической, являлась довольно-таки реальной по содержанію.

Въ отношеніи писателей второй половины XVIII вѣка къ интересующему насъ вопросу нетрудно замѣтить три теченія. Одни, какъ напримѣръ, авторы нѣкоторыхъ комическихъ оперъ и

главнымъ образомъ романовъ, жанра, самаго распространеннаго въ то время, явно идеализировали крѣпостное право, рисуя крестьянскую жизнь въ видѣ какой-то пасторали, другіе подобно Сумарокову и Екатеринѣ (ком. „О время!“) ограничивались случайными указаніями на частныя злоупотребленія помѣщиковъ, считая крѣпостничество нерушимымъ устоемъ русской государственности, и, наконецъ, третьи доросли до признанія полной нравственной несостоятельности этого института.

Къ сожалѣнію, условія историческаго момента, въ частности все усиливающаяся реакціонность внутренней политики императрицы, были таковы, что немногочисленнымъ представителямъ этой послѣдней группы часто приходилось маскировать свои истинные взгляды. Единственно, что они могли сдѣлать, избѣгая, изъ цензурныхъ соображеній, сужденій общаго характера, это избрать несовершенства крѣпостничества мишенью для своихъ постоянныхъ, хотя бы касающихся только частныхъ проявленій зла, нападокъ. Изъ такихъ писателей, прежде всего, необходимо назвать Н. И. Новикова. Его журналы „Трутень“ (1770 г.) и „Живописецъ“ (1772 г.) по силѣ и блеску сатирическаго одушевленія превосходили все существовавшее до сихъ поръ въ этомъ родѣ въ русской литературѣ XVIII вѣка. Изъ извѣстной полемики „Трутня“ со вдохновляемой Императрицей „Всякой всячиной“ явствуетъ, какъ серьезно смотрѣлъ Новиковъ на задачи честной сатиры. Придавая ей значеніе гражданскаго служенія, неугомонный писатель касался самыхъ разнообразныхъ недостатковъ общества: онъ велъ на страницахъ своихъ журналовъ борьбу съ своекорыстіемъ и

мотовствомъ придворныхъ вельможъ, съ неправосудіемъ и взяточничествомъ екатерининскихъ судовъ, съ грубымъ произволомъ мѣстной администраціи и вообще чиновничества, со слѣпой французоманіей многочисленныхъ щеголей и щеголихъ, не только перенимавшихъ заграничныя моды, но и отличавшихся очень дурной нравственностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ Новиковъ былъ первымъ писателемъ, систематически наносившимъ удары крѣпостному праву. Это нетрудно доказать общимъ обзоромъ содержанія „Трутня“ и „Живописца“. Спѣшимъ оговориться, что при этомъ обзорѣ мы будемъ имѣть въ виду только первыя части Новиковскихъ журналовъ, такъ какъ ихъ вторыя части, въ виду административныхъ стѣсненій, сулившихъ скорое закрытіе, отнюдь не выражаютъ свободныхъ мнѣній свободнаго гражданина и являются только блѣдною тѣнью былой опредѣленности сужденій. Прямо-таки поражаютъ тѣ настойчивость и постоянство, съ которыми Новиковъ возвращается къ обличеніямъ крѣпостного права. Въ I части „Трутня“ изъ 36 листовъ (номеровъ) въ 10-ти затрагивается эта тема; въ I-ой же части „Живописца“ изъ 26 листовъ въ 9-ти. Такимъ образомъ изъ 62 (36+26) листовъ въ 19-ти Новиковъ трактуетъ о тяжеломъ положеніи закрѣпощеннаго народа, посвящая иногда крестьянскому вопросу длинныя, занимающія весь номеръ статьи. Въ итогѣ получается довольно внушительный процентъ (30,6%), и это при условіи, что къ обличеніямъ крѣпостного права „большіе бояре“ т. е. знатные вельможи, имѣвшіе вліяніе и на императрицу, относились особенно нетерпимо, такъ какъ боялись, что не только упраздненіе, но даже и ограниченіе его сильно ударитъ ихъ по кар-

жану. Новиковъ хорошо понималъ, что изготовляемыя въ его сатирической лабораторіи блюда „очень солоны, и для нѣжныхъ вкусовъ благородныхъ господъ горьковаты“, однако неудовольствіе ихъ готовъ былъ игнорировать, и не его вина, если обстоятельства оказались сильнѣе, и онъ принужденъ былъ сначала смягчить тонъ своихъ статей и затѣмъ и вовсе прекратить ихъ печатаніе. Вернемся однако, къ содержанію антикрѣпостнической сатиры Новикова. Въ его журналахъ мы находимъ цѣлую галлерею помѣщиковъ, принципіально отстаивающихъ необходимость дурного обращенія съ крестьянами на томъ основаніи, что они являются какъ бы совершенно особой породой людей, во всемъ отличной отъ дворянъ и приближающейся къ животнымъ. Такъ *Змѣянъ* (6-ой листъ „Тр.“) „надсѣдаясь кричитъ“, что всякій помѣщикъ долженъ быть тираномъ своихъ крѣпостныхъ, не оказывать имъ ни малѣйшаго снисхожденія, содержать ихъ голодными, нагими и босыми, такъ какъ жестокость необходимое условіе порядка и послушанія, *Безразсудъ* (24-й листъ „Тр.“) держится того мнѣнія, „что крестьяне не суть человѣки, но крестьяне, а что такое крестьяне, о томъ знаетъ онъ только потому, что они крѣпостные его рабы“, и какъ таковые, только для того и сотворены, чтобы, претерпѣвая всякія лишенія, и днемъ и ночью работать на своего барина; *Злорадъ* (27-ой листъ „Тр.“) готовъ называть тѣхъ помѣщиковъ скотами, „кои слугъ своихъ и крестьянъ не считаютъ скотами“; каково его обращеніе съ крѣпостными можно видѣть изъ того, что онъ утверждаетъ, что рабамъ жестокость и наказаніе такъ же нужны, какъ дневная пища; кичащійся своею породою

Недоумъ (23-й листъ „Тр.“) трясется, какъ въ лихорадкѣ, при одномъ упоминаніи о крестьянахъ; онъ негодуетъ на судьбу, опредѣлившую ему пользоваться тѣмъ же воздухомъ, солнцемъ и мѣсяцемъ, какъ и простой народъ; его задушевное желаніе, чтобы „на всемъ земномъ шарѣ не было другихъ тварей, кромѣ благородныхъ, и чтобъ простой народъ совсѣмъ былъ истребленъ“.

Разсматривая подобныхъ принципіальныхъ крѣпостниковъ, какъ одержимыхъ особымъ недугомъ, Новиковъ предлагаетъ рецепты для леченія ихъ болѣзни, одному онъ совѣтуетъ привить достаточную мѣру здраваго смысла и разсудка: тогда ему будетъ ясно, что похвальнѣе быть человѣкомъ низкаго происхожденія, но полезнымъ государству, „нежели знатной породы тунеядцемъ, извѣстнымъ только по глупости, дому, экипажамъ и ливреѣ“; другому предлагаетъ ежедневно разсматривать господскія и крестьянскія кости, не найдетъ ли между ними разницы—смѣлая вылазка противъ традиціоннаго дѣленія людей на бѣлую и черную кость.

Интересно выяснить, считалъ ли Новиковъ взгляды Безразсуда и ему подобныхъ общераспространенными, или же находилъ, что ихъ придерживаются только отдѣльные черезчуръ ужъ дикіе и нравственно неразвитые помѣщики. Въ иныхъ случаяхъ сатирикъ, повидимому, склоняется къ послѣднему рѣшенію: описавъ уже извѣстнаго намъ Змѣяна, онъ говоритъ, что если бы всѣ дворяне брали примѣръ съ этого чудовища „то бы не было у насъ, кромѣ мучителей и мучениковъ. Благоразумный Миренъ не слѣдуетъ мнѣнію Змѣянову и совсѣмъ отмѣнно съ подвластными себѣ обходится“. Однако, подобнаго рода

смягченія только что нарисованныхъ мрачныхъ картинъ едва ли не являются вынужденными, продиктованными опасеніемъ черезчуръ ужъ раздражить власть имущихъ. По крайней мѣрѣ въ лучшей изъ своихъ сатиръ, посвященныхъ обличенію крѣпостничества, Новиковъ совершенно опредѣленно высказываетъ ту мысль, что помѣщичьи злоупотребленія являются обычнымъ явленіемъ. Мы говоримъ, о знаменитомъ „Отрывкѣ путешествія въ***“ нѣкоего И. Т.“ (5 листъ „Живописца“). Авторъ „Отрывка“ совершенно категорически высказывается въ томъ смыслѣ, что крайняя жестокость помѣщиковъ въ отношеніи крестьянъ грустный, но, увы, общераспространенный фактъ. „И. Т.“ разсказываетъ, что въ теченіе трехдневнаго своего путешествія онъ „останавливался во *всякомъ* почти селѣ и деревнѣ“ и находилъ, „*повсюду*“ въ образѣ крестьянъ только „бѣдность и рабство“; „И. Т“. не пропускалъ *ни одного* селенія, „чтобы не разспрашивать о причинахъ бѣдности крестьянъ. И слушая ихъ отвѣты, къ великому огорченію, *всегда* находилъ, что помѣщики сами были тому виною“. И тоскливый возгласъ срывается съ устъ автора: „О человѣчество! тебя не знаютъ въ сихъ поселеніяхъ. О господство! ты тиранствуешь надъ подобными тебѣ человѣками“. Такой взглядъ неминуемо приводитъ къ выводу, котораго въ глубинѣ души не могъ не сдѣлать столь чуткій и проницательный писатель, какъ Новиковъ,—разъ *повсюду* и *всегда* помѣщики мучительствуютъ надъ крестьянами, то единственнымъ исходомъ изъ создавшагося положенія можетъ быть только уничтоженіе самаго крѣпостного права. Характеренъ также эпиграфъ второго изданія „Трутня“: „они работаютъ, а вы ихъ трудъ ѣдите“. Въ этихъ

словахъ принципіальное осужденіе крѣпостничества чувствуется очень опредѣленно; ими Новиковъ клеймитъ тотъ порядокъ, при которомъ одно сословіе можетъ паразитствовать на счетъ другого. Такимъ образомъ рѣчь уже идетъ не о частныхъ злоупотребленіяхъ помѣщиковъ, а о нравственной несостоятельности крѣпостного права вообще. Въ этомъ какъ разъ и заключается коренное отличіе Новикова отъ Сумарокова, Екатерины и другихъ писателей подобнаго типа. Въ это время, какъ они стремились къ искорененію отдѣльныхъ, и какъ имъ казалось, довольно рѣдкихъ случаевъ, помѣщичьяго произвола, Новиковъ, исходя изъ убѣжденія, что помѣщичій произволъ—явленіе общее, хорошо, по всей вѣроятности, сознавалъ, хотя, по понятнымъ соображеніямъ, и не рѣшался высказывать своего мнѣнія, что одними палліативами тутъ не поможешь, нужно вырвать зло съ корнемъ. Впечатлѣніе отъ антикрѣпостнической тенденціи Новиковскихъ журналовъ усугубляется тѣмъ, что въ нихъ довольно много чисто бытовыхъ картинъ, рисующихъ жизнь закрѣпощеннаго народа. Лучшими статьями въ этомъ отношеніи являются переписка старосты Андрюшки съ бариномъ Григоріемъ Сидоровичемъ, выдержанная въ строго реальныхъ тонахъ и носящая прямо-таки документальный характеръ (26 и 30-й листы „Трутня“) и хватающее за душу описаніе деревни Разоренной въ „Отрывкѣ путешествія И. Т.“

Не измѣнилъ себѣ Новиковъ и во второй періодъ своей журнальной дѣятельности, когда онъ подъ вліяніемъ глубокаго душевнаго перелома сдѣлался масономъ. Въ его новыхъ изданіяхъ, каковы „Вечерняя заря“ (1782 г.) и „Покоющійся Трудолюбецъ“ (1785 г.) также проявляется анти-

крѣпостническая тенденція. Помимо обще-теоретическихъ разсужденій, обычныхъ для масоновъ, о томъ, что всѣ люди рождены отъ того же сѣмени, дышатъ однимъ и тѣмъ же воздухомъ, такъ же живутъ и умираютъ, что „всякій государь происходитъ отъ раба, и всякій рабъ отъ государей“ („Письма Сенеки къ Луцилію“), въ нихъ встрѣчаются и прямыя указанія на русскую жизнь. Въ стих. „Быль“ („Веч. заря“) изображенъ баринъ, дурно обращающійся съ усерднымъ крѣпостнымъ слугою. Послѣдній однажды пытается урезонить своего мучителя и въ отвѣтъ на брань „хамово племя“, заявляетъ: „а вы хоть рождены отъ Іафета или Сима, но я знаю, что Хамъ братъ Симу и Іафету, и я вамъ потому братъ“. Это разсужденіе слуги кажется барину обиднымъ; онъ, не умѣя опровергнуть его, обращается къ содѣйствію конюшни и плетей.

Въ „Покоющемся Трудолюбцѣ“ помѣщено стихотворное „Письмо къ другу“, одно изъ наиболѣе сильныхъ обличеній крѣпостного права въ литературѣ XVIII вѣка. Описавъ деревенскую жизнь и нарисовавъ нѣсколько картинъ сельской природы, авторъ переходитъ къ положенію крестьянъ. „Съ сердечной горестью, говоритъ онъ, гляжу на этихъ людей:

Они работою и зноемъ утомлены...
Трудяся для себя, но болѣе для насъ,
Отдохновенія едва-ль имѣютъ часъ;
Кровавый потъ они, трудяся, проливаютъ
И пищу нужную для насъ приготовляютъ.
Для нашей роскоши, для прихоти своей
Мы мучимъ, не стыдясь, подобныхъ намъ людей
Съ презрѣніемъ нѣкоимъ на ихъ труды
взираемъ,

Гордяся лѣностью, ихъ силы изнуряемъ...
Не ужъ-то будетъ вѣкъ одна для нихъ чреда—
Для пользы нашей жить, а намъ для ихъ вреда.
Не можетъ быть того. Творецъ сіе исправитъ.

Послѣднія слова не оставляютъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что Новиковъ по прежнему съ глубокимъ осужденіемъ относился къ крѣпостному праву.

Обзоръ журнальной дѣятельности Новикова приводитъ насъ къ убѣжденію, что въ его лицѣ русская общественность имѣла необыкновенно стойкаго, глубоко принципіальнаго и горячо убѣжденнаго борца противъ крѣпостничества. Не слѣдуетъ забывать также и того, что онъ былъ не только рыцаремъ пера и слова. Онъ пользовался всякою возможностью, чтобы отъ литературной пропаганды своихъ идей перейти къ ихъ практическому осуществленію. Достаточно вспомнить его широкую, народо-просвѣтительную дѣятельность, выразившуюся въ устройствѣ училищъ, популярномъ книгоиздательствѣ и цѣломъ рядѣ другихъ культурныхъ начинаній, тѣсно связанныхъ съ учрежденными имъ „Дружескимъ Обществомъ“ и „Типограф. Коммиссіей“. Гуманное же отношеніе Новикова собственно къ крестьянамъ наиболѣе ярко сказалось во время страшнаго голода 1787 г., когда, несмотря на ужасающіе размѣры бѣдствія, правительство, по словамъ кн. Щербатова, „на все сіе наихолоднѣйшимъ духомъ“ взирало, оставаясь „глухо и слѣпо и нечувствительно“ и не позаботилось сдѣлать „никакого распоряженія о прокормленіи народа, который составляетъ силу имперіи... который даетъ доходъ не только на нужды государственныя, но и на самый роскошъ“. А „роскошъ“, между тѣмъ, въ этомъ какъ разъ

году достигъ своего апогея: совершалась знаменитая поѣздка императрицы по Днѣпру, по берегамъ котораго были воздвигнуты фальшивыя деревни, окруженныя нарядно одѣтыми крестьянами, такъ какъ особой инструкціей предписывалось, чтобъ „никого въ разодранной одеждѣ не было“... То, чего не считало нужнымъ сдѣлать правительство, сдѣлала общественная инціатива, вдохновленная Новиковымъ, которому удалось съ помощью состоятельныхъ друзей создать широкую продовольственную организацію, оказавшую помощь до 100 селеніямъ казенныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого, Новикову, свободомысліе и популярность котораго давно уже раздражали Императрицу, пришлось безъ суда и слѣдствія, въ качествѣ „адскихъ замысловъ тонкаго плута“, подвергнуться на нѣсколько лѣтъ тюремному заключенію въ Шлиссельбургѣ...

Вскорѣ послѣ прекращенія сатирическихъ журналовъ Новикова, тщетно старавшагося обратить вниманіе правительства на невыносимо тяжелое положеніе закрѣпощеннаго народа, разразился кровавый пугачевскій бунтъ—грозное доказательство того, что чаша терпѣнія народнаго переполнилась, Пожаръ этотъ, едва не охватившій всю Россію. былъ залитъ потоками крестьянской крови. Крѣпостные должны были надолго смириться. Въ связи съ подавленіемъ бунта усиливается консервативность правительства. Это живо отражается и и на художественной литературѣ. Цѣлый рядъ изданій послѣдующаго за пугачевщиной десятилѣтія ни однимъ звукомъ не обмолвился о крѣпостномъ правѣ, а Пугачевщина, казалось, должна была обострить интересъ къ крестьянскимъ дѣламъ. Несомнѣнно, такъ оно и было, но литера-

тура и журналистика лишены были возможности высказаться. Однако мысль о пагубности крѣпостного права продолжаетъ зрѣть въ сознаніи лучшихъ представителей русской интеллигенціи. Это подтверждается тѣмъ, что въ 70-ые годы и въ началѣ 80-хъ годовъ появляется рядъ драматическихъ произведеній, затрагивающихъ весьма серьезно крестьянскій вопросъ.

Прежде всего, приходится отмѣтить среди массы пустыхъ, расчитанныхъ исключительно на то, чтобы разсмѣшить публику, комическихъ оперъ въ quasi народномъ духѣ, двѣ оперы, проникнутыя очень гуманнымъ настроеніемъ и довольно опредѣленной антикрѣпостнической тенденціей. Мы говоримъ о „Несчастіи отъ кареты“ Княжнина, пьесѣ, написанной въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ, очевидно подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ Новиковскаго „Трутня“ и о „драмѣ съ голосами“—„Розана и Любимъ“, принадлежащей перу Н. Николева и относящейся уже къ 1776 г. Яковъ Борисовичъ Княжнинъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, авторъ знаменитой трагедіи „Вадимъ“, которая по напечатаніи своемъ въ 1793 г., вызвала бурю негодованія въ сферахъ и по приговору сената, „яко наполненная дерзкими и зловредными противъ законной самодержавной власти выраженіями“, была публично сожжена рукою палача, не оставался безучастнымъ къ явленіямъ русской общественной жизни. Объ этомъ, какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ его опера, въ основѣ который лежитъ соціально-экономическій мотивъ. Участившіяся поѣздки русскихъ баръ за границу и заполненіе русскаго рынка французскими издѣліями и вообще произведеніями роскоши, вывезенными съ Запа-

да и находившими себѣ многочисленныхъ покупателей среди помѣстнаго дворянства, неминуемо должны были создать острую потребность въ деньгахъ, породившую стремленіе увеличить доходность имѣній. Вслѣдствіе этого гнетъ барщины, оброка и всевозможныхъ повинностей, лежавшихъ на закрѣпощенномъ народѣ, долженъ былъ возрасти, а матеріальное положеніе крестьянства ухудшиться. Живую иллюстрацію къ сказанному даетъ несложное содержаніе „Несчастья отъ кареты". Весь сюжетъ сводится къ слѣдующему: молодой крестьянинъ Лукьянъ влюбленъ въ деревенскую красавицу Анюту, Анюта въ него, приказчикъ Клементій также въ Анюту, помѣщикъ Фирюлинъ ярый французоманъ, въ карету, а „карета безденежно никого не любитъ". Поэтому Фирюлинъ требуетъ отъ приказчика денегъ. а приказчикъ пользуется случаемъ, чтобы раздѣлаться со своимъ соперникомъ Лукьяномъ: онъ приказываетъ схватить его и продать въ солдаты. Чистѣйшая случайность—знаніе нѣсколькихъ французскихъ словъ—спасаетъ влюбленныхъ.

Однако благополучный конецъ мало смягчаетъ тяжелое впечатлѣніе отъ этой пьесы, такъ какъ Фирюлинъ въ своемъ отношеніи къ крестьянамъ ничуть не мѣняется: когда старый Трофимъ благодаритъ его за дочь и называетъ отцомъ, то Фирюлинъ въ бѣшенствѣ кричитъ: „что это за тварь меня отцомъ называть смѣетъ? я не хочу такой свиньѣ отцомъ быть". Оперу Княжина, такимъ образомъ, нельзя не признать очень передовымъ, въ своемъ отношеніи къ крестьянскому вопросу, произведеніемъ. Если у насъ нѣтъ достаточно вѣскихъ основаній считать автора принципіальнымъ противникомъ крѣпостного права, то тѣмъ не

менѣе, быть можетъ, не вполнѣ сознанная, антикрѣпостническая тенденція „Несчастья отъ кареты“ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Съ неменьшимъ основаніемъ этотъ выводъ можно примѣнить къ „драмѣ“ Николева — „Розана и Любимъ“. Николай Петровичъ Николевъ былъ извѣстенъ въ XVIII не только какъ крупный по тому времени поэтъ, но и какъ на рѣдкость прямой смѣлый гражданинъ. Его біографъ Масловъ говоритъ немъ въ такихъ выраженіяхъ: „пусть укажутъ хотя на одного стихотворца россійскаго, который, какъ бы онъ, разительно говорилъ правду царямъ и вельможамъ“. Друзья Николева не разъ принимались убѣждать его, что такая смѣлость убѣжденій можетъ не пройти ему даромъ; однако, слѣпой поэтъ гордо отвѣчалъ, что онъ не страшится преслѣдованій сильныхъ, такъ какъ никакая темница не увеличитъ мрака его очей. А попытки подвергнуть его преслѣдованіямъ были: достаточно вспомнить извѣстную исторію съ его трагедіей „Сорена и Замиръ“, такъ напугавшей своимъ политическимъ вольномысліемъ московскаго главнокомандующаго Брюса. Воспитанный въ идеяхъ французской философіи, которая привела его ко взгляду, что всѣ люди братья, въ какомъ бы они положеніи ни находились, Николевъ не побоялся сказать смѣлую правду и по вопросу соціальному—объ отношеніи закоснѣвшаго въ своемъ крѣпостничествѣ дворянству къ порабощенному народу.

„Розана и Любимъ“ воспроизводитъ любовь крестьянской пары, которая едва не кончается трагически, такъ какъ Розану похищаетъ влюбившійся въ нее помѣщикъ Щедровъ. Въ пьесѣ Николева мы находимъ цѣлый рядъ драматическихъ поло-

женій, создаваемыхъ беззащитностью крестьянъ и всевластіемъ помѣщика. Особенно ярко изображено горе стараго солдата Излѣта, отца Розаны. Безысходная тоска смѣшивается въ его рѣчахъ со жгучимъ негодованіемъ: „такъ вотъ добродѣтели то знатныхъ бояръ; коли не разоряютъ сосѣдей, такъ увозятъ дѣвокъ, не ставятъ за грѣхъ обезчестить бѣднаго человѣка, съ тѣмъ, чтобы бросить ему деньги. Не христіанинъ... не знаетъ онъ, что честь такъ же дорога и намъ! ахъ! какъ будто легко это отцу. (плачетъ)... мнѣ бы легче было видѣть ее въ гробу, нежели въ позорѣ... Боже мой! какое беззаконіе!“ На мгновеніе Излѣтъ пріободряется, вспомнивъ о томъ, что и надъ дворянами есть власть въ лицѣ государыни, защищающей угнетенную невинность. Но скептически настроеннный лѣсникъ спѣшитъ его расхолодить: „до Бога-то высоко, а до царя далеко, заявляетъ онъ, а когда тѣ хочется такъ поди сѣ пожалуй, знать ты еще у баръ то въ передѣлѣ не бывалъ, вить это, братъ, не подъ Туркомъ; тутъ какъ тѣ отдубасятъ, что развѣ инда-на-поди“.

Счастливая развязка пьесы не въ состояніи заглушить вызываемаго ею тяжелаго чувства. Она и малоестественна и въ значительной степени случайна, такъ какъ милосердіе Щедрова, отпустившаго, въ концѣ концовъ, похищенную Розану, несомнѣнно, должно быть отнесено къ области исключеній изъ общаго правила. Даже враждебно настроенный Излѣтъ признаетъ, что Щедровъ—самый „честный и хвальной сосѣдъ во всемъ околодкѣ“. Николевъ, очевидно, очень хорошо понималъ, что относительно благородное поведеніе Щедрова, нельзя обобщать, потому то въ своей драмѣ онъ

сдѣлалъ нѣсколько рѣзкихъ выпадовъ по адресу отрицательныъ сторонъ крѣпостничества вообще. Такъ Розана, разсматривая пойманную Любимомъ рыбу, сравниваетъ свою приказчицу „проклятую вѣдьму“ со щукой, такъ какъ она „кромѣ своего брюха, ничего не любитъ. Приказчики да приказчицы,—то-то ужъ воры наголо: съ насъ дерутъ, а у господъ крадутъ. Отъ всего грѣютъ руки“. Здѣсь уже на лицо безусловное обобщеніе, относящееся, правда, только къ хозяйничанію управителей. Однако, въ пьесѣ Николева есть одно весьма опредѣленное указаніе на тяжелое положеніе крестьянъ подъ властью непосредственно помѣщиковъ, проистекающее отъ противоположности интересовъ тѣхъ и другихъ, сказывающейся рѣшительно во всемъ. Псари Щедрова, этого-то честнаго и хвальнаго барина, поютъ про свое житье-бытье такую пѣсню:

Барское счастіе—наше несчастіе,
Барское ведро—наше ненастье.
Ихъ забота—
Наша сухота
Ихъ забава—
Наша отрава;
Ихъ бѣда—
Хлѣбъ да вода;
Хлѣбъ да вода—
Наша ѣда;
Затѣи да холя—
Боярская доля;
Наша холя—
Милая воля.

Здѣсь Николевъ въ сущности договорился до того, что составляло завѣтную мечту закрѣпощеннаго народа—до „милой воли“.

Не прошелъ безъ вниманія мимо интересующаго

насъ вопроса и крупнѣйшій драматическій писатель Екатерининской эпохи Денисъ Ивановичъ Фонвизинъ. Къ 70-мъ годамъ относятся совмѣстныя съ гр. Никитой Панинымъ занятія Фонвизина по разработкѣ проекта конституціи въ Россіи. „Введеніе“ къ проекту, написанное Фонвизинымъ, дошло до нашихъ дней. Придерживаясь теоріи естественнаго происхожденія власти и признавая за народомъ право возставать противъ тираніи, авторъ говоритъ о различныхъ формахъ государственнаго правленія, при чемъ высказываетъ свои недоумѣнія по поводу Россіи, которая не обладаетъ признаками ни деспотіи, ни монархическаго государства, ни аристократіи. На демократію, продолжаетъ онъ, тѣмъ болѣе „не можетъ походить страна, въ которой народъ живетъ во тьмѣ глубокаго невѣжества и безмолвно влачитъ то жестокое рабство, гдѣ человѣкъ одного состоянія имѣетъ право быть вмѣстѣ истцомъ и судьей надъ человѣкомъ другого состоянія, гдѣ каждый, слѣдовательно, можетъ быть или *тиранъ или жертва*“. Выходъ изъ такого печальнаго положенія вещей авторъ проекта видитъ въ установленіи конституціи съ аристократическомъ оттѣнкомъ („основать политическую свободу сначала для одного дворянства“); вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ считаетъ необходимымъ постепенное освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей. Таковы были общественно-политическіе взгляды Фонвизина. Они не могли не отразиться и на его художественномъ творчествѣ, въ которомъ первое мѣсто занимаетъ комедія „Недоросль“. Несомнѣнная прогрессивная настроенность, крупное художественное дарованіе, огромный комическій талантъ, соединившись въ одномъ лицѣ, породили драматическое произведеніе, чуть ли не каждое

явленіе котораго, по справедливому замѣчанію Н. А. Котляревскаго, можно расширить до цѣлаго трактата на самую серьезную общественную тему. Значеніе комедіи Фонвизина въ лѣтописяхъ антикрѣпостнической литературы очень велико. Начать съ того, что авторъ, безъ всякаго тенденціознаго устремленія, путемъ ряда какъ-бы вскользь брошенныхъ замѣчаній рисуетъ цѣлую картину отношеній между „жертвами“ и „тиранами“.

Развѣ не безподобна знаменитая реплика Простаковой по поводу больной Палашки: „Лежитъ Ахъ, она бестія! Лежитъ! какъ благородная... Бредитъ, бестія! Какъ будто благородная“. Въ этомъ принципіальномъ отрицаніи права крѣпостного человѣка даже на болѣзнь отражается цѣлое жизненное міровоззрѣніе, поразительное по своему беззастѣнчивому эгоизму, отсутствію даже элементарной справедливости и гуманности. Оно приводитъ Простакову къ тому, что она, по собственному признанію, „съ утра до вечера, какъ за языкъ повѣшана“, рукъ не покладаетъ, то бранится, то дерется; имъ объясняется своеобразное толкованіе ею указа о вольности дворянской, который якобы даетъ власть помѣщику „поколотить слугу, когда захочетъ“; оно лежитъ въ основѣ откровеннаго заявленія Скотинина, что къ свиньямъ у него больше лежитъ сердце, чѣмъ къ людямъ, и что всякій убытокъ онъ сдираетъ съ своихъ крестьянъ. Однако Фонвизинъ только отчасти имѣлъ въ виду указать въ своей комедіи на отрицательныя стороны крѣпостного права; главная же его цѣль заключалась въ томъ, чтобы показать нравственный и умственный уровень сословія, за которымъ власть тогда такъ ухаживала, считая его лучшимъ проводникомъ и просвѣщенія и

гуманности. Къ какимъ же выводамъ пришелъ въ этомъ отношеніи Фонвизинъ? „Самый смѣлый человѣкъ своего вѣка“ — „онъ произвелъ безпощадную расправу“ съ привиллегированнымъ классомъ. Передъ нами цѣлое дворянское гнѣздо со старшимъ поколѣніемъ — въ лицѣ старика Скотинина, скупца, умершаго на сундукѣ съ награбленными деньгами, и его жены изъ рода Приплодиныхъ, подарившей его 18-ю дѣтьми, среднимъ — въ лицѣ Простаковой и Тараса Скотинина и младшимъ — въ лицѣ безподобнаго Митрофана. „Полный умственный мракъ въ семьѣ, — такъ характеризуетъ это гнѣздо проф. Котляревскій, — ослабленіе всѣхъ... семейныхъ узъ, свободное развитіе и удовлетвореніе всѣхъ животныхъ инстинктовъ, порожденныхъ обезпеченнымъ положеніемъ и праздностью, отрицаніе за человѣкомъ, стоящимъ ниже себя, всякаго достоинства личности, кулачная расправа, какъ доказательство своей правоты, и, наконецъ, самый открытый цинизмъ въ отношеніи къ крестьянамъ, — вотъ какой перечень дворянскихъ грѣховъ развернулъ сатирикъ передъ зрителемъ, въ то время, какъ носители этихъ грѣховъ пользовались самымъ привиллегированнымъ положеніемъ“. И такимъ людямъ власть ввѣрила опеку надъ безотвѣтной крестьянской массою — невольно напрашивается антикрѣпостническій выводъ! Только тому счастливому обстоятельству обязанъ Фонвизинъ своимъ спасеніемъ отъ правительственныхъ репрессій, что его не вполнѣ поняли. Съ другой стороны, здѣсь не осталась, вѣроятно, безъ вліянія та хитрость, къ которой прибѣгъ авторъ, сказавъ нѣсколько комплиментовъ по адресу бдительнаго правительства и благомыслящихъ людей въ родѣ Стародума, Правдина и

Милона. Напрасно нѣкоторые изслѣдователи, полагаютъ, что, вводя въ число дѣйствующихъ лицъ комедіи чиновника намѣстничества Правдина, который своимъ вмѣшательствомъ прекращаетъ тиранническое управленіе г-жи Простаковой, Фонвизинъ подрываетъ свое обличеніе. Власть Правдина настолько невелика, что онъ едва можетъ справиться съ г-жей Простаковой; по адресу же Скотинина, обращающагося со своими крѣпостными еще хуже, онъ ограничивается только предупрежденіемъ, чтобы онъ и его родня не смѣли „трогать“ своихъ крестьянъ. Насколько скептически относился авторъ „Недоросля“ къ такого рода увѣщаніямъ, видно хотя бы изъ того, что шесть лѣтъ спустя онъ предполагалъ помѣстить въ своемъ журналѣ „Стародумъ или другъ честныхъ людей“, кстати сказать, не разрѣшенномъ Екатериной, „Письмо Скотинина къ Простаковой“, въ которомъ тотъ, извѣщая сестру о смерти любимой свиньи, объявляетъ о своемъ намѣреніи заняться исправленіемъ нравовъ своихъ крестьянъ, для чего, не теряя даромъ словъ, собирается прибѣгнуть къ березѣ. „Всегдашняя склонность моя,—читаемъ въ письмѣ,—влекла меня къ строгости. Лишаясь моей Аксиньи (имя свиньи), не буду знать ни пощады, ни жалости, а тамъ пусть со мною будетъ, что будетъ. Я хочу, чтобъ дѣйствіе надо мною столь великой потери ощутили всѣ тѣ, кои отъ меня зависятъ. Ты знаешь, матушка, что всякую мою досаду, кольми паче несчастье, надъ людьми моими вымещаю, и если между твоими крѣпостными найдутся такіе, коихъ нравъ исправлять надобно моимъ манеромъ, то присылай ко мнѣ; а я на свою руку охулки не положу, и всегда радъ тебѣ доказывать, что я твой достойный братъ“.

Отрицательное отношеніе немногихъ передовыхъ людей къ крѣпостному праву, столь ярко сказавшееся въ журналахъ Новикова и въ „Недорослѣ“, къ срединѣ 80-хъ годовъ какъ будто бы нѣсколько усиливается; оно уже начинаетъ изъ области сознанія переходить въ область чувства, изъ головы попадаетъ въ сердце и создаетъ яркій лирическій протестъ противъ этого вопіющаго зла русской жизни. Говоря о чисто лирическихъ стихотвореніяхъ, обличающихъ крѣпостничество, прежде всего приходится упомянуть объ одахъ В. Капниста. Первая изъ нихъ „На рабство“ была написана по поводу прикрѣпленія Малороссійскихъ крестьянъ (1783 г.) — одной изъ самыхъ реакціонныхъ мѣръ императрицы Екатерины II, которая до своего воцаренія утверждала, что „свобода—душа всего въ свѣтѣ“ и что „противно христіанской вѣрѣ и справедливости дѣлать людей невольниками“, сдѣлавшись же императрицей не только ухудшила положеніе великорусскихъ крестьянъ, запретивъ имъ жаловаться на своихъ помѣщиковъ и предоставивъ послѣднимъ право ссылать своихъ людей на каторгу, но и безъ всякой надобности закрѣпостила малороссійскихъ. Украинецъ по происхожденію, свободомыслящій человѣкъ по умственному складу, Капнистъ не могъ равнодушно отнестись къ закрѣпощенію родного народа, хотя лично ему, какъ помѣщику 6000 душъ, прикрѣпленіе крестьянъ было очень выгодно. Свою душевную скорбь и свое негодованіе онъ и излилъ въ одѣ „На рабство“ — стихотвореніи, которое по силѣ и глубинѣ проникающаго его чувства, по красотѣ и художественности формы является однимъ изъ лучшихъ во всей поэзіи XVIII вѣка. Въ первой

строфѣ, согласно правиламъ ложно-классической теоріи, содержится обращеніе къ лирѣ:

Пріемлю лиру, мной забвенну.
Отру лежащу пыль на ней:
Простерши руку, отягченну
Желѣзныхъ бременемъ цѣпей,
Для пѣсенъ жалобныхъ настрою...

Начало въ высшей степени знаменательное: поэтъ, не будучи крѣпостнымъ, и себя считаетъ невольникомъ — его руки отягчены „желѣзныхъ бременемъ цѣпей". Слѣдовательно, не одно рабство крестьянъ имѣетъ онъ въ виду—несомнѣнно, что Капнистъ думаетъ о рабствѣ всего народа, разсматривая его, какъ одно изъ слѣдствій тогдашняго строя: въ его словахъ чувствуется, можетъ быть, не вполнѣ сознанный, но съ неизбѣжностью вытекающій изъ цитированной строфы протестъ противъ основъ существовавшаго въ то время общественнаго порядка.

Въ послѣдующихъ строфахъ авторъ, нарисовавъ картину своей порабощенной родины, этой „скорбной вдовицы", говоритъ:

Гдѣ благо, счастіе народно,
Со всѣхъ сторонъ текли свободно,
Тамъ рабство ихъ отгонитъ прочь.—
Увы! судьбѣ угодно было,
Одно чтобъ слово превратило
Нашъ ясный день во мрачну ночь.

Это „слово" произнесено было высшей властью, а потомъ поэтъ обращается съ суровой отповѣдью земнымъ владыкамъ:

А вы, Цари! на толь Зиждитель
Своей подобну власть вамъ далъ,
Чтобы во областяхъ подвластныхъ,
Изъ счастливыхъ людей несчастныхъ

И зло, изъ общихъ благъ творить?
На толь даны вамъ скиптръ, порфира,
Чтобъ были вы бичами міра,
И вашихъ чадъ могли губить?

Въ этихъ словахъ чувствуются удивительныя для того времени рѣзкость и смѣлость политической мысли.

Если бы Капнистъ имѣлъ въ виду только высказывать свое отрицательное отношеніе къ извѣстному законодательному акту, онъ и закончилъ бы здѣсь свою оду, но поэту, повидимому, хотѣлось, чтобы она могла имѣть какіе-нибудь практическіе результаты, вслѣдствіе этого во второй части ея онъ дѣлаетъ попытку обратиться къ добрымъ чувствамъ Екатерины, не останавливаясь даже передъ горячими похвалами по ея адресу. Онъ надѣется, что „подъ мнимымъ гнетомъ бѣдствій сихъ“ таятся новыя блага, т. е. императрица вернетъ свободу Малороссіи. Насколько несбыточными были такія надежды — это само собой ясно. Ода „На рабство“ въ царствованіе Екатерины не могла даже появиться въ печати, такъ какъ, по словамъ Державина, сообщавшаго Капнисту о своихъ переговорахъ съ кн. Дашковой, которая желала помѣстить ее въ „Собесѣдникѣ“: „для твоей пользы напечатать и показать напечатанную оду императрицѣ не годится и со здравымъ разсудкомъ не сходно“. Если бы Капнистъ все-таки не согласился съ доводами „здраваго разсудка“, то, надо думать, ему дорого пришлось бы поплатиться за свою смѣлость. Зато никакихъ возраженій уже не вызывало напечатаніе другой, болѣе мирной по своему настроенію оды его „На истребленіе въ Россіи званія раба“, написанной по поводу состоявшагося въ 1786 г.

запрещенія подписываться подъ ходатайствами на имя государыни словомъ „рабъ“, которое Капнистъ принялъ за первый шагъ въ дѣлѣ раскрѣпощенія массъ народныхъ..

Съ анти-крѣпостническими мотивами мы встрѣчаемся также въ извѣстной одѣ Радищева „Вольность“. Народъ, низвергнувши тирана-притѣснителя, судитъ его и въ длинномъ перечнѣ винъ указываетъ, между прочимъ, на закрѣпощеніе сельскаго населенія. Вмѣсто того, чтобы создать такой порядокъ, при которомъ, жатва была бы полезна своему пахарю, и онъ не чувствовалъ бы себя наемникомъ своей борозды и плѣнникомъ своихъ пажитей, тиранъ сталъ гнушаться народомъ, срывать съ него послѣднее рубище, чтобы одарить лѣниваго любимца или „жену чуждающуюся чести“. Приговоръ, изрекаемый такому властителю очень суровъ.

Освобожденная отъ многолѣтняго и тяжелаго рабства страна быстро возрождается къ новой радостной жизни:

...Духъ свободы, разоряя
Вознесшійся неволи гнетъ,
Въ градахъ и селахъ пролетая,
Къ величію онъ всѣхъ зоветъ,
Живитъ, родитъ и созидаетъ,
Препоны на пути не знаетъ...

Въ особенности ярко благодѣтельное вѣяніе свободы сказывается въ деревнѣ, еще недавно закрѣпощенной и бѣдствующей. Пастухъ, который по принужденію пасъ стадо своего „господа“ и совершенно не заботился о животныхъ,—съ тѣхъ поръ, какъ они сдѣлались его собственностью, бережно ихъ охраняетъ, рискуя своей жизнью. Крестьянинъ, получавшій съ нивы лишь скудные

урожаи, теперь собираетъ тучную жатву—ибо „*себѣ* всякъ сѣетъ, себѣ жнетъ“.

Неизмѣримо улучшилось и семейное положеніе земледѣльца: онъ теперь женится не по барскому приказу, „невинныхъ жертвъ чтобъ размножалъ“, а по собственному выбору, слѣдуя голосу одной только любви.

Лирическимъ протестомъ противъ крѣпостного права проникнутъ и сравнительно недавно опубликованный (1895 г.) „Плачъ холоповъ прошлаго вѣка“. Этотъ любопытный полу-народный, полукнижный памятникъ, несомнѣнно, сложился подъ впечатлѣніемъ непосредственныхъ наблюденій надъ крестьянской жизнью. Болѣе того, авторъ „Плача“, по всей вѣроятности, принадлежалъ къ простонародной массѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ слогъ и языкъ памятника, а потому его произведеніе, въ значительной степени, можетъ быть разсматриваемо, какъ голосъ того самаго общественнаго класса, который уже нѣсколько вѣковъ задыхался подъ игомъ крѣпостничества. Безпросвѣтною тоскою полны первыя строфы „Плача“:

„О! горе намъ, холопамъ за господами жить!
И не знаемъ, какъ ихъ свирѣпству служить!..
О, горе намъ, хлопамъ, отъ господъ и бѣдство!
А когда прогнѣвишь ихъ, такъ отымутъ и отцовское наслѣдство“.

Автору представляется, что если даже пройдешь всю вселенную — нигдѣ не встрѣтишь „такова житья мерзкова“. И это мерзкое житье становится все тяжелѣе: „господа перестаютъ вѣрить слугамъ, ни въ чемъ и никогда“, попрекаютъ своимъ хлѣбомъ, за украденный „господскій грошъ“ готовы убить крѣпостного, „какъ вошь“. На заступниче-

ство правительства надѣяться не приходится—оно держитъ руку дворянъ:

„Бояринъ умертвитъ слугу, какъ мерина,—
Холопьему доносу и въ томъ вѣрить не велѣно:
Неправедны судьи составили указъ,
Чтобъ сѣчь кнутомъ тирански за то насъ.
Въ свою нынѣ пользу законы перемѣняютъ.
Холопей въ депутаты зачѣмъ не выбираютъ?..“

Нѣсколько страненъ идеалъ, рисуемый авторомъ на случай освобожденія: получившіе волю холопы составили бы между собой военное сообщество—

„Всякую неправду стали бы выводить
И злыхъ господъ корень переводить“.

Однако, говоритъ авторъ, „всѣ мы въ немилосердныхъ рукахъ связаны“; и у разоренныхъ крестьянъ и запуганныхъ дворовыхъ „не выходитъ изъ головы господскій страхъ“; только и остается просить смерти у Бога:

„Господи нашъ Боже!
Дажь въ небесномъ твоемъ поле ложе!
Ты бо нашъ творецъ:
Сдѣлай бѣднымъ одинъ конецъ!“

Эта безпросвѣтная картина крестьянской жизни, создавшаяся въ народныхъ „низахъ“, служитъ вѣскимъ опроверженіемъ мнѣнія тѣхъ изслѣдователей, которые упрекаютъ писателей екатерининскаго времени въ тенденціозномъ сгущеніи красокъ. Отношеніе народа къ своему житью-бытью, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ цитатъ, было гораздо пессимистичнѣе, чѣмъ отношеніе литературы.

Только-что разсмотрѣнная нами ода „Вольность“ была только эпизодомъ въ литературной

дѣятельности Радищева. Онъ даже не пытался напечатать ее отдѣльно, но въ подробныхъ извлеченіяхъ и пересказѣ помѣстилъ въ одной изъ главъ своего „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“, которое является главнымъ и имѣющимъ наибольшее литературное и общественное значеніе трудомъ его жизни. Не касаясь философско-религіозныхъ и общеполитическихъ взглядовъ Радищева, которые онъ высказываетъ въ своемъ сочиненіи, такъ какъ первые имѣютъ лишь отдаленное отношеніе къ нашей темѣ, а со вторыми, всецѣло вытекающими изъ радикальныхъ теорій Руссо и Мабли, мы уже отчасти познакомились,—обратимся прямо къ картинамъ крестьянской жизни и помѣщичьяго произвола, столь многочисленнымъ въ „Путешествіи“. Эти картины таковы, что становится понятнымъ мрачный эпиграфъ сочиненія, символирующій крѣпостничество,—„чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лаяй“.

Прежде всего Радищевъ характеризуетъ *хозяйничанье* помѣщиковъ, всецѣло основанное на своекорыстномъ стремленіи выжать изъ мужика все, что только возможно.

Въ „Любани“ авторъ встрѣчаетъ крестьянина, пашущаго свою ниву въ воскресенье: оказывается, что мѣстный владѣлецъ завелъ у себя въ деревняхъ шестидневную барщину, заставляя крестьянъ сверхъ того по вечерамъ возить сѣно на господскій дворъ. Поэтому, чтобы не умереть съ голоду, имъ приходится работать на себя въ воскресенье и по ночамъ. Узнавъ объ этихъ порядкахъ, авторъ высказываетъ живѣйшую радость, что у него нѣтъ крѣпостныхъ и что поэтому его никто не проклинаетъ. Еще тяжелѣе положеніе крестьянъ тѣхъ деревень, которыя сданы въ аренду: „Наем-

никъ", т. е. арендаторъ, стремясь получить побольше дохода за время аренды, „деретъ съ мужиковъ кожу"; пожаловаться же на него некому. Не легко живется и такъ называемымъ „мѣсячникамъ", т. е. крестьянамъ, лишеннымъ всякой собственности и превращеннымъ въ батраковъ („Зайцево"). Содержаніе полуголодныхъ и одѣтыхъ въ лохмотья работниковъ, конечно, не вызываетъ много затратъ. Поэтому неудивительно, что при мѣсячинѣ помѣщикъ быстро богатѣетъ. Богатство, пріобрѣтенное цѣной крестьянскихъ слезъ и пота, до глубины души возмущаетъ автора. „Оно нажито грабежомъ и заслуживаетъ строгаго въ законѣ наказанія. Сокрушите орудія его земледѣлія, сожгите его риги, овины, житницы и развѣйте пеплъ по нивамъ, на нихъ же совершалося его мучительство" („Вышній Волочекъ"). При такомъ отношеніи помѣщиковъ къ благосостоянію своихъ крестьянъ неудивительно, что жизнь этихъ послѣднихъ протекаетъ въ самой гнетущей *бѣдности*, которая поистинѣ потрясающими красками изображена Радищевымъ въ главѣ „Пешки". А между въ крестьянахъ—восклицаетъ авторъ,—„почитается источникъ государственнаго избытка силъ, могущества... Тутъ видна алчность дворянства, грабежъ, мучительство наше и беззащитное нищеты состояніе. Звѣри алчные, піявицы ненасытныя, что крестьянину мы оставляемъ? то, чего отнять не можемъ—воздухъ. Да, одинъ воздухъ. Отъемлемъ нерѣдко у него не токмо даръ земли—хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ... Се жребіи заклѣпаннаго во узы, се жребіи заключеннаго въ смрадной темницѣ, се жребіи вола во ярмѣ"...

Кромѣ тяжелыхъ картинъ крестьянскаго разоренія, Радищевъ съ возмущеніемъ останавливается

на фактахъ полнаго непризнанія помѣщиками правъ человѣческой личности своихъ крестьянъ. Особое негодованіе автора вызываетъ *торгъ живымъ товаромъ*, описанный въ главѣ „Мѣдное“. Помѣщикомъ продаются въ одиночку наиболѣе близкіе его семьѣ слуги, связанные между собою узами близкаго родства. Здѣсь и 70-лѣтній старикъ, спасавшій барина отъ смерти, и его 80-лѣтняя нянька съ кормилицей, и, наконецъ, изнасилованная имъ дѣвушка, имѣющая отъ него ребенка. Случайно присутствовавшій при этой сценѣ авторъ спѣшитъ покинуть торги; на лѣстницѣ онъ встрѣчаетъ своего друга—чужестранца и совѣтуетъ ему возвратиться, чтобы „не быть свидѣтелемъ страшнаго позорища“, разъясняя ему попутно, что въ Россіи „всѣ тѣ, кто бы могъ свободѣ поборствовать, всѣ великіе вотчинники, и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно, но отъ самой тяжести порабощенія“. Здѣсь уже ясный намекъ на возможность насильственнаго упраздненія помѣщичьяго гнета.

Въ главѣ „Городня“, отмѣчаетъ Радищевъ это же возмутительное явленіе въ связи съ *рекрутчиной*. По дорогѣ ему пришлось встрѣтить „трехъ скованныхъ человѣкъ крѣпчайшимъ желѣзомъ“. Оказалось, что они принадлежали одному помѣщику, который, нуждаясь въ деньгахъ для покупки новой кареты, продалъ ихъ казеннымъ крестьянамъ для отдачи въ рекруты. Такъ какъ это запрещено закономъ, то продавецъ и покупщики придумали очень хитрую махинацію: помѣщикъ якобы отпустилъ несчастныхъ на волю, они будто бы добровольно приписываются въ государственные крестьяне, послѣдніе же по общему приговору отдаютъ ихъ въ солдаты. Авторъ горячо возму-

щается тѣмъ посмѣяніемъ надъ законами и „свя-
щеннымъ именемъ вольности“, которое здѣсь на-
блюдается. „Вольные люди, ничего не преступив-
шіе—въ оковахъ, продаются, какъ скоты!.. О, если бы
рабы, тяжкими узами отягченные, яряся въ от-
чаяніи своемъ, разбили желѣзомъ, вольности их
препятствующимъ, главы наши, главы безчеловѣч-
ныхъ своихъ господъ, и кровію нашею обагрил
нивы свои! что бы тѣмъ потеряло государство
Скоро бы изъ среды ихъ исторгнулися великі
мужи для заступленія избитаго племени; но были бы
они другихъ о себѣ мыслей и права угнетенія ли-
шены. Не мечта сіе, но взоръ проницаетъ густу
завѣсу времени, отъ очей нашихъ будущее скры-
вающую; я зрю сквозь цѣлое столѣтіе“. Охвачен
ный чувствомъ жгучаго негодованія, въ порывѣ
высокаго гражданскаго паѳоса, Радищевъ, такимъ
образомъ, готовъ отречься отъ своего сословія и
въ уничтоженіи его видѣть залогъ будущаго бла-
годенствія Россіи.

Если законъ не препятствуетъ помѣщикамъ
продавать своихъ крестьянъ, какъ скотину, то не
ограждаетъ онъ и интимную жизнь послѣднихъ
отъ самаго дикаго произвола владѣльцевъ. Въ
главѣ „Черная грязь“ описанъ Радищевымъ *бракъ
по барскому принужденію.* Вмѣсто свадебнаго веселья
на лицахъ жениха и невѣсты „зрѣлись печаль и
уныніе“; ненавидя другъ друга, они „влекутся“
къ алтарю, какъ на казнь. „И сіе назовется
союзомъ божественнымъ! И богохуленіе сіе оста-
нется на примѣръ другимъ! И неустройство сіе
въ законѣ останется ненаказаннымъ!“ Удивляться
этому, впрочемъ, нечего, такъ какъ подобные браки
въ интересахъ и священника, который получаетъ
за нихъ мзду, и „градодержателя“, такого же дво-

рянина, какъ и устраивающій бракъ помѣщикъ. Бываютъ еще болѣе прискорбные случаи, когда по волѣ владѣльца соединяются бракомъ совершенно неподходящіе по возрасту люди: напр., взрослая дѣвушка и десятилѣтній мальчуганъ (гл. „Едрово"). Иногда бракъ служитъ только ширмою для сластолюбивыхъ поползновеній помѣщика Уже извѣстный намъ владѣлецъ продаваемыхъ съ аукціона дворовыхъ („Мѣдное"), не будучи въ состояніи „ни прельщеніемъ и обѣщаніями", „ни угрозами и казнію" принудить крестьянскую дѣвушку сдѣлаться его наложницей, употребилъ обманъ, обвѣнчавъ ее за „спутника своихъ мерзостей", и подъ видомъ его „насладился веселіемъ". Когда обманъ обнаружился, и молодая женщина вновь стала сопротивляться сластолюбцу, онъ прибѣгъ къ форменному насилію: „четыре злодѣя, исполнители твоея воли, держа руки ея и ноги... но сего не окончаемъ".

Возмутительными сценами *помѣщичьяго разврата* такъ и пестрятъ страницы „Путешествія". Въ главѣ „Едрово" говорится, между прочимъ, о помѣщикѣ, перещеголявшемъ средневѣковыхъ феодаловъ съ ихъ „jus primae noctis": каждую ночь онъ насиловалъ которую-нибудь изъ своихъ крестьянокъ; мужъ не былъ безопасенъ въ женѣ, отецъ въ дочери; за короткое время онъ „омерзилъ 60 дѣвицъ, лишивъ ихъ непорочности". Крестьяне по-свойски хотѣли расправиться съ развратникомъ, но „наѣхавшая команда выручила сего варвара". Въ такомъ же родѣ и сыновья нѣкоего асессора: они въ свободное время ходили по деревнѣ или въ полѣ, занимаясь растлѣніемъ дѣвокъ, развратничая съ бабами—„никакая не избѣгала ихъ насилія". И на этотъ разъ дѣло закончилось возмущеніемъ кре-

стьянъ, при чемъ счастливая случайность уже не спасла распутниковъ отъ справедливаго возмездія. („Зайцево“).

Чтобы утвердить свою власть надъ крестьянами, помѣщики прибѣгаютъ къ цѣлой системѣ, по большей части, очень жестокихъ *наказаній*. Асессоръ не только сѣкъ крестьянъ плетьми и кошками, но и заковывалъ ихъ въ кандалы, надѣвалъ на ноги колодки, а на шею рогатки. Подобнымъ ему образомъ расправлялись съ крѣпостными его супруга и дѣти. Даже дочери, не имѣя жениховъ, вымещали свою скуку на прядильщицахъ, изъ которыхъ многихъ изувѣчили. „Законъ,—говоритъ Радищевъ въ главѣ „Пешки“—запрещаетъ отъяти у крестьянина жизнь.—Но развѣ мгновенно.—Сколько способовъ отъяти ее у него постепенно! Съ одной стороны почти всесиліе, а съ другой немощь беззащитная. Ибо помѣщики въ отношеніи крестьянина есть законодатель, судья, исполнитель своего рѣшенія, и по желанію своему, истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ сказать не смѣетъ“...

Въ особенности тяжело живется *дворовымъ*, такъ какъ имъ постоянно, лицомъ къ лицу, приходится сталкиваться съ барскимъ произволомъ. Помѣщики не только истязаютъ ихъ тѣло, но и развращаютъ ихъ душу своимъ дурнымъ примѣромъ: „господскій примѣръ заражаетъ верхнихъ служителей, нижніе заражаются отъ верхнихъ, а отъ нихъ язва разврата достигаетъ и до деревень“ (Едрово). Плачевную исповѣдь одного изъ дворовыхъ, по несчастію получившаго образованіе, Радищеву пришлось усовѣщать въ „Городнѣ“. По смерти стараго барина, покровительствовавшаго разсказчику, ему пришлось до дна испить горькую чашу униженій, вплоть до исполненія лакейскихъ обя-

занностей и жестокихъ тѣлесныхъ наказаній по малѣйшему поводу. Когда его сдаютъ въ солдаты, то онъ даже радъ этому, такъ какъ готовъ на все, лишь бы избавиться отъ барскаго измывательства надъ своею личностью.

Безконечная цѣпь подобнаго рода повседневныхъ фактовъ такъ надрываетъ сердце Радищева, что онъ, забывая свои собственныя слова о томъ, что свободы должно ожидать не отъ великихъ вотчинниковъ, а отъ „самой тяжести порабощенія“, т. е. отъ возстанія доведенныхъ до крайности крестьянъ, обращается къ правительству и дворянству съ горячимъ призывомъ уничтожить крѣпостное право. Этому призыву авторъ посвящаетъ одну изъ самыхъ длинныхъ главъ своего „Путешествія“—„Хотиловъ“. Въ ней онъ приводитъ цѣлый рядъ доказательствъ того, что крѣпостничество противорѣчитъ и духу христіанской религіи, и праву естественному. Мало того, оно препятствуетъ экономическому процвѣтанію страны, такъ какъ трудъ подневольный никогда не даетъ такихъ результатовъ, какъ добровольный, и размноженію населенія. Въ результатѣ создается „губительство неволи“, которое приноситъ болѣе вреда, чѣмъ война, потому что послѣдняя въ краткій срокъ „оканчиваетъ свое свирѣпство“, а неволя губитъ „долговременно и всегда“. Къ разнообразнымъ возраженіямъ противъ существованія крѣпостного права Радищевъ присоединяетъ указаніе на создаваемую имъ постоянную угрозу общественному спокойствію. „Потокъ, загражденный въ стремленіи своемъ, тѣмъ сильнѣе становится, чѣмъ тверже находитъ противустояніе. Прорвавъ оплотъ единожды, ничто уже въ разлитіи его противиться ему не возможетъ. Таковы суть братія

наши, во узахъ нами содержимые. Ждутъ случая и часа. Колоколъ ударяетъ. И се пагуба звѣрства разливается быстротечно. Мы узримъ окрестъ насъ мечъ и отраву. Смерть и пожиганіе намъ будетъ посулъ за нашу суровость и безчеловѣчіе. И чѣмъ медлительнѣе и упорнѣе мы были въ разрѣшеніи ихъ узъ, тѣмъ стремительнѣе они будутъ во мщеніи своемъ". Въ подтвержденіе приводится ссылка на недавнюю Пугачевщину. Заключительныя строки этой интересной главы посвящены краткому изложенію проекта постепеннаго освобожденія крестьянъ, въ которомъ авторъ обнаруживаетъ удивительную трезвость мысли, какъ нельзя лучше свидѣтельствующую о несправедливости общераспространеннаго мнѣнія объ утопичности Радищевскихъ теорій.

Мы выяснили, какъ отвѣчалъ Радищевъ въ своемъ „Путешествіи" на вопросъ, какъ живется крѣпостнымъ крестьянамъ подъ властью помѣщиковъ и что надо дѣлать для ихъ облегченія. Но заглянулъ-ли онъ въ душу самихъ крестьянъ, показалъ-ли онъ зараженному французоманіей обществу живое лицо русскаго мужика? Этого Радищевъ не сдѣлалъ, да и сдѣлать не могъ, такъ какъ родился не въ XIX, а въ XVIII вѣкѣ, когда умѣли умно теоретизировать по поводу извѣстныхъ общественныхъ явленій, но еще не научились заглядывать въ тайники человѣческаго сердца, воспроизводить человѣческую психику въ ея интимнѣйшихъ проявленіяхъ. Однако примѣръ Стерна, автора „Сентиментальнаго Путешествія", хорошо извѣстнаго русскимъ писателямъ XVIII вѣка, который готовъ былъ умиляться всею душою и даже проливать искренніе слезы, слушая трогательную исторію поки-

нутой своимъ возлюбленнымъ сельчанки — Маріи, и отчасти Рейналя, превозносившаго чистоту и силу любви дикарей,—вдохновили Радищева, и онъ сдѣлалъ попытку въ одной изъ главъ своего сочиненія („Едрово") создать привлекательный образъ молодой крестьянской дѣвушки. Мы говоримъ объ эпизодѣ съ едровской Анютой, столь любимомъ въ былые годы. Радищевъ не жалѣетъ словъ, чтобы доказать преимущество сельскихъ женщинъ, не знающихъ притворства ни въ жизни, ни въ любви, надъ городскими „боярыньками". Крестьянки, по его мнѣнію, „когда любятъ, то любятъ отъ всего сердца и искренно". Здѣсь совсѣмъ ужъ недалеко до знаменитой фразы Карамзина: „и крестьянки любить умѣютъ". Радищевъ его предварилъ, и часть похвалъ, высказываемыхъ по адресу творца „Бѣдной Лизы", по справедливости, должна быть отнесена къ нему. И въ данномъ случаѣ авторъ „Путешествія" не измѣнилъ, такимъ образомъ, своему гуманному отношенію къ народу. Вообще, убѣжденность и принципіальность, упорное стремленіе согласовать слово съ дѣломъ, проходящее черезъ всю жизнь Радищева,—выгодно выдѣляютъ его среди прочихъ интеллигентовъ XVIII вѣка, для большинства которыхъ гораздо въ большей степени, чѣмъ для либераловъ Александровскаго времени, примѣнима ядовитая характеристика поэта и партизана Давыдова:

А глядишь—нашъ Мирабо
Стараго Гаврила,
За измятое жабо,
Хлещетъ въ усъ и рыло.

Радищевъ былъ не таковъ. Происходя изъ помѣщичьей семьи, которая пользовалась такою лю-

бовью и уваженіемъ крѣпостныхъ крестьянъ, что скрыта была ими отъ Пугачевскихъ шаекъ, онъ ни разу, до самой могилы, не измѣнилъ своему искреннему народолюбію. Даже въ тѣ роковые дни, когда онъ былъ преданъ оскорбленной его книгою Императрицей Екатериною, усмотрѣвшей въ ней „ядъ французскій", т. е. вольномысліе въ духѣ французскихъ революціонеровъ и призывъ „къ возмущенію крестьянъ противъ помѣщиковъ, войскъ противъ начальства", въ руки знаменитаго „кнутобойца" Шешковскаго, даже тогда, отрекшись подъ вліяніемъ страха отъ многихъ мнѣній по обще-политическимъ вопросамъ, Радищевъ не отказался отъ своего взгляда на крѣпостное право. Лицомъ къ лицу съ грознымъ искоренителемъ крамолы, наканунѣ суда и смертнаго приговора, онъ нашелъ въ себѣ довольно силы, чтобы, по выраженію Мякотина, хотя и коснѣющимъ отъ страха языкомъ, все же заявить, „чтобъ крестьяне были вольные, то въ его желаніяхъ было". Приговоренный къ смертной казни по обвиненію, за отсутствіемъ болѣе подходящихъ статей въ тогдашнемъ уголовномъ законодательствѣ, въ томъ, что сглазилъ государево здоровье, началъ собирать войско, чтобы „Московскимъ государствомъ завладѣти и государемъ быти", не поставилъ часовыхъ на шанцахъ осажденной крѣпости, покрылъ краской бока корабля, не законопативъ щелей, и замышлялъ набрать шайку разбойниковъ, Радищевъ былъ помилованъ Государыней и сосланъ въ Илимскъ „на десятилѣтнее безвыходное пребываніе".

Однако, и эта тяжелая кара не сломила смѣлаго борца за свободу: по дорогѣ въ Илимскъ онъ записывалъ свѣдѣнія о тяжеломъ положеніи

приписанныхъ къ заводамъ крестьянъ; въ самомъ Илимскѣ занялся леченіемъ нуждавшагося въ медицинской помощи населенія; на возвратномъ пути изъ Сибири горячо интересовался жизнью сельскаго населенія. По возвращеніи въ Россію, Радищевымъ былъ написанъ, между прочимъ, трактатъ „Описаніе моего владѣнія“, въ которомъ встрѣчаются выраженія, заставляющія насъ вспоминать о „Путешествіи“.

Нѣсколько позднѣе, въ „дней Александровыхъ прекрасное начало“, Радищевъ былъ привлеченъ къ дѣлу государственнаго строительства—онъ былъ назначенъ членомъ находившейся подъ предсѣдательствомъ гр. Завадовскаго коммиссіи о составленіи законовъ. Умѣренный либерализмъ однихъ изъ его сотоварищей, скрытый консерватизмъ другихъ, конечно, не удовлетворяли Радищева: чуть-ли не къ каждому заключенію коммиссіи онъ прилагалъ свое особое мнѣніе, „основываясь, по словамъ одного изъ его сослуживцевъ, единственно на философскомъ свободомысліи“. Наконецъ, не ограничиваясь частными вопросами, онъ составилъ очень радикальный проектъ общей реформы законодательства. Ему сдѣлали строгій выговоръ и пригрозили Сибирью. Радищевъ не былъ въ состояніи вынести и этого разочарованія. Въ памяти его всталъ, по всей вѣроятности, завѣтъ его „Путешествія“: „если ненавистное счастіе истощитъ надъ тобою всѣ стрѣлы свои, если добродѣтели твоей убѣжища на землѣ не останется, если доведенну до крайности не будетъ тебѣ покрова отъ угнетенія, тогда вспомяни, что ты человѣкъ, воспомяни величество твое, восхити вѣнецъ блаженства, его же отъяти у тебя тщатся,—умри“,— и въ ночь на 12 сентября 1802 года покончилъ

съ собой самоубійствомъ. Какою то древне-римскою гражданскою доблестью и величіемъ вѣетъ отъ этого поступка: всю жизнь боролся за идеалъ, и когда пропала увѣренность въ возможности его осуществленія, предпочелъ лучше устраниться съ жизненной арены, чѣмъ покорно сложить оружіе. Дѣятельность Радищева поняли и оцѣнили не только лучшіе изъ его современниковъ, но и люди послѣдующихъ поколѣній съ неменьшимъ уваженіемъ относились къ его памяти. Величайшій поэтъ русскій вмѣнялъ себѣ въ особую заслугу, что „вслѣдъ Радищеву“ возславилъ онъ свободу и милость къ падшимъ призывалъ. Въ этомъ Пушкинъ видѣлъ залогъ добраго отношенія къ себѣ со стороны народа.

Въ наше время, когда мы имѣемъ полную возможность взглянуть на Радищева въ исторической перспективѣ, не поддаваясь обаянію его личности, образъ этого „заступника народнаго“ не только не тускнѣетъ, но выростаетъ въ крупную историческую фигуру. Первый и единственный изъ писателей XVIII вѣка, Радищевъ осмѣлился поставить точку надъ і, громко и во всеуслышаніе заявивъ, что крѣпостное право—вопіющее зло русской общественной жизни, что оно развращаетъ сверху до низу весь народъ, отъ раба до господина, препятствуетъ экономическому процвѣтанію страны и является постоянной угрозой общественному спокойствію. То, что надо было читать между строкъ сатирическихъ журналовъ Новикова, комедіи Фонвизина, оды Капниста, было высказано съ безпощадною откровенностью и полной ясностью Радищевымъ, и никакія кары немогли вытравить изъ общественнаго сознанія его вдохновенныхъ словъ.

Если этою стороною своего міросозерцанія Радищевъ переросъ свое время, то еще съ большимъ основаніемъ мы признаемъ его предтечею писателей послѣдующей эпохи, обративъ вниманіе на то, что ему не чужды были настроенія „кающагося дворянина“. Ему становится невыносимо стыдно при мысли, что онъ лишаетъ сна своего лакея Петрушку, посадивъ его на козлы. Еще болѣе жгучее чувство недовольства самимъ собой охватываетъ автора, когда онъ вспоминаетъ о той пощечинѣ, которую однажды далъ пьяному Петрушкѣ. „Почувствовалъ я быстрый мразъ, протекающій кровь мою и,... слезы потекли изъ глазъ моихъ“.

Всѣ эти соображенія убѣждаютъ въ томъ, что въ ряду писателей антикрѣпостническаго направленія Радищевъ занимаетъ одно изъ самихъ видныхъ мѣстъ. Если бы его художественное дарованіе соотвѣтствовало широтѣ его гражданскихъ воззрѣній и его убѣжденности, то, какъ борецъ противъ крѣпостнаго права, онъ не имѣлъ бы себѣ равныхъ въ русской литературѣ.

Екатерина превосходно поняла общественный смыслъ книги Радищева, оттого то она съ такою желчностью и раздраженіемъ полемизировала съ нимъ въ своихъ замѣткахъ объ его „Путешествіи“. Насколько основательно изгладились изъ памяти императрицы освободительные планы ея молодости, видно хотя бы изъ такого самодовольнаго замѣчанія по поводу Радищевскихъ разсужденій о вредѣ крѣпостничества: „уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не послушаетъ“. Въ этомъ Императрица, конечно, была права: большинство помѣщиковъ даже 70 лѣтъ спустя, остались ярыми крѣпостниками. Но за то

она жестоко обманывалась, если думала убѣдить въ правотѣ своихъ сужденій о благоденствіи закрѣпощеннаго народа представителей нарождающейся русской интеллигенціи. То умственное движеніе въ обществѣ, которое она сама когда то культивировала, составляя „Наказъ“, созывая Комиссію для составленія проекта новаго уложенія, способствуя развитію сатирической журналистики, теперь настолько усилилось, что нерѣдко ускользало отъ ея властной опеки. Разбуженныя Екатериной, образованныя потокомъ освободительныхъ идей, лившихся съ запада, общественныя силы уже не хотѣли и не могли слѣдовать ея указкѣ. Болѣе того, по мѣрѣ выясненія реакціонныхъ тенденцій Императрицы, эти силы переходили въ оппозицію, и Екатеринѣ приходилось бороться съ ними, какъ это можно видѣть изъ тѣхъ преслѣдованій, которымъ подвергались Новиковъ и Радищевъ. Но, говоря словами позднѣйшаго поэта,

„Для вольной мысли Богу неугодны
Насиліе и гнетъ,
Она, въ душѣ рожденнная свободно,
Въ оковахъ не умретъ“.

Новиковъ томился въ Шлиссельбургѣ, Радищевъ—въ далекомъ Илимскѣ, а ихъ прогрессивныя идеи, въ области крестьянскаго вопроса нашли, себѣ послѣдователя въ лицѣ И. А. Крылова. Связывать Крылова съ Новиковымъ и Радищевымъ имѣется полное основаніе, такъ какъ оба они оказали самое непосредственное вліяніе на направленіе его литературной дѣятельности. Первое крупное произведеніе будущаго знаменитаго баснописца,—комическая опера „Кофейница“, написанная имъ шестнадцати лѣтъ отъ роду въ 1783 году, повторяетъ сюжетъ одной изъ сатирическихъ статеекъ Новиков-

скаго „Живописца“ (19 листъ). Съ другой стороны можно считать рѣшеннымъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ о сотрудничествѣ Радищева въ издаваемомъ Крыловымъ журналѣ „Почта Духовъ“ (1789 г.). Какъ въ „Кофейницѣ“, такъ и въ „Почтѣ духовъ“ антикрѣпостническая тенденція проявляется довольно замѣтно, будучи поставлена въ связь съ возрастающими мотовствомъ и щегольствомъ русскаго барства, естественными слѣдствіями его французоманіи. Въ лицѣ Новомодовой, гр. Припрыжкина и любовника свѣтской дѣвицы Неотказы, сатирикъ клеймитъ людей, устраивающихъ себѣ развеселое житье на счетъ разореннаго населенія селъ „Остатковыхъ“ и „Частодаваныхъ“, деревень „Безжитовыхъ“ и „Грабленныхъ“, мызъ „Пустышекъ“ и т. д.

Еще съ большимъ блескомъ развертывается сатирическое дарованіе Крылова въ его послѣдующемъ органѣ „Зрителѣ“, смѣнившемъ черезъ три года (1792) прогорѣвшую матеріально „Почту“. Здѣсь въ превосходной статьѣ „Похвала моему дѣдушкѣ“, ярко и художественно обрисована патологія помѣщичьяго воспитанія и жизни, которыя основаны на убѣжденіи, что „крестьяне ниже домашнихъ животныхъ“. Въ повѣсти „Каибъ“, Крыловъ, въ противовѣсъ писателямъ-сентименталистамъ, изображавшимъ мужика благоденствующимъ „пейзаномъ“, влюбленнымъ пастушкомъ, вскрываетъ всю фальшь такого воспроизведенія: русскій крестьянинъ былъ для него, прежде всего, забитымъ жизнью, изголодавшимся существомъ. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что Крыловъ превосходно отдавалъ себѣ отчетъ въ главной причинѣ этой забитости, каковою являлось крѣпостное право.

Сатирическая дѣятельность Крылова оборвалась внезапно и насильственно. Подробности тѣхъ преслѣдованій, которымъ онъ подвергся со стороны правительства, неизвѣстны; одно несомнѣнно—Крылову, вслѣдствіе ихъ; пришлось прекратить „Зритель“ и отказаться отъ начатого было изданія новаго журнала „С.-Петербургскій Меркурій“. Отказъ отъ литературной дѣятельности дался Крылову не легко. Вспоминая объ этомъ почти сорокъ лѣтъ спустя, онъ, этотъ флегматичный дѣдушка Крыловъ, писалъ одному изъ своихъ друзей: „я скорбѣлъ и не разъ плакалъ, какъ дитя“. Въ результатѣ въ душѣ поэта произошелъ сильный внутренній надломъ, На нѣсколько лѣтъ Крыловъ отстаетъ отъ литературы, которая навлекла на него одни гоненія, скитается безцѣльно по провинціи и ищетъ забвенія въ картахъ. Вернувшись къ болѣе или менѣе интенсивной литературной дѣятельности только въ XIX вѣкѣ, Крыловъ доказалъ, какимъ огромнымъ художественнымъ талантомъ онъ обладалъ. Его басни со стороны формы и языка, конечно, никѣмъ еще не превзойденный шедевръ, но по своему общественному смыслу, онѣ не только не свидѣтельствуютъ о томъ, что гражданское развитіе ихъ автора подвинулось впередъ, а скорѣе, наоборотъ, указываютъ на нѣкоторый регрессъ въ этомъ отношеніи. Трудно не согласиться съ грустнымъ заключеніемъ новѣйшаго изслѣдователя Крыловскаго творчества: „Русская жизнь загубила въ Крыловѣ одного изъ великихъ нашихъ сатириковъ, направивъ его сатирическое дарованіе по узкому и тѣсному руслу, не давъ ему правильно развиться, даже во многихъ отношеніяхъ исказивъ его“...

Однако, и того, что сдѣлалъ Крыловъ, достаточно,

чтобы причислить его къ немногочисленной, но смѣлой и честной фалангѣ бойцовъ противъ крѣпостного права. Пусть въ его статьяхъ и не чувствуется Радищевской опредѣленности, однако, ихъ сравнительная художественность и несомнѣнная искренность, хотя бы и болѣе осторожной, чѣмъ у его предшественника, сатиры — не могли не оставить своего слѣда въ общественной психикѣ, и этотъ слѣдъ, безъ сомнѣнія, способствовалъ дискредитированію крѣпостничества въ сознаніи людей конца XVIII вѣка.

Крыловъ былъ послѣднимъ изъ крупныхъ русскихъ писателей, писавшимъ о крѣпостномъ правѣ въ XVIII вѣкѣ. Въ „царствованіе ужаса", такъ называетъ умѣренный Карамзинъ правленіе Павла I, цензурный терроръ достигъ такихъ размѣровъ, что литература не только не могла касаться крестьянскаго вопроса, но была лишена даже возможности употреблять такія слова, какъ „граждане", „отечество" и „общество". Первыя два были замѣнены словами „обыватели" и „государство", третье совсѣмъ было изгнано изъ употребленія. Въ этихъ запрещеніяхъ чувствуется что то символическое. Правительство какъ будто бы сознательно хотѣло, чтобы опекаемый имъ народъ, вступая въ новое столѣтіе, состоялъ не изъ гражданъ, а изъ обывателей, не зналъ отечества, а зналъ только государство, и совершенно лишенъ былъ общественной жизни. Вожделѣнія эти не оправдались. Девятнадцатый вѣкъ весь наполненъ борьбою за правовой строй, которая въ концѣ концовъ привела къ частичной побѣдѣ прогрессивныхъ началъ. Что касается собственно борьбы съ крѣпостничествомъ въ художественной литературѣ, то она принимаетъ въ XIX вѣкѣ совер-

шенно иной характеръ. Вмѣсто отдѣльныхъ, болѣе или менѣе талантливыхъ писателей, обличавшихъ крѣпостничество въ XVIII вѣкѣ, теперь появляются цѣлые десятки ихъ. Объясняется это тѣмъ, что въ новомъ столѣтіи мысль о необходимости освобожденія крестьянъ перестаетъ быть достояніемъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, а переходитъ въ сознаніе широкихъ общественныхъ группъ, является нерѣдко даже партійнымъ лозунгомъ. Именно лозунгомъ она была въ 20-ые годы для декабристовъ, а въ 40-ые и 50-ые для западниковъ. Вслѣдствіе этого нападенія на цитадель крѣпостничества въ XIX вѣкѣ сдѣлались несравненно интенсивнѣе. Она стала подвергаться уже не единичнымъ, хотя бы и мѣткимъ выстрѣламъ, а систематическому обстрѣлу многихъ орудій. 19-го февраля 1861 года на стѣнахъ ея взвился бѣлый флагъ. Старая истина, гласящая, что надо дѣйствовать „сомкнутыми рядами", получила новое подтвержденіе. Но, вспоминая день побѣды, нельзя забывать и побѣжденныхъ въ бою во имя восторжествовавшей 19-го февраля идеи, тѣхъ воиновъ, которые одни вышли въ поле, тѣмъ болѣе, что побѣждены они были не морально, а грубой физическою силой. Имена Новикова, Фонъ-Визина и въ особенности Радищева всегда останутся неразрывно связанными съ исторіей борьбы за раскрѣпощеніе русскаго крестьянства.

II.

Девятнадцатый вѣкъ: 10-ые и 20-ые годы.

Первые годы царствованія Императора Александра I, совпавшіе съ началомъ новаго вѣка, рѣзко отличались отъ четырехлѣтняго правленія его отца. Воспитанникъ республиканца Лагарпа, молодой государь искренно осуждалъ деспотизмъ и мечталъ о цѣломъ рядѣ преобразованій, направленныхъ къ измѣненію государственнаго строя въ Россіи. Поставленъ былъ также на очередь и вопросъ объ улучшеніи тяжелаго положенія крестьянъ и подготовкѣ ихъ постепеннаго освобожденія. Въ соотвѣтствіи съ этимъ можно было ожидать, что и русская художественая литература, уже въ XVIII вѣкѣ серьезно интересовавшаяся крестьянскимъ вопросомъ, съ удвоеннымъ рвеніемъ вернется къ его обсужденію. Въ первыя полтора десятилѣтія XIX столѣтія этого, однако, не произошло. Здѣсь сказались, несомнѣнно, печальныя послѣдствія Екатерининской и Павловской реакцій, надорвавшихъ крупныя литературныя силы своего времени: Новиковъ въ Александровскую эпоху представлялъ изъ себя совершенно конченнаго человѣка; Радищевъ вернулся изъ Сибири, повидимому, глубоко разочарованнымъ и предпочелъ вскорѣ добровольно устраниться съ жизненнаго поприща; Крыловъ, послѣ испытанныхъ имъ при Екатеринѣ гоненій, окончательно порвалъ съ серьезной сатирой на общественныя темы. Итакъ писатели старшаго поколѣнія, воспитавшіеся въ духѣ прогрессивныхъ идей во времена „Наказа“ и Комиссіи для составленія проекта новаго уложенія, по тѣмъ или инымъ причинамъ, молчали.

Что же касается болѣе молодыхъ по возрасту литераторовъ, міросозерцаніе которыхъ сложилось въ годы реакціи, то они, въ лицѣ наиболѣе талантливыхъ своихъ представителей, примкнули къ литературному направленію, мало пригодному въ конечномъ своемъ развитіи для отраженія общественно-политическихъ вопросовъ — сентиментализму. Изолировавъ себя отъ реальной жизни, сентименталисты жили преимущественно чувствомъ и воображеніемъ, „они, по словамъ акад. Веселовскаго, уходили отъ общественности въ міръ своего крошечнаго „я“, въ абстракцію „человѣчности“, внутренней „свободы“, въ уединеніе, въ природу, вѣщавшую о благости Творца“.

Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что оба крупнѣйшіе представители русскаго сентиментализма—Карамзинъ и Жуковскій,—въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ, ни однимъ словомъ не коснулись крѣпостного права, хотя не прочь иногда были гуманизировать крестьянство („Фролъ Силинъ“ и „Бѣдная Лиза“ — Карамзина, „Сельское кладбище“ — Жуковскаго). Что касается ихъ публицистическихъ статей, то Карамзинъ высказывался въ нихъ въ духѣ яраго крѣпостничества, болѣе прогрессивный же Жуковскій однажды попытался указать на тяжелое положеніе крѣпостныхъ интеллигентовъ („Печальное происшествіе“).

Едва ли не единственными послѣдователями Радищевскихъ традицій въ разсматриваемую эпоху были Пнинъ и его немногочисленные друзья. Воспитанный на идеяхъ человѣколюбивой философіи XVIII вѣка, Пнинъ пытался примѣнить ихъ къ требованіямъ русской дѣйствительности. Его перу принадлежитъ серьезный трактатъ „Опытъ о

просвѣщеніи“, въ которомъ онъ, мѣстами, въ чисто Радищевскихъ тонахъ, бичуетъ крѣпостное право. Въ своихъ звучныхъ одахъ Пнинъ говоритъ о высокомъ назначеніи человѣка; по его мнѣнію, всякій рабъ, „когда-бъ позналъ свою... должность“...

Спросилъ природу, разсмотрѣлъ:
Кто бѣдствій всѣхъ его виною.
Тогда бы тою же рукою
Сорвалъ онъ цѣпи, что надѣлъ.
(Ода „Человѣкъ“).

Только подъ покровомъ правосудія, подъ которымъ поэтъ разумѣетъ правовой, основанный на строгой законности и, конечно, исключающій крѣпостную зависимость, строй, народъ можетъ благоденствовать. „Гдѣ ты, обращается онъ къ правосудію:

Тамъ земледѣлецъ не страшится
Имъ въ потѣ собранныхъ плодовъ,
Любуется смотря на ниву,
Въ ней видя жизнь свою счастливу,
Благословляетъ твой покровъ...
(Ода „Правосудіе“).

Одно изъ лучшихъ стихотвореній Пнина посвящено смерти автора „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“, предъ свѣтлою личностью котораго онъ искренно преклонялся:

Уста, что истину вѣщали,
Увы, навѣки замолчали,
И пламенникъ ума погасъ...
Кто къ счастью велъ путемъ свободы,
Навѣкъ, навѣкъ оставилъ насъ.

Свободолюбивое настроеніе немногихъ оставшихся послѣ Пнина произведеній и горячая сим-

патія его къ Радищеву, наиболѣе яркому проповѣднику въ предшествующей литературѣ крестьянской вольности, позволяютъ думать, что изъ него выработался бы настойчивый и пылкій борецъ съ крѣпостничествомъ, если бы преждевременная смерть внезапно не оборвала развитіе этого крупнаго литературнаго таланта.

Вторая половина царствованія Александра I характеризуется, прежде всего, реакціоннымъ направленіемъ правительственной политики, смѣнившимъ недавній либерализмъ. Мѣсто либеральныхъ членовъ негласнаго комитета и Сперанскаго заняли Аракчеевъ и Голицынъ; Магницкій и Руничъ громили университеты; цензура не пропускала книгъ, трактовавшихъ о вредѣ грибовъ, на томъ основаніи, что грибы постная пища... Лучшая часть молодого поколѣнія, воспитавшаяся въ эпоху „дней Александровыхъ прекраснаго начала“, не могла мириться съ такимъ торжествомъ обскурантизма. Ознакомившись во время заграничныхъ походовъ съ западно-европейскимъ государственнымъ и общественнымъ строемъ, наглядно убѣдившись въ превосходствѣ конституціонныхъ учрежденій, молодежь естественно мечтала „видѣть въ своемъ отечествѣ больше свободы“. „Чѣмъ сильнѣе дѣйствовала реакція—вспоминалъ уже впослѣдствіи декабристъ Бѣляевъ—тѣмъ неудержимѣе было въ умахъ противодѣйствіе“. Какова же была программа александровскихъ „либералистовъ“? Отвѣчая на этотъ вопросъ, приходится, съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія отмѣтить, что, кромѣ стремленія къ политической свободѣ, они неизмѣнно выдвигали на первый планъ борьбу съ крѣпостничествомъ. Во время слѣдствія, производившагося по поводу декабрь-

скаго возстанія, выяснилось, что многіе участники событій 14-го декабря, вступали въ члены тайныхъ обществъ, главнымъ образомъ, потому, что надѣялись активно способствовать освобожденію крестьянъ. Убѣжденіемъ въ необходимости этой реформы декабристы были проникнуты въ такой мѣрѣ, что даже въ сырыхъ казематахъ Петропавловской крѣпости, передъ лицомъ грозившей нѣкоторымъ изъ нихъ смерти, старались своими показаніями обратить вниманіе правительства на тяжелое положеніе крестьянъ и такимъ образомъ способствовать его улучшенію. Объ этомъ же они твердили въ своихъ письмахъ къ Николаю I.

Отрицательное отношеніе декабристовъ къ крѣпостному праву не могло не отразиться въ литературѣ. Однако, цензурныя строгости во вторую половину царствованія Александра I были такъ велики, что напрасно стали бы мы искать въ ней полнаго выраженія ихъ антикрѣпостническихъ взглядовъ. Въ прозаической литературѣ они отчасти проявились въ сочиненіи Н. Тургенева „Теорія налоговъ“(1818); въ поэтической—въ лирикѣ Пушкина, Рылѣева, кн. Вяземскаго и комедіи Грибоѣдова.

Относительно Пушкина мы можемъ сказать съ полною увѣренностью, что своею прогрессивною настроенностью въ крестьянскомъ вопросѣ онъ обязанъ, главнымъ образомъ, вліянію декабристовъ и ихъ единомышленниковъ. Еще на школьной скамьѣ Пушкинъ имѣлъ возможность познакомиться съ либеральными взглядами на крестьянскій вопросъ популярнаго лицейскаго преподавателя нравственныхъ наукъ Куницына. Состоявшееся по окончаніи лицея близкое знакомство со многими декабристами, въ особенности дружба съ

Н. Тургеневымъ, окончательно опредѣлили либеральную, въ частности антикрѣпостническую настроенность Пушкина. Выразивъ въ стихахъ „Сказки“ (1818 г.) свое недовѣріе къ преобразовательнымъ намѣреніямъ Александра I, въ слѣдующемъ году, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ разговоровъ на политическія темы съ братьями Тургеневыми, Пушкинъ пишетъ свою знаменитую оду „Вольность“. Въ ней прямыхъ выпадовъ противъ крѣпостного права нѣтъ, но если вспомнить, что обычною темою бесѣдъ съ Н. Тургеневымъ являлись, по всей вѣроятности, нападки именно на это зло тогдашней общественности, то нѣкоторыя строфы Пушкинской оды безусловно пріобрѣтутъ антикрѣпостническій характеръ. Такъ, весьма правдоподобнымъ является предположеніе, что не только отсутствіе свободы политической, но также и закрѣпощеніе народа вдохновило Пушкина создать такую потрясающую картину русской жизни.

Увы! куда ни брошу взоръ,
Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,
Законовъ гибельный позоръ
Неволи немощныя слезы...

Въ томъ же 1819 году Пушкинымъ написано его знаменитое стихотвореніе „Деревня“ — первое въ русской литературѣ безупречно художественное выраженіе антикрѣпостнической тенденціи. Оставляя первую часть этого стихотворенія съ чудными описаніями деревенской природы, на лонѣ которой такъ свободно дышится поэту, утомленному роскошными пирами и забавами „порочнаго двора царей“, обратимся прямо ко второй его части. Здѣсь на протяженіи всего только 27 строкъ,

Пушкинъ съ исчерпывающею, можно сказать, полнотою рисуетъ жизнь закрѣпощеннаго крестьянства. Прежде всего, поэтъ, „другъ человѣчества“- замѣчаетъ „невѣжества губительный позоръ“. Подъ его властью одинаково находятся и „барство дикое“ и „рабство тощее“. Описаніе нравственныхъ свойствъ перваго дышетъ жгучимъ негодованіемъ. Оно не видитъ слезъ, не внемлетъ стону, оно лишено чувства состраданія и сознанія законности, оно создано на пагубу людей; свою власть надъ крестьянами, выражающуюся въ присвоеніи ихъ труда, собственности и времени, неумолимый владѣлецъ основываетъ на употребленіи „насильственной лозы“ и „бичей“. Далѣе слѣдуетъ описаніе „рабства тощаго“, влачащагося по чужимъ браздамъ, несущаго до гроба тягостный яремъ, не смѣющаго питать ни надеждъ, ни склонностей, доступныхъ другимъ людямъ. Съ особымъ подчеркиваніемъ говоритъ Пушкинъ о беззащитности крестьянскихъ дѣвушекъ въ отношеніи стастолюбивыхъ поползновеній ихъ помѣщика, этого „развратнаго злодѣя“, и о тяжеломъ положеніи дворовыхъ „измученныхъ рабовъ“, въ которые берутъ всѣхъ безъ разбора, отрывая „отъ хижины родной“ даже младыхъ сыновей, „опору милую старѣющихъ отцовъ“. Эти печальныя картины дѣйствительности возбуждаютъ въ поэтѣ пламенное желаніе хоть словомъ своимъ помочь народу.

Заканчивается „Деревня“ извѣстнымъ четверостишіемъ, выражающимъ надежду поэта на то, что рабство народа падетъ по манію царя и надъ Россіею засіяетъ заря просвѣщенной свободы.

Мы не безъ намѣренія изложили своими словами содержаніе разсматриваемаго стихотворенія.

Художественныя красоты его всѣмъ извѣстны, такъ что цитировать „Деревню“ нѣтъ никакой нужды, прозаическій же пересказъ помогаетъ отчетливѣе представить всю широту содержанія этого стихотворенія, охватывающаго главнѣйшіе мотивы антикрѣпостнической литературы предшествующаго времени. Не измѣнилъ Пушкинъ своимъ взглядамъ на крестьянскій вопросъ и во время вынужденнаго пребыванія на югѣ. Ихъ питали, надо думать, не прекращавшіяся сношенія съ декабристами, которыхъ поэтъ встрѣчалъ въ Кишиневѣ, и особенно въ Каменскѣ. Быть можетъ, подъ впечатлѣніемъ разговоровъ съ ними, Пушкинъ и набросалъ въ августѣ 1822 г. свои историческія замѣтки, проводящія очень опредѣленную точку зрѣнія на крѣпостничество. Упомянувъ о попыткахъ русской аристократіи при преемникахъ Петра I ограничить самодержавіе, Пушкинъ радуется ихъ неуспѣху, такъ какъ въ противномъ случаѣ Россіи грозилъ бы „чудовищный феодализмъ“. „Если бы, продолжаетъ онъ, гордые замыслы Долгорукаго и проч. совершились, то владѣльцы душъ, сильные своими правами, всѣми силами затруднили бы или даже вовсе уничтожили способы освобожденія людей крѣпостного состоянія... Одно только страшное потрясеніе могло бы уничтожить въ Россіи закоренѣлое рабство; *нынче же политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ*“.

На югѣ же Пушкинымъ былъ начатъ его романъ „Евгеній Онѣгинъ“, въ восьми главахъ котораго встрѣчаются неоднократныя указанія на отрицательныя стороны крѣпостного права. По сравненію съ тѣмъ, что писалъ Пушкинъ въ своей „Деревнѣ“ и „Историческихъ замѣткахъ“, эти ука-

занія представляются довольно блѣдными, но за то они могли появиться въ печати и вліять такимъ образомъ, на болѣе широкіе общественные круги. Прежде всего, обращаетъ вниманіе, что и герой и героиня романа очень гуманны въ своихъ отношеніяхъ съ крестьянами.

Евгеній Онѣгинъ, по нѣсколько насмѣшливому выраженію поэта, „былъ глубокій экономъ“: онъ читалъ Адама Смита, изъ сочиненій котораго и вынесъ, по всей вѣроятности, отрицательное отношеніе къ крѣпостному праву. По крайней мѣрѣ, по пріѣздѣ своемъ въ деревню, Онѣгинъ не ограничился въ своихъ отношеніяхъ съ крестьянами тѣмъ, что время отъ времени срывалъ „бѣлянки черноокой младой и свѣжій поцѣлуй“, но „въ своей глуши мудрецъ пустынный“ онъ задумалъ „порядокъ новый“ учредить:

Яремъ онъ барщины стариный
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ,
И рабъ судьбу благословилъ.

Эта очень невинная, но все таки несомнѣнно клонившаяся къ улучшенію быта крестьянъ, мѣра сейчасъ же вооружила противъ Онѣгина его разсчетливыхъ сосѣдей крѣпостниковъ, которые „увидя въ этомъ страшный вредъ“, надулись въ своихъ углахъ и прославили Онѣгина „опаснѣйшимъ чудакомъ“ и „фармазономъ“, что на языкѣ провинціальныхъ Скотининыхъ значило революціонеръ и якобинецъ. Если въ Онѣгинѣ желаніе благотворить крестьянамъ есть результатъ литературныхъ вліяній, то въ Татьянѣ оно возникло совершенно самобытно. Никто не училъ ее сердечно, мы бы сказали по дочернему, вести себя въ отношеніи старой Филиппьевны, никто не училъ ее также помогать бѣд-

нымъ, что, насколько можно судить по ея письму къ Онѣгину, было далеко не случайнымъ ея времяпрепровожденіемъ. Подобное поведеніе Татьяны вызываетъ тѣмъ большее уваженіе, что вокругъ себя она видѣла совсѣмъ иные примѣры. Мать ея, въ молодости увлекавшаяся Ричардсономъ, по выходѣ замужъ очень скоро сдѣлалась заурядной помѣщицей — крѣпостницей: для нея, брить лбы, т. е. отдавать своихъ крестьянъ въ рекруты—ни съ чѣмъ несравнимое горе въ деревенскомъ быту — и бить подъ сердитую руку служанокъ было такимъ же привычнымъ дѣломъ, какъ солить грибы и мыться въ банѣ по субботамъ. Она обнаруживала даже незаурядное остроуміе въ своихъ крѣпостническихъ уловкахъ, требуя, напримѣръ, чтобы крестьянскія дѣвушки во время сбора ягодъ пѣли хоромъ. „Наказъ, поясняетъ Пушкинъ,

. . . . . основанный на томъ,
Чтобъ барской ягоды тайкомъ,
Уста лукавыя не ѣли,
И пѣньемъ были заняты—
Затѣя сельской остроты“.

Быть можетъ, эта „затѣя“ и дѣлала честь хозяйственнымъ способностямъ Лариной, но едва ли она могла свидѣтельствовать объ ея гуманныхъ чувствахъ, такъ какъ пѣніе по наказу, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ сряду, изъ забавы превращалось въ тяжелую, можно сказать, даже въ мучительную повинность. Подъ стать матери Татьяны были, надо думать, и другіе представители провинціальнаго дворянства. Объ ихъ отношеніи къ попыткѣ Онѣгина улучшить положеніе своихъ крестьянъ уже сказано, а каково жилось ихъ собственнымъ крѣпостнымъ, это можно видѣть хоть бы изъ выразительной характеристики Гвоздина, одного изъ

гостей на именинахъ Татьяны. Пушкинъ называетъ его „превосходнымъ хозяиномъ“, „владѣльцемъ нищихъ мужиковъ“, подчеркивая вопіющее противорѣчіе интересовъ крестьянъ и помѣщиковъ. Получать съ имѣнія побольше доходовъ всякими правдами и неправдами, выколачивая крестьянскіе гроши, считалось первымъ признакомъ превосходнаго хозяйничанья.

Кромѣ Пушкина, къ поэтамъ двадцатыхъ годовъ съ опредѣленною антикрѣпостническою настроенностью принадлежалъ К. Ф. Рылѣевъ. Жизнь его представляетъ поучительный примѣръ полнаго соотвѣтствія между словомъ и дѣломъ. Въ своихъ стихотвореніяхъ и поэмахъ Рылѣевъ былъ проповѣдникомъ борьбы за политическія права и свободу. Искренность своего общественнаго міросозерцанія ему пришлось засвидѣтельствовать 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади, куда онъ шелъ, чтобы сражаться за дѣло, въ успѣхъ котораго не вѣрилъ, и участіе въ которомъ привело его къ эшафоту. Эта же согласованность между словомъ и дѣломъ Рылѣева замѣтна и въ отношеніи къ крестьянскому вопросу.

Въ прославившей его имя, безумно смѣлой одѣ „Къ Временщику“, помѣщенной въ „Невскомъ Зрителѣ“ (1820), Рылѣевъ въ крайне рѣзкихъ выраженіяхъ изобличаетъ всесильнаго тогда Аракчеева, ставя ему, между прочимъ, въ вину то, что онъ довелъ народъ до нищеты тягостнымъ налогомъ и лишилъ селенія ихъ прежней красоты. Это единственное упоминаніе, да и то косвенное, въ напечатанныхъ произведеніяхъ Рылѣева о крѣпостномъ правѣ. За то въ революціонныхъ пѣсняхъ, написанныхъ въ цѣляхъ агитаціи и усиленно распространяемыхъ въ простонародныхъ и солдатскихъ

кругахъ, ненависть автора къ крѣпостному праву сказывается чрезвычайно ярко.

Положеніе закрѣпощеннаго народа въ одной изъ этихъ пѣсенъ рисуется въ такихъ выраженіяхъ:

Ахъ, тошно мнѣ
И въ родной сторонѣ;
Все въ неволѣ,
Въ тяжкой долѣ,
Видно вѣкъ вѣковать.
Долго-ль русскій народъ
Будетъ рухлядью господъ,
И людями,
Какъ скотами,
Долго-ль будутъ торговать...
По двѣ шкуры съ насъ дерутъ;
Мы посѣемъ, они жнутъ;
И свобода
У народа
Силой баръ задушена.
А что силой отнято,
Силой выручимъ мы то,
И въ привольи,
На раздольѣ,
Стариною заживемъ.

Затѣмъ въ пѣснѣ указывается на трудность для мужика добиться правды на судѣ, всѣ служащіе въ которомъ, начиная отъ сторожа и кончая предсѣдателемъ, — взяточники и лихоимцы, и на разорительность государственныхъ повинностей, возложенныхъ на закрѣпощенный народъ.

Малая художественная цѣнность и умышленная, по выраженію проф. Котляревскаго, аляповатость этихъ пѣсенъ не мѣшаютъ имъ свидѣтельствовать о безусловной искренности и горячемъ народолюбіи ихъ автора. Это послѣднее подтверждается также многими фактами изъ жизни Рылѣева. Такъ, изъ письма жены къ поэту, видно, что онъ былъ очень

мягкимъ помѣщикомъ; мужики его даже были „избалованы“ его добротою; заступался онъ также и за крѣпостныхъ другихъ помѣщиковъ, какъ это явствуетъ изъ его вмѣшательства въ дѣло крестьянъ гр. Разумовскаго. И не только интересы крѣпостныхъ отстаивалъ при всякомъ удобномъ случаѣ Рылѣевъ; состраданіе къ низшей братіи вообще было его отличительной чертой. Въ должности засѣдателя СПБ. палаты уголовнаго суда своимъ нелицепріятіемъ и справедливостью онъ стяжалъ себѣ всеобщую извѣстность. Имя и честность его вошли въ пословицу среди простого народа. Всѣ отмѣченные факты убѣждаютъ въ томъ, что въ лицѣ Рылѣева народныя массы имѣли одного изъ искреннѣйшихъ своихъ друзей.

Откликнулись на тяжелое положеніе закрѣпощеннаго крестьянства и другіе поэты двадцатыхъ годовъ. Другъ Пушкина и Н. Тургенева, кн. Вяземскій, въ нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ, которыя, къ сожалѣнію, въ свое время не были напечатаны, очень опредѣленно высказывается по данному вопросу. Въ стихотвореніи „Петербургъ“ (1818 г.) онъ выражаетъ надежду, что

Съ чела оратая сотрется потъ неволи.
Природы старшій сынъ, ближайшій братьевъ другъ
Свободно проведетъ въ поляхъ наслѣдный плугъ,
И свѣтлыхъ нивъ просторъ, пріютъ свободы мирной,
Не будетъ для него темницею обширной.

Увѣренностью въ побѣдѣ прогрессивныхъ началъ, въ частности въ отмѣнѣ крѣпостничества, проникнуто и другое стихотвореніе кн. Вяземскаго „Негодованіе“ (1818). Въ „Посланіи Сибирякову“

(1820 г.) писателю изъ крѣпостныхъ крестьянъ, „въ отечествѣ поэту“, „кондитеру въ барскомъ домѣ“ также звучитъ антикрѣпостническій мотивъ. Кн. Вяземскій утѣшаетъ Сибирякова говоря, что „свобода въ насъ самихъ“, а среди баръ

Ты сталъ бы, какъ они, въ безчувствіи глубокомъ,
На участь братіевъ взирать холоднымъ окомъ,
И думать, что Творецъ на то и создалъ знать,
Чтобъ кровью ближняго ей нагло торговать,
Что черни далъ однѣ Онъ спины, барству души.

Сравнительно съ однимъ изъ подобныхъ людей: „ты—рабъ свободный, онъ—рабъ жалкій на свободѣ“.

Антикрѣпостническое настроеніе такъ сильно владѣло лучшей частью общества въ Александровскую эпоху, что ему отдалъ дань даже сравнительно далекій отъ вліянія декабризма поэтъ Батюшковъ. Въ его извѣстныхъ сочиненіяхъ протестъ противъ крѣпостного права отсутствуетъ, но кн. Вяземскій удосовѣряетъ, что Батюшковъ написалъ въ 1811 г. „прекрасное четверостишіе, въ которомъ, обращаясь къ Императору Александру, говорилъ, что послѣ окончанія славной войны, освободившей Европу“, государь „призванъ Провидѣніемъ довершить славу свою и обезсмертить свое царствованіе освобожденіемъ русскаго народа“.

Крупнѣйшій представитель драматической литературы двадцатыхъ годовъ, Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, по своимъ политическимъ взглядамъ, можетъ быть названъ типичнымъ декабристомъ, лишеннымъ только романтической самоувѣренности большинства участниковъ тайныхъ обществъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что Грибоѣдовъ вполнѣ раздѣлялъ мечты своихъ друзей

о введеніи въ Россіи конституціоннаго строя и о скорѣйшемъ освобожденіи крестьянъ. Общественное „credo“ автора „Горя отъ ума“ удачно формулировано имъ самимъ въ небольшомъ стихотворномъ экспромтѣ, начинающемся словами:

По духу времени и вкусу,
Я ненавижу слово: рабъ.

Не останавливаясь на конституціонныхъ стремленіяхъ Грибоѣдова, наличность которыхъ съ несомнѣнностью доказана новѣйшими изслѣдованіями, отмѣтимъ, что рабство соціальное онъ ненавидѣлъ не менѣе политическаго: о тяжеломъ положеніи закрѣпощенныхъ крестьянъ авторъ „Горя отъ ума“ говоритъ постоянно и всегда со жгучимъ негодованіемъ. Антикрѣпостничество Грибоѣдова, кромѣ такихъ общихъ причинъ, какъ его широкое образованіе и политическое свободомысліе, объясняется еще и тѣмъ, что онъ испытывалъ, говоря словами его геніальной комедіи, „влеченье, родъ недуга“ къ простому русскому народу. Никто до него не болѣлъ такъ искренно надъ разобщенностью интеллигентныхъ слоевъ общества и простой земледѣльческой массы. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно типична его статья „Загородная прогулка“ (1826), въ каждой строчкѣ которой такъ и бьетъ живая искренняя любовь Грибоѣдова къ родному народу. Тѣмъ больнѣе ему было наблюдать его тяжелое и унизительное положеніе подъ властью помѣщиковъ, принадлежащихъ къ столь ему несимпатичному „поврежденному классу полу-европейцевъ“; а потому, чуть-ли не въ каждомъ его произведеніи мы встрѣчаемся съ очень опредѣленными выпадами противъ крѣпостного права.

Еще семнадцатилѣтнимъ юношей (1812), Грибоѣдовъ набрасываетъ комедію „Студентъ", законченную пятью годами позднѣе въ сотрудничествѣ съ Катенинымъ; въ ней онъ отмѣчаетъ, между прочимъ, жестокость петербургскихъ чиновныхъ баръ къ своимъ крестьянамъ, имѣющимъ въ ихъ глазахъ значеніе дойной коровы, только и существующей для того, чтобы платить подати и оброки. Въ „Студентѣ" крѣпостное право задѣто мимоходомъ. Однако, мысль автора по прежнему была прикована къ этому ужасному злу русской общественности, и вотъ въ 1822 году онъ задумываетъ драму изъ эпохи войны двѣнадцатаго года съ вполнѣ ясной соціальной тенденціей. Центральнымъ лицомъ въ ней насколько можно судить по сохранившемуся краткому плану, долженъ былъ быть крѣпостной М*, поступившій въ ратники ополченія и проявившій въ битвахъ выдающуюся храбрость. Однако получить за нее справедливое воздаяніе ему такъ и не пришлось ни на войнѣ, ни въ своей родной деревнѣ. Подъ заголовкомъ „Эпилогъ" въ планѣ Грибоѣдовской драмы читаемъ: „*Вильна.*—Вся поэзія великихъ подвиговъ исчезаетъ, М* въ пренебреженіи у военноначальниковъ. Отпускается во свояси съ отеческими наставленіями въ покорности и послушаніи. *Село, или развалины Москвы.* Прежнія мерзости. М* возвращается подъ палку господина, который хочетъ ему сбрить бороду. Отчаяніе... Самоубійство". Даже изъ этого коротенькаго конспекта выносишь впечатлѣніе, что драма Грибоѣдова обѣщала быть выдающимся по своему общественному смыслу произведеніемъ и легко могла пріобрѣсти значеніе широкой аллегоріи. Въ судьбѣ несчастнаго М* такъ много общаго съ судьбой всего русскаго на-

рода. Въ годину общегосударственнаго бѣдствія къ нему обратились съ призывомъ: „иди, спасай“; онъ пришелъ и спасъ, но тѣмъ не облегчилъ своего положенія. Начались „прежнія мерзости“, и недавнимъ героямъ пришлось, выслушавъ отеческія наставленія властей предержащихъ, покорно подставить свою спину подъ палку помѣщика крѣпостника. И тѣмъ болѣе знаменательнымъ явилось бы это произведеніе, если бы оно было написано Грибоѣдовымъ, что только ему отечественная война представилась съ народно-общественной стороны. Двѣнадцатый годъ былъ, конечно, „воспѣтъ“, но воспѣваніе это ограничивалось обычно бравурно-патріотическими мотивами.

Набрасывая только что приведенный планъ, Грибоѣдовъ уже интенсивно работалъ надъ своимъ шедевромъ—комедіей „Горе отъ ума“, законченной имъ въ 1824 г. Въ этомъ произведеніи антикрѣпостническая тенденція ярко выступаетъ въ рѣчахъ Чацкаго. Въ программу этого „истинно просвѣщеннаго“ и „одушевленнаго лучшими стремленіями“ человѣка „прежде всего, по словамъ проф. Овсянико-Куликовскаго, входила отмѣна крѣпостного права“. Грибоѣдовскій герой нѣсколько разъ возвращается въ комедіи къ обличенію крѣпостничества. Перебирая при первой же встрѣчѣ съ Софьей (VII явл. I акта) своихъ московскихъ знакомцевъ, онъ, между прочимъ, вспоминаетъ и объ одномъ помѣщикѣ-театралѣ, который своихъ „тощихъ“ артистовъ заставлялъ во время бала щелкать соловьями, запрятавъ ихъ въ комнатѣ „посекретнѣй“. Удивительно мѣтко въ этой краткой характеристикѣ подмѣчены отрицательныя черты помѣщичьяго меценатства, основаннаго на униженіи человѣческой личности крѣпостныхъ

артистовъ. Еще болѣе рѣзко тотъ же мотивъ звучитъ въ знаменитомъ монологѣ: „А судьи кто?“ Послѣ всѣмъ памятнаго мѣста о „Несторѣ негодяевъ знатныхъ“, промѣнявшемъ своихъ слугъ, не разъ спасавшихъ его жизнь и честь во время попоекъ и дракъ, на „три борзыя собаки“, авторъ говоритъ о другомъ баринѣ, любителѣ балета, который привезъ изъ своихъ деревень, „на многихъ фурахъ отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей“, поверсталъ ихъ въ амуры и зефиры, а потомъ, когда его затѣя кончилась крахомъ, распродалъ ихъ всѣхъ „по одиночкѣ“.

Таковы протесты противъ крѣпостного права Чацкаго, у котораго, въ комедіи по крайней мѣрѣ, единомышленниковъ не было. Огромное большинство московскаго общества — противъ него, оно всецѣло на сторонѣ „Нестора негодяевъ знатныхъ“ и ему подобныхъ. Важная старуха Хлестова, очень довольная тѣмъ, что ей Загорѣцкій „двоихъ арабченковъ на ярмаркѣ досталъ“, чиновный баринъ Фамусовъ, готовый швейцара Фильку и другихъ слугъ отправить за ничтожный недосмотръ на поселеніе,—оба они, конечно, заядлые крѣпостники; простой народъ, само собой разумѣется, для нихъ не „умный добрый нашъ народъ“, какъ для Чацкаго, а сборище Петрушекъ, Филекъ, Машекъ, созданныхъ только для того, чтобы повиноваться и давать доходъ, а при случаѣ способствовать „монашескому поведенію“ своихъ господъ.

Въ слѣдующемъ году (1825 г.) Грибоѣдовъ пишетъ лирическое стихотвореніе „Хищники на Чегемѣ“, въ которомъ также содержится довольно рѣзкій выпадъ противъ крѣпостного права. Воинственная ватага удалыхъ горцевъ мечтаетъ о на-

бѣгѣ на русскія поселенія. Есть надежда захватить много плѣнныхъ: русскія дѣвы пойдутъ джигитамъ и узденямъ, отроки — кадіямъ, „людямъ Божьимъ“.

Узникамъ удѣлъ обычный,—
Надъ рабами высока
Ихъ стяжателей рука:
Узы—жребій имъ приличный,
Въ ихъ землѣ и свѣтъ темничный!
И ужасенъ ли обмѣнъ?—
Дома — цѣпи, въ чужѣ — плѣнъ!

Въ этихъ не особенно художественныхъ, но очень энергичныхъ стихахъ выражена чрезвычайно смѣлая мысль: русскимъ поселянамъ нечего бояться плѣна, такъ какъ у себя на родинѣ они привыкли къ такому же рабству. Неудивительно, что цензура вычеркнула процитированныя строки. За годъ до своей смерти Грибоѣдовъ началъ работать надъ трагедіей „Грузинская ночь“ (1828), которая, къ сожалѣнію, до насъ не дошла: она, по свидѣтельству Булгарина, „погибла вмѣстѣ съ авторомъ“. Однако, Булгарину было извѣстно ея содержаніе; кромѣ того, изъ нея сохранилось нѣсколько отрывковъ. Хотя сюжетъ заимствованъ изъ грузинскаго сказанія, и дѣйствіе происходитъ въ Грузіи, тѣмъ не менѣе въ трагедіи трактуется все тотъ же вопросъ о крѣпостномъ рабствѣ. Нѣкій грузинскій князь въ видѣ выкупа за любимаго коня отдалъ другому князю своего раба, совсѣмъ юнаго еще отрока. Это было „дѣломъ обыкновеннымъ“, а потому князь не думалъ о послѣдствіяхъ. Мать отрока, бывшая кормилица князя, няня его дочери, упрекаетъ своего господина въ безчеловѣчіи и умоляетъ не разлучать ее съ сыномъ. Это мѣсто, по словамъ Булгарина,

производило наиболѣе сильное впечатлѣніе: „самые холодные люди были растроганы жалобами матери, требующей возврата сына“. Сѣтованія кормилицы вызываютъ только гнѣвъ князя.

Уже сынъ твой, — заявляетъ онъ,—рабъ другого господина.
И нѣтъ его, онъ мой оставилъ домъ.
Онъ проданъ мной, и я былъ воленъ въ томъ.
Онъ былъ мой крѣпостной...

Убѣдившись въ безполезности своихъ просьбъ, кормилица обращается къ адскимъ духамъ и съ ихъ помощью жестоко мститъ обидчику.

Такимъ образомъ, съ 1812 года, къ которому относятся наброски „Студента“, до самой смерти, Грибоѣдовъ скорбѣлъ надъ судьбой закрѣпощеннаго народа. Имѣли ли его взгляды какое-либо вліяніе на современниковъ? Поскольку дѣло касается недоконченныхъ пьесъ Грибоѣдова, то на этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно. Зато его комедія „Горе отъ ума“ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ произведеній литературы, которыя не мало способствовали проясненію общественнаго самосознанія. И это несмотря на то, что комедія подверглась самымъ яростнымъ цензурнымъ гоненіямъ и была впервые напечатана черезъ четыре года послѣ смерти автора— въ 1833 году. Цензурный запретъ либералы Александровскаго царствованія сумѣли обойти. Въ запискахъ Завалишина мы находимъ цѣнное сообщеніе о томъ, какъ декабристы нѣсколько дней сряду собирались у кн. Одоевскаго, у котораго жилъ тогда Грибоѣдовъ, чтобы въ нѣсколько рукъ списывать комедію подъ диктовку. Дѣлалось это потому, что „литературные дѣятели захотѣли воспользоваться предстоящимъ отпускомъ офицеровъ

для распространенія комедіи въ рукописи". Отсюда видно, что художественному произведенію Грибоѣдова усвоялась прямо-таки агитаціонная роль. И оно оправдывало свое предназначеніе. Когда бар. Штейнгеля спросили на слѣдствіи, „какія сочиненія наиболѣе способствовали развитію въ немъ либеральныхъ взглядовъ", онъ прямо указалъ на комедію Грибоѣдова. Другой декабристъ, Бѣляевъ, въ своихъ воспоминаніяхъ отмѣчаетъ именно антикрѣпостническое вліяніе комедіи. „Комедія „Горе отъ ума",—пишетъ онъ,—ходила по рукамъ въ рукописи; слова Чацкаго: „всѣ распроданы по одиночкѣ" приводили въ ярость".

Кромѣ „Горе отъ ума" крѣпостное право задѣвается въ разсматриваемую эпоху въ нѣсколькихъ пьесахъ другихъ авторовъ, конечно, уже не съ Грибоѣдовской мѣткостью и широтою. Сюда можно отнести комедіи: „Пустодомы" (1820) кн. Шаховского, „Неожиданное возвращеніе" (1820) Кругликова и „Дворянскіе выборы" (1829) Квитки Основьяненко.

Изъ русскихъ романистовъ десятыхъ и двадцатыхъ годовъ наиболѣе отрицательное отношеніе къ крѣпостному праву проявилъ Василій Трофимовичъ Нарѣжный. Съ замѣтнымъ упорствомъ и послѣдовательностью останавливается онъ во многихъ своихъ произведеніяхъ на отношеніяхъ, существовавшихъ между помѣщиками и крестьянами, причемъ всѣ симпатіи его неизмѣнно на сторонѣ послѣднихъ. Антикрѣпостническая настроенность Нарѣжнаго тѣмъ знаменательнѣе, что онъ не принадлежалъ къ кружкамъ декабристовъ, едва ли былъ даже хорошо знакомъ съ кѣмъ-либо изъ нихъ. Такимъ образомъ, говорить въ этомъ случаѣ о постороннихъ вліяніяхъ, опредѣлившихъ отно-

шеніе Нарѣжнаго къ данному вопросу, совершенно не приходится. Очевидно, Нарѣжный самостоятельно пришелъ къ осужденію крѣпостничества и его темныхъ сторонъ, основываясь какъ на тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя давала ему реальная дѣйствительность, такъ и на внушеніяхъ своего отзывчиваго на чужое горе сердца. А объ отзывчивости Нарѣжнаго можно судить по той высоко гуманной теоріи, которую онъ развиваетъ устами одного изъ своихъ героевъ („Аристіонъ или перевоспитаніе"): „Я такъ вѣрю: если хочу быть доволенъ, веселъ, счастливъ, то *непремѣнно долженъ* разливать довольство, веселіе, счастье на всѣхъ тѣхъ, бытіе коихъ нѣкоторымъ образомъ заключено въ кругъ моего бытія". Проникнутый такимъ настроеніемъ, Нарѣжный сумѣлъ дать въ своихъ произведеніяхъ рядъ яркихъ и красочныхъ описаній жизни и быта закрѣпощеннаго народа.

Значительный интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ романъ Нарѣжнаго „Россійскій Жильблазъ", вышедшій въ свѣтъ въ 1814 г. Въ этомъ произведеніи авторъ создаетъ широкую картину русскихъ нравовъ, захватывая какъ верхи, такъ и низы тогдашняго общества. Среди многочисленныхъ, по большей части, отрицательныхъ типовъ романа, фигурируютъ и отъявленные крѣпостники. Таковы господа Головорѣзовы, которые „на досугѣ гоняются за дворовыми дѣвками, собираютъ слугъ и велятъ имъ бить другъ друга, а сами не могутъ налюбоваться, видя кровь, текущую изъ зубовъ и носовъ, и волосы, летящіе клоками". Таковъ и господинъ Куроумовъ, который „хотѣлъ доказать, что онъ помѣщикъ", а потому „въ домѣ его раздавались стоны". Интереснѣе всего, что съ точки зрѣнія Нарѣж-

наго подобные факты дурного обращенія помѣщиковъ съ крестьянами не являются единичными исключеніями изъ общаго правила, а представляютъ собой обычное, повседневное явленіе. Не даромъ авторъ говоритъ объ одномъ изъ своихъ героевъ, что онъ „слыхалъ, что знатные отличаются, между прочимъ, отъ другихъ и тѣмъ, что жестоко наказываютъ людей своихъ за маловажныя вины, а часто и невинно, по одной прихоти, чтобы бѣдняки не забывали, что они имѣютъ господина. „Мы господскіе!“—крестьяне многихъ говорятъ съ такимъ лицомъ и такимъ голосомъ, какъ будто хотѣли выразить: „мы — осужденные въ жизни сей на одно страданіе!“ Это обобщеніе убѣждаетъ въ наличности отрицательнаго отношенія автора къ крѣпостному праву вообще. Объ этомъ свидѣтельствуетъ также и то, что единственное положительное лицо романа, шинкарь Янька, признаетъ нравственную несостоятельность соціальнаго неравенства, глубоко вѣря „въ великое Предопредѣленіе, въ глазахъ котораго равны и князь, и крестьянинъ, и староста, и жидъ Янька“. Опредѣленность общественной тенденціи романа вызвала запрещеніе его послѣднихъ трехъ частей.

Однако, неудача съ „Жильблазомъ“, очень чувствительная для бѣдняка Нарѣжнаго, не заставила его измѣнить своему прогресcивному міровоззрѣнію.

Въ 1821 году выходитъ въ свѣтъ его повѣсть „Аристіонъ или перевоспитаніе“, посвященная важному въ тѣ времена вопросу о неудовлетворительности принятаго въ дворянскомъ кругу воспитанія. Эта въ сущности педагогическая тема трактуется вперемежку съ настойчивыми нападками на крѣпостное право.

Въ главной части романа разсказывается, какъ юношу Аристіона, развращеннаго столичной жизнью, перевоспитывали его родители и ихъ другъ, подъ видомъ совершенно постороннихъ людей. Однимъ изъ важныхъ факторовъ перевоспитанія служили посѣщенія сосѣднихъ помѣщиковъ, дававшихъ примѣры того, какъ не слѣдуетъ жить и обходиться съ крестьянами. Первымъ описанъ въ романѣ Нарѣжнаго панъ Сильвестръ, страстный охотникъ, цѣлыми днями пропадающій въ лѣсу въ поискахъ за дичью. Всѣ заботы его по хозяйству выражались въ томъ, что онъ, вмѣстѣ съ сыномъ, одѣвшись по казачьи и вооружившись „предлинными бичами", „стегали бѣдныхъ крестьянъ и крестьянокъ, по чему ни попало". Покидая усадьбу Сильвестра, Аристіонъ со своимъ наставникомъ Кассіаномъ обмѣниваются мнѣніями по поводу ея обитателей. Кассіанъ, имѣя въ виду самого помѣщика и его сына, говоритъ своему молодому другу: „Они оба показываютъ тебѣ, что значитъ дворянинъ безъ приличнаго образованія. Это дикій звѣрь, который готовъ терзать себѣ подобныхъ, если ихъ сильнѣе; помочь же имъ въ чемъ нибудь онъ и не умѣетъ и не хочетъ и есть истинное бремя на земномъ шарѣ, есть гнусный вередъ, заражающій все общественное тѣло, есть ядовитое животное, оскверняющее все, къ чему не прикоснется". Если принять во вниманіе, что большинство провинціальныхъ дворянъ не только 20-хъ, но и 30-хъ и даже 40-хъ годовъ не получали приличнаго образованія, то слова Нарѣжнаго, какъ обращенныя къ большинству членовъ привилегированнаго сословія, нельзя не признать очень смѣлыми. Они же даютъ также основаніе и для антикрѣпостническаго вывода, такъ какъ эти „дикіе звѣри", „гнус-

ные вереды“, „ядовитыя животныя“ были безконтрольными владыками своихъ крестьянъ. Еще болѣе отрицательныя впечатлѣнія выноситъ Аристіонъ съ Кассіаномъ отъ посѣщенія усадьбы пана Тараха, отвратительнаго скупца, если кому и уступающему въ пагубной страсти, то только своей женѣ. Крестьянамъ этой достойной пары живется очень тяжело; дочери ткача Марфушѣ, среди яицъ которой оказывается нѣсколько порченныхъ, угрожаетъ мучительное наказаніе: помѣщица собирается выщипать ей косы. Однако, какъ ни страшна крестьянамъ физическая расправа съ ними владѣльца, они страдаютъ не столько отъ нея, сколько отъ обременяющихъ ихъ прямо таки непосильныхъ поборовъ. „Не говоря о всѣхъ угнетеніяхъ, разсказываетъ одинъ изъ крѣпостныхъ Тараха, натяжкахъ, обидахъ всякаго рода, коими они придавили насъ къ землѣ, такъ что и людьми назваться не смѣемъ, они подъ конецъ изобрѣли хитрости, противъ которыхъ и самъ сатана не остережется“. Всѣ эти хитрости клонятся къ тому, чтобы выжать изъ крестьянъ побольше денегъ. Милостыня, поданная Аристіономъ одному изъ крестьянъ Тараха, трогаетъ его до слезъ. „Какъ легко, замѣчаетъ, видя это Аристіонъ, достаточному человѣку разливать вокругъ себя довольство и счастіе“. Кассіанъ заставляетъ его покраснѣть, напоминая о тѣхъ столичныхъ повѣсахъ, которые „на картахъ, на винахъ, на дѣвкахъ, въ одинъ вечеръ проматываютъ часто столько“ денегъ, что ими можно было бы на всю жизнь осчастливить цѣлыя сто семействъ.

Третьимъ по счету визитомъ Аристіона и его неизмѣннаго спутника является посѣщеніе пана Парамона. Это „безумецъ новаго рода“, который,

„на угощенія недостойныхъ пріятелей разстрачивая послѣднія крохи бѣдныхъ крестьянъ, конечно за грѣхи предковъ подпавшихъ власти его, можетъ быть покоенъ, доволенъ, веселъ“. Обширная деревня его представляетъ однѣ развалины, крестьянскія дѣтишки принуждены просить милостыню у прохожихъ; такая же участь угрожаетъ ихъ родителямъ. Если въ „Аристіонѣ“ Нарѣжный настойчиво и систематически рисуетъ дурныхъ помѣщиковъ, то въ одной изъ своихъ послѣдующихъ повѣстей („Марія“ 1823 г.) онъ касается не менѣе важнаго вопроса о томъ, къ какимъ тяжелымъ нравственнымъ коллизіямъ въ личной жизни приводитъ иногда крѣпостное право. Героиней этого произведенія является крѣпостная дѣвушка, дочь старика управителя, получившая, однако, воспитаніе вмѣстѣ съ графской дочерью, что и „погрузило ее въ бездну злополучія“. Марія имѣла несчастье полюбить молодого графа Асколона, товарища ея дѣтскихъ игръ. Когда о взаимной привязанности молодыхъ людей узнаетъ графиня-мать, женщина столь высокомѣрная, что рѣдко кого либо изъ подвластныхъ ей людей удостаивала ласковымъ взглядомъ, считая „ихъ за насѣкомыхъ, которыхъ могла душить и топтать по произволу“, гнѣвъ ея не имѣетъ границъ. Напрасно благоразумный аббатъ Бертольдъ убѣждаетъ ее, что Марія ничуть не хуже ни одной изъ ихъ знакомыхъ княженъ и графинь, она неумолима и требуетъ отъ графа, „чтобы эта ненавистная Марья сегодня же была обвѣнчена съ камердинеромъ Меркуромъ“, видя въ этомъ лучшее средство „вразумить безразсудныхъ и возстановить спокойствіе знаменитаго дома“.

Графъ, несмотря на свою гуманность не допускающій и мысли о женитьбѣ сына на крѣпостной,

избираетъ другое болѣе человѣчное рѣшеніе: онъ отправляетъ сына заграницу, а Марію вмѣстѣ съ матерью и отцомъ въ дальнее украинское имѣніе. Несчастная дѣвушка, не перенеся разлуки съ милымъ, сначала теряетъ разсудокъ, а потомъ умираетъ. Жизнь не переставшаго любить ее Аскалона совершенно разбита!

Таково серьезное общественное содержаніе этой сентиментальной повѣсти, которая, какъ справедлибо замѣчаетъ біографъ Нарѣжнаго, г-жа Бѣлозерская, „во многихъ отношеніяхъ выше всего... въ этомъ родѣ изъ старыхъ романовъ и повѣстей“.

Антикрѣпостническая тенденція сказывается, правда, въ болѣе слабой степени и въ другихъ произведеніяхъ Нарѣжнаго („Богатый бѣднякъ“—1823 г., „Заморскій принцъ“—1824 г., ненапечатанный романъ „Гаркуша“).

Такимъ образомъ сочувственное и гуманное отношеніе къ низшей братіи никогда не измѣняло этому писателю, такъ несправедливо забытому современниками.

III.

Девятнадцатый вѣкъ: 30-ые годы.

Реакція, начавшаяся во вторую половину царствованія Александра I, продолжалась еще съ большей, пожалуй, интенсивностью въ теченіе всего тридцатилѣтняго правленія Николая I. Заподозрѣнное, подъ впечатлѣніемъ событій 14-го декабря, въ крамольныхъ замыслахъ, общество систематически отстранялось отъ всякаго рода не только активнаго, но даже и пассивнаго участія въ вопросахъ государственнаго строительства. Строжай-

шая опека надъ поступками, словами и даже помышленіями обывателей являлась лозунгомъ правительственныхъ сферъ. Литературу, единственную въ самодержавномъ государствѣ выразительницу общественнаго мнѣнія, терпѣли постольку, поскольку она витала въ области мечты и отвлеченности. Для обузданія ея въ 1826 г. былъ обнародованъ такъ называемый „чугунный“ уставъ цензуры, основываясь на которомъ, какъ справедливо замѣтилъ цензоръ Глинка, можно было и „Отче нашъ“ запретить...

Какъ же реагировало общество на происходившую оргію безудержной реакціи? Отвѣчая на этотъ вопросъ, прежде всего, приходится отмѣтить, что его умственные интересы, по сравненію съ 20-ми годами значительно измѣнили свое содержаніе. Въ 20-ые годы „тонъ задавали“ декабристы съ ихъ общественно-политическимъ устремленіемъ мыслей. Послѣ 14-го декабря, вырвавшаго изъ общественной среды ея наиболѣе либеральныхъ и активныхъ дѣятелей, увлеченіе политикой должно было ослабѣть; идеалы декабристовъ потускнѣли въ общественномъ сознаніи. За то ожилъ интересъ къ вопросамъ философскимъ и умозрительнымъ, которые и получили явное преобладаніе въ кружкахъ тогдашней интеллигенціи.

Сообразно съ этимъ мѣняетъ нѣсколько свой характеръ и художественная литература: гражданскіе мотивы въ ней уже не пользуются прежнимъ распространеніемъ. Несмотря на это было бы, однако, заблужденіемъ предполагать, что въ литературѣ 30-хъ гг. совершенно игнорировалась общественная жизнь и отсутствовала всякая либеральная тенденція. Этого, само собой, разумѣется, не могло произойти и потому, что декабризмъ пустилъ слишкомъ

глубокіе корни и не могъ безслѣдно исчезнуть изъ общественной психики, и потому, что романтизмъ, являвшійся въ это время господствующимъ литературнымъ направленіемъ, по самой природѣ своей, былъ враждебенъ всему, что стѣсняло свободу человѣческой личности. Вслѣдствіе этого, среди произведеній изящной словесности 30-хъ годовъ, встрѣчается не мало такихъ, въ которыхъ проводится и опредѣленно-отрицательное отношеніе къ крѣпостному праву. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ изъ этихъ произведеній могли быть своевременно напечатаны.

Такъ, не появились въ печати очень цѣнныя своимъ негодующимъ отношеніемъ къ крѣпостному праву драмы Бѣлинскаго и Лермонтова. Прежде чѣмъ перейти, однако, къ ихъ разсмотрѣнію, отмѣтимъ, что, даже изъ числа лирическихъ поэтовъ 30-хъ годовъ, былъ одинъ — А. В. Кольцовъ,—который, не заикнувшись ни однимъ словомъ о крѣпостномъ правѣ, сумѣлъ въ такихъ привлекательныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ реальныхъ краскахъ изобразить русское крестьянство, что антикрѣпостническій выводъ какъ то невольно напрашивается, по прочтеніи его произведеній.

Драма „Дмитрій Калининъ"—первая серьезная проба пера будущаго великаго критика—является по словамъ М. А. Протопопова, — произведеніемъ исключительнымъ; она „во всей русской литературѣ имѣла только одинъ прецедентъ, равный ей по силѣ и искренности чувствъ"—знаменитую книгу Радищева. Этою исключительностью „Дмитрій Калининъ" безспорно обязанъ своей серьезной общественной подкладкѣ. Чтобы доказать это, достаточно припомнить фабулу драмы. Дворовый мальчикъ, Дмитрій Калининъ, воспитывается въ домѣ своего

барина Лѣсинскаго, который явно ему благоволитъ и даетъ хорошее образованіе. Враждуя съ притѣсняющими его женой и сыновьями Лѣсинскаго, Дмитрій сближается съ дочерью своего покровителя, Софьей. Молодые люди горячо любятъ другъ друга и предаются всѣмъ радостямъ любви. Внезапная смерть старика Лѣсинскаго, застающая Дмитрія въ Москвѣ, куда онъ временно отлучился, является первымъ ударомъ, разразившимся надъ головой влюбленныхъ. Сыновья Лѣсинскаго уничтожаютъ отпускную, данную ихъ отцомъ Дмитрію, и требуютъ, чтобы послѣдній возвратился изъ Москвы въ деревню и сталъ служить въ ихъ домѣ лакеемъ. Софьѣ угрожаетъ переспектива быть насильно выданной замужъ за безчестнаго и развратнаго кн. Кизяева. Во время бала, даваемаго Лѣсинскими въ честь этого послѣдняго, Калининъ, въ припадкѣ безудержнаго гнѣва и отчаянія, врывается въ залъ, во всеуслышаніе объявляетъ о своей любви къ Софьѣ и убиваетъ ея старшаго брата, осмѣлившагося назвать его рабомъ. Дмитрія заключаютъ въ тюрьму: однако, ему удается бѣжать изъ нея—онъ снова въ домѣ Лѣсинскихъ, гдѣ убиваетъ Софью, а потомъ и себя. Передъ смертью новый ударъ постигаетъ его: онъ узнаетъ, что Лѣсинскій—его отецъ, прижившій его съ одной замужнею крестьянкой, и что онъ, такимъ образомъ, кровосмѣситель, такъ какъ былъ близокъ своей сестрѣ.

Ознакомившись съ содержаніемъ драмы Бѣлинскаго, нельзя не сознаться, что антикрѣпостническая тенденція въ ней выступаетъ чрезвычайно ярко. Если бы Лѣсинскій не соблазнилъ своей крестьянки, родившей Дмитрія, если бы сыновья его не уничтожили обманнымъ образомъ отпуск-

ной, и Дмитрій остался бы свободнымъ человѣкомъ, столь трагическій исходъ отношеній героя къ Софьѣ не могъ бы имѣть мѣста. Слѣдовательно, вина падаетъ на тотъ общественный порядокъ, при которомъ крестьянская женщина ничѣмъ не гарантирована отъ покушеній сластолюбиваго барина, при которомъ грубые и жестокіе баричи могутъ распоряжаться, какъ вещью, своимъ сверстникомъ, неизмѣримо превосходящимъ ихъ по уму и развитію, только потому, что онъ ихъ „рабъ". Порядокъ этотъ — крѣпостное право. Такой выводъ съ неизбѣжностью вытекаетъ изъ самой фабулы драмы. Соотвѣтственно съ этимъ, въ ней имѣются мѣста, весьма недвусмысленно подчеркивающія принципіально отрицательное отношеніе автора къ крѣпостничеству. Въ особенности рѣзко этотъ мотивъ звучитъ въ монологахъ Дмитрія Калинина. Вотъ одинъ изъ нихъ: „Неужели эти люди для того только родятся на свѣтъ, чтобы служить прихотямъ такихъ же людей — какъ они сами? Кто далъ это гибельное право однимъ людямъ порабощать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище—свободу? Кто позволилъ имъ ругаться правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ, для потѣхи или для разсѣянія, содрать шкуру съ своего раба; можетъ продать его, какъ скотъ, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, съ братьями и со всѣмъ, что для него мило и драгоцѣнно!.. Милосердный Боже, отецъ человѣковъ! отвѣтствуй мнѣ: Твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ зміевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ

своихъ ближнихъ и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы?..“

Громовыя проклятія Калинина противъ рабства оставались бы висѣть въ воздухѣ и производили бы сравнительное слабое впечатлѣніе, если бы Бѣлинскій въ своемъ произведеніи не далъ цѣлаго ряда жанровыхъ картинокъ, которыя рисуютъ горемычное житье-бытье закрѣпощеннаго народа.

При жизни старика Лѣсинскаго дворовымъ его людямъ и крестьянамъ жилось сравнительно недурно, но когда онъ умеръ, ихъ положеніе рѣзко измѣнилось къ худшему. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ старый слуга Иванъ: „Какъ только онъ (т. е. Лѣсинскій) скончался, то барыня такъ начала тиранствовать надъ нами, что не дай Господи такого житья лихому татарину, ни здѣсь, ни на томъ свѣтѣ... Всего и пересказать нельзя. На каторгѣ колодникамъ лучше житье-то, чѣмъ намъ грѣшнымъ у барыни“.

Отъ тяжелаго нрава барыни, прежде всего приходится страдать *дворнѣ*, этому „проклятому хамову отродью“, по выраженію Лѣсинской. У нея „всякая вина виновата“ и, дѣйствительно, она жестоко бьетъ по щекамъ горничную Лизу за то только, что та не успѣла доложить ей о пріѣздѣ гостьи. Мало того, Лѣсинская требуетъ отъ старика Ивана, дѣда Лизы, чтобы и онъ „отхлопалъ“ ее хорошенько. Честный старикъ категорически отказывается быть „палачомъ“ родной внучки. Тутъ ужъ Лѣсинская впадаетъ въ совершенное неистовство. Посылая бѣднягу на конюшню, она кричитъ: „Да развѣ хамы смѣютъ разбирать родство, когда имъ господа приказываютъ... Пожили бы вы у моего братца Филиппа Андреевича. Нѣтъ, ужъ у него не такъ бы заговорили! Онъ до полу-

смерти колотитъ вашего брата, да не смѣй рта разинуть, не смѣй слова пикнуть. Коли станетъ орать, али плакать, такъ вдвое велитъ пріударить. А то вишь какіе нѣженки, чуть мазнешь по рожѣ, такъ и расхнычутся, точно дворяне какіе". Не лучше живется и *крестьянамъ* Лѣсинской: она ихъ „била, какъ собакъ, и отдавала въ солдаты, и пускала по міру, отнимала хлѣбъ, скотъ, осматривала клѣти, ломала коробьи, отбирала деньги, холстъ; кто малость въ чемъ нибудь провинится, такъ ушлетъ въ дальнія вотчины". Прямо таки потрясающее впечатлѣніе производитъ исторія богатаго мужика Антипа, котораго эта жестокая помѣщица форменнымъ образомъ ограбила. Сынъ Антипа, пытавшійся было протестовать, внѣ очереди былъ сданъ въ солдаты, молодая жена парня умерла съ горя, а обездоленный старикъ отецъ съ горя спился и пошелъ по міру. Въ основѣ всѣхъ этихъ тиранических выходокъ Лѣсинской и ея сыновей лежитъ полная неспособность взглянуть на крѣпостныхъ съ человѣческой точки зрѣнія.

Такова эта незрѣлая въ художественномъ отношеніи, но цѣнная своею смѣлою соціальною тенденціею юношеская драма Бѣлинскаго. Она является однимъ изъ наиболѣе яркихъ антикрѣпостническихъ произведеній въ русской литературѣ и, безъ сомнѣнія, сыграла бы очень значительную роль въ дѣлѣ пробужденія русскаго общественнаго самосознанія, если бы была своевременно напечатана.

Послѣдствія пробы пера великаго критика общеизвѣстны. Несмотря на то, что „благонамѣренность" Бѣлинскаго въ ту пору его жизни не можетъ быть заподозрѣна, несмотря на то, что ника-

кихъ противоправительственныхъ замысловъ онъ не питалъ, а только по собственному признанію, „со всѣмъ жаромъ сердца, пламенѣющаго любовью къ истинѣ, со всѣмъ негодованіемъ души, ненавидящей несправедливость, въ картинѣ довольно живой и вѣрной, представилъ тиранство людей, присвоившихъ себѣ гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ“, — представители цензуры, въ лицѣ университетскихъ профессоровъ, признали его произведеніе „безнравственнымъ, позорящимъ университетъ“, автору же пригрозили лишеніемъ правъ состоянія и ссылкой въ Сибирь на каторжныя работы. Вскорѣ послѣ этого Бѣлинскій былъ уволенъ изъ университета.

Однако, этотъ тяжелый ударъ не въ состояніи былъ поколебать антикрѣпостническую настроенность молодого писателя. Въ теченіе всей своей жизни, за исключеніемъ сравнительно короткой полосы „примиренія съ дѣйствительностью“, онъ оставался заклятымъ врагомъ крѣпостного права. Къ сожалѣнію, печатно развить свои взгляды на крестьянскій вопросъ Бѣлинскому, по цензурнымъ условіямъ, не удалось. За то онъ съ неизмѣннымъ сочувствіемъ привѣтствовалъ появленіе первыхъ произведеній натуральной школы, въ которыхъ затрагивалось положеніе крестьянъ. Если антикрѣпостническое настроеніе Некрасова, Тургенева, Герцена и Григоровича интенсивно поощрялось Бѣлинскимъ, то съ неменьшей горячностью онъ обрушивался на тѣхъ писателей, которые являлись принципіальными защитниками крѣпостного права. Въ особенности возмутила Бѣлинскаго книга Гоголя „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“, въ которой великій юмористъ далъ волю своему крайнему консерватизму вообще, въ

вопросѣ же о крѣпостномъ правѣ въ частности. Не имѣя возможности въ своей критической статьѣ („Современникъ“ т. I 1847 г.) высказать и десятой доли своего негодованія, Бѣлинскій рѣшается написать Гоголю письмо. Въ немъ онъ характеризуетъ Россію, какъ безправную страну, „гдѣ люди торгуютъ людьми, не имѣя на это и того оправданія, какимъ лукаво пользуются американскіе плантаторы, утверждая, что негръ — не человѣкъ; страны, гдѣ люди сами себя называютъ не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Степками, Палашками; страны, гдѣ, наконецъ, нѣтъ... никакихъ гарантій для личности, чести и собственности“ и говоритъ, что уничтоженіе крѣпостного права и отмѣна тѣлеснаго наказанія являются самыми живыми современными вопросами. Гоголя, издавшаго книгу, въ которой онъ „во имя Христа и церкви учитъ варвара помѣщика наживать отъ крестьянъ больше денегъ, учитъ ихъ ругать побольше“, Бѣлинскій возмущенно называетъ „проповѣдникомъ кнута, апостоломъ невѣжества, поборникомъ обскурантизма и мракобѣсія и панегиристомъ татарскихъ нравовъ“. Такимъ образомъ, и въ своемъ первомъ крупномъ произведеніи и въ своемъ завѣщаніи—такъ называетъ Герценъ письмо Бѣлинскаго къ Гоголю—великій критикъ съ неизмѣнною опредѣленностью протестовалъ противъ крѣпостничества.

Отъ юношеской драмы Бѣлинскаго намѣчается естественный переходъ къ юношескимъ же драмамъ Лермонтова. Въ первый изъ нихъ, „Menschen und Leidenschaften“, (1830) протестъ противъ крѣпостного права носитъ еще нѣсколько неопредѣленный характеръ, выражаясь только въ брошенныхъ мимоходомъ указаніяхъ на жестокость помѣщицы

Марфы Ивановны Громовой, которая за разбитую вазу готова подвергнуть безчеловѣчной экзекуціи „окаяннаго Ваську поваренка“, во второй, „Странный человѣкъ“ (1831) этотъ протестъ сказывается уже вполнѣ явственно. Особенно интересна въ разсматриваемомъ отношеніи V сцена драмы. Бесѣду героя пьесы Владиміра Арбенина и его друга Бѣлинскаго прерываетъ появленіе сѣдого мужика, который, повалившись въ ноги Бѣлинскому, заявляетъ, что онъ пришелъ къ нему, какъ къ доброму барину, по порученію своихъ односельчанъ, и умоляетъ его купить ихъ деревню. Оказывается, что помѣщица, которой принадлежитъ эта деревня, прямо-таки извергъ рода человѣческаго. Она не только сѣчетъ своихъ крестьянъ за всякую малость, а чаще вовсе безъ вины, но и подвергаетъ ихъ невѣроятнымъ по своей жестокости пыткамъ. „Разъ какъ-то барынѣ донесли, что дескать, Федька дурно про тебя говоритъ и хочетъ въ городѣ жаловаться... А Федька мужикъ былъ славный; вотъ она и приказала руки ему вывертать на станкѣ... А управитель былъ на него сердитъ... Какъ повели его на барскій дворъ, дѣти кричали, жена плакала... Вотъ стали руки вывертывать. „Господинъ управитель, — сказалъ Федька:—что я тебѣ сдѣлалъ. Вѣдь ты меня губишь“. „Вздоръ“,—сказалъ управитель... Да вывертывали, да ломали... Федька и сталъ безрукій. На печкѣ такъ и лежитъ, да клянетъ свое рожденье“. Эта же помѣщица приказываетъ выщипывать у провинившихся крестьянъ бороду „волосокъ по волоску“, а горничныхъ собственноручно колетъ ножницами. Прослушавъ этотъ разсказъ, оба друга горячо возмущаются образомъ дѣйствій жестокой барыни. „Люди, люди! — восклицаетъ въ бѣшен-

ствѣ Владиміръ,—проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство... все куплено кровавыми слезами. Я бы раздавилъ ногами каждый суставъ этого крокодила... О, мое отечество! мое отечество". Бѣлинскій, съ своей стороны, заявляетъ: „Несчастные мужики! что за жизнь, когда я каждую минуту въ опасности потерять все, что имѣю, попасть въ руки палача".

Въ возмущенныхъ рѣчахъ Арбенина и Бѣлинскаго чувствуется не только негодованіе по поводу даннаго случая, но и довольно опредѣленное несочувствіе крѣпостному праву вообще.

Подобно Бѣлинскому, Лермонтовъ до конца дней остался вѣренъ своему отрицательному отношенію къ крѣпостничеству. Почти одновременно съ драмами онъ пишетъ историческую повѣсть „Вадимъ", сюжетъ которой взятъ изъ временъ Пугачевщины. Описанное въ ней возстаніе крѣпостныхъ крестьянъ противъ помѣщиковъ поставлено въ связь съ деспотизмомъ и жестокостью этихъ послѣднихъ.

Въ поэмѣ „Сашка", начатой въ 1833 году, описанъ отецъ героя симбирскій дворянинъ Иванъ Ильичъ; это былъ „врагъ—писателей и книгъ", человѣкъ лишенный всякихъ умственныхъ интересовъ, съ головой ушедшій въ растительную жизнь. Онъ „спалъ очень долго, ѣлъ за четверыхъ", часто пользовался въ отношеніи своихъ крестьянокъ „правомъ дворянина", „но дѣтей... раскидывалъ по свѣту, гдѣ случится, страшась съ своей деревней породниться". Въ поэмѣ вкратцѣ упоминается объ одномъ изъ сластолюбивыхъ подвиговъ Ивана Ильича,—онъ соблазнилъ дочь буфетчика Маврушу. Когда же бѣдная дѣвушка всей душой полюбила его сына, то онъ распоря-

дился сослать ее въ „дальній хуторъ“, гдѣ ее ждутъ „страданія и мужъ съ лохматой бородою“.

Не измѣнило Лермонтову антикрѣпостническое настроеніе и въ послѣдній годъ его жизни, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго стихотворенія, написаннаго имъ передъ отъѣздомъ на Кавказъ:

Прощай, немытая Россія,
Страна рабовъ, страна господъ,
И вы, мундиры голубые,
И, ты послушный имъ народъ.
Быть можетъ, за хребтомъ Кавказа
Укроюсь отъ твоихъ пашей,
Отъ ихъ всевидящаго глаза,
Отъ ихъ всеслышащихъ ушей.

Въ этомъ стихотвореніи нетрудно усмотрѣть отраженіе тѣхъ же политическихъ идеаловъ, которые пятнадцатью годами раньше увлекали декабристовъ. Въ самомъ дѣлѣ почему Россія кажется поэту „немытой“? Да потому, что она „страна рабовъ, страна господъ“, т. е. въ ней существуетъ крѣпостное право и еще потому, что въ ней полновластно царятъ „мундиры голубые“, „всевидящіе и всеслышащіе паши“, т. е. нѣтъ политической свободы. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что, съ освобожденіемъ крестьянъ, съ уничтоженіемъ правительственной опеки и введеніемъ народнаго представительства Россія пріумылась бы въ глазахъ Лермонтова. Но до этого ему дожить не пришлось...

Вопросъ, затронутый драмою Бѣлинскаго, о тяжеломъ положеніи крѣпостного интеллигента, интересовалъ также и нѣкоторыхъ представителей повѣствовательной литературы 30-хъ годовъ. Въ произведеніяхъ Павлова и Тимофеева этотъ вопросъ поставленъ въ связь съ модною въ тогдашней ро-

мантической литературѣ темою о противорѣчіи между героемъ—поэтомъ или артистомъ—и средой его окружающей. И у Павлова въ его „Именинахъ“ и у Тимофѣева въ его “Художникѣ“ герои, богато одаренныя художественныя натуры, пылкіе энтузіасты искусства, по несчастью рождены въ крѣпостномъ состояніи, а потому и гибнутъ въ борьбѣ съ обществомъ провинціальныхъ Простаковыхъ и Скотининыхъ.

Въ особенности интересна въ этомъ отношеніи повѣсть Павлова (1835 г.). Герой ея, крѣпостной по происхожденію, съ дѣтства обнаруживаетъ любовь къ пѣнію. Его взяли въ барскій оркестръ, „готовили въ куклы для прихотливой скуки, для роскошной праздности, но музыка спасла своего питомца“, и онъ, въ концѣ концовъ, усовершенствовался въ любимомъ искусствѣ. Чѣмъ, однако, разительнѣе его успѣхи, тѣмъ тяжелѣе сознаніе своего неравенства съ окружающимъ обществомъ, для котораго онъ не болѣе, какъ играющая и поющая машина. Знакомство съ нѣкіимъ „фанатикомъ музыки“, образованнымъ и добрымъ человѣкомъ, который обходился съ нимъ, какъ съ другими, заводилъ разговоры, просилъ садиться, чего онъ не смѣлъ до сихъ поръ дѣлать въ присутствіи господъ,—нѣсколько скрашиваетъ жизнь крѣпостного пѣвца. Но вотъ наступаетъ для него „свое домашнее Ватерлоо“. Онъ попалъ на именинный обѣдъ въ одинъ помѣщичій домъ, приглашенный пѣть со внучкой хозяйки Александриной. Удивительно жизненно и художественно описаны душевныя муки героя, который, помня о своемъ крѣпостномъ происхожденіи, не смѣетъ подъѣхать къ крыльцу барскаго дома, не входитъ, а „прокрадывается“ черезъ

порогъ. Мучительнѣе всего ему дается обѣдъ: артиста посадили на унизительномъ краю стола и „по какой-то особенной смѣтливости слугъ, каждое блюдо подавали послѣднему“; во время же обѣда ему пришлось услыхать уязвившую его въ самое сердце похвальбу помѣщика, „обработавшаго славное дѣло“—онъ „продалъ двухъ музыкантовъ, по тысячѣ рублей штуку“. Наконецъ, изъ за стола встали, и крѣпостной пѣвецъ получилъ возможность очаровать общество своимъ дивнымъ пѣніемъ. Его пригласили давать уроки Александринѣ. Начались совмѣстныя занятія молодыхъ людей. Сначала пѣвецъ твердо помнилъ о томъ „необъятномъ пространствѣ“, которое отдѣляетъ его „въ гражданскомъ быту“ отъ Александрины, но разгорѣвшаяся любовь къ прекрасной ученицѣ, явно благоволившей своему учителю, заглушила въ немъ сознаніе ихъ неравенства. Послѣ объясненія въ любви, сопровождавшагося со стороны Александрины пылкими клятвами въ вѣчной вѣрности, герой рѣшается открыть своей возлюбленной тайну своего происхожденія, При словѣ „крѣпостной“ Александрина падаетъ въ обморокъ, что непріятно поражаетъ героя. „Глубокое презрѣніе... охолодило мое сердце. Я сказалъ слово, но я былъ тотъ же“. Между тѣмъ судьба пѣвца рѣзко измѣняется къ худшему: баринъ проигралъ его въ карты завѣдомо жестокому помѣщику. Ураганъ различныхъ страстей начинаетъ, при этомъ извѣстіи, бушевать въ груди несчастнаго артиста. „Вся кровь вступила мнѣ въ голову; вѣчность страданій умѣстилась въ одну ночь. Какіе-то страшные образы летали передъ моими глазами... то казалось, что я вижу свадебный ужинъ, за которымъ сидитъ Александрина

съ женихомъ, а я стою у нихъ за стуломъ съ тарелкой, и женихъ приказываетъ мнѣ: „Петька, подай воды!“ То казалось... что я вижу моего бывшаго барина... за столомъ, на которомъ лежатъ кучи золота и карты... блѣднаго... растрепаннаго... Онъ держится за пятерку и кричитъ: „бейте, идетъ остальное, и Петрушка вашъ... я его ни за какія деньги не хотѣлъ отпускать на волю, но такъ и быть, бейте“... и пятерка падаетъ направо“... Не помня себя, артистъ проникаетъ ночью въ спальню своего бывшаго владѣльца съ бритвой въ рукахъ. Недостатокъ рѣшимости и случайное отсутствіе барина помѣшали ему сдѣлаться убійцей. На слѣдующій день пѣвецъ, переодѣвшись, бѣжитъ изъ родныхъ мѣстъ; рискъ его не пугаетъ, такъ какъ „Сибирь, голодъ, нерчинскіе рудники“—все лучше, чѣмъ унизительное рабство. Какъ безпаспортнаго, героя арестовываютъ и отдаютъ въ солдаты, чему онъ очень радъ: „я дышалъ свободно, я смотрѣлъ смѣло, меня уже не пугала барская прихоть; я сдѣлался слугою не людей, но смерти“. Начавшаяся война съ Персіей дала ему возможность отличиться; въ битвахъ онъ проявляетъ выдающуюся храбрость: „мнѣ казалось, что каждый персіянинъ былъ моимъ бариномъ“. Съ Георгіемъ, дослужившись до офицерскаго чина, герой возвращается на родину, надѣясь на счастье съ Александриной. Послѣдняя, однако, успѣла, забывъ всѣ клятвы, преблагополучно выйти замужъ; супругъ ея убиваетъ на дуэли героя.

Антикрѣпостническая тенденція этой повѣсти внѣ всякихъ сомнѣній. Она чувствуется и въ страстныхъ ламентаціяхъ героя по поводу тѣхъ страданій, которыя выпадаютъ ему на долю благодаря его происхожденію, и въ безусловно сочув-

ственномъ взглядѣ на него автора, который сумѣлъ показать, какъ преломляется въ его психикѣ противорѣчіе между возвышенными стремленіями богато одаренной души и презрительнымъ отношеніемъ къ „рабу“ помѣщичьяго общества. Крѣпостническое правительство было по своему право, воздвигнувъ гоненіе на книгу Павлова.

Дальнѣйшая разработка темы „Именинъ“ содержится въ романѣ Ушакова „Киргизъ-Кайсакъ“, который даетъ отрицательный отвѣтъ на вопросъ, возможенъ ли былъ бы бракъ между офицеромъ, бывшимъ крѣпостнымъ, и Александриной, если бы она не вышла замужъ, не дождавшись его возвращенія?

Кромѣ отмѣченныхъ попытокъ гуманизировать крѣпостного интеллигента, на основѣ романтическаго индивидуализма, склоннаго къ изображенію исключительныхъ натуръ, мы встрѣчаемся въ литературѣ 30-хъ годовъ съ нѣсколькими произведеніями, рисующими собственно крестьянскій бытъ. Вѣдь интересъ къ простому народу, наравнѣ съ индивидуализмомъ, является одною изъ характернѣйшихъ особенностей романтическаго направленія, столь присущаго разсматриваемой эпохѣ. Въ произведеніяхъ этого рода крѣпостное право въ огромномъ большинствѣ случаевъ почти не затрагивается, какъ не затронулъ его Гоголь въ своихъ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки“. За то во многихъ изъ нихъ проглядываетъ искреннее народолюбіе, сказывающееся и въ любовномъ изображеніи крестьянскихъ типовъ и въ непосредственныхъ обращеніяхъ къ добрымъ чувствамъ читателя. Интересенъ въ этомъ отношеніи разсказъ Н. Полевого „Мѣшокъ съ золотомъ“ изъ сборника „Мечты и Жизнь“. Авторъ съ грустью констатируетъ, что

„мы плохо знаемъ русскія деревни“, такъ какъ или вовсе не живемъ въ нихъ, или живемъ по помѣщичьи, проводя время въ господскомъ домѣ и на псарнѣ. „Иногда помѣщикъ захочетъ показать вамъ деревенскую простоту: приказчикъ *сгонитъ* на барскій дворъ мужиковъ и бабъ, господинъ дастъ имъ поцѣловать ручку, велитъ пѣть, плясать, кланяться, и дозволяетъ напиться до пьяна“. Не такъ надо знакомиться съ подлинной деревней: не въ господскій дворъ надо идти, а подальше въ лѣсъ, въ поле: „тамъ русская деревня; идите въ ту деревню, вокругъ которой нетронутые ни исправникомъ, ни помѣщикомъ стоятъ огромные стоги сѣна“... Въ такой глуши только и можно найти настоящаго русскаго крестьянина, познакомиться съ которымъ очень и очень стоитъ: „не бойтесь грубаго балахона и зипуна крестьянскаго; подъ нимъ часто бьется сердце золотое, доброе, горячее“. Въ подтвержденіе описывается довольно просто и трогательно преданная любовь крестьянскаго парня Ванюши къ старостиной дочкѣ Грунѣ. Бѣдность Ванюшинаго отца препятствовала браку молодыхъ людей, но парню, отправившемуся въ Москву промышлять тамъ извозомъ, посчастливилось найти мѣшокъ съ деньгами. Честный Ванюша представилъ находку въ полицію; выданныхъ ему въ награду 2 тыс. руб. оказалось съ избыткомъ достаточно, чтобы составить его счастье.

Въ очень рѣдкихъ случаяхъ авторы романтическихъ повѣстей изъ народнаго быта изображали его въ связи съ крѣпостнымъ правомъ. Такъ, М. Погодинъ, въ разсказѣ „Нищій“, повѣдалъ грустную исторію несчастной любви одной крестьянской пары. Въ день свадьбы, въ село вне-

запно пріѣзжаетъ баринъ; красивая невѣста возбуждаетъ его сластолюбіе, и онъ дѣлаетъ ее своей наложницей. Жениха, покусившагося на убійство развратника, отдаютъ въ солдаты.

Свободолюбивый романтизмъ въ такой мѣрѣ былъ враждебенъ всякому угнетенію, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда воспроизводилъ „дѣла давно минувшихъ дней“, съ негодованіемъ отмѣчалъ факты жестокаго обращенія владѣльцевъ со своими крѣпостными. Особенно интересны въ указанномъ отношеніи повѣсти Бестужева-Марлинскаго. Принципіально отрицательное отношеніе этого писателя къ крѣпостному праву засвидѣтельствовано и его участіемъ въ декабрьскомъ движеніи и особенно его письмомъ къ Николаю I, писаннымъ уже въ крѣпости и яркими чертами рисующимъ печальное внутреннее состояніе Россіи, въ частности невыносимо тяжелое положеніе закрѣпощеннаго народа. Не измѣнилъ себѣ Марлинскій и въ своихъ художественныхъ твореніяхъ. Избѣгая касаться крестьянскаго вопроса въ повѣстяхъ изъ современнаго быта, если не считать повѣсти „Испытаніе“, герой которой молодой, свѣтскій офицеръ бросаетъ блестяще начатую карьеру и обнаруживаетъ готовность разорвать отношенія съ горячолюбимой женщиной, ради того только, чтобы уединившись въ деревнѣ, улучшить участь своихъ крестьянъ, „которые, какъ большая часть господскихъ, достались ему полуразоренными“,—Марлинскій постоянно рисуетъ помѣщиковъ-крѣпостниковъ прошлаго времени. Такъ въ разсказѣ „Латникъ“ онъ изобразилъ вельможу XVIII вѣка, кн. Х-скаго, чудовищнаго злодѣя, варварски замучившаго свою дочь и ея возлюбленнаго, обращавшагося со своими слугами такъ, что половина

ихъ „разбѣжалась отъ его жестокости, не знающей границъ“, предъ которымъ Кириллъ Петровичъ Троекуровъ („Дубровскій“) — невинное дитя. Въ разсказѣ „Замокъ Эйзенъ“ выведены ливонскіе помѣщики-рыцари, ради забавы растрѣливающіе мирныхъ поселянъ и срубающіе имъ головы. Подобныя же картины мы находимъ въ „Ревельскомъ Турнирѣ“ и „Замкѣ Венденъ“. Въ разсказѣ „Наѣзды“ рисуется горемычная жизнь польскаго крестьянина, о которой одинъ изъ мѣстныхъ шляхтичей разсказываетъ въ такихъ выраженіяхъ: „Здѣсь хлопа и человѣкомъ не считаютъ; его же грабятъ, да его же и въ грязь топчутъ. Я знаю нѣкоторыхъ пановъ, которые отдаютъ выкармливать своихъ щенковъ кормилицамъ, отымая у нихъ грудныхъ младенцевъ... право, сердце поворачивается, когда посмотришь, бывало, что дѣлаютъ паны со своими холопами“.

На границѣ господствовавшаго въ 30-хъ годахъ романтизма и нарождавшагося новаго литературнаго направленія—реализма стоитъ длиннѣйшій романъ Бѣгичева „Семейство Холмскихъ“, отличающійся чисто романтической фабулой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обиліемъ вполнѣ реалистическихъ бытовыхъ картинъ. Д. Н. Бѣгичевъ принадлежалъ къ числу ближайшихъ друзей Грибоѣдова. Можно думать, поэтому, что ихъ политическое міросозерцаніе было въ общихъ чертахъ сходно. Во всякомъ случаѣ, Бѣгичевъ въ своемъ романѣ, гдѣ, кстати сказать, фугурируютъ однофамильцы героевъ „Горя отъ ума“, отнесся къ крѣпостному праву совершенно по-грибоѣдовски. Онъ съ такою настойчивостью возвращается къ изображенію и разорительнаго для крестьянъ хозяйничанья владѣльцевъ и многочисленныхъ фактовъ помѣщичьяго тиранства, что

едва-ли можно сомнѣваться въ его отрицательномъ отношеніи къ порядку, дѣлавшему эти явленія не только возможными, но даже, какъ бы естественными. Но не отъ однихъ помѣщиковъ страдаютъ крестьяне, по роману Бѣгичева: ихъ грабятъ и притѣсняютъ корыстные чиновники— эти „ожесточенные враги крестьянъ“, эти „хищные лезгинцы“. Нерѣдко и блестящій гусарскій офицеръ, командиръ квартирующаго въ деревнѣ эскадрона, возымѣвъ желаніе поживиться крестьянскими деньгами, пріобщается къ лику „хищныхъ лезгинцевъ“; ничто и никто ему въ этомъ случаѣ не помѣшаетъ. Крестьяне, говоритъ картина, нарисованная Бѣгичевымъ, это какіе-то паріи въ родной странѣ, созданные исключительно для того, чтобы доставлять доходы благороднымъ представителямъ привиллегированныхъ сословій и власти предержащей. А между тѣмъ, они такіе же люди, съ такими же страстями и стремленіями, съ такими же радостями и горестями, и „разсудокъ и сердце наше говорятъ, что и бѣдняку Ванькѣ, и богачу Ивану... рѣшительно всѣмъ, отъ Царя до пастуха, дано, по благости Провидѣнія, одинаковое право на счастье“. Оцѣнивая „Семейство Холмскихъ“, необходимо помнить, что соціальная тенденція этого романа обнаруживается только при внимательномъ чтеніи, такъ какъ сцены съ яркимъ антикрѣпостническимъ содержаніемъ легко теряются въ массѣ скучныхъ, утомительныхъ и ультра-романтическихъ подробностей о жизни, чувствахъ и настроеніяхъ далеко не всегда естественныхъ главныхъ героевъ.

Въ 30-ые же годы, подъ перомъ геніальнаго Пушкина, возникла, наконецъ, высоко-художественная реалистическая повѣсть, составлявшая

славу и гордость русской литературы до конца XIX столѣтія. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ декабристскіе взгляды на крестьянскій вопросъ всецѣло еще владѣли Пушкинымъ. Соотвѣтственно съ этимъ, Пушкинъ въ цѣломъ рядѣ своихъ повѣствовательныхъ сочиненій или рисуетъ типы гуманныхъ помѣщиковъ, (Бѣлкинъ, Владиміръ въ „Отрывкахъ изъ романа въ письмахъ“) какъ примѣръ, достойный подражанія, или обличаетъ дурныхъ („Отрывки изъ романа“). Только въ такомъ видѣ антикрѣпостническая тенденція могла проникнуть сквозь цензурные фильтры. Однако, въ „Исторіи села Горюхина“, относящейся къ 1830 году, но появившейся въ печати въ 1837 г., Пушкинъ рѣшился отъ частныхъ случаевъ перейти къ обобщенію.

Въ роли автора этого замѣчательнаго произведенія великій поэтъ заставляетъ фигурировать того же И. П. Бѣлкина, но сквозь наивную Бѣлкинскую мысль, сквозь напыщенную манеру выражаться и витіеватый языкъ этого писателя-дилетанта изъ числа „временъ новѣйшихъ Митрофановъ“ проглядываетъ рѣзко отрицательное отношеніе къ крѣпостному праву, являющееся одной изъ основъ политическаго міросозерцанія самого Пушкина. Тенденціозный замыселъ автора вскрываетъ уже самое названіе произведенія „Исторія села Горюхина“, только въ прошломъ году установленное по пушкинской рукописи С. А. Венгеровымъ и замѣнившее въ теченіе семидесяти лѣтъ употреблявшееся безцвѣтное и маловыразительное — „Исторія села Горохина“. „Горюхино“ же имѣетъ свои корни въ прошломъ—вспомнимъ деревню „Разоренную“ Новиковскаго „Живописца“, имѣетъ также и свои побѣги въ будущемъ—до-

статочно назвать Некрасовскія деревни Заплатово, Знобишино, Горѣлово, Неѣлово, и т. д. А „Горюхино“ оно потому, что слишкомъ уже горько и тяжело жилось его закрѣпощенному населенію, несмотря „на тучныя нивы“, „благодарственный климатъ“ и обиліе плодовъ земныхъ. Почему это такъ, Пушкинъ предоставляетъ отвѣтить самому читателю, описывая времена, какъ процвѣтанія, такъ и разоренія Горюхинскаго. Оказывается, что Горюхинцы благоденствовали въ ту баснословную эпоху, когда ихъ помѣщики, „владѣя многими вотчинами, не обращали вниманія на сію отдаленную страну“. Горюхино платило имъ „малую дань“: „приказчиковъ не существовало; старосты никого не обижали“, такъ какъ не назначались господами, а избирались народомъ „на вѣчѣ, мірскою сходкою называемомъ“. Но „золотой вѣкъ“ продолжался не долго. Въ одинъ прекрасный день въ Горюхино явился приказчикъ съ неограниченными полномочіями, который съ мѣста въ карьеръ заявилъ Горюхинцамъ, что онъ выбьетъ дурь изъ ихъ головъ. И дѣйствительно принялся выбивать. Въ основу его управленія была положена особая „политическая система“, которая разорила горюхинцевъ въ конецъ: „главнымъ основаніемъ оной была слѣдующая аксіома: чѣмъ мужикъ богаче, тѣмъ онъ избалованнѣе; чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ смирнѣе. Вслѣдствіе сего старался онъ о смирности вотчины, какъ о главной крестьянской добродѣтели“. Взыскиванье недоимокъ со всѣхъ зажиточныхъ крестьянъ, отдача въ батраки бѣдныхъ, собираніе оброка въ теченіе всего года, рекрутчина, уничтоженіе мірскихъ сходокъ оказались въ его рукахъ вполнѣ дѣйствительнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли, и вскорѣ Горю-

хино пріуныло, базаръ запустѣлъ, пѣсни Архипа Лысаго умолкли. Половина мужиковъ была на пашнѣ, другая въ батракахъ, ребятишки пошли по міру.

Чтобы упрочить свою „систему“ и усилить свой авторитетъ, приказчикъ прибѣгалъ къ самымъ жестокимъ наказаніямъ вплоть до заковыванія виновныхъ въ кандалы.

Такъ складывалась жизнь Горюхинцевъ въ періодъ прикащичьяго управленія. Затѣмъ, повидимому, наступило владычество самихъ господъ, пріѣхавшихъ въ родовое имѣніе. „Исторія“ осталась неоконченной, а потому эта эпоха, отнесенная Пушкинымъ ко „временамъ историческимъ“, не изображена вовсе. Однако, можно думать, что Горюхинцы по прежнему оправдывали свое прозваніе. Въ спискахъ источниковъ, прилагаемыхъ Бѣлкинымъ къ его труду, значится собраніе старинныхъ календарей дѣдушки автора, Андрея Степановича, изъ котораго видно, что битье крѣпостныхъ было настолько же обычнымъ явленіемъ, какъ дождь или снѣгъ. („Лѣтопись сія, читаемъ въ „Исторіи“... отличается ясностію и краткостью слога: напримѣръ, 4 мая снѣгъ, Тришка за грубость битъ. 6—корова бурая пала. Сенька за пьянство битъ. 8—погода ясная. 9—дождь и снѣгъ. Тришка битъ по погодѣ. 10—Тришка за пьянство битъ и тому подобное безо всякихъ размышленій“. Это битье „по погодѣ“, битье „безо всякихъ размышленій“ — безподобныя выраженія, являющіяся, несмотря на свой лаконизмъ, историческими документами значительной важности. Они обличаютъ нравственную несостоятельность крѣпостничества, гораздо лучше, чѣмъ страницы широковѣщательныхъ разсужденій общаго характера.

Исторія житья-бытья злополучныхъ Горюхинцевъ даетъ основаніе для очень опредѣленнаго антикрѣпостническаго вывода, такъ какъ Пушкинъ, устами И. П. Бѣлкина, совершенно категорически утверждаетъ, что, пока крестьяне были предоставлены самимъ себѣ, т. е. управлялись выборными старостами, ограничивая свои отношенія къ помѣщику уплатой небольшого оброка, они благоденствовали, когда же имъ на шею сначала посадили приказчиковъ, а затѣмъ управленіе имѣніемъ перешло непосредственно въ руки помѣщиковъ, то Горюхино пришло въ состояніе полнаго упадка. Болѣе или менѣе вѣроятно, что въ своихъ описаніяхъ Горюхинскаго быта Пушкинъ руководился и личными воспоминаніями и непосредственными наблюденіями. Не забудемъ, что онъ писалъ „Исторію“ въ Болдинѣ, разоренномъ имѣніи своего отца, извѣстнаго сибаритскими привычками и неумѣніемъ вести хозяйство. Весьма возможно, что именно эта деревня и послужила Пушкину натурой. Однако, какъ „истый геніальный художникъ — справедливо замѣчаетъ г. Искозъ — Пушкинъ никогда не довольствовался изображеніемъ данной конкретной картины,—онъ всегда въ малой каплѣ ищетъ отраженія всего солнца, въ данномъ конкретномъ образѣ чертъ, характерныхъ для цѣлой исторической полосы, для цѣлаго класса, или націи. У него всегда типы, символы, поражающіе своей обобщающей силой. Вотъ почему онъ и здѣсь поднимается надъ бытомъ и, черпая изъ него матеріалъ, творитъ картину, въ которую укладывается вся деревенская Россія Николаевской эпохи, создаетъ великій символъ, подъ который можно подвести любой уголокъ закрѣпощенной родины... „Исторія“, такимъ образомъ, должна была бы прозвучать

неслыханнымъ укоромъ вѣковымъ устоямъ русской жизни, грознымъ осужденіемъ всему ея укладу". Становясь на такую точку зрѣнія, нельзя не признать, что именно въ этомъ произведеніи антикрѣпостническая тенденція въ творчествѣ Пушкина достигла высшей силы и напряженія; въ послѣдующихъ же твореніяхъ великаго поэта она явно идетъ на убыль. Въ „Дубровскомъ" Пушкинъ только мимоходомъ задѣваетъ крѣпостничество, упомянувъ, что Троекуровъ былъ не только жестокій помѣщикъ, но и неукротимый сластолюбецъ, насиловавшій чуть ли не всѣхъ крестьянскихъ дѣвушекъ и имѣвшій форменный гаремъ изъ 16-ти „молодыхъ затворницъ"; что же касается „Капитанской дочки", крупнѣйшей и безусловно наилучшей повѣсти Пушкина, то она совершенно лишена соціальной подкладки.

Это обстоятельство находится въ связи съ тѣмъ, что въ тридцатые годы совершилась замѣтная эволюція въ политическихъ взглядахъ Пушкина. Въ частности, онъ нѣсколько измѣнилъ свое отношеніе къ крестьянскому вопросу. Такъ, въ своихъ прозаическхъ статьяхъ „Мысли на дорогѣ" и особенно „Александръ Радищевъ" онъ пытается смягчить мрачный колоритъ обличеній автора „Путешествія изъ Петербурга въ Москву" и высказывается въ томъ смыслѣ, что особенно торопиться съ освобожденіемъ крестьянъ нѣтъ надобности и всю надежду слѣдуетъ возложить на улучшеніе нравовъ. Впрочемъ, эти статьи, написанныя со спеціальной цѣлью перехитрить цензуру, только отчасти могутъ служить отраженіемъ истинныхъ взглядовъ Пушкина. Во всякомъ случаѣ, поэтъ, гордившійся тѣмъ, что „вслѣдъ Радищеву возславилъ онъ свободу", крѣпостникомъ никогда не былъ.

IV.

Наканунѣ воли: 40-ые и 50-ые годы.

Сороковые, а тѣмъ болѣе пятидесятые годы рѣзко отличаются отъ 30-хъ. Прежде всего, въ эту эпоху, по крайней мѣрѣ, въ области крестьянскаго вопроса, значительно перемѣнился курсъ правительственной политики. Періодъ 1841 — 1846 гг. былъ временемъ наибольшаго интереса Николая I къ судьбѣ земледѣльческаго населенія страны; какъ разъ къ этимъ именно годамъ относится наиболѣе интенсивная дѣятельность „секретныхъ комитетовъ", обсуждавшихъ положеніе крѣпостныхъ; въ это же время былъ изданъ рядъ указовъ, смягчавшихъ участь владѣльческихъ крестьянъ. Въ 1847 году Николай I даже принципіально осудилъ крѣпостное право, заявивъ депутаціи смоленскаго дворянства: „я не понимаю, какимъ образомъ человѣкъ сдѣлался вещью, и не могу объяснить это иначе, какъ хитростью и обманомъ съ одной стороны и невѣжествомъ съ другой". Вспышка дикой и безудержной реакціи въ 1848-омъ и послѣдующіе годы могла временно задержать поступательное движеніе нашей родины, но отнюдь не остановить его. Севастопольскій разгромъ, доказавшій по словамъ Валуева, что въ Россіи „сверху блескъ, внизу гниль", сдѣлалъ осуществленіе реформъ, вообще, а въ частности освобожденіе крестьянъ,—насущно-необходимыми, и въ 1857 году былъ опубликованъ знаменитый рескриптъ генералъ-губернатору Назимову, положившій начало величайшему преобразованію XIX вѣка.

Параллельно съ эволюціей правительственныхъ настроеній, хотя и независимо отъ нея, со-

вершилась эволюція общественнаго самосознанія. Въ началѣ 40-хъ гг, состоялось сліяніе кружковъ Станкевича и Герцена—очень важный моментъ въ исторіи русской общественной мысли: „въ гегеліанскія формы философіи кружка Станкевича было вложено соціальное и даже соціалистическое содержаніе, исповѣдывавшееся кружкомъ Герцена: „умозрѣніе“ и „политика“ соединились воедино и соединили былыхъ враговъ въ одну идейную группу“ (Ивановъ-Разумникъ). Эта группа и является ядромъ западническаго направленія. Соперничавшее съ послѣднимъ славянофильство также вполнѣ конструировалось въ разсматриваемое время. Не останавливаясь на выясненіи идейныхъ разногласій между западничествомъ и славянофильствомъ, отмѣтимъ, что обѣ партіи съ одинаковою ненавистью относились къ крѣпостному праву. Конечно, западникамъ удалось пріобрѣсти несравненно бо́льшее вліяніе на общество, а потому ихъ антикрѣпостническая проповѣдь сыграла болѣе выдающуюся роль, но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнна и заслуга славянофиловъ, лучшіе изъ которыхъ, подобно П. Кирѣевскому, полагали, что крѣпостное право—это „глубокая и страшная язва нашего государственнаго и общественнаго быта“. Такимъ образомъ, борьба съ крѣпостничествомъ дѣлается лозунгомъ даннаго историческаго момента; двѣ наиболѣе вліятельныхъ партіи объединились въ требованіи эмансипаціи. Неудивительно при такихъ условіяхъ, что въ 40-ые и 50-ые годы антикрѣпостническая литература и въ качественномъ и въ количественномъ отношеніи достигла наибольшаго развитія. Изучать ее столь подробно, какъ это мы дѣлали въ отношеніи полузабытой литературы XVIII вѣка и малоизслѣдованной въ

нѣкоторыхъ своихъ частяхъ литературы первыхъ четырехъ десятилѣтій XIX вѣка, уже нѣтъ никакой надобности, во первыхъ, въ виду ея общеизвѣстности — кто же не читалъ стиховъ Некрасова и „Записокъ Охотника“ Тургенева,—во вторыхъ, въ виду того, что она неоднократно уже разсматривалась именно съ интересующей насъ стороны. Тѣмъ не менѣе, вкратцѣ остановиться на наиболѣе художественныхъ и получившихъ наибольшее значеніе въ смыслѣ непосредственнаго вліянія на общество произведеніяхъ — является совершенно необходимымъ.

Авторовъ произведеній съ антикрѣпостнической тенденціей средины XIX вѣка, кромѣ выдающагося художественнаго дарованія и принадлежности къ „натуральной“ школѣ, объединяютъ прекрасное знаніе крѣпостного быта и горячее народолюбіе. Дѣтскіе годы и Некрасова, и Тургенева, и Герцена прошли въ крѣпостнической атмосферѣ помѣщичьихъ усадебъ; каждому изъ этихъ писателей съ ранняго возраста приходилось присутствовать въ качествѣ безмолвныхъ свидѣтелей при возмутительныхъ проявленіяхъ барскаго произвола и распущенности. Некрасовъ, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній („Родина“),—съ горечью признается, что онъ выросъ „среди пировъ, безсмысленнаго чванства, разврата грязнаго и мелкаго тиранства“, среди роя „подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ“... Какія впечатлѣнія давала жизнь въ такой обстановкѣ—ясно само собой.

О Тургеневѣ извѣстно, что безсердечность въ отношеніи „меньшого брата“ была настоящею семейной традиціей въ его родѣ. Дѣда своего, захватывавшаго однодворческія земли и сѣкшаго протестантовъ передъ окнами своего

жилища, онъ описалъ въ „Однодворцѣ Овсянниковѣ“; бабка писателя собственноручно и самымъ варварскимъ образомъ задушила прислуживавшаго ей казачка за какой то мелкій недосмотръ. Жестокость же матери Тургенева подтверждается и воспоминаніями современниковъ и художественными свидѣтельствами ея сына; вѣдь, бабушка въ „Пунинѣ и Бабуринѣ“, барыня въ „Муму“—эти снимки съ Варвары Петровны Тургеневой-Лутовиновой.

Герценъ находился сравнительно въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ: ни отецъ его, ни дядя сенаторъ не отличались особенной жестокостью и почти не прибѣгали къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Тѣмъ не менѣе мальчику приходилось нерѣдко наблюдать тяжелыя сцены въ родѣ отдачи крѣпостныхъ въ рекруты; однажды онъ видѣлъ, какъ шестидесятилѣтній старикъ, у котораго по приказанію барина, должны были обрить бороду, плакалъ навзрыдъ и валялся въ ногахъ, умоляя избавить его отъ безчестія. На глазахъ маленькаго Герцена спился крѣпостной поваръ, котораго господа не пожелали отпустить на волю, и покончилъ самоубійствомъ молодой врачъ изъ крѣпостныхъ.

Всѣ эти біографическія данныя объясняютъ удивительную вѣрность жизненной правдѣ тѣхъ картинъ горемычнаго житья закрѣпощеннаго народа, которыя въ изобиліи разсыпаны въ произведеніяхъ разсматриваемыхъ писателей.

Врожденная гуманность, а также наличность нѣкоторыхъ благопріятныхъ вліяній въ дѣтствѣ, помогаютъ открыть источникъ горячаго народолюбія, составляющаго основную стихію литературной дѣятельности Некрасова, Тургенева и Герцена. На Некрасова благотворно вліяла его мать,

которая хотя и „не могла голодному дать хлѣба“ и „не могла свободы дать рабу“, но въ мелочахъ стремилась облегчать ихъ участь; неудивительно что она воспитала въ душѣ своего сына любовь къ родному народу и ненависть къ соціальному строю, основанному на его рабствѣ и угнетеніи.

„И если я, *признается поэтъ*, наполнилъ жизнь борьбою
За идеалъ добра и красоты,
И носитъ пѣснь, слагаемая мною,
Живой любви глубокія черты—
О, мать моя, подвигнутъ я тобою!
Во мнѣ спасла живую душу ты!

Тургеневу также приходилось слышать въ дѣтствѣ негодующую критику крѣпостныхъ порядковъ. Въ біографическомъ разсказѣ „Пунинъ и Бабуринъ“ смѣлый демократъ-разночинецъ Бабуринъ, изгоняемый за свою попытку заступиться за невинно наказываемаго парня, говоритъ молодому барченку: „Урокъ вамъ, молодой господинъ: помните нынѣшнее происшествіе и, когда выростите, постарайтесь прекратить таковыя несправедливости“... Въ сердце Герцена „непреодолимая ненависть ко всякому рабству и ко всякому произволу“ была вложена его няней, Вѣрой Артамоновной, которая, желая чувствительнѣе наказать мальчика за какую нибудь шалость, говаривала: „Дайте срокъ, выростете, такой же баринъ будете, какъ другіе!“ Это „ужасно оскорбляло“ маленькаго Герцена.

Вотъ почва, на которой упрочилось настроеніе, заставившее всѣхъ трехъ писателей дать „аннибаловскую“ клятву посвятить себя служенію родному народу. Встрѣча съ бурлакомъ (стих. «На Волгѣ“) производитъ потрясающее впечатлѣніе на

юнаго Некрасова. Въ первый разъ онъ назвалъ родную рѣку „рѣкою рабства и тоски“.

Что я въ ту пору замышлялъ,
Созвавъ товарищей дѣтей,
Какія *клятвы* я давалъ—
Пускай умретъ въ душѣ моей,
Чтобъ кто нибудь не осмѣялъ!

Тургеневъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду самого себя, когда разсказывалъ, что маленькій барченокъ, въ отвѣтъ на обращеніе Бабурина, сквозь слезы, обильно струившіяся по носу, по губамъ, по подбородку, „пролепеталъ, что буду... буду помнить, что обѣщаюсь... сдѣлаю... непремѣнно... непремѣнно“. Съ годами, по мѣрѣ того какъ крѣпла и развивалась мысль, изъ неясныхъ дѣтскихъ порывовъ складывалось опредѣленное міросозерцаніе: уѣзжая въ 1847 году за границу, Тургеневъ мотивируетъ свой отъѣздъ такими соображеніями: „мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ моего врага затѣмъ, чтобы отъ самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ—крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшилъ бороться до конца—съ чѣмъ я поклялся никогда не примиряться... Это была моя аннибаловская клятва“.

Юные друзья, Герценъ и Огаревъ, увлеченные романтизмомъ декабрьскаго движенія и свободолюбивою музою Шиллера, во время прогулки на Воробьевыхъ горахъ, „обнявшись, *присягнули*, въ виду всей Москвы, пожертвовать нашею жизнью на избранную нами борьбу“.

Въ какой же мѣрѣ удалось каждому изъ этихъ писателей выполнить свою клятву въ той части

ся, которая непосредственно относилась къ крѣпостному праву? Начнемъ съ лирической по преимуществу, поэзіи [1]) Некрасова.

Свое поэтическое profession de foi Некрасовъ формулировалъ въ стих „Муза“ (1851 г.), изобразивъ свою музу въ образѣ „печальной спутницы печальныхъ бѣдняковъ, рожденныхъ для труда, страданья и оковъ“.

Такимъ образомъ, поэтъ признаетъ себя пѣвцомъ угнетенной и забытой низшей братіи, тѣхъ обездоленныхъ людей...

(Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ;)
Кто бредетъ по житейской дорогѣ
Въ безразсвѣтной глубокой ночи,
Безъ понятья о правѣ, о Богѣ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ, безъ свѣчи.
(„Ночь“ 1858 г.).

Такой взглядъ на свое призваніе, такое любовное отношеніе къ родному народу вдохновили Некрасова не только создать рядъ яркихъ картинъ народнаго страданія, не только подмѣтить не мало отрицательныхъ чертъ крѣпостного строя, но и отчасти гуманизировать родное крестьянство, нарисовавъ нѣсколько высокихъ и свѣтлыхъ образовъ простыхъ людей.

Необыкновенно широкую по своему захвату картину народнаго горя представляетъ собой знаменитое стихотвореніе „Размышленія у Параднаго подъѣзда“ (1858 г.), въ которомъ поэтъ отказывается вѣрить, что въ „родной землѣ“ есть такая

---

[1]) Въ нижеслѣдующемъ обзорѣ будемъ имѣть въ виду стихотворенія, написанныя до 1861 г.

обитель „гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ“. Въ „Запискахъ гр. Гаранскаго“ (1853 г.) вопросъ нѣсколько конкретизируется. Наивный авторъ „записокъ“ возмущается чрезмѣрнымъ трудолюбіемъ русскихъ мужиковъ, ихъ дѣтей и даже беременныхъ бабъ, проводящихъ на полевыхъ работахъ „чуть не по суткамъ цѣлымъ“. Эту всегдашнюю охоту къ труду графъ объясняетъ избыткомъ земель и лѣсовъ, и находитъ, что „...должно-бъ вразумлять корыстныхъ мужиковъ, что изнурительно излишество въ работѣ“. Роль такихъ вразумителей, какъ кажется Гаронскому, исполняютъ „особенныя фигуры въ нѣмецкихъ сюртукахъ“ и съ нагайками. Кромѣ того, не нравится графу и то:

„Что каждый здѣсь мужикъ
Дворянскій гоноръ мой, спокойствіе и совѣсть
Безбожно возмущалъ; одну и ту же повѣсть
Бормочетъ каждому негодный ихъ языкъ:
Помѣщикъ—лиходѣй! а если управитель,
То вѣрно живодеръ, отъявленный грабитель!

Въ стих. „Родина“ (1846), восхитившемъ Бѣлинскаго, картина еще болѣе конкретизируется. Рѣчь идетъ, какъ уже было сказано, о крѣпостнической атмосферѣ одного только помѣщичьяго дома, какъ разъ того, въ которомъ пришлось провести дѣтство нашему поэту, дома...

„Гдѣ вторилъ звону чашъ и гласу ликованій
Глухой и вѣчный гулъ подавленныхъ страданій,
И только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ и жилъ“...

Отъ общихъ картинъ народнаго горя поэтъ переходитъ къ указанію на отдѣльныя темныя стороны крѣпостного права. Не укрылись отъ его вни-

мательнаго взора ни притѣсненія бурмистровъ, ни вмѣшательство управителей въ интимную жизнь крѣпостныхъ, („Забытая деревня"—1856 г.) ни злоупотребленія помѣщиковъ тѣлесными наказаніями, приводящими нерѣдко наиболѣе чуткихъ крестьянъ къ самоубійству („Нравственный человѣкъ"—1847 г.), ни горькая доля крѣпостныхъ интеллигентовъ, обращенныхъ по барской прихоти въ прежнее состояніе („Въ дорогѣ"—1846 г.). Поэтъ понялъ также основную причину всѣхъ этихъ явленій—безправіе крестьянства, которое является для „владѣльца роскошныхъ палатъ" не болѣе, какъ „оборванной чернью". Въ этомъ случаѣ (стих. „Размышленія у параднаго подъѣзда") передъ нами широкое обобщеніе, такъ какъ подъ владѣльцемъ роскошныхъ палатъ можно подразумѣвать все привилегированное сословіе. Тяжелое впечатлѣніе отъ невеселыхъ картинъ народной жизни увеличивается еще тамъ и сямъ мелькающими въ творчествѣ Некрасова отрицательными образами помѣщиковъ-крѣпостниковъ. Отъ нихъ же первый — отецъ поэта, этотъ „угрюмый невѣжда", чванный и развратный баринъ. У людей такого пошиба никакихъ умственныхъ интересовъ нѣтъ; псовая охота въ сообществѣ щегольски одѣтыхъ псарей, у которыхъ, однако „съ толокна животы подвело", псовая охота, во время которой вытаптываются крестьянскія поля, растерзываются крестьянскія овцы разъяренными собаками, а пытающіеся протестовать пастухи вразумляются господскимъ арапникомъ,—ихъ любимое занятіе („Псовая охота"—1846 г.). Во время отлучки барина на охоту его домочадцы только и наслаждаются покоемъ. Однако часы отдыха пролетаютъ быстро и незамѣтно. Помѣщикъ возвращается домой и празднуетъ свои

успѣхи въ войнѣ съ зайцами безшабашной попойкой, переходящей въ оргію. („Несчастные“ 1856г.) Развратъ въ помѣщичьей средѣ достигаетъ огромныхъ размѣровъ — ему предаются даже барышни-помѣщицы, подкидывая ежегодно своихъ незаконныхъ дѣтей крестьянамъ, которымъ и собственныхъ не на что прокормить. („Записки гр. Гаранскаго“). И людямъ со столь низкимъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ вручены судьбы порабощеннаго народа, жизнь котораго, несмотря на его бѣдность и темноту („Деревенскія новости“— 1860 г.), постоянно даетъ примѣры высокихъ нравственныхъ качествъ. Вотъ дядя Власъ („Власъ“— 1854 г.), который, подъ вліяніемъ могущественнаго душевнаго перелома, изъ кулака-міроѣда сдѣлался чуть-ли не святымъ: роздалъ все свое имущество и пошелъ собиратъ деньги на построеніе храма; вотъ школьникъ, несмотря на страшную бѣдность— „ноги босы, грязно тѣло и едва прикрыта грудь“— пробивающій себѣ дорогу къ знанію. Наблюденія надъ этими изумительными проявленіями силы и твердости душевной придаютъ бодрость поэту, заставляютъ его вѣрить, что

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа—

людей, подобныхъ Власу и Школьнику. Гуманизація крестьянскихъ типовъ, хотя и косвенный, но сильный упрекъ по адресу крѣпостного права, обусловливающаго тотъ порядокъ, при которомъ Власамъ и имъ подобнымъ приходится покорно склоняться предъ помѣщиками, въ родѣ героя псовой охоты.

Дышащая местью и печалью поэзія Некра-

сова, выражая настроенія лучшихъ людей эпохи, получила значеніе крупнаго общественнаго фактора. Даже такой малорасположенный къ Некрасову критикъ, какъ Ап. Григорьевъ, призналъ, что съ конца 40-хъ годовъ „пѣсни Некрасова“ сдѣлались, безъ преувеличенія говоря,—событіями“. Отсюда можно видѣть, какую выдающуюся роль должна была сыграть ихъ непримиримая антикрѣпостническая настроенность. Привѣтствуя въ 1861 г. свободу („Свобода“—1861 г.), Некрасовъ имѣлъ право радоваться ея осуществленію, такъ какъ самъ не мало поработалъ надъ тѣмъ, чтобы порвать цѣпь почти трехвѣкового рабства. Но упоеніе побѣды не заслонило отъ зоркаго взгляда поэта того, что „...на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ люди придумали много иныхъ“; онъ предвидѣлъ грядущее царство Колупаевыхъ и Разуваевыхъ...

Кромѣ Некрасова, изъ лирическихъ поэтовъ разсматриваемой эпохи, отрицательное отношеніе къ крѣпостному праву проявили Огаревъ (поэмы: „Юморъ“, „Деревня“), Никитинъ („Старый слуга“), Хомяковъ (стих. „Россіи“), Ив. Аксаковъ (стих. „Ярмо домашняго позора мы носимъ сильные извнѣ“) и въ особенности Шевченко.

Во главѣ повѣствовательной литературы съ антикрѣпостнической тенденціей, безспорно, слѣдуетъ поставить „Записки Охотника“ Тургенева. Общественные мотивы этой книги, повторяя нерѣдко темы стихотвореній Некрасова, разработаны Тургеневымъ съ несравненно большею полнотою и подробностью. „Записки охотника“—это поистинѣ, говоря словами Мельхіора - де - Вогюэ, „великая скорбная симфонія русской земли“. „Симфонія“—по необыкновенно художественному воспроизведенію картинъ русской природы и жизни, „скорб-

ная“ потому, что Тургеневу приходилось постоянно останавливаться на тяжеломъ положеніи народа, этого всеобщаго поильца и кормильца. Въ „Запискахъ Охотника“, прежде всего, передъ нашими глазами, безконечною, можно сказать, чередою проходятъ многообразные примѣры помѣщичьяго произвола и скорбныя лица его безотвѣтныхъ жертвъ. Хозяйничанье г.г. помѣщиковъ иллюстрируется разсказомъ о затѣяхъ сановнаго петербуржца, который, усмотрѣвъ изъ донесеній приказчика, что овины у него въ имѣніи часто подвергаются пожарамъ—отдалъ строжайшій приказъ: впередъ до тѣхъ поръ не сажать сноповъ въ овинъ, пока огонь совершенно не погаснетъ; („Два помѣщика“—1852 г.), или разсказомъ о томъ, какъ отецъ Чертопханова, не умѣя безъ помощи архитектора построить церковь, приказалъ перепороть всѣхъ старыхъ бабъ на селѣ, какъ онъ заставлялъ своихъ крестьянъ учить наизусть статью Хряка-Хрупёрскаго о нравственности и перенумеровывалъ своихъ крѣпостныхъ. („Чертопхановъ и Недопюскинъ“ 1849 г.).

Отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ, какъ къкакимъ-то полуживотнымъ, вскрывается исторіей Сучка, съ которымъ образовались какъ съ вещью, пригодной для исполненія самыхъ разнообразныхъ и совершенно различныхъ обязанностей: ему, по барской прихоти, пришлось подвизаться въ роли и казачка, и форейтора, и доѣзжачаго, и сапожника, и повара, и „ахтера“, и „кафишенка“, и кучера, и рыболова; именовали Сучка, по капризу госпожи, вмѣсто Кузьмы, Антономъ; жениться ему не позволили, такъ какъ его помѣщица, старая дѣва, считала женитьбу баловствомъ („Льговъ“ 1847). Еще болѣе возмутительное, чѣмъ

въ этомъ послѣднемъ случаѣ, вторженіе въ интимную жизнь крестьянъ описано въ „Ермолаѣ и мельничихѣ“ (1847): помѣщикъ Звѣрковъ горько жалуется на неблагодарность горничной своей жены Арины, которая вдругъ осмѣлилась ощутить столь человѣческое чувство, какъ любовь къ „Петрушкѣ лакею“. Горько пришлось каяться бѣдняжкѣ въ томъ, что она надѣлена была отъ природы тѣми же свойствами, какъ и другіе люди! На почвѣ такого отношенія къ крестьянамъ и развиваются всѣ злоупотребленія помѣщиковъ своею властью. Добродушнѣйшій Мардарій Аполлонычъ Стегуновъ, внимая частымъ и мѣрнымъ ударамъ розги, доносящимся изъ конюшни, съ добрѣйшей улыбкой произноситъ въ тактъ имъ: „чюки-чюки-чюкъ!“ Наказаніе „шалунишки“, кромѣ самодовольства и нѣкотораго любованія, не возбуждаетъ никакихъ эмоцій въ его душѣ („Два помѣщика“). Аркадій Павловичъ Пѣночкинъ, искренно воображавшій себя отцомъ своихъ крѣпостныхъ, съ легкимъ сердцемъ посылаетъ на конюшню не подогрѣвшаго вино камердинера; ему вовсе не кажется ненормальнымъ, что пріѣздъ его въ деревню вызываетъ среди ея населенія такую же панику, какъ появленіе татарской орды („Бурмистръ“ 1847 г.). А что думалъ помѣщикъ Пинчуковъ, которому пришла фантазія у своего сосѣда Полутыкина запахать землю и на запаханной землѣ высѣчь полутыкинскую бабу („Хорь и Калинычъ“ 1847 г.)? Даже веселый нравъ барина, сплошь да рядомъ, обращается во зло крестьянамъ. Что чувствовали, напримѣръ, крѣпостныя дѣвки помѣщика Комова, которыя, по его приказанію, должны были пѣть хоровыя пѣсни до утра, а въ случаѣ усталости пріободрялись

кнутами конюховъ („Однодворецъ Овсянниковъ“ 1847 г)?

Не меньше притѣсняютъ крестьянъ поставленные господами бурмистры, въ родѣ Софрона Яковлевича („Бурмистръ“) и конторщики, въ родѣ Николая Хвостова („Контора“ 1847 г.). Даже барская „метреска“, изъ крѣпостныхъ дѣвокъ, можетъ, если пожелаетъ, забрить лобъ парню, нечаянно залившему ея платье шеколадомъ („Малиновая вода“ 1848). Въ связи съ изображеніемъ тяжелаго положенія закрѣпощенныхъ крестьянъ, Тургеневъ характеризуетъ со стороны умственныхъ и нравственныхъ свойствъ самый классъ поработителей. Очень интересно общее сужденіе автора „Записокъ Охотника“ о помѣщикахъ. Познакомившись съ Радиловымъ, Тургеневъ поражается тѣмъ, что онъ не такой, какъ всѣ: „я не могъ въ немъ открыть страсти ни къ ѣдѣ, ни къ вину, ни къ охотѣ, ни къ курскимъ соловьямъ, ни къ голубямъ, страдающимъ падучей болѣзнью, ни къ русской литературѣ, ни къ иноходцамъ, ни къ венгеркамъ, ни къ карточной и бильярдной игрѣ, ни къ танцовальнымъ вечерамъ, ни къ поѣздкамъ въ губернскіе и столичные города, ни къ бумажнымъ фабрикамъ и свекло-сахарнымъ заводамъ, ни къ раскрашеннымъ бесѣдкамъ, ни къ чаю, ни къ доведеннымъ до разврата пристяжнымъ, ни даже къ толстымъ кучерамъ“. („Мой сосѣдъ Радиловъ“ 1847 г.) Если вычесть изъ этого длиннаго перечня дворянскихъ увлеченій интересъ къ русской литературѣ, упоминаніе о которой носитъ случайный характеръ, то окажется, что помѣщичье сословіе совершенно лишено какихъ бы то ни было духовныхъ запросовъ и погружено въ умственную спячку. Многочисленные типы помѣщиковъ, обрисованные

въ „Запискахъ охотника“ и уже отчасти указанные нами, служатъ тому живымъ подтвержденіемъ. Даже тѣ изъ нихъ, которые какъ будто бы выдѣляются изъ общаго уровня, или не хотятъ или не могутъ принести никакой пользы народу. На что ужъ, по первому впечатлѣнію, передовой человѣкъ Александръ Владиміровичъ Королевъ — и въ „ниверситетахъ“ обучался, и за-границей побывалъ, и о долгѣ помѣщиковъ въ отношеніи низшей братіи красно умѣетъ разглагольствовать, а между тѣмъ и онъ, во время размежеванія земли, не захотѣлъ поступиться четырьмя десятинами мохового болота, что было необходимо въ интересахъ общей пользы. Славянофилъ и народолюбецъ Любозвоновъ, щеголяющій въ кучерскомъ одѣяніи и заставляющій крестьянъ пѣть ему „народственную пѣсню“, наводитъ на крѣпостныхъ ужасъ своими странными ухватками и не въ силахъ оградить ихъ отъ посягательствъ грабителя-приказчика.

Описывая горемычное крестьянское житье, обличая дурныхъ помѣщиковъ, Тургеневъ продолжалъ создавшуюся до него въ прогрессивной русской литературѣ традицію. Его картины, конечно, въ художественномъ отношеніи во много разъ превосходятъ аналогичныя попытки его предшественниковъ, но въ отношеніи содержанія даютъ матеріалъ подобнаго же характера. Зато Тургеневу, если не считать того, что было сдѣлано Кольцовымъ, принадлежитъ піонерство въ дѣлѣ всесторонней гуманизаціи русскаго крестьянина.

Некрасовъ, писавшій одновременно съ Тургеневымъ, до 1861 года дѣлалъ только первые шаги на этомъ поприщѣ, а потому и не могъ создать равноцѣнныхъ въ художественномъ и общественномъ отношеніи образовъ. Такимъ образомъ, на

долю Тургенева почти всецѣло выпадетъ огромная заслуга открыть русскому интеллигенту русскаго мужика, сохранившаго и „въ рабствѣ спасенныя“ золотое сердце, ясный умъ и твердую волю. Въ „Запискахъ охотника“ пестрой вереницею проходятъ и суровые исполнители долга, не утерявшіе подъ гнетомъ личныхъ несчастій способности отзываться на чужое горе Бирюки („Бирюкъ“ 1848), и практичные, пригодные къ жизненному строительству, отнюдь не пугающіеся полезной новизны раціоналисты Хори („Хорь и Калинычъ“), и тяготѣющіе къ природѣ, познавшіе ея тайную жизнь, мечтательные романтики-идеалисты Калинычи, и ищущіе на землѣ царства Божія, вѣрующіе въ высшую правду Касьяны („Касьянъ изъ Красивой Мечи“ 1851 г.), и необъятно терпѣливыя, готовыя душу свои положить за други своя Лукерьи („Живыя мощи“ 1851 г.).

А какая бездонная глубина преданной и непритязательной крестьянской любви открывается въ разсказѣ „Свиданіе“ (1850 г.); какой благоуханной душевной чистотою обвѣянъ нѣжный образъ кроткой Акулины! Какъ ярко показана въ разсказѣ „Пѣвцы„ (1850) способность простого крестьянина, этой „бестіи“, которая и болѣть то не смѣетъ, всей душой отдаваться эстетическимъ воспріятіямъ? А этотъ несравненный „Бѣжинъ Лугъ“, (1851 г.) такъ красочно рисующій подрастающее поколѣніе родной деревни, способное и къ нѣжному чувству и къ безстрашному удальству!

Какъ живые выступаютъ обаятельные образы крестьянскихъ героевъ и героинь Тургенева, являясь воплощеннымъ упрекомъ тому государственному укладу, который отдаетъ ихъ въ рабство Звѣрковымъ и Пѣночкинымъ.

Подводя итогъ тому, что было сказано о „Запискахъ Охотника“, мы въ правѣ утверждать, что въ нихъ крѣпостное право подвергается обстрѣлу съ трехъ сторонъ: во первыхъ, Тургеневъ непосредственно нападаетъ на крѣпостническіе порядки и дурныхъ помѣщиковъ, во вторыхъ, онъ рисуетъ нравственное и умственное убожество русскаго рабовладѣльческаго сословія и въ третьихъ—показываетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и доказываетъ, но не отвлеченными разсужденіями, а живыми художественными образами, что крестьяне такіе же, а часто и лучшіе люди, чѣмъ ихъ господа.

Особенно важно то, что Тургеневъ выставлялъ заурядныя явленія крѣпостной поры, не подыскивая исключеній, преувеличивающихъ дѣйствительность.

Эти то бросающіяся въ глаза безпристрастіе и объективность автора придали его „Запискамъ Охотника“ значеніе сильнѣйшаго протеста противъ крѣпостного права. Впечатлѣніе, произведенное „Записками“ на русскую читающую публику, было огромно. Александръ II, заявивъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ прочелъ эту книгу, мысль о необходимости освободить крестьянъ его не покидала,—явился выразителемъ общаго мнѣнія всѣхъ мало-мальски интеллигентныхъ людей.

Послѣ созданія „Записокъ Охотника“, Тургеневу только дважды пришлось возвратиться въ своемъ творчествѣ къ вопросу о крѣпостномъ правѣ. Въ 1852 году онъ написалъ два разсказа „Муму“ и „Постоялый дворъ“. Въ первомъ изъ нихъ, который Карлейль считалъ самымъ трогательнымъ изъ извѣстныхъ ему произведеній, Тургеневъ, какъ уже было упомянуто, изобразилъ свою мать въ лицѣ злобной барыни крѣпостницы, исковеркавшей

своимъ самодурствомъ жизнь и безъ того обиженнаго Богомъ глухонѣмого Герасима, а во второмъ— нѣкую помѣщицу Кунце, считающую себя въ правѣ продавать постороннимъ людямъ, упорнымъ трудомъ пріобрѣтенное, имущество своихъ крѣпостныхъ.

Нѣсколько ранѣе написанныя, чѣмъ „Записки Охотника", двѣ повѣсти Герцена „Кто виноватъ" и „Сорока-Воровка" (1846 г). привлекали вниманіе къ тому важному общественному вопросу, который уже былъ поднятъ литературой 30-хъ годовъ, вопросу о положеніи крѣпостныхъ интеллигентовъ. Въ первой повѣсти, Герценъ съ большимъ сочувствіемъ и теплотой изображаетъ незаконную дочь помѣщика Негрова, прижитую имъ отъ крѣпостной любовницы. Положеніе Любоньки въ домѣ отца очень тяжелое: Негровъ постоянно попрекаетъ ее своимъ благодѣяніемъ, безъ котораго она была бы не барышней, а горничной; всякая пріѣзжая родственица Негровыхъ имѣетъ право грубо бранить ее; еще тяжелѣе приходится дѣвушкѣ отъ развращенной барской дворни — горничныя смотрятъ на нее, какъ на выскочку, и почти въ лицо говорятъ ей: „холопку какъ ни одѣвай, все будетъ холопка: осанки, виду барственнаго совсѣмъ нѣтъ"; въ основѣ ея отношеній съ матерью, все еще живущей при барскомъ домѣ, лежитъ фальшь, такъ какъ ихъ разлучили, едва Любонькѣ было четыре года, и теперь между ними нѣтъ ничего общаго. Ранній бракъ съ добрымъ и честнымъ Круциферскимъ спасъ Любоньку отъ столь улыбавшейся ея отцу перспективы быть выданной за перваго попавшагося „секретарика" или засѣдателя. Не такъ благополучно сложилась жизнь матери Бельтова, крѣпостной гувернантки, за деньги

проданной барыней чужимъ господамъ, которой пришлось упорно бороться, отстаивая свою чистоту отъ покушеній молодого барина. Невеселыя исторіи Любоньки и матери Бельтова только вставочные эпизоды романа „Кто виноватъ“. Не довольствуясь ими, Герценъ посвятилъ этой же темѣ цѣлую повѣсть „Сорока-воровка“. Въ ней онъ изобразилъ необыкновенно талантливую крѣпостную актрису Анету, побывавшую въ Италіи и Парижѣ, видѣвшую Марсъ и Тальма, которая жалкимъ образомъ гибнетъ въ условіяхъ родной дѣйствительности. Со смертью ея перваго барина, „простого и честнаго человѣка“, она вмѣстѣ съ остальной труппой была перепродана кн. Скалинскому, соединявшему меценатство съ жестокостью и развратомъ. Не пожелавъ сдѣлаться наложницею Скалинскаго, Анета подверглась съ его стороны мелочнымъ и унизительнымъ гоненіямъ, которыхъ не въ силахъ перенести ея хрупкая и нѣжная натура. Счастье еще, что она умерла неопозоренной, такъ какъ князь въ отношеніи ея все-таки соблюдалъ извѣстную мѣру; онъ не рѣшился, напр., подвергнуть Анету тѣлесному наказанію, какъ это повидимому практиковалось въ отношеніи другихъ актеровъ.

Протестуя въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ, главнымъ образомъ, противъ тяжелаго положенія крѣпостныхъ интеллигентовъ, Герценъ не упускалъ случая отмѣтитъ тотъ или иной фактъ помѣщичьяго произвола вообще. Созданные имъ типы помѣщиковъ, какъ въ романѣ „Кто виноватъ“ и повѣсти „Сорока-воровка“, такъ и въ „Докторѣ Круповѣ“, отличаются преобладаніемъ отрицательныхъ качествъ. Зато къ крестьянамъ писатель относится съ симпатіей и любовью. Онъ очевидно вполнѣ раздѣляетъ точку зрѣнія своей люби-

мой героини Любоньки, которая говоритъ: „крестьяне нашей деревни лучше всѣхъ гостей, которые ѣздятъ къ намъ изъ губернскаго города и изъ сосѣдства, и гораздо умнѣе ихъ; а, вѣдь, тѣ учились, и все—помѣщики, чиновники, а такіе все противные“...

Свое народолюбіе Герценъ доказалъ и впослѣдствіи, когда, покинувъ Россію, онъ сталъ открытымъ, уже не стѣсненнымъ рамками придирчивой цензуры, обличителемъ нашихъ общественныхъ неустройствъ. Его свободный голосъ, голосъ убѣжденнаго борца за лучшее будущее, несмотря ни на какія пограничныя заставы, раздавался во всѣхъ уголкахъ родной земли, пробуждая общество отъ его спячки, укрѣпляя въ его сознаніи мысль о необходимости обновленія государственнаго строя, о неотложности цѣлаго ряда прогрессивныхъ преобразованій, а прежде всего, освобожденія крестьянъ, этой „крещеной собственности“...

Такимъ образомъ, и Некрасовъ, и Тургеневъ, и Герценъ честно выполнили свою аннибаловскую клятву. Чтобы закончить обзоръ главнѣйшихъ антикрѣпостническихъ произведеній эпохи, предшествующей освобожденію, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о „Деревнѣ“ (1846 г.) и „Антонѣ Горемыкѣ“ (1847) Григоровича. Эти повѣсти сильны, собственно говоря, не столько своими обличеніями крѣпостного права, сколько на рѣдкость жалостливымъ и гуманнымъ отношеніемъ къ низшей братіи. Хотя одною изъ причинъ гибели несчастной героини „Деревни“ является выдача ее бариномъ замужъ за грубаго и жестокаго парня Григорія, вогнавшаго ее въ гробъ своими побоями, но этотъ поступокъ помѣщика отнюдь не ставится авторомъ ему въ вину. Скорѣе наоборотъ, послѣд-

ній, будучи человѣкомъ „добрымъ“ и „благонамѣреннымъ“, отчасти потому придумалъ этотъ бракъ, чтобы сдѣлать „доброе дѣло“, пристроить заброшенную сиротку. Жена управляющаго въ этой же повѣсти является настоящей благодѣтельницей крестьянъ, единственнымъ существомъ, принимающимъ участіе въ Акулинѣ и ея малюткѣ-дочери. Въ повѣсти „Антонъ-Горемыка“, яркими красками рисующей безчеловѣчіе управителя изъ сермяжниковъ, въ отношеніи господъ проводится совершенно иная тенденція. Вся бѣда Антона, разореннаго и загубленнаго управляющимъ, и его односельчанъ, такъ же страдающихъ отъ корыстнаго Никиты Федоровича, хочетъ увѣрить насъ авторъ, заключается-де въ томъ, что ихъ молодые господа никогда не живутъ въ деревнѣ. „Вѣстимо,—разсуждаютъ мужики, кабы они здѣсь жили или понавѣдывались, хошь на время, такъ ина была бы причина... у насъ господа по отцу, добрые, хорошіе, грѣхъ сказать, чтобы зла кому пожелали... они рады бы, можетъ статься, особливо баринъ, въ чемъ помочь мужикамъ своимъ, да вишь отъ нихъ все шито да крыто... кабы они видали, примѣрно, что мужики въ обидѣ живутъ отъ управляющаго да нужду всяческу терпятъ, такъ, вѣстимо, того бы не попустили“...

Эта осторожность въ выраженіяхъ, затемняющая даже антикрѣпостническій смыслъ повѣсти Григоровича, являлась, конечно, уступкой цензурнымъ требованіямъ. Авторъ относился къ крѣпостному праву въ достаточной степени отрицательно, но не былъ свободенъ въ выраженіи своихъ взглядовъ: ему пришлось даже поступиться концомъ своей повѣсти, въ которой разсказывалось, какъ выведенные изъ терпѣнія кре-

стьяне поджигаютъ домъ ненавистнаго управляющаго, а его самого бросаютъ въ огонь. Чтобы спасти повѣсть, цензоръ Никитенко, самъ принциціальный противникъ крѣпостничества, совершенно передѣлалъ её, заставивъ Антона почти что пристать къ шайкѣ разбойниковъ и вмѣстѣ съ ея участниками отправиться въ Сибирь.

Уступая въ опредѣленности антикрѣпостнической тенденціи стихотвореніямъ Некрасова и „Запискамъ Охотника“ Тургенева, повѣсти Григоровича слабѣе ихъ и въ отношеніи жизненности крестьянскихъ типовъ. Здѣсь, конечно, сказалось то, что полу-французъ не только по крови, но и по воспитанію, Григоровичъ не такъ хорошо зналъ сельскую жизнь; болѣе того, ко времени работы надъ „Деревней“, онъ еще не вполнѣ овладѣлъ русскимъ языкомъ. Оттого-то народъ Григоровича и изображенъ столь бѣднымъ въ духовномъ отношеніи, какъ будто бы окончательно задохнувшимся въ невѣжествѣ, нищетѣ и порабощеніи. Славянофилы были отчасти правы, обвиняя автора въ „униженіи народности“. Наконецъ, мѣстами, въ повѣстяхъ Григоровича появляется излишне-чувствительный тонъ — отголосокъ доживавшаго въ ту эпоху свои послѣдніе дни сентиментализма.

Несмотря на всѣ эти недостатки, общественное значеніе „Деревни“ и „Антона Горемыки“, предваривших „Записки Охотника“ Тургенева и положившихъ, такимъ образомъ, начало нашей „мужицкой“ беллетристикѣ—неоспоримо. „Это былъ,—говоритъ Салтыковъ,—первый благотворный весенній дождь, первыя хорошія человѣческія слезы, и съ легкой руки Григоровича, мысль о томъ, что существуетъ мужикъ-человѣкъ, прочно залегла и въ русской литературѣ, и въ русскомъ обществѣ“

(„Круглый годъ“). А Салтыковъ, въ данномъ случаѣ, вполнѣ компетентный судья, потому что въ концѣ 50-хъ годовъ въ рядѣ своихъ разсказовъ („Обманутый подпоручикъ“, „Что такое коммерція“, „Арипушка“, „Владиміръ Константиновичъ Буеракинъ“, „Неумѣлые“) онъ лишній разъ заклеймилъ издыхавшее тогда крѣпостное право.

Если добавить къ указанному литературному матеріалу „Сонъ Обломова“ (1849 г.) Гончарова, въ которомъ затрагивается вопросъ о растлѣвающемъ вліяніи крѣпостного права на самихъ помѣщиковъ, привыкающихъ съ дѣтства надѣяться на трудъ „триста Захаровъ“, а потому, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, превращающихся въ праздныхъ, неспособныхъ къ какой-либо активной дѣятельности существователей, „Семейную Хронику“ (1856 г.) С. Аксакова, одинъ изъ героевъ которой (Куролесовъ) совмѣщаетъ всѣ отрицательныя черты тогдашняго крѣпостного барства, являя собой примѣръ „ужаснаго соединенія инстинкта тигра съ разумностью человѣка“—то получится довольно полный списокъ главнѣйшихъ произведеній 40-хъ и 50-хъ годовъ, настраивавшихъ общество въ антикрѣпостническомъ духѣ.

Энергія и настойчивость, съ которыми русская литература въ продолженіе почти цѣлаго столѣтія (отъ журналовъ Новикова до 1861 г.) боролась съ крѣпостнымъ правомъ, служитъ однимъ изъ яркихъ доказательствъ ея отзывчивости къ вопросамъ общественности. Эта отзывчивость, придавая ей своеобразную физіономію среди литературъ западно-европейскихъ, позволяетъ разсматривать ее, какъ могущественный факторъ въ дѣлѣ прогрессивнаго развитія нашей родины. Пусть не всѣ идеалы, добра и правды, провозглашенные

лучшими изъ русскихъ писателей, достигнуты, пусть, выражаясь словами поэта, „на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ люди придумали много иныхъ“— будемъ вѣрить и надѣяться, что „распутать ихъ легче народу“ съ помощью его идейной руководительницы—литературы.

В. Евгеньевъ.

Выработка крестьянской реформы 19 февраля и главные ея участники.

„... Освобожденіе крестьянъ необходимо, неотразимо, неминуемо...“ — такъ писалъ Герценъ еще въ 1853 г. въ своей извѣстной статьѣ „Юрьевъ день“. „Взвѣсьте,—писалъ онъ тамъ же, обращаясь къ дворянамъ-помѣщикамъ,—что для васъ выгоднѣе: освобожденіе крестьянъ съ землею и съ вашимъ участіемъ, или борьба противъ освобожденія съ участіемъ правительства?“ Онъ грозилъ дворянамъ въ этой статьѣ, что, если они не приступятъ къ освобожденію крестьянъ по собственной иниціативѣ, то освобожденіе все равно совершится—по волѣ Царя или путемъ пугачевщины.

Въ то время немногіе прочли эти строки—изданія Герцена тогда еще не легко распространялись въ Россіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ многимъ изъ современниковъ слова эти казались пророческими и проницательность Герцена колоссальной.

Тогда это могло такъ казаться, тѣмъ болѣе, что мало кому извѣстна была та подготовительная работа, которая совершалась въ Россіи упорно и дѣятельно въ теченіе всего царствованія императора Николая. Я имѣю въ виду здѣсь не ту только работу, которая совершалась въ секретныхъ комитетахъ и совѣщаніяхъ Николаевскаго царствованія, но и ту тяжелую и сложную работу историческаго

процесса, которая происходила въ жизни и выражалась въ измѣненіи условій помѣщичьяго хозяйства, въ обостреніи отношеній между помѣщиками и крестьянами, въ крестьянскихъ волненіяхъ и самовольныхъ расправахъ съ помѣщиками, въ измѣненіи настроенія и взглядовъ самихъ помѣщиковъ разныхъ губерній. Для Герцена, внимательно приглядывавшагося къ этимъ явленіямъ и умѣвшаго глубоко проникать въ нихъ мыслью, смыслъ ихъ былъ ясенъ, и оттого слова его впослѣдствіи казались пророческими. Для людей заурядныхъ проникнуть въ этотъ процессъ было тѣмъ труднѣе, что и правительство принципіально и строго сохраняло всѣ свои дѣйствія въ тайнѣ, и помѣщики скрывали даже одинъ отъ другого тѣ случаи самоволія, неповиновенія и самоуправства крѣпостныхъ крестьянъ, которые имъ приходилось лично испытывать на себѣ такъ часто.

Между тѣмъ, въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, что паденіе крѣпостного права въ Россіи явилось главнѣйшимъ результатомъ и, можно сказать, центральнымъ событіемъ того общаго историческаго процесса русской жизни, который начался въ Россіи въ концѣ XVIII вѣка, — послѣ того, какъ завершилась наконецъ, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, та многовѣковая борьба за территорію, которая истощала безъ остатка всѣ силы и средства русскаго народа; послѣ того, какъ для Россіи, справившейся наконецъ съ окружавшими ее внѣшними опасностями, явилась возможность вздохнуть свободнѣе и заняться упорядоченіемъ внутренняго быта и вопіющихъ нуждъ своего населенія. Тяжелый процессъ формированія государственной территоріи и созданія безопасныхъ и твердыхъ границъ завершился при Екатеринѣ,

и съ этого времени въ Россіи начался новый періодъ ея соціальной исторіи, главнѣйшей отличительной чертой котораго явилось раскрѣпощеніе сословій. Это раскрѣпощеніе началось, какъ извѣстно, съ дворянства и до крестьянства очередь дошла не скоро. Сама Екатерина, на долю которой выпало провозгласить новый принципъ, невольно подчинялась именно дворянству, которому обязана была своимъ возведеніемъ на престолъ и котораго преувеличенно опасалась. Поэтому положеніе крестьянъ при ней не улучшилось, хотя грядущее освобожденіе народа и признано было *въ принципѣ* необходимымъ. Александръ I искреннѣе и настойчивѣе „великой бабки своей“ стремился къ освобожденію крестьянъ, но онъ вскорѣ былъ отвлеченъ отъ благихъ начинаній во внутренней политикѣ государства внѣшними обстоятельствами, сложившимися чрезвычайно грозно и вовлекшими Россію въ общій ходъ міровыхъ событій. Однако, именно въ это время, благодаря страшному потрясенію, вызванному нашествіемъ Наполеона и послѣдующими великими войнами, стали быстрѣе назрѣвать въ Россіи внутренніе органическіе стимулы коренного измѣненія существовавшаго крѣпостного строя. Эти стимулы, въ видѣ разоренія дворянскихъ имѣній, измѣненія торговыхъ и промышленныхъ конъюнктуръ, уплотненія населенія во многихъ губерніяхъ, сознанія необходимости интенсификаціи сельскаго хозяйства,—которой не допускали крѣпостныя отношенія,—наконецъ, сильнаго обостренія въ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами—рѣзко сказались въ царствованіе Николая и вызвали и движеніе прогрессивныхъ мыслей и взглядовъ въ помѣщичьей средѣ, и настойчивыя обсужденія крестьянскаго вопроса

ъ многочисленныхъ секретныхъ комитетахъ и овѣщаніяхъ центральнаго правительства.

Въ концѣ царствованія императора Николая, въ одготовительной работѣ правительства по кре-ьянскому вопросу наступилъ рѣзкій перерывъ, одъ вліяніемъ реакціоннаго настроенія, охватив-аго высшіе правительственные круги послѣ фев-альской революціи 1848 г. во Франціи и послѣ-ующихъ революціонныхъ движеній въ Австріи и руссіи. Но подготовительная работа, совершав-аяся независимо отъ правительственной дѣятель-ости въ самой жизни, не прекратилась; ходъ про-есса сдѣлался глуше, но оттого, можетъ быть, це напряженнѣе. Крестьянскія волненія, вспых-увшія во многихъ губерніяхъ во время Крымской ойны, комбинировавшіяся притомъ съ сильнымъ одъемомъ патріотическихъ чувствъ и потому осо-енно затруднявшія правительство при ихъ подав-еніи,—не замедлили показать это.

Ко времени воцаренія Александра II никто уже зъ мыслящихъ людей въ Россіи не сомнѣвался, го крестьянскій вопросъ назрѣлъ, и рѣчь могла дти лишь о способахъ и формахъ его разрѣше-ія. Въ этомъ отношеніи правительство оказалось е особенно подготовленнымъ, несмотря на дли-ельную работу Николаевскихъ секретныхъ коми-етовъ.

Относительно взглядовъ на крестьянскій во-росъ самого императора Александра въ публикѣ одили противорѣчивые слухи и толки. Многіе тверждали, что онъ явится поборникомъ аристо-ратическихъ принциповъ и покровителемъ дво-янскихъ интересовъ. Другіе, наоборотъ, ожидали гъ него, какъ отъ воспитанника Жуковскаго, гу-аннаго и либеральнаго направленія, котораго

жаждали всѣ просвѣщенные и благонамѣренны люди въ тогдашней Россіи. И тѣ, и другіе осно вывали свои ожиданія и надежды на тѣхъ или иныхъ фактахъ, разсказы о которыхъ почерпалис изъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ источниковъ Жуковскій дѣйствительно старался внушить сво ему воспитаннику съ дѣтства гуманныя чувств и просвѣщенные взгляды на его будущія обязан ности передъ отечествомъ.

Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ,
Да славнаго участникъ славный будетъ,
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій — человѣкъ!
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ — свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать!

Чтобы достигнуть этого идеала, благонамѣрен ный поэтъ и добросовѣстный воспитателъ требо валъ, чтобы воспитаніе будущаго повелителя Рос сіи происходило въ соотвѣтствующей обстановкѣ онъ смѣло указывалъ его родителямъ зловредност обыкновенной придворной и плац-парадной атмо сферы и выражалъ опасеніе, чтобы, благодаря этої атмосферѣ его юный воспитанникъ не научился въ отечествѣ, своемъ видѣть только казарму, и вт подданныхъ своихъ полкъ. И хотя императриц Александра Федоровна и даже самъ Николай Пав ловичъ снисходительно выслушивали такія не обычныя требованія, однако же практически он мало вліяли на измѣненіе обстановки. Никола Павловичъ считалъ необходимымъ сдѣлать из своего сына прежде всего военнаго человѣка, личныя склонности молодого цесаревича шли этом на встрѣчу. Плац-парадные интересы заняли не

аловажное мѣсто въ жизни будущаго императора, политическіе и общественные взгляды его, немотря на порядочное образованіе, которое онъ поучилъ, мало чѣмъ отличались отъ взглядовъ его тца. Когда, начиная съ сороковыхъ годовъ, онъ ылъ пріобщенъ къ дѣламъ высшаго военнаго и ражданскаго управленія, онъ не показывалъ никакого сомнѣнія въ правильности существующей дминистративной системы и не обнаруживалъ ни алѣйшей наклонности къ критикѣ тогдашняго оціальнаго и политическаго строя Россіи. Съ онца сороковыхъ годовъ, послѣ февральской реолюціи и берлинскихъ событій, происходившихъ очти на его глазахъ, онъ не менѣе Николая Павовича охваченъ былъ реакціоннымъ настроеніемъ рѣзко враждебнымъ отношеніемъ ко всякимъ роявленіямъ революціоннаго и даже просто либеральнаго духа. Извѣстно, что онъ горячо сочувствовалъ воинственному манифесту, изданному мператоромъ Николаемъ въ мартѣ 1848 г., а въ крестьянскомъ вопросѣ проявилъ въ это время гораздо болѣе консервативные взгляды, нежели его отецъ. Въ 1853 г. онъ выступилъ рѣзкимъ оппонентомъ анти-дворянской политики Бибикова въ западномъ краѣ, и помѣщики литовскихъ и бѣлорусскихъ губерній нашли въ немъ тогда надежнаго и убѣжденнаго защитника и покровителя ихъ интересовъ, заступничеству котораго они обязаны были отсрочкой введенія въ ихъ имѣніяхъ Бибиковскихъ инвентарныхъ правилъ, уже Высочайше утвержденныхъ 22 декабря 1852 г. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что не только въ дворянской средѣ, но и въ средѣ лицъ, наиболѣе приближенныхъ къ Александру Николаевичу, укоренился взглядъ, что, по воцареніи своемъ, Але-

ксандръ II будетъ покровителемъ помѣщичьихъ интересовъ и проводникомъ дворянскихъ аристократическихъ взглядовъ. Но съ началомъ русско-турецкой войны 1853—1856 гг., послѣ первыхъ же неудачъ и особенно въ виду грозной коалиціи европейскихъ державъ и быстро обнаруживавшейся неподготовленности Россіи къ борьбѣ съ ними, въ правительственныхъ сферахъ и даже въ умѣ самого императора Николая падаетъ увѣренность, до того времени непререкаемая, въ правильности его административной системы. Послѣ высадки союзниковъ въ Крыму, банкротство этой системы становится очевиднымъ для всѣхъ благомыслящихъ людей, и самъ покойный Государь признаетъ на смертномъ одрѣ, что ему приходится сдавать сыну свою „команду“ не въ добромъ порядкѣ.

Александръ Николаевичъ понялъ, что не только курсъ всей внутренней политики долженъ быть измѣненъ кореннымъ образомъ, но что необходима полная перестройка всего обветшалаго общественнаго, а можетъ быть и государственнаго строя Россіи. Онъ твердо рѣшился предпринять необходимыя коренныя преобразованія, изъ которыхъ крестьянская реформа по общему убѣжденію была на первой очереди, ибо безъ нея трудно было произвести и всѣ остальныя. Но отъ такого рѣшенія до его осуществленія было еще далеко. Рѣшимость императора Александра измѣнить общій курсъ внутренней политики практически выразилась тотчасъ же въ отмѣнѣ различныхъ стѣснительныхъ реакціонныхъ мѣръ и распоряженій послѣднихъ лѣтъ предшествовавшаго царствованія въ области народнаго просвѣщенія, цензуры, выдачи заграничныхъ паспортовъ и т. п. Для того же, чтобы приступить къ крупнымъ органическимъ

преобразованіямъ, необходимо было имѣть сколько-нибудь опредѣленный и обдуманный планъ и достаточно подготовленныхъ надежныхъ сотрудниковъ. У императора Александра не было ни того, ни другого.

Изъ окружавшихъ его лицъ, даже въ его семьѣ, были люди, сочувствовавшіе освободительнымъ преобразованіямъ. Такъ, имъ сочувствовала императрица Марія Александровна, но она не имѣла ни надлежащихъ свѣдѣній, ни иниціативы, ни достаточнаго вліянія на своего супруга, чтобы дѣятельно участвовать въ этомъ дѣлѣ и оказать государю существенную поддержку. Гораздо болѣе была одарена необходимыми для этого качествами и въ особенности просвѣщеннымъ умомъ и дѣятельнымъ иниціативнымъ характеромъ тетка императора, великая княгиня Елена Павловна. У нея къ тому же была спеціальная способность,— въ данныхъ обстоятельствахъ особенно цѣнная,— выискивать и привлекать къ себѣ всѣхъ одаренныхъ и просвѣщенныхъ людей, могущихъ быть съ пользою употребленными на дѣла подобнаго рода. Въ этомъ отношеніи Елена Павловна оказала впослѣдствіи не мало услугъ дѣлу прогрессивныхъ преобразованій, выдвигая впередъ такихъ дѣятелей, какъ братья Николай и Дмитрій Милютины, Юрій Самаринъ, кн. Черкасскій, Кавелинъ, Арцимовичъ и т. д.; но императоръ Александръ не легко допускалъ къ себѣ новыхъ сотрудниковъ изъ числа лицъ, чуждыхъ придворнымъ сферамъ, особенно, когда лицамъ этимъ предшествовала злонамѣренная молва, стремившаяся ихъ опорочить въ его глазахъ, какъ напр., Николая Милютина, котораго обвиняли въ черезчуръ радикальныхъ взглядахъ и называли „краснымъ“.

Ревностнымъ сторонникомъ новаго курса являлся и старшій изъ братьевъ государя великій князь Константинъ Николаевичъ, который съ большой энергіей принялся вводить новый духъ и новые порядки въ подчиненномъ ему морскомъ министерствѣ. Однако, молодой великій князь не получилъ надлежащей подготовки и не обладалъ достаточными свѣдѣніями, чтобы непосредственно участвовать въ подготовленіи и направленіи общихъ государственныхъ преобразованій, дѣятельнымъ сторонникомъ и защитникомъ которыхъ онъ явился впослѣдствіи.

Сановники, окружавшіе Александра, были люди по большей части устарѣлые и черезчуръ привыкшіе къ традиціямъ минувшаго тридцатилѣтія. Многіе изъ нихъ къ тому же плохо вѣрили въ прочность и искренность новаго направленія Александра, хорошо зная прежніе его взгляды. Изъ нихъ болѣе другихъ пользовался довѣріемъ покойнаго Государя, перешедшимъ и къ Александру II, предсѣдатель государственнаго совѣта кн. Орловъ, человѣкъ старый и сильно проникнутый и Николаевскими традиціями, и придворно-аристократическими предразсудами. За нимъ слѣдовали: Киселевъ, главный двигатель крестьянскаго вопроса при Николаѣ, но теперь признанный уже устарѣлымъ и отправленный посломъ въ Парижъ; Блудовъ, когда-то слывшій за просвѣщеннаго и относительно либеральнаго министра, но тоже уже обремененный годами и къ тому же едва-ли имѣвшій какую-либо опредѣленную государственную программу; Левъ Перовскій, также участвовавшій въ разработкѣ крестьянскаго вопроса при Николаѣ (бывшій министръ внутр. дѣлъ), но теперь уже совершенно разслабленный и стоявшій одною но-

гою въ гробу (умеръ въ 1856 г.); министръ внутреннихъ дѣлъ Бибиковъ, проводившій при Николаѣ антидворянскую политику въ Западномъ краѣ, но именно на ней имѣвшій личныя столкновенія съ Александромъ, къ тому же упрямый самодуръ и человѣкъ мало просвѣщенный, едва-ли способный примѣниться къ новымъ условіямъ и требованіямъ жизни,—онъ былъ уволенъ въ отставку осенью 1855 года. Вмѣсто Бибикова былъ назначенъ Ланской, семидесятилѣтній старикъ, ознаменовавшій свое вступленіе въ должность циркуляромъ къ предводителямъ дворянства, въ которомъ онъ увѣрялъ ихъ въ неприкосновенности дворянскихъ правъ и привиллегій. За ними слѣдовали люди уже вовсе бездарные, какъ Брокъ, министръ финансовъ, и Норовъ, министръ народнаго просвѣщенія, или злонамѣренные реакціонеры, какъ Клейнмихель. Съ такими сотрудниками трудно было выработать надлежащій планъ преобразованій.

Единственный новый человѣкъ, введенный уже самимъ Александромъ въ эту сановную среду, хотя и безъ портфеля министра, былъ состоявшій при немъ начальникомъ штаба въ главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, которыми Александръ Николаевичъ завѣдовалъ съ 1849 года, генералъ-адъютантъ Ростовцевъ. Въ Ростовцевѣ, какъ человѣкѣ, пользовавшемся личнымъ довѣріемъ молодого императора, многіе видѣли восходящее свѣтило, и завистливые царедворцы уже именовали его, не безъ ироніи, новымъ Мазарини. Однако, предшествовавшею своею дѣятельностью Я. И. Ростовцевъ вовсе не былъ подготовленъ къ общимъ государственнымъ преобразованіямъ и на немъ къ тому же лежало пятно, въ видѣ репу-

таціи не совсѣмъ точно и справедливо ему приложенной, доносчика на своихъ друзей и товарищей, въ эпоху декабрьскаго возстанія 1825 года,— репутаціи, отталкивавшей отъ него всѣхъ людей либеральнаго образа мыслей. Теперь извѣстно, что хотя Ростовцевъ, по взглядамъ своимъ сочувствовавшій заговору 14 декабря, дѣйствительно предупредилъ Николая о грозившей ему опасности, но во-первыхъ, онъ сдѣлалъ это, заявивъ напередъ свое намѣреніе Рылѣеву и кн. Оболенскому, пытавшимся привлечь его къ своему предпріятію, а во-вторыхъ, не назвалъ Николаю при своемъ предупрежденіи ни одного имени. Теперь извѣстно также и то, что Ростовцевъ былъ глубоко и искренно преданъ, и лично императору Александру, и дѣлу начатыхъ послѣ Крымской войны преобразованій. Но въ то время, и въ придворныхъ кругахъ, и въ обществѣ, всѣ считали его за реакціонера, а Герценъ, считавшій его доносчикомъ на декабристовъ, не упускалъ ни одного случая всячески заклеймить его и всю его предшествовавшую служебную дѣятельность въ своихъ заграничныхъ изданіяхъ.

Впрочемъ, не смотря на то, что на высшихъ государственныхъ должностяхъ оставались по преимуществу прежнія лица, общество русское тотчасъ же почувствовало вѣяніе новаго курса, выразившееся въ отмѣнѣ различныхъ тяжелыхъ стѣсненій прежняго царствованія, и терпѣливо ждало грядущихъ преобразованій, довольствуясь тѣми благопріятными слухами, которые шли сверху. Такъ какъ законы о печати оставались прежніе, несмотря на разрѣшеніе новыхъ журналовъ и на фактическое облегченіе цензурнаго гнета, то большая часть вопросовъ, волновавшихъ передовые

круги общества, могли обсуждаться все же лишь въ рукописныхъ запискахъ и „политическихъ письмахъ“, писаніе и распространеніе которыхъ быстро вошло въ обычай съ легкой руки Погодина, рѣшившагося дѣйствовать этимъ путемъ еще при жизни Николая, въ послѣдніе мѣсяцы его царствованія, когда правительство видимо растерялось, въ виду начавшихся неудачъ и обнаружившихся изъяновъ административной системы. Многія изъ этихъ записокъ были впослѣдствіи, въ 1856—58 гг., напечатаны въ издававшихся Герценомъ „Голосахъ изъ Россіи“ и почти всѣ онѣ затрагивали такъ или иначе крестьянскій вопросъ,— иныя робко совѣтуя приступить къ подготовительнымъ мѣрамъ и рекомендуя постепенное устраненіе крѣпостного права, другія—какъ, напримѣръ, извѣстная записка К. Д. Кавелина—опредѣленно требуя полнаго освобожденія крестьянъ съ землей и указывая притомъ опредѣленный и хорошо обдуманный планъ реформы.

Правительство внимательно прислушивалось къ этимъ голосамъ, принимало и собирало записки, но само не спѣшило выступать съ опредѣленными заявленіями. Лишь въ заключительныхъ строкахъ манифеста о мирѣ указывалось въ красивыхъ, но неопредѣленныхъ выраженіяхъ на твердое намѣреніе предпринять рядъ коренныхъ внутреннихъ преобразованій. И только, когда эти строки и циркулировавшіе въ публикѣ слухи побудили московскаго генералъ-губернатора Закревскаго, человѣка весьма реакціонныхъ воззрѣній, просить императора Александра, пользуясь его пріѣздомъ въ Москву, успокоить встревоженное этими слухами дворянство, то Александръ Николаевичъ для всѣхъ неожиданно произнесъ рѣчь, которая впервые под-

твердила открыто его освободительныя намѣренія „Лучше,—сказалъ онъ—начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнетъ само собой уничтожаться снизу“. Самъ императоръ приглашалъ теперь предстоявшихъ представителей дворянства подумать, какъ привести это въ исполненіе, и поручилъ имъ передать эти слова дворянамъ „для соображенія“. Рѣчь эта была до того неожиданна, что министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской повѣрилъ факту ея произнесенія лишь тогда, когда самъ Александръ подтвердилъ, что онъ дѣйствительно сказалъ это и прибавилъ, что о сказанномъ отнюдь не жалѣетъ. Съ этого момента въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ начались дѣятельныя приготовленія къ реформѣ: извлечены были изъ архивовъ всѣ старыя дѣла секретныхъ комитетовъ Николаевскаго царствованія, собраны и разсмотрѣны представленные изъ среды общества новые проекты и записки и составлена товарищемъ министра А. И. Левшинымъ историческая записка о мѣрахъ по крестьянскому дѣлу.

Когда все это было изготовлено, Ланской сдѣлалъ докладъ императору о своевременности образованія новаго *секретнаго* комитета. Комитетъ былъ образованъ въ исходѣ 1856 г. и открытъ 3 января 1857 г. самимъ императоромъ Александромъ. Въ составъ комитета вошли всѣ тѣ старые Николаевскіе сановники, среди которыхъ наиболѣе сочувствующимъ намѣчавшемуся преобразованію являлся, повидимому, министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, человѣкъ старый и нерѣшительный, безъ личной иниціативы, но гуманный и благородный, въ молодости не чуждый нѣкоторыхъ связей съ либералами двадцатыхъ годовъ. Ростовцевъ, также на

значенный въ число членовъ этого комитета, на первыхъ порахъ почувствовалъ себя настолько неподготовленнымъ, что пытался даже уклониться отъ участія въ этомъ дѣлѣ, но императоръ настоялъ на его участіи въ комитетѣ, и Ростовцевъ принялся ревностно изучать переданные въ комитетъ матеріалы и вскорѣ искренно увлекся величіемъ и благотворнымъ значеніемъ предстоящей реформы. Къ сожалѣнію, на первыхъ порахъ онъ не избѣгъ, благодаря своему незнакомству съ дѣломъ, крупныхъ ошибокъ и вредныхъ вліяній такихъ дѣятелей, какъ хитрый и своекорыстный полтавскій землевладѣлецъ Позенъ, отставной статсъ-секретарь и тайный совѣтникъ, подавшій ловко составленную записку о способахъ постепенной ликвидаціи крѣпостного права,—записку, произведшую нѣкоторое впечатлѣніе на Государя и послужившую однимъ изъ поводовъ къ образованію комитета. Другимъ непосредственнымъ поводомъ къ тому послужила записка великой княгини Елены Павловны, которая стремилась въ то время, не ожидая общей реформы, произвести въ своемъ частномъ имѣніи Карловкѣ (Полтавской губерніи) освобожденіе и устройство своихъ крестьянъ на началахъ, проектированныхъ для нея по ея просьбѣ Н. А. Милютинымъ, который былъ тогда директоромъ хозяйственнаго департамента въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и К. Д. Кавелинымъ, записка котораго широко распространилась тогда въ обществѣ и черезъ Милютина попала и къ великой княгинѣ. Въ письмѣ своемъ къ Государю, Елена Павловна просила указать ей тѣ начала, на которыхъ правительство признаетъ возможнымъ допустить освобожденіе крестьянъ помѣщиками, и вмѣстѣ разрѣшить ей обсуждать этотъ

вопросъ съ нѣкоторыми полтавскими землевладѣ-
льцами. Александръ отвѣчалъ великой княгинѣ
что онъ затрудняется указать требуемыя начала
такъ какъ по сложности и важности вопроса же-
лалъ бы предварительно получить больше данныхъ
для рѣшенія этого вопроса отъ самихъ помѣщи-
ковъ разныхъ губерній, но вполнѣ одобрилъ мысли
Елены Павловны обсуждать этотъ вопросъ съ
помѣщиками Полтавской и другихъ сосѣднихъ
губерній.

Господствующею мыслью императора Александра
въ тотъ моментъ было именно сознаніе нежела-
тельности дѣйствовать въ этомъ вопросѣ диктато-
ріально и стремленіе добиться для его разработки
иниціативы со стороны самихъ заинтересованныхъ
въ дѣлѣ помѣщиковъ. Въ поискахъ этой иниціа-
тивы тов. министра Левшинъ велъ тщетные пе-
реговоры съ предводителями дворянства, собран-
ными въ Москвѣ на коронацію лѣтомъ 1856 г.
причемъ выяснилось впрочемъ, что податливѣе
другихъ въ этомъ случаѣ могутъ оказаться помѣ-
щики западныхъ литовскихъ губерній, если у
нихъ будетъ вновь поставленъ вопросъ о введеніи
Бибиковскихъ инвентарныхъ правилъ. Правитель-
ство рѣшило воспользоваться этимъ путемъ, и ге-
нералъ-губернатору литовскихъ губерній Назимову
даны были соотвѣтствующія инструкціи.

Между тѣмъ, секретный комитетъ не спѣшилъ
дѣйствовать. Одинъ изъ вліятельныхъ членовъ
этого комитета, новый министръ государственныхъ
имуществъ, М. Н. Муравьевъ, разъѣзжая лѣтомъ
1857 г. по Россіи съ цѣлью обозрѣнія подчинен-
ныхъ ему учрежденій, увѣрялъ даже провинціаль-
ныхъ помѣщиковъ и губернскія начальства, что
въ концѣ концовъ, никакихъ важныхъ измѣненій

въ существующемъ порядкѣ не послѣдуетъ, а, возвратившись въ Петербургъ, представилъ государю докладъ, въ которомъ увѣрялъ, что при объѣздѣ провинціи онъ убѣдился, что предпринятая реформа несвоевременна и что теперешнее положеніе вещей можетъ спокойно продолжать существованіе еще многіе годы. Но государь выразилъ Муравьеву свое неудовольствіе за его образъ дѣйствій, а въ составъ комитета, для его оживленія, назначилъ своего брата Константина Николаевича, только что вернувшагося изъ заграничнаго плаванія.

Въ іюлѣ 1857 г. въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ выработанъ былъ Левшинымъ докладъ съ опредѣленною программою, которая и была подвергнута обсужденію комитета. Левшинъ, а съ нимъ и Ланской, признавали съ одной стороны вредъ безземельнаго освобожденія крестьянъ, съ другой стороны они, какъ огня, боялись всякихъ финансовыхъ операцій, которыя могли бы завлечь казну, находившуюся тогда и безъ того на краю банкротства, въ какія-либо рискованныя и отвѣтственныя предпріятія. Поэтому они рѣшительно отвергали возможность и желательность выкупа состоявшихъ въ пользованіи крестьянъ земель при помощи какихъ-либо общихъ кредитныхъ операцій и рекомендовали, объявивъ крестьянъ лично свободными отъ крѣпостной зависимости, сохранить въ ихъ пользованіи необходимыя имъ земельныя угодія за повинности—денежныя или натуральныя. При этомъ они предполагали сохранить помѣщикамъ значительную долю вотчинной власти, предоставивъ вопросъ объ окончательной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній болѣе или менѣе отдаленному будущему. Вмѣстѣ съ тѣмъ,

они приняли во вниманіе, что намѣчаемый ими способъ рѣшенія вопроса, вполнѣ пріемлемый съ точки зрѣнія интересовъ помѣщиковъ земледѣльческихъ хлѣбородныхъ губерній, гдѣ къ тому времени личное крѣпостное право считалось скорѣе обузою для помѣщиковъ и гдѣ, главнымъ образомъ, цѣнилась земля, могъ оказаться весьма разорительнымъ для помѣщиковъ промышленныхъ, нечерноземныхъ губерній, которые главный доходъ получали не отъ земли, а отъ стороннихъ заработковъ и промысловъ ихъ крестьянъ, обложенныхъ болѣе или менѣе высокими оброками. Здѣсь при личномъ освобожденіи крестьянъ легко могъ послѣдовать отказъ ихъ отъ надѣла и уходъ на сторону, причемъ помѣщики лишались бы всего своего дохода отъ оброковъ. Ввести прямо принципъ вознагражденія за личность освобождаемыхъ крѣпостныхъ Левшинъ не рѣшился, такъ какъ и въ обществѣ къ этому времени сильно укоренилась мысль о необходимости безвозмезднаго освобожденія личности крестьянъ, и самъ императоръ Александръ признавалъ несправедливость такого вознагражденія. Въ такихъ обстоятельствахъ Левшинъ придумалъ уловку, которая впослѣдствіи получила большое значеніе: признано было желательнымъ сохранить крестьянамъ усадебную осѣдлость, т. е. усадьбу съ огородомъ, которую крестьяне должны были въ теченіе опредѣленнаго срока обязательно выкупить у помѣщиковъ, причемъ въ оцѣнку этихъ усадебъ предположено было въ промышленныхъ губерніяхъ включить особый элементъ промысловыхъ выгодъ и особыхъ удобствъ. Этимъ путемъ, по мысли Левшина, помѣщикамъ можно было предоставить, при помощи повышенной оцѣнки обязательно выкупаемыхъ усадебъ, получить въ скрытомъ видѣ

вознагражденіе за потерю оброковъ отъ крестьянскихъ промысловъ, т. е. въ сущности вознагражденіе за утрату права на личность крестьянина и на его трудъ.

Великій князь Константинъ Николаевичъ, инспирируемый Н. А. Милютинымъ, котораго ему горячо рекомендовала вел. кн. Елена Павловна, поддерживалъ эти начала въ Комитетѣ, но въ то же время, стремясь скорѣе двинуть дѣло къ исходу, предлагалъ, между прочимъ, немедленно выразить въ особомъ рескриптѣ на имя министра внутреннихъ дѣлъ рѣшительную волю Государя покончить крестьянскій вопросъ при содѣйствіи и участіи дворянства, для чего указать въ томъ же рескриптѣ главныя начала, а затѣмъ пригласить предводителей дворянства, обсудить и развить эти начала въ частныхъ совѣщаніяхъ съ опытнѣйшими помѣщиками въ теченіи извѣстнаго срока. Комитетъ отвергъ однако же, послѣ ряда бурныхъ засѣданій, желательность какой бы то ни было *огласки* и настаивалъ на необходимости *постепенности* и *осторожности* въ веденіи этого дѣла. „Улучшеніе быта“ помѣщичьихъ крестьянъ онъ предполагалъ, въ журналѣ, 18 августа 1857 г. утвержденномъ Александромъ Николаевичемъ, произвести въ три періода, причемъ первый изъ нихъ, неограниченный никакимъ срокомъ, „дабы не стѣснять“ министра внутреннихъ дѣлъ, рѣшено было посвятить собранію разныхъ подготовительныхъ свѣдѣній, предоставивъ въ то же время дворянамъ отпускать своихъ крестьянъ по добровольнымъ соглашеніямъ съ ними, цѣлыми деревнями, для чего издать особый указъ, въ дополненіе къ указамъ 1803 и 1842 г.г., о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ.

По свидѣтельству Левшина (въ его запискахъ), многіе изъ членовъ комитета (послѣ утвержденія этого журнала) „ласкали себя надеждою, что дѣло уснетъ“. Но не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ того, какъ въ Петербургъ явился генералъ-губернаторъ Литовскихъ губерній Назимовъ съ адресомъ литовскихъ дворянъ, въ которомъ они ходатайствовали, въ виду вновь возбужденнаго правительствомъ вопроса о введеніе у нихъ инвентарныхъ правилъ, дозволить имъ обсудить взамѣнъ того вопросъ о полномъ, но безземельномъ освобожденіи ихъ крестьянъ. Адресъ, привезенный Назимовымъ, три недѣли обсуждался въ Секретномъ Комитетѣ, вызывая длинныя и безплодныя пренія, пока, наконецъ, императоръ Александръ потерявъ терпѣніе, не приказалъ Ланскому составить, при участіи Муравьева, въ восемь дней, проектъ отвѣтнаго рескрипта, принявъ при этомъ въ основаніе докладъ, представленный въ іюлѣ того же 1857 года.

Этотъ рескриптъ, подписанный Государемъ 20 ноября 1857 г. и въ тотъ же день врученный Назимову, явился самой существенной гранью въ развитіи многосложныхъ перепетій крестьянскаго вопроса. Въ немъ правительство рѣшительно пошло навстрѣчу имъ же вызванной иниціативѣ дворянства, выразивъ сочувствіе проявленному дворянствомъ „великодушному“ намѣренію и предписавъ для обсужденія вопроса въ деталяхъ образовать на мѣстахъ въ трехъ литовскихъ губерніяхъ губернскіе дворянскіе комитеты. При этомъ, однако же, комитетамъ этимъ давались опредѣленныя начала, на которыхъ должно было быть основано грядущее „улучшеніе быта“ помѣщичьихъ крестьянъ. Эти начала отнюдь не соотвѣтствовали намѣреніямъ,

выраженнымъ въ адресѣ литовскихъ дворянъ. Вотъ эти начала:

1) „Помѣщикамъ сохраняется право *собственности* на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіи опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того, предоставляется въ *пользованіе* крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и передъ помѣщикомъ, количество земли, за которое они платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

2) Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція,

и 3) При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ земскихъ повинностей и земскихъ сборовъ“.

Въ дополнительномъ разъясненіи къ рескрипту, преподанномъ министромъ генералъ-губернатору, указывалось, между прочимъ, что „земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянъ, не можетъ быть присоединена къ господскимъ полямъ“. Впрочемъ, разъясненія министра обязательной силы для комитетовъ не имѣли и сообщались лишь, какъ „пособіе“ при ихъ занятіяхъ.

Въ это время въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ начинаетъ получать все большее вліяніе на ходъ крестьянскаго дѣла Н. А. Милютинъ, бывшій тогда лишь директоромъ хозяйственнаго департамента, но пользовавшійся личнымъ довѣріемъ Ланского и въ то же время имѣвшій могу-

щественную поддержку въ лицѣ вел. кн. Елены Павловны и вел. кн. Константина Николаевича. Милютинъ настойчиво совѣтовалъ министру немедленно разослать копіи рескрипта 20 ноября всѣмъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства, чтобы побудить и дворянство коренныхъ русскихъ губерній послѣдовать примѣру литовскихъ дворянъ. Ланскому удалось провести соотвѣтствующее постановленіе черезъ главный комитетъ, и когда враги преобразованія, спохватившись, хотѣли на другой день отмѣнить это рѣшеніе, было уже поздно. Оказалось, что, по настоянію Милютина, копіи рескрипта и отношеніе Ланского были напечатаны въ одну ночь и тотчасъ же отправлены на желѣзную дорогу. Этимъ актомъ сдѣланъ былъ важный шагъ, значеніе котораго еще усугубилось, когда, спустя три недѣли, рескриптъ рѣшено было напечатать во всеобщее свѣдѣніе вмѣстѣ съ аналогичнымъ рескриптомъ на имя петербургскаго генералъ-губернатора Игнатьева (отъ 5 декабря 1857 г.), которому поручено было образовать дворянскій губернскій комитетъ въ Петербургской губерніи на одинаковыхъ приблизительно основаніяхъ съ литовскими, въ виду того, что петербургское дворянство еще раньше заявляло правительству свое намѣреніе заняться устройствомъ быта своихъ крѣпостыхъ крестьянъ.

Опубликованіе этихъ рескриптовъ имѣло огромное значеніе для исхода всего дѣла. Послѣ этого, правительство не могло уже взять назадъ или пріостановить надолго разъ начатое дѣло: дворянству всѣхъ прочихъ губерній ничего не оставалось, какъ послѣдовать „великодушному“ примѣру литовскихъ и петербургскихъ помѣщиковъ, подъ опа-

сеніемъ серьезныхъ волненій своихъ крѣпостныхъ; наконецъ, съ опубликованіемъ рескриптовъ, невозможно было удерживать долѣе печать отъ гласнаго обсужденія крестьянскаго вопроса. И обсужденіе это началось немедленно, причемъ первоначальный восторженный тонъ статей — не исключая статьи Герцена въ „Колоколѣ“ („Черезъ три года“—Ты побѣдилъ, Галлилеянинъ!) и Чернышевскаго въ „Современникѣ“ („О новыхъ условіяхъ сельскаго быта“)—не замедлилъ вскорѣ смѣниться болѣе или менѣе строгой и болѣе или менѣе основательной критикой данной въ рескриптахъ правительственной программы съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія.

Еще быстрѣе, нежели въ печати, стали получаться критическіе отзывы на рескриптъ въ тѣхъ отвѣтахъ на конфиденціальные запросы Ланского, которые ему присылали запрошенные имъ губернскіе предводители дворянства въ первые же недѣли послѣ разсылки копій рескриптовъ и ихъ опубликованія. Въ большинствѣ губерній дворянство опасалось и крестьянскихъ волненій и хозяйственныхъ потрясеній, вслѣдствіе внезапности принятой рѣшительной мѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ земледѣльческихъ черноземныхъ губерніяхъ, дворянству чрезвычайно не нравилась перспектива лишиться фактически значительной части своихъ земель и права свободнаго распоряженія ими впослѣдствіи. Наоборотъ, въ губерніяхъ нечерноземныхъ, промышленныхъ, помѣщики выражали опасеніе, что при условіяхъ реформы, указанныхъ въ рескриптахъ, они лишатся возможности получать оброки съ своихъ крѣпостныхъ, послѣ того, какъ эти послѣдніе, сдѣлавшись лично свободными, разбредутся въ разныя стороны.

Самую сильную критику на программу реформы, преподанную въ рескриптахъ, представилъ тверской предводитель дворянства А. М. Унковскій. Въ запискѣ, присланной министру внутреннихъ дѣлъ и составленной Унковскимъ вмѣстѣ съ Головачовымъ, онъ доказывалъ, стоя на точкѣ зрѣнія прогрессивныхъ помѣщиковъ промышленныхъ губерній, что палліативы, указанные въ рескриптахъ, и особенно постепенность упраздненія крѣпостного права и переходное „срочно-обязанное положеніе“ совсѣмъ не разрѣшаютъ вопроса, что и крестьяне не помирятся съ такой половинчатой свободой, и помѣщики разорятся, и что, наконецъ, даже и исправное поступленіе податей, при отсутствіи собственной земли у крестьянина и права свободнаго распоряженія собственностью у помѣщика, не можетъ быть ничѣмъ обезпечено. Единственнымъ вѣрнымъ средствомъ освободить крестьянъ не словомъ, а дѣломъ, не не постепенно, а разомъ, единовременно и повсемѣстно, не нарушивъ ничьихъ интересовъ, не порождая ни съ какой стороны неудовольствій и не рискуя будущимъ Россіи“, Унковскій считалъ *выкупъ* крѣпостного права, т. е. личности крестьянъ съ полнымъ земельнымъ надѣломъ. При этомъ онъ требовалъ, чтобы операція эта совершена была съ содѣйствіемъ правительства, чтобы помѣщики разомъ получили всю выкупную сумму, хотя бы въ видѣ облигацій, приносящихъ опредѣленный доходъ и реализуемыхъ на рынкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ оговаривался, что уплата стоимости земли должна быть произведена самими крестьянами въ видѣ разсроченныхъ платежей, а та часть вознагражденія, которая будетъ причитаться за утрату права распоряженія рабочей

силой крестьянъ, должна быть выплачена государствомъ при участіи всѣхъ сословій, такъ какъ крѣпостное право и установлено было въ свое время, и отмѣняется теперь, во имя государственныхъ нуждъ и соображеній. Свою точку зрѣнія Унковскій сумѣлъ внушить многимъ помѣщикамъ Тверской и нѣкоторыхъ сосѣднихъ губерній, и, когда начались работы тверского комитета, то въ немъ большинствомъ голосовъ принятъ былъ планъ работы, согласный съ изложенными взглядами, но противорѣчившій, конечно, буквальному смыслу рескриптовъ и сопроводительныхъ наставленій министра.

Между тѣмъ правительство, вначалѣ имѣвшее въ виду предоставить губернскимъ комитетамъ полную свободу внутренней организаціи ихъ работъ и выработки мѣстныхъ положеній въ рамкахъ рескриптовъ, услыхавъ о несогласіяхъ и недоразумѣніяхъ, которыя возникаютъ среди дворянства разныхъ губерній при толкованіи смысла рескриптовъ, рѣшило дать опредѣленную программу занятій губернскихъ комитетовъ и точно установленную форму для вырабатываемыхъ ими проектовъ положеній. Дѣло это попало въ руки ловкаго человѣка, помѣщика хлѣбородной и относительно густонаселенной Полтавской губерніи, М. П. Позена, который въ то время, выдавая себя за либерала, пользовался полнымъ довѣріемъ Ростовцева. Позенъ выработалъ программу, которая должна была окончательно поставить точки на і и ввести работы губернскихъ комитетовъ въ очень опредѣленныя рамки. Исходя при этомъ изъ интересовъ помѣщиковъ хлѣбородныхъ черноземныхъ губерній, Позенъ стремился незамѣтно провести мысль, что вырабатываемыя положенія должны имѣть въ виду

лишь переходный срочно-обязанный періодъ, что только на это время крестьянамъ должны быть опредѣлены надѣлы, которые затѣмъ должны *вернуться въ полное распоряженіе помѣщиковъ*, а крестьяне должны получить полную свободу, но *безъ земли*, причемъ и выкупъ усадебъ не ставился въ связь съ прекращеніемъ срочно-обязанныхъ отношеній, но за помѣщиками во всякомъ случаѣ оставлялась сильная вотчинная власть въ ихъ имѣніяхъ.

Первоначально, большинство тверского комитета, согласно съ Унковскимъ, думало обойти эту программу, признавъ, что подъ усадьбой, подлежащей выкупу на основаніи рескриптовъ, слѣдуетъ разумѣть *весь* земельный надѣлъ. Но меньшинство, опираясь на букву рескриптовъ и Позеновской программы, протестовало противъ такого распространительнаго толкованія рескриптовъ и министерство внутреннихъ дѣлъ должно было признать взглядъ меньшинства формально правильнымъ. Тогда большинство комитета командировало въ Петербургъ депутацію изъ 4-хъ членовъ съ Унковскимъ во главѣ къ Ланскому и Ростовцеву, которымъ эта депутація рѣшительно заявила, что если правительство желаетъ имѣть проектъ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній отъ тверского дворянства, то такой проектъ можетъ быть выработанъ только на основаніяхъ надѣленія крестьянъ землей въ собственность и полнаго упраздненія крѣпостныхъ отношеній съ вознагражденіемъ помѣщиковъ за матеріальный ущербъ при помощи выкупа. Если же это не будетъ дозволено, то комитетъ разойдется, а правительство пусть поручитъ дѣло составленія положеній чиновникамъ, которые напишутъ все, что имъ прикажутъ. Это рѣшительное заявленіе тверского комитета послѣдовало въ октябрѣ 1858 г.,

когда и Ланской, и Ростовцевъ уже значительно поколебались въ своихъ взглядахъ на необходимость срочно-обязаннаго положенія и невозможность выкупа.

Ростовцевъ, лѣтомъ 1858 г. отдыхая за границей и внимательно читая различные проекты освобожденія крестьянъ, въ томъ числѣ и заграничные, между которыми были составленные дѣловыми людьми — банкирами (проектъ Френкеля и Гомберга), все болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что переходное „срочно-обязанное" положеніе само по себѣ не только не устраняетъ различныхъ опасностей и тяжелыхъ недоразумѣній, но даже необходимо ихъ обусловливаетъ. Еще и раньше онъ смутно предчувствовалъ, что крестьяне въ этотъ переходый періодъ, объявленные лично свободными, но обязанные въ то же время отбывать барщину и оброки помѣщикамъ, не легко будутъ подчиняться требованіямъ помѣщиковъ и не поймутъ смысла изданныхъ положеній. Поэтому онъ проектировалъ вмѣстѣ съ государственнымъ секретаремъ Бутковскимъ въ началѣ 1858 г. ввести на это переходное время рядъ чрезвычайныхъ полицейскихъ мѣръ, въ видѣ облеченныхъ особою властью уѣздныхъ начальниковъ и временныхъ генералъ-губернаторовъ. Но эти проекты подверглись сильной критикѣ со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ и многихъ частныхъ лицъ, которыя доказывали, что это будетъ не „срочно-обязанное", а настоящее „осадное" положеніе, которое сдѣлаетъ жизнь въ провинціи невыносимой. И Ростовцевъ понялъ основательность этихъ возраженій и отказался отъ своихъ проектовъ, несмотря на энергичную поддержку, которую оказывалъ имъ самъ Императоръ Александръ, въ особенности

недовольный рѣзкой критикой ихъ со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ въ запискѣ, представленной ему Ланскимъ и составленной калужскимъ губернаторомъ Арцимовичемъ, но долго приписывавшейся Милютину.

Вникая во время заграничнаго своего отдыха глубже въ сущность задачи и яснѣе представляя себѣ возможныя формы ея разрѣшенія, Ростовцевъ излагалъ свои новыя мысли и соображенія Императору въ частныхъ письмахъ изъ Вильдбада и Дрездена, причемъ въ четвертомъ (и послѣднемъ) изъ этихъ писемъ онъ уже признавалъ, что чѣмъ больше сократить переходное срочно-обязанное положеніе, тѣмъ для спокойствія страны лучше; что для того, чтобы при этомъ на мѣстѣ не нарушался порядокъ и ни на минуту не колебалась сильная власть, нужно власть эту сосредоточить въ крестьянскомъ мірѣ и его избранныхъ, предоставивъ помѣщику имѣть дѣло не съ отдѣльными крестьянами, а только съ міромъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ четвертомъ письмѣ Ростовцевъ вполнѣ уже усвоилъ идею выкупа, какъ общей финансовой мѣры; онъ не допускалъ только обязательности этой мѣры для обѣихъ сторонъ и считалъ, что выкупныя сдѣлки при содѣйствіи правительства должны заключаться между помѣщиками и крестьянами по добровольнымъ соглашеніямъ между ними.

Въ то же время и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ мысль о возможности и осуществимости выкупной операціи начала проводиться Милютинымъ и Соловьевымъ, которые получили непосредственное вліяніе на направленіе работъ по крестьянской реформѣ съ образованіемъ въ составѣ министерства особаго земскаго отдѣла, въ кото-

ромъ сосредоточились всѣ подготовительныя работы по крестьянскому дѣлу. Земскій отдѣлъ открытъ былъ 4 марта 1858 года подъ предсѣдательствомъ товарища министра А. И, Левшина; Я. А. Соловьевъ назначенъ былъ непремѣннымъ членомъ отдѣла, завѣдывавшимъ его дѣлами, Н. А. Милютинъ состоялъ членомъ отдѣла въ качествѣ директора хозяйственнаго департамента. Роль Левшина, съ изданіемъ рескриптовъ, оказалась уже сыгранной; онъ не сочувствовалъ быстрымъ и энергичнымъ распоряженіямъ по дѣлу крестьянской реформы, а изданіе и въ особенности опубликованіе рескриптовъ считалъ опаснымъ для государства „salto mortale". Въ земскомъ отдѣлѣ, какъ разъ въ это время, началась лихорадочная работа, и Левшинъ уступилъ здѣсь центральное мѣсто болѣе молодымъ и способнымъ дѣятелямъ Соловьеву и Милютину, изъ которыхъ послѣдній вскорѣ смѣнилъ его и на посту товарища министра.

Соловьевъ, до привлеченія его въ составъ земскаго отдѣла, служилъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, гдѣ въ теченіи многихъ лѣтъ занимался кадастромъ казенныхъ населенныхъ имѣній и, слѣдовательно, изученіемъ быта государственныхъ крестьянъ, а попутно знакомился и съ общими условіями дореформенной сельской жизни и крестьянскаго быта въ Россіи. Въ 1855 г. онъ издалъ очень важное статистическое изслѣдованіе о положеніи сельскаго хозяйства и крестьянскаго населенія въ Смоленской губерніи, а затѣмъ выступилъ въ 1857 съ рядомъ замѣчательныхъ статей о поземельной собственности въ „Отечественныхъ Запискахъ". Онъ былъ убѣжденный сторонникъ радикальной крестьянской

реформы и превосходный, неутомимый и стойкій работникъ. Ему, можетъ быть, не доставало иногда тонкой оборотливости и внѣшней изысканности и такта, чтобы самостоятельно вести защиту ввѣреннаго ему дѣла въ совѣщательныхъ комиссіяхъ, но онъ былъ незамѣнимъ въ дѣлѣ собранія и подготовки необходимыхъ матеріаловъ, добросовѣстнаго подбора и правильной и умѣлой критической оцѣнки различныхъ статистическихъ данныхъ и фактовъ, столь необходимыхъ для вооруженія въ тогдашней отвѣтственной и непрерывной борьбѣ за крестьянскіе интересы всѣхъ главнѣйшихъ защитниковъ этихъ интересовъ и въ редакціонныхъ комиссіяхъ, и въ главномъ комитетѣ, и въ личныхъ докладахъ Императору и, наконецъ, въ государственномъ совѣтѣ. Эта важная черновая, невидная, но весьма трудная и отвѣтственная работа, сослужившая огромную службу въ дѣлѣ разоблаченія различныхъ подтасовокъ, клеветъ и систематическихъ запугиваній правительства со стороны враговъ реформы и въ то же время снабженія необходимыми данными и обоснованіемъ фактическимъ матеріаломъ докладовъ и выступленій ея сторонниковъ и защитниковъ, была прекрасно выполняема Соловьевымъ въ теченіи всей выработки положеній 19 февраля въ редакціонныхъ комиссіяхъ и въ другихъ высшихъ инстанціяхъ.

Роль Милютина была еще отвѣтственнѣе и важнѣе. Ростовцевъ впослѣдствіи выразился какъ-то, что Милютинъ былъ нимфой Эгеріей редакціонныхъ комиссій. Ту же роль нимфы Эгеріи игралъ онъ и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ это министерство онъ вступилъ еще въ 1835 г. неопытнымъ и малоподготовленнымъ къ жизни

юношей 17-ти лѣтъ, тотчасъ по окончаніи курса въ московскомъ университетскомъ „благородномъ“ пансіонѣ. Можетъ быть, въ министерскихъ канцеляріяхъ на него обращали нѣсколько больше вниманія, чѣмъ на остальныхъ мелкихъ чиновниковъ, потому что онъ былъ по матери роднымъ племянникомъ министра государственныхъ имуществъ гр. Киселева, но несомнѣнно больше всего ему помогли выдвинуться его выдающіяся дарованія, которыя обнаружились съ первыхъ же лѣтъ его службы. При гр. Перовскомъ, состоя въ должности начальника отдѣленія хозяйственнаго департамента и не имѣя отъ роду 30-ти лѣтъ, онъ былъ уже замѣтной фигурой въ министерствѣ, и предпринятое въ сороковыхъ годахъ по его иниціативѣ изслѣдованіе городского хозяйства въ разныхъ городахъ Россійской имперіи,—дѣло, къ которому онъ сумѣлъ привлечь въ то время такихъ представителей своего поколѣнія, какъ Юрій Самаринъ и Иванъ Аксаковъ—привело въ 1846 г. къ реформѣ петербургскаго общественнаго управленія на тѣхъ же приблизительно началахъ, на которыхъ впослѣдствіи построена была городовая реформа 1870 года.

Въ 1856—1857 г.г. пользуясь старымъ знакомствомъ и дружбой съ Ю. Ф. Самаринымъ и болѣе новымъ съ К. Д. Кавелинымъ, Милютинъ, въ общеніи съ ними, основательно приготовился къ участію въ крестьянской реформѣ, познакомившись въ то же время и со старыми архивными матеріалами. Уже въ томъ же 1857 г. онъ имѣлъ нѣсколько случаевъ проводить свои взгляды на это дѣло въ бесѣдахъ съ Ланскимъ, съ которымъ онъ былъ въ частыхъ сношеніяхъ по должности директора хозяйственнаго департамента. Съ другой стороны,

онъ же инспирировалъ въ это время, какъ уже было указано, вел. княгиню Елену Павловну и вел. кн. Константина Николаевича, проводя и здѣсь съ одной стороны мысль о необходимости коренной и радикальной реформы, въ видѣ освобожденія крестьянъ съ достаточнымъ земельнымъ надѣломъ, а съ другой стороны указывая и способы, какъ воспользоваться въ этомъ дѣлѣ дворянской иниціативой и въ то же время не дать волѣ дворянства слишкомъ большой роли въ ходѣ всего дѣла, чтобы обострившіеся дворянскіе интересы и аппетиты не парализовали благого значенія предпринятой реформы для народныхъ массъ. Эта дѣятельность Милютина была скоро замѣчена придворными крѣпостниками и реакціонерами и они поспѣшили скомпрометировать его имя въ глазахъ Государя, приписывая ему радикальныя политическія воззрѣнія и даже революціонныя намѣренія, и въ этомъ они успѣли въ значительной мѣрѣ. Въ концѣ концовъ Милютину благодаря этимъ интригамъ, едва не пришлось выйти въ отставку въ 1858 году, и только рѣшительная защита его Ланскимъ, поддержанная въ совѣтѣ министровъ кн. Горчаковымъ (министромъ иностранныхъ дѣлъ), а внѣ совѣта вел. кн. Еленой Павловной, устранила на этотъ разъ удаленіе его отъ дѣлъ. Несмотря, однако же, на всѣ усилія придворныхъ недоброжелателей Милютина, успѣвшихъ возстановить противъ него Государя, имъ не удалось помѣшать въ началѣ 1859 г., послѣ удаленія въ отставку Левшина, назначенію Милютина на постъ товарища министра, хотя и съ званіемъ лишь „временно исправляющаго эту должность“, что, впрочемъ, не помѣшало Милютину исправлять ее вплоть до изданія положеній 19 февраля 1861 года.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что, во взгяядахъ на крестьянскую реформу, Милютинъ раздѣлялъ точку зрѣнія Самарина, которую этотъ послѣдній подробно обосновалъ въ статьяхъ своихъ, напечатанныхъ въ „Сельскомъ благоустройствѣ". Оба они понимали предпочтительность радикальнаго рѣшенія вопроса при помощи обязательнаго выкупа при условіи, конечно, освобожденія крестьянъ съ тѣми приблизительно надѣлами, которыми они пользовались при крѣпостномъ правѣ, но сознавали и тѣ опасности и трудности, которыя сопряжены съ такимъ исходомъ дѣла для государственной казны, истощенной послѣдней войной и находившейся въ то время въ слабыхъ и неискусныхъ рукахъ такихъ министровъ, какъ Брокъ, а затѣмъ Княжевичъ. Во всякомъ случаѣ, самой важной стороной реформы Милютинъ вмѣстѣ съ Самаринымъ признавалъ освобожденіе крестьянъ съ достаточнымъ земельнымъ надѣломъ и очень недовѣрчиво относился къ планамъ и видамъ большинства дворянскихъ губернскихъ комитетовъ. Тѣмъ не менѣе, въ требованіяхъ прогрессивнаго большинства тверского губернскаго комитета онъ не могъ не видѣть стремленія найти добросовѣстное и радикальное рѣшеніе вопроса съ соблюденіемъ выгодъ и интересовъ не только помѣщиковъ, но и крестьянъ.

Въ концѣ концовъ, и Ланской, и Ростовцевъ признали необходимымъ предоставить тверскому комитету довести свой планъ до конца, и ему было разрѣшено сверхъ проекта, основаннаго на Позеновской программѣ и имѣвшаго въ виду устройство крестьянъ въ переходномъ срочно-обязанномъ періодѣ, выработать и особый выкупной проектъ, имѣвшій въ виду немедленное и едино-

временное полное освобожденіе крестьянъ съ землей. Вскорѣ такое же разрѣшеніе дано было калужскому комитету и еще 15-ти другимъ, не успѣвшимъ къ тому времени окончить своихъ работъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ростовцевъ внесъ въ главный комитетъ по Высочайшему повелѣнію извлеченіе изъ своихъ заграничныхъ писемъ къ императору Александру и это извлеченіе обсуждалось въ нѣсколькихъ засѣданіякъ, журналы которыхъ были утверждены Государемъ 26 октября и 4 декабря 1858 года.

Въ этихъ постановленіяхъ сдѣланы были чрезвычайно важныя поправки и дополненія къ первоначальной правительственной программѣ, имѣвшія огромное значеніе для послѣдующаго хода разработки крестьянской реформы. Впрочемъ, на направленіе работъ губернскихъ комитетовъ эти измѣненія правительственной программы не могли отразиться, потому что комитеты къ этому времени уже заканчивали свои работы; за то они отразились весьма существенно съ самаго начала на направленіи работъ того учрежденія, которое образовано было подъ названіемъ „редакціонныхъ комиссій“ при главномъ комитетѣ для разсмотрѣнія и сводки проектовъ губернскихъ комитетовъ и для проектированія затѣмъ положеній, какъ общаго для всей Россіи, такъ и мѣстныхъ для различныхъ полосъ или областей.

Эти коммиссіи были образованы, въ мартѣ 1859 г., подъ предсѣдательствомъ, или, какъ сказано было въ Высочайшемъ повелѣніи, „подъ начальствомъ“, генерала Ростовцева изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, соприкасавшихся съ крестьянскимъ дѣломъ и кодификаціонными работами, а также изъ „членовъ-экспертовъ“ въ

лицѣ помѣщиковъ, извѣстныхъ своими проектами по крестьянскому дѣлу или обратившихъ на себя вниманіе своими работами въ разныхъ губернскихъ комитетахъ. Мысль ввести такихъ членовъ - экспертовъ въ составъ редакціонныхъ комиссій возникла въ тотъ моментъ у Милютина и онъ выразилъ ее Государю при своемъ представленіи послѣднему по случаю своего назначенія къ исправленію должности товарища министра. Затѣмъ онъ выразилъ ту же мысль и Ростовцеву, который и самъ высказывалъ нѣчто подобное въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Государю. Мысль эта была одобрена, и вообще у Милютина, вопреки его опасеніямъ, сразу же установились съ Ростовцевымъ очень хорошія отношенія. Ростовцевъ не только отнесся къ нему съ полнымъ довѣріемъ, но и просилъ его участія въ дѣлѣ подбора личнаго состава редакціонныхъ коммиссій, и Милютинъ, воспользовавшись этимъ, ввелъ туда нѣсколькихъ членовъ, сдѣлавшихся впослѣдствіи главными двигателями въ нихъ всего дѣла. Члены эти были: Ю. Ф. Самаринъ, кн. В. А. Черкасскій (съ которымъ Милютинъ еще не былъ лично знакомъ въ то время), В. В. Тарновскій, Г. П. Галаганъ, не говоря о Я. А. Соловьевѣ, который былъ назначенъ въ составъ комиссій отъ минстерства внутреннихъ дѣлъ, конечно, также съ вѣдома Милютина.

Но на ряду съ этими приверженцами реформы въ комиссіи вступило и нѣсколько лицъ, съ которыми Милютину и его друзьямъ пришлось впослѣдствіи выдержать упорную и ожесточенную борьбу. Это были предводители дворянства: Петербургской губ.—гр. П. П. Шуваловъ и Орловской—В. В. Апраксинъ, генералъ-адъютантъ кн. Паскевичъ,

упоминавшійся уже полтавскій помѣщикъ Позенъ, редакторъ „Журнала землевладѣльцевъ“ А. Д. Желтухинъ и одинъ изъ представителей министерства государственныхъ имуществъ Булыгинъ, упорно отстаивавшій взгляды своего принципала М. Н. Муравьева. Первоначально было образовано двѣ редакціонныхъ комиссіи—одна для выработки общаго положенія, другая для выработки мѣстныхъ; но Ростовцевъ, пользуясь предоставленною ему властью, съ самаго же начала слилъ ихъ въ одну, подраздѣливъ ее затѣмъ на отдѣленія: административное, юридическое и хозяйственное, къ которымъ вскорѣ присоединена была еще особая финансовая комиссія для выработки положенія о выкупѣ. Всѣ эти отдѣленія имѣли значеніе подкомиссій, вырабатывавшихъ доклады для общаго собранія комиссій—доклады, которые и ложились затѣмъ въ основаніе различныхъ отдѣловъ положеній. Въ двухъ важнѣйшихъ изъ этихъ отдѣленій — хозяйственномъ и финансовомъ — предсѣдательствовалъ Милютинъ. Но его роль этимъ не ограничивалась. Ростовцевъ не напрасно назвалъ его нимфой Эгеріей редакціонныхъ комиссій. Онъ дѣйствительно былъ центральнымъ лицомъ всей работы, руководителемъ всей внутренней политики комиссій, а затѣмъ и вождемъ передовыхъ ея членовъ въ борьбѣ съ тѣми враждебными дѣлу реформы силами, которыя дѣйствовали внутри комиссій и за стѣнами ихъ засѣданій. Ему удалось съ самаго же начала создать сплоченную группу убѣжденныхъ, достаточно спѣвшихся между собой и въ высшей степени талантливыхъ и трудоспособныхъ защитниковъ реформы въ лицѣ Самарина, Черкасскаго и Соловьева, къ которымъ въ большей части спорныхъ вопросовъ присоединя

лись: Тарновскій, Галаганъ, Петръ Семеновъ и др. Группа эта вполнѣ овладѣла довѣріемъ Ростовцева, причемъ Милютину удалось на первыхъ же порахъ вытѣснить вредное вліяніе на Ростовцева ловкаго и хитраго дѣльца Позена, который въ редакціонныхъ комиссіяхъ былъ совершенно разоблаченъ и вынужденъ прямо признать себя сторонникомъ безземельнаго освобожденія крестьянъ.

На первыхъ же порахъ, редакціоннымъ комиссіямъ пришлось выдержать важное состязаніе съ вліятельными защитникаии феодальныхъ стремленій петербургскаго дворянства гр. Шуваловымъ и кн. Паскевичемъ, которые, опираясь на точный смыслъ рескриптовъ, настаивали на сохраненіи навсегда права собственности на всѣ земли за помѣщиками, отрицали допустимость всѣхъ формъ выкупа, кромѣ отдѣльныхъ добровольныхъ сдѣлокъ, и въ особенности настаивали на предоставленіи помѣщикамъ вотчинной власти и вотчинной юрисдикціи на ихъ земляхъ въ видѣ неприкосновеннаго сеньеріальнаго права, утверждая, что въ противномъ случаѣ выкупъ становится, если и не обязательнымъ формально, то вынужденнымъ. Борьба эта началась въ первыхъ же засѣданіяхъ редакціонныхъ комиссій, въ связи съ тѣми измѣненіями въ правительственной программѣ, которыя сообщены были комиссіямъ на основаніи постановленій главнаго комитета (отъ 26 октября и декабря 1858 г.), явившихся, какъ уже сказано, въ свою очередь, послѣдствіемъ видоизмѣненія взглядовъ Ростовцева. Новая программа правительства, предъявленная комиссіямъ, при самомъ открытіи ихъ занятій, удачно была формулирована послѣдствіи Н. П. Семеновымъ (въ его „Исторіи

освобожденія крестьянъ въ Россіи") въ слѣдующихъ пунктахъ:

1) Освободить крестьянъ *съ землей.*

2) Конечною развязкой освобожденія считать *выкупъ* крестьянами ихъ надѣловъ у помѣщиковъ въ собственность.

3) Оказать *содѣйствіе дѣлу выкупа* посредничествомъ, кредитомъ, гарантіями или финансовыми операціами правительства.

4) Избѣгнуть по возможности регламентаціи срочно-обязаннаго періода или во всякомъ случаѣ, *сократить переходное состояніе.*

5) *Барщину уничтожить* законодательнымъ порядкомъ черезъ три года переводомъ крестьянъ на оброкъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которые сами того не пожелаютъ.

6) Дать *самоуправленіе* освобожденнымъ крестьянамъ въ ихъ сельскомъ быту.

Эта программа, сочувственно принятая членами редакціонныхъ комиссій, легла въ основу ихъ работъ.

Но, принявъ эту программу, комиссіямъ пришлось стать, конечно, въ противорѣчіе съ большею частью проектовъ губернскихъ комитетовъ, которые ея не имѣли въ виду въ своихъ работахъ и обязаны были руководиться рескриптами и Позеновской программой, которой новая программа совершенно противорѣчила. Редакціонныя комиссіи рѣшили не считаться съ волею дворянства, выраженною въ комитетскихъ проектахъ, и считать ихъ лишь за матеріалъ для своихъ собственныхъ построеній. Работы коммиссій печатались по приказанію Ростовцева, въ 3000 экземпляровъ и широко разсылались по Россіи. Такимъ образомъ, дворянство очень скоро увидѣло, что напра

вленіе дѣла уходитъ изъ его рукъ. Между тѣмъ, государь, объѣзжая различныя губерніи еще лѣтомъ 1858 г., бесѣдовалъ въ то время съ представлявшимися ему предводителями дворянства и членами губернскихъ комитетовъ, неоднократно изъявлялъ дворянству свою благодарность за великодушный починъ и обѣщалъ, что, при разсмотрѣніи дѣла въ Петербургѣ, отъ каждаго губернскаго комитета вызваны будутъ депутаты для участія въ окончательномъ обсужденіи всего дѣла. Дворяне поняли эти слова въ томъ смыслѣ, что депутаты губернскихъ комитетовъ будутъ допущены *въ главный комитетъ* и будутъ участвовать тамъ въ окончательномъ рѣшеніи вопроса. Рѣшительнымъ противникомъ такого толкованія этого обѣщанія Государя явился Милютинъ, который убѣдилъ и Ростовцева, и Ланского, что допущеніе дворянскихъ депутатовъ въ главный комитетъ, хотя бы съ совѣщательнымъ только голосомъ, можетъ при данномъ составѣ самого главнаго комитета, опрокинуть все дѣло и совершенно исказить благополучный исходъ реформы. Рѣшено было поэтому допустить депутатовъ губернскихъ комитетовъ лишь къ критикѣ проектовъ редакціонной комиссіи въ засѣданіяхъ этой послѣдней, причемъ и тутъ рѣшено было предоставить имъ лишь изложить свои замѣчанія и защищать свои проекты, но отнюдь не допускать ихъ къ голосованіямъ, а, слѣдовательно, и къ участію въ рѣшеніи самого дѣла даже и въ этой подготовительной, переходной его стадіи.

Работы комиссій, по плану Ростовцева, раздѣлены были на нѣсколько періодовъ. Въ первомъ періодѣ разсмотрѣны были проекты лишь 21 губернскихъ комитетовъ, ранѣе другихъ закончившихъ

свои работы, причемъ, по составленіи перваго наброска проекта положеній на основаніи этого матеріала въ редакціонныхъ коммисіяхъ, рѣшено было вызвать въ Петербургъ сначала депутатовъ только отъ этихъ 21 комитетовъ. Затѣмъ, по выслушаніи ихъ замѣчаній и по обсужденіи остальныхъ проектовъ, внести въ свои предположенія необходимыя исправленія и измѣненія и тогда вызвать депутатовъ отъ остальныхъ комитетовъ, послѣ чего составить уже окончательные проекты, воспользовавшись всѣмъ этимъ матеріаломъ и критикой депутатовъ. Этотъ планъ и былъ осуществленъ въ дѣйствительности. Прибытія депутатовъ въ концѣ перваго періода работъ редакціонныхъ коммиссій члены этихъ послѣднихъ ожидали не безъ волненія, ибо враги реформы и враги того направленія, которое дѣло это приняло въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, естественно считали прибытіе депутатовъ самымъ удобнымъ моментомъ для генеральнаго сраженія, которое могло привести къ полному искаженію всего дѣла.

Главные пункты, въ которыхъ воля дворянства могла считаться особенно рѣзко нарушенною, сводились къ самымъ важнымъ матеріальнымъ условіямъ ликвидаціи крѣпостного строя. Во-первыхъ отвергнуты были все тѣ проекты губернскихъ комитетовъ, которые признавали, что съ окончаніемъ срочно-обязаннаго періода, т. е. черезъ 8—12 лѣтъ, вся земля, за исключеніемъ усадебъ, возвращается въ распоряженіе помѣщика; затѣмъ рѣзко измѣнены были нормы земельныхъ надѣловъ, которыя коммиссіи старались приблизить къ нормамъ существующаго пользованія; сильно понижены оцѣнки усадебъ и размѣры вычисленныхъ комитетами оброковъ за прочія угодія. Наконецъ, совершенно из-

мѣнены всѣ постановленія, клонившіяся къ сохраненію въ томъ или иномъ объемѣ вотчинной власти помѣщиковъ, въ качествѣ „начальниковъ“ сельскихъ обществъ, предположенныхъ согласно Позеновской программѣ.

Милютинъ, считая необходимымъ заранѣе противопоставить натиску враждебныхъ реформѣ элементовъ сильное и яркое освѣщеніе своекорыстныхъ поползновеній большинства губернскихъ комитетовъ, составилъ особую записку (представленную Государю Ланскимъ) съ обозрѣніемъ дѣятельности губернскихъ комитетовъ первой очереди, причемъ подвергъ эту дѣятельность сжатому, но рѣзкому разбору, и въ заключеніе указалъ, что, по мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, не слѣдуетъ допускать депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ до какихъ-либо общихъ постановленій, а слѣдуетъ лишь предложить имъ представить свои отдѣльные отзывы на труды редакціонныхъ комиссій въ ихъ засѣданіяхъ, спеціально этому посвященныхъ. Эта записка, хранившаяся въ то время въ глубокой тайнѣ (теперь она напечатана у Семенова: „Освобожденіе крестьянъ“, т. I, стр. 827), была одобрена императоромъ Александромъ и соотвѣтственно этому рѣшено было дать инструкціи депутатамъ. Узнавъ объ этомъ, депутаты пришли, разумѣется, въ крайнее раздраженіе. Сперва они хотѣли подать Государю адресъ съ сильнымъ протестомъ противъ такихъ незаконныхъ, по ихъ мнѣнію, дѣйствій ненавистной имъ бюрократіи, а когда адресъ этотъ не былъ принятъ, то они составили коллективное письмо на имя Ростовцева, въ которомъ ходатайствовали о предоставленіи имъ права собираться и дѣйствовать сообща, вырабатывая общія постановленія для представленія ихъ „на

судъ высшаго правительства". Частныя совѣщанія имъ были разрѣшены, но безъ права дѣлать постановленія, и было обѣщано отъ лица Государя, что всѣ соображенія ихъ дойдутъ до него черезъ главный комитетъ. На первый разъ депутаты этимъ какъ будто удовлетворились и затѣмъ въ замѣчаніяхъ своихъ, которыя въ печатномъ видѣ составили 2 толстыхъ тома, подвергли работы и выводы редакціонныхъ комиссій рѣзкой и безпощадной критикѣ.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что большинство депутатовъ 1-го приглашенія были настроены въ общемъ весьма либерально и, за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ, отнюдь не были крѣпостниками. Они принадлежали въ большинствѣ къ комитетамъ промышленныхъ нечерноземныхъ и получерноземныхъ губерній и опредѣленно высказывались не только за освобожденіе крестьянъ, но и за надѣленіе ихъ землей. Однако, почти всѣ они высказались противъ отвода надѣловъ крестьянамъ въ *безсрочное* пользованіе *за разъ навсегда установленныя повинности.* Они опасались, и не безъ основанія, что исправное отбываніе барщины безъ удержанія прежней помѣщичьей власти фактически окажется невозможнымъ, установленіе же оброковъ безъ права *переоброчки* признавали несправедливымъ нарушеніемъ правъ собственности помѣщиковъ, въ виду постояннаго возрастанія цѣнъ на землю. Большая часть депутатовъ требовали обязательнаго единовременнаго выкупа при помощи особой кредитной операціи. Очень немногіе предпочитали систему вѣчно-наслѣдственнаго пользованія, но съ правомъ періодической переоброчки, и лишь нѣсколько человѣкъ выразили стремленіе къ удержанію всей земли въ распоряженіи

омѣщиковъ по истеченіи срочно-обязаннаго пе-
іода.

Многіе депутаты возражали противъ выведен-
ыхъ комиссіями земельныхъ нормъ, очень по-
ышенныхъ въ сравненіи съ нормами, предполо-
женными въ губернскихъ комитетахъ. Въ то же
ремя они признавали разорительнымъ для по-
мѣщиковъ и нормы оброковъ, установленныя ко-
миссіями.

Но съ наибольшимъ единодушіемъ депутаты
напали на проектъ административнаго устройства
крестьянъ, причемъ они не обращались къ прямой
защитѣ вотчинной власти помѣщиковъ, но рѣзко
нападали на стремленіе комиссій подчинить созда-
ваемые ими органы крестьянскаго самоуправленія
мѣстной уѣздной полиціи, чѣмъ нарушался, ко-
нечно, и самый принципъ самоуправленія. Въ этой
части своихъ нападокъ депутаты стояли на почвѣ
либеральныхъ и даже демократическихъ принци-
повъ и потому эта часть ихъ критики произвела
наибольшее впечатлѣніе на многихъ членовъ ре-
дакціонныхъ коммиссій и на всѣхъ передовыхъ
людей въ Россіи. Лучше всѣхъ, эти мысли форму-
лировалъ въ своихъ замѣчаніяхъ тверской депу-
татъ Унковскій, который не ограничился при этомъ
критикой административнаго устройства крестьянъ
по проекту комиссій, но рѣзко раскритиковалъ
и всю существовавшую въ то время систему мѣст-
наго уѣзднаго управленія, а затѣмъ противопоста-
вилъ ей свой собственный проектъ, одобренный
тверскимъ комитетомъ. Унковскій требовалъ ко-
ренной перестройки всего мѣстнаго управленія на
началахъ децентрализаціи и самоуправленія, наи-
меньшей единицей котораго, по его мнѣнію, слѣ-
довало сдѣлать всесословную волость.

Въ концѣ своего пребыванія въ Петербургѣ депутаты, однако же, ясно увидѣли, что ихъ замѣчанія едва ли могутъ быть прочтены Государемъ даже ужъ въ силу одного своего слишкомъ значительнаго объема. Поэтому передъ отъѣздомъ они опять рѣшились обратиться къ Государю съ адресомъ, въ которомъ хотѣли просить допустить ихъ въ главный комитетъ при окончательномъ разсмотрѣніи всего дѣла. Но общій адресъ не состоялся, и они разбились при этомъ на группы. Часть изъ нихъ, въ числѣ 18 человѣкъ, представила адресъ, редактированный въ очень умѣренныхъ выраженіяхъ, съ просьбой лишь допустить ихъ представить свои замѣчанія въ главномъ комитетѣ. Симбирскій депутатъ Шидловскій представилъ особый адресъ съ требованіями въ олигархическомъ духѣ, хотя и крайне туманно выраженными. Наконецъ, пять депутатовъ съ Унковскимъ во главѣ, на ряду съ рѣзкими нападками на дѣйствія бюрократіи и на бюрократическій строй и требованіемъ обязательнаго выкупа, изложили также свой взглядъ на необходимыя преобразованія въ судебномъ и административномъ строѣ страны.

Одновременно съ этими адресами, подалъ Государю записку непринадлежавшій къ числу депутатовъ помѣщикъ Петербургской губерніи, аристократъ (племянникъ кн. Орлова) и камергеръ Высочайшаго двора М. А. Безобразовъ, и въ ней крайне рѣзко обрушиваясь на дѣйствія министерства внутреннихъ дѣлъ и редакціонныя комиссіи, требовалъ „обузданія“ бюрократіи и созыва выборныхъ представителей дворянства, на которыхъ, по его мнѣнію, и должна опираться въ своихъ дѣйствіяхъ верховная власть въ Россіи.

Гнѣвъ Александра, вызванный крайне рѣзкими ыраженіями этой записки, отразился, повидимому, на его отношеніи къ адресамъ депутатовъ, хотя ослѣдніе и были составлены въ тонѣ весьма лойльномъ и корректномъ. Депутатамъ, подписавшимъ адресы, объявленъ былъ выговоръ черезъ убернаторовъ, а замѣчанія ихъ оставлены были, о большей части, безъ вниманія. Въ концѣ концовъ, вся эта исторія, послужившая началомъ къ азвитію оппозиціоннаго движенія въ дворянскихъ ругахъ и въ части общества, въ то время оказалась въ сущности на руку редакціоннымъ комиссіямъ и благополучному исходу ихъ работъ, такъ акъ она укрѣпила симпатіи къ нимъ и къ ихъ ѣлу въ императорѣ Александрѣ.

Послѣ отъѣзда депутатовъ перваго приглашеія, начался второй періодъ работъ редакціонныхъ омиссій, при чемъ редакціонныя комиссіи пеесмотрѣли свои проекты въ связи съ замѣчаіями, сдѣланными на нихъ депутатами и поступившими отъ остальныхъ губернскихъ комитетовъ роектами. Существенныхъ измѣненій комиссіи е признавали необходимымъ сдѣлать въ первоачальныхъ своихъ проектахъ. Но прежде чѣмъ ѣло это было доведено до конца, случилось обытіе, вновь грозившее—какъ, по крайней мѣрѣ, казалось тогда—кризисомъ дѣлу реформы.

6 февраля 1860 г., послѣ трехмѣсячной тяжелой болѣзни, развившейся на почвѣ переутомленія и чрезмѣрнаго нервнаго напряженія, умеръ . И. Ростовцевъ. Вмѣсто него на постъ предсѣтеля редакціонныхъ коммиссій назначенъ былъ . В. Н. Панинъ, министръ юстиціи, завзятый утинеръ-бюрократъ и рѣшительный консерваторъ, вѣдомо враждебно относившійся къ тому напра-

вленію крестьянской реформы, которое ей да
было въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Это назн
ченіе вызвало всеобщее недоумѣніе и негодов
ніе. Герценъ въ „Колоколѣ“ помѣстилъ извѣстіе
назначеніи Панина въ траурной рамкѣ и, съ о
чаяніемъ объявляя, что тонъ царствованія изм
нился, приглашалъ членовъ редакціонныхъ к
миссій подать въ отставку, если въ нихъ ес
хоть капля гражданскихъ чувствъ. Милютинъ
своей стороны думалъ то же и только настойч
выя убѣжденія вел. княгини Елены Павловны п
мѣшали ему осуществить это пагубное для дѣ
реформы намѣреніе. Когда Елена Павловна выр
зила императору свое недоумѣніе по поводу д
шедшихъ до нея слуховъ о назначеніи Панин
то Александръ Николаевичъ спокойно ей отв
тилъ: „вы Панина не знаете; его убѣжденія—э
точное исполненіе моихъ приказаній“. Панину п
ставлено было Государемъ условіе ничего не и
мѣнять въ ходѣ и направленіи дѣла, установи
шихся при Ростовцевѣ. Тѣмъ не менѣе, назначен
его вызвало чрезвычайное оживленіе среди кр
постниковъ и враговъ редакціонныхъ комиссі
Поэтому и депутаты 2-го приглашенія, принадл
жавшіе при томъ, главнымъ образомъ, къ комит
тамъ черноземныхъ и западныхъ губерній, стоя
шимъ за безземельное освобожденіе крестьян
прибыли въ Петербургъ съ намѣреніемъ опрок
нуть проекты редакціонныхъ комиссій при п
мощи Панина, на котораго они возлагали больш
надежды. Въ этомъ они ошиблись. Панинъ ст
рался формально исполнить обѣщаніе, данное Г
сударю, и потому не оказалъ никакой поддерж
этимъ депутатамъ. Сами депутаты написали
проекты редакціонныхъ комиссій очень рѣзку

ритику, причемъ всего сильнѣе обрушились на остановленія о надѣленіи крестьянъ землей и и образованіе независимыхъ отъ помѣщичьей пасти крестьянскихъ обществъ и волостей. Они е брезгали при этомъ никакими аргументами и вячески старались набросить тѣнь на работы ре-акціонныхъ комиссій съ охранительной точки зѣнія, выискивая въ проектахъ и докладахъ ком-иссій республиканскія, соціалистическія и даже ммунистическія начала... Критика этихъ депу-атовъ, такимъ образомъ, принципіально совер-ленно расходилась съ точкой зрѣнія депутатовъ рваго приглашенія.

Редакціоннымъ комиссіямъ не трудно было щититься отъ такихъ неумѣренныхъ и неблаго-мѣренныхъ обвиненій. Но съ отъѣздомъ депу-атовъ, когда начался третій, кодификаціонный, ріодъ работъ редакціонныхъ комиссій, группѣ редовыхъ членовъ этихъ комиссій, предводи-ой Милютинымъ, пришлось пережить трудное ремя.

Внутри комиссій гр. Панинъ, хотя и осто-жно, но съ необыкновеннымъ упорствомъ, пы-ался провести нѣкоторые свои взгляды, серьезно розившіе исказить все дѣло. Къ тому же и нѣ-оторые изъ членовъ комиссій, тайно сочувство-авшіе своекорыстнымъ помѣщичьимъ поползно-еніямъ депутатовъ 2-го приглашенія, возобно-или борьбу съ руководившей всѣми работами руппой Милютина, Самарина, Черкасскаго и Со-овьева. Борьба приняла довольно острый хара-геръ, вызвала личныя столкновенія и доходила о того, что Панинъ въ одномъ изъ засѣданій онстатировалъ открытое недовѣріе къ его сло-амъ, выраженное Милютинымъ, а съ однимъ изъ

членовъ комиссій Булыгинымъ, у Милютина дѣло чуть не дошло до дуэли. Главное, чего добивался Панинъ, заключалось въ требованіи его уничтожить въ проектахъ комиссіи выраженіе, что надѣлы отводятся крестьянамъ въ *„безсрочное“* пользованіе. Стремясь упразднить это выраженіе подъ предлогомъ неправильности его съ юридической точки зрѣнія, онъ хотѣлъ, очевидно, создать почву для осуществленія желаній тѣхъ членовъ губернскихъ комитетовъ, которые, съ легкой руки Позена, старались доказать, что надѣлы по смыслу рескриптовъ должны быть отведены въ пользованіе крестьянъ лишь на время срочно-обязаннаго періода. Панину не удалась его попытка, несмотря на то, что онъ пускался даже на фальсификацію преній въ журналахъ, въ чемъ и былъ уличенъ Милютинымъ. Благодаря стойкой защитѣ этого пункта со стороны Милютина и его друзей все, чего Панинъ достигъ—это была замѣна термина „безсрочное“ пользованіе терминомъ „постоянное“ пользованіе, что было въ сущности равнозначуще.

Хотя это нападеніе Панина было, такимъ образомъ, благополучно отбито, все же въ 3-мъ (и отчасти еще во 2-мъ) періодѣ занятій редакціонныхъ комиссій Милютину и его друзьямъ пришлось пойти на нѣкоторыя болѣе или менѣе существенныя уступки, касавшіяся, главнымъ образомъ, матеріальной стороны реформы. Эти уступки сводились: къ болѣе или менѣе значительному пониженію нормъ надѣловъ во многихъ уѣздахъ, къ нѣкоторому повышенію нормы оброка въ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ онъ проектированъ былъ первоначально на 1 рубль (съ душевого надѣла) ниже, чѣмъ въ губерніяхъ не чернозем-

ыхъ, и, наконецъ, къ допущенію *переоброчки* чезъ 20 лѣтъ, т. е. переоцѣнки повинностей собразно измѣненію хлѣбныхъ цѣнъ въ имѣніяхъ, дѣ полевая земля будетъ къ тому времени находиться въ безсрочномъ пользованіи крестьянъ, а е на выкупѣ. Допуская это послѣднее измѣнеіе,—на которомъ настаивалъ въ частныхъ разгоорахъ и самъ императоръ,—Милютинъ надѣялся, то и впослѣдствіи не найдется такого министра нутреннихъ дѣлъ, который принялъ бы на себя ереоброчку во всѣхъ владѣльческихъ имѣніяхъ мперіи. И дѣйствительно, какъ извѣстно, переброчка эта въ 1881 г. не состоялась, а взамѣнъ ея введенъ былъ обязательный выкупъ во всѣхъ мѣніяхъ, гдѣ оставались къ тому времени вреенно-обязанные крестьяне.

10 октября 1860 г. редакціонныя комиссіи были акрыты, проработавъ безъ отдыха около 20 мѣсяевъ и выработавъ проекты 16 различныхъ положеній съ объяснительными записками, указателями проч. Печатные доклады отдѣленій, журналы бщаго присутствія коимиссій, своды проектовъ убернскихъ комитетовъ и проч. „труды“ редакціонныхъ комиссій составили 18 объемистыхъ томовъ зъ первомъ изданіи) и сверхъ того 6 томовъ n 4⁰) статистическихъ свѣдѣній о помѣщичьихъ мѣніяхъ выше 100 душъ, не считая 3-хъ огромыхъ томовъ замѣчаній депутатовъ губернскихъ омитетовъ, изданныхъ также комиссіями.

Проекты положеній, выработанные редакціонымиі комиссіями, поступили въ Главный Комиетъ, гдѣ они разсматривались въ теченіи 2-хъ мѣсяевъ, вызывая бурные споры и оживленную борьбу ежду членами Комитета. Какъ разъ въ это время пасно заболѣлъ предсѣдатель главнаго Комитета

кн. Орловъ и на его мѣсто назначенъ былъ вели-
кій князь Константинъ, что признано было всѣми
друзьями реформы за весьма важное и благопріятное
обстоятельство. Великій князь тотчасъ же просилъ
Милютина помогать ему въ этомъ дѣлѣ, а Милю-
тинъ удержалъ въ Петербургѣ друзей своихъ Са-
марина и Черкасскаго и они втроемъ, иногда при
содѣйствіи еще Соловьева, Петра Семенова и Жу-
ковскаго, тщательно снабжали великаго князя
всѣми необходимыми данными и матеріалами для
борьбы съ нападками на проекты редакціонныхъ
комиссій.

Враждебная сторона — Мих. Ник. Муравьевъ и
кн. Долгоруковъ — также запаслась пособникомъ
въ лицѣ Валуева, который выработалъ контръ-
проектъ, переносившій рѣшеніе по многимъ важ-
нѣйшимъ матеріальнымъ вопросамъ реформы на
мѣста. Кн. П. П. Гагаринъ, въ свою очередь, поль-
зовался содѣйствіемъ Желтухина.

Голоса членовъ Главнаго Комитета, въ особен-
ности по вопросу о нормахъ надѣла, такъ раздѣли-
лись, что великому князю, несмотря на всѣ усилія,
долго не удавалось привести ихъ къ какому-нибудь
соглашенію. Со стороны „либераловъ“, защищав-
шихъ болѣе или менѣе выводы редакціонныхъ
комиссій, были кромѣ Константина Николаевича
лишь Ланской, Блудовъ и Чевкинъ. По проекту
Панина, у крестьянъ слѣдовало отобрать не менѣе
трети существовавшихъ при крѣпостномъ правѣ
надѣловъ, по проекту Муравьева—большую поло-
вину, по проекту Гагарина—три четверти. Нако-
нецъ, Константинъ Николаевичъ устроилъ у себя
нѣчто вродѣ частной согласительной комиссіи
съ Панинымъ, при участіи всѣхъ своихъ сотру-
никовъ, и ему удалось уговорить Панина пой-

на нѣкоторыя уступки, причемъ, однако жъ, и самому пришлось согласиться на пониженіе нормъ для нѣкоторыхъ мѣстностей. Послѣ этого наконецъ составилось большинство (половина + 1), благопріятное проектамъ редакціонныхъ комиссій, которые и прошли, такимъ образомъ, безъ большихъ измѣненій черезъ Главный Комитетъ.

Оттуда они внесены были въ Государственный Совѣтъ и здѣсь оказалъ имъ энергическую поддержку самъ императоръ Александръ II. Онъ открылъ засѣданія Государственнаго Совѣта (28 января 1861 г.) замѣчательной рѣчью, въ которой, сдѣлавъ бѣглый историческій очеркъ различныхъ мѣропріятій по крестьянскому вопросу въ теченіи XIX вѣка и указавъ, какъ начались и развились работы по крестьянскому дѣлу, со времени московской рѣчи его 1856 г., какъ работали надъ нимъ губернскіе Комитеты, редакціонныя комиссіи и главный Комитетъ, —причемъ тутъ же засвидѣтельствовалъ свою благодарность послѣднему и въ особенности его предсѣдателю, — Государь, обращаясь къ членамъ Государственнаго Совѣта, сказалъ: „Взгляды на представленную работу могутъ быть различны. Поэтому всѣ различныя мнѣнія я выслушаю охотно, но я въ правѣ требовать отъ васъ одного, чтобы вы, отложивъ всѣ личные интересы, дѣйствовали не какъ помѣщики, а какъ государственные сановники, облеченные моимъ довѣріемъ“. Онъ возложилъ на особую отвѣтственность предсѣдателя Государственнаго Совѣта Гр. Блудова, чтобы обсужденіе этого дѣла было во всякомъ случаѣ окончено въ первой половинѣ февраля, желая имѣть возможность обнародовать манифестъ и новыя положенія до начала весеннихъ полевыхъ работъ.

Воля императора была въ точности исполнена, и 19 февраля 1861 года, ровно черезъ 6 лѣтъ послѣ вступленія своего на престолъ онъ могъ подписать манифестъ объ освобожденіи крестьянъ и выработанныя въ редакціонныхъ комиссіяхъ положенія, съ тѣми измѣненіями, которыя сдѣланы были въ нихъ въ главномъ Комитетѣ и Государственномъ Совѣтѣ. Самое существенное изъ измѣненій, сдѣланныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ, заключалось въ предложенномъ кн. П. П. Гагаринымъ и принятомъ единогласно четвертномъ даровомъ надѣлѣ. На основаніи этого постановленія, помѣщикамъ было предоставлено оканчивать по добровольному соглашенію съ крестьянами всякія обязательныя съ ними отношенія предоставленіемъ крестьянамъ въ собственность безвозмездно четвертой части высшаго или въ степныхъ мѣстностяхъ указанаго надѣла, опредѣленнаго мѣстными положеніями.

Оцѣнка положеній 19 февраля 1861 г. по существу не входитъ въ задачу этой статьи, какъ не входило въ ея задачу и освѣщеніе той роли, которую сыграла, въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, литература. Нельзя однако же сказать, что Герценъ оказался правъ, когда писалъ еще въ 1853 г., что освобожденіе крестьянъ, „необходимо, неотразимо, неминуемо“. Его пророчество исполнилось менѣе чѣмъ черезъ восемь лѣтъ, и самъ онъ, когда писалъ свои вѣщія строки, вѣроятно не думалъ, что оно исполнится такъ скоро.

Иной вопросъ, насколько великая реформа 19 февраля оправдала всѣ тѣ ожиданія, которыя на нее возлагались.

А. Корниловъ.

Крестьянская реформа и аграрный вопросъ.

I

Реформа крѣпостныхъ порядковъ, если ее выразить въ самомъ общемъ видѣ, должна была принести крестьянамъ полное освобожденіе отъ власти помѣщика въ личномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Первую половину этой задачи выполнить было нетрудно, и для освобожденія личности крестьянина не нужно было сложной организаціонной работы. Достаточно было помѣстить въ „Общее положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“ двѣ статьи:

1. Крѣпостное право на крестьянъ, водворенныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и на дворовыхъ людей отмѣнено навсегда.

2. Крестьянамъ и дворовымъ людямъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, предоставлены права состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей, какъ личныя, такъ и по имуществу.

Хозяйственное освобожденіе крестьянъ представлялось дѣломъ совсѣмъ иного порядка.

Крестьянское хозяйство было хозяйствомъ земледѣльческимъ. Освободить его отъ помѣщичьей зависимости можно было лишь путемъ отчужденія въ пользу крестьянъ большей или меньшей площади той земли, которую они обрабатывали въ крѣпостномъ состояніи и которая юридически составляла собственность помѣщика. Площадь отводимой для

этого крестьянамъ земли должна бы имѣть такіе размѣры, чтобы освободить ихъ отъ необходимости прибѣгать къ найму помѣщичьихъ угодій ради удовлетворенія первыхъ личныхъ и государственныхъ потребностей ихъ быта. Такъ именно и понималась правительствомъ задача хозяйственнаго устройства освобождаемыхъ крестьянъ, и не только въ первыхъ Высочайшихъ рескриптахъ по дѣлу освобожденія, но и въ окончательномъ юридическомъ актѣ „Мѣстныхъ Положеніяхъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ“ въ великороссійскихъ и малороссійскихъ губерніяхъ, въ ст. 5 провозглашается, что *„для обезпеченія быта крестьянъ и для выполненія ихъ обязанностей* предъ Правительствомъ и помѣщикомъ, предоставляется въ постоянное пользованіе сельскаго общества надлежащее по мѣстнымъ удобствамъ количество земли, за которую крестьяне платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику“ или, прибавимъ, которую они выкупаютъ въ собственность.

Но поставить такую задачу теоретически и осуществить ее практически—вещи далеко не одинаковыя. Удовлетворительное разрѣшеніе этой задачи можетъ встрѣтить препятствія и со стороны неправильной оцѣнки того, какое количество земли необходимо для матеріальнаго обезпеченія крестьянъ; и потому что законодатель не рѣшится ни пожертвовать интересами тысячъ людей въ пользу милліоновъ, ни возложить на государство часть тѣхъ жертвъ, безъ которыхъ, по его мнѣнію, нельзя было разрѣшить аграрной стороны крестьянской реформы; и вслѣдствіе неправильной постановки самаго вопроса.

Насколько же можно считать выполненной задачу аграрной реформы 19 февраля; въ какой

тѣрѣ отведенные освобожденнымъ крестьянамъ надѣлы обезпечиваютъ ихъ экономическій бытъ и выполненіе денежныхъ ихъ обязательствъ къ правительству и юридическому собственнику поступившей въ ихъ владѣніе земли?

Первымъ шагомъ къ отвѣту на заданный вопросъ могутъ служить статистическія данныя объ отведенныхъ крестьянамъ надѣлахъ. Такъ какъ матерьяльныя потребности крестьянъ, ихъ государственныя повинности и обязательства передъ бывшими собственниками ихъ земель повсюду довольно однообразны, то и земельные надѣлы, отвѣчающіе задачѣ обезпеченія быта крестьянъ, должны бы различаться въ величинѣ лишь сообразно различію такихъ естественныхъ условій, какъ природное плодородіе почвы и культурныхъ— большая или меньшая интенсивность хозяйства. Если же съ этой точки зрѣнія разсмотрѣть крестьянскіе надѣлы 44 губерній Европейской Россіи, то мы не можемъ не поразиться непонятнымъ на первый взглядъ разнообразіемъ, какое они представляютъ. Именно, по числу десятинъ на мужскую душу, записанную въ ревизію 1858 г. (по числу этихъ душъ крестьяне получали землю) общины бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ распадаются на слѣдующія группы.

Получили на ревизскую душу удобной земли:

	не болѣе			болѣе			
	дес. 1	дес. 1—2	дес. 2—3	дес. 3—4	дес. 4—6	дес. 6	Итого.
тысячи душъ	555	1332	2829	2614	2239	486	10050
%	5,5	13,3	28,2	26,0	22,3	4,7	100

Эта таблица показываетъ, что душевые надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ колеблятся въ

очень широкихъ границахъ—отъ части одной десятины до 6-и десятинъ и болѣе,—и что очевидно ничтожные надѣлы—не болѣе 2 десятинъ на душу—не составляютъ исключенія, а наблюдается у 18,8% —почти у 1/5 части крестьянъ. Этотъ фактъ получитъ въ нашихъ глазахъ характерное значеніе, если вспомнить, что въ другомъ разрядѣ освобожденныхъ крестьянъ—удѣльныхъ—число крайне малоземельныхъ составляетъ лишь 3,1%, а у государственныхъ—4,1%, т. е. въ 5—6 разъ менѣе. Средняя обезпеченность землей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ также отстаетъ отъ того, что наблюдается въ другихъ разрядахъ крестьянъ. Средній ревизскій надѣлъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ равняется 3,4 дес., удѣльныхъ—4,8 дес. т. е. на 40% болѣе, а государственныхъ—6,5 дес. или почти вдвое больше. Наличность крайняго малоземелья составляетъ, такимъ образомъ, характерную черту аграрнаго положенія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, созданную самимъ актомъ освобожденія.

Распространеніе среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ крайняго малоземелья нельзя объяснять неотвратимыми условіями, вродѣ скученности населенія, и высшій процентъ малоземельныхъ крестьянъ (до 2-хъ дес. на душу) мы находимъ не только въ самыхъ малоземельныхъ губерніяхъ—Курской (33%), Подольской (42%), Полтавской (70%); но и въ среднеземельныхъ—Симбирской (32%), Пензенской (30%), Харьковской (33%), Екатеринославской (33%), Воронежской (53%), Казанской (38%); и въ такихъ сравнительно рѣдко населенныхъ губерніяхъ, какъ Саратовская (41%), Самарская (40%), Уфимская (45%), Пермская (36%), Оренбургская (60%). А высшіе проценты крестьянъ

съ надѣлами до 1 дес. на душу мы встрѣчаемъ лишь въ одной малоземельной губерніи — Полтавской (19%); но за то такія губерніи, какъ Екатеринославская, насчитываетъ среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ 17% съ надѣлами до 1 дес. Воронежская и Симбирская—по 18%, Казанская, Пензенская, Пермская 22%, Уфимская 25% и Оренбургская—55%. Слѣдующія три наиболѣе многочисленныя надѣльныя группы—2—3 дес., 3—4 дес. и 4—6 дес. на душу—пользуются среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ почти одинаковымъ распространеніемъ. Первой группѣ принадлежитъ 28%, второй—26% и третьей—22% бывшаго крѣпостного населенія. Здѣсь опять возникаетъ недоумѣніе: если отводимые крестьянамъ надѣлы должны обезпечить ихъ бытъ, то какъ объяснить фактъ, что половина б. помѣщичьихъ крестьянъ распредѣлилась между двумя такими группами, какъ 2—3 дес. съ одной стороны и 4—6 дес., т. е. вдвое больше земли на душу—съ другой? Слѣдуетъ-ли это понимать такимъ образомъ, что по естественнымъ или культурнымъ условіямъ десятина земли, отведенной второй группѣ, приноситъ вдвое меньше дохода, и вдвое большій участокъ доставляетъ здѣсь такое обезпеченіе, какое получаютъ съ своихъ надѣловъ крестьяне первой группы? До извѣстной степени это—такъ, и если разсматривать распредѣленіе надѣловъ по губерніямъ, то окажется, что въ черноземной полосѣ, съ плодородной почвой, число крестьянъ первой группы (получившихъ меньшіе участки) обыкновенно въ нѣсколько разъ превышаетъ число крестьянъ второй группы; а въ нечерноземныхъ губерніяхъ, съ почвой мало плодородной, наблюдается обратное явленіе.

Положеніе дѣлъ въ крупныхъ раіонахъ, съ

различными естественными условіями какъ-бы подтверждаетъ, слѣдовательно, мысль, что при надѣленіи освобождаемыхъ крестьянъ землей производились разсчеты того, какая площадь участка удовлетворяетъ въ разныхъ раіонахъ поставленной задачѣ—обезпеченію быта освобождаемыхъ крестьянъ. Но если остановиться на данныхъ, относящихся къ одной и той-же губерніи, то и здѣсь мы встрѣтимъ не меньшее разнообразіе надѣловъ. Въ Воронежской губ. напр. 37% имѣютъ надѣлы не болѣе 2 дес., а 26% 3—4 дес. на душу; въ Екатеринославской губ. 43% крестьянъ получили не болѣе 2-хъ дес., а 45% по 3—4 дес.; въ Казанской губ. до 2 хъ дес. имѣютъ 38%, а 3—4 дес. 43 %; въ Самарской губ. 39% крестьянъ имѣютъ не болѣе 2 дес. на душу, а 36% 4—6 дес.; въ Саратовской губ. надѣлы первой категоріи наблюдаются у 41%, а второй у 31%; въ Таврической губ. 1/4 бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ имѣетъ 1—2 дес. на душу, а половина 6—10 дес. и т. д.

Такое разнообразіе надѣльныхъ участковъ въ сходныхъ по естественнымъ условіямъ раіонахъ не можетъ быть согласовано съ задачей крестьянской реформы отведенія, освобождаемымъ отъ крѣпостной зависимости, крестьянамъ такого количества земли, которое обезпечивало-бы ихъ бытъ и уплату повинностей. Если низшіе надѣлы отвѣчаютъ этой задачѣ, то высшіе даютъ крестьянамъ гораздо больше того, что предполагалось; если высшіе надѣлы соотвѣтствуютъ задачамъ реформы, то низшіе должны быть признаны совершенно для того недостаточными. Эти противорѣчивыя заключенія могутъ быть примирены, если допустить, что надѣлы отводились крестьянамъ безъ спеціальнаго расчета о ихъ соотвѣтствіи поставленной цѣли;

что въ опредѣленіи площади земли, отводимой тому или другому обществу крестьянъ, руководствовались соображеніями, посторонними главной цѣли реформы.

Вопросъ о томъ, насколько полученные бывшими помѣщичьими крестьянами надѣлы отвѣчаютъ цѣли крестьянской реформы—обезпеченію быта крестьянъ,—естественнымъ образомъ, особенно занималъ общество въ первые годы послѣ реформы 19 февраля, и касающіеся этого предмета матерьялы сведены въ изслѣдованіи Ю. Янсона, вышедшемъ въ 1877 г. [1]).

Результаты этого изслѣдованія резюмированы авторомъ такъ. „По всѣмъ двѣнадцати губерніямъ нечерноземной великорусской полосы, за рѣдкими исключеніями, не только надѣлы, но и вся обрабатываемая крестьянами земля въ иныхъ случаяхъ можетъ только прокормить ихъ, не покрывая другихъ потребностей крестьянскаго хозяйства, въ большинствѣ-же и прокормить ихъ не въ состояніи“. Это заключеніе относится къ всѣмъ разрядамъ крестьянъ; а такъ какъ бывшіе помѣщичьи крестьяне получили болѣе мелкіе надѣлы, чѣмъ государственные, то ихъ чуть-ли не цѣликомъ нужно зачислить въ разрядъ тѣхъ, кто не имѣетъ съ земли простого пропитанія. Надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, по мысли законодателя, должны обезпечить ихъ бытъ и дать имъ средства для уплаты повинностей; въ дѣйствительности-же, въ разсматриваемой полосѣ, повинности этихъ крестьянъ, даже при полномъ надѣлѣ, превосходили въ 2—$2^3/_4$ раза доходность послѣдняго. «Прибавимъ къ этому, замѣ-

---

[1]) Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ.

чаетъ Янсонъ, что доходность здѣсь есть величина совершенно фиктивная: если земельный надѣлъ не можетъ обезпечить насущныхъ потребностей крестьянской семьи, то еще менѣе, конечно, онъ можетъ давать дѣйствительный доходъ".

Въ другомъ, болѣе важномъ, чисто земледѣльческомъ раіонѣ, обнимающемъ двѣнадцать губерній сѣверной черноземной полосы, „въ 75% уѣздовъ всѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне не могутъ получать съ своихъ надѣловъ даже насущнаго хлѣба; въ остальныхъ 25% уѣздовъ въ такомъ положеніи находится значительная часть этихъ крестьянъ". Платежи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ этой полосѣ превышаютъ доходность земли (по земскимъ оцѣнкамъ) на 24—124% при высшемъ надѣлѣ, на 200 % при—низшемъ.

II.

Итакъ, экономическая задача отмѣны крѣпостныхъ порядковъ формулировалась, какъ „обезпеченіе быта крестьянъ и выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщиками"; а въ фактическомъ осуществленіи реформы большинство освобожденныхъ крестьянъ не были обезпечены даже въ простомъ пропитаніи. Почему и какимъ образомъ произошло такое несоотвѣтствіе между цѣлями и результатами реформы?

Причины этого явленія указать не трудно. Ненормальность крѣпостного права и его вредъ для государства давно сознавались правительствомъ и лучшими умами страны; и когда военный разгромъ Россіи въ срединѣ пятидесятыхъ годовъ показалъ, что простое чувство государственнаго самосохраненія требуетъ упраздненія крѣпо-

стного права, какъ перваго необходимаго шага на пути приближенія нашей страны къ порядкамъ цивилизованныхъ государствъ,—отъ которыхъ мы не можемъ и не желаемъ отгородиться китайской стѣной, и съ которыми мы оказались не въ силахъ состязаться — то формулированіе задачи предстоящей реформы, предпринимаемой, прежде всего, въ интересахъ всего государства, было сдѣлано съ государственной же точки зрѣнія, чуждой узкаго классоваго интереса. Когда-же было приступлено къ осуществленію поставленной задачи, и отвлеченную ея формулу нужно было наполнять опредѣленнымъ конкретнымъ содержаніемъ — рѣшительное значеніе получило то обстоятельство, что образованнымъ гражданскимъ сословіемъ у насъ было одно дворянство; ему слѣдовательно должна была принадлежать главная роль въ процессѣ подготовленія реформы, разрѣшавшей вѣковую тяжбу двухъ враждебныхъ классовъ; а такъ какъ оно-же было и одной изъ тяжущихся сторонъ, то ему приходилось разрѣшать свое собственное дѣло, говорить за себя и за своихъ крѣпостныхъ; и первый голосъ былъ, конечно, громче и внушительнѣе второго.

Во главѣ этого дѣла первоначально были поставлены лица, горячо сочувствовавшія реформѣ; въ составъ Редакціонныхъ комиссій, проэктировавшихъ Положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, приглашены были просвѣщенные люди. Но первоначальныя предположенія о всѣхъ сторонахъ реформы составлялись и главнѣйшіе для нея мѣстные матерьялы доставлялись губернскими дворянскими, т. е. помѣщичьими комитетами и естественнымъ образомъ носили узкій классовой характеръ. Редакціонныя комиссіи

имѣли твердую почву для отраженія сословныхъ притязаній дворянства на сохраненіе въ той или иной степени въ новыхъ порядкахъ своихъ старыхъ привиллегій въ административномъ и судебномъ т. е. въ государственномъ отношеніи; эта почва заключалась въ принципахъ и формахъ, выработанныхъ западно-европейской наукой и европейской практикой. Но редакціонныя комиссіи не обладали подобными же средствами для огражденія крестьянъ отъ экономическихъ притязаній помѣщиковъ. Отвлеченную формулу экономическаго освобожденія крестьянъ нужно было наполнить содержаніемъ, заимствованнымъ изъ русской дѣйствительности, которая была однако извѣстна реформаторамъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Всѣ детали хозяйственныхъ отношеній между крѣпостными крестьянами и ихъ владѣльцами нужно было заимствовать изъ показаній самыхъ помѣщиковъ, и одно это обстоятельство склоняло вѣсы законодательныхъ предположеній въ пользу владѣльцевъ и противъ крестьянъ. Первоначальныя предположенія Редакціонныхъ Комиссій подвергались затѣмъ критической оцѣнкѣ дворянскихъ депутатовъ, и произведенныя на основаніи сего измѣненія отдавались опять на судъ одной заинтересованной стороны. Легко понять, что замѣчанія депутатовъ клонились, главнымъ образомъ, къ выгодѣ помѣщиковъ, а не крестьянъ. Но помимо оружія аргументаціи, помѣщики добились многаго прямо настойчивостью, съ какою они, въ отсутствіе противной стороны, преслѣдовали удовлетвореніе своихъ требованій; и въ мотивахъ нѣкоторыхъ своихъ рѣшеній Редакціонныя Комиссіи прямо заявляли, что онѣ приняли ихъ, „уступая одному лишь согласному требованію всѣхъ почти

губернскихъ комитетовъ". А что владѣльцамъ крѣпостныхъ душъ не удалось отвоевать въ свою пользу у Редакціонныхъ Комиссій, то они получили при прохожденіи проэкта Положенія о крестьянахъ въ слѣдующихъ инстанціяхъ, составъ коихъ былъ болѣе для нихъ благопріятенъ, такъ какъ правительство было по составу дворянское, и дворянство кромѣ того считалось главной опорой престола.

III.

Приступая къ назначенію крестьянскихъ надѣловъ, Редакціонныя Комиссіи имѣли передъ собой съ одной стороны указанную имъ въ общихъ чертахъ цѣль преобразованія, заключающуюся въ обезпеченіи быта крестьянъ и уплаты ими повинностей, съ другой—конкретныя предположенія дворянскихъ комитетовъ, предлагавшихъ или сохранить, съ извѣстными ограниченіями, существующіе крестьянскіе надѣлы, или назначить для надѣленія крестьянъ опредѣленныя нормы. Послѣднее предложеніе, съ принципіальной стороны, болѣе соотвѣтствовало задачѣ реформы. Получить увѣренность въ томъ, что надѣлъ обезпечиваетъ крестьянъ, можно лишь послѣ того, какъ будутъ оцѣнены нужды крестьянской семьи и нормальная доходность десятины отводимыхъ крестьянамъ угодій. Но Редакціонныя Комиссіи считали невозможнымъ опредѣлить эти факторы предстоящаго обезпеченія крестьянъ землей и отказались отъ мысли установленія нормальныхъ потребительныхъ надѣловъ для различныхъ мѣстностей Россіи. Послѣ того имъ оставался одинъ путь земельнаго обезпеченія крестьянъ — сохраненіе за ними существующихъ надѣловъ. Это было, конечно, наиболѣе

простымъ способомъ разрѣшенія хозяйственной стороны крестьянскаго вопроса — рекомендованнымъ къ тому-же и прогрессивной частью русскаго общества — и Редакціонныя Комиссіи полагали, что это разрѣшеніе удовлетворяетъ и преподанной имъ задачѣ обезпеченія быта крестьянъ. „Существующій крестьянскій надѣлъ, — разсуждали Редакціонныя Комиссіи, — установился самъ собою, путемъ естественнымъ, въ силу вѣковыхъ отношеній и взаимныхъ выгодъ того и другого сословія, налагавшихъ на помѣщика нравственную и матеріальную необходимость обезпечить въ достаточныхъ размѣрахъ бытъ своего крестьянина... Можно поэтому съ совершенной достовѣрностью сказать, что существующій нынѣ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи крестьянскій надѣлъ есть, за немногими исключеніями, лучшее и даже единственно правильное практическое мѣрило того количества земли, которое соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ крестьянина“.

Это разсужденіе было бы совершенно справедливо, если бы земля была единственнымъ источникомъ доходовъ крѣпостного крестьянина, а отведенный ему помѣщикомъ участокъ—единственнымъ его земельнымъ рессурсомъ въ крѣпостныя времена. Но вѣдь ни то, ни другое предположеніе не соотвѣтствовало дѣйствительности. Во всей, вѣроятно, нечерноземной полосѣ и мѣстами въ черноземныхъ губерніяхъ крѣпостные крестьяне имѣли дополнительные промысловые доходы, могли поэтому довольствоваться меньшими участками земли, и это обстоятельство, конечно, учитывалось помѣщиками при назначеніи надѣловъ ихъ крѣпостнымъ. Сохраненіе за освобождаемыми крестьянами ихъ крѣпостныхъ надѣловъ въ указанныхъ

мѣстностяхъ не обезпечивало поэтому, само по себѣ, ихъ быта: такое обезпеченіе они получали отъ сельско-хозяйственныхъ доходовъ и промысловыхъ заработковъ. Выставляя начало сохраненія за крестьянами существующихъ надѣловъ, Редакціонныя Комиссіи тѣмъ самымъ соглашались, не выражая этого прямо, съ толкованіями рескрипта нѣкоторыми дворянскими комитетами въ томъ смыслѣ, что величина надѣла можетъ быть поставлена въ зависимость отъ промысловыхъ выгодъ, иначе говоря, что средства матеріальнаго обезпеченія освобождаемыхъ крестьянъ заключаются не въ одномъ земельномъ надѣлѣ, а въ доходахъ отъ земли, поддержанныхъ промысловыми заработками. Если бы это положеніе было съ самаго начала признано открыто—оно могло бы поставить на правильный путь дѣло земельнаго обезпеченія крестьянъ.

Отказываясь отъ первоначальной постановки задачи аграрной реформы, формулированной въ терминахъ потребительной, а не производительной нужды крестьянъ, — задачи, раціональное разрѣшеніе которой требовало бы изслѣдованія бюджета крестьянина и оцѣнки доходности земли въ различныхъ мѣстностяхъ, а практическое осуществленіе нарушило бы сложившіяся въ сельскомъ хозяйствѣ отношенія,—и признавая, что матеріальнымъ обезпеченіемъ освобождаемыхъ крестьянъ должны служить тѣ источники доходовъ, которыми они пользовались въ крѣпостныя времена; имѣя затѣмъ въ виду, что крестьяне получаютъ отъ этихъ источниковъ не рентные, а трудовые доходы,—Редакціонныя Комиссіи естественно пришли бы къ заключенію, что аграрной задачей крестьянской реформы должно быть обезпеченіе освобож-

даемому крестьянину тѣхъ средствъ сельско-хозяйственной дѣятельности, которыми онъ пользовался въ крѣпостномъ состояніи. Съ этой точки зрѣнія отводимый крестьянамъ надѣлъ оцѣнивался бы не какъ источникъ дохода, — который можно получать либо личной его обработкой, либо путемъ сдачи въ аренду,—а какъ средство приложенія ихъ труда, результатомъ коего является, конечно, тотъ или другой доходъ.

Сельско-хозяйственная дѣятельность крѣпостного крестьянина заключалась въ личномъ его трудѣ на землѣ; освобождаемому крестьянину нужно было обезпечить возможность продолжать этотъ трудъ въ свободномъ состояніи. Крѣпостной крестьянинъ обрабатывалъ землю собственнымъ живымъ инвентаремъ; нужно было обезпечить содержаніе этого инвентаря и освобожденному крестьянину. Крѣпостной крестьянинъ получалъ всѣ необходимыя угодья отъ помѣщика; освобожденный крестьянинъ въ этомъ отношеніи долженъ находиться въ положеніи, отъ помѣщика независимомъ. Задача аграрной реформы сводилась, такимъ образомъ, къ хозяйственному освобожденію крестьянина, къ обращенію зависимаго хозяина въ самостоятельнаго, къ отведенію крестьянину надѣла, удовлетворяющаго условію хозяйственной его цѣльности; словомъ, къ обезпеченію ему возможности пользоваться всѣми тѣми угодьями, которыми онъ пользовался въ крѣпостномъ состояніи.

Цѣльность крестьянскаго землепользованія поддерживалась въ этомъ состояніи двумя пріемами: отведеніемъ опредѣленной площади въ единственное пользованіе крестьянина и участіемъ послѣдняго въ угодьяхъ общаго пользованія съ помѣ-

цикомъ. Такими угодьями были по преимуществу орма для скота, а такъ какъ содержаніе послѣдяго составляетъ необходимую расходную статью ельско-хозяйственной дѣятельности, то, допуская рестьянскій скотъ на свои выпасы, помѣщикъ ѣмъ самымъ открывалъ себѣ возможность отвеенія въ единственное пользованіе крестьянъ меньлаго участка. Отсюда логически вытекало заклюеніе, что съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣостной зависимости на условіи сохраненія за ими права пользованія землей, установившагося ъ крѣпостныя времена, надлежало или передать мъ это право въ формахъ крѣпостного хозяйтва, т. е. наряду съ отведеніемъ имъ существовавшихъ надѣловъ сохранить за ними право польованія кормовыми (и лѣсными) угодьями помѣцика, или увеличить ихъ надѣлы соотвѣтственно ишенію ихъ сервитутныхъ правъ. Исчисленіе площади, отвѣчающей опредѣленной цѣли — проормленію скота — не представляетъ тѣхъ затруднеій, какія связаны съ установленіемъ норіальнаго потребительнаго участка. А присоединеіе этого кормового участка къ существующему обычному крестьянскому надѣлу, состоявшему, лавнымъ образомъ, изъ усадебнаго и пахатнаго, ластью сѣнокоснаго угодій, намѣчало площадь ормальнаго для каждой мѣстности хозяйственнаго участка, которая могла бы служить надежной опоой при оцѣнкѣ неполныхъ надѣловъ. Надѣлъ, не обезпечивающій содержанія скота, былъ бы тогда признанъ совершенно несоотвѣтствующимъ цѣли реформы, и ясное представленіе о послѣдней, какъ имѣющей обезпечить хозяйственную самостоятельность крестьянина, быть можетъ, удержало бы законодателя отъ чрезмѣрнаго сокращенія отводи-

мыхъ крестьянамъ надѣловъ или побудило бы его своевременно принять мѣры для исправленія неизбѣжныхъ дефектовъ преобразованія.

Редакціонныя Комиссіи, какъ сказано выше, не пошли по этому пути, хотя онъ самъ навязывался ихъ вниманію въ проектахъ нѣкоторыхъ дворянскихъ комитетовъ недостаточнаго обезпеченія землею крестьянъ, въ видахъ понужденія ихъ нанимаиться въ рабочіе къ помѣщикамъ. Редакціонныя Комиссіи находили, что лишеніе крестьянъ „средствъ *къ веденію въ прежнихъ размѣрахъ самостоятельнаго хозяйства*... не можетъ возбудить сочувствія правительства, ибо главная его цѣль состоитъ въ созданіи обезпеченнаго сословія сельскихъ обывателей, а отнюдь не въ лишеніи этого сословія, съ первой же поры его образованія, лучшихъ *средствъ къ самостоятельному развитію*". Натолкнувшись даже на мысль обезпеченія освобождаемымъ крестьянамъ „средствъ къ самостоятельному развитію", Редакціонныя Комиссіи не положили ее въ основу своихъ проектовъ. Исходя же изъ формально поставленной цѣли аграрной реформы — обезпечить минимумъ потребностей освобождаемыхъ крестьянъ,—не установивъ суммы этого минимума и даже замѣнивъ этотъ принципъ все-таки кое-что освѣщающій, безсодержательнымъ съ принципіальной точки зрѣнія, началомъ сохраненія за крестьянами существующихъ надѣловъ, допустивъ затѣмъ рядъ поправокъ къ этому положенію въ ту и другую сторону, ради цѣлей, посторонныхъ первоначальной задачѣ реформы,— Редакціонныя Комиссіи утратили ясную руководящую идею въ лабиринтѣ обращаемыхъ къ нимъ проектовъ и требованій; и такъ какъ работа ихъ совершалась въ опредѣленной соціальной атмо

ѣрѣ, то господствующіе элементы послѣдней по-
учили возможность направлять ее въ пользу по-
мѣщиковъ и въ ущербъ крестьянамъ.

IV.

Принявъ начало сохраненія за крестьянами су-
ществующихъ надѣловъ и имѣя въ виду, что хотя,
оворя вообще, помѣщики давали крестьянамъ
емлю въ размѣрѣ, обезпечивающемъ извѣстный
ровень ихъ матеріальнаго состоянія, но были слу-
аи отведенія несоразмѣрно большихъ и несораз-
мѣрно малыхъ участковъ,—Редакціонныя Комиссіи
олагали нужнымъ опредѣлить границы для ко-
ебанія отводимыхъ крестьянамъ въ каждой мѣст-
ости надѣловъ, съ тѣмъ, чтобы участки крестьянъ,
ревышающіе высшій предѣлъ, могли быть по
еланію помѣщика уменьшаемы до назначенной
ормы, а участки, недостигающіе низшаго пре-
ѣла — увеличиваемы на счетъ помѣщичьихъ
годій.

Изъ того, что отводимые крестьянамъ надѣлы
олжны обезпечить ихъ въ матеріальномъ отно-
ленiи, слѣдовало, казалось бы, заключеніе, что
азница между устанавливаемыми высшей и низ-
ей нормой крестьянскихъ участковъ не должна
ыть значительна, и что низшая норма надѣла
олжна во всякомъ случаѣ находиться въ соотвѣт-
твіи съ главной цѣлью реформы. Но, принявъ
ачало сохраненія за крестьянами существующихъ
адѣловъ, какъ удобнѣйшій способъ практиче-
каго разрѣшенія вопроса о матеріальномъ ихъ
безпеченіи, Редакціонныя Комиссіи пренебрегли
атѣмъ этой главной цѣлью реформы, средство
атеріальнаго обезпеченія крестьянъ обратили въ

самостоятельную цѣль, руководящую и опред
ляющую, а не подчиняющуюся высшей задачѣ,
постановили, что высшія и низшія нормы надѣл
должны быть установлены съ такимъ расчетом
чтобы уменьшеніе и увеличеніе существующих
крестьянскихъ надѣловъ было не общимъ явл
ніемъ, а исключеніемъ. Руководствуясь этимъ п
ложеніемъ, низшій надѣлъ Комиссіи назначил
въ $^1/_3$ высшаго (въ малороссійскихъ губерніяхъ-
въ $^1/_2$, а для многоземельныхъ южныхъ губерні
назначена одна норма надѣла), примиряясь, таким
образомъ, съ тѣмъ, что-бы извѣстная часть крестьян
получила надѣлы, удовлетворяющіе не болѣе ^{1}
части ихъ минимальныхъ матеріальныхъ нужд

Первоначально Комиссіи предполагали принят
низшую норму надѣла въ $^2/_5$ отъ высшаго, и сра
неніе ея съ существующими надѣлами показал
что крестьянскіе участки, не достигающіе этог
предѣла, дѣйствительно составляютъ исключені
Но такъ какъ для сравненія имѣлись свѣдѣні
лишь объ имѣніяхъ выше 100 душъ, а надѣлы в
мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, „по мнѣнію многихъ"
менѣе щедры, то „для строгаго соблюденія пра
вила объ исключительности прирѣзки земли" ни
шій надѣлъ былъ пониженъ до $^1/_3$ высшаго.

Менѣе щепетильными въ соблюденіи правил
исключительности показали себя Редакціонны
Комиссіи при назначеніи высшей нормы надѣла
Матеріалами для сего служили доставленныя по
мѣщиками свѣдѣнія о надѣлахъ въ имѣніяхъ в
сто душъ и болѣе, которыя, однако, по провѣрк
оказались не достаточно точными, такъ какъ „едв
ли не большая часть ихъ имѣла въ виду пока
зать не обыкновенные, а средніе надѣлы"; „и
множествѣ свѣдѣній размѣры крестьянскихъ вл

дѣній показаны гораздо ниже дѣйствительнаго“; въ раіонахъ залежнаго хозяйства показывалось „большею частью одно только количество годового посѣва, но не предъявлялось количество залежей, отчего крестьянскій надѣлъ сокращается на большую свою часть“. Руководствуясь этими свѣдѣніями и нѣкоторыми другими соображеніями, Редакціонныя Комиссіи разбили губерніи на полосы и мѣстности и для каждой изъ нихъ назначили высшую норму надѣла, настолько однако для черноземной полосы невысокую, что возникло опасеніе, что „принятыя нормы малы и ни въ какомъ случаѣ дальнѣйшему пониженію подлежать не могутъ“. И дѣйствительно, сравненіе проектированныхъ нормъ съ существующими надѣлами въ имѣніяхъ выше ста душъ показало, что въ различныхъ уѣздахъ черноземной полосы уменьшеніе надѣловъ, соотвѣтственно этой нормѣ, коснулась бы участковъ отъ 9 до 84% всѣхъ крестьянъ! Сокращеніе существующихъ надѣловъ въ нечерноземной полосѣ задѣло бы меньшую часть крестьянъ, но и здѣсь въ нѣкоторыхъ уѣздахъ отрѣзкѣ подверглись бы надѣлы 50—75% крестьянъ!

Несмотря на то, что проектированныя нормы высшихъ надѣловъ совершенно нарушали постановленіе комиссіи объ исключительности сокращенія существующихъ крестянскихъ надѣловъ, — подъ вліяніемъ жалобъ и протестовъ помѣщиковъ, эти нормы для очень многихъ уѣздовъ подверглись дальнѣйшему пониженію и въ самихъ комиссіяхъ, и въ Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу, и въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ Редакціонныхъ комиссіяхъ высшіе надѣлы были понижены въ 42 уѣздахъ черноземной и въ 73 уѣздахъ нечерноземной полосы; въ Главномъ Комитетѣ и Госу-

дарственномъ Совѣтѣ надѣлы были уменьшены въ 50 уѣздахъ (или ихъ частяхъ) изъ 142 уѣздовъ трехпольной черноземной полосы, въ 107 уѣздахъ (изъ 232) нечерноземной полосы, и въ 14-ти подраздѣленіяхъ (изъ 31-го) новороссійскихъ губерній. Увеличеніе высшей нормы надѣла въ этой послѣдней инстанціи имѣло мѣсто лишь въ 5 уѣздахъ черноземной и въ 36 уѣздахъ нечерноземной полосы.

Редакціонныя Комиссіи проектировали еще одну льготу въ пользу помѣщиковъ и въ ущербъ интересамъ крестьянъ. „Уступая одному лишь согласному требованію всѣхъ почти губернскихъ комитетовъ, въ соединеніи съ желаніемъ устранить по возможности разрывъ непосредственной связи помѣщика съ принадлежащею ему землею“, онѣ предоставили помѣщикамъ право сохранить за собой $^1/_3$ принадлежащей имъ земли. Проектируя это правило, Редакціонныя Комиссіи сознавали, что его примѣненіе принесетъ большой ущербъ крестьянамъ, уменьшая во многихъ случаяхъ и безъ того скудно предположенные надѣлы. Первоначально Редакціонныя Комиссіи полагали, чтобы при исчисленіи $^1/_3$ части оставляемой за помѣщикомъ земли принималась во вниманіе общая совокупность имѣній помѣщика въ смежныхъ уѣздахъ; впослѣдствіи, понятіе о помѣщичьей землѣ ограничено площадью, отстоящею не далѣе 25 верстъ отъ надѣляемаго имѣнія, а въ Положеніи 19 февраля 25-ти верстное разстояніе оказалось сокращеннымъ до 12-ти верстъ.

Въ высшихъ инстанціяхъ помѣщики получили еще одну льготу, не встрѣчавшуюся въ проектѣ Редакціонныхъ Комиссій.

Если помѣщикъ, по добровольному соглашенію

съ крестьянами, подаритъ крестьянскому обществу часть земли, не менѣе одной четвертой высшаго надѣла, то крестьянамъ предоставляется отказаться отъ пользованія остальной частью надѣла, которая поступаетъ въ полное распоряженіе помѣщика. Надѣлы эти называются четвертными и дарственными, и число крестьянъ, получившихъ такіе надѣлы, колеблется около 500 тыс. ревизскихъ душъ. Наибольшая ихъ часть, а именно 20% общаго числа, падаетъ на Саратовскую губернію, 50% всего числа дарственниковъ—на семь другихъ черноземныхъ губерній. Сосредоточеніе дарственниковъ въ черноземныхъ губерніяхъ объясняется тѣмъ, что только здѣсь помѣщики находили выгоднымъ сохранять за собой возможно больше земли. Что же касается крестьянъ, то они соглашались на полное почти обезземеленіе (средній дарственный надѣлъ колеблется около одной десятины на ревизскую душу), частью въ надеждѣ на дешевую аренду, вмѣсто сравнительно тяжелыхъ выкупныхъ платежей; частью, ожидая, что въ недалекомъ будущемъ имъ все равно будетъ будто бы отдана вся помѣщичья земля; частью, наконецъ, будучи склонены къ принятію ничтожнаго надѣла путемъ различныхъ, не всегда благовидныхъ пріемовъ помѣщиковъ.

V.

Аграрная реформа 19 февраля представляетъ, такимъ образомъ, разительное противорѣчіе между ея заданіемъ и осуществленіемъ. Задачей аграрной реформы ставилось матеріальное обезпеченіе крестьянъ; средствомъ для того признано было сохраненіе за крестьянами существующихъ надѣловъ; а въ результатѣ изданныхъ для того зако-

новъ получилось сокращеніе крестьянскаго землепользованія и путемъ прямой отрѣзки крестьянскихъ надѣловъ, и вслѣдствіе ограниченія крестьянъ въ правѣ пользованія помѣщичьими угодьями, и полная, какъ мы видѣли, ихъ матеріальная необезпеченность.

Если исходить даже изъ неточныхъ (преуменьшенныхъ) свѣдѣній о количествѣ земли у крѣпостныхъ крестьянъ, доставленныхъ Редакціоннымъ Комиссіямъ помѣщиками, то окажется, что крестьяне 20-ти черноземныхъ великорусскихъ и малорусскихъ губерній, въ числѣ 4,2 мил. ревизскихъ душъ, пользовались въ крѣпостномъ состояніи 14,8 мил. десятинъ, а при освобожденіи получили 11,5 мил. дес., — на 3,3 мил. десятинъ или на 22% менѣе. По нѣкоторымъ губерніямъ процентъ сокращенія крестьянскаго землевладѣнія подымается гораздо выше средняго. Крестьяне Казанской губ. напр. утратили при освобожденіи 30% своей земли, крестьяне Екатеринославской, Полтавской и Саратовской губ. около 40%, крестьяне Самарской губ. болѣе 40% и т. д. Относительно Саратовской губ. можно привести болѣе подробныя данныя. Изъ 272 ревизскихъ душъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ сокращеніе надѣловъ испытали 182 тыс. или почти $^2/_3$ крестьянъ. При этомъ у 31 тыс. душъ отрѣзано 10—25% надѣла, у 35 тыс. душъ—25—50%, у 57 тыс. душъ—50—75%, а 59 тыс. ревизскихъ душъ потеряли при освобожденіи болѣе $^3/_4$ своей земли. Крупныя отрѣзки крестьянскихъ земель объясняются въ этой губерніи тѣмъ обстоятельствомъ, что около 100 тыс. ревизскихъ душъ получили здѣсь дарственные надѣлы. Но что значительныя отрѣзки коснулись и земель другихъ категорій помѣщи-

ньихъ крестьянъ, видно изъ того, что болѣе четверти своего надѣла потеряли 150 тыс. ревизскихъ душъ!

Большой процентъ дарственниковъ насчитывается и въ другихъ губерніяхъ съ крупными отрѣзками крестьянской земли: въ Казанской 30%, Самарской и Екатеринославской по 20%. Но въ Полтавской губ., гдѣ крестьяне утратили 40% своей земли, процентъ дарственниковъ не превышаетъ средняго для Имперіи.

Сокращеніе крестьянскихъ надѣловъ было не единственной земельной потерей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Они лишились и права пользованія кормовыми угодьями помѣщичьяго имѣнія. Правда, пастбища общаго пользованія должны были при освобожденіи раздѣляться между помѣщиками и крестьянами поровну; но такъ какъ, несмотря на это, надѣлы крестьянъ увеличивались въ рѣдкихъ случаяхъ, то фактически это правило не имѣло значенія, и угодья общаго пользованія какъ-бы цѣликомъ остались за помѣщиками. Утрата этихъ угодій была особенно чувствительна для крестьянъ нечерноземной полосы, принужденныхъ держать больше скота для удобренія своихъ полей. Отрицательные результаты аграрной реформы 19 февраля отразились здѣсь главнымъ образомъ, утратою крестьянами права пользованія кормовыми и лѣсными угодьями на землѣ помѣщика; отрѣзка же ихъ собственныхъ надѣловъ, весьма чувствительная для тѣхъ общинъ, коихъ она коснулась, въ итогахъ, по губерніямъ представляется, повидимому, незначительной. Въ 14-ти нечерноземныхъ великороссійскихъ губерніяхъ 2,8 милліоновъ ревизскихъ душъ пользовались при крѣпостномъ правѣ 12,6 мил. дес.,

а при освобожденіи получили 12,2 мил. дес Ихъ землевладѣніе сократилось на 450 мил. дес т. е. на 3 — 4%. Это, впрочемъ, представляет ариѳметическій итогъ измѣненій въ величинѣ крестьянскихъ надѣловъ. Въ дѣйствительности, в этихъ губерніяхъ имѣли мѣсто и отрѣзки, и при рѣзки крестьянскихъ надѣловъ. Сколько было от рѣзано и сколько прирѣзано — совершенно неизвѣстно, но если сравнить губернскіе итоги надѣльной земли до освобожденія крестьянъ и послѣ их освобожденія, то окажется, что въ девяти губерніяхъ съ площадью 10,4 мил. дес. надѣльной земли въ крѣпостныя времена, итогъ измѣненій крестьянскихъ надѣловъ выражается сокращеніемъ надѣльной площади на 675 тыс. десятинъ или на 6,5%, а в пяти губерніяхъ на 2,2 мил. дес. крестьянской земли было прирѣзано 223 тыс. дес., т. е. 10%. Для правильной оцѣнки этихъ цифръ слѣдуетъ однако, имѣть въ виду, что площадь земли, находившаяся въ единственномъ пользованіи крестьянъ показана душевладѣльцами въ уменьшенномъ количествѣ. Доказательство этому мы имѣемъ для Новгородской губ. Бывшіе помѣщичьи крестьяне получили здѣсь при освобожденіи 1045 тыс дес., а въ крѣпостныя времена они пользовались согласно показаніямъ помѣщиковъ, 1082 т. дес (приведено у Обручева) и потеряли, слѣдовательно лишь 37 тыс. дес. Согласно-же утвержденію Н. П Семенова, въ пользованіи крѣпостныхъ крестьянъ находилось 1600 т. дес., и сокращеніе крестьянскаго надѣла опредѣляется въ 555 т. дес., что составляетъ болѣе $^1/_3$ части площади ихъ земли!

VI.

Образцомъ того, какъ должны бы дѣйствовать Редакціонныя Комиссіи, имѣвшія цѣлью земельное обезпеченіе освобождаемыхъ отъ крѣпостной зависимости крестьянъ и остановившіяся на мысли сохраненія въ этихъ видахъ за крестьянами существующихъ надѣловъ, какъ установившихся въ силу „взаимныхъ выгодъ обоихъ сословій, налагавшихъ на помѣщиковъ... матеріальную необходимость обезпечить въ достаточныхъ размѣрахъ бытъ своихъ крѣпостныхъ“, образцомъ этого, повторяемъ, можетъ служить земельное устройство крестьянъ западныхъ губерній. Помѣщичій классъ принадлежалъ здѣсь къ польской національности, не только чуждой, но и враждебной русскому правительству. И послѣднее, не стѣсняемое по отношенію къ нему тѣми симпатіями, какія его связывали съ русскимъ дворянствомъ, и руководимое политическими соображеніями, проводило здѣсь идею дѣйствительнаго сохраненія за крестьянами того пользованія землею, какое установилось въ крѣпостныя времена.

Мѣры регулированія хозяйственныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами западныхъ губерній приняты были еще въ сороковыхъ годахъ истекшаго столѣтія. Въ 1844 г. издано было повелѣніе о составленіи такъ наз. инвентарей (по примѣру того, что здѣсь практиковалось еще при польскомъ владычествѣ), т. е. о составленіи списка крестьянскаго землепользованія и крестьянскихъ повинностей въ пользу помѣщика, и о запрещеніи измѣнять то и другое къ невыгодѣ для крестьянъ. Инвентари повсемѣстно были составлены, однако, лишь въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ,

но впослѣдствіи они стали нарушаться, и часть крестьянской земли перешла въ пользованіе помѣщиковъ.

Аналогичные случаи расширенія помѣщичьихъ запашекъ на счетъ крестьянскихъ земель наблюдались, конечно, и въ русскихъ губерніяхъ и были главной причиной скудныхъ надѣловъ помѣщичьихъ крестьянъ. Признавая это обстоятельство, Редакціонныя Комиссіи находили, что „при строгомъ примѣненіи начала предоставленія крестьянамъ ихъ земельныхъ надѣловъ, слѣдовало бы возвратить имъ то, что было у нихъ отобрано". Редакціонныя Комиссіи не рѣшились, однако, на этотъ шагъ, потому что „тогда пришлось бы сдѣлать значительныя отрѣзки земли у помѣщиковъ". Но отъ чего законодатель воздерживался по отношенію къ русскимъ помѣщикамъ, то было имъ допущено по отношенію къ помѣщикамъ польскимъ. Положеніе 19 февраля признало за крестьянами юго-западныхъ губерній право на инвентарные надѣлы и право иска о возвращеніи отобранныхъ помѣщиками земель, а за крестьянами литовскихъ губерній—право на существующіе надѣлы безъ всякихъ урѣзокъ. А послѣ польскаго возстанія 1863 г. крестьяне сѣверо и юго-западныхъ, могилевской и восточной части витебской губерніи переведены были на выкупъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ были образованы особыя комиссіи для провѣрки правильности составленія уставныхъ грамотъ, для возвращенія крестьянамъ всѣхъ земель, находившихся въ ихъ дѣйствительномъ пользованіи и для надѣленія землей безземельныхъ крестьянъ сѣверо-западныхъ губерній.

Результатомъ дѣятельности этихъ комиссій было увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія въ трехъ

ого-западныхъ губерніяхъ (путемъ возстановленія инвентарныхъ границъ и даже прирѣзкой земли верхъ того, что значилось за крестьянами по инвентарямъ сравнительно съ площадью, находившейся въ ихъ пользованіи въ послѣдніе годы крѣпостного состоянія)—на 620 тыс. десятинъ или на 18%, и увеличеніе площади надѣловъ въ остальныхъ губерніяхъ сравнительно съ уставными грамотами на 760 тыс. д. т. е. на 24%. Но кромѣ земли, находившейся въ единственномъ пользованіи крестьянъ, за послѣдними въ западномъ краѣ было сохранено и участіе въ пользованіи помѣщичьими угодьями, такъ называемые сервитуты. Право сервитута признано было за большей половиной (58%) крестьянскихъ дворовъ. Если принять во вниманіе, что наиболѣе распространеннымъ сервитутомъ является пастбище и что значительная часть крѣпостныхъ крестьянъ не имѣла скота—можно заключить, что процентъ нуждающихся въ пастбищахъ домохозяевъ, сохранившихъ право пользованія помѣщичьими угодьями, значительно превышаетъ указанное выше число.

На основаніи вышеизложеннаго можно сказать, что хозяйство крѣпостныхъ крестьянъ и ихъ владѣльца, будучи двумя самостоятельными статьями, составляли въ то же время сложную организованную единицу, и ихъ связывало не только обязательство крестьянъ обрабатывать помѣщичьи поля, но и участіе крестьянъ въ пользованіи, сверхъ надѣла, помѣщичьими угодьями, насколько это было необходимо для сохраненія ихъ хозяйственной состоятельности. Разъединяя крестьянское хозяйство отъ помѣщичьяго, Законодатель придалъ этому обстоятельству должное значеніе при устройствѣ быта крестьянъ западныхъ губерній. Въ осталь-

ной Россіи крестьяне потеряли при освобожденіи и земли единственнаго, и угодья общаго пользованія съ помѣщиками. Раздѣльная черта между помѣщичьими и крестьянскими владѣніями въ лучшемъ случаѣ проведена здѣсь по границѣ земли, находившейся въ единственномъ пользованіи крестьянъ, въ худшемъ — отодвинута въ глубь крестьянскаго надѣла, вмѣсто того, что бы быть перекинутой на помѣщичьи земли. Цѣльная территорія хозяйства крѣпостного крестьянина, составленная изъ земли единственнаго его владѣнія и угодій общаго пользованія съ помѣщикомъ, была раздѣлена на двѣ части: одна осталась у крестьянина, другая—у его владѣльца. Дополнительными законами 60-хъ годовъ, вызванными польскимъ возстаніемъ, этотъ пробѣлъ, какъ сказано, былъ исправленъ по отношенію къ западному краю; и крестьянамъ этого раіона реформа принесла не только личное, но и хозяйственное освобожденіе отъ помѣщика. Дворянство коренной Россіи не нарушало вѣрноподданническаго долга; ограниченія крестьянскаго землепользованія, на основаніи Положенія 19 февраля, не были исправлены послѣдующими мѣропріятіями, и, освобожденные юридически, крестьяне оказались, вслѣдствіе того, связанными съ помѣщиками хозяйственными узами.

Даже тамъ, гдѣ крестьянскіе надѣлы не подверглись при освобожденіи сокращенію, помѣщичьи угодья составляютъ теперь, какъ и прежде, необходимую дополнительную статью исправнаго крестьянскаго хозяйства. Тѣмъ болѣе это нужно сказать о тѣхъ случаяхъ—гдѣ крестьяне не получили всей земли, находившейся въ ихъ единственномъ пользованіи.

VII.

Расчлененіемъ цѣльной сельско-хозяйственной единицы на двѣ части, отданныя въ разныя руки, былъ нанесенъ роковой ударъ самостоятельности крестьянскаго хозяйства даже въ чисто агрикультурномъ, техническомъ отношеніи и предопредѣлена послѣдующая исторія крестьянъ, какъ процессъ хозяйственнаго закрѣпощенія ихъ и тому классу, въ руки котораго были переданы угодья, составляющія органическую принадлежность территоріи крестьянскаго хозяйства, и тѣмъ слоямъ населенія, которые давали крестьянамъ средства для возвращенія этихъ угодій въ свое пользованіе.

Возвращеніе этихъ угодій во временное или постоянное пользованіе крестьянъ сдѣлалось совершеннѣйшей необходимостью, съ первыхъ-же шаговъ новой жизни освобожденнаго населенія, вопреки приведенному выше заявленію Редакціонныхъ Комиссій, что правительство не можетъ сочувствовать тому, чтобы создаваемое имъ сословіе сельскихъ обывателей „съ первой-же поры его образованія было лишено лучшихъ средствъ къ самостоятельному развитію“, „къ веденію въ прежнихъ размѣрахъ самостоятельнаго хозяйства“. Реформа именно лишила его этихъ средствъ, и, безъ возвращенія ихъ въ руки крестьянъ, послѣдніе не могли сохранить даже тѣ размѣры своего хозяйства, какіе установились въ крѣпостномъ состояніи и были разсчитаны на трехдневный (въ теченіе недѣли) трудъ крестьянина въ свою пользу. Обстоятельства-же требовали, напротивъ того, расширенія площади крѣпостного крестьянскаго хозяйства, потому что освобождаемые теряли право

на пользованіе помѣщичьими лѣсами для отопленія и ремонта своихъ жилищъ, на помощь помѣщика въ затруднительныхъ случаяхъ и были, кромѣ того, обязаны высокими денежными повинностями въ пользу своихъ бывшихъ владѣльцевъ. Крестьянамъ предстояло поэтому принять мѣры не только къ возвращенію тѣхъ угодій, коими они пользовались въ крѣпостныя времена, но и къ увеличенію своей запашки на счетъ сосѣдней земли. Они, однако, не имѣли денежныхъ средствъ для пріобрѣтенія необходимыхъ имъ земель въ собственность, обезпечивающую постоянство ихъ хозяйственнаго положенія. Имъ пришлось довольствоваться обращеніемъ нужныхъ имъ угодій во временное свое пользованіе. Это временное пользованіе достигалось арендой, получившей широкое распространеніе съ первыхъ-же шаговъ свободнаго существованія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Въ нечерноземныхъ губерніяхъ крестьяне нанимали, главнѣйшимъ образомъ, кормовыя угодья; въ черноземной полосѣ видную роль въ крестьянскомъ хозяйствѣ играла аренда пахатныхъ угодій. О степени распространенія аренды крестьянами только пахатныхъ и сѣнокосныхъ угодій можно судить по тому, что, согласно земскимъ изслѣдованіямъ крестьянскаго хозяйства 80-хъ годовъ изъ числа 600 тыс. наличныхъ дворовъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ 90 уѣздовъ преимущественно черноземной полосы, къ арендѣ прибѣгало 323 т. дворовъ или 55%, и арендовали они болѣе 1,8 мил. дес., что составляетъ болѣе $5^1/_2$ дес. на одного арендатора. Но не всѣ-же наличные дворы занимаются сельскимъ хозяйствомъ, и если процентъ арендующихъ отнести къ числу хозяевъ, владѣющихъ рабочимъ скотомъ, то

окажется, что въ Рязанской губ., число арендующихъ съ 37% повысится до 60%, въ Полтавской (арендаторы пашни) съ 42% до 60%, въ Самарской—съ 70 до 80%, въ Курской—съ 50 до 70%, въ Воронежской съ 60 до 83%, въ Саратовской—съ 65 до 85%, и т. д.

Можно, поэтому, не боясь ошибиться, утверждать, что хозяйство вѣроятно $^2/_3$ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ черноземныхъ губерній, занимающихся земледѣліемъ, какъ главнымъ промысломъ, въ отношеніи ихъ потребности только въ пахатныхъ и сѣнокосныхъ угодіяхъ (въ пастбищахъ нуждается еще большая часть хозяевъ) основывается на соединеніи земли, находящейся въ ихъ постоянномъ пользованіи, и угодій, арендуемыхъ ими на сторонѣ.

Но эти крестьяне нуждаются, кромѣ того, въ пастбищахъ, аренда которыхъ и составляетъ, поэтому, весьма распространенное явленіе.

Въ противоположность черноземному раіону, гдѣ были значительныя отрѣзки крестьянскихъ надѣловъ и гдѣ земледѣліе составляетъ наиглавнѣйшій, а мѣстами и единственный источникъ денежныхъ доходовъ крестьянъ, и гдѣ поэтому аренда пахатныхъ угодій (наряду съ пастбищами) получила широкое распространеніе,—въ нечерноземной полосѣ,—наиболѣе пострадавшей при освобожденіи, вслѣдствіе ограниченія крестьянъ въ правѣ пользованія помѣщичьими кормами,—крестьянами арендуются по преимуществу кормовыя угодья. Для примѣра укажемъ на двѣ типичныя губерніи, для которыхъ имѣются на этотъ счетъ довольно полныя данныя. Въ восьмидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія крестьяне Тверской губ., кромѣ ста тыс. слишкомъ десятинъ выгона, арендовали, преимущественно об-

щинами, еще 500 тыс. десятинъ, изъ коихъ лишь $^1/_{10}$ часть принадлежала пашнѣ; московскіе крестьяне въ новѣйшее время, преимущественно цѣлыми общинами, снимаютъ около 400 тыс. десятинъ, изъ коихъ 95% относится на долю сѣнокосовъ и пастбищъ. Преобладаніе общественной аренды кормовыхъ угодій свидѣтельствуетъ о поголовной в нихъ нуждѣ крестьянъ данной территоріи; а средняя величина арендуемаго кормового участка (4-5 дес на арендующій дворъ) даетъ понятіе о площади кормовъ, безусловно необходимой для даннаго населенія.

Случай московской губерніи наглядно демонстрируетъ роль аренды земли, какъ поправки аграрной реформы 19 февраля. Ни площадь крестьянской запашки, ни интенсивность крестьянскаго земледѣлія со временъ реформы здѣсь не измѣнились. Широкое распространеніе аренды кормовъ не можетъ быть, поэтому, объяснено возросшей потребностью населенія именно въ этого рода угодьяхъ. Арендой чужихъ кормовъ, увеличивающей въ 3-4 раза площадь этого необходимаго угодья, находящуюся въ крестьянскихъ надѣлахъ, возстановляется сельскохозяйственная цѣлостность территоріи крестьянскаго хозяйства, нарушенная реформой, оставившей въ рукахъ помѣщика угодья, составляющія органическую принадлежность хозяйства крестьянъ въ размѣрахъ, установившихся въ крѣпостныя времена. Безъ обращенія къ арендѣ, крестьяне совсѣмъ не могли-бы оставаться самостоятельными земледѣльцами; прекращеніе аренды лишило-бы ихъ кормовыхъ для скота средствъ и перевернуло-бы вверхъ дномъ хозяйство цѣлой половины крестьянскаго населенія Московской губерніи. Мы говоримъ „половины“ потому, что къ

общественной арендѣ прибѣгаетъ половина общинъ Московской губерніи, — главнымъ образомъ, бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Детальная разработка данныхъ относительно трехъ типичныхъ уѣздовъ Московской губерніи (Волоколамскаго, Бронницкаго и Московскаго), изслѣдованной въ 1900 г., наглядно показываетъ, какое вліяніе имѣетъ арендованіе крестьянами земли на поддержаніе ихъ хозяйственной состоятельности.

Къ арендѣ земли въ этихъ уѣздахъ прибѣгаютъ 72% крестьянъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ, а 28% крестьянъ обходятся надѣльной землей. Это различіе крестьянъ, въ отношеніи къ арендѣ, отразилось прежде всего на ихъ обезпеченіи живымъ инвентаремъ: крестяне, не прибѣгающіе къ арендѣ, на половину безлошадны, обращающіеся къ ней имѣютъ въ своей средѣ менѣе $^1/_5$ домохозяевъ, лишенныхъ рабочаго скота. Изъ сотни хозяевъ, эксплуатирующихъ лишь надѣльную землю, лично ее обрабатываютъ 45 хозяевъ, а изъ ста крестьянъ, прибѣгающихъ къ арендѣ, лично обрабатываютъ землю 75 человѣкъ. 42% крестьянъ, хозяйничающихъ лишь на надѣлѣ, совсѣмъ не имѣютъ хозяйственныхъ строеній, и 32%— имѣютъ по два строенія и болѣе; крестьяне, пользующіеся арендой, насчитываютъ въ своей средѣ вдвое меньше лицъ, лишенныхъ хозяйственныхъ строеній и на $^2/_3$ (53%) больше лицъ, владѣющихъ двумя постройками и болѣе. Крестьяне-арендаторы имѣютъ въ своей средѣ втрое меньше безкоровныхъ и вдвое болѣе хозяевъ, владѣющихъ двумя коровами и болѣе, нежели крестьяне, эксплуатирующіе лишь свои надѣльные участки.

При такой-то зависимости крестьянскаго хозяй-

ства отъ чужихъ угодій, аренда крестьянами земли — какъ общее правило — производится на самые короткіе сроки: на одинъ годъ или одинъ урожай и на такихъ-то, необезпечивающихъ ихъ, условіяхъ крестьяне снимаютъ нужныя имъ угодья съ момента освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости. Понятно, насколько шатко такое положеніе крестьянскаго хозяйства, и какъ необходимо, съ общественной точки зрѣнія, избавить отъ него милліоны мелкихъ земледѣльцевъ!

Неустойчивое состояніе крестьянскаго хозяйства увеличивается изъ года въ годъ, потому что потребность крестьянъ въ землѣ, съ теченіемъ времени, становилась болѣе настоятельной и вслѣдствіе размноженія сельскаго населенія, и по причинѣ разрушенія подсобныхъ къ земледѣлію занятій, и потому что натуральное ихъ хозяйство замѣняется денежнымъ. А такъ какъ арендный земельный фондъ оставался неизмѣннымъ, то естественно, что въ крестьянской средѣ возникла борьба за чужія угодья, произошло непомѣрное возвышеніе арендной на нихъ цѣны, пониженіе вслѣдствіе этого доходности крестьянскаго хозяйства, развившееся на этой почвѣ порабощеніе крестьянъ деревенскимъ ростовщикамъ и собственникамъ нужныхъ крестьянамъ угодій, истощеніе денежныхъ рессурсовъ средняго крестьянина и производительныхъ силъ его земли, обѣдненіе крестьянъ и голодовки... и все это отразилось въ крестьянской психикѣ растущимъ сознаніемъ полной необезпеченности, несмотря на всѣ жертвы, ихъ хозяйственнаго положенія, которое можетъ быть разрушено не только вслѣдствіе личнаго несчастія или неудачи самого земледѣльца, но и несчастіемъ, капризомъ, измѣненіемъ хозяйственныхъ плановъ

собственника арендуемыхъ крестьянами угодій. Многимъ крестьянамъ, преимущественно нечерноземныхъ губерній, удалось освободиться отъ роковой зависимости, путемъ свободнаго соглашенія съ владѣльцами о пріобрѣтеніи въ собственность нужныхъ имъ земель. Огромному-же большинству крестьянскаго населенія оставалась единственная надежда обезпечить себѣ хозяйственную независимость—путемъ принудительнаго отчужденія нужныхъ имъ угодій. Эта идея есть какъ-бы естесвенное порожденіе и логическое завершеніе аграрной реформы 1861 года. Она какъ-бы отражаетъ дѣйствительное положеніе вещей и можетъ быть выгравлена изъ сознанія крестьянъ, лишь съ устраненіемъ необезпеченнаго состоянія ихъ хозяйства.

Соціологическая закономѣрность идеи принудительнаго отчужденія, для дополненія крестьянскихъ надѣловъ, помѣщичьихъ земель, покоится, однако, не на этомъ психологическомъ факторѣ. Идея эта вытекаетъ изъ самаго существа отношеній между крестьянскимъ и помѣщичьимъ землевладѣніемъ, сложившихся вѣками и не получившихъ цѣлесообразнаго разрѣшенія въ реформѣ 19 февраля. Масса бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ нуждается не въ землѣ вообще, а въ опредѣленномъ участкѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ ихъ надѣломъ, органическую часть котораго онъ составляютъ. Удовлетворенія этой нужды нельзя поэтому достигнуть отведеніемъ участка на сторонѣ, изъ имѣнія, добровольно кѣмъ либо продаваемаго; а добровольная продажа крестьянамъ того именно участка, который имъ необходимъ, можетъ быть только счастливой случайностью, а не правиломъ. На почвѣ добровольныхъ соглашеній покупателей и продавцовъ разрѣшить

крестьянскій вопросъ, вообще, не представляется поэтому возможнымъ. Вотъ почему учрежденіе въ 1883 г. крестьянскаго поземельнаго банка, поставившаго себѣ задачей содѣйствіе въ пріобрѣтеніи крестьянамъ нужныхъ имъ угодій, не смягчило остроты крестьянскаго вопроса и не измѣнило крестьянской психологіи.

Еще менѣе можно ожидать этого отъ новѣйшей политики крестьянскаго банка, не только посредничающаго въ сдѣлкахъ между помѣщиками и крестьянами, но пріобрѣтающаго на свой счетъ массу помѣщичьихъ имѣній и устраивающаго на нихъ мѣстныхъ и пришлыхъ крестьянъ отрубами и хуторами для разведенія новаго самостоятельнаго хозяйства. Часть пріобрѣтаемой банкомъ земли обыкновенно находилась въ арендномъ пользованіи сосѣднихъ крестьянъ. Съ переходомъ земли къ банку это пользованіе прекращается, крестьяне лишаются органической части территоріи своего хозяйства, и послѣднее теряетъ и ту степень устойчивости, которая кое какъ поддерживалась арендой. Новѣйшая аграрная политика, преслѣдующая цѣль созданія новаго типа сильныхъ домохозяйствъ, не только не поправляетъ, поэтому, недостатковъ реформы 19 февраля, но усиливаетъ ея слабыя стороны и грозитъ массовымъ разрушеніемъ крестьянскихъ хозяйствъ.

В. В.

Освобожденіе крестьянъ.

(Итоги прошлаго и задачи настоящаго).

19 февраля исполнится полвѣка съ тѣхъ поръ, какъ пало ненавистное крѣпостное право, „отмѣненное навсегда". Крестьяне и дворовые люди, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, должны были получить права состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей, какъ личныя, такъ и по имуществу. Въ пользованіе этими правами они могли вступить, однако, не сразу, а лишь въ тѣ сроки и такимъ порядкомъ, какъ это указывалось въ Положеніяхъ о крестьянахъ и о дворовыхъ людяхъ. Послѣ обнародованія Положеній, крестьяне переходили въ состояніе такъ называемое „временно-обязанныхъ", отбывая въ пользу помѣщика, за отведенныя имъ въ постоянное пользованіе усадебныя и полевыя земли, повинности—денежныя и издѣльныя. Состояніе это, весьма стѣснительное для освобожденныхъ, въ то же время не удовлетворяло тѣхъ помѣщиковъ, которые, подобно дворянству Петербургской губерніи, готовы были отказаться „на вѣчныя времена отъ принадлежащаго имъ крѣпостного, личнаго права на крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ" подъ условіемъ сохраненія за ними неприкосновеннымъ права собственности на землю и *„сопряженнаго съ онымъ вотчиннаго права"*. Временно-обязанное состояніе под-

ходило скорѣе къ пожеланіямъ дворянъ, которые вмѣстѣ съ членами новгородскаго комитета доказывали необходимость отмѣны крѣпостного права во всемъ объемѣ не ранѣе, какъ по истеченіи шестилѣтняго срока.

Представленіе помѣщиковъ о желательномъ объемѣ правъ крестьянъ, въ теченіе этого переходнаго времени, было весьма различно. Останавливаясь только на однихъ правахъ семейственныхъ, мы видимъ, что, по понятію нѣкоторыхъ комитетовъ,—напр. вологодскаго,—„выходъ крестьянокъ въ замужество за лицъ другого сословія, какъ и переходъ ихъ въ другія общества и сословія, можетъ быть допущенъ не иначе, какъ съ дозволенія помѣщика“. По мнѣнію комитета тульскаго, „вдовы и дѣвки, желающія выйти въ замужество за крестьянъ, принадлежащихъ другому помѣстью, должны испросить на сіе дозволеніе отъ помѣщиковъ“. Взглядъ огромнаго большинства дворянъ на переходное время выраженъ довольно опредѣленно въ отзывѣ извѣстнаго защитника интересовъ крѣпостниковъ Позена. Онъ, вмѣстѣ съ Богдановичемъ, объяснялъ, между прочимъ, что предоставленіемъ „выходящимъ изъ крѣпостной зависимости крестьянамъ личныхъ правъ, которыми пользуются свободныя сельскія сословія, нарушается предписанная постепенность; что тутъ, съ перваго же раза, крестьяне получаютъ всѣ права свободныхъ сословій, съ которыми нисколько не совмѣстно уже переходное положеніе, предполагающее временное укрѣпленіе къ землѣ и обязательныя повинности помѣщику“. Для переходнаго періода Позенъ считалъ желательнымъ только „прекращеніе продажи, даренія, всякаго отчужденія, переселенія крестьянъ противъ ихъ воли въ другіе

имѣнія, обращенія въ дворовые, и вообще всякаго произвольнаго распоряженія личностью крестьянина. Сюда можно еще прибавить права семейныя, право на пріобрѣтеніе недвижимой собственности безъ согласія помѣщика, и право жалобы; но идти далѣе этого невозможно, если въ реформѣ должна быть сохранена указанная постепенность, дѣлающая необходимымъ переходное положеніе, хотя на нѣкоторое время" (*А. Скребицкій.* — Крестьянское дѣло I; стр. 12, 13, 22 и 23). Возражая противъ подобныхъ домогательствъ, редакціонныя комиссіи указывали, „что, на основаніи журнала Главнаго Комитета 4 Декабря 1858 года, крестьяне, выходящіе изъ крѣпостной зависимости въ сословіе свободныхъ сельскихъ обывателей, должны пользоваться всѣми личными правами, вообще природнымъ россійскимъ обывателямъ предоставленными". Несмотря на такое заявленіе, въ концѣ концовъ, все же пришлось установить переходный періодъ, въ теченіе котораго крестьяне должны были находиться въ состояніи „временно-обязанныхъ". Несомнѣнно, законодатель дѣлалъ тѣмъ явную уступку требованіямъ, исходившимъ изъ дворянской партіи, и ставилъ на извѣстный срокъ освобожденныхъ въ зависимое положеніе отъ бывшихъ владѣльцевъ, которое должно было закончиться вполнѣ лишь съ переходомъ крестьянъ на выкупъ.

Регламентируя подробно отношенія сторонъ въ этотъ переходный періодъ, законодатель предполагалъ, что дальнѣйшее развитіе правъ крестьянъ будетъ совершаться постепенно и безпрепятственно, какъ бы само собой, въ силу естественной необходимости. Дѣйствительность не оправдала этихъ ожиданій. Порывая окон-

чательно крѣпостную связь съ владѣльцемъ, крестьяне, тѣмъ не менѣе, не превращались въ полноправныхъ гражданъ и вынуждены были составить особый, низшій общественный классъ. Они продолжали оставаться сословіемъ тяглымъ, податнымъ, на которомъ лежитъ все бремя государственнаго бюджета и постоянно возрастающей платы владѣльцамъ за наемъ земельныхъ угодій, необходимыхъ для веденія хозяйства. Время не приносило улучшеній въ этомъ отношеніи; напротивъ, чуть не съ каждымъ десятилѣтіемъ положеніе освобожденныхъ становилось тяжелѣе. Оно ухудшалось уже вслѣдствіе однихъ измѣненій въ пріемахъ управленія крестьянами, которое происходило сначала фактически, подъ вліяніемъ общественнаго настроенія, а затѣмъ выразилось вполнѣ опредѣленно, при преобразованіи въ 1874 г. института мировыхъ посредниковъ въ уѣздныя по крестьянкимъ дѣламъ учрежденія. Но особенно замѣтное умаленіе крестьянскихъ правъ наблюдается съ 80-хъ годовъ. Такъ, законъ 18 марта 1886 года (о семейныхъ раздѣлахъ) существенно ограничиваетъ права большинства крестьянъ, которые отдаются въ опеку нѣкоторымъ изъ своихъ собратій, такъ наз. „домохозяевамъ“, получающимъ право распоряжаться по своему усмотрѣнію ихъ имуществомъ и судьбою. Надо ли напоминать о томъ, сколько этотъ законъ вызвалъ неправды, сколько породилъ онъ грубаго насилія и издѣвательства надъ личностью опекаемыхъ? Въ томъ же году, 12 іюня, издается законъ, въ силу котораго государственные крестьяне были переведены на выкупъ, и оброчная подать за землю превращена въ выкупной платежъ, значительно увеличенный. Произведя эту операцію въ интересахъ фиска, правительство нанесло жесто-

кую, неисцѣлимую рану хозяйственному положенію этого разряда крестьянъ и сравняло послѣднихъ съ крестьянами бывшими помѣщичьими. Законъ 12 іюля 1889 года о земскихъ участковыхъ начальникахъ отдаетъ всѣхъ крестьянъ, — какъ „домохозяевъ“, такъ и всю массу остальныхъ, зависимыхъ отъ нихъ, — подъ начало и въ безконтрольное распоряженіе представителямъ того самаго сословія, отъ власти котораго они были освобождены 19-го февраля 1861 года. Земскій начальникъ, являясь полнымъ хозяиномъ волости, фактически смѣняя и назначая волостныхъ судей, имѣющихъ право присуждать къ тѣлесному наказанію, получаетъ возможность властвовать неограниченно надъ личностью и имуществомъ крестьянъ; съ помощью ст. 61 онъ легко обезличиваетъ даже самыхъ строптивыхъ изъ нихъ. Законъ 8 іюня 1893 года отдаетъ въ полное распоряженіе его одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ хозяйственной жизни деревни, вопросъ о передѣлахъ, рѣшеніе котораго требуетъ близкаго знанія, во всѣхъ подробностяхъ, весьма сложнаго явленія и добросовѣстнаго изученія мѣстныхъ обычаевъ. Законъ этотъ, связавъ крестьянъ по рукамъ и ногамъ, лишилъ ихъ права самостоятельно рѣшать хозяйственные вопросы, и нисколько неудивительно, что онъ вызвалъ огромный безпорядокъ въ сельскомъ быту и полную необезпеченность имущественныхъ правъ крестьянъ.

Доведенные до крайне приниженнаго состоянія, крестьяне съ 1890 года участвуютъ въ земствѣ только для формы: назначаемые губернаторомъ, по прямому указанію земскихъ начальниковъ, изъ числа кандидатовъ, избираемыхъ волостными сходами, весьма малочисленные представители кре-

стьянскаго сословія играютъ на земскихъ собраніяхъ самую жалкую роль.

Унизительное положеніе огромнѣйшаго большинства гражданъ Имперіи не могло не обратить на себя вниманія, при первыхъ же признакахъ политическаго пробужденія страны, и на необходимость самой коренной реформы въ этой области стали указывать тогда не одни только органы общественнаго мнѣнія, а также и само правительство. Въ объяснительной запискѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, —представленной въ Государственную Думу 20-го Февраля 1907 г. по проекту Положенія „о крестьянскомъ землевладѣніи", признается необходимость такой реформы и поясняется, что это имѣлъ въ виду уже указъ 12-го Декабря 1904 г., который повелѣвалъ „привести законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ Имперіи, облегчивъ задачу обезпеченія пользованія лицами этого сословія признаннымъ за ними Царемъ-Освободителемъ положеніемъ полноправныхъ сельскихъ обывателей". Та же записка объясняетъ далѣе, что „еще болѣе обнаружилась необходимость разрѣшенія крестьянскаго вопроса въ этомъ направленіи, послѣ изданія Высочайшаго манифеста 17-го Октября 1905 г., которымъ крестьяне уравнены въ политическихъ правахъ съ остальными классами населенія, ибо сохранять въ полной мѣрѣ сословную обособленность крестьянскаго населенія, связанную съ своеобразными особенностями управленія и суда и всего правового быта при осуществленномъ уже уравненіи этого населенія съ прочими классами въ отношеніи политическомъ, не представлялось никакихъ основаній„. Дѣйствительность совершенно не соотвѣтствовала этимъ требованіямъ, и министерство

признавало, что послѣ изданія этого манифеста „представляется необходимымъ принять всѣ мѣры къ возможно полному уравненію крестьянъ съ остальнымъ населеніемъ Имперіи и къ распространенію на нихъ дѣйствія общихъ законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, а также объ управленіи и судѣ“.

Эти обѣщанія остались, однако, только обѣщаніями и, судя по выработанному правительствомъ проекту „Положеній о крестьянахъ“, все—вплоть до земскаго начальника — имѣетъ вѣроятность остаться неизмѣннымъ и на будущее время. Послѣ роспуска первой и второй Государственной Думы, намѣренія правительства въ этомъ отношеніи кореннымъ образомъ измѣнились. Вмѣсто отмѣны сословной обособленности крестьянъ и уравненія ихъ „въ правахъ съ остальными классами населенія“, правительство удовольствовалось палліативными мѣрами, — какъ изданіемъ закона 5-го Октября,—и занялось осуществленіемъ своей аграрной программы, идущей въ разрѣзъ съ основными началами Положеній 19-го Февраля. Въ третьей Думѣ, созванной по спеціально изданному для того закону 3-го Іюня 1907 г., оно находитъ вполнѣ послушный органъ для проведенія въ жизнь своей земельной политики. Оставляя крестьянъ въ томъ же обособленномъ, приниженномъ положеніи, въ положеніи гражданъ неполноправныхъ, правительство энергично стремится кореннымъ образомъ измѣнить ихъ земельныя отношенія. Расшатывая бытовые устои, отмѣняя общинное землевладѣніе и стремясь выселить крестьянъ изъ деревень въ „хутора“, правительство поддерживаетъ только „сильныхъ хозяевъ“, устраивающихъ свое благополучіе на обезземеленьи

большинства односельчанъ. Спокойно признавая неизбѣжную гибель этого большинства, правительство готово предоставить ему только право арендовать помѣщичью землю по образцу „десятинщиковъ“ нашего Юга, да еще право стаднаго кочеванія въ безнадежныхъ поискахъ земли на пространствѣ всей страны вплоть до Тихаго океана. Но обезземеливая значительную часть крестьянства, аграрная политика правительства все-же не можетъ обезпечить зарожденія тѣхъ прогрессирующихъ хозяйствъ, привлекательными картинами которыхъ оно старается успокоить встревоженное общественное мнѣніе. Существованіе такихъ хозяйствъ въ дѣйствительности требуетъ наличности многихъ условій, къ сожалѣнію, отсутствующихъ въ нашей странѣ,—прежде всего, установленія строгой законности, прочнаго правопорядка. При отсутствіи такихъ условій, никакія усилія департаментскихъ чиновниковъ и всевозможныхъ землеустроителей, старающихся о разрушеніи общиннаго землевладѣнія и о насажденіи частной собственности, не создадутъ у насъ процвѣтающаго земледѣлія.

Я имѣлъ случай высказать по этому поводу въ Особомъ Совѣщаніи о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности (засѣданіе 26-го Января 1905 года), между прочимъ, слѣдующее: когда говорятъ серьезно о магическомъ дѣйствіи частной собственности, то предполагаютъ, что она существуетъ въ общественныхъ условіяхъ благопріятныхъ. Я не принадлежу къ тѣмъ, которые считаютъ, что только личная собственность на землю въ состояніи обезпечить человѣку плоды его труда; я убѣжденъ, что собственность коллективная также даетъ это обезпеченіе и также въ

состоянiи повести къ магическимъ послѣдствiямъ, о которыхъ свидѣтельствовалъ Артуръ Юнгъ. Но какой бы видъ собственности мы не отстаивали, во всякомъ случаѣ, говоря о благодѣтельномъ влiянiи этого института на хозяйственную дѣятельность, мы предполагаемъ, что всѣ другiя разнообразныя условiя жизни общественной поставлены правильно: управленiе, судъ, народное образованiе, податная система, кредитъ и т. д.,—все это должно соотвѣтствовать требованiямъ экономически организованнаго, современнаго правового государства. Если мы превратимъ нашихъ поселянъ, хозяйничающихъ въ очень тяжелыхъ условiяхъ, въ частныхъ собственниковъ и оставимъ неизмѣненными наши современныя условiя общественной жизни,— то не только не произойдетъ никакого магическаго влiянiя отъ установленiя частной собственности, но, я склоненъ думать, произойдетъ замѣтное ухудшенiе въ положенiи какъ самихъ крестьянъ, такъ и ихъ хозяйствъ.

Если защитники разрушенiя общиннаго землевладѣнiя и установленiя, вмѣсто него, личной собственности думаютъ серьезно о прогрессѣ земледѣлiя, то они должны, прежде всего, вывести нашего поселянина изъ того униженнаго положенiя, въ которомъ онъ находится теперь, и обезпечить строгую законность въ странѣ. При господствующемъ у насъ безправiи и при насажденiи злѣйшей междуусобицы среди крестьянъ нельзя, разумѣется, ожидать ничего, кромѣ самыхъ печальныхъ послѣдствiй даже и для агрикультурныхъ экспериментовъ правительства. Но само собой понятно, что истинный интересъ нашей родины настоятельно требуетъ улучшенiя положенiя не только однихъ „сильныхъ хозяевъ“, а

всего крестьянства. Ему должны быть дарованы права, которыми пользуются граждане въ современномъ правовомъ государствѣ, и обезпечены условія для веденія правильнаго, выгоднаго хозяйства на собственной землѣ. Вспомнить объ этомъ обязательно въ день пятидесятилѣтняго юбилея освобожденія крестьянъ, когда мы будемъ учитывать то, что совершено въ прошломъ, и уяснять, что надлежало бы сдѣлать въ настоящемъ.

А. Посниковъ.

Земская реформа въ связи съ освобожденіемъ крестьянъ.

Первое десятилѣтіе царствованія Императора Александра II, обнимавшее годы крупнѣйшихъ внутреннихъ преобразованій или, какъ у насъ принято говорить, эпоху великихъ реформъ, до сихъ поръ окутано дымкой романтизма и продолжаетъ еще вызывать въ широкихъ слояхъ населенія лучшія идеалистическія настроенія. Конечо, эти послѣднія имѣютъ, такъ сказать, законныя основанія, и въ значительной мѣрѣ объясняются настроеніями же какъ общества, такъ и народа въ то, нынѣ уже отдаленное, время. Несомнѣнно пульсъ общественной жизни бился тогда сильнѣе и замѣтнѣе, чѣмъ во всѣ послѣдующіе десятилѣтія прошлаго вѣка; несомнѣнно умственный и нравственный подъемъ захватилъ въ тѣ годы не только верхніе слои общества и избранные круги его, но и самую толщу населенія; несомнѣнно, что пять-шесть лѣтъ такого подъема сдѣлали страну старше на десятилѣтія, поднявъ и повысивъ ея духовную жизнь до небывалой прежде высоты и сыгравъ выдающуюся роль въ фактической исторіи эпохи великихъ реформъ. Но несомнѣнно также, что и не особыя настроенія и не идеалистическія тенденціи создали крупнѣйшія преобразованія шестидесятыхъ годовъ. Къ нимъ привели: исключительно тяжелое внутреннее положеніе государства и не-

избѣжная необходимость найти выходъ изъ тупика, въ который попала страна отъ господствовавшихъ въ ней порядковъ.

Молодой императоръ совсѣмъ не былъ въ такой мѣрѣ приверженъ къ реформамъ, какъ это принято думать. Напротивъ того, со дня воцаренія, Александръ II не переставалъ высказывать свои охранительныя тенденціи. Въ письмахъ къ дядѣ своему императору Вильгельму I, онъ постоянно указывалъ „на поступательный ходъ всемірной революціи“ и „на необходимость принять сообща мѣры къ обузданію ея“. [1]) Онъ вполнѣ отрицательно относился не только къ революціи, но даже и къ либерализму. Поэтому первоначальныя основанія крестьянской реформы, обсуждавшіяся въ тайномъ комитетѣ, были предусмотрѣны въ интересахъ помѣщичьяго большинства этого комитета. Либеральный адресъ пяти депутатовъ перваго призыва вызвалъ „крайнее раздраженіе“ Александра II, хотя онъ былъ нисколько не либеральнѣе реформъ, при немъ же осуществленныхъ. Такое настроеніе государя дѣлало освобожденіе крестьянъ, которому платонически сочувствовали и Екатерина II, и Александръ I, и даже Николай I, столь же маловѣроятнымъ, какъ и въ царствованіе этихъ послѣднихъ государей. Оно едва ли совершилось бы, если бы положеніе вещей въ государствѣ оставалось неизмѣннымъ; если бы сами крестьяне не стремились всѣми силами къ отмѣнѣ крѣпостничества, если бы его не сдѣлала ненавистнымъ въ глазахъ лучшей части общества русская литература, блиставшая въ то время луч-

---

[1]) См. трудъ Татищева «Александръ II» въ 1-мъ томѣ «Русскаго біографическаго словаря», стр. 510.

ними своими именами, составляющими нашу гордость до послѣдняго времени, если бы крымская кампанія не обнаружила крайне неудовлетворительнаго состоянія всего внутренняго государственнаго управленія и надвигавшагося финансоваго банкротства, если бы—что особенно важно—экономическія причины, въ свою очередь, не грозили разореньемъ всему государству и прежде всего самимъ же помѣщикамъ. При такихъ условіяхъ, освобожденія крестьянъ ждали всѣ: слухи и толки, иногда самые фантастическіе, не прекращались съ самаго дня воцаренія Александра II. Помянутый выше тайный комитетъ по дѣламъ крестьянской реформы, несмотря на свой, по преимуществу, помѣщичій составъ, призналъ себя вынужденнымъ „единогласно“ рѣшить довести до свѣдѣнія государя, „что вопросъ о крѣпостномъ состояніи дѣйствительно требуетъ разрѣшенія; что помѣщики предполагаютъ въ правительствѣ намѣреніе измѣнить настоящія отношенія ихъ къ крестьянамъ, но, не зная сущности этихъ намѣреній, находятся отъ того въ тревожномъ состояніи; что, съ своей стороны, крестьяне ожидаютъ въ пользу свою мѣропріятій правительства и полагаютъ, что осуществленію ихъ препятствуютъ помѣщики; что толки о свободѣ въ настоящее время хотя и не составляютъ чего либо новаго, а суть явленіе обыкновенное, повторяющееся въ началѣ каждаго царствованія, но что нельзя не сознаться, что повтореніе этихъ толковъ можетъ, наконецъ, породить опасность для спокойствія государства“... и т. д. [1]) Дальше, очевидно, ждать было невозможно и государь рѣшилъ идти на встрѣчу обществен-

---

[1]) Тамъ же, стр. 524.

нымъ и народнымъ стремленіямъ въ этомъ отношеніи, очевидно, признавая, что преобразованія должны совершаться сверху, а не снизу. Въ сказавшейся въ этомъ рѣшеніи политической предусмотрительности и заключается важнѣйшая особенность внутренней политики императора Александра II.

Въ началѣ царствованія онъ еще не предвидѣлъ всего объема неизбѣжныхъ преобразованій. Сама крестьянская реформа въ первоначальныхъ положеніяхъ о ней, Высочайше утвержденныхъ для руководства главному комитету, носила на первыхъ порахъ, какъ уже выше сказано, охранительный характеръ и исходила прежде всего изъ выгодъ помѣщиковъ. И лишь впослѣдствіи, когда гр. Ростовцовъ убѣдился, что реформа, въ духѣ большинства членовъ комитета, будетъ полумѣрой, способной не успокоить, а еще больше взволновать населеніе, и доложилъ объ этомъ государю, лишь послѣ этого Александръ II согласился на болѣе коренную реформу и настаивалъ на ней до ея осуществленія. Тоже было и съ другими реформами и особенно съ земской, которая, пріобщеніемъ крестьянства къ мѣстному управленію и слѣдовательно къ гражданскимъ обязанностямъ, должна была ближайшимъ образомъ завершить освобожденіе крестьянъ и изъ рабовъ сдѣлать ихъ гражданами.

Проектъ реформы мѣстнаго управленія, задуманный въ 1858 г., сводился къ тому, чтобы сосредоточить всю власть въ уѣздѣ въ рукахъ назначаемаго правительствомъ, преимущественно изъ военныхъ, уѣзднаго начальника, распоряженіямъ котораго долженъ былъ подчиняться и уѣздный предводитель дворянства. Проектъ этотъ вызвалъ

всеобщее недовольство, а дворяне усмотрѣли въ немъ даже оскорбленіе своего сословія. Правительству пришлось отказаться отъ него и выработать новый планъ мѣстной реформы, болѣе соотвѣтствующей потребностямъ времени. Весьма охранительное настроеніе въ правительственныхъ сферахъ наблюдалось также вначалѣ разработки судебной реформы, при измѣненіи законовъ печати, при введеніи университетскаго устава 1863 г. и въ другихъ случаяхъ. Почти всѣ реформы встрѣчались властями холодно и проводились не раньше того, когда потребность въ нихъ становилась неотложной, и неудовлетвореніе ихъ дѣлалось опаснымъ для государственнаго спокойствія и самаго необходимаго благоустройства.

Въ такомъ именно положеніи находилось и дѣло мѣстнаго управленія въ странѣ.

До начала XIX вѣка все мѣстное управленіе, если не считать такъ называемаго „казеннаго управленія", сводилось къ выполненію, и при томъ исключительно неудовлетворительному, судебно-полицейскихъ функцій. Земскіе чины были не земцы въ современномъ пониманіи, а чины полиціи. Земскія обязанности ихъ сводились къ обязанностямъ по содержанію въ порядкѣ дорогъ, отводу квартиръ войскамъ и сопровожденію ихъ черезъ уѣздъ. Болѣе или менѣе земское дѣло выполняли лишь приказы общественнаго призрѣнія, учрежденные Екатериной II, но и то чисто приказнымъ, бюрократическимъ порядкомъ. Въ законѣ не было установлено положеній объ отправленіи и раскладкѣ земскихъ повинностей, и вся тяжесть ихъ почти исключительно лежала на крестьянахъ и мѣщанахъ. Вся, нынѣ обширная и сложная, область такъ называемыхъ администра-

тивно-хозяйственныхъ дѣлъ была въ полномъ пренебреженіи и запустѣніи.

Нѣкоторыя самыя элементарныя начала организаціи стали вводиться въ мѣстномъ управленіи только въ XIX вѣкѣ. Въ 1805 г. было примѣнено предварительное положеніе о земскихъ повинностяхъ и организованы для завѣдыванія ими губернскія присутствія; въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія были учреждены губернскія, а вскорѣ затѣмъ и уѣздныя дорожныя комиссіи; къ первымъ изъ нихъ въ сороковыхъ годахъ были присоединены строительныя комиссіи; въ городахъ разновременно были введены квартирныя комиссіи, а въ уѣздахъ квартирные комитеты, завѣдывавшіе также и подводной повинностью; въ 1834 г. были образованы комиссіи народнаго продовольствія и обнародовано положеніе о народномъ продовольствіи. Наконецъ, въ 1851 г., предварительное положеніе о земскихъ повинностяхъ было замѣнено уставомъ о нихъ и были организованы губернскіе и уѣздные органы для завѣдыванія этими повинностями. Всѣ эти уставы, положенія, присутствія, комиссіи и комитеты увеличили, конечно, тяготу населенія, но дѣла не улучшили. По сознанію самого правительства, „порядокъ мѣстнаго хозяйственнаго управленія далеко не удовлетворялъ самымъ необходимымъ и законнымъ требованіямъ“ [1]).

Сущность отмѣченнаго выше законодательства сводилась къ слѣдующему.

Губернскими земскими органами служили: во 1-хъ, особое присутствіе о земскихъ повинностяхъ,

---

[1]) Ст. С. Я. Цейтлина «Земская реформа» въ вып. 11-мъ «Исторіи Россіи въ XIX в.» изд. Т-ва Гранатъ, стр. 186.

ъ которомъ, подъ предсѣдательствомъ губерна-
ора, засѣдали губернскій предводитель дворян-
тва, предсѣдатели казенной палаты и палаты
осударственныхъ имуществъ и городской голова
убернскаго города, и 2-хъ, губернскій комитетъ
емскихъ повинностей въ томъ же составѣ, что и
собое присутствіе, съ добавленіемъ уѣздныхъ
редводителей дворянства, депутатовъ дворянства
городовъ и подвѣдомственные палатѣ государ-
твенныхъ имуществъ уѣздные начальники.

Губернскіе комитеты собирались одинъ разъ
ъ три года на нѣсколько дней. Разсмотрѣть за
то время отчеты и смѣты, а также обсудить хо-
яйственные и финансовые вопросы, даже при
скреннемъ желаніи, не было никакой возмож-
ости. Дѣло сводилось, обычно, къ тому, что де-
утаты подписывали то, что требовали отъ нихъ
иновники, и разъѣзжались. Впрочемъ, огромное
ольшинство ихъ совсѣмъ не пріѣзжало. Въ
Херсонской губерніи былъ въ 1862 г. характерный
рактъ, когда депутатъ г. Очакова былъ присланъ
ъ Херсонъ для составленія земской смѣты по
тапу. Дальше этого идти было некуда. Все дѣло
ершилось по усмотрѣнію губернатора и безапре-
яціонность его была настолько безспорнымъ фак-
омъ, что всякое самое невинное замѣчаніе де-
утата разсматривалось уже какъ оппозиція, какъ
протестъ противъ власти и правительства.

При такихъ условіяхъ и отсутствіи точныхъ
аконодательныхъ нормъ, въ управленіи земскими
повинностями, раздѣлявшимися на денежныя и
натуральныя, господствовалъ полный хаосъ. Изъ
денежныхъ повинностей болѣе или менѣе ясно
были выдѣлены такъ называемыя частныя, т. е.
сословныя и общественныя, государственныя же

и губернскія различались между собой настолько слабо, что постоянно смѣшивались, конечно, в сословныхъ интересахъ дворянъ: государственны повинности, въ которыхъ дворяне участвовал очень слабо, постоянно увеличивались, губернскія требовавшія большихъ жертвъ со стороны помѣщиковъ, сначала росли очень немного, а затѣм даже стали уменьшаться. По смѣтамъ 1864 г., го сударственныхъ, земскихъ и частныхъ повинносте землевладѣльцы должны были заплатить, вмѣст съ казной, удѣлами, торговцами и промышленни ками, всего около 1.300.000 р., крестьяне же мѣщане—свыше 23.100.000 р. Наряду съ этим натуральныя повинности—квартирная, подводна и дорожная—почти цѣликомъ лежали на тѣхъ ж непривиллегированныхъ сословіяхъ и серьезн отягощали ихъ хозяйственную дѣятельность.

Смѣты и отчеты составлялись по трехлѣтіямъ Отчеты за истекшее трехлѣтіе провѣрялись въ губерніяхъ особыми присутствіями, которыя составляли и предварительныя смѣты. Затѣмъ эти послѣднія утверждались губернскими комитетами проектировавшими также и раскладку губернских денежныхъ повинностей. Но дѣло на мѣстахъ н заканчивалось: указанная земская организаці имѣла только совѣщательный характеръ, оконча тельное же установленіе смѣты и раскладокъ за висѣло отъ центральнаго правительства, а вс исполнительная часть лежала на мѣстной полиці Въ центрѣ, смѣты подвергались въ министерств финансовъ коренной передѣлкѣ, въ результат которой получались: крайняя неуравнительност раскладки, включеніе въ смѣты расходовъ, совер шенно не относящихся къ земству, какъ напр., п воинской части, значительное число сверхсмѣт

ыхъ расходовъ и,—какъ результатъ всего этого роизвола,—отягощеніе населенія, постоянная его едоимочность и полный хаосъ на мѣстахъ.

Состоявшія, по закону, въ уѣздахъ отдѣльныя рисутствія губернскаго комитета, существовали олько на бумагѣ и немногія дѣла этихъ присутвій обычно рѣшались ихъ предсѣдателями — ѣздными предводителями дворянства. Дорожныя квартирныя комиссіи бездѣйствовали. Отчетость денежныхъ земскихъ повинностей провѣялась въ казенныхъ палатахъ, въ комитетѣ земкихъ повинностей, въ особомъ присутствіи и въ епутатскомъ собраніи. Провѣрка сводилась къ становленію по книгамъ и документамъ правильости, только съ формальной стороны, статьи прихода, расхода и остатковъ, вслѣдствіе чего самая евизія являлась безцѣльной, ни для чего и ни ля кого ненужной и лишь тормазившей дѣло. Іерѣдко дворяне даже не подозрѣвали о правѣ ихъ ревизовать земскіе сборы.

Хаосъ въ натуральныхъ повинностяхъ былъ ще большій. Вслѣдствіе бездѣйствія особыхъ о емскихъ повинностяхъ присутствій, строительныхъ дорожныхъ комиссій, лишенныхъ, какъ уже было казано, всякой самостоятельности, все дѣло натуральныхъ повинностей на бумагѣ вершилось ентральной властью, а въ дѣйствительности, губернаторомъ или даже, точнѣе, уѣздной полиціей— тимъ единственнымъ органомъ земско-хозяйственнаго управленія, соединявшимъ въ себѣ и исполнительныя функціи и распорядительныя, а въ иныхъ случаяхъ даже и контрольныя. Вся тяжесть натуральныхъ повинностей почти цѣликомъ лежала на податныхъ сословіяхъ. По даннымъ 50-хъ одовъ, стоимость ихъ на душу превышала 75 к.,

т. е. сумму, по тому времени, исключительно вы-
сокую.

При такой организаціи и такой постановк
земскаго дѣла, положеніе отдѣльныхъ его отрасле
было ниже всякой критики.

Такъ какъ приказы общественнаго призрѣні
были введены еще со времени Екатерины II
располагали, производя кредитныя операціи, отн
сительно значительными средствами, то можн
было ожидать, что хоть они успѣли поставить св
дѣло болѣе или менѣе удовлетворительно. Межл
тѣмъ, при сдачѣ этими приказами дѣлъ земским
учрежденіямъ, открытымъ по Положенію 1 ян
варя 1864 г., оказалось, что земству „достались: д
основанія расшатанная организація учреждені
общественнаго призрѣнія, мало пригодныя, п
приспособленныя и въ большинствѣ случаев
ветхія зданія, значительно уменьшенныя во мн
гихъ случаяхъ основныя средства, предназначе
ныя для веденія дѣла и, наконецъ, болѣе чѣм
на половину пониженные доходы“. Переданны
земству приказами дома „не были приспособлен
къ тѣмъ нуждамъ, для удовлетворенія которых
они предназначались“, „гигіеническія требовані
въ нихъ совсѣмъ не соблюдались“, въ больни
номъ хозяйствѣ „не было опредѣленныхъ норм
и должнаго контроля; управленіе находилось в
рукахъ не компетентныхъ лицъ“ и т. д. Въ час
ности, о полтавскомъ домѣ для душевно-больных
старшій врачъ самъ сказалъ, что лучше о немъ
о больныхъ совсѣмъ „не говорить, такъ постыдн
содержаніе этихъ несчастныхъ въ гигіеническом
отношеніи и такъ чувствительно отсутствіе пр
способленій для надлежащаго содержанія и пр
зрѣнія ихъ“. Въ такомъ же приблизительно с

сояніи были „богоугодныя заведенія“ приказовъ щественнаго призрѣнія и въ другихъ губерніяхъ [1]).

Еще въ худшемъ положеніи находилось нардно-продовольственное дѣло, всецѣло ввѣренное стному дворянству. „Ни въ одной области мѣстго хозяйства оно не обнаружило большей небрежности и безучастности, болѣе настойчиваго отиводѣйствія всякимъ попыткамъ организовать ло во всей странѣ на какихъ бы то ни было щихъ началахъ. Если что-либо и дѣлалось для слабленія нужды крестьянства въ хлѣбѣ въ годные годы, то это дѣлалось отдѣльнымъ помѣщикомъ въ силу его неограниченной вотчинной власти въ помѣстьѣ. Губернское же и уѣздное управленіе народнымъ продовольствіемъ привело въ нцѣ 50-хъ годовъ къ тому, что „учрежденіе льскихъ магазиновъ служило собственно не для безпеченія народнаго продовольствія, а для содержанія попечителей“; степень же пользы ничтожныхъ денежныхъ суммъ, выдававшихся на продовольствіе крѣпостныхъ (не выше 3 р. на душу) в распоряженіе помѣщиковъ „не обнаружилась никакимъ видимымъ образомъ“. [2])

Совершенно печально было положеніе и нарднаго образованія, т. е. прежде всего народной школы, находящейся теперь на попеченіи земства. Въ 35 555 училищъ съ 954,6 тыс. учащихся, 2.420 училищъ относились къ типу, такъ называемыхъ, церковно-приходскихъ, а остальныя вѣдались различными казенными вѣдомствами. Какъ

---

[1]) Евг. Максимовъ. Очеркъ земской дѣятельности въ области общественнаго призрѣнія. СПБ. 1895 г., стр. 19—14.

[2]) Ст. С. Я. Цейтлина „Земская реформа“, тотъ же вып. „Исторія Россіи въ XIX в.,“ стр. 190.

ни плохи были училища этихъ послѣднихъ, в
же они стояли несравненно выше главной масс
школъ—церковно-приходскихъ. По сознанію сама
духовенства, каждая церковно приходская шко
обучала въ среднемъ только по 19 человѣк
затѣмъ всѣ онѣ были такъ плохо обставлены
матеріальномъ отношеніи, что многія изъ ни
теряли даже характеръ постоянныхъ училищ
наконецъ, помѣщенія ихъ почти всегда не бла
пріятствовали обученію, а иногда даже дѣлали е
невозможнымъ. Въ результатѣ, вліяніе церковн
приходскихъ школъ „на грамотность въ грома
номъ большинствѣ случаевъ, если не всегда, бы
болѣе, чѣмъ незначительно". Свѣдѣнія, сообще
ныя самимъ же духовенствомъ, вполнѣ подтве
ждаютъ неизбѣжность такихъ результатовъ. Со
ласно этимъ свѣдѣніямъ,

> во-первыхъ, не получая вознагражденія
> имѣя сложныя прямыя обязанности, духове
> ство относится къ обученію въ школа
> небрежно и неаккуратно; во-вторыхъ, св
> щенно-служители, хотя и образованнѣе це
> ковно-служителей, но тѣмъ не менѣе ма
> знакомы съ педагогикой и правилами элеме
> тарнаго обученія, а потому ихъ занятія ма
> производительны; въ-третьихъ, церковно-сл
> жители, замѣняющіе священниковъ, постоян
> отрываемыхъ отъ школъ исполненіемъ свои
> прямыхъ обязанностей, — часто по своем
> нравственному и умственному развитію м
> гутъ оказать на учениковъ лишь деморализ
> рующее вліяніе [1]).

Приведенныя данныя опредѣленно указываю
на совершенно невозможную постановку начал

---

[1]) Ст. Е. Максимова «Дореформенныя церковно-приходс
училища и ихъ опытъ, въ примѣненіи къ современнымъ школам
Журналъ «Наблюдатель» 1887 г. № 9, стр. 36, 37 и 40.

го образованія въ дореформенное время. Но ть полное основаніе предполагать, что и эти нныя, если и не пріукрашены, то, по крайней зрѣ, преувеличены. Во многихъ случаяхъ съ лнымъ убѣжденіемъ можно утверждать, что

> большинство дореформенныхъ школъ, равно какъ и учащихся, числилось лишь номинально, на бумагѣ, для представленія отчетовъ по начальству, совершенно не существуя въ дѣйствительности, а тѣ школы, которыя дѣйствительно существовали и дѣйствительно имѣли учащихся, представляли лишь какую-то пародію на школы и не могутъ идти ни въ какое сравненіе даже съ существующими нынѣ „школами грамотности“.

Насколько фиктивно было существованіе огромнѣйшаго большинства школъ названнаго типа,— то немедленно обнаружилось, какъ только явились мскія учрежденія, къ которымъ онѣ должны были рейти. Оказалось, что

> огромнѣйшее большинство дореформенныхъ школъ немедленно же исчезло безслѣдно, точно ихъ никогда и не было... Земства получили въ наслѣдіе отъ дореформеннаго времени лишь самую незначительную часть числившихся въ это время школъ... Воронежское уѣздное земство приняло только 6 школъ, Бердянское—12, Кирилловское—3, Бѣлозерское—2 и т. д. [1]).

Уже приведенныхъ краткихъ данныхъ совершенно достаточно, чтобы видѣть, что административно-хозяйственное управленіе на мѣстахъ не огло, съ отмѣной крѣпостного права, оставаться езъ измѣненія. Лишенное самостоятельности, без-

---

[1]) Я. В. Абрамовъ. Что сдѣлало земство и что оно дѣлаетъ. пб. 1889 г., стр. 81 и 84.

гласное и безконтрольное, узкосословное и въ же время безгранично зависимое отъ бюрократі управленіе это во всѣхъ чертахъ своихъ носи крѣпостной характеръ и, будучи тѣсно связано всѣмъ укладомъ жизни дореформеннаго времен вмѣстѣ съ нимъ должно было сойти со сцен „Этого требовали интересы развивающагося наро наго хозяйства, это же вызывалось непосре ственно запросами государственнаго организма

На необходимость и неотложность реформ хозяйственнаго управленія и всей бюрократич ской опеки указывали и многіе депутаты губер скихъ комитетовъ, вызванные осенью 1859 г. Петербургъ для участія въ работахъ редакціо ныхъ комиссій. Такъ, въ запискѣ популярнаго д путата, А. М. Унковскаго, говорится, что

> „въ настоящее время новое устройство упр вленія является въ Россіи первою и главно потребностью... Вся жизнь народа взята под опеку правительства. Нѣтъ ни одной мелоч безусловно довѣренной самому народу; все д лается съ разрѣшенія высшихъ властей; н родъ не смѣетъ нанять общими средствам одной подводы или лачужки для исполнен подводной или квартирной повинности; не м жетъ починить дрянного мостика, даже н имѣетъ права нанять общаго учителя грамоты Вся администрація наша представляетъ цѣлу систему злоупотребленій, возведенную въ ст пень государственнаго устройства. Систем этого управленія или, лучше сказать, зл употребленія властью такъ сильна и послѣд вательна, что она покрываетъ собою всю Ро сію, не оставляя ни одного живого мѣста д разумно-свободной жизни“ [1]).

---

[1]) Цитата по книгѣ Бориса Веселовскаго «Исторія земства т. III, стр. 5—6.

При такихъ условіяхъ частичныя мѣры, по нѣнію Унковскаго, не принесутъ пользы:

„все дѣло въ гласности, въ учрежденіи независимаго суда, въ отвѣтственности должностныхъ лицъ передъ судомъ, въ строгомъ раздѣленіи властей и въ самоуправленіи обществъ въ хозяйственномъ отношеніи“.

Необходимость этого сознавали даже дворянія собранія, а въ отдѣльныхъ случаяхъ и губераторы, указывавшіе на полную непригодность земско-хозяйственныхъ дореформенныхъ учрежденій—комитетовъ, комиссій, приказовъ, присутствій т. п. Почти всѣ сходились на совершенной необходимости создать новую систему мѣстнаго хозяйственнаго управленія, кореннымъ образомъ отличающуюся отъ дореформенной. Сознаніе этого проникло и въ правительственныя сферы, которыя почли себя вынужденнымъ дать 25 марта 1858 г. оффиціальное завѣреніе—при устройствѣ исполнительной и слѣдственной частей войти въ разсмотрѣніе хозяйственно-распорядительнаго управленія въ уѣздѣ, т. е. земства, при чемъ обсудить необходимость предоставленія хозяйственному управленію „большаго единства, большей самостоятельности и большаго довѣрія“, и опредѣлить также степень участія каждаго сословія въ хозяйственномъ управленіи. Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года, была образована, подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Н. А. Милютина, особая комиссія о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, которой и была поручена разработка соотвѣтствующаго законопроекта [1]).

---

[1]) См. статью В. Ю. Скалона «Земскія учрежденія» въ 24-мъ полут. «Энциклоп. слов.» изд. Брокгаузъ и Ефронъ, стр. 531.

Хотя Н. А. Милютинъ и пользовался большимъ авторитетомъ въ либеральныхъ кругахъ, но неопредѣленность обѣщаній правительства и исключительно чиновничій составъ комиссіи не успокоил общества. Вся сознательная часть его сходилас на нѣкоторыхъ общихъ основаніяхъ предстоявше реформы, напримѣръ, на устройствѣ управлені на выборномъ началѣ, на независимости его от администраціи, на томъ или другомъ участіи в немъ всѣхъ сословій. Но степень этого участі предѣлы компетенціи проектируемыхъ учреждені и способы объединенія мѣстныхъ учрежденій с государственнымъ устройствомъ разрѣшались ра личными группами общества весьма различно вызывали значительныя и серьезныя разногласі Около этихъ вопросовъ сосредоточились сословны вожделѣнія дворянства и идейныя пожелані интеллигенціи.

Группа наиболѣе знатныхъ и богатыхъ помѣ щиковъ, „поставляя на первый планъ сословны интересы дворянства“, желала „создать у нас дворянскую поземельную аристократію, подобну англійской“. Она добивалась не только крупной преобладающей роли въ мѣстномъ хозяйственным управленіи, но и политической. Въ проектѣ все подданѣйшаго адреса этой группы прямо говори лось, что „дворянство проситъ дозволить избрат по два выборныхъ съ каждой губерніи, но съ пол нымъ уполномочіемъ отъ своего сословія, и соста вить изъ нихъ Собраніе Дворянства для разсмо трѣнія положеній, какія редакціонной комиссіе и главнымъ комитетомъ заготовлены“. По мысл гр. Орлова-Давыдова, такое собраніе дворянства будучи созвано для устройства крестьянскаго дѣл должно вслѣдъ затѣмъ получить постоянный ха

актеръ [1]). Впрочемъ, роль его предполагалась овѣщательная, при условіи однако широкаго и очти безграничнаго вліянія на мѣстное управленіе [2]).

Одновременно развивалось и другое численно олѣе сильное и по тенденціи болѣе демократическое теченіе, нашедшее едва ли не самое яркое ыраженіе въ тверскомъ губернскомъ комитетѣ. Въ дной изъ записокъ его опредѣленно высказывается ысль, что крѣпостное право, глубоко пустившее орни во всѣхъ сферахъ русской жизни, проникло асквозь служебную дѣятельность: если уничтокить его только въ чистомъ видѣ, оставивъ все режнее по старому, то это мало измѣнитъ сущность положенія дѣлъ въ странѣ, такъ какъ крѣостное право перейдетъ „изъ рукъ помѣщиковъ въ уки чиновниковъ“ и при томъ съ „расширеніемъ его предѣловъ“. Поэтому, необходимо „положить основаніе самоуправленію“, которое будетъ способствовать „развитію общаго благосостоянія“ и послужитъ лучшей школой „для образованія государственныхъ дѣятелей“. „Уничтоженіе всѣхъ привилегій“, „сближеніе правъ сословій, хотя и въ отдаленномъ будущемъ, есть историческая необходимость“. Не говоря прямо о представительномъ образѣ правленія, цитируемая записка тверского губернскаго комитета упоминаетъ однако, что „неосновательно возражать, что не годится для Россіи то, къ чему неизбѣжно идутъ всѣ народы и государства“ [3]).

Народныя массы, конечно, не формулировали

---

[1]) Борисъ Весселовскій. «Исторія земства», т. III, стр. 3—4.

[2]) С. Я. Цейтлинъ. «Земская реформа», стр. 193.

[3]) Б. Весселовскій. «Ист. земства», т. III, стр. 4.

своихъ потребностей въ области мѣстнаго управленія, но общее недовольство ихъ всѣмъ укладомъ жизни несомнѣнно заключало въ себѣ и недовольство управленіемъ. Въ этомъ отношеніи, либеральное дворянство опиралось на общее настроеніе всего народа, изнемогавшаго отъ крѣпостной зависимости, отъ приказнаго разоренія и неправды. При этомъ естественно было ожидать, что освобожденныя массы населенія пожелаютъ имѣть конкретное выраженіе своей свободы въ формѣ тѣхъ или иныхъ гражданскихъ правъ и, конечно, прежде всего правъ по устройству своей мѣстной хозяйственной жизни, выражающейся въ хозяйственно-административномъ управленіи.

Подъ вліяніемъ этого, правительство начинало глубже проникаться сознаніемъ неизбѣжности реформы мѣстнаго управленія, тѣмъ болѣе, что въ печати вопросы послѣдняго трактовались гораздо шире и при неудовлетвореніи minimum'а общественныхъ желаній могли вліять и на расширеніе общественныхъ требованій. Въ виду этого, предупреждая острое развитіе недовольства, правительство рѣшилось дать хоть нѣкоторый исходъ общественнымъ стремленіямъ въ этомъ отношеніи. Считаясь преимущественно съ дворянскими собраніями, оно предложило въ 1860 г. на ихъ обсужденіе нѣсколько вопросовъ и, между прочимъ, вопросъ о губернскихъ земскихъ повинностяхъ, устройствѣ управленія ими, а также о мѣрахъ къ развитію медицинской части въ губерніяхъ.

Многія дворянскія собранія, обсуждая эти вопросы, значительно расширили рамки ихъ и, не ограничиваясь сужденіями о мѣстномъ и сословномъ управленіи, болѣе или менѣе близко подошли къ вопросу о конституціи.

Указанныя выше теченія въ этихъ вопросахъ получили, благодаря этому, возможность болѣе яркаго выраженія. Во главѣ движенія шло въ числѣ другихъ тверское дворянство, представители котораго и въ редакціонныхъ комиссіяхъ и въ дворянскихъ собраніяхъ и въ печати опредѣленно высказывались о желанной реформѣ управленія. А. М. Унковскій, говоря о работѣ въ редакціонныхъ комиссіяхъ, писалъ что „какъ я, такъ и всѣ ближайшіе сотрудники мои, готовы были на значительныя, не только личныя, но и сословныя пожертвованія, но не иначе, какъ при условіи уничтоженія крѣпостного права не для однихъ крестьянъ, но для всего народа. Между тѣмъ, въ редакціонныхъ комитетахъ все дѣло свелось къ однимъ хозяйственнымъ расчетамъ, и никто изъ членовъ комиссіи самъ не начиналъ и намъ не давалъ начать серьезный разговоръ объ измѣненіи порядка управленія, хотя бы мѣстнаго“. Стоявшій болѣе или менѣе на той же точкѣ зрѣнія А. И. Кошелевъ писалъ, что „у насъ улучшеніе внутренняго управленія возможно только при условіи передачи его, въ возможныхъ предѣлахъ, мѣстной общественной дѣятельности. Эта дѣятельность не должна быть заключена въ тѣсный кругъ сословій,—въ округѣ она должна принадлежать всему сельскому населенію: землевладѣльцамъ всѣхъ наименованій, которые должны исчезнуть всѣ въ одномъ, для всѣхъ общемъ“. На этихъ же основаніяхъ, по его мнѣнію, должно быть организовано и уѣздное, и губернское управленіе. Въ адресѣ тверского дворянства 1862 г., передовые дѣятели шли еще дальше и указывали, что „созваніе выборныхъ всей земли русской представляетъ единственное средство къ удовлетворительному

разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ положеніемъ 19 февраля". При этомъ тверскіе дворяне заявили, что не желаютъ пользоваться „позорнымъ преимуществомъ" не платить налоговъ, что „исключительное право дворянства поставлять людей для управленія народомъ" они считаютъ „беззаконіемъ" и просятъ „распространить это право на всѣ сословія". Дворяне херсонской губерніи, въ свою очередь, заявили объ отреченіи „отъ всѣхъ исключительныхъ, законныхъ нашихъ правъ". О необходимости созыва народныхъ представителей высказались дворянства въ Новгородѣ, Смоленскѣ, Тулѣ, С. Петербургѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Правда, идея отреченія отъ дворянскихъ правъ не получила распространенія, даже испугала многіе общественные круги, но мысль о представительномъ образѣ правленія несомнѣнно имѣла успѣхъ, хотя и не столь широкій, какъ мысль о хозяйственномъ самоуправленіи, о гласномъ бюджетѣ, словесномъ судѣ, свободѣ слова и печати и т. п. [1]).

Однако, мысль эта еще не испугала правительство, которое, боясь народныхъ волненій, получившихъ широкое распространеніе послѣ акта 19 февраля 1861 г., ясно видѣло, что этого же боятся и наиболѣе либеральные дворяне, недаромъ отмѣчавшіе въ своихъ проектахъ мѣстнаго и государственнаго устройства необходимость первенствующаго положенія дворянства, какъ наиболѣе культурнаго сословія. Господства „черни" боялись всѣ, и правительство понимало, что, изъ за этой боязни, требованія либеральнаго дворянства не могутъ быть настойчивы. Руководствуясь этимъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 5—10.

государственная власть въ большинствѣ случаевъ игнорировала конституціонныя домогательства дворянства и если иногда отступала отъ этой общей тенденціи своей, то болѣе или менѣе случайно и не надолго.

Къ тому же конституціонныя стремленія, повидимому, не находили поддержки въ массѣ населенія, не опирались на нее и уже поэтому одному были довольно безсильны. При такихъ условіяхъ, министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ имѣлъ полную возможность настойчиво предложить дворянскимъ собраніямъ 1862 г. воздержаться отъ занятій предположеніями, которыя „совершенно выходятъ изъ опредѣленнаго закономъ круга предметовъ, подлежащихъ обсужденію дворянскихъ собраній“. Но въ то же время, не рискуя упорствовать въ нежеланіи идти на преобразованіе тѣхъ частей управленія, необходимость реформированія которыхъ сознавалась или чувствовалась широкими слоями населенія, а не однимъ только дворянствомъ, П. А. Валуевъ счелъ необходимымъ довести до всеобщаго свѣдѣнія, маскируя, однако, размѣръ задуманныхъ правительствомъ реформъ, что послѣднимъ „предпринятъ обширный и многосторонній трудъ преобразованія по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія“.

Послѣ новаго министерскаго предостереженія— не касаться того, что не относится къ мѣстнымъ нуждамъ, дворянскія собранія, отвѣчая на поставленные ими вопросы, дѣйствительно не выходили за ихъ предѣлы. Тѣмъ не менѣе большинство ихъ настойчиво держалось еще раньше установленныхъ началъ, по которымъ новое мѣстное управленіе должно быть основано на выборномъ началѣ, пользоваться независимостью отъ администраціи

и имѣть три избирательныя куріи — дворянскую, крестьянскую и городскую. Роль этихъ курій опредѣлялась различно, и въ то время, когда либеральное дворянство желало сохранить хотя бы видимую равномѣрность представительства этихъ группъ населенія съ преобладаніемъ однако дворянства, консервативно настроенныя собранія выдвигали дворянское представительство не только на первенствующее мѣсто, но и прямо присваивали ему подавляющее по своему вліянію значеніе. Не безъ давленія на дворянскія собранія прошли и усиливающіяся реакціонныя теченія въ высшихъ сферахъ, выразившіяся, между прочимъ, въ устраненіи отъ активной дѣятельности пользовавшихся репутаціей либераловъ министра внутреннихъ дѣлъ гр. С. С. Ланского и его товарища Н. А. Милютина, и назначеніе на постъ министра извѣстнаго бюрократа П. А. Валуева.

Однако, смѣнѣ министра и его товарища едва ли правильно придавать рѣшающее значеніе въ исходѣ земской реформы. Новѣйшими изслѣдованіями, напротивъ того, установлено, что работавшая подъ предсѣдательствомъ Н. А. Милютина комиссія о земскихъ учрежденіяхъ создавала проектъ, который не можетъ быть охарактеризованъ иначе, какъ реакціоннымъ. Прежде всего, комиссія эта обратила наименьшее вниманіе на хозяйственно-распорядительную часть управленія. Затѣмъ,

> отложивъ выработку подробныхъ проектовъ на болѣе или менѣе отдаленное будущее—до преобразованія губернскихъ хозяйственныхъ учрежденій—она ограничилась составленіемъ „временныхъ правилъ объ уѣздныхъ земскихъ присутствіяхъ“, которыя и помѣстила въ качествѣ приложенія къ одной изъ статей проекта

общаго учрежденія уѣздной полиціи, ею же составленнаго. Характеренъ при этомъ и методъ работы комиссіи. Компетенція, предѣлы власти, порядокъ дѣйствій этихъ новыхъ уѣздныхъ земскихъ присутствій оставлены тѣ же самые, какіе мы наблюдали для дореформенныхъ хозяйственныхъ комитетовъ и земской полиціи. Новыя уѣздныя присутствія подчинены губернаторамъ и губернскимъ комитетамъ о земскихъ повинностяхъ, отъ которыхъ получаютъ разрѣшенія и указанія. Имъ переданы только тѣ дѣла, которыя производились въ дореформенныхъ отдѣльныхъ присутствіяхъ о земскихъ повинностяхъ, уѣздныхъ дорожныхъ комитетахъ, квартирныхъ комиссіяхъ и комитетахъ общественнаго здравія, далѣе, — дѣла, касавшіяся отправленія земскихъ натуральныхъ повинностей въ уѣздѣ, народнаго продовольствія, открытія фабрикъ, ярмарокъ и т. д.; словомъ, комиссія произвела чисто механическое сложеніе функцій дореформенныхъ земскихъ учрежденій и земской полиціи, и этимъ сочла свою задачу „временно“ исполненной. Наконецъ, самый составъ этихъ уѣздныхъ присутствій: предсѣдателемъ является уѣздный предводитель дворянства, членами — дворянскій, городской и сельскій засѣдатели уѣзднаго полицейскаго управленія, крестьянскій засѣдатель уѣзднаго мирового присутствія, городской голова и, гдѣ таковые имѣются, — окружной начальникъ управленія государственныхъ имуществъ и удѣльный депутатъ. Уѣздный исправникъ получаетъ также сильное вліяніе на дѣла земства, такъ какъ исполненіе требованій присутствія, относящихся къ обязанностямъ уѣздной полиціи, должно дѣлаться черезъ него [1]).

---

[1]) С. Я. Цейтлинъ. «Земская реформа», стр. 199.

Какъ ни умѣренны и порой ни консервативны были мнѣнія дворянскихъ собраній, они несомнѣнно шли дальше проекта Милютинской комиссіи. Получивъ ихъ, правительство не могло не признать необходимымъ сдѣлать обществу уступки, но конечно весьма умѣренныя. Чтобы не будировать общественнаго мнѣнія, П. А. Валуевъ повелъ дѣло земской реформы въ тиши своихъ канцелярій, безъ всякаго почти содѣйствія общественныхъ силъ. Уступая преимущественно по второстепеннымъ пунктамъ пожеланій дворянскихъ собраній, онъ очень мало заботился объ обѣщаніяхъ, данныхъ въ 1859 г., согласно которымъ новыя учрежденія должны быть организованы на началахъ „большей самостоятельности и большаго довѣрія". Въ основу реформы онъ положилъ совсѣмъ другую мысль, по которой „единство государственнаго управленія, сила и цѣлость государственной власти не могутъ уступать потребностямъ мѣстнаго интереса... Земское управленіе есть только особый органъ одной и той же государственной власти и отъ нея получаетъ свои права и полномочія"... Отъ довѣрія и самостоятельности это было уже очень далеко, да и самое понятіе объ особомъ органѣ одной и той же власти было условно.

Всеподданнѣйшій докладъ П. А. Валуева отъ 22 Марта 1862 г. о земскихъ учрежденіяхъ былъ сплошь проникнутъ недоброжелательнымъ къ нимъ и подозрительнымъ отношеніемъ. Онъ производилъ,—по удачному выраженію Г. А. Джаншіева,— „такое впечатлѣніе, какъ будто дѣло шло не объ установленіи нѣкотораго контроля общества надъ мѣстнымъ управленіемъ и не объ ограниченіи всемогущей бюрократіи, пустившей глубокіе корни,

а о защитѣ ея отъ чрезвычайныхъ притязаній всесильнаго самоуправленія.“ [1])

2-го Іюля 1862 г. общія основныя реформы были уже выработаны и осенью обнародованы во всеобщее свѣдѣніе. [2]) Придерживаясь этихъ основаній, комиссія Валуева разработала и всѣ частности законопроекта.

Не говоря въ подробностяхъ объ этомъ проектѣ, необходимо, однако, отмѣтить, нѣкоторыя наиболѣе важныя его особенности.

Прежде всего комиссія, несмотря на признанную, можно сказать, кровную близость мѣстнаго земско-хозяйственнаго управленія съ такимъ же государственно-административнымъ, нашла необходимымъ выдѣлить первое изъ общей администраціи губерніи и уѣзда, въ тѣхъ очевидно цѣляхъ, чтобы не поступаться полицейскимъ характеромъ этой администраціи. Полицейскій строй государства, очевидно желали сохранить неприкосновеннымъ, поставивъ земство въ сторонѣ, какъ придатокъ къ этому строю, но въ значительной зависимости отъ администраціи. Только въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и имѣлось въ виду „единство“ земства съ государственной властью. Въ такихъ именно цѣляхъ комиссія, признавая крайнюю затруднительность, а иногда даже и невозможность точнаго разграниченія на практикѣ дѣлъ мѣстнаго и государственнаго значенія, не затруднилась однако поручить земству только мѣстныя дѣла, расходясь въ вопросѣ о томъ, что нужно понимать подъ ними, съ многими же представителями бюрократіи, и, между прочимъ, какъ это выяснилось впослѣдствіи, съ

---

[1]) Г. А. Джаншіевъ. «Эпоха великихъ реформъ» стр. 341.

[2]) «Сѣверная Почта» 1862 г., № 212.

большинствомъ государственнаго совѣта. Разсуждая съ своей точки зрѣнія, комиссія не включила въ число дѣлъ, подлежащихъ выдѣлію земствъ ни попеченія о народномъ образованіи, ни попеченія о народномъ здравіи, ни содержанія почты въ губерніи. Затѣмъ, очевидно, съ спеціальной цѣлью поставить земства въ зависимость отъ администраціи, она не предоставила ему права имѣть на мѣстахъ своихъ органовъ и агентовъ, облеченныхъ надлежащей властью. Вслѣдствіе этого, земства ставились въ необходимость обращаться на мѣстахъ къ содѣйствію правительственныхъ органовъ и агентовъ и подчиненыхъ имъ крестьянскихъ, и слѣдовательно невольно попадали въ косвенную зависимость отъ губернской и уѣздной администраціи. Кромѣ того, комиссія Валуева не только не воспользовалась возможностью организовать крестьянскіе выборы на основаніяхъ всеобщаго и прямого избирательнаго права, къ чему представлялась полная возможность, но, напротивъ того, хотѣла ввести такой порядокъ, по которому крестьянскихъ гласныхъ избирали бы волостные старшины и сельскіе старосты. Весь выборный порядокъ былъ разсчитанъ такъ, чтобы по 1-й куріи избирались крупные и средніе по размѣрамъ землевладѣнія дворяне, по 2-й—представители буржуазіи, а по 3-й—должностныя лица крестьянскаго управленія. Въ общемъ, проектированная комиссіей организація новаго земства была гораздо ближе къ среднимъ дворянскимъ желаніямъ, чѣмъ къ тѣмъ демократическимъ основамъ, которыя естественно вытекали изъ факта вступленія въ гражданскія права десятковъ милліоновъ освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости людей. Всячески ограничивая область хо-

зяйственнаго управленія и противупоставляя ему общую правительственную администрацію, комиссія проектировала поставить земство въ большую зависимость отъ мѣстной администраціи, не только тѣмъ, что не проектировала для него мѣстныхъ, въ волостяхъ и селеніяхъ, органовъ, но и установивъ относительно важнѣйшихъ земскихъ постановленій право veto административныхъ чиновъ по соображеніямъ общей государственной пользы. Отсутствіе затѣмъ административно-исполнительной власти у земства и права издавать обязательныя для населенія постановленія могло привести, въ случаѣ утвержденія проекта комиссіи Валуева безъ измѣненій, къ тому, что новыя земскія учрежденія оказались бы въ значительной мѣрѣ лишенными практическаго значенія.

Характеръ законодательныхъ работъ, производившихся въ тиши министерскихъ канцелярій и комиссій съ весьма ограничительными участіями общественныхъ силъ или при полномъ ихъ отсутствіи, очень удачно былъ охарактеризованъ для того времени Ю. Ѳ. Самаринымъ въ его письмѣ къ князю В. А. Черкасскому. „Предположенія о коренныхъ преобразованіяхъ зарождаются“ — писалъ онъ — „не отъ живыхъ потребностей, а просто отъ логическаго сцѣпленія одного вопроса съ другимъ и отъ полнаго презрѣнія ко всему существующему... Изобрѣтатели и творцы новыхъ законовъ смѣются сами надъ своей работою... При такихъ условіяхъ изготовляются, частью уже изготовлены органическіе законы о полиціи, о судоустройствѣ и судопроизводствѣ, о казенныхъ крестьянахъ, о цензурѣ, о земскихъ учрежденіяхъ и т. д. и т. д. Земскія учрежденія вышли безобразны

и тощи; но вы увидите, что и этимъ не воспользуются“ [1]).

Въ послѣднемъ онъ ошибся, но „законодательная чесотка“, по его выраженію, была охарактеризована имъ вѣрно. Правительство спѣшило дать общественнымъ силамъ какой-либо исходъ въ общественной же работѣ, предварительно обезвреженной въ интересахъ полицейскаго строя администраціи. Его безпокоило, хотя и слабое и даже чрезвычайно слабое, но несомнѣнно существовавшее революціонное движеніе, которое могло, по мнѣнію правительства, объединиться съ разрозненными, но весьма многочисленными крестьянскими бунтами, въ опасную для спокойствія государства силу. „Всѣ прежнія связи внутренняго государственнаго строя,—писалъ П. А. Валуевъ во всеподданнѣйшей запискѣ,—поколеблены, а новыя не установились на твердой почвѣ;... умы въ волненіи; между тѣмъ, революціонная пропаганда, пользуясь обстоятельствами, усиливается подкопать самыя основы гражданскаго порядка“ [2]). Министерство вн. дѣлъ относилось къ этому съ опасеніемъ и потому спѣшило.

По разработкѣ проекта земской реформы, онъ былъ препровожденъ на заключеніе главноуправляющаго II-мъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи барона М. А. Корфа. Этотъ послѣдній, раздѣляя въ общемъ основныя точки зрѣнія проекта, находилъ нужнымъ, однако, ввести въ него нѣкоторыя болѣе или менѣе либеральныя измѣненія: настаивалъ на большей самостоятельности земства и на расширеніи

[1]) Цитата по книгѣ Бориса Веселовскаго «Исторія земства», т. III, стр. 16.

[2]) С. Я. Цейтлинъ. «Земская реформа», стр. 217.

его компетенціи. 26 мая 1863 г. проектъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ былъ, наконецъ, внесенъ въ государственный совѣтъ. Здѣсь, при разсмотрѣніи его въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и госуд. экономіи, для соблюденія, вѣроятно, видимости того, что земское дѣло — общественное дѣло и что неудобно въ немъ совсѣмъ отстранить общественный элементъ, въ соединенныя засѣданія были привлечены столичные предводители дворянства и городскіе головы. Въ іюлѣ законопроектъ былъ разсмотрѣнъ и въ общемъ собраніи государственнаго совѣта Такъ же быстро, по личному настоянію государя, былъ разрѣшенъ и вопросъ о предоставленіи земствамъ временно пользоваться старымъ уставомъ о земскихъ повинностяхъ. Дѣло, такимъ образомъ, было закончено, и Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, по опубликованіи его 1 января 1864 г., получило силу закона.

Вторая изъ великихъ реформъ, такимъ образомъ, осуществилась. Высочайшимъ указомъ отъ того же числа было повелѣно ввести въ дѣйствіе Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ въ 33-хъ губерніяхъ и составить предположеніе о введеніи ихъ въ Астраханской, Архангельской и Бессарабской губерніяхъ и о времени и способахъ введенія ихъ въ 9-ти западныхъ губерніяхъ, а затѣмъ и въ другихъ частяхъ имперіи. Въ періодъ времени съ 1865 по 1876 г., земскія учрежденія были введены въ 34 губерніяхъ Европейской Россіи и въ Области Войска Донского, но затѣмъ въ этой послѣдней дѣйствіе ихъ въ 1882 г. было отмѣнено.

Сущность земскихъ учрежденій по Положенію 1 января 1864 г. сводилась къ слѣдующему.

Земскія учрежденія дѣлятся на *губернскія* и *уѣздныя*. Тѣ и другія состоятъ изъ *земскихъ собра-*

ній — органовъ распорядителвныхъ и контрольныхъ — и *земскихъ управъ* — органовъ исполнительныхъ, избираемыхъ изъ состава собраній. Земскія собранія состоятъ изъ *гласныхъ:* уѣздныхъ, избираемыхъ особыми избирательными собраніями, и губернскихъ, избираемыхъ уѣздными земскими собраніями. Уѣздные гласные избираются по тремъ куріямъ: во-первыхъ, на съѣздахъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ, во-вторыхъ, на собраніи городскихъ избирателей и, въ-третьихъ, на собраніяхъ выборныхъ отъ сельскихъ обществъ (а не одними старшинами и старостами, какъ предполагалось комиссіей Валуева). Правомъ голоса на съѣздахъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ пользовались, во-первыхъ, лица, обладающія довольно значительнымъ имущественнымъ цензомъ (напр., недвижимымъ имуществомъ цѣнностью не ниже 15 т. р.), и, во-вторыхъ, уполномоченные отъ мелкихъ землевладѣльцевъ, не обладающихъ цензомъ лицъ первой категоріи, но имѣющихъ, однако, не менѣе $^1/_{20}$ этого ценза, избранные предварительно на съѣздахъ такихъ мелкопомѣстныхъ землевладѣльцевъ. Участіе въ городскихъ избирательныхъ съѣздахъ, въ свою очередь, могли принимать лишь лица, обладающія извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ, хотя и не столь высокимъ, какъ у землевладѣльцевъ, но, во всякомъ случаѣ, лишавшимъ значительную часть собственниковъ городскихъ имуществъ права участвовать въ выборахъ. Съѣзды для выбора гласныхъ отъ сельскихъ обществъ состояли изъ волостныхъ выборщиковъ, уполномочиваемыхъ на то волостными сходами. Эти съѣзды могли избирать въ гласные какъ лицъ изъ своей среды, такъ равно православныхъ священнослужителей и членовъ съѣзда землевладѣльцевъ.

Теоретически такой порядокъ избранія гласныхъ предполагалъ, что число ихъ отъ того или другого избирательнаго съѣзда опредѣлится цѣнностью имущества группы лицъ, имѣющихъ право участія въ этомъ съѣздѣ. На этомъ основаніи можно было допустить, что въ весьма многихъ уѣздахъ число гласныхъ отъ сельскихъ обществъ будетъ превышать гласныхъ отъ землевладѣльцевъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, численный составъ гласныхъ оказался инымъ: изъ 318 уѣздовъ, въ которыхъ были введены земскія учрежденія, въ 202 гласные отъ землевладѣльцевъ составляли не менѣе половины общаго числа гласныхъ, остальная часть которыхъ распредѣлялась между гласными отъ городовъ и отъ сельскихъ обществъ. Такимъ образомъ, почти въ $^2/_3$ уѣздовъ, гласные отъ сельскихъ обществъ оставались въ меньшинствѣ [1]).

Каждая земская управа состояла изъ избираемыхъ земскимъ собраніемъ предсѣдателя и нѣсколькихъ членовъ управы, при чемъ предсѣдатели губернскихъ управъ утверждались министромъ внутреннихъ дѣлъ, уѣздныхъ же—губернаторомъ. Вступленіе въ должность члена управы никакого утвержденія не требовало. Разсмотрѣніе отчетовъ управъ и окончательное утвержденіе ихъ принадлежало только собраніямъ. Губернскія собранія, могли, съ разрѣшенія губернатора, передавать, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на разсмотрѣніе суда дѣйствія управы и отдѣльныхъ членовъ ихъ, съ временнымъ отстраненіемъ ихъ отъ должности, но совершенное ихъ отстраненіе принадлежало лишь правительствующему сенату.

---

[1]) См. указанную выше статью В. Ю. Скалона.

Предметы вѣдѣнія земскихъ учрежденій по Положенію 1 января 1864 г. нѣсколько расширены, сравнительно съ проектомъ. Земствамъ принадлежитъ: завѣдываніе дѣлами народнаго продовольствія, земскими путями сообщенія, взаимнымъ страхованіемъ имуществъ, земскими лечебными и благотворительными заведеніями; попеченіемъ объ общественномъ призрѣніи, о развитіи врачебной помощи и народнаго образованія, о воспособленіи земледѣлію, промышленности и торговлѣ; участіе въ охранѣ народнаго здравія, въ предупрежденіи и пресѣченіи падежей скота и т. д. Кромѣ того, губернскимъ земскимъ собраніямъ было предоставлено издавать обязательныя, не распространявшіяся, впрочемъ, на города, постановленія по разнымъ предметамъ, преимущественно же по охранѣ народнаго здравія, устройству путей сообщенія, противопожарнымъ мѣрамъ и проч.

По общему началу, земскимъ учрежденіямъ въ кругу порученныхъ имъ дѣлъ предоставлялось дѣйствовать самостоятельно, при чемъ правительственныя власти должны были надзирать за ихъ дѣйствіями преимущественно съ точки зрѣнія ихъ законности. Впрочемъ, по нѣкоторымъ, въ Положеніи указаннымъ предметамъ, правительственная власть могла входить и въ существо земскихъ постановленій и, въ случаѣ признанія незаконности ихъ, могла не утверждать этихъ постановленій къ исполненію, а передавать ихъ на вторичное разсмотрѣніе собраній. Если послѣднія продолжали настаивать на своемъ, губернаторы и министръ внутреннихъ дѣлъ могли пріостановить, подъ своей личной отвѣтственностью, исполненіе постановленія и перенести на окончательное разрѣшеніе его въ сенатъ.

Таковы были, въ важнѣйшихъ чертахъ, особенности введенныхъ земскихъ учрежденій. Правительство, пока оно шло въ этомъ дѣлѣ по собственному почину, склонно было ограничить всю реформу учрежденіемъ, какъ это проектировалось въ 1858 г., должности уѣзднаго начальника изъ бывшихъ военныхъ съ особыми полномочіями. Но, вѣрное принципамъ Императора Александра II предупреждать внутреннюю смуту введеніемъ созрѣвшихъ въ населеніи реформъ и насаждать послѣднія сверху, предотвращая движенія снизу,— правительство того времени пошло на встрѣчу общественнымъ и народнымъ желаніямъ и вступило на путь болѣе широкихъ преобразованій. Отстаивая свои позиціи, оно, однако, дѣлало minimum уступокъ и, очевидно, считалось съ формулируемыми интеллигенціей желаніями лишь постольку, поскольку желанія эти имѣли серьезную почву въ массѣ населенія. Хотя эта послѣдняя не была подготовлена для формулированія своихъ желаній, но общій характеръ ихъ несомнѣнно сознавался, и у правящихъ сферъ являлось серьезное опасеніе, что неудовлетвореніе созрѣвшихъ народныхъ потребностей можетъ вызвать въ взбудораженномъ ожиданіемъ „воли“ и неудовлетворенномъ актомъ 19 февраля 1861 г. населеніи серьезныя осложненія. Вотъ почему земская реформа, несмотря на недостаточно дружелюбное отношеніе къ ней Валуева и его единомышленниковъ, не была, что называется, испорчена до конца государственнымъ совѣтомъ. По этой же причинѣ, стремленія либеральнаго дворянства къ представительному образу правленія были игнорированы правительствомъ: стремленія эти не опирались на совершенно политически неразвитую массу населенія и не имѣли

потому достаточной за собой силы. Удовлетворенію, съ точки зрѣнія Валуева, очевидно, подлежало только то, что составляло совмѣстное желаніе мыслящей части общества и массы населенія и безъ чего трудно было пресѣчь и предотвратить серьезныя осложненія во внутренней жизни государства.

Созданная при такихъ условіяхъ, земская реформа, не смотря на крупные свои недостатки, имѣла важное значеніе. Русское общество и печать какъ того времени, такъ и послѣдующихъ лѣтъ, оцѣнивали ее съ достаточнымъ вниманіемъ и серьезностью. Наименѣе была удовлетворена, какъ видно изъ собранныхъ В. Ю. Скалономъ мнѣній, наша печать. Въ прогрессивныхъ изданіяхъ развивалась справедливая мысль, по которой русское самоуправленіе, будучи „основано", не было однако „устроено". По заключенію А. А. Головачева [1]),

> „въ настоящемъ своемъ положеніи, земскія учрежденія не могутъ считаться органами самоуправленія, какъ по личному своему составу, такъ и по кругу дѣйствій: по личному составу — на томъ основаніи, что они представляютъ собою не все населеніе извѣстной мѣстности, а аггламератъ отдѣльныхъ классовъ общества, и при томъ представленныхъ неравномѣрно; по кругу дѣйствій — потому, что органъ самоуправленія есть власть административная, кругъ дѣятельности которой опредѣляется не положительно, а отрицательно, кругомъ дѣйствій центральнаго управленія".

Такая постановка недопустима; при ней „земскія учрежденія представляются только особыми органами центральнаго управленія для завѣдыва-

---

[1]) См. кн. его «Десять лѣтъ реформъ».

ія извѣстной отраслью хозяйства, распорядиться которою самостоятельно они не могутъ", а не дѣйствительнымъ самоуправленіемъ. Авторъ указываетъ далѣе, что земскія учрежденія не имѣютъ исполнительной власти и что даже въ небольшомъ кругѣ дѣйствій, имъ отведенномъ, законъ ограничиваетъ степень ихъ участія, указывая предметы обложенія и устанавливая высшіе его размѣры для нѣкоторыхъ предметовъ. Сравнивая права, предоставленныя земскимъ учрежденіямъ, съ правами, которыми ранѣе пользовалось мѣстное общество въ лицѣ дворянскихъ собраній, и останавливаясь, главнымъ образомъ, на принадлежавшемъ послѣднимъ правѣ нѣкотораго контроля надъ дѣйствіями администраціи, чего земскія учрежденія лишены, Головачевъ приходитъ къ заключенію, что „права мѣстныхъ обществъ, если и были расширены, съ одной стороны, предоставленіемъ въ ихъ вѣдѣніе нѣкоторыхъ мѣстныхъ интересовъ, но съ другой стороны, въ смыслѣ ихъ политическаго значенія въ общей системѣ государственнаго управленія, они были значительно ограничены". Въ виду этого онъ сожалѣетъ, что земскія собранія не получили тѣхъ политическихъ правъ, которыя гораздо раньше были предоставлены дворянству [1]).

Академикъ В. П. Безобразовъ, съ своей стороны, находилъ, что земскія учрежденія еще не настоящіе органы государственнаго мѣстнаго самоуправленія, а только „мѣстныя общественныя вольности, могущія развиться въ такіе органы". Они не введены въ общую систему государствен-

---

[1]) См. указанную ст. В. Ю. Скалона. «Энциклопед. слов.», стр. 535.

наго управленія, а поставлены подлѣ нея, какъ отдѣльныя государственно-общественныя тѣла, не имѣющія никакихъ органическихъ связей съ нею [1]). На этой же точкѣ зрѣнія стоялъ и профессоръ А. Д. Градовскій, а позже—въ 1880 г. и такъ называемая Кохановская комиссія, учрежденная для составленія проектовъ мѣстнаго управленія.

В. Ю. Скалонъ, съ своей стороны, полагалъ, что составители земскаго положенія, пытаясь удовлетворить стремленіямъ общества и въ то же время желая положить предѣлъ „песбыточнымъ ожиданіямъ и свободнымъ стремленіямъ разныхъ сословій", слишкомъ переусердствовали въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и потому дали реформѣ характеръ большой неопредѣленности, который на первыхъ же порахъ привелъ къ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ. Указавъ на запрещеніе земствамъ „вмѣшиваться въ дѣла, принадлежащія кругу дѣйствій правительственныхъ, сословныхъ и общественныхъ властей и учрежденій", В. Ю. Скалонъ, съ своей стороны, устанавливаетъ полную невозможность точно разграничить кругъ дѣйствій тѣхъ и другихъ и отдѣлить дѣла мѣстнаго хозяйства отъ дѣлъ административно-государственныхъ. Въ виду этого, на практикѣ вышло такъ, что

> кругъ дѣйствій земства въ значительной степени переплелся съ сферой дѣятельности тѣхъ властей и учрежденій, въ дѣла которыхъ ему воспрещено было вмѣшиваться. Естественно, что, при такихъ условіяхъ, на первыхъ же порахъ возникли многочисленныя столкновенія и пререканія между земскими учрежденіями и администраціей: то послѣдняя

---

[1]) Тамъ же.

предъявляла притязанія, не основанныя на законѣ, и земство давало ей въ этомъ отпоръ, то оно само вторгалось въ такія области, которыя, по мнѣнію администраціи, относились къ кругу ея обязанностей. Этому содѣйствовала, отчасти, и неопредѣленность закона. Такъ, напр., земскимъ учрежденіямъ, между прочимъ, предоставлено было „участіе, преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи и въ предѣлахъ, закономъ опредѣленныхъ, въ попеченіи о народномъ образованіи". Предѣлы этого участія не были указаны и потому, когда земства энергически взялись за устройство школъ, учительскихъ семинарій и пр., учебное вѣдомство не признало за ними права вмѣшательства въ организацію собственно учебной части и стало оказывать имъ противодѣйствіе, что давало поводъ къ столкновеніямъ, иногда очень рѣзкимъ. Для земскихъ учрежденій такое положеніе имѣло весьма невыгодныя послѣдствія: подъ вліяніемъ безпрестанныхъ столкновеній съ администраціею, въ правительственныхъ сферахъ складывалось подозрѣніе, что эти учрежденія являются представителями оппозиціи и какъ бы противоправительственнаго направленія [1]).

Общество, въ массѣ своей, встрѣтило земскую реформу благосклоннѣе. Учитывая практическіе результаты, оно понимало, что земство, даже въ качествѣ „мѣстныхъ вольностей", а не самоуправленія, сдѣлаетъ гласнымъ то, что пряталось до сихъ поръ подъ покровомъ канцелярской тайны, что оно обнажитъ мѣстныя нужды, укажетъ пути къ ихъ удовлетворенію и сообщитъ навыки въ веденіи общественныхъ дѣлъ. При этомъ, въ обществѣ жила, конечно, надежда, что земское положеніе будетъ постепенно улучшаться и что де-

[1]) См. туже ст. В. Ю. Скалона стр. 534.

фекты его будутъ уничтожены. Но, когда обнаружилось, что правительство разсматриваетъ земство, какъ оппозицію (объ этомъ было даже заявлено въ одномъ оффиціальномъ документѣ 80-хъ годовъ), стало очевидно, что на дальнѣйшее развитіе его дѣятельности и на естественный ростъ остается очень мало надежды. Въ обществѣ началось разочарованіе, и отъ общественнаго подъема шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ, къ концу послѣднихъ, не осталось почти и слѣда.

Въ сущности, отношеніе правительства къ земству не было чѣмъ нибудь особеннымъ, спеціально касавшимся только земскихъ учрежденій. Напротивъ того, правительство того времени, предупреждая или ослабляя движенія снизу уступками сверху, дѣлало этимъ только временныя отступленія отъ общаго, вполнѣ консервативнаго, а по временамъ и реакціоннаго, тона своей политики. Поэтому, къ самимъ реформамъ, при разработкѣ и при введеніи ихъ, у него складывалось болѣе или менѣе подозрительное отношеніе, пресѣкавшее возможность ихъ исправленія, дополненія, распространенія и вообще естественнаго роста. Результаты такой внутренней политики оказались очень скоро: незаконченностью крестьянской реформы, приводившей населеніе къ экономическому обѣднѣнію и гражданскому безправію, питалось народное недовольство, урѣзками земскаго преобразованія, преграждавшими соотвѣтственный ростъ культурнаго развитія, поддерживалось недовольство очень широкихъ общественныхъ слоевъ, ждавшихъ и улучшенія своего быта, и уменьшенія бюрократической опеки, и повышенія личныхъ правъ, и обезпеченія подростающему населенію образованія и вообще лучшаго будущаго. Реформы, въ концѣ

онцовъ, никого не удовлетворили. Графу М. Т. Лорисъ-Меликову всего черезъ 17-ть лѣтъ пришлось ознаться отъ лица правительства, что оно шло не по настоящему пути. „Новые порядки“, — писалъ онъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ—

> создали во многихъ отрасляхъ управленія новое положеніе для представителей власти, требовавшее другихъ знаній, другихъ пріемовъ дѣятельности, иныхъ способностей, чѣмъ прежде. Истина эта не была достаточно усвоена и далеко не всѣ власти заняли подлежащее имъ мѣсто. Ложно понятое назначеніе въ общемъ государственномъ строѣ повело къ ряду нарушеній прямыхъ обязанностей, къ ряду столкновеній.

Объективное отношеніе къ дѣлу замѣнилось страстью борьбы, вслѣдствіе чего „самыя умѣренныя попытки урегулировать дѣйствіе реформъ и пополнить недостатки законодательства... встрѣчались съ противодѣйствіемъ, явнымъ или скрытымъ, или оставались безъ движенія“. Правящая бюрократія тормазила исполненіе даже указаній императора, напримѣръ, о податной реформѣ, о дарованіи правъ раскольникамъ, объ установленіи отношеній нанимателей къ рабочимъ и т. п. Затормазился и ходъ дальнѣйшихъ преобразованій. „Крестьянское дѣло“, — говорилось въ томъ же докладѣ гр. Лорисъ-Меликова—

> послѣ кипучей дѣятельности первыхъ дней вошло въ общую колею и неподвижность въ улучшеніи слабыхъ его сторонъ, создало такую обособленность несовершеннаго крестьянскаго управленія, которая могла казаться полезной лишь въ первые дни великой реформы. Новые суды, созданные при недостаточныхъ полицейскихъ порядкахъ, стали въ изолированное отъ общаго строя положеніе... Духовен-

ство продолжало, за рѣдкими исключитель
ными явленіями, коснѣть въ невѣжествѣ и
мало по малу, лишилось и того вліянія, како
имѣло прежде... Значеніе дворянства, как
сословія, стушевалось; мало чѣмъ поддержи
ваемое земство, привлекшее сначала лучші
силы мѣстнаго населенія, не могло остатьс
долго на той же высотѣ, при отсутстві
средствъ къ болѣе широкому исполненія
мѣстныхъ задачъ и при недостаткѣ оживляю
щей правительственной поддержки. Городско
самоуправленіе рѣдко гдѣ встрѣтило на пер
выхъ же шагахъ сочувственное отношені
администраціи къ своимъ нуждамъ и правамъ
Кромѣ того, общія потребности населені
возрастали, а положеніе нашихъ финансов
разстроилось чрезвычайными военными издерж
ками. Цѣнность бумажнаго рубля упала, цѣн
ность продуктовъ увеличилась, появились но
вые налоги. Всѣ, возбужденные такими и по
добными явленіями, неудовольствія, болѣе или
менѣе основательныя разочарованія, при засто
насущныхъ вопросовъ, указанныхъ уже к
рѣшенію, усиливали съ каждымъ годомъ числ
недовольныхъ и уменьшали устойчивост
почвы подъ началами государственнаго по
рядка. Параллельно съ этимъ увеличивалас
рознь въ дѣйствіяхъ правительственныхъ учре
жденій...

Несмотря на всю тусклость и безцвѣтност
оффиціальнаго языка этого доклада, онъ не оста
вляетъ никакого сомнѣнія въ серьезномъ развал
господствовавшей системы реакціи. Но приведен
ными данными еще не исчерпывалась картин
дѣйствительныхъ порядковъ. Особенно въ пе
чальномъ видѣ оказалось учебное вѣдомство. П
словамъ доклада, оно „возбудило противъ себя
государственныхъ сановниковъ, и духовенство,
ученое сословіе, и земство, и города; однимъ сл

омъ—всѣхъ, кромѣ лично заинтересованныхъ въ родолженіи существующаго направленія". Затѣмъ, окладъ упоминалъ и еще о нѣкоторыхъ факто-ахъ, питавшихъ общественное неудовольствіе, акъ напримѣръ, о „прискорбной" неправильности ѣйствій многихъ должностныхъ лицъ, объ отно-еніи къ печати и т. д. [1]).

Докладъ гр. Лорисъ-Меликова былъ принятъ и одобренъ. Страна ждала завершенія реформъ ше-тидесятыхъ годовъ и хотя прежняго подъема на-троенія не было, тѣмъ не менѣе общество встрѣ-ило новый курсъ нашей внутренней политики ь надеждами.

Однако, имъ не суждено было осуществиться. -ое марта 1881 г. разбило всѣ упованія и повер-уло руль государственной политики еще правѣе режняго. Новая фаза реакціи дала земству и но-ый законъ о немъ: положеніе о земскихъ учреж-еніяхъ 1890 г., смѣнившее положеніе 1864 г.

Реакціонная печать восьмидесятыхъ годовъ, тмѣчая ненормальность отношеній, установив-шихся между земствомъ и правительствомъ и аздвоенность власти въ мѣстномъ управленіи, бъясняла это не недодѣланностью и не незакон-остью земской реформы, а сознательнымъ, со сто-оны дѣятелей шестидесятыхъ годовъ, „устране-іемъ власти", вслѣдствіе котораго земство за-яло-де положеніе государства въ государствѣ. Катковъ въ своихъ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" ребовалъ „возвращенія правительства", „обузда-ія" земства или, иными словами, полнаго подчи-іенія его администраціи. И нужно сказать правду, іто, такъ называемое, культурное общество, напу-

---

[1]) Докладъ гр. Лорисъ-Меликова цитированъ по статьѣ Е. Ма-симова «Эпхоа реформъ» («Наблюд.» 1897 г., № 4), стр. 109—112.

ганное событіемъ 1-го марта, относилось къ этимъ планамъ реакціи съ гораздо большей терпимостью чѣмъ это можно было ожидать по прежнимъ его настроеніямъ. Призванный къ управленію министерствомъ внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстой, извѣстный творецъ вызывавшей всеобщее неудовольствіе системы классической средней школы, составилъ проектъ полнаго преобразованія земскихъ учрежденій, совершенно отмѣняющій самостоятельность земства въ распорядительной дѣятельности по предметамъ ихъ вѣдѣнія и устанавливающій утвержденіе администраціей всѣхъ постановленій земскихъ собраній. Проектъ этотъ упразднялъ земскія управы, вводилъ, вмѣсто нихъ старинныя присутствія съ членами по назначенію правительства, преобразовывалъ земское представительство на сословномъ началѣ и придавалъ ему характеръ повинностей. Проектъ этотъ былъ не осуществленъ. Помѣшала ли этому смерть автора проекта или явная, доведенная до крайнихъ предѣловъ реакціонность его,—сказать трудно; во всякомъ случаѣ, онъ былъ погребенъ навсегда. Взамѣнъ его былъ выработанъ новый, тоже реакціонный проектъ, хотя и не упраздняющій вполнѣ, какъ толстовскій, земскія учрежденія, но еще значительно понизившій ихъ значеніе, какъ органовъ самоуправленія. Онъ былъ утвержденъ 12 іюня 1890 г. и дѣйствуетъ до настоящаго времени. Цѣль этого новаго Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, какъ сказано, въ указѣ о немъ, заключалась въ томъ, чтобы дать земствамъ возможность „въ предоставленномъ имъ кругѣ дѣятельности и въ должномъ единеніи съ другими правительственными установленіями, съ вящимъ успѣхомъ исполнять порученное имъ важное государственное

дѣло, согласно видамъ и намѣреніямъ ихъ основателя“ и царствующаго императора (Александра III) [1]).

Новое Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ прежде всего значительно сократило число гласныхъ: въ уѣздныхъ собраніяхъ — съ 13329 до 10229, а въ губернскихъ— съ 2274 до 1576, т. е. почти на $^1/_4$ въ первыхъ и на $^1/_3$ во вторыхъ. Избирательныя собранія получили сословный характеръ: въ первомъ изъ нихъ участвуютъ потомственные и личные дворяне, во второмъ — прочія сословія, кромѣ крестьянъ. Избраніе гласныхъ отъ крестьянъ, по закону 1890 г., должно производиться не на сельскихъ избирательныхъ съѣздахъ, а волостными сходами, причемъ списокъ избранныхъ лицъ представляется губернатору, который утверждаетъ изъ нихъ гласныхъ и опредѣляетъ очередь вступленія остальныхъ избранныхъ лицъ, въ случаѣ выбытія утвержденныхъ [2]). Представительство крестьянъ сокращено, представительство дворянъ расширено. По вычисленію В. Ю. Скалона, крестьяне по 34-мъ губерніямъ потеряли изъ 5357 мѣстъ 2190, или 40,9%. По положенію 1864 г. они составляли 48% общаго числа гласныхъ, т. е. около половины, по положенію же 1890 г.—лишь 31%, т. е. менѣе $^1/_3$ [3]). По этому же послѣднему положенію, отъ участія въ выборахъ устранены лица, имѣющія купеческія свидѣтельства, и владѣльцы торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, священно-и церковно-

---

[1]) См. ту же стр. В. Ю. Скалона, стр. 534—536.

[2]) Прежній, по положенію 1864 г., порядокъ избранія гласныхъ отъ крестьянъ возстановленъ только въ послѣдніе годы, послѣ введенія Государственной Думы.

[3]) Тамъ же, стр. 537.

служители и евреи, а право участія въ избраніи уполномоченныхъ обусловлено не $^1/_{20}$, а $^1/_{10}$ избирательнаго ценза, причемъ, однако, послѣдній въ большинствѣ уѣздовъ пониженъ. Въ губернскія собранія введены уѣздные предводители дворянства; число ихъ составляетъ въ общемъ около $^1/_4$ выборныхъ гласныхъ. Отъ предсѣдателей управы (даже уѣздныхъ) требуется имѣть право на вступленіе на государственную службу, а члены управъ подлежатъ утвержденію губернаторовъ, причемъ, въ случаѣ неутвержденія состава управы и затѣмъ новаго неутвержденія избранныхъ на вторичныхъ выборахъ, вакантныя должности замѣщаются лицами по назначенію министра внутрен. дѣлъ. Предсѣдатели и члены управъ за служебные проступки могутъ быть подвергаемы, безъ всякаго суда, дисциплинарнымъ взысканіямъ, вплоть до удаленія отъ должности. Затѣмъ, положеніемъ 1890 г. предоставлено губернаторамъ право ревизій земскихъ управъ, увеличено число постановленій земскихъ собраній, подлежащихъ утвержденію губернатора, предоставлено послѣднему право пріостанавливать тѣ постановленія, которыя, по его мнѣнію, явно нарушаютъ интересы мѣстнаго населенія и т. д.

Въ губерніяхъ были учреждены губернскія по земскимъ (а съ 1892 г. и по городскимъ) дѣламъ присутствія подъ предсѣдательствомъ губернатора, въ составѣ трехъ высшихъ чиновниковъ губерніи, губернскаго предводителя дворянства, городского головы губ. города, предсѣдателя губ. земской управы и одного члена отъ губ. земск. собранія. Присутствія эти снабжены широкими полномочіями. Они обсуждаютъ законность и правильность постановленій и распоряженій земскихъ учрежденій и правильность выборовъ, исправляютъ избиратель-

ные списки, разсматриваютъ дѣла объ отвѣтственности должностныхъ лицъ земскаго управленія и о наложеніи на нихъ дисциплинарныхъ взысканій, о преданіи суду и т. д. Хотя дѣла въ присутствіи разрѣшаются по большинству голосовъ, но губернаторъ можетъ пріостанавливать тѣ рѣшенія присутствій, съ которыми не согласенъ, и представлять о нихъ министру внутр. дѣлъ, который, въ случаѣ согласія съ губернаторомъ, представляетъ объ отмѣнѣ постановленія присутствія въ сенатъ.

Съ внѣшней стороны можетъ казаться, что положеніе 1890 г. установило единство мѣстнаго управленія. Но, конечно, это только съ внѣшней стороны, потому что единство достигается не подчиненіемъ всѣхъ органовъ управленія администраціи, а устраненіемъ двоевластія, путемъ отнесенія многихъ административныхъ функцій къ обязанностямъ органовъ самоуправленія. Только при этомъ условіи земство станетъ не придаткомъ общаго управленія, не гдѣ-то со стороны приклееннымъ къ нему добавленіемъ, а составной органической частью его, вѣдающей весь кругъ своихъ мѣстныхъ хозяйственныхъ и административныхъ дѣлъ.

Не останавливаясь на другихъ чертахъ положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ 1890 г., нельзя не видѣть и изъ приведенныхъ особенностей его, что оно кореннымъ образомъ поколебало начала самоуправленія и самостоятельности въ мѣстномъ общественномъ управленіи. Начала эти не были достаточно послѣдовательно проведены и въ положеніи 1864 г., въ положеніи же 1890 г. они оказались едва ли не сведенными къ нулю. О какой самостоятельности, послѣ этого положенія, можно было говорить въ земствѣ, когда любое его постановленіе админи-

страція можетъ отмѣнить по своему усмотрѣнію, любого активнаго дѣятеля можетъ устранить безъ всякаго суда? Для правильной постановки земскаго самоуправленія требуется не измѣненіе только „пріемовъ“ въ отношеніяхъ къ нему администраціи, какъ думалъ гр. Лорисъ Меликовъ, а совершенная независимость земства отъ тѣхъ или иныхъ „пріемовъ“ администраціи, т. е. возможно полная независимость отъ нея и самостоятельность.

Понятно, что такая постановка мѣстнаго самоуправленія возможна только въ томъ случаѣ, если оно будетъ общенароднымъ, если оно закончитъ раскрѣпощеніе всего народа предоставленіемъ всей массѣ его полныхъ гражданскихъ правъ, если, другими словами, земская реформа будетъ основана на всеобщихъ, прямыхъ, равныхъ и тайныхъ выборахъ, производимыхъ притомъ на основахъ пропорціональности. Это послѣднее условіе представляется намъ не менѣе важнымъ, чѣмъ и первыя четыре, такъ какъ при немъ представительство въ земствѣ будетъ имѣть не только большинство, но и меньшинство. Участіе послѣдняго желательно, чтобы выслушать въ предстоящихъ земству важныхъ дѣлахъ, и въ числѣ ихъ въ земельномъ дѣлѣ, всѣ заинтересованныя стороны, чтобы соблюсти высшую правду и рѣшать земскіе вопросы съ возможной объективностью, „по-божески“, какъ съ испоконъ вѣку мечтаетъ объ этомъ самъ народъ въ лицѣ лучшихъ его представителей. При такой организаціи земство будетъ дѣйствительно общенароднымъ и раскрѣпощеніе населенія приблизится къ дѣйствительному концу.

М. Слобожанинъ.

Большая Книжная торговля

и складъ удешевлен. книгъ

С. Н. ЧЕРНОВА,

СПБ., Вознесенскій пр., д. 45-56.

Телефонъ № 461-94.

Принимаетъ посредничество земствамъ и торг. и всѣмъ учебнымъ заведеніямъ.

Составляетъ всевозможныя библіотеки и читальни, а также подбираетъ разрозненные тома рѣдкихъ, держанныхъ, новыхъ и новѣйшихъ книгъ.

Немедленно высылаетъ всѣ книги, поступившія на книжныхъ рынкахъ по дешевымъ цѣнамъ, не дороже цѣнъ, здѣсь публикуемыхъ другими фирмами, а выписывающимъ по нѣсколько экземпляровъ таковыхъ — дѣлается особая уступка.

ОСНОВНОЙ КАТАЛОГЪ торговли, какъ полное руководство для составленія и пополненіе всевозможныхъ библіотекъ и читаленъ: рѣдкихъ, антикварныхъ, новыхъ и новѣйшихъ русскихъ книгъ, научно распредѣленныхъ по отдѣламъ **20.748** **названій**, высылается по полученіи стоим. пересылки на 21 к. марокъ.

Краткій каталогъ спец. удешевленныхъ книгъ безплатно.

Изд. „ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ“.

С.-Петербургъ, Поварской 11. Телеф. 526-84.

Быстро и точно ИСПОЛНЯЕТЪ всевозм. заказы на всѣ книги и журналы, русскіе и иностранные, по всѣмъ вопросамъ воздухоплаванія.

МОДЕЛИ ЛЕТАТЕЛЬНЫХЪ МАШИНЪ.

Безплатные отвѣты по всѣмъ вопросамъ воздухоплаванія (на отвѣтъ прилагать 2 семи коп. марки).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на первый въ мірѣ крупный науч.-попул. трудъ **„ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ“** въ **12** выпускахъ около **1700** стран. больш. форм. до **1500** иллюстрац. **Участ. лучш. силы. Блестящіе отзывы прессы**. Каталогъ изд-ва безплатно.

СЪ ГРОМАДНОЙ СКИДКОЙ!!

предлагаются слѣдующія совершенно новыя книги:

Ламартинъ. Жирондисты. 4 т. 1911 г. Вм 4. за 2 р.

Воздушный путь. (Введеніе къ изученію воздухоплаванія). Про Берже. Перев. подъ ред. проф. Фанъ-Деръ-Флита. 1910 г. Вм. 2 р. за 1

Исторія проституціи романскихъ, германскихъ и славянскихъ нар довъ. Соч. Дюфура. 1911 г. Вм. 1 р. за 50 к.

Красный фонарь. Эрузалемъ. Вм. 1 р. 25 к. за 75 к.

Проф. Форель. Половой вопросъ. 2 тома. Переводъ Энгельгард Вм. 2 р. за 1 р.

Психографологія. Моргенштерна. Вм. 8 р. за 3 р.

Э. Золя. Нана, романъ. Вм. 1 р. 50 к. за 50 к.

Дневникъ акушерки. Вм. 1 р. за 50 к.

Миллеръ, I. Половая жизнь человѣч. Въ 3-хъ ч., Вм. 1 р. 50 к. за 75

Головоломка. Гимнаст. и разв. ума. Сост. Георгіевскій. Вм. 50 к за 30

Какъ надо учиться. Укрѣпл. памяти и соображенія. Вм. 30 к за 20

Самоучители, нѣмецкій и французскій. Сост. по Туссену, Берлиц Бурхгарду и др. Вм. 60 к. по 30 к.

Оккультныя науки. Магнетизмъ, гипнотизмъ, спиритизмъ. В 1 р. 50 к. за 75 к.

Самовнушеніе. Секретъ самообл. Д-ра Берндта. Вм. 1 р. 25 к. за 75

Бреть-Гартъ. Собр. соч. 6 т. Вм. 3 р. за 1 р. 50 к.

Моя система. Мюллера. Съ таблицей. Вм. 75 к. за 40 к.

Завоеваніе воздуха. Съ предисл. гр. Цеппелина. Съ 162 рис. В 1 р. 75 к. за 1 р.

Управляемые аэростаты. А. Форрейтена. Съ рис. Вм. 1 р. 25 к. за 50

Руководство для изобрѣтателей. Сост. Крючковъ. 1910 г. В 1 р. за 50 к.

В. Бѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ. Сост. Соловьевъ. В 90 к. за 50 к.

Философовъ. Слова и жизнь. Вм. 1 р. 25 к. за 50 к.

Фагэ. Политич. мыслители и моралисты XIX в. Вм. 1 р. 50 к. за 75

Таинственныя силы внушенія. Гипнотизмъ и внушеніе. Вм. 1 р. 25 за 75 к.

Мальчикъ или дѣвочка. Новѣйш. теорія зарожд. дѣтей. Д-ра Роберт Вм. 1 р. за 50 к.

Энциклопедія и словотолковат. Сост. Сеславинъ. Вм. 60 к. за 40

Искусство разбогатѣть. Мемуары Рокфеллера. Вм. 1 р. 25 к. за 50

Хорошій тонъ. Маркиза де-Шевалье. Вм. 1 р. 25 к. за 50 к въ пер. 75

Интересный собесѣдникъ. (Хорошій тонъ). Вм. 1 р. за 75 в въ пер. 1 р.

Домашній столъ. Придв. пов. Михайлова. Вм. 50 к. за 40 к. въ пер. 75

Памяти Л. Н. Толстого. Вм. 45 к. за 30 к.

Жизнь и рѣчи Л. Н. Толстого. Тенеромо. Вм. 75 к. за 50 к.

Сергѣенко. Какъ жив. и раб. Л. Н. Толстой. Съ рис. Вм. 2 р. 50 к. за 1

О Толстомъ. Международный альманахъ. Вм. 2 р. за 1 р.

Перес. за счетъ покупателя; мелкія суммы можно высыл. поч марками. Книги выс. налож. платежомъ.

Книжный магазинъ и складъ А. К. ГОМУЛИН

С.-Петербургъ, Литейный пр., д. № 49.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

А. Д. ТУРКИНОЙ.

Бассейная ул., д. 8. СПБ.

Предлагаетъ полныя собранія сочиненія русскихъ и иностранныхъ писателе.

Апухтинъ. 1 томъ 4 руб., въ переплетѣ 4 руб. 75 коп.
Бальзакъ. 18 томовъ 7 руб.
Беранже. Пѣсни. 4 тома 5 руб., въ переплетѣ 6 руб.
Боккачіо. 1 томъ. Декамеронъ—2 руб., въ переплетѣ 2 руб. 75 коп.
Боборыкинъ, Т. Д. 12 томовъ 2 руб. 50 коп., въ переплетѣ 4 руб.
Бретъ-Гартъ. 11 томовъ 5 руб.
Бурже. 10 томовъ 5 руб.
Гауптманъ. 10 томовъ 1 руб. 50 коп., въ переплетѣ 3 руб.
Генрихъ-Гейне. 16 томовъ 1 руб. 50 коп., въ перепл. 3 руб. 50 коп.
Григоровичъ. 12 томовъ 6 руб., въ переплетѣ 8 руб.
Гоголь, Н. В. 12 томовъ 2 руб. 50 коп., въ переплетѣ 5 руб.
Гоголь, Н. В. 1 томъ въ переплетѣ 3 руб.
Гоголь, Н. В. 2 тома 1 руб. 50 коп.
Гончаровъ. 12 томовъ 7 руб., въ переплетѣ 9 руб.
Гамсунъ. 18 томовъ 2 руб. 50 коп.
Гаршинъ. 4 тома 1 руб.
Горбуновъ. 4 тома 1 руб., въ переплетѣ 1 руб. 50 коп.
Гофманъ. 8 томовъ 4 руб.
Данилевскій 24 тома 3 руб., въ переплетѣ 3 руб. 75 коп.
Джеромъ-Джерома. 3 тома 1 руб.
Диккенсъ. 35 томовъ 10 руб
Достоевскій. Въ переплетѣ 12 томовъ 13 руб.
Достоевскій. 14 томовъ вмѣсто 25 руб., въ переплетѣ 20 руб.
Добролюбовъ, Н. 4 тома 4 руб.
Жипъ. 2 тома 1 руб.
Жоржъ-Зандъ. 18 томовъ 6 руб.
Жуковскій. 12 томовъ 1 руб., въ переплетѣ 2 руб.
Загоскинъ. 2 тома безъ перепл. 2 р. 25 к., въ перепл. 3 р. 75 к.
Золя 29 томовъ 10 руб.
Зудерманъ. 2 тома 1 руб
Ибсенъ. 18 томовъ 2 руб., въ переплетѣ 4 руб.
Козловъ, П. А. 4 тома вмѣсто 5 руб. за 2 руб.
Крестовскій, В 8 томовъ 10 руб., въ переплетѣ 14 руб.
Конанъ-Дойль. 3 тома 1 руб.
Конанъ-Дойль. 20 томовъ 4 руб.
Лермонтовъ, М. Ю. 1 томъ въ хорошемъ переплетѣ 3 руб.
Лермонтовъ, М. Ю. 1 томъ 1 руб.
Лѣсковъ. 36 томовъ 3 руб., въ переплетѣ 5 руб.
Лоти, П. 5 томовъ 5 руб.
Мольеръ. 1 томъ 2 руб. 50 коп.
Мопассанъ 12 томовъ 6 руб.
Метерлиниса. 3 тома вмѣсто 6 руб. за 4 руб.

Онэ. 2 тома 1 руб.
Поэ, Э. 2 тома 1 руб.
Прево, М. 4 тома 2 руб.
Пушкинъ. Въ хорошемъ переплетѣ 3 руб.
Скоттъ, В. 18 томовъ 10 руб.
Стивенсонъ. 4 тома 2 руб.
Салтыковъ-Щедринъ, М. Е. 40 томовъ 5 руб., въ переплетѣ 10 руб
Станюковичъ. 40 томовъ 4 руб., въ хорошемъ переплетѣ 10 руб.
Твенъ, М. 11 томовъ 6 руб.
Толстой, А. 12 томовъ 3 руб., въ переплетѣ 5 руб.
Тургеневъ. 12 томовъ въ переплетѣ 12 руб.
Тургеневъ. 10 томовъ 10 руб.
Успенскій, Гл. 28 томовъ 3 руб. 50 коп.
Уэльсъ. 3 тома 1 руб.
Флоберъ. 4 тома 2 руб.
Чеховъ. 16 томовъ 7 руб., въ переплетѣ 9 руб.
Чеховъ. 11 томовъ 16 руб. 50 коп.
Штинде. 3 тома 1 руб.
Шпильгагенъ. 23 тома 10 руб.
Шеллеръ-Михайловъ. 50 томовъ 4 руб.
Шиллеръ. Соч. 4 тома изд. Брокгауза и Ефрона вмѣсто 30 р. за 18 р.
Шекспиръ. 5 томовъ изд. Брокгауза и Ефрона вмѣсто 37 р. 50 к. за 22 р.
Шекспиръ. 12 томовъ изд. Живописное Обозрѣніе 4 руб.
Щаповъ. 3 тома вмѣсто 8 руб. 50 коп. за 6 руб.
Эберсъ. 13 томовъ 6 руб.

Ламартинъ. Жирондисты. Историко-прагматическое изслѣдованіе въ 4 томахъ вмѣсто 4 руб. за 2 руб. 50 коп.
Ренанъ, Э. Апостолы. Святой Павелъ, Антихристъ, Евангеліе и второе поколеніе христіанства, Христіанская церковь. 5 том. вмѣсто 4 руб 40 коп. за 2 руб. 50 коп.
Радищевъ, А. Н. Полное собраніе сочиненій подъ редакціей проф. *А. К. Бороздина, И. И. Лапшина* и *П. Е. Щеголева.* 2 тома вмѣсто 1 руб. 65 коп. за 1 руб.
Реклю, Э. Человѣкъ и Земля подъ редакціей *Груздева* 2 руб.
Брешъ. Жизнь животныхъ. 10 томовъ вмѣсто 60 руб. за 45 руб.
Тоже. 3 тома вмѣсто 24 руб. 16 руб.
Тоже. 3 тома 4 руб.
Большая энциклопедія. 20 томовъ вмѣсто 120 руб. за 40 руб.
Гнѣдичъ. Исторія искусствъ. Въ переплетѣ 6 томовъ 12 руб.
Полевой, П. Н. Исторія русской словесности съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. 3 тома въ переплетѣ 12 руб.
Мильтонъ, Д. Потерянный и возвращенный рай поэмы съ 50 картинами *Густ. Доре* въ роскошномъ переплетѣ 12 руб.

Высылаю наложеннымъ платежомъ, составляю и пополняю всевозможныя библіотеки по сходнымъ цѣнамъ по возможности безъ задержки и высылаю требованія по всѣмъ каталогамъ.

Б. ВЕРХОВЕНЬ

РОССИЯ В ЦАРСТВОВАНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1939

Printed in Soviet Union

ЭКОНОМИКА РОССИИ В ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ XVI ВЕКА

XVI ВЕК вошел в историю Западной Европы как начало периода так называемого первоначального накопления капитала. В 1492 г. Христофор Колумб открыл Америку. Вслед за этим последовал ряд других великих географических открытий. Были открыты новые пути в Индию— страну сказочных богатств в представлении европейцев. „Золото — удивительная вещь. Кто обладает им, тот господин всего, чего он хочет",— писал Колумб в одном из своих писем.

До великих географических открытий связь Западной Европы с Востоком осуществлялась через Средиземное море. В XII—XIII веках в связи с развитием торговли с Востоком особое значение приобрели итальянские города Венеция, Генуя и др. Они стали торговыми монополистами на Средиземном море и превратились в XIII веке в богатейшие торговые города-республики. После взятия турками Византии в 1463 г. и установления ими своего господства Венеция и Генуя потеряли свое торговое значение. Турки распространили свое господство на всю Малую Азию, Сирию, Палестину и Северную Африку. Установление турецкого господства на Ближнем Востоке подорвало европейскую и, в первую очередь, итальянскую торговлю. Старинные торговые пути пришли в упадок. Турки стали накладывать высокие пошлины на восточные товары. Это вызвало отлив золота и серебра в Азию. Европейские страны были вынуждены искать новых источников золота и серебра.

В этой обстановке кризиса средиземноморской европейской торговли еще больше усиливаются лихорадочные поиски новых торговых путей на Восток. Большую инициативу в этих

ческах проявили Португалия и Испания, расположенн на перекрестке новых путей в Индию и во вновь открыту Америку. Это и выдвинуло их в XVI веке на первое мес среди других европейских стран.

В поисках золота многочисленные искатели приключен и любители наживы устремились тысячами в новые стран и в старые страны по новым путям. *„Разбой и грабеж* единственная цель испанских искателей приключений в Ам рике“...—пишет Маркс в своих хронологических выписка В Америке, Индии, Африке португальские, испанские, инде ландские и другие купцы и дворяне грабили местное насел ние, физически истребляли сотни тысяч людей. Награблен богатство вывозилось в Европу и служило базой для закл дывания фундамента капиталистического развития Западн Европы.

„Открытие золотых и серебряных приисков в Америке писал Маркс в I томе „Капитала“,—искоренение, порабощ ние и погребение заживо туземного населения в рудника первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, пр вращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих такова была утренняя заря капиталистической эры прои водства“ [1].

История капитализма никогда не была мирной идилле Она вписана в историю человечества, по выражению Марке пламенеющим языком огня и меча.

Если в Западной Европе начиналась утренняя заря кап талистического производства, то Россия первой полови XVI века отставала в своем развитии от передовых западн европейских стран. Это отставание объяснялось прежде все тем, что Россия в течение 240 лет находилась под тяжест татарского ига. Татарские ханы грабили русский народ, жг города и села, уводили в плен мужчин и женщин, собира с русских земель тяжелую дань, тормозили создание едино централизованного русского государства, задерживали эко мическое развитие России. Только освобождение России татарского ига в конце XV века и создание русского н ционального государства обеспечили сравнительно быстр развитие торговли и ремесленного производства.

Иван Калита, княживший в Москве в первой полови XIV века, своей политикой собирания земли русской укрепления роли московского княжества положил нача

---

[1] *Маркс*, Капитал, т. I, гл. XXIV, стр. 821, Партиздат ЦК ВКП(1937 г.

бразованию русского национального государства. По создании русского национального государства, как подчеркивает Маркс в своей работе „Секретная дипломатия XVIII века“, был великий князь московский Иван III, княживший с 1462 по 1505 г. В начале своего княжения Иван III был татарским данником. Его власть оспаривалась удельными князьями—тверским, рязанским, нижегородским и др. Новгород господствовал на севере как самостоятельный город, а польско-литовское государство стремилось к завоеванию Московии и Прибалтики.

Наряду с польско-литовским государством особенно опасными противниками Москвы были татарские ханы. Борьба с татарским игом была важнейшим фактором создания могущественного централизованного государства в России XV века. Этот момент подчеркнут товарищем Сталиным в его докладе XV съезду РКП(б) „Очередные задачи партии в национальном вопросе“. Товарищ Сталин говорил: „...Интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия“.

Для усиления централизации своего государства Иван III боролся за окончательную ликвидацию феодальной раздробленности. Опираясь на низы новгородского населения, которые стояли за присоединение к Москве, Иван III разгромил новгородское боярство, поддерживаемое Польшей и Литвой, и включил Новгород в 1478 г. в состав Московского государства. Иван III в 1505 г., разбив польско-литовское войско на реке Ведроша, отнял у Литвы ряд бывших русских княжеств, захваченных ею в XIV и в начале XV века. К Москве были присоединены также княжества Тверское, Рязанское, Нижегородское и др.

В итоге Московское государство значительно выросло. На месте самостоятельных феодальных княжеств было создано единое национальное русское государство, а великий князь московский Иван III принял титул „государя всей Руси“. Русское национальное государство росло и крепло. Оно занимало теперь сотни тысяч квадратных километров. В это же время слабели его соседи, и больше других слабела Золотая Орда.

В „Секретной дипломатии“ Маркс следующим образом формулирует причины упадка Золотой Орды в XV веке:

„Задолго до восшествия Ивана на престол,—пишет Маркс,—Золотая Орда уже была ослаблена,—как изнутри благодаря свирепым междоусобицам, так и извне, благодаря разделу

с ногайскими татарами, вторжению Тимура (Тамерлана), ус
лению казачества и враждебности крымских татар".

В 1480 г. Иван III отказался платить дань хану Золото
Орды. Последний пошел на Московию войной. Войско Зол
той Орды находилось уже на берегу р. Оки, но, получи
известие о волнениях в Орде, хан повернул обратно. Таки
образом, Иван III без пролития крови остался „победителем
Русское государство стало свободным от ига Золотой Орд

Создание русского национального государства, ликвидаци
феодальной раздробленности, было основным итогом цар
ствования Ивана III. „К концу царствования,—пишет Марк
в „Секретной дипломатии",—мы видим Ивана III сидящи
независимо на троне рука об руку с дочерью последне
византийского императора. Новгород покорен ему. Остат
Золотой Орды толпятся у его дверей. Литва—послушное ор
дие в его руках".

„Изумленная Европа,—отмечает далее Маркс,—в нача
царствования Ивана III едва ли даже подозревавшая о суще
ствовании Московии, затиснутой между Литвой и татарами,
была ошеломлена внезапным появлением огромной империи
ее восточных границах".

В борьбе за укрепление русского национального госуда
ства против внешних врагов и за усиление собственно
власти Иван III опирался на своих служилых людей—помещ
ков, эксплоатировавших крепостных крестьян. Помещикам
или дворянами, в XV веке стали называться служилые люд
которые несли военную службу в войсках московского цар
За свою службу они получали на срок своей службы земел
ные владения, или „поместья". Владельцы поместий ста
называться помещиками.

Иван III усилил феодальную зависимость крестьян от п
мещиков. Раньше крестьяне имели право переходить от одно
владельца к другому. Иван III издал в 1497 г. закон, п
которому устанавливалось право перехода после окончани
сельскохозяйственного года, только в Юрьев день, в течен
недели до него и недели после него. Крестьяне уплачива
помещику оброк; обрабатывали его земли, убирали ур
жай, косили сено, строили ему хоромы и т. д. Т
кто не платил оброков или уклонялся от „барщин
(так называлась работа на помещика), ставили на „правеж
т. е. били палками или кнутом до полусмерти, и сажа
в тюрьму.

Образование русского национального государства ускоря
экономическое развитие страны, содействует быстрому рос

варно-денежных отношений. Эти сдвиги в экономическом развитии России делаются особенно заметными в середине XVI века.

В России первой половины XVI века наблюдался огромный рост числа городов, увеличение городского населения, развитие ремесленного производства, отделение последнего от сельского хозяйства и сосредоточение ремесленников в городах. Растет и развивается внутренняя и внешняя торговля.

В начале XVI века в России насчитывалось 96 городов, во второй половине XVI века—около 170 городов. Среди них—Новгород, Смоленск, Псков, Нижний-Новгород, Можайск и др. В каждом из этих городов насчитывалось свыше тысячи дворов городского населения. Москва имела в XVI веке несколько тысяч дворов и была одним из крупнейших городов Европы. По свидетельству английского путешественника Дженслора, который посетил Москву в середине XVI века, Москва была тогда обширнее Лондона с его предместьями.

В ряде русских городов ремесленники составляли значительный процент населения. Например, в городе Торопце ремесленники составляли 12%, а в Устюжне—27% населения. В некоторых городах этот процент повышался до 40. Часть ремесленников работала на скупщиков, которые являлись посредниками между ремесленниками и потребителями. Но большая их часть сама продавала свои изделия. В Китай-городе, который был сердцем торговой Москвы, были сотни лавчонок, палаток, скамеек, где московские ремесленники сами продавали свои изделия.

Некоторые города Московского государства к тому времени превратились в крупные центры ремесленного производства, обслуживавшие своими изделиями всю страну. Например, Холмогоры славились изделиями из тюленьей кожи. Вологда производила гвозди, якоря, топоры и косы. Новгород и Псков лили колокола. Вяземские сани и калужские деревянные ложки распространялись по всему русскому государству.

Развитие ремесла выразилось и в его специализации—в возникновении новых, более узких ремесленных специальностей. В городах Московского государства насчитывалось тогда до 210 ремесленных специальностей. Преобладали специалисты по производству съестных припасов: хлебники, пирожники, квасники и т. п. Затем шли ремесленники, производившие предметы обихода: кожевники, башмачники, портные, шубники и др.

Большое значение имела группа ремесленников, занята обработкой металла и производством из него оружия: сабел ники, бронники и т. п.

Ютились ремесленники в „курных“ избах—без окон, поло и труб, на окраинах городов, где-нибудь на Болвановке (та называлась в Москве XVI века одна из ремесленных слобод Питались, как гласит народная поговорка, „похлебкой и яичной скорлупы“. Многих ремесло совсем не кормило И, не имея „своих животов“, т. е. имущества, они ходил по миру.

Английский путешественник Ричард Ченслор говорит в сво их записках о необычайной бедности трудового населени городов Московии. Он пишет: „Бедняков здесь неисчисл мое количество, и живут они самым жалким образом. Я виде. как они едят селедочный рассол и всякую вонючую рыбу“

Наряду с ремеслом в XVI веке возникали и более круп ные предприятия, основанные на труде крепостных кре стьян. Развивается солеварение, производство поташа и руд ное дело. Эти производства требовали значительного ко личества рабочих рук.

В Карелии и на Урале производилось в довольно боль ших количествах железо. На севере, в Сольвычегодске был крупные соляные варницы купцов Строгановых.

Развитие ремесла и рост городов расширяли внутреннюю торговлю. Некоторые города превратились в крупные торго вые центры. Первое место по размерам торгового оборот в XVI веке занимала Москва, через которую проходил все торговые пути. Торговый оборот Москвы составлял $^1/$ всего оборота страны.

Английский путешественник Ченслор в своих записка относящихся к середине XVI века, писал, что каждое утр по одной Ярославской дороге в Москву прибывало 700—80 саней, груженных хлебом, рыбой и т. п.

За Москвой по размерам товарооборота шли Новгоро Казань, Нижний-Новгород, Ярославль, Кострома, Псков, Твер Вологда, Устюг Великий. Недавно выросшие на юге горо Тула, Калуга, Серпухов и др. стали важными торговым пунктами.

О Ярославле тот же Ченслор пишет, что „это очень боль шой город. Тамошние товары—кожа, сало и хлеб—в оче большом количестве и некоторое количество воска, но е не так много, как в других местах“.

Наряду с многочисленными мелкими торговцами, которым кишела Москва и другие города, появились и крупные купц

ак называемые „гости“, ворочавшие огромными капиталами. Гостей“ в Москве было около 30 человек. Такие москов-кие „гости“, как Никитников, Воронин, имели десятки соб-ственных деревень, рыбные и соляные промыслы, миллион-ные обороты.

Самые именитые купцы XVI века Строгановы торговали о всей Руси—от Перми до Москвы и от Архангельска до язани. Они продавали соль со своих варниц, рыбу с рыб-ых промыслов, меха, получаемые в результате грабежа си-рских народов. Строгановы первые завели крупное рудное роизводство на Урале.

Развивалась и внешняя торговля. Первое место в этой орговле занимали меха. Меха продавали купцам Запада и а Восток на несколько сот тысяч золотых рублей в год. орого стоила чернобурая лиса и особенно высоко ценился расивый мех соболя. Воска вывозилось около 50 тысяч удов в год.

На вывоз шли и такие товары, как сало из земель Смо-енской, Ярославской, Новгородской, Тверской; мед из зе-ель Рязанской и Муромской; лен из Пскова и пенька из моленска и Вязьмы; соль и деготь находили большой спрос а заграничном рынке; рыба и икра шли в Испанию и Італию; вывозились также слюда, селитра, сера и железо.

Европейские купцы привозили в Россию серебро в слит-ах, медь, сукна, зеркала, кружева, кожи, иголки, вина и рукты.

Азиатские купцы продавали шелковые ткани, ковры, дра-оценные камни. Московское государство торговало с Лит-ой, Польшей, Ираном и другими странами.

Рост товарно-денежных отношений в Московском государ-тве в XVI веке привел к дальнейшему усилению эксплоата-ии крепостного крестьянства. Одновременно обострялась орьба внутри класса феодалов, между помещиками и боя-ами. Бояре-вотчинники[1] были наиболее крупными земель-ыми собственниками—феодалами. Многие из них, прежде амостоятельные, так называемые удельные князья, в XV—VI веках являлись ближними слугами царей. Помещики, лужилые люди ставили вопрос о ликвидации привилегий рупных бояр-вотчинников и о перераспределении земли крепостных в свою пользу.

---

[1] Вотчинниками назывались бояре потому, что земля была их обственностью и переходила от отца к сыну на правах «отчинного ладения».

Московские цари в борьбе за централизованную власт против бояр и князей опирались на дворян-помещиков. П литику московских царей, направленную на укрепление цен тральной власти, поддерживало и посадское население, т. е ремесленники и мелкие торговцы городов.

Посад играл крупную политическую роль в XVI веке Опираясь на помещиков и посад, московские цари создавал сильное централизованное государство. Такова была обста новка, которая сложилась в Московском государстве к 30-годам XVI века.

ГОДЫ БОЯРСКОГО САМОВЛАСТИЯ

После смерти царя Василия III в декабре 1533 г. наслед ником Московского престола стал трехлетний его сын, вну Ивана III, Иван Васильевич, или Иван IV, прозванный впо следствии Грозным. Он родился 25 августа 1530 г. от второ жены Василия III, литовской княжны Елены Глинской, ко торая заняла место правительницы Московского государства Фактическим правителем государства стал ее любимец Ива Оболенский.

Единоличное управление Ивана Оболенского государство вызвало сопротивление со стороны бояр и прежде всего со стороны приближенных Василия III: Василия и Иван Шуйских, Бельского и других князей и бояр.

Сопротивление выражалось в различных формах и в част ности в стремлении уничтожить Елену Глинскую. Наконец весной 1538 г. им это удалось. Елена Глинская была от равлена. Через несколько дней бояре схватили Ивана Обо ленского и расправились с ним. В летописи по этому повод говорится: „И посадиша его в палате за дворцом у конюшн и умориша его гладом и тягостью железной“. Таким обра зом при помощи голода и насилий они уморили Иван Оболенского.

После гибели Ивана Оболенского начался период боярско самовластия, который длился 10 лет. Бояр было много, между ними происходили постоянные междоусобицы из-з государственной власти. Тот, кто имел власть в своих рука имел и ключ к государственной казне.

Казна при Василии III была достаточно велика. Попользо ваться этой казной старались все: и Шуйские, Иван и Васи лий, и Иван Бельский, и Глинские и другие. Каждый из ни старался использовать свое положение в личных интереса

Один из современников замечает по этому поводу: „Всяк своим печется, а не государьским, ни земским“, т. е. каждый заботится о своем собственном, личном.

По свидетельству современников, бояре сажали друг друга в тюрьмы и даже предавали смерти. Жестокая междоусобная борьба происходила и между временными правителями государства.

Сначала захватил власть Василий Шуйский и посадил в тюрьму Ивана Бельского. Потом Василий Шуйский „помре“, как говорится в летописи, и его место занял Иван Шуйский, который прославился тем, что, будучи великокняжеским наместником в Пскове, свирепствовал там, по выражению летописи, „аки лев“. Этот свирепый боярин расхищал государственную казну и владычествовал несколько лет. Ему на смену пришел новый властитель—князь Андрей Шуйский. Наконец, у дележе власти приняли участие родственники будущего царя Ивана IV, родственники его по матери, князья Глинские.

Что происходило в результате боярского самовластия, в результате постоянной смены одного насильника и грабителя другим? Прежде всего и больше всего доставалось от него народу Руси крестьянам и городским низам.

Каждый правитель приходил к власти не один, а „со родичами своими“. Правитель приводил целый полк бояр, занимавших места воевод, наместников и т. д. Все эти места раздавались родственникам или друзьям нового временного правителя государства. Каждый из этих властителей действовал по образу и подобию своего господина, т. е. старательно грабил трудящиеся массы.

Особенное внимание эти временные правители уделяли государственной казне. Иван Грозный в письме к одному из московских князей, Андрею Курбскому, так описывает этот факт: „Что сказать о казне родительской. Все расхитили лукавым умыслом, будто детям боярским на жалованье, а между тем все себе взяли, и детей боярских жаловали не за дело, верстали не по достоинству, из казны отца нашего и деда наковали себе сосудов золотых и серебряных и написали на них имена своих родителей, как будто бы это было наследственное добро“.

Далее Иван Грозный писал: „Дворы, села и имения дядей наших взяли себе и водворились в них!.. И сколько зла они наделали! Сколько бояр и воевод, доброхотов отца нашего умертвили...“ Временные правители государеву казну растащили, а многих доброхотов отца, т. е. сторонников его отца Василия III, умертвили.

Если крестьянство особенно сильно страдало от боярского самовластия, то плохо приходилось и рядовому дворянству, т. е. самой многочисленной группе господствующего феодального класса. По поводу крестьян летописец очень кратко замечает, что эти князья, бояре, были „свирепы, аки львы, до крестьян". Но и дворянам доставалось весьма сильно от боярского самовластия, потому что, как только менялся временный правитель, происходила смена служилых людей.

Особенно страдали те дворяне, которые недавно за свои военные заслуги стали дворянами. Почему они страдали? Потому что все князья—временные правители были потомками удельных князей. Они имели собственных служилых людей. Новый временно пришедший к власти правитель приводил с собой целый полк своих людей, которых и старался наградить и устроить. Московское дворянство, созданное усилиями Ивана III и Василия III, оказалось за загоне. Удовлетворялись интересы только того дворянства, которое было служилым элементом у бывших удельных князей.

Очень страдали также и купцы от поборов временных правителей. Поэтому купечество тоже было заинтересовано в том, чтобы кончилось боярское самовластие. По сравнению с боярским самовластием, которое ослабляло русское государство, царское самодержавие было прогрессивным, ибо самодержавный царь боролся за централизованное государство, против боярского самоуправства и произвола. Прогрессивность царской власти подчеркивал Энгельс в статье „О разложении феодализма и развитии буржуазии". Энгельс пишет „...Королевская власть (das Königtum) была прогрессивным элементом,—это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства. Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же как королевская власть тяготела к ним"[1].

Что касается взаимоотношений между малолетним царем Иваном IV и временными правителями, то они складывались довольно своеобразно. Временные правители часто не считались с царем. Он же прекрасно понимал, что бояре покушаются на его интересы и расхищают казну, накопленную стараниями, как он выражался, его отца и деда.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, т. XVI, ч. I, стр. 445.

В письмах к Андрею Курбскому Иван Грозный указывал: Нас с братом Георгием начали воспитывать, как иностран-ев, или как нищих. Какой нужды не натерпелись мы в одежде и в пище: ни в чем нам воли не было, ни в чем е поступали с нами так, как следует поступать с детьми. Одно припомню: бывало, мы играем, а князь Иван Василь-ич Шуйский сидит на лавке, локтем опершись о постель ашего отца, ногу на нее положив".

Великокняжеская постель—постель Василия III, а теперь, по аследству, Ивана IV, была вещью неприкосновенной. И по-тому такое отношение Василия Шуйского к постели Ивана ыло явным оскорблением будущего царя.

У Ивана IV постепенно накапливалась ненависть к князьям боярам. Эта ненависть усилилась вследствие тяжелых усло-ий воспитания Ивана. На его глазах происходили убий-тва, часто массовые убийства любимых им людей. Это до-ело Ивана уже в отроческом периоде до сильного ожесто-ения против временных правителей. Когда в 1543 г. убили о любимого боярина, которого он всячески защищал от мерти, Иван собрал бояр и довольно твердо заявил им, что ни, употребляя во зло его юность, творят беззакония и что н казнит их главаря. Этим главарем был правитель Андрей Шуйский. Иван приказал поймать Андрея Шуйского и, как оворит летопись, „велел его предати псарям, и псари взяша убиша его".

Однако и после этого положение не изменилось. У вла-ти стали Глинские, т. е. родственники царя-подростка по атери. Они воспитывали царя в том же духе, развивая него все дурные черты. Глинские всячески поощряли го бесчинства. Часто будущий царь скакал верхом по ули-ам Москвы вместе со своими товарищами, давил лошадью рохожих и радовался этому. Вместо того, чтобы осуждать ти поступки юного Ивана, Глинские, напротив, их поощ-яли. Они говорили: „Вот какой царь растет храбрый, му-ественный". Они подучивали его казнить неугодных им юдей.

Единственное светлое пятно в детстве и отрочестве Грозного—это его образование, которое он получил под руковод-твом митрополита Макария.

Митрополит Макарий был человек весьма образованный, дин из самых образованных людей XVI века в России. Он оспитывал Ивана Грозного в духе самодержавного монарха. Он с детства прививал ему идею самодержавия, идею твердой осударственной власти, которая безраздельно находится

в руках царя. Вместе с тем он давал ему основы знаний, которые можно было дать в условиях XVI века, т. е. особое внимание уделял изучению евангельских текстов, изучению библии. Иван IV, кроме того, был знаком с греческой мифологией, отдельными произведениями греческих, римских и византийских писателей. Он получил довольно солидное образование для XVI века. Как подчеркивает современник, „в науке книжного поучения доволен и многоречив зело...“, т. е. достаточно был подготовлен с точки зрения тогдашней науки.

В декабре 1546 г. Иван стал на путь самостоятельного управления государством.

В январе 1547 г. семнадцатилетний Иван торжественно венчался на царство, объявил себя самодержавным царем.

С этого времени началось его самовластное управление государством. Но вначале сильно было еще боярское самовластие. Константинопольский патриарх прислал Ивану IV свое благословение и признал его законным царем. Это сильно увеличило авторитет русского царя. Опираясь на дворянство, Иван повел решительную борьбу с боярами за укрепление своей власти. Вся его внутренняя политика направлена на усиление экономической и политической роли дворянства в русском государстве и на укрепление централизованной власти самодержавия.

ВОССТАНИЕ МОСКОВСКОГО ПОСАДА В 1547 г. И РЕФОРМЫ ИВАНА IV

Летом 1547 г. в Москве был большой пожар. Москва тогда была деревянная, за исключением основных кремлевских зданий, и потому горела очень часто. Но такого опустошительного пожара, каким был пожар летом 1547 г., не было еще никогда. Сгорело огромное количество зданий на важнейших улицах Москвы—Рождественке, Покровке, Варварке. Горел Китай-город, Кремль с царским двором, с боярскими дворами и соборами. Едва не сгорел сам митрополит. Летописец говорит, что сгорело около двух тысяч жителей. „...И всякие сады выгореша и в огородах всякий овощь и трава“. После пожара почти половина жителей Москвы осталась без крова и имущества. Это ускорило взрыв народного негодования против самовластного правления бояр.

В конце июня 1547 г. произошло восстание посада города Москвы против боярского самовластия. Народ убил одного

Глинских, князя Юрия, и других ненавистных ему бояр. Многие бояре во главе с Михаилом Глинским, по выражению летописца, „утече“, т. е. бежали из Москвы.

Сам Иван IV бежал из Москвы в подмосковное село Воробьево. Наконец, стянув со всех сторон войска, он подавил народное восстание. Но недовольство масс заставило царя пойти на некоторые уступки, заставило подумать о проведении внутренних реформ.

После восстания 1547 г. Иван IV приблизил к себе новых людей—выходцев из дворянства—низших слоев класса феодалов, которые явились для него опорой в политике, направленной против боярского самовластия.

Среди его новых советников мы видим попа Сильвестра—выходца из низших слоев духовенства. Рядом с ним видим Алексея Федоровича Адашева—выходца из костромского дворянства.

Алексей Адашев был одним из прислужников царя еще в его детские годы. С самого начала царствования Ивана Алексей Адашев занимает высокий чин. Сначала он получил должность постельничьего. В то время чин постельничего считался одним из высших должностных чинов. У постельничьих хранилась царская печать, которая служила „для скорых и тайных его царских дел“. Они ведали всевозможными государственными делами: и казной, и внешней политикой (посольский приказ) и т. д.

Иван создает новый Челобитный приказ[1], который должен был принимать жалобы, присланные на то или другое лицо. Эти жалобы должны были разбираться в Челобитном приказе и доставляться обратно царю. Челобитный приказ Иван поручил Алексею Адашеву. Ему же он давал поручения, требовавшие большой сообразительности, напористости и умения.

В своем письме к Курбскому Иван указывал о том, для чего ему нужен был Алексей Адашев: „Видя измены от вельмож, мы взяли... Алексея Адашева от гноища и сравняли его с вельможами, ожидая от него прямой службы“.

Создалась избранная рада, т. е. та группа царских советников, которая проводила политику ограничения боярского самовластия. В состав рады входили: митрополит Макарий, Сильвестр, Адашев и др.

В 40-х годах появились дворянские сочинения, направленные против боярства. Отдельные дворяне подавали

---

[1] Управляли тогдашней Русью через приказы.

челобитные, т. е. прошения на имя Ивана IV. Недовольн дворяне в этих челобитных излагали свою точку зрения ряд вопросов внутренней и внешней политики. Одним таких произведений, т. е. дворянских публицистических в ступлений, дворянских требований и программ является з менитая челобитная некоего Ивашки Пересветова в 1547 1549 гг.

Кто же такой был этот Ивашка Пересветов, или Иван (менович Пересветов? Происходил он из Литвы и служ раньше нескольким государям. Был он в разных стран служил королю венгерскому, королю чешскому, был у к роля польского.

Побывал Иван Пересветов и в Турции, хорошо знал т рецкие порядки. В своих сочинениях неоднократно ссылал на пример турецких порядков. Он был человеком начита ным и наблюдательным, образованным по тому времен В Москву Пересветов приехал еще в 1538 г. и предлож здесь какой-то особый, своего изобретения щит для воин и за этот щит, признанный очень хорошим, ему дали п местье, т. е. сделали его дворянином. Он стал мелким мо ковским помещиком.

Иван Семенович Пересветов, этот первый дворянский п сатель, оставил много весьма интересных исторических д кументов. Он написал челобитную царю Ивану. Не получ ответа, написал вторую. Кроме этого, он написал несколь литературных произведений, например, „Сказание о ца турецком Магомете, како хоте сожещи книги греческие.. Произведения эти чрезвычайно любопытны. Это публицист ческие произведения, в которых затрагивался ряд важнейш политических вопросов, давался очень остроумный и обсто тельный анализ внутреннего положения Московского гос дарства, выдвигались довольно большие требования по в просам внешней и внутренней политики.

В чем заключались их требования? В первом проекте чел битной, в тот момент, когда Иван Грозный стал самодержа ным правителем государства, Пересветов прежде всего обр шился на вельмож, которые, будучи у власти, разграби казну и ухудшили положение простых воинников, т. е. ма дворянства. В одном из своих произведений он писал, ч вельможи, которые правили до совершеннолетия царя, ра строили государство, ослабили централизованную власть и т. В частности, он говорил, что вельможи издевались над пр стыми людьми, представителем которых он себя считает. (писал: „Аз, холоп твой Ивашко Пересветов“ пострадал

них. „А ныне, государь, от обид и от волокиты наг и бос и пеш“.

Далее он писал, что эти „вельможи русского царя сами богатеют и ленивеют, а царство его оскужают... а крепко за веру христианскую не стоят и люто против недруга смертною игрою не играют, тем богу лжут и государю“, т. е. он прямо обвинял всех представителей феодальной верхушки в том, что они с каждым днем богатеют и ленивеют, обманывая царя, а с врагами дерутся плохо. Они в военное время губят армию, а в мирное время губят государство; в управлении государством преследуют только свои личные интересы и грабят государеву казну.

Что же предлагал Пересветов? Он указывал, что „воинниками царь силен и славен“, и поэтому нужно заботиться о простых воинниках. Речь шла не о крестьянах, а о служилых людях, о дворянстве. „Воина держати как сокола чередити и всегды ему сердце веселити, и ни в чем на него кручины не допустити“,—писал Пересветов.

Любопытно отметить, что Пересветов не призывал к одинаковому обращению со всеми воинниками. Он говорил, что нужно особое внимание проявлять к тем воинникам, которые защищают интересы царя. „Который воинник лют будет против недруга государева играти смертною игрою и крепко будет за веру християнскую стояти, ино таковым воинником имяна взвышати и сердца им веселити, и жалования ис казны своей государевы прибавливати“. Пересветов понимал, что „сердце веселити“ можно главным образом прибавлением жалованья из государевой казны.

Дальше он ставил вопрос об усилении роли дворянства: „К себе их (т. е. простых воинников) припущати блиско, и во всем им верити, и жалоба их послушати во всем, и любити их яко отцу детей своих, и быти до них щедру: щедрая рука николи же не оскудевает и славу царю сбирает...“ Иными словами: царская щедрость к воинникам и есть мудрость его политики.

Какой основной вывод нужно сделать из этих высказываний Пересветова? Он требовал от имени дворянства, чтобы в центре внимания Грозного были простые воинники. Последние должны быть опорой царя в укреплении его самодержавной власти. Для этого нужно содействие воинникам во всем: и жалованье повышать, и к себе приближать, и чтобы им царь за отца родного был.

Что предлагал Ивашка Пересветов в области внешней политики? Он рекомендует: чтобы не платить большого

жалованья, которого он требовал для простых воинников необходимо послать войско на завоевание новых районов, частности на завоевание Казани. Пересветов подчеркивал, что „Послати войско на Казань, возрастивш сердце воинником своим царским жалованием и ласкою приветом добрым... землица там вельми угодная...“

Основные требования Пересветова и всех дворян-воинников, интересы которых он выражал, сводились к усилению борьбы против боярства, к полной ликвидации боярского самовластия, причем ликвидации довольно решительными мерами, к усилению значения простых воинников и развитию активной внешней политики. Иван Пересветов требовал принятия решительных мер по отношению к боярству. Он говорил, что тех бояр, которые к царю приблизились не по военным заслугам, а по своей знатности, которые перечат ему в всем, сопротивляются его политике и зажимают простых воинников, „подобает огнем жещи и иные лютые смерти предавати, чтобы зла не множилось“.

Это требование Пересветова совпадало с будущей внутренней и внешней политикой Ивана Грозного.

В ответ на требования дворянства, выраженные в частности в писаниях Ивашки Пересветова, Иван Грозный в начале своего царствования предпринял ряд внутренних реформ, направленных на укрепление самодержавия и уничтожение остатков боярского самовластия.

Что было до реформы Ивана Грозного, как управлялось Московское государство?

Потомки удельных князей имели свое войско, своих служилых людей, раздавали землю вассалам и часто осмеливались даже величать себя государями. Зачастую эти княжата заявляли: „Мы тоже потомки Рюрика, мы ровня царю и поэтому можем действовать так же, как и царь“.

Государство делилось на уезды. Уезды делились на волости. Но крупные вотчины, принадлежавшие князьям, боярам, управлялись самими же владельцами, цари в управление уездов и волостей не входили. Царь назначал в уезды наместников, в волости—волостелей. Государев представитель государев наместник, а в волости—волостель ведали управлением и судом только части уезда, не входившей в вотчины князей и крупных бояр. Наместник и волостель за свою деятельность, за управление, за суд получали от местного населения содержание, деньгами или натурой, которое называлось „кормами“. Такой обычай назывался „кормлением“, а сами чиновники назывались „кормленщиками“.

На деле кормления превращались в вымогательство, погоянные поборы, взятки и т. п. Взятки и служили источником содержания для наместников и волостелей. Каждый аместник старался взять как можно больше. Каждый, кто ел к нему на суд, старался дать ему больше, чтобы выграть дело, ибо выигрывал дело не тот, кто был прав, а тот, то давал большую взятку.

Этот произвол чрезвычайно тяжело отражался на местном аселении, прежде всего на крестьянстве и на посадском аселении, и вызывал в нем большое недовольство.

Обычно, когда „кормленщик" уходил в другое место или, ак тогда выражались, „съезжал с кормления", на него ыпались сотни жалоб в Челобитный приказ. А когда он идел на месте, жаловаться на него было невозможно, ибо се жалобы попадали к нему же. Вот почему летописец оворит: „Вельможи от слез и от крови роду христианского огатеют нечистым собранием", т. е. нечистым путем богаеют за счет крови и слез трудового населения.

В 1556 г. были уничтожены „кормления", и все должностные лица на местах перешли на содержание казны. Это, о-первых, ослабляло власть бояр и в некоторой степени ишало возможности самоуправства и произвола с их стоны; во-вторых, централизовало аппарат, ибо когда наместик или воевода получал жалование из государственной казны, н полностью зависел от царя и от его ближайших помощиков. Поэтому ликвидация „кормлений" означала дальнейую централизацию государственного аппарата и являлась ерой, укрепляющей самодержавное государство класса феоалов.

Второй особенностью системы управления было так называемое местничество. По этой особенности положение каждого нязя, боярина определялось в обществе тем или иным его естом по происхождению, по родовитости, а не по заслугам. аждый из бояр стремился доказать, что его происхождение олее высокое, и соответственно этому занимал место в государственном управлении. Если боярин был знаменитого няжеского рода, то он мог занять независимо от своих пособностей виднейшую должность. Наоборот, „худородный ворянишко" никакого места не получал. Боярин соглашался анять должность только в том случае, если убеждался, что се начальники над ним выше его по происхождению. Если казывалось, что его ближайший начальник по своему роду гоит ниже, чем он,—например, его дед был боярином, а дед гого начальника был дворянином у этого боярина,—то он

отказывался от должности и подавал челобитную, что ем „невместно“ служить с этим начальником.

Дворяне при местничестве никогда не могли продвинуться. Поэтому этот низший слой класса феодалов особенно страдал от местнических порядков. Местничество приводил часто к курьезам. Например, на царском обеде начиналас драка, кто-нибудь из бояр вопил, что его прадед был выш родом, чем прадед соседа по столу, и требовал себе мест поближе к царскому. Женщины, например, из-за места церкви—кто ближе должен стоять к алтарю в зависимост от положения их мужей—затевали драку. Существует рас сказ о том, что во время войны два предводителя затеял местнический спор прямо на глазах неприятеля и поэтом конечно, проиграли сражение.

Местничество было большой преградой на пути к продви жению на высшие должности для людей, которые благодар своему уму, благодаря своей воинской храбрости и способ ностям могли бы выдвинуться. Это, конечно, мешало и укр плению государства. Поэтому борьба с местничеством бы в интересах укрепления централизованного самодержавно государства.

В октябре 1550 г. по приказу царя была образована осо бая дворянская „тысяча“, которая называлась „тысяча пом щиков, детей боярских, лучших слуг“. Из самых лучших слу русского царя были отобраны наилучшие в количестве ты сячи человек. Эта „тысяча“ была записана в особу „тысячную книгу“. „Тысячники“ Ивана Грозного получил лучшие подмосковные поместья. Им, как своим верным слу гам, Иван Грозный роздал 180 тысяч десятин лучшей земл каждый „тысячник“ получил от 150 до 300 десятин. Из ни образовалась отборная часть столичного дворянства. Эти „ты сячники“ составляли личную гвардию царя. Они были в не посредственном подчинении царя и составляли в походе та называемый „царев полк“. Они же занимали основные долж ности в государстве: воевод, наместников, руководителей при казов и т. д.

Теперь уже считались не с родовитостью феодала, а сч тались, главным образом, с тем, был он записан в „тысячу или нет. Создание этой „тысячи“ было прямым ударом п местничеству, по самоуправству боярства и усилило централи зованную власть Ивана IV.

Теперь должности занимали преимущественно те, кото рые входили в эту тысячу — отборное московское дво рянство.

В 1551 г., когда создавалось войско для похода на Казань, во главе сотен были поставлены головы из числа людей, „искусных ратному делу“. Это опять-таки было ударом по местничеству в наиболее важном аппарате—военном.

К реформам Ивана Грозного нужно отнести прежде всего издание в 1550 г. нового судебника. Основная забота судебника—укрепление царского самодержавия и защита интересов помещика. В судебнике 1550 г. прежде всего подчеркивалось, что дворяне исключаются из непосредственной сферы влияния вельможных наместников. В одном из пунктов судебника говорилось: „Во всех городах Московской земли наместником детей боярских не судити ни в чем...“, т. е. дети боярские были не подсудны царским наместникам.

Кроме того, было разрешено выбирать дворянам и купцам целовальников[1] для участия в суде наместника.

Вместе с тем создавался институт излюбленных голов, или излюбленных старост, который занимался взиманием налогов, и этим самым ограничивался опять-таки произвол наместников.

Кроме того, забота о дворянах нашла в судебнике свое выражение в специальном пункте о невозможности превращения сына боярского, т. е. дворянина, в холопа. Раньше, если дворянин переставал служить, он мог стать холопом. Теперь судебник 1550 г. это строго запрещал: „А детей боярских служивых и их детей, которые не служивали, в холопи не приймати никому“.

Наконец, в судебнике проведен был ряд требований, выражавших предложения Пересветова: улучшить делопроизводство и уничтожить взяточничество, на котором были основаны тогдашние суды. В судебнике было такого рода указание: если судебный пристав, так называемый „недельщик“, т. е. человек, который вызывал в суд, возьмет посул, то его полагалось „бить кнутом и посул выправить в тройном размере“ и, наконец, снять с должности.

Эти предложения судебника, однако, не могли ликвидировать взяточничества и произвола, творимых над крестьянами и городскими низами в суде и в приказах.

Судебник был утвержден на земском соборе, который состоял из представителей бояр, дворян, богатых купцов и высшего духовенства.

---

[1] Целовальниками назывались представители местного дворянского и купеческого сословия, т. е. верхушки общества, которые целовали крест (т. е. клялись) в том, что они будут судить по правде.

В 1551 г. был проведен церковный собор („Стоглав"), котором присутствовало все высшее духовенство, от мит полита Макария до архимандритов. Ему еще раз представи на обсуждение судебник Ивана Грозного. Судебник б одобрен.

Затем на этом церковном соборе обсуждался устав це ви, названный „Стоглавом". На основе „Стоглава" в обла церкви была проведена реформа, которая соответствова политике централизации управления церковью и проводи борьбу с местничеством архиепископов и епископов.

Иван IV, проводя ряд реформ, укрепляя свою силу власть, продолжал завоевательную политику своего д Ивана III и отца Василия III.

ЗАВОЕВАНИЕ КАЗАНИ И АСТРАХАНИ

Свою завоевательную политику Иван IV начал осу ствлять с захвата Татарского ханства на Волге.

В XV веке татарская Золотая Орда окончательно распала на ряд ханств. Образовались ханства: Казанское, Астраха ское, Крымское, и выделилось Сибирское царство.

В Золотой Орде происходили постоянные, непрекраща щиеся междоусобицы, постоянные драки между ханами, пр тендовавшими на ханский престол Золотой Орды.

В 1437 г. один из ханов Золотой Орды, Улу-Махмет, б свергнут с престола. Бежав из Золотой Орды, он захват территорию, которая была занята в прошлом Болгарск государством, и основал там Казанское ханство с центр в г. Казани.

Казанское ханство в смысле внутренней организации бы копией Золотой Орды. Во главе ханства стоял хан, за н шли эмир (особо знатный феодал), беи (вроде русских кн зей), затем шли мурзы и т. д. Все эти высшие группы фе дального класса состояли из людей, получавших подати подвластного населения, т. е. собирали налоги с татарско населения и с населения других народностей—марийц мордвы, чувашей, башкир, удмуртов, угнетаемых татарам Сами феодалы были свободны от налогов. За службу о получали богатые земельные владения, рабов, крепостны Казанский хан собирал с населения много налогов, котор насчитывалось примерно до 13. Была подать натурой (яса существовал поземельный налог, налог с дымовой трубы т. п. В общем, в налоговом деле казанские ханы проявля

большую изобретательность. Главный налог—ясак составлял 10% дохода трудового населения. Если прибавить сюда еще 12 видов других налогов, то понятно, что трудящиеся татары и все другие угнетаемые народы, подвластные ханству, несли тяжелое бремя.

Владения Казанского ханства были довольно обширными. Феодалы имели около полутора миллионов десятин лучшей земли. Эти земли обрабатывались или трудом рабов, или трудом крепостных.

Казань была крупным торговым центром. Здесь ежегодно устраивались ярмарки, на которые приезжали купцы из Хивинского и Бухарского ханства, из Ирана, купцы астраханские и др.

Сюда доставляли соль, холст, лен из России, фрукты и вино с Кавказа и из Закавказья. Казанское ханство быстро богатело и привлекало сюда население из других ханств: из Крыма, из Астрахани и т. д.

Основным направлением внешней политики Казанского ханства была борьба против Москвы. Казанские ханы предпринимали нашествие на Русь. Современник пишет, что Казанское ханство допекало Русь больше Батыя. Особенно старались ханы добывать пленных, которые превращались в рабов и являлись весьма ценным товаром для Востока.

Но уже в конце XV века, в связи с выросшим могуществом русского государства, в Казани среди казанских феодалов образуется московская партия. Создалась и другая партия, партия сторонников неограниченной власти казанского хана, ориентировавшаяся главным образом на Крым, где царствовала ханская династия Гиреев. Между сторонниками Москвы и между сторонниками Крыма еще при Иване III шла ожесточенная борьба. Когда в 1479 г. умер один из казанских ханов Ибрагим, внук Улу-Мухмет-хана, то между его двумя сыновьями усилилась междоусобица. Один из них—Мухамедамин был сторонником подчинения Московскому государству, а другой—Али был сторонником подчинения крымскому хану. В эту междоусобную войну пытались вмешаться татарско-сибирские и крымские ханы.

Турция, бывшая в то время одним из могущественных государств Европы, пыталась вмешаться в дела казанского хана, особенно в начале XVI века, когда на ханский престол был посажен один из Гиреев—Сафа-Гирей (1524 г.). Сафа-Гирей был сильным врагом русского государства. При нем усилились набеги на Московскую землю. Он считался, как заявляют татарские летописцы, наиболее могущественным

и великим татарским государем. Но этот хан, стремившийс к независимости от русского государства, умер в 1549 г. Посл него осталась его жена и трехлетний сын Угемиш-Гирей.

Местная казанская знать, пользуясь отсутствием фактиче ского хана и малолетием наследника, извлекала из этого сво выгоды. Один из соперников казанского хана—Шах-Али, опи раясь на помощь Москвы, завладел в 1551 г. ханским пре столом. Но при помощи сибирского хана, вместе с ханом По гайской Орды, противники московской партии организовал заговор, свергли Шах-Али и пригласили на царство предста вителя Астраханского ханства, одного из наследников астра ханского хана—Едигера (начало 1552 г.). В это время Иван IV отправил свои войска против Казани. Русские войска со стояли из нескольких сот стрельцов и целиком были пере биты Едигером. Это поражение заставило Ивана IV лучш подготовиться и послать большее войско против Казанского ханства. Походы на Казань совершались раньше, например в 1506 г., в 1524 г., в 1530 г. Сам Иван Грозный пытался также несколько раз организовать походы на Казань. Первый поход был проведен в 1548 г., т. е. когда он вступил на царство. Но время для похода было выбрано неудачно. Как говорит летописец, была „теплота велика и мокрота многая". Скоро наступила оттепель. Лед на Волге тронулся, а других путей не было. Ивану Грозному пришлось вернуться обратно.

В 1550 г. Иван Грозный организовал второй поход. Но попытка взять Казань штурмом не удалась. Потом опять началась оттепель, и снова пришлось отступить.

Главная причина провала первых двух походов Ивана Грозного на Казань была в том, что у русских не было под Казанью военной и продовольственной базы. И вот после второго похода Иван Грозный пытается создать такую базу.

В 1551 г. в 30 километрах от Казани была заложена крепость Свияжск. Строительство Свияжской крепости было поручено русскому инженеру Ивану Григорьевичу Выродкову, человеку безусловно талантливому в военном отношении.

В углицких лесах Выродков предварительно заготовил бревна, и весной 1550 г. эти бревна были сплавлены по Волге к Свияжску. В мае была заложена крепость, а через четыре недели она уже была готова. Так и написано в летописи: „И свершили город в четыре недели". Стены крепости были из дубовых срубов, приставленных друг к другу. Так была заложена база для борьбы с Казанью. Опираясь на эту

базу, Иван Грозный и начинает в 1552 г. третий поход против Казанского ханства.

Под Казань было отправлено 150 тысяч войска, 150 тяжелых осадных орудий, т. е. тяжелой артиллерии того времени. Семь полков участвовали в походе: Большой, Передовой, Сторожевой, Царев полк и т. д. Главную роль в захвате Казани сыграла пехота. Ее составляли стрельцы.

Стрельцы были началом постоянного войска, того самого постоянного войска, которому придает особое значение Энгельс в статье под названием „О разложении феодализма и развитии буржуазии", в которой он говорит, что для укрепления самодержавия, для усиления централизованной королевской власти на Западе, а в России, следовательно, царской власти необходимо было постоянное войско.

Это и осуществлял Иван Грозный. Он создал регулярную пехоту, армию стрельцов. Стрельцы набирались из свободных людей, из посадских, т. е. ремесленников, мелких торговцев и т. д. Стрельцы получали определенное содержание; обычно они получали 1 рубль деньгами на постройку дома и 1 рубль годового жалованья. Кроме этих 2 рублей они получали одежду, муку, крупу и всякое натуральное снабжение. Им давались маленькие участки земли на срок службы и разрешалось заниматься ремеслом и торговлей.

Пехота сыграла большую роль во взятии Казани, потому что она была хорошо вооружена. Она имела огнестрельное ручное оружие в виде пищалей—ручниц. Правда, это оружие было мало совершенным и весьма тяжелым. Стреляли эти ружья, или пищали, примерно на 200 шагов. Прицельная дальность их была чрезвычайно небольшой.

Что касается артиллерии („наряда", как она называлась тогда), то она делилась на легкую и тяжелую. Легкую артиллерию того времени представляли полуторные и т. п. пищали. Они довольно метко стреляли железными ядрами. Обычно дальность их стрельбы была около километра, и служили они для уничтожения артиллерии и живой силы противника.

Для того чтобы разбить деревянную, бревенчатую или каменную стену, служила осадная, или тяжелая, артиллерия того времени. Это были стенобитные пушки, стрелявшие обычно каменными ядрами. Ядра были весом в 40—50 фунтов, но иногда весили и 6 пудов.

Были еще особые, верховые пушки, которые обычно стреляли навесным огнем, „огненными ядрами", т. е. такими, которые были облеплены зажигательным составом. Такие ядра зажигали постройки за крепостной стеной.

Во главе русского войска стояли лучшие воеводы Ивана Грозного: Воротынский, Шереметьев, Морозов и др. Среди них был и известный потом изменник Андрей Курбский.

В августе 1552 г. войска Ивана Грозного собрались у Свияжске и двинулись на Казань.

Казань по тому времени представляла довольно сильную крепость. Вокруг города шла дубовая стена, сложенная из бревен, протяжением в 5 километров. Высота ее—7 метров, ширина—6 метров. Часть этой стены окружал глубокий ров, предназначенный для того, чтобы помешать наступающим пробраться к стене. В северной части этой стены был Кремль с бревенчатыми стенами и с каменным ханским дворцом. Тут же, возле ханского дворца, находился тайный родник, который давал возможность получать ключевую воду для города, ибо речушка Булак, протекавшая через город, давала воду плохого качества. Гарнизон состоял из 30 тысяч отборных воинов под начальством самого хана Едигера.

Кроме того, примерно в 20 километрах от города, в лесах скрывалось 20 тысяч татарских улан. На стенах крепости была артиллерия, но очень плохая. Главным образом это были деревянные пушки, окованные железом. Ручного огнестрельного оружия у татар не было. В техническом отношении русские войска имели много преимуществ перед татарами.

Осада Казани началась созданием осадного кольца вокруг города. Примерно на протяжении семи километров были построены специальные большие туры, т. е. цилиндрического вида корзины с землей, высотой в 3 метра. Они соединялись в одну цепь и образовывали передвигающуюся стену. Такие осадные сооружения были расположены в 100 метрах от городских стен.

Любопытно, что при осаде Казани впервые в истории русского военного искусства применяются подкопы. Для этого Иван Грозный выписал из-за границы специалистов саперного дела, в частности одного инженера, который, как говорит летописец, был „хитро навычен по градскому разорению", т. е. был специалистом по разрушению городов. Этому специалисту поручили прежде всего разрушить тайник с водой. Под него была подведена минная галлерея длиной в 60 метров, и в начале сентября родник с водой был разрушен. Таким образом город был лишен воды и должен был брать воду из грязной речушки.

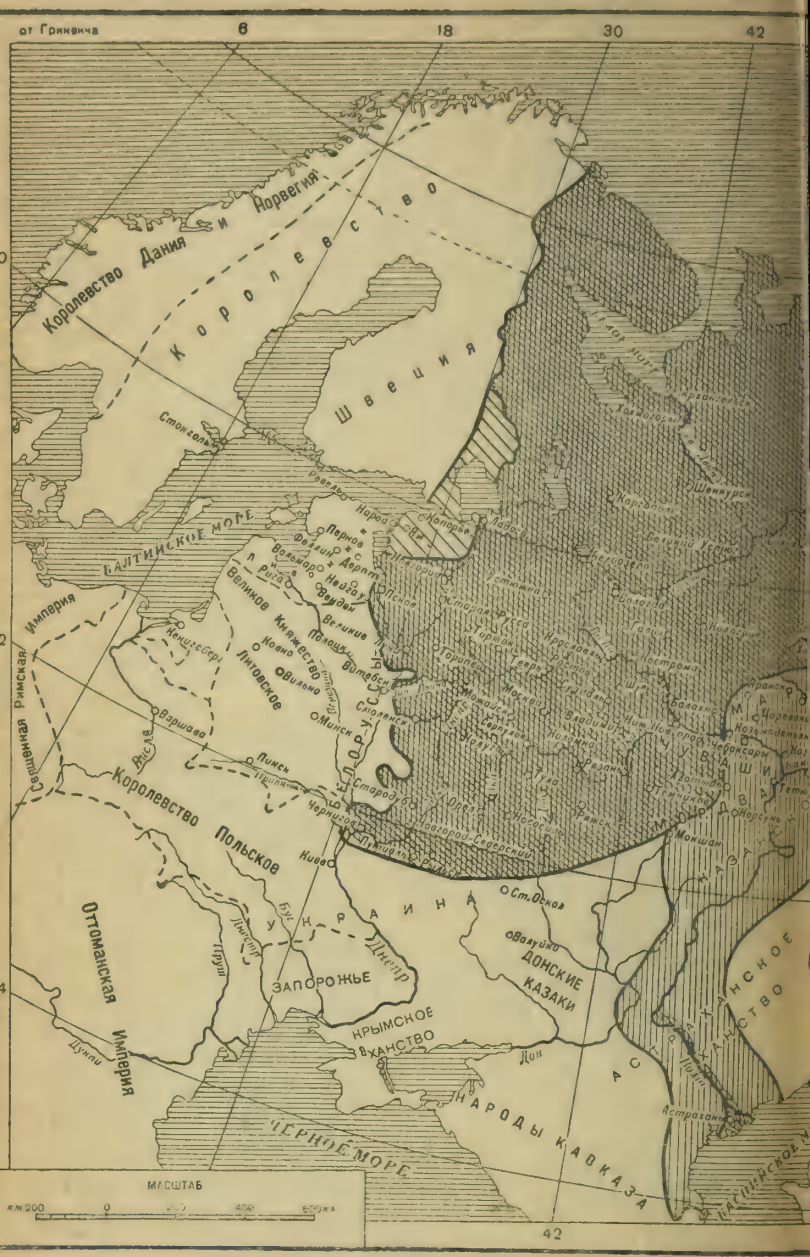
Татары оказывали русским войскам весьма сильное сопротивление. Даже женщины и дети принимали участие в борьбе.

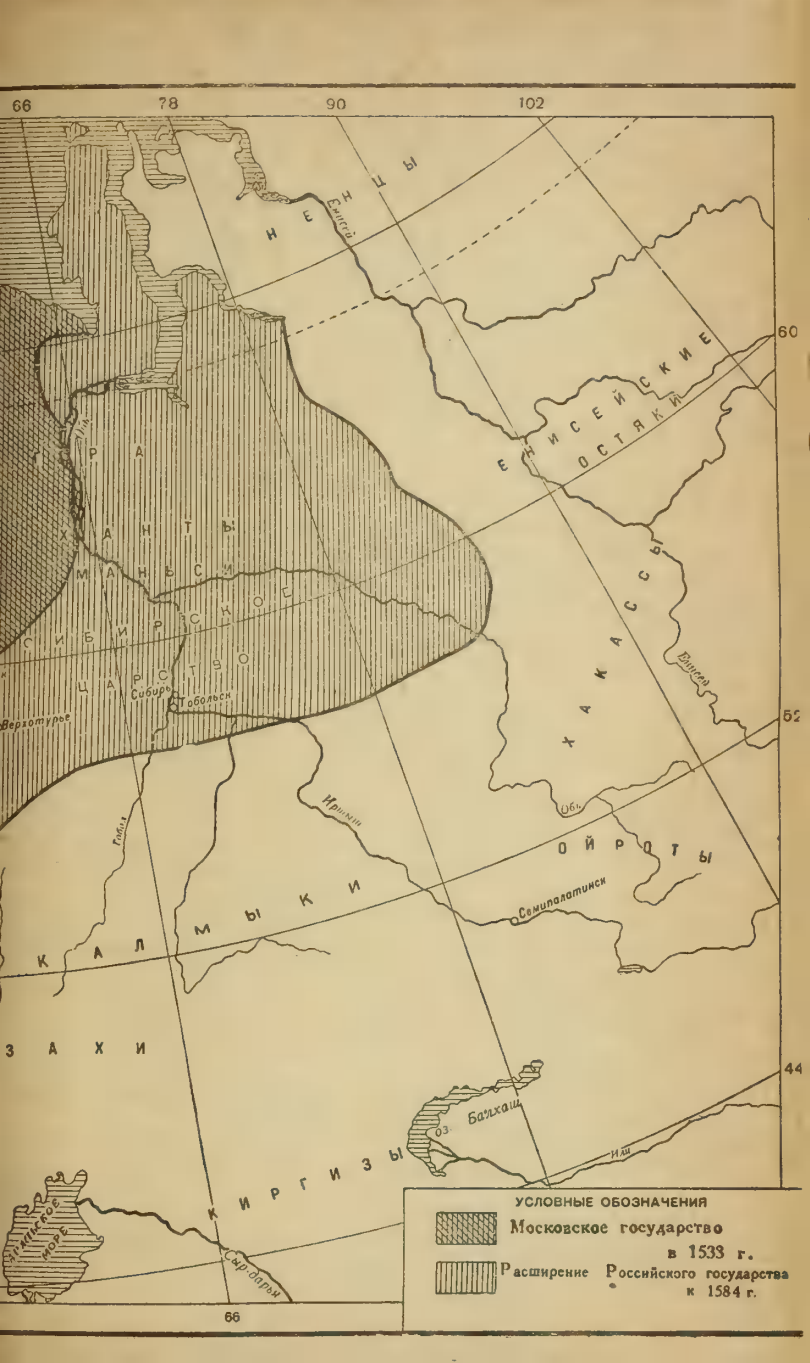
В сентябре русские войска предприняли новые меры для усиления осады Казани. Был предпринят большой подкоп, готовился решающий артиллерийский обстрел. Русские войска строили особую осадную башню под руководством знакомого нам инженера Выродкова. Башня была доставлена по воде в разобранном виде. Она была на 5 метров выше крепостной стены Казани. На эту колоссальную башню, которая могла к тому же передвигаться, поставили артиллерию: 10 тяжелых пищалей, около 50 полуторных пищалей, и посадили стрельцов с ручницами. Башня нанесла большой урон татарам. Под ее прикрытием были продвинуты вперед укрепления, и русские войска оказались в нескольких десятках метров от крепостных стен.

1 октября был открыт усиленный огонь стенобитных орудий, т. е. тяжелой артиллерии, одновременно готовился грандиозный подкоп. Под землей были заложены две мины. На мины пошло по 240 пудов пороха. 2 октября произошел взрыв мины. Крепостная стена Казани в решающих местах была взорвана, и в эти проломы в стенах 2 октября 1552 г. ринулись основные силы русской армии. Собственно, это и решило судьбу Казани. Но бои происходили еще и в самом городе. Татары оказывали сильное сопротивление, каждая улица занималась с боем. Казань была разграблена и сожжена. Затем в выстроенный заново город было переселено много русских служилых людей—дворян и купцов, татарам же разрешалось жить только в пригородной слободе.

Но это было только началом подчинения Казанского ханства.

Несколько лет татарское население оказывало сопротивление царским войскам. Еще 3—4 года шла борьба в окрестностях Казани. В период 1552—1556 гг. на Казанской земле было несколько восстаний против русских завоевателей. Восставшие истребили несколько царских отрядов. В 1554 г. на подавление восстания татар русскому царю пришлось двинуть в бывшее Казанское ханство около 30 тысяч войск во главе с князем Курбским. Только через несколько лет Ивану Грозному окончательно удалось овладеть Казанским ханством и подчинить себе все народы, населявшие этот район,—татар, мордву, чувашей, марийцев, башкир, удмуртов и другие народности. Город Казань был превращен в русскую крепость и стал оплотом владычества русских феодалов. Захваченные земли раздавались помещикам, строились крепости: Чебоксары (1556 г.), Новококшайск (1573 г.),


от Гринвича
6
18
30
42
Королевство Дания и Норвегия
Королевство
Швеция
Стокгольм
Ревель
Нарва
Новгород
Перов
Ревель
Дерпт
Нейгаузен
Псков
Великие Луки
Полоцк
Витебск
Смоленск
Рига
Великое Княжество Литовское
Ковно
Вильно
Минск
Варшава
Висла
Пинск
Житомир
Киев
Чернигов
Стародуб
Полтава
Новгород-Северский
Белорусь
Балтийское море
Сенатская Римская Империя
Королевство Польское
Украина
Днепр
Запорожье
Донские казаки
Ст. Дон
Волгоград
Крымское ханство
Дунай
Прут
Оттоманская Империя
Черное море
Дон
Волга
Астрахань
Москва
Тверь
Ярославль
Нижний Новгород
Казань
Самара
Саратов
Воронеж
Тула
Орел
Курск
Харьков
Полтава
Чернигов
Киев
Одесса
Херсон
Николаев
Моршан
Ставрополь
Астрахань
Народы Кавказа
Каспийское море
Балтийское м.
Масштаб
км 200 0 200 400 600 км


66
78
90
102
60
52
44
66
НЕНЦЫ
Енисей
ЕНИСЕЙСКИЕ ОСТЯКИ
ГРАНТЫ
ХАНТЫ
МАНСИ
СИБИРСКОЕ ЦАРСТВО
Сибирь
Тобольск
Верхотурье
ХАКАССЫ
Енисей
Обь
Иртыш
Иртыш
ОЙРОТЫ
Семипалатинск
КАЛМЫКИ
ЗАХИ
Балхаш
оз.
Или
КИРГИЗЫ
Сыр-Дарья
Аральское море
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
Московское государство в 1533 г.
Расширение Российского государства к 1584 г.

Тетюши (1578 г.) и др., в которых стояли московские войска. Эти меры обеспечивали окончательное закрепление русских помещиков в завоеванных районах.

Особое внимание уделил Иван Грозный захвату башкирских территорий. В частности, с этой целью в 1574 г. он заложил крепость Уфу. В это же время в других местах был заложен ряд более мелких городов, в том числе город Уржум. Крепости служили базой для продвижения русских, для окончательного завоевания этих районов и угнетения русскими феодалами местного населения.

В результате завоевания Казани и Казанского ханства русские помещики получили около полутора миллионов десятин прекрасной земли—„вельми угодной", по выражению Пересветова. Купцы получили выгодный торговый путь, связывавший Россию через Волгу и Каспийское море с различными районами Востока.

В это время в Астраханском татарском ханстве происходила большая внутренняя междоусобица. Ханы грызлись друг с другом. Часть татарских ханов была в русском стане. Среди феодалов Астрахани существовали две партии: московская и крымско-турецкая. После взятия Казани побеждает московская партия. В соседней с Астраханью Ногайской Орде руководство принадлежало сторонникам Москвы. В Астрахани в это время сидел хан Ямгурчей, противник Москвы. Московская партия, опираясь на помощь ногайцев, решила свергнуть Ямгурчея и посадить на его место сторонника Москвы. Им на помощь пришел Иван IV.

В 1554 г. Иван Грозный послал 30 тысяч войск в первый поход против Астрахани, против хана Ямгурчея. Надо сказать, что астраханцы не защищали свою столицу: они бежали. Сам Ямгурчей раньше своих подданных бежал в Азов, под защиту турецкого султана. Царем русские назначили Дербыш-Али, когда-то свергнутого астраханского царя, сторонника Москвы, оставили ему отряд казаков для защиты и взяли с него клятву, что он будет ежегодно платить русскому царю дань: 40 тысяч алтын деньгами и 3 тысячи больших рыб. Кроме этого, московский воевода выдвинул такое требование: если этот хан умрет, то нового царя астраханцы возьмут у московского царя.

Но весной 1556 г. Дербыш-Али перешел на сторону крымского хана, который пользовался покровительством турецкого султана. Это выступление против Русского государства послужило поводом к тому, что Иван Грозный отправил новые отряды стрельцов, которые окончательно завоевали Астрахань

в 1556 г. Таким образом, весь великий волжский путь перешел в руки Московского государства. Захват берегов Каспия обеспечивал дальнейшее продвижение в Иран, Закавказье и на Северный Кавказ.

В стремлении продвинуться дальше на восток Иван Грозный пытался, и довольно удачно, подчинить себе территорию Северного Кавказа. Здесь было много мелких князьков, которые ссорились между собой. Эти князьки находились в зависимости от крымского хана. Когда Иван IV захватил Казань и Астрахань, все они пытались получить его помощь для защиты от крымских Гиреев. В середине XVI века ряд черкесских и кабардинских князей перешли на службу к Ивану IV, Грозному. Впоследствии, в 1560 г. царь Иван IV даже женился на дочери одного кабардинского князя—Марии Темрюковне.

Под предлогом защиты своего тестя, т. е. отца Марии Темрюковны, Иван IV, Грозный построил на Тереке ряд крепостей, которые служили базой дальнейшего расширения Русского государства на Северном Кавказе.

Таким образом, с подчинением татар, мари, чувашей, башкир и других народов Поволжья и Северного Кавказа Русское национальное государство начинает превращаться в многонациональное, т. е. состоящее из разных народов, угнетаемых самодержавием.

Иван Грозный пытался продвинуться дальше на восток, захватить территорию Ирана, но должен был отступить.

Попытки завоевать персидскую территорию показывают, что Московское государство уже тогда было настолько сильным, что ставило перед собой задачу покорения такого могущественного соседа, как персидский шах.

РАСШИРЕНИЕ СВЯЗЕЙ С ЗАГРАНИЦЕЙ

В СЕРЕДИНЕ XVI века Русское государство расширяет свои связи с Западной Европой.

Великие географические открытия конца XV и начала XVI веков обеспечили выход на сцену мировой истории новых держав. Вместо Италии на первое место вышли Испания и Португалия, которые захватили дорогу в Америку и новые пути в Индию. Передвижение мировых торговых путей на Атлантический океан использовали в своих интересах Испания и Португалия. Англия ищет новый путь на Восток—в Индию. Английские купцы ищут новых рынков и пытаются про-

браться в Индию северным путем, независимым от Португалии и Испании.

В середине XVI века в Англии по инициативе известного мореплавателя Себастиана Каботы организовалось „Общество купцов-предпринимателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений, неведомых и даже доселе морским путем не посещаемых“. Англичане пытаются пройти по пути который называется у нас Великим северным путем, т. е. по тому пути, который освоен только большевиками теперь в эпоху социализма. Попытки англичан открыть этот северный путь окончились неудачей. География севера была им совершенно неизвестна; англичане не знали как следует даже норвежских берегов. Несмотря на это, несколько лондонских купцов собрали в 1553 г. капитал в сумме 6 тысяч фунтов стерлингов. На эти деньги была снаряжена экспедиция в составе трех кораблей: „Добрая Надежда“, „Благое Упованье“ и „Эдуард—Благое Предприятие“. Во главе экспедиции стоял некий Хью Уиллоуби. Это был дворянин знатного происхождения, большой знаток военного дела. Капитаном судна „Эдуард—Благое Предприятие“ был Ричард Ченслор, очень умный человек, пользовавшийся большим уважением. Как опытный моряк и знаток механики и астрономии Ченслор был назначен главным кормчим всей экспедиции. 11 мая 1553 г. экспедиция отправилась в далекий путь. В экспедиции участвовало 116 человек, в том числе 11 купцов.

В начале августа 1553 г. буря разбросала по морю утлые парусные суденышки англичан. Два корабля потерпели крушение возле Мурманского берега Кольского полуострова. Вся команда, около 100 человек, погибла от цынги и морозов. Начальник экспедиции вел дневник до января 1554 г. Только на следующую зиму местные жители нашли следы погибших и увидели, что два корабля „стоят на якорях в становищах, и люди на них все мертвы, и товаров на них много“.

В конце августа 1553 г. последний корабль экспедиции приплыл в устье Северной Двины, пристал к неизвестным берегам, где нашел неизвестных ему рыбаков. Эти рыбаки оказались жителями Русского государства. Ченслор узнал, что он попал вместо Индии, манившей к себе жадных на торговые барыши английских купцов, в Московию, о которой англичане имели довольно туманное представление.

Иван IV, узнав, что какие-то иностранцы приехали на корабле в Белое море, пригласил их к себе в Москву. Ченслор отправился в ноябре 1553 г. в Москву и пробыл там несколько месяцев. Его принял царь, и он вернулся на родину

в 1554 г. с дружеским письмом русского царя английской королеве Марии Кровавой.

После сообщения Ченслора об итогах его путешествия общество „купцов-предпринимателей“ добилось от английской королевы получения особой хартии на исключительное право торговли с Русским государством. В начале 1555 г. образовалась особая „Московская компания“ английских купцов, монополизировавшая в своих руках торговлю с Россией. В состав ее вошло 207 акционеров. Число их в дальнейшем быстро растет и доходит до 400 человек в 1565 г. Устанавливаются крепкие торговые связи России с Англией. В Англию из России вывозятся кожа, сало, воск, деготь, меха, пенька, лен и т. п.

Англичане пытались заменить в Московии немецкие и голландские ткани своими, английскими. Они привозили в Россию сукна, сахар, бумагу и различные военные припасы. В конце царствования Ивана IV в устье Северной Двины, куда приезжали обычно англичане, был построен первый русский морской порт Архангельск. Англичане получили большие привилегии у Ивана Грозного. В 1555 г. английская торговая компания получила от Ивана IV жалованную грамоту на право свободной и беспошлинной торговли по всей России. Английские купцы были освобождены от торговых пошлин; для них установили особый суд, подчиненный самому царю; они имели право провозить товары куда угодно, вплоть до Самарканда. Обычно их путь был таков: через Белое море, затем через Вологду к Ярославлю и оттуда по Волге на судах до Каспийского моря. Так они связывались с Востоком.

В 1557 г. целая экспедиция английских купцов во главе с агентом „Московской компании“ Антонием Дженкинсоном на четырех кораблях проехала в Астрахань. Оттуда экспедиция двинулась на Восток, в Хиву и Бухару, и там продала свои товары. В 1562 г. тот же Дженкинсон проехал волжским путем в Иран и добился у персидского шаха больших привилегий для английских купцов. За период с 1558 по 1581 г. было снаряжено на Восток семь экспедиций. Из них одна в Бухару и шесть в Иран.

В Иран английские купцы ввозили сукна, шерстяные ткани, олово, медь, медную посуду. Из Ирана они вывозили шелк-сырец, перец, имбирь и другие пряности, рис, жемчуг, драгоценные камни, ковры и пр. Свои товары англичане продавали по очень высокой цене. В результате от этой торговли они получали чрезвычайно большие прибыли. По донесениям одного из агентов английской компании мы можем установить,

что сукно, которое в Англии продавалось по 6 фунтов стерлингов за кусок, в Нижнем-Новгороде расценивалось в 17 фунтов стерлингов. Выходит, что англичане получали почти 300% прибыли. От торговли в России англичане получали не меньше барышей, чем испанцы в Индии или в Америке.

Что касается пути в Азию через Российское государство, то он был довольно длинным. Нужно было проехать до Белого моря, а из Белого моря в Астрахань. Обычно зимой этот путь от Белого моря до Астрахани занимал 46 суток. Но этот путь был все же короче, нежели путь испанцев до Индии или Америки, который при тогдашних средствах сообщения занимал у них 2—3 месяца. Сами английские купцы подчеркивали, что им довольно удобно торговать с Ираном через Московию. Они говорили, что имеют более быструю связь с Востоком, чем имеют ее испанцы и португальцы. В записке англичанина М. Локка, которая относится к 1575 г., специально подчеркивается особая выгода торговли Англии с Россией.

В 1555 г. целый флот вместе с первым русским послом Осипом Непея двинулся в Англию. После тяжелого путешествия Осип Непея попал, наконец, в Англию. Он договорился с английской королевой, что русские купцы получают право беспошлинной торговли, строить дома под склады, получают много привилегий в Англии. Оттуда он привез много специалистов различных квалификаций. Горсей, агент торговой компании, потом английский посол в России, в своей книге „Записки о Московии XVI века“ пишет, что Иван IV „выписал из Англии искусных строителей, архитекторов, столяров и каменщиков, золотых дел мастеров, врачей, аптекарей и т. п.“

В это же время в Россию из Англии приехал врач, математик и астролог Бомелий. Будучи ловким человеком, он довольно быстро выдвинулся при Иване Грозном, завоевал себе авторитет и действовал в качестве составителя ядов для отравления изменников государевых.

Надо заметить, что Иван Грозный, как подчеркивают все иностранные писатели, был весьма любезен к иностранцам, чрезвычайно заботился о том, чтобы иностранцы приезжали в Россию, держали с ней деловые связи, торговые и в иные другие, и оставались бы в России на службе. Даже немецкий шпион Генрих Штаден[1], будучи врагом Ивана Грозного, говорил об этом.

---

[1] Генрих Штаден, немец, попал в Россию в качестве шпиона германского императора с целью выяснения военных слабостей Рос-

Штаден подчеркивал, что в России иноземцы получают большие привилегии, им дают большое жалованье, отводятся хорошие дворы на Болвановке (слобода для иноземцев в устье Яузы), дают дорогие кафтаны на собольем меху, шелк, одежду и т. д. Кабаки были царской монополией, но иностранцам разрешалось держать собственные кабаки. От всяких таможенных пошлин они освобождались. Зато иностранцам грозила смертная казнь, если русские узнавали, что они намереваются вернуться обратно к себе на родину. Иван Грозный и дворяне требовали от приехавших иностранцев служить Русскому государству верно и до конца.

В начале 1548 г. Иван Грозный посылает за границу некоего немца Шлитте, который был у него на службе, чтобы тот привез ему людей для службы в России. Шлитте нанимает там 123 человека, среди которых были военные инженеры, врачи и пр. Но все они были задержаны Ливонией.

Ливония всячески старалась тормозить выход русским на Запад, мешала их связям с другими государствами. Поэтому она задержала завербованных для России специалистов.

ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА

В ТЕСНОЙ связи с развитием русской заграничной торговли находится и Ливонская война. Это было самое крупное мероприятие внешней политики Ивана Грозного.

России нужен был порт на Балтийском море, в Финском заливе. Этого и добивался Иван IV, но получить выход в Балтийское море удалось только Петру I в начале XVIII века. Для усиления связи России с Западной Европой, для расширения русской торговли с заграницей нужен был порт не на

сии, путей завоевания России и т. п. Его книга о Московии XVI века была докладной запиской германскому императору о том, как можно завоевать Московское государство. Первая глава книги целиком посвящена этому. Вторая глава называется «План обращения Московии в имперскую провинцию». Штаден подробно излагал, сколько человек нужно послать для того, чтобы захватить Белое море, что нужно для того, чтобы захватить Псков и Новгород. Явился он в Россию в 1564 г. Вначале работал в качестве толмача посольского приказа, был кормчарем, затем превратился в помещика, потом перешел на службу к Ивану Грозному, был опричником. Воспользовался опричниной для того, чтобы пажиться как следует. После этого стал купцом и, наконец, уехал обратно за границу. Там он доложил свой план завоевания России германскому императору.

Белом море, а на Балтийском. В этом и кроется причина Ливонской войны.

Ливония находилась на путях из Московии в Западную Европу. Южное побережье Финского залива и весь Рижский залив непосредственно граничили с Западной Европой. Ливония задерживала людей, которых набирали за границей для России, она мешала русской торговле. Нарва и Ревель и, наконец, Рига, но особенно Ревель и Нарва,—два крупнейших торговых города, всячески старались взять в свои руки торговлю России с заграницей и не давали возможности русским купцам самим продавать товары за границу. Русские купцы лишались не только товаров, но часто и жизни. Ливонцы также всячески задерживали продвижение заграничных товаров в Россию и особенно тормозили продвижение оружия, которое Россия получала из Англии.

Что из себя представляла Ливония? Ливония—это район нынешней Эстонии, Латвии и частично Литвы. В конце XII века в этот район, на берега Рижского и Финского заливов, проникли немецкие псы-рыцари, как называет их Маркс. Они подчинили себе местное население—ливов, эстов, латов и т. д. Они захватили все побережье Рижского залива и южную часть Финского залива. На захваченных землях они организовали свой военно-рыцарский орден меченосцев и свое государство Ливонию.

Немецкие рыцари-дворяне считались монахами и были объединены в религиозно-военную организацию авантюристов и грабителей, которая называлась орденом. Главный орден немецких дворян, захватчиков Прибалтийских земель, назывался Тевтонским. Завоеватели Ливонии образовали свой орден, который считался отделением Тевтонского и получил название ордена Меченосцев—их эмблемой были два скрещенных меча. В 1237 г. оба ордена объединились.

Немецкие рыцари, захватив Прибалтийские земли, пытались продвинуться дальше на русскую территорию, но в 1242 г. на льду Чудского озера князь Александр Невский нанес немецким прохвостам сокрушительный удар и отбросил их от русской земли.

Ливонские послы в 1554 г. приехали в Московию, чтобы возобновить перемирие, заключенное в 1503 г. еще предшественниками Ивана IV. Царь Иван IV требовал от Ливонии уплаты дани, которую должны были платить русским разбитые в XIII веке новгородцами немецкие рыцари пограничной Дерптской области. Он требовал также права свободной торговли для России с Западной Европой через Бал-

тийское море, свободного пропуска иностранцев в Московию и отказа в помощи Польше и Литве, в случае если Россия начнет с ними войну.

Немцы обманули Ивана IV, они пошли на хитрость. Согласившись принять требование, чтобы выиграть время, они заключили в 1557 г. военный союз с Польшей. Тогда Иван Грозный начал войну с Ливонией. Он надеялся на успех, хорошо зная о внутренней слабости Ливонии. Эта причина внутренней слабости Ливонии заключалась в том, что там были очень сильны противоречия между завоевателями Прибалтийских земель—немецкими феодалами, с одной стороны, и угнетенным эстонским и латышским крестьянством—с другой. Глубокая ненависть к псам-рыцарям росла с каждым годом у замученного ими коренного населения страны. Кроме того, в Ливонии существовали резкие противоречия между феодалами и купеческой верхушкой таких городов, как Рига, Ревель и другие.

Иван IV в январе 1558 г. двинул русские войска со стороны Пскова на территорию Ливонии.

Война с Ливонией была сначала довольно удачной для Ивана Грозного. Русские войска заняли территорию протяжением около 200 верст, а с апреля 1558 г. вели усиленную артиллерийскую осаду Нарвы. Нарва была тогда крупным торговым портом почти на берегу Финского залива: сюда приезжали купцы из Франции, Голландии, Англии, из немецких городов. Но самое главное было то, что Нарва являлась ключом к Финскому заливу Балтийского моря. Русские выпускали каждый день по нескольку сот железных и каменных ядер по городу. В начале мая 1558 г. Нарва сдалась. Иван Грозный получил богатую добычу—товары ревельских, ганзейских и других купцов.

Иван IV ликовал после захвата Нарвы. Он немедленно укрепил Нарву, ибо прекрасно понимал, что ее будут отвоевывать обратно.

Были проведены мероприятия политического характера для укрепления авторитета русских в Нарве. Иван Грозный дал нарвским жителям право на свободную, беспошлинную торговлю по всей России, освободил Нарву от военных постоев, запретил войскам грабить жителей. Войско должно было охранять интересы нарвских жителей. Крестьянам вокруг Нарвы Иван Грозный дал зерна для посева, хлеба для пропитания и лошадей для обработки полей. Поэтому „черные люди“ города Нарвы стояли за Ивана Грозного и совсем не хотели переходить обратно под немецкое владычество. Эта

дальновидная политика указывает на большие государственные и дипломатические способности Ивана Грозного.

В июле 1558 г. Иван IV одержал вторую победу. Дерпт, или иначе Юрьев, крупный торговый город и политический центр Ливонии, перешел в руки русских. Русские захватили здесь большое количество артиллерии—свыше 500 пушек.

Здесь Иван Грозный проводил ту же политику, что и в Нарве. Жители Дерпта получили самоуправление, право свободной торговли. Солдат, пытавшихся грабить, подвергали наказанию вплоть до смертной казни. Завоевание авторитета у жителей, чтобы закрепить свою власть в Ливонии,—вот чего добивался Иван Грозный через своих воевод.

Мы имеем ряд сообщений иностранцев по поводу войны России с Ливонией. Один известный французский писатель сообщал в письме знаменитому церковному реформатору Кальвину, что московский государь скоро займет всю Ливонию. Он писал, что Иван Грозный—человек воинственный и храбрый. „Если суждено какой-либо державе в Европе расти, так именно этой",—указывал он в заключение, имея в виду Россию.

Европейские державы поняли значение Московского государства, его силу и могущество, выраженное, в частности, в активной внешней политике.

Ливонский летописец Балтазар Рюссов в своей хронике отмечал, почему русским удалось одержать ряд побед в Ливонии. Рюссов, несмотря на то, что был политическим врагом России, подчеркивал особую храбрость русских солдат: „Во-первых, русские—работящий народ. Русский в случае надобности неутомим во всякой опасной и тяжелой работе... они держатся в крепости до последнего человека, скорее согласятся погибнуть до единого, чем итти под конвоем в чужую страну". Он подчеркивает храбрость, выдержку, неутомимость русских воинов и говорит, что это было причиной успехов России в войне с Ливонией. Он же сравнивает русских с немцами—хозяевами Ливонии: „Немцам же решительно все равно, где жить, была бы только возможность вдоволь наедаться и напиваться".

Один из польских шляхтичей, историк Гейденштейн (личный секретарь польского короля Стефана Батория), тоже заклятый враг Грозного, написал в 1584 г. „Записки о Ливонской войне". Он подчеркивал в этих записках, что Грозный создал огромную державу. Он отмечал, что русский народ во время войны показал невероятную твердость при защите и охране крепостей, а перебежчиков со стороны

русских было вообще очень мало. Даже сам польский король Стефан Баторий, как рассказывает иностранец Поссевин, удивлялся храбрости русских воинов.

Вся Европа и прежде всего ближайшие соседи России по Балтийскому морю, т. е. Германия, Швеция, Дания и Польско-литовское государство, с большим опасением смотрели на успехи Грозного, ибо Швеция и Дания, а также и Польско-литовское государство сами были заинтересованы в завате Ливонии. Поэтому они вели по отношению к Грозному явно недоброжелательную политику.

Ливония в начале 60-х годов была „яблоком раздора" между крупными державами северо-восточной Европы. Тот, кто господствовал в Ливонии, тот господствовал над Балтийским морем, тот держал в своих руках Финский залив. Интересы различных государств переплетались в Ливонии, и неслучайно ливонский вопрос—это основной дипломатический вопрос для Европы второй половины XVI века.

Опасаясь успехов России на Балтийском море, германские купцы и феодалы начали помышлять о блокаде России. Они запретили торговлю имперских городов с Нарвой. Правда, от этого больше страдали сами имперские города, чем русские, но это была явная попытка блокады России со стороны германцев. Это была попытка ввязаться в войну и оказать сопротивление внешней политике Московского государства.

В августе 1560 г. около города Валка произошла последняя битва Ливонского ордена с русскими войсками. Ливонцы были разбиты. Русской армии удалось довольно быстро взять одну из крупных крепостей Ливонского государства—город Феллин и захватить еще несколько крепостей более мелких. После захвата Нарвы, Дерпта и крепости Феллин основная часть Ливонии оказалась в руках русских.

В результате побед русских войск произошел распад самого ордена. Могущественная тогда Швеция берет под свое владычество Ревель—один из крупнейших морских портов Ливонии. Польша берет под свое владычество Ригу. Дания забирает Пернов. От Ливонии остается только маленькая Курляндия. Она была объявлена герцогством, находящимся в феодальной зависимости от Польши.

Начался новый этап борьбы за Ливонию. Русским пришлось уже бороться не с одним Ливонским орденом, а с несколькими государствами: Польшей, Швецией и Данией. Швеция в то время занимала не только территорию теперешней Швеции, но и территорию Финляндии и была самым могущественным государством на севере Европы. Польша

в то время была в союзе с Литвой, порабощала Белору сию и Украину. Она была одним из сильнейших врагов Ру ского государства и стремилась захватить новые территори

Опираясь на своих союзников, ливонцы в 1561 г. сно начали борьбу против Московского государства. В 1561 г году Польша объявила войну России.

В декабре 1562 г. Иван Грозный сосредоточил огромн количество войск под Можайском (до 80 тысяч). По объединенных войск русские потерпели ряд поражений. Ког главнокомандующий Курбский был разбит под Невеле у Грозного зародилось подозрение в измене со сторон главнокомандующего и других воевод. Он решил лично во главить русское войско. В феврале 1563 г. Ивану Грозном удалось взять Полоцк, являвшийся тогда крупным белору ским городом, захваченным Польшей, и дойти до Вильн Грозный овладел, таким образом, довольно значительной те риторией Польско-литовского государства.

Вскоре была раскрыта измена крупных бояр-вотчинников В январе 1564 г. один из видных начальников русского во ска—князь Андрей Курбский, командовавший русским гарн зоном в Дерпте, бежал как изменник к польскому корол Он бежал не один, а с 12 другими боярами-изменниками бывшими ранее крупными командирами русской армии. Кур ский немедленно предложил свою помощь польскому корол стал командовать отрядом польских войск в 15 тысяч чел век, напал на русскую территорию, разграбил Великие Лу и отошел обратно. Курбский требовал от польского коро немедленного нападения на Московию. Он подговаривал крымского хана напасть на Московию, т. е. вел активну изменническую политику борьбы против Московии.

В письме, адресованном лично Ивану Грозному, Курбск весьма резко выступал против политики Грозного, обруш вался на весь род московских князей, заявляя, что он бы братоубийственным, кровопийственным родом, „лютостью р жденню в законопреступлении и сладострастии". Грозно он называл тираном и особенно обрушивался на него за т что тот набирал себе помощников не из родовитого боярств а из поповичей, из простого народа. Этим Курбский оправдь вал свою измену. Письмо заканчивается сообщением, ч оно написано „в Вольмере, граде моего государя Августа".

В ответ на это наглое письмо Иван Грозный сочиня длинное послание на 105 страницах. Это знаменитое послан к князю Курбскому, в котором Иван Грозный обменял „любезностями" с князем, назвав его собакой и изменник

Иван IV подчеркивал, что казни вельмож справедливы, потому что с изменниками иначе поступать нельзя.

Измена Курбского и других полководцев в войне с Ливонией была толчком к более решительной борьбе Ивана IV против крупных бояр-вотчинников, стремившихся ограничить его самодержавную власть.

ОПРИЧНИНА

В ДЕКАБРЕ 1564 г. Иван IV неожиданно переехал со своей семьей в село Коломенское, а затем отправился дальше, в Александровскую слободу, что в 115 километрах от Москвы (теперь г. Александров). Оттуда он написал письмо боярам, что не может дальше терпеть такого положения, какое существует на Руси.

Иван IV написал письмо и московскому посаду о том, что бояре изменяют ему и своевольничают, а на купцов и народ он не в обиде, „гнева на них не держит".

Московский посад поддержал Ивана. Во время чтения письма на площади кричали, чтобы царь вернулся на царство, что за государевых изменников они не стоят и сами их истребят. К царю была отправлена делегация бояр, высшего духовенства, приказных людей и купцов. Он согласился вернуться на царствование при условии полной свободы расправы с изменниками-боярами. Бояре дали согласие и на это. Иван Грозный возвратился в январе 1565 г. и начал проводить свою политику опричнины.

Опричнина явилась средством борьбы поместного дворянства, на которое опирался Иван, за обладание землею и крепостными крестьянами, за дальнейшее укрепление централизованной самодержавной власти против бояр, сидевших в своих вотчинах, как маленькие царьки, против их стремления ограничить самодержавную власть.

Одна часть государства (в основном центральные и северные районы государства, бывшие удельные княжества и центры этих княжеств: Можайск, Суздаль, Шуя, Галич, Вологда, Старая Русса, Белев, Вязьма, Козельск и другие) была выделена Грозным в опричнину. Жители этой области назывались опричниками, т. е. людьми особыми, а служилые люди этой области назывались опричниками (опричнина происходит от русского слова опричь, т. е. кроме).

Что собой представляли опричники? Это отборные люди Ивана Грозного. К опричнине была отнесена тысяча отборного

дворянства. Затем еще прибавлено пять тысяч. Таким образом, около шести тысяч опричников были выделены как особая привилегированная группа дворянства, получившая от Грозного поместья и составлявшая его вооруженную охрану. Шефом этого войска и дозорщиком крамолы был Малюта Скуратов (Плещеев-Бельский), который являлся правой рукой Грозного.

Какие дворяне были выделены в опричнину? Те дворяне и та часть боярства, которую царь брал под свою защиту как верных своих слуг. Он всячески добивался, чтобы своим богатством и вооружением они превосходили всех остальных. Опричники приносили особую клятву в верности царю. Они клялись, что будут сообщать о всех, кто попытается замышлять против царя что-нибудь плохое, они клялись любыми средствами бороться с изменниками государству и государю.

Опричники имели даже внешнее отличие от земских людей. Они носили особую форму—обычно черный кафтан поверх богатой и разноцветной одежды и при седле собачью голову и метлу. Это был символ того, что они должны были вынюхивать, выслеживать врагов царя и выметать всех изменников-бояр.

Иван Грозный при любых условиях защищал своих верных слуг-опричников, защищал даже тогда, когда они были неправы. Этот момент отражен в известном произведении Лермонтова „Песнь про купца Калашникова". Во время кулачного боя, устроенного царем, купец убивает опричника. Иван перед боем обещал награду победителю: „Кто победит кого, того царь наградит, а кто будет побит, тому бог простит". Однако, когда купец Калашников убил опричника, Иван Грозный дает победителю награду несколько иного рода.

Я топор велю наточить-навострить,
Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу звонить,
Чтобы знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью...

Вот какая царская милость ожидала победителя—купца Калашникова за то, что он осмелился убить опричника.

Другая часть государства, не вошедшая в опричнину, называлась земщиной.

Земские люди—это те бояре и та часть дворян, которые были лишены покровительства Грозного, значительная часть которых были опальными. Это были, главным образом,

потомки удельных князей, княжата и те бояре, которые проводили политику самоуправства, которые боролись против централизованного самодержавного государства, создаваемого Грозным.

Земщиной управляли Иван Бельский и Иван Мстиславский. Иван Грозный посадил над ними в цари бывшего татарского царевича Симеона Бекбулатовича.

Часть территории государства была выделена в опричнину для того, чтобы выселить оттуда всех бояр, удельных князей и передать их наилучшие земли опричникам. У бояр и княжат забирали имущество и отправляли на окраины, если не убивали на месте. Всего было выселено около 12 тысяч семейств.

По предложению Ивана Грозного, имения опальных князей и бояр забирались в казну. Доходы с городов, взятых в опричнину, шли на содержание опричников.

В самой Москве были опальные улицы. В привилегированном положении были Арбат, Сивцев Вражек и часть Никитской улицы. На Воздвиженке, возле Арбата, где сейчас новое здание библиотеки имени Ленина, был построен опричный дворец Ивану Грозному, который отказался жить в Кремле.

Иван Грозный прямо заявлял, что цель опричнины—это „людишек перебрать", проверить и не только перебрать, но кое-кого и передрать.

Некоторые буржуазные историки усиленно доказывают, что Грозный—это полубольной, сумасшедший человек, который страдал манией преследования и подозрительности. Такое утверждение не соответствует исторической действительности, ибо измена действительно гнездилась среди бояр. Недаром в одной народной песне правильно поется, что измена сидит рядом с царем, „за одним столом, пьет да ест с одного места, носит платье одного сукна". Ошибается и Покровский, сомневавшийся в наличии измены. Жестокая расправа с изменниками была совершенно необходима и правильна. Изменников нужно было истреблять, чтобы создать и укрепить централизованное мощное государство.

В 1566 г. состоялся Земский собор. На этом соборе было 74 человека. Среди них было 20 бояр, около 200 дворян, 2 архиепископа, 12 „гостей" (крупных купцов), несколько десятков человек из служилого персонала приказов.

Основным вопросом, который обсуждал Земский собор, был вопрос о Ливонской войне. Как быть дальше, продолжать войну или нет? И вот что оказалось: купцы и дворяне были

за войну. Например, дворяне заявили просто и ясно: „Па кажется, что государство должно стоять за те города (т. захваченные у ливонцев), а мы, холопы его, на его государев дело готовы“.

А бояре заявили так: „...войну продолжать следовало бы. но буде король захочет лично с государем съехаться сговориться, то можно в тех делах промеж себя догово учинить“.

Иван Грозный на примере этого собора убедился в том что боярство действительно составляло гнездо изменников В 1567 г. в боярской среде был раскрыт заговор проти Ивана IV и его политики.

Иностранец Шлихтинг сообщает в своей книге, что в 1567 30 знатных лиц во главе с Иваном Шуйским письменно обяза лись выдать Ивана IV вместе с руководителями опрични ков польскому королю Сигизмунду-Августу, если бы он тольк двинулся на Москву.

Проведенное Иваном IV следствие показало, что измен пустила в боярстве глубокие корни. В частности выяснилос что и духовные власти Новгорода в союзе с некоторыми бли кими к царю опричниками, как князь Вяземский и др., был активными участниками заговора. После раскрытия заговор было казнено несколько тысяч бояр и опальных дворян Были казнены и некоторые опричники, изобличенные в из мене. Главного заговорщика Ивана Шуйского Грозный са убил ножом.

Иван Грозный брал с бояр клятву, что они не убегу в Польшу или Литву. В дополнение к клятве требовалос платное приложение в виде золота в сумме 15 тысяч рубле на деньги времен Ивана Грозного (около полутора миллион золотых рублей по курсу 1913 г.).

Нужно еще подчеркнуть, что буржуазные и дворянски историки, начиная с Карамзина, в том числе Костомаров Ключевский, заявляли в один голос, что опричнина—это кро вавая эпопея бессмысленных убийств. Конечно, им было очен жалко, что Иван Грозный проливал „голубую“ боярскую кровь. Им неудобно было писать о массовых казнях бояр в эпоху царизма.

Расправа Грозного над изменниками-боярами не предста вляла чего-то сверхъестественного, что склонны утверждат буржуазные историки, а была в интересах дворян-поме щиков и являлась мерой, укреплявшей господство более пе редовой части класса эксплоататоров—феодалов. Иван IV ликвидируя боярские преимущества в стране, „как бы

аканчивал начатое Калитой собирание разрозненных удельых княжеств в одно сильное государство" (Краткий курс стории СССР, под редакцией Шестакова, стр. 41).

В Европе XVI века кровавые расправы одной части госодствующего класса над другой проводились в еще более ассовых масштабах, чем в России. Поэтому заявления, что розный был психопат, есть досужий вымысел буржуазных сториков.

Любопытно, что ни один из западноевропейских историков е подчеркивал этой особенности Ивана IV. Грозный, конечно, е был психопатом, но он был психически неуравновешенным человеком. Это объясняется его воспитанием в детстве особенностями его последующей развратной личной жизни. Он имел только официальных семь жен. Одним из самых рких примеров его психической неуравновешенности является убийство им в припадке гнева своего старшего сына Ивана. тот момент необычайно ярко изображен в знаменитой картине великого русского художника Репина.

Необходимо отметить и оборотную сторону опричнины. Опричнина уничтожила значительную часть боярства России. о борьба с боярством шла за счет крестьянства. Разорение уничтожение бояр повлекло за собой разорение масс крестьянства, ибо все бояре свою экономическую мощь базировали на крестьянском крепостном труде. Когда их владения азорялись, разорялась и значительная часть крестьянских оров. Опричники грабили крестьян и всячески издевались ад ними. Крестьянское население уничтожаемых боярских отчин объявлялось вне закона.

Иностранец Шлихтинг в своем сказании о России времен вана Грозного пишет о расправах Ивана IV с крестьянвом: „Поместья и кучи хлеба он зажигал и обращал в пепл. Что же касается жен поселян, то он приказал обнажать и угонять в леса, как скот, причем тайно были расположеы засады из убийц, чтобы мучить, убивать и рассекать этих енщин, бродивших и бегавших по лесам".

Опричники часто использовали свое положение в личных нтересах. Генрих Штаден, о котором мы уже говорили, был но время опричником, участвовал в одной из карательных кспедиций против боярства. Он поехал в экспедицию на ном своем коне, а вернулся с 22 возами всякого добра. Штаден использовал положение опричника для грабежа. Так живалась значительная часть и других опричников.

В борьбе Ивана IV с изменой было много произвола и наилий над трудящимся населением.

Примером является разгром Новгорода в 1570 г. Цел
город был отдан в распоряжение опричников и предан оги
и грабежу, тогда как изменниками были богатые и сильны
бояре.

Дворяне-опричники эксплоатировали крестьян еще в бол
шей степени, чем бояре. В 60—70 годах по сравнени
с серединой XVI века повинности крестьян увеличили
в несколько раз. Дворяне стремились всячески закреп
крестьян за собой и в частности навсегда прикрепить
к своей земле. Ливонская война и предшествующие завоеван
требовали громаднейших средств. „Войны,—писал англичан
Дженкинсон,—влекут за собой не мало расходов для царя,
вся тяжесть ложится на бедное население". Правда, гос
дарство имело большие доходы от продажи хлеба. Продаж
хлеба была монополией царя. Раньше продавал хлеб цар
а потом остальные бояре. Выручал он от продажи хлеба пр
мерно 200 тысяч рублей на деньги той эпохи, т. е. око
20 млн. золотых рублей. Но этих денег нехватало. Ив
Грозный, кроме расходов на войну, имел чрезвычайно бол
шие личные расходы. Он имел для себя лично 10 тыс
лошадей. Дорого стоили все его пиры и празднества.

Англичанин Ченслор так описывает парадный обед цар
„...все подавалось на золоте не только ему самому, но
всем нам, и блюда были массивные; кубки также бы
золотые и очень массивные".

Иван Грозный имел также доход от кабаков. Кабаки бы
царской монополией. Каждый кабак давал примерно 2—3 т
сячи дохода в год. Между прочим, существовал любопытн
обычай. Людей вызывать из кабака нельзя было. Если же
пыталась вызвать мужа из кабака, ее не пускали. Считал
что человек, сидя в кабаке, делает государственное дел
Пока он сам оттуда не выйдет наг и бос, до тех пор ник
не имел права его вызывать.

Но никаких доходов нехватало царю, и поэтому примен
лись различные поборы.

Налоги, усиленный нажим на крестьянство разоряли е
подрывали экономическую мощь страны. Население в резул
тате этого разорения бежит из центральных районов Ру
ского государства. Оно бежит на Дон, на Волгу, на Днеп
Там из беглых крепостных крестьян формируется вольн
казачество.

Запустение центра Московского государства в результа
разорения крестьян особенно усилилось к концу царствов
ния Ивана Грозного. Вот, например, в Московском уезде

0 тысяч десятин пахотной земли в конце царствования Ивана IV пустовало 40%. Были районы, где пустовало 90% земли.

В 1553 г. проезжавший через центр России англичанин Дженслор поражался большому количеству густо населенных пунктов между Вологдой и Москвой. Ехавший той же дорогой, но уже в 1588 г., англичанин Флетчер удивлялся, что в этом районе находится так много разрушенных и совсем пустых селений.

В своей книге „О государстве русском" Флетчер говорит о рабском и жалком состоянии русского народа. Он пишет: „Кроме податей, пошлин, конфискаций и других публичных взысканий, налагаемых царем, народ подвержен такому грабежу и таким поборам от дворян, разных властей и царских посыльных по делам общественным... что вам случается видеть многие деревни и города в полмили или целую милю длины совершенно пустые, народ весь разбежался по другим местам от дурного с ним обращения и насилий".

Сохранились так называемые писцовые книги XVI века, т. е. хозяйственные описания отдельных районов с целью установления размеров податей. Если сравнивать данные писцовых книг одного района за 70-е и 80-е годы XVI века, то получается, что население уменьшилось на 20—30%.

Раньше при уплате всех своих долгов крестьянин мог осенью (в Юрьев день) переходить от одного владельца к другому. Теперь крестьянам запретили переходить и в Юрьев день. Народная память сохранила об этом факте употребляемую до сих пор пословицу: „Вот тебе, бабушка, и Юрьев день".

Разорение крестьянства, разорение основной производительной силы подорвало мощь государства.

В это время для России складывается очень тяжелая внешняя обстановка в связи с нападением на Москву в 1571 г. крымского хана Девлет-Гирея. Еще в 1558 г., когда Россия была увлечена началом Ливонской войны, он пытался неожиданно напасть на Московское государство. В 1571 г., подстрекаемый боярами-изменниками, которые сказали ему, что голод и опалы ослабили русское войско, Девлет-Гирей со стотысячным войском двинулся на Москву. Царские воеводы пытались обороняться в московских предместьях. Хан подступил к Москве и велел зажечь предместья. Вскоре загорелся и город. Посады, Китай-город, любимый дворец Ивана IV на Арбате—все было уничтожено пожаром. В пламени погибло огромное количество воинов и жителей. В такой обстановке крымский хан легко разгромил

немногочисленный гарнизон Москвы. После этого хан разор
большую часть юго-восточных областей Московского го
дарства и вернулся к себе в Тавриду с огромной добыч
Он увел более ста тысяч русских пленников. В услови
такой тяжелой обстановки Иван IV стремится объедини
всех феодалов (бояр и дворян) против внешнего врага. Поэто
в 1572 г. опричнина была отменена, тем более, что основн
задачи опричнины были уже осуществлены. В итоге пол
тики опричнины самодержавие было утверждено в Росс

В. И. Ленин в ряде своих статей подчеркивал, ч
самодержавие является диктатурой класса крепостников-
мещиков. Извращение этого важнейшего ленинского тез
Покровским привело его к антиленинскому, антиистори
скому толкованию ряда вопросов истории СССР. Антилени
ские толкования Покровского были использованы врага
народа в качестве дымовой завесы при их попытке пр
тащить в историческую литературу свое контрреволюцио
ное извращение основных вопросов истории СССР.

Разорение крестьянства опричниками и почти всей стран
крымским ханом сильно ослабили Московское государство.

Это являлось причиной того, что ливонская война
1578 г. развивалась так, что Иван IV вынужден был отда
обратно ряд городов. Конечно, здесь играло роль вмешател
ство новых государств—Польши, а затем в 1571 г. Швеци
Но основные причины этих неудач надо искать в изме
бояр, в разорении крестьянства войной и опричниками,
разорении всего хозяйства Русского государства.

Это же привело к тому, что поляки во главе с новым кор
лем Баторием в 1579 г. отобрали обратно у Грозного Полоц
и другие отвоеванные им белорусские земли, а в 1580 г. з
хватили несколько пограничных русских крепостей. В 1581
они пытались захватить Псков, но после героической защит
Пскова были отброшены от русских границ, и дальнейш
их продвижение в Россию было приостановлено.

Ливонская война велась 24 года. После мира, заключенно
в 1582 г. с Польшей, Иван Грозный ничего не получил,
и ничего не отдал, с чего начал, тем и кончил. Попыт
овладеть берегами Балтийского моря не увенчалась успехо
Даже Ивангород, который был русской крепостью, пос
мира со Швецией в 1583 г. перешел в руки шведов.

Но неудачи на Западе были возмещены новым расширение
русского государства на Востоке. Московское государство з
воевало территорию Западной Сибири, Сибирское татарск
царство.

ЗАВОЕВАНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В КОНЦЕ XV века произошло объединение в единое царство татар, живших на реках Иртыше и Тоболе, в Барабинских степях. Царство это получило название Сибирского от главного города Сибири, который был расположен в 16 верстах с нынешнего города Тобольска. Социальный строй Сибирского царства был такой же, как и в других татарских ханствах: власть принадлежала хану и крупным феодалам—эмирам, мурзам и т. д. Эмиры, мурзы во главе с ханом угнетали полукрепостное татарское население, а также покоренные татарами местные народы: хантов, манси и др.

В 60-х годах XVI века во главе этого царства стал хан Кучум, который пытался проводить активную политику борьбы против своих русских соседей, против Пермской области. Здесь в Пермской области еще в XV веке обосновались купцы Строгановы. Уже в первой половине XV века Строгановы были настолько богаты, что сумели выкупить из плена великого князя московского Василия Темного. Их наследники Яков и Григорий Строгановы пользовались большими привилегиями у Ивана Грозного.

В 1558 г. Григорий Строганов получил от Ивана IV скромные владения протяжением около 150 верст. Царь Иван дал Строгановым специальные грамоты на владение богатыми землями вниз по реке Каме от Пермской земли до реки Чусовой. Иван IV предоставил Строгановым большие права в новых владениях: собирать подати, населять эти земли крепостными крестьянами, ставить крепости и нанимать войско для охраны. Строгановы построили свои крепости: Канкар (в 1558 г.) и Керчедан (в 1564 г.). С помощью наемного войска Строгановы держали в повиновении хантов и другие народы, населяющие эти земли, и хищнически эксплоатировали богатства местного края. Они построили возле Сольвычегодска соляные варницы, вели торговлю мехами, т. е. грабили местное население, отбирая у него землю, дорогие меха—соболей, бобров и т. д.

В 1572 г. Строгановы получили право набирать казаков для охраны своих владений от непрерывных нападений угнетаемых ими местных жителей и от нападений татарского хана Кучума. Последний через своих тайных агентов неоднократно пытался поднять угнетенных хантов на восстание против Строгановых и т. д. Строгановы решили расправиться с ханом, расширить свои владения и захватить новые, богатые вершиной края. Они собрали войско из казаков. Казаки—

вольные люди из беглых крепостных, были храбры, уме
хорошо владеть оружием. Много казачьей вольницы жи
на Волге. В знаменитых Жигулях, в лесах и ущельях укры
лись они от царских войск, грабили помещиков и купе
ские караваны. Одним из самых знаменитых атаманов до
ских казаков, промышлявших по Волге, был бежавший за
в Пермский край Ермак Тимофеевич. Был он „родом не
вестный, душою знаменитый“, как говорит о нем народн
предание. Этого отважного атамана с его друзьями Иван
Кольцо, Никитой Паном и другими храбрыми молодца
Строгановы пригласили к себе на службу. „Имеем крепости
землю, но мало дружины: идите к нам оборонять Велик
Пермь“,—писали они Ермаку с товарищами. Ермак с др
жиной в 800 с лишним казаков выступил в поход на ца
Кучума летом 1581 г. Казаки плыли по стремительной
каменистой реке Чусовой. Несмотря на свою малочисленност
они несколько раз разбивали на своем пути многочисле
ные татарские отряды. На берегу реки Тобол произош
первое большое сражение с многочисленной татарской ко
ницей родственника Кучума — царевича Маметкула. Оги
пушек и пищалей казаки опрокинули конницу. Маметкул б
жал. Во второй битве на Иртыше татары дрались бол
упорно, но огнестрельное оружие и здесь принесло казак
победу. Бежавшие от пушек, ружей и пищалей татары с
общали своему царю Кучуму: „Пришли воины с таки
луками, что огонь из них пышет, а как толкнет—слов
гром с небес. Стрел не видать—а ранит и на смерть бь
и никакими средствами нельзя защититься“.

Татары не имели огнестрельного оружия. Но все же втор
победа дорого досталась казакам. Много их пало в бо
Некоторые из казаков хотели повернуть обратно: татар мно
а нас мало—говорили они. Ермак твердо сказал: „Нам пу
только вперед!“ Возле нынешнего Тобольска Ермака встрет
сам Кучум с главным войском. Казаки смело высадились
берег и с трех сторон ударили на татар. После отчаянного б
казаки победили. Кучум бежал в Ишимские степи.

В октябре 1581 г. Ермак занял столицу татарского царства
город Сибирь. Казачий атаман Ермак Тимофеевич стал пр
вителем громадной страны.

В постоянных боях с татарами таял отряд Ермака. С
отправил к Строгановым из своих помощников Ивана Коль
с докладом и просьбой о помощи. Строгановы и Коль
в 1583 г. поехали с подарками к Ивану Грозному в Моск
„бить челом Иоанну царством Сибирским, драгоценным

оболями, черными лисицами и бобрами". Иван IV принял ибирь под свою „высокую руку" и щедро наградил Строгановых новыми поместьями.

Ермаку царь Иван подарил серебряный ковш—вино пить, ,убу со своего плеча и другие вещи, в частности два тяжеых панцыря.

В дальнейшем отряд Ермака был по частям разбит татарими войсками. Ермак остался с несколькими сотнями казаов, а помощи из России не было. Во время нападения татар а его стан, по преданию, в августе 1584 г., спасаясь от атар, Ермак бросился в Иртыш и утонул. Кучум снова остановил свою власть в Сибирском царстве. Однако не наолго. Уже после смерти Ивана Грозного, при царе Федоре Ивановиче, были посланы новые войска из России, и Сибирь была окончательно завоевана. Построено много городов: обольск (1581 г.), Тюмень (1586 г.), Томск и др. В 1598 г. арские воеводы выгнали из Сибири Кучума, а в начале VII века Западная Сибирь стала составной частью обширого русского государства. Началось освоение этого отстаого, малонаселенного края,—развитие его производительных л. Но царская власть обложила ясаком (налог пушниной) естное население, которое подвергалось неимоверным граежам и насилиям со стороны завоевателей.

Так в период своего царствования Иван Грозный значиельно расширил русское государство, превратил русское ациональное государство в государство многонациональное.

КУЛЬТУРА ВРЕМЕН ИВАНА ГРОЗНОГО

В КУЛЬТУРНОМ отношении Россия XVI века была отстаой страной. Даже элементарно грамотных людей в то время ыло очень мало. Угнетенное крестьянство было поголовно еграмотным. Хотя Иван Грозный посылал молодых бояр дворян учиться за границу „для науки разных языков и рамотам", но среди тех бояр и дворян, которые находились ри царском дворе, было много неграмотных. В Москве в то ремя никаких правительственных школ не было. Существоали только маленькие частные училища при церквах. Учиелями в них были представители духовенства и в редких лучаях светские люди. В таких училищах обучалось обычно есколько детей. Училища с количеством учеников больше дного десятка были большой редкостью. Учили 2—3 года. Обучали чтению церковных книг (часослова и псалтыря),

письму и церковному пению. Даже духовенство в своей боль-шей части было малограмотным.

Книги в первой половине XVI века были исключительно ру-кописные. Многие представители духовенства и монахи заня-мались „писанием книжицы малыя, иже в научени-бывают малым детям“, т. е. писали от руки азбуки. Толь-во второй половине XVI века возникает в России книго-печатание.

Иван Грозный, чтобы прославлять свою самодержавну-власть и бороться с боярами и княжатами, в 1553 г. приказа-создать типографию и установил правительственную монопо-лию на издание книг. Во главе книгопечатания был поставле-Иван Федоров с помощником Петром Тимофеевым (Мстисла-цем). Федоров был уроженцем Москвы. Он был диаконом одно-из кремлевских церквей. Петр Тимофеев был родом из город-Мстиславля (ныне Белорусская ССР). До прибытия в Москв-он был знаком с типографским делом. Изучил он его в Юго-западной Руси, где книгопечатание возникло в первой поло-вине XVI века. Десять лет Федоров и Тимофеев работал-над созданием первой типографии в Московском государств-Она получила название „Печатного двора“. Первую книг-религиозного содержания („Апостол“) они начали печатат-в апреле 1563 г. и закончили к марту 1564 г.

Главная роль в создании этой первой книги русского про-изводства принадлежала Ивану Федорову. Он сам отлива-формы для букв и самые буквы. Он же был первым набор-щиком, метранпажем и даже корректором. Вот почему о-вошел в историю нашей родины как русский первопечатни-Ему был поставлен в 1909 г. памятник, который и сейча-стоит в Москве при въезде с площади Свердлова на площад-Дзержинского, недалеко от того места, где когда-то нахо-дился „Печатный двор“. Федоров был прекрасным мастеро-своего дела и считал книгопечатание единственной цель-своей жизни.

„Печатный двор“ просуществовал до 1568 г. Было издан-несколько печатных книг религиозного содержания. Но по-явление печатных книг подрывало интересы „списывателе-книг“, т. е. переписчиков-монахов. Реакционное духовенств-и боярство также были настроены против этого нововведени-„Нами устроена была в Москве книгопечатня,—пишет сам Фе-доров в послесловии к одной из книг позднейшего издания,-но часто мы стали подвергаться жесточайшему озлоблени-не со стороны самого царя, а со стороны многих начальнико-священно-начальников и учителей, которые по зависти к нам

подозревая нас в разных ересях, желая благое во зло пре-
ратить и дело божие вконец погубить, не потому, что
ни были очень учены или наполнены духовного разума, а так
онапрасну пронесли о нас злое слово".

Организованная и подстрекаемая реакционерами толпа
жгла в 1568 г. типографию. Первопечатнику с помощником
ришлось бежать из Москвы. „Эта зависть и ненависть,—пи-
ет Федоров,—принудила нас покинуть нашу землю, род и
гечество и бежать в стороны чуждыя, незнакомыя".

В том же 1568 г. по повелению Ивана IV типография была
остановлена. Два мастера, помогавшие ранее первопечат-
ику в качестве подмастерьев, приступили к изданию новых
ниг. Но во время пожара Москвы в 1571 г. типография
орела.

И только в 1577 г. Иван Грозный у себя в Александров-
ой слободе организовал небольшую типографию, но типогра-
ия эта не могла удовлетворить всей потребности в книгах.
о свидетельству одного иностранца, посетившего Россию
1582 г., „русские все свои книги переписывают, а не пе-
атают, только кое-что предается тиснению для самого го-
даря в Александровской слободе, где он имеет свою типо-
афию".

Федоров попал в Польшу к гетману Ходкевичу. Но послед-
ий вскоре отказался помогать ему в издании книг и пред-
ожил Федорову бросить любимое занятие и заняться хле-
опашеством. С большим трудом Федорову удалось найти
аботу у князя Константина Острожского—владельца много-
исленных имений на Волыни, в Галиции и Подолии.

В городе Остроге в 1581 г. Федоров напечатал знаменитую
Острожскую библию". В ту эпоху она явилась последним
остижением типографского искусства. Все шрифты, заставки
т. д. были изготовлены и отлиты самим Федоровым. После
ого издания он все-таки не мог найти себе новой работы.
ольские магнаты нисколько не интересовались судьбой
безызвестного печатника и мало заботились о судьбах кни-
печатания. У Федорова не было средств даже для того,
обы выкупить свои типографские принадлежности, зало-
енные у какого-то купца. В последние годы жизни знаме-
итого русского первопечатника постигла та же судьба,
торая постигла на сорокалетие раньше белорусского книго-
печатника Ф. Скарыну. Иван Федоров умер в декабре
583 г. в Львове (Галиция), забытым и заброшенным,
страшной нищете. На могильной плите, под которой
коится его прах, сохранилась следующая надпись: „Иоанн

Федорович друкарь Московитин, который своим тщание друкования запебдоша обновил", т. е. этот типогра заброшенное до него в Галиции типографское дело обнови. В конце надписи еще раз подчеркивается, что он был „др карь книг пред тем невиданных".

Развитие культуры в России в XVI веке не ограничивало только зарождением книгопечатания.

XVI век был веком расцвета русского национального зо чества. В память завоевания Казани Иван IV построил в Ма скве в 1555—1559 гг. Покровский собор, названный соборо Василия Блаженного. Строили его знаменитые русские арх текторы Барма и Постник. Они проявили при постройке со бора не только свой архитектурный талант, но и показал блестящие инженерные способности. Их плоские перекрыти на 300 лет с лишним опередили современную технику пер крытий. Собор Василия Блаженного до сих пор являет великолепнейшим памятником древнего русского национал ного зодчества. В то время великолепие этого храма уди вляло всех иностранцев, приезжавших в Московское гос дарство. Шедевром русского зодчества является также це ковь, до сих пор сохранившаяся в селе Коломенском по Москвой.

В XVI веке в России главное место в живописи занимал иконопись, но с середины XVI века развивается светска живопись. Роспись палат, миниатюр в книгах достигает бол ших успехов. Светская живопись украшала царские палаты Грановитую, Золотую и др.; изображались четыре времен года, лица четырех ветров, добродетели и пороки.

При Иване IV широко развивается литература. Правд в ней преобладают церковные мотивы, но уже замечает поворот и в сторону светской литературы. Светским произве дением несомненно является знаменитый „Домострой". О отразил все бытовые стороны русской жизни того времени В „Домострое" имеются указания, как воспитывать детей как вести хозяйство, как содержать дом и т. д. „Домострой" отражая укрепление самодержавия в России в тот перио утверждал неограниченную власть в семье мужа-отца „Домострой" был любимой книгой для чтения грамотны людей XVI века. Одним из знаменитых русских писателе XVI века был митрополит Макарий. Он сочинил известну „Степенную книгу", в которой была изложена история рус ских царей от Рюрика до 1559 года.

Иван Грозный умер в 1584 г. Московское государство в эт время было уже одним из крупнейших и сильнейших много

ациональных государств не только в тогдашней Европе, но и во всем мире. Вместе с тем политика усиления эксплоатации и дальнейшего закрепощения масс крестьянства, нажим дворян самодержавного царя Ивана Грозного на крепостное крестьянство, разорение народных масс порождают в начале XVII века усиленное сопротивление трудящихся крепостническому гнету и приводят к первому в истории России крупному крестьянскому восстанию против бояр и помещиков под руководством Ивана Исаевича Болотникова. Это крестьянское восстание против своих угнетателей и героическая борьба великого русского народа против польских интервентов в начале XVII века вошли в историю СССР как лучшие страницы героического прошлого народов нашей великой родины.

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика России в первую половину XVI века . . . . . .
Годы боярского самовластия 1
Восстание Московского посада в 1547 г. и реформы Ивана IV 1
Завоевание Казани и Астрахани 2
Расширение связей с заграницей 3
Ливонская война 3
Опричнина 4
Завоевание Западной Сибири 4
Культура времен Ивана Грозного 5

Б. Верховень. Россия в царствование Ивана Грозного.
Государственное издательство политической литературы, 1939 г.
Редактор *Д. Чугаев.*
Технический редактор *А. Тюнеев*
Уполн. Главлита А-4368
Корректор *Л. Абрамсон*
Подписано в печать с матриц 10/V 1939 г. № изд-ва 188. ИП/Мас. Тираж 100 тыс. 3¹/₈ п. л. 84×108¹/₃₂. 37 300 п. зн. в 1 п. л. Заказ № 2294.
Цена 50 коп.

3-я фабрика книги «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига».
Москва, Краснопролетарская, 16.

А.А.ВИНОГРАДОВ

СССР СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

А. А. ВИНОГРАДОВ.

Подсоветская Россия —
— Российской Эмиграции.

СССР
СЕГОДНЯ И ЗАВТРА.

Общая картина.

КЛАССЫ:

Рабочие.
Крестьянство.
Интеллигенция.
Компартия.
Лагерники.

Советская культура.

Издательство „Нація“.
Харбин. 1940 г.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Настоящая брошюра принадлежит перу представителя некой национал-революционной организации, ведущей большую работу по освобождению нашей Родины. Не удалось 1-го мая 1938 года, не удалось с Тухачевским, когда нибудь удастся! Внутри России идет борьба и эта борьба в основном — целиком в идейном русле Российского Фашизма. Это для нас самое главное.

Автор имел возможность наблюдать советскую жизнь и настроения различных элементов подсоветской России непосредственно — лицом к лицу — в разных частях необъятной нашей Родины и с разных точек зрения, диктуемых его меняющимся социальным положением. Сын крестьянина, советский доброволец гражданской войны, студент, инженер, красный офицер, заключенный Дальлага НКВД, он встречался с разными людьми, образующими в совокупности спектр стремлений живой России сегодняшнего дня. И потому книга, скромно названная автором „СССР — сегодня" нами перефразирована в „СССР — сегодня и завтра" и уточнена подзаголовком — „Подсоветская Россия — Российской эмиграции": это действительно правдивый отчет Подсоветской России о ея идеологии и программе.

Это вам не Солоневич, ценность показаний которого уменьшается его принадлежностью к дореволюционному поколению: — тут говорит новый Русский человек, воспитавшийся в советских условиях, офор-

мивщий свое мировоззрение под прессом политучебы в красной армии и тем не менее пришедший к национал-революционному мировоззрению независимо от духа прошлого и независимо от пропаганды Российского Фашизма.

Это вам не картинки быта и нравов, а выводы, выстраданные в тюрьме духа-армии 3 интернационала и в настоящей тюрьме — красном концлагере.

Содержание брошюры представляет собой доклад, сделанный соратн. А. А. Виноградовым на открытом собрании Харбинского Отдела Российского Фашистского Союза 7 ноября 1939 года, в день 22-ой годовщины советской октябрьской революции. Доклад рекомендуется вниманию соратников и читателей, как весьма ценный материал по изучению СССР.

Издательство

„Нация".

СССР — СЕГОДНЯ.

7-го ноября по улицам священной и древней столицы России Москвы, в порядке отбывания трудовой повинности, проходят миллионы подъяремного русского народа. Они пронесут мимо русских святынь, через Красную площадь десятки тысяч красных знамен с лозунгами иудо-марксизма, симулируя энтузиазм, прокричат юбилярам „ура“ и разойдутся по клубам. На партийных трибунах придворные барды-певцы будут им петь о величии дня, — о величии Сталина. Непочтительно и дерзко, глядя на этих шутов-скоморохов, народ безмолвствует. Он понимает, что и Сталин здесь не причем. 7-го ноября не его день. 7-го ноября, день рождения и именины Троцкого. Хитрый еврейчик его обошел. На радость своим единоплеменникам и на вечный позор „прозорливым“ русским вождям-коммунистам, он оставил неизгладимый след в истории государства Российского. Вооруженное восстание в Петрограде, штурм Зимнего Дворца, арест русского правительства и захват власти в свои руки — председатель Петербургского совдепа Лейба Бронштейн приурочил ко дню своего тезоименитства, ко дню своего физического рождения, к часу своего появления на свет Божий, в семье херсонского корчмаря-арендатора. История повторяется дважды: один раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса. Если расцвет государства Российского можно датировать от дня многострадального Иова, то начало страданий русского народа тесно связа-

но с радостным событием в херсонской корчме. На горе, всему русскому народу, на покивание главами заграницей, (именины Троцкого) празднуют в России даже после того, как виновник торжества предан анафеме и объявлен псом.

Может быть, именно и поэтому, стоя на мавзолее, русские вожди-шабесгои так глупо улыбаются, так неохотно отвечают на приветственные крики толпы, чувствуя иронию и насмешку. Да, они у позорного столба. Даже, стоя на мавзолее и попирая ногами могилу Ленина, они вынуждены 7 ноября молиться Троцкому. А тень именинника незримо присутствует на мавзолее среди „своих". Презрительно глядя на жалкую кучку русских вождей „октября", она широким жестом указывает на обезглавленные кремлевские храмы и башни, на море красных знамен, на миллионы разинутых ртов, на желтый лубянский дом и говорит: „Это мое!".

„День моего рождения совпадает с днем октябрьской революции, — пишет Лэйба в книге „Моя жизнь", нанося этим оглушительный удар разбухшей претенциозности Сталина, совершившего плагиат. — „Это случайное совпадение обстоятельств я заметил в день взятия Перекопа", — иронизирует Троцкий над красным генералитетом, который опять таки 7-го ноября 1920 г., в день ребэ Бронштейна, послал на убой корпуса красной армии, чтобы доставить удовольствие высокому имениннику. Но, довольно, товарищ, Троцкий! Мы вам верим. Великая или не великая, кровавая или бескровная, социалистическая или не социалистическая, октябрьско-ноябрьская революция войдет в русскую историю, как революция, прежде всего, еврейская.

Народная масса, закончивши казенный юбилей, зло поиздевавшись и над собой и над эрзацвождями, с горя выпьет, помянет нехорошими сло-

вами и советскую власть, и коммунистическую партию, и Троцкого и Ленина, и Сталина и разойдется по дворам. А на другой день массы опять будут думать и грезить о том желанном дне, когда они снова заполнят собой московские улицы и переулки. Но уже не для симуляции энтузиазма перед трибунами ненавистных вождей. А для того, чтобы железными колоннами национально-трудовой армии, под руководством своего национального Вождя пойти в последний и решительный бой за освобождение России от рабства Коминтерна!

Коммунистическая партия встретила 22-ю годовщину октябрьской революции в условиях необычайного идейного разброда.

Мировая революция не удалась, из построения социализма в одной стране ничего не вышло. Попытки Сталина гальванизировать Вену, Прагу, Мадрид и Нанкин, с целью ускорить назревание „пролетарских революций", потерпели фиаско, так как „мир пошел по линии культивирования нацонального сознания".

Неудачи на внутреннем фронте постигли коммунистическую партию потому, что ее идеи ненашли в народных массах психологической почвы. На все попытки большевизма перемолоть психологию русского народа в коммунистической мельнице, массы ответили упорным стремлением подальше от него отойти, проявляя враждебные режиму индивидуальные черты и наклонности. Этой психологической стихии не в состоянии был сломать даже красный террор. Дух победил. Отсюда потеря перспективы, растерянность, страх перед событиями прежде всего в рядах партии. Ее генеральная линия, представлявшая из себя неудачный плагиат троцкистской программы индустриализации страны за счет военно-феодальной эксплоата-

ции крестьянства, начала вдруг делать зигзагообразные движения.

Теперь сталинизм хватается за соломинку. Он пытается создать классовое военно-бюрократическое государство и старается закрепиться на базе велико-русского „национализма“ и государственного капитализма. Теория о построении безклассового общества пошла к чорту. Происходит несущественная классовая перегруппировка. Маленько оттесняют от государственного корыта пролетариат. Его место занимает новая советская буржуазия, так называемые „непартийные, большевики“. Класс гегемон слишком много болтал о былом пролетарском происхождении большевизма. Патрон давным давно сменил кожанку на пиджак, сапоги — на туфли, кепку — на шляпу, а тут его шокирует этот оборванный, вечно-голодный „рвач“, „лодырь“, пьяница и „прогульщик“, к тому же не проявляющий никаких признаков суббординации перед начальством.

Наголодавшаяся за 22 года советская военно-бюро и техно-кратическая интеллигенция, заметив брезгливый жест хозяина, оттолкнула в сторону былого хозяйского друга и тянется поближе к солнцу.

Пролетариату обещано восстановление в правах тотчас же, после того... как он сделается интеллигентом. В качестве компенсации и выходного пособия, пролетариат награжден титулом рабочего класса, ибо, как уже всем известно, его, во-первых, никто в СССР не эксплоатирует, во-вторых, ему принадлежат недра, воды, воздух и заводы, в третьих, он живет не где нибудь за-границей, а в СССР, где ему почет и уважение. Рабочий надулся и не доволен отставкой. Но зато „рад“ мужик. Он получил „повышение“. Еще ниже его образовал-

ся новый огромный класс государственных крепостных рабов - илотов, которых даже продают на невольничьих рынках народного комиссариата внутренних дел. Поговаривают даже, что предвидится экспорт рабов заграницу, в обмен на валюту, с целью накопления первичного капитала на нужды и необходимости мировой социалистической революции.

Как бы там ни было, давайте рассмотрим эту новую сталинскую пирамиду классово-бесклассового государства, основанного на принципе демократического централизма, где вся власть принадлежит трудовому народу, который от избытка счастья воет белугой и готов весь поголовно удрать заграницу, если бы его от этого соблазна не охранял „обнаженный меч и верный страж завоеваний революции"—террористический аппарат НКВД.

РАБОЧІЕ.

Октябрьская революция еще называется пролетарской.

Теоретики коммунизма упорно твердят, что революция делалась исключительно в целях улучшения экономического, политического и правового положения рабочего класса, или пролетариата. Марксисты говорят:

„Пролетарий — это член общества, не владеющий никакими орудиями производства и в целях добывания себе пропитания, продающий свою рабочую силу капиталисту". Впоследствии это понятие было произвольно „уплотнено": педагог, журналист, бухгалтер, инженер, агроном и врач, тоже „продающие свою рабочую силу и не владеющие орудиями производства" были причислены к лику буржуазии, совершенно без всяких оснований, так сказать, „по злобе".

Сталинские софисты раз'ясняют, что „продажа рабочей силы" здесь понимается в смысле затраты физической энергии, но тогда врач-хирург, или инженер-геодезист больше подходят под название пролетариата, чем скажем, шоффер или кондуктор трамвая.

В общепринятом понимании слово „пролетарий" обозначает даже не потомственного квалифицированного рабочего тяжелой индустрии, ибо обычно он имел дом и подсобное хозяйство, или был умственно развит, а значит подходил под квалификацию специалиста интеллигента.

Если тщательно проследить по первоисточникам марксизма значение этого слова, то основные признаки пролетария таковы: человек одинокий, с низкой квалификацией, плохо оплачиваемый, малограмотный, часто безработный, занятый преимущественно черной работой, недовольный существующим порядком вещей. Эта фигура стала об'ектом заботы русской интеллигенции.

Исходили из того положения, что всякий человек может оказаться одиноким, безработным и недовольным, а потому и решено было приноровить государственный строй к интересам пролетариата.

Основной удар был направлен против „хозяев"; они его эксплоатировали, т. е. извлекали выгоду себе из его труда, „пили его кровь", и, по мнению пролетария, ему не доплачивали за его труд. Пролетарий претендовал на более высокую заработную плату и даже на участие в прибылях предприятия, смешивая два понятия: валовой доход и прибавочную стоимость.

Будущее предприятие представлялось таким. Находясь под контролем пролетариата, оно не будет производить капитальных затрат на расширение производства, а все дивиденты пойдут на дележку между рабочими служащими предприятия, вне зависимости от количества и качества затрачиваемой физической и умственной энергии. Эту басню поддерживала коммунистическая партия в первые дни революции, разжигая аппетиты рабочего невыполнимыми обещаниями в своих целях.

В первые месяцы Октябрьской революции остановились фабрики и заводы. Выброшенный на улицу рабочий, за отсутствием работы и пропитания, пошел в красную гвардию, в красную армию, бился на фронтах, неохотно, но бился. Исход граж-

данской войны решил не он, но коммунистическая партия. Опасаясь рабочих восстаний, с целью маскировки, прикрыла свое господство вывеской „диктатуры пролетариата“. В состав первого советского правительства не вошел ни один пролетарий, портфели были распределены между головкой коммунистической партии, состоявшей преимущественно из деклассированного мелкопоместного прогоревшего дворянства, ведущей идеей которого было противопоставление своего оскорбленного самолюбия широкому образу жизни магнатов родовой элиты и высокопоставленной знати.

Перервав глотку этим своим „братьям по классу“, компартия принялась за „буржуазию“, т. е. за торгово-промышленную прослойку населения, ликвидировала ее и передала управление промышленностью в руки рабочих. Все это вылилось в форму экономической катастрофы страны; промышленность и торговля свернулись, страна быстрыми шагами пошла назад, к временам натурального хозяйства, рабочий был выброшен на улицу. Когда стало ясным, что рабочий не может наладить экономику страны, об‘явлен был НЭП и рабочий занял свое старое место на заводе с той разницей, что теперь его положение в материальном отношении стало хуже.

Масса заводов и фабрик не возобновили своей работы, отсюда выросла до жутких размеров безработица, рабочий голодал. Для того, чтобы дать рабочему работу, началось строительство пятилеток. Нужные для этого капиталовложения были добыты путем экспроприации крестьянства. Подорванное крестьянское хозяйство не в состоянии было кормить рабочего и он опять голодал. Опыты введения „диктатуры пролетариата“ и социализма не привели ни к чему. Промышленность ста-

ла на путь государственного капитализма, с такими его отрицательными особенностями, как монополизм, еще более жестокая эксплоатация и социальное неравенство, которое стало очевидным фактом. Рабочий закабален так, как ни в одной стране мира. Рабочие профессиональные организации защищают интересы государственного капитала под лозунгом „Лицом к производству". Личные требования рабочего считаются „рвачеством", а робкие попытки некоторых профсоюзных организаций защищать интересы рабочего презрительно именуются „хвостизмом".

Хаос в руководстве предприятиями отразился на их продуктивности: предприятия нерентабельны. Отсюда нет возможностей повысить заработную плату. Правда, заработную плату увеличивают за счет эмиссии, т. е. за счет выпуска лишних, ничем необеспеченных денежных знаков, но, параллельно с этим, увеличиваются цены на предметы широкого потребления. Это вносит некоторый хаос и в промышленность, и в торговлю, но поднять благосостояние рабочего не может. Уровень жизни попрежнему ниже уровня до-военного рабочего. Рабочий сейчас уже не мечтает о „диктатуре", а думает о насущном куске хлеба для себя и семьи.

Советская власть дала рабочему 8-часовой рабочий день, зная твердо что он от него откажется. Чтобы не голодать, рабочий вынужден работать не одну, а две смены, т. е. 16 часов или так работать на сдельной работе, чтобы увеличить выработку вдвое. Так погибло одно из основных завоеваний „диктатуры пролетариата".

Советская власть не в состоянии выполнить своих обещаний. Рабочий не получивши места в управлении государством, не имея влияния на политику страны, не имеет даже своих рабочих проф-

союзных организаций. Его профсоюзы находятся на содержании госаппарата и главное их занятие— шпионаж в рабочей среде, слежка за рабочим во избежание зарождения анти-правительственных группировок и агитация под углом обещаний будущей „веселой жизни“. С целью дать что-то реальное, в среде рабочих введена стахановщина. Это особый вид потогонной эксплоатации, с целью выжать из рабочего побольше прибылей. Использовывая тягу рабочего к повышению заработной платы, предлагают ему выполнять за 8 часов работы две, три или четыре нормы с условием, что соответственно будет повышена заработная плата. С этой целью станки, моторы и механизм были пущены на предельную скорость. В результате, отдельные „стахановцы“ действительно получили даже по 1000 руб. в месяц, за счет поломки машин и нового хаоса в производстве, но в целом от этого нововведения пользы не получилось. Поломка машин обошлась дороже, чем добавочная продукция, произведенная стахановской системой. Вся беда на производстве во многоначалии, отсюда невозможность сделать предприятие прибыльным, отсюда плохое материальное положение рабочих и служащих предприятий и экономики страны в целом. Помимо того, вся промышленность поставлена на обслуживание задач красного империализма, конечной целью которого является мировая революция, завоевание мира.

Над этой непосильной задачей бьется бессильно советская власть вот уже 22 года, не интересуясь внутренней жизнью страны, а, следовательно, и положением рабочих. Рай на земле для рабочих должен наступить, по пророчеству идеологов большевизма, только после мировой революции. Исходя из этого, весь государственный ка-

питал страны поставлен на службу только ей. Сопротивление, встречаемое коммунистами, заставляет их усилить работу, а это ведет к еще большей эксплоатации рабочих. И рабочий, „самый передовой революционный класс“, начал уставать. Журавель мировой революции его не интересует, он требует в руки синицу. Рабочий класс изменил свою программу. Выросла вера в ошибочность прогнозов партии, возродился старый нигилизм, неверие в целесообразность жертв для достижения призрачной цели. Рабочий уже вспоминает о жизни былой.

Но если старики говорят о жизни в дореволюционной России и считают ее идеалом, то „сорокоты“, шантажированные участием в революционном движении и „боями за социализм“, угрюмо брюзжат. Да, плохо теперь, но не сладко было и раньше, — говорят они. Если крестьянство зовет „назад к 1926 году“, то рабочего это не устраивает. Этот период был годом тяжелой безработицы, безкормицы, крушения надежд и чаяний. Рабочий в основном путается. Стремление к частной собственности у него есть, ибо у старых рабочих остались собственные домики, а иногда и домашнее хозяйство. Но такой рабочий уже рассматривается, как домовладелец, облагается налогами, лишается права на мизерную пенсию, ему закрыт путь к общественной работе, он на положении кулака в деревне. Рабочая голытьба ютится в термолитовых „дворцах“, досчатых сараях, рассадниках клопов и очагах эпидемических заболеваний. Она „уплотнена“ до отказа, так, как только умеет уплотнять советская власть в своих рабочих казармах. Рядом со старыми великолепными домами, скажем, мануфактурного короля Морозова, которые он построил для своих рабочих, новые „социалистические поселки“ выглядят убого, по-чехов-

ски, как плотник супротив столяра. Рабочие столовки, с их картофельно-помидорными и селедочно-вобловыми меню несравненно хуже старых рабочих харчевень и трактиров. Есть рестораны и теперь, они чуть-чуть беднее бывших трактиров, но на ценах прейскурантов языком цифр специально для рабочего написана фраза „оставь надежду навсегда".

Рабочему хочется крикнуть традиционное: „За что же боролись, за что же страдали?" Но над этой фразой уже смеются, она вошла, как четверостишие в шансонетную песенку с прибавлением ответа: „За крашеные губки, колени ниже юбки, за эту распрекрасную любовь".

Над старыми лозунгами рабочего уже смеются даже вожди. Слово „уравниловка", звучит,как едкая ирония над лозунгом революции „равенство, братство, свобода", под которым шляпа-рабочий шел брать Зимний Дворец, чтобы посадить туда Иосифа I и компанию. Сорвать бы злость на директоре предприятия и вывезти бы его на тачке за ворота завода, как это он делал раньше, когда в полиции сидели вислоухие разини, но теперь время не то: за спиной директора пулеметы ГПУ.

Видя безвыходность положения, рабочий иногда попрощавшись с семьей, идет на завод, убивает первого попавшегося под руку коммуниста, как некогда любимую жену, которая „оставила покинула, и хоромы жить ушла", и исчезает навсегда в подвале (Н.К.В.Д.). Его товарищи понимают причины, вызвавшие это политическое и физическое самоубийство, они ценят подвиг друга, но действуют осторожнее.

— „Кабы был Ленин, этого бы не было", — говорят они, но за это их сажают в подвал. „Вы хотите этим сказать, что сейчас проводится анти-

ленинская политика?“ — допытываются у них чекисты. — „Жизни нет“ — отвечают рабочие, — „семьи голодны, холодны, мы отощали, впереди ничего не видать, дайте счастливую, радостную жизнь“. В ответ на это возникла газетная кампания, сказка о веселой, счастливой, зажиточной жизни передового рабочего класса в СССР. Ее называют колыбельной песней: „стану сказывать я сказки, песенку спою, ты-ж дремли, закрывши глазки“, и т. д. Проводится усыпительная кампания, пусть рабочий, читая о счастливой жизни, думает, что она есть, если не в его семье, то в семье соседа, или на чужой улице.

Потерявши поддержку в среде голодного рабочего класса, партия меняет заезженного, уставшего коня. Она седлает интеллигенцию и говорит рабочему: „И ты будешь сыт, когда будешь интеллигентом“. „Обогащайтесь“, — говорит партия новой нарождающейся буржуазии, — „Живите весело“. Советские нувориши жадно тянутся к государственному корыту выгод, привиллегий, наград и чинов, орденов и „знаков почета“. Рабочему не пробиться к корыту. Эти нувориши не старая прослойка дряхлого барства, с ея гуманностью и либерализмом. Это чугунные бицепсы, свои, а не вставные зубы, волчья повадка и спайка, результат страшного отбора, в их среде слабые давно уже погибли. И гордый рабочий „пролетарий диктатор“ протягивает руку. Он уже не требует, не вымогает, не просит, он вымаливает. И вымаливает только сочувственный взгляд, кивок головы, копеечную подачку и отварачивание носа в сторону. Партия выбила из сознания рабочего претензии на диктатуру, он не диктатор, он попрошайка, жалкий парий, везущий колесницу государственного капитала. Технократия тоже не хозяин, она пока стоит

на запятках кареты, в ливрее лакея, с камнем за пазухой. Вскоре произойдет смена хозяина. Что получит рабочий? Он получит облегчение. Труп хозяина выбросят вон, лакей пересядет на место убитого хозяина, придется везти не двух, а одного. Рабочий будет работать больше, но зато он будет сыт, одет, обут, будет иметь семью, очаг, жилище и будет иметь хозяина, а не Плюшкина.

Вопрос рабочий — самый тяжелый вопрос. Его разрешение натолкнется на сотни препятствий, со стороны самого же рабочего.

Рабочая прослойка в России начинает понимать, что она не есть основной класс гегемон, который в праве диктовать свои условия и изобретать законы экономики. Рабочий класс — это мелкая прослойка между крестьянством и интеллигенцией. Крестьянство учило его в годы НЭП-а, интеллигенция в годы пятилеток. Пора перейти к ним и искать выход из положения не в утиной идее мировой революции, а в программе национального строительства. Мировой „брат пролетариат“ давно это понял. Вне нации, без нации искать выхода нельзя. Русская практика оказалась сильнее марксистской теории.

Интернациональное сознание рабочего класса СССР „выдумка теоретиков коммунизма“. Если проследить историю развития русской промышленности, то можно смело утверждать, что толчек к ее развитию дал иностранный капитал. К иностранцам рабочий относился всегда недружелюбно, и не только к капиталистам. Роволюция победила вовсе не под социалистическими интернациональными лозунгами, а под лозунгами сопротивления иностранной интервенции.

„Братание“ на фронте, в период временного правительства, было вовсе не результатом интер-

национальной солидарности, а методом прекращения войны. Вспышки восстаний против немецкой оккупации в 1918 году показали возрождение национальных чувств даже в среде рабочего класса из национальных меньшинств.

В годы пятилеток выписываемые из-за границы иностранные индустриальные рабочие и специалисты были встречены в штыки, потребовалась газетная кампания для борьбы со „спецеедством". Спекулятивные лозунги компартии на патриотических лозунгах „русского народа, отечества, родины", приняты рабочей массой всерьез, хотя и чувствуется недовольство неискренностью этих лозунгов и засилием иностранцев, иноземцев и иноплеменников в государственном аппарате. Антисемитизм среди рабочих не изжит за все 22 года революции. В рабочей среде расстрел группы Зиновьева вызвал неожиданное восхищение тем, что избивают преимущественно не русских. Убийство Кирова воспринято, как террористический акт против изменника, ренегата, продавшего интересы петербургских рабочих кварталов. Популяризация Сталина, венчание его титулом „отца народов", наделение его всеми признаками гениальности и мессианства воспринимается в рабочей среде, как одурачивание, ибо он считается не своим, не русским. Особенной ненавистью пользуется Каганович, его презирают, называют „кантором советской синагоги".

Не надо забывать, что в среду рабочего класса влилась огромная прослойка из села. Рабочий класс разбавлен ею больше, чем на половину. Она живет надеждой на переворот и на возвращение к родному очагу, из которого ее вышибли ренегаты-раскулачиватели и евреи-чекисты. Молодая смена рабочего класса чувствует, что евреи захватывают

командные посты и реагирует на это по своему. В Киевском университете студенты написали петитицию совправительству с просьбой: нельзя-ли восстановить в вузах процентную норму, если не для евреев, то хотя бы для русских, так как для русской молодежи не остается мест. В армии антисемитизм выражается в ненависти к евреям, занимающим обычно обозные должности завхозов, начснабов, лекарей, комиссаров и уклоняющихся от боевой подготовки, т. е. заранее дезертирующих. Прослойка дезертиров, по мнению рабочих, не может претендовать на политическое руководство армией, на руководство экономикой и политикой страны.

Отсюда новый вид „научного антисемитизма".

Рабочий класс имел до последних лет свою „рабочую партию", стоявшую на точке зрения защиты чисто рабочих интересов, я бы сказал, даже шкурных. Это, так называемая, группировка Шляпникова-Медведева, преследовавшая цель защиты экономических прав рабочего. Но она ликвидирована методом чистки. Отголоски этой партии еще чувствуются в настроениях рабочих производственных собраний, в особенности, в крупных столичных промышленных центрах. Нет сомнения в том, что рабочему не по пути с компартией, и с ея профсоюзами. Он ищет путей к созданию своей политической организации. Эта тяга вылилась в симпатии к фашизму. В кривом зеркале советской прессы рабочий видит фашизм и задает компартии вопрос: „что это за штука?" Ему отвечают: „Это открытая диктатура буржуазии". Рабочий не верит. Государство в странах фашизма—в Германии например, взяло под контроль финансовый, промышленный и торговый капитал, отодвинуло в сторону еврейскую гегемонию, а затем полностью ликвиди-

ровало еврейское засилье в аппарате власти. Страна пошла быстрыми шагами вперед, сломала прокруство ложе Версальского договора, ведет себя в области внешней политики, как государство, не боящееся угроз и даже расширяет свою территорию. Что-то не похоже на „открытую диктатуру буржуазии“? Слишком выпирает сплоченность нации вокруг вождя и отсутствие забастовок, стачек, локаутов и тех признаков экономической борьбы, которые так характерны для государств, облеченных в форму диктатуры буржуазии. Это, вероятно, диктатура „средних слоев“, и эта догадка нравится рабочему классу СССР.

Рабочий СССР вовсе не хочет быть пролетарием, ему свойственна тяга к обрастанию, что можно заметить из редких, но все же имеющих место, попыток строить индивидуальные дома, жить семьями, игнорируя новый быт социалистических бараков и дешевых кормушек системы народного питания.

Октябрьская революция, прошедшая под знаком уничтожения рабочими своей технической интеллигенции, дала неожиданный результат: взаимное понимание между рабочим и технократией. Сказки о роскошной жизни технократии в СССР преувеличены. Конечно, технократия более сыта и лучше одета, но в общем, материальное ея положение далеко от зажиточной жизни. Есть кусок хлеба, есть покрышка для тела, есть комната, а не общий барак, есть семья, с чрезвычайно развитой тенденцией к сокращению деторождения, так как жена тоже технократка и тоже „работает“‘ т. е. служит, обычно под начальством мужа, для поддержки семейного бюджета. Политика высоких цен на предметы комфорта, роскоши и моды искусственно понижает жизненный уровень техно-

кратии, до уровня квалифицированного рабочего. Отсюда—единение рабочего с технократией на платформе тощего бюджета. Обоих давит государственный капитал, неповоротливый, неуклюжий, громоздкий, и расточительный в своих нерентабельных затратах на побрякушки мировой революции. Отгородиться бы со всех сторон и зажить бы мирной семейной жизнью государства, все свое внимание обращающего на внутренние усовершенствования, — вот мечты обоих.

В спорах партии с рабочим классом технократия занимает роль арбитра, обманывает партию и подкармливает рабочего дутыми процентами выработки, искусственным повышением заработной платы, смягчением административного произвола на предприятиях, приспособлением интернациональной политики партии к текущим задачам экономики страны. Рабочий видит, что молодой хозяин все же лучше старого и определенно переходит на его сторону. Отсюда единение и в области политических задах. Верхушка партии чувствует и это настроение рабочего и конкурирующую роль технократии. Не случайно на последнем съезде партии Сталин остановился на вопросе об отношении к интеллигенции.

Это попытка перетянуть интеллигенцию на свою сторону.

Дело в том, что на низах идет глухая борьба между интеллигенцией и парторганизациями, борьба из-за влияния на рабочего, за захват профсоюзных организаций. Сильно мешает жить государственный аппарат террора. Технократия заявляет, что, согласно теории Маркса, государство, как аппарат принуждения, должно прекратить свое существование, ибо наступила „эра социализма“.

Власть над обществом теряет свой смысл, го-

ворит технократия. Классов нет, подавлять некого, государственную машину нужно заменить „управлением вещами“, т. е. передать власть фактически в руки технократии и профсоюзов, так сказать, корпоративного представительства. Сталин возражает против такой схемы: в ней не остается места для коммуниста - диллетанта, коммуниста, не умудренного ни образованием, ни специальностью, коммуниста, который только имеет вес как всезнайка с партбилетом вместо диплома. Но попытка технократии устранить партию от власти, находит отклик в рабочей среде. Террор надоел, он уже обращен не против „буржуазии“, он больно бьет рабочего. Квалифицированный рабочий считает себя тоже интеллигентом и противопоставляет уже себя партийному активисту. Вопрос о ликвидации террора и об улучшении правового положения интеллигенции не нашел разрешения даже в речи Сталина. В ней половинчатость, характерная для определения последних дней линии партии. Эта половинчатость приведет к обостренным методам борьбы.

Ведущая роль — роль технократии, рабочий будет на ее стороне. Отсюда можно наметить формы будущего корпоративного строя в России. Национально-мыслящая технократия, военная и промышленная, будет опираться на интеллигентную прослойку в среде рабочего, на крестьянскую прослойку в армии. Цель борьбы сейчас уже ясна: придавив паразитарные слои города и деревни, на которые еще продолжает опираться партия, изолировать и окружить верхушку центрального комитета. Подготовка к этому ведется. Головка технократии, инженерно-техническая секция, слилась с рабочими профсоюзами, есть контакт. Под их нажимом сделан уклон в сторону своеобразной „смычки“ с Германией. Фашизация рабочих масс в СССР

нашла себе выход в „традиционной дружбе двух народов“. Село тоже хочет отбросить „американский путь развития“ и реконструироваться по германскому образцу. Рабочий сильно правеет. Думает ли он о возврате в лоно до-военного капитализма? Нет. Но из „социализма в одной стране“ ничего не получилось. Будет компромисс, попытка иметь хорошего хозяина единоначальника из близкой ему среды. Мягкая хозяйственная технократическая диктатура русской национальной интеллигенции на первых порах, а там будет видно.

Интересуясь мнением подсоветской массы о будущем государственном строе, о будущей экономической системе хозяйства страны, я часто беседовал с рабочими московских заводов. Один из этих разговоров я привожу полностью. Рабочий, обрисовавши мне свое тяжелое политическое, экономическое и социальное положение, закончил свой разговор руганью по адресу партии и правительства. — Хорошо, — сказал я. — Чего же вы хотите?

— Я интеллигент, мелкая сошка в государственном аппарате и не мое дело критиковать диктатуру пролетариата. Но вы пролетарий диктатор, хозяин страны, ваши фабрики, заводы, недра и ископаемые, — сказал я.

— Бросьте шутки, товарищ инженер, — сказал с горькой усмешкой мой собеседник. Выражение „диктатура пролетариата“ есть самая едкая ирония, насмешка партийных чиновников над рабочим и его бедой.

Рабочий уже не мечтает о политической гегемонии, этот пыл прошел, он хочет удовлетворения своих минимальных потребностей и думает вести борьбу только с целью улучшения своего экономического положения. Но при сталинском самодержавно-полицейском строе это невозможно и

только поэтому мы вынуждены идти на путь вооруженной борьбы для свержения абсолютизма, чтобы приобрести те права, которыми пользуется рабочий во всех странах мира.

— На что же вы претендуете? — сказал я.

— Наши требования к советской власти очень скромны. Мы просим, чтобы нам платили золотом, а не кредитными билетами и не больше, ни меньше, как то, что мы зарабатывали до войны.

— Это почему? — спросил я.

— Очень просто. Нас надувают спекуляцией на понижении курса денег. Кричат о повышении заработной платы и нам это надоело. Давайте сделаем сравнение. Вы, как специалист, получаете 500 руб. в месяц, т. е. 294 килограмма серого хлеба по 1.70 коп. за кило. До войны фунт хлеба стоил 2 копейки, значит вы, квалифицированный инженер, при советской власти получаете 14 руб. 70 к. в месяц по золотому исчислению, а я получаю в четыре раза меньше, т. е. 3 р. 67 к. Так вот я хочу, чтобы и вам, и мне был уплочен месячный заработок золотом. Пусть тогда увидят пролетарии всех стран наш заработок и пусть над нами смеются. При существующем режиме это наше требование бьет не в бровь, а в глаз и режет советскую власть без ножа.

— Ну, это, так сказать, чисто экономические требования. Неужели вы отказываетесь от политических?

— И да, и нет, — сказал он. — Недавно на нашем подпольном кружке мы перечитывали старые революционные листовки и газеты до-военного издания. Старое правительство обвинялось в том, что за весь 1913 год оно повесило 58 человек, а у нас ежегодно стреляют десятки тысяч. Мы и решили признать советскую власть не тогда, когда

она экономически перегонит передовые страны Европы и Америки, а когда она догонит в политическом отношении „кровавый царский режим“, т. е. ограничится расстрелом только 58 человек в год, хотя бы даже совершенно невиновных.

— Но, ведь, это же соглашательство с советской властью, это же продажа по дешевке интересов рабочего движения, — сказал я.

— Ничуть, — сказал он улыбнувшись. — При расстреле только 58 человек в год советская власть не удержится, это мы знаем.

— Значит, она лопнет? — переспросил я.

— Это неизбежно. Все рабочие это понимают.

— Но советская власть на ваши требования не пойдет и не уйдет.

— Если она не уйдет, так ее „уйдут“.

— Каким образом? — спросил я.

— Образ старый — террор, вооруженное восстание и революция.

— Хорошо, а что дальше? Возврат капиталистов обратно?

— Да, возврат капиталистов, но не старых хозяев, у них нет денег, как нет их и у советской власти. Нам нужен толковый хозяин при деньгах. Мы, ведь, тоже не бесприданники и выбирать себе хозяина будем и по уму, и по капиталу.

— Не можете-ли вы более точно объяснить мне, чего вы хотите?

— Могу. Завод наш. Оцениваем его в 120 миллионов рублей, на заводе работает 10 тысяч рабочих и служащих. Делим. Выходит по 12.000 руб. на рыло.

— Позвольте, но ведь это же анархия, разгром завода.

— Нет. Ничего не ломаем. Завод выпускает на 120 миллионов акций и раздает их бесплатно

каждому рабочему по 12 тысяч. Сами акционеры рабочие выбирают правление, все работают. Получают заработную плату и проценты на свою бумагу. Если мне не додадут заработную плату, то я свое получу в виде прибылей, как акционер своего предприятия. И наоборот. Если я потребую слишком большую заработную плату, то я получу нуль прибыли.

— Но ведь вы дурака выберете директором и он провалит все дело? — сказал я.

— Этого не будет. При дураке директоре упадет курс моих акций, я потеряю не только прибыль, но вынужден буду пойти на понижение моей заработной платы.

— Но это обязательно будет, — сказал я.

— Допустим, что будет. Дураки рабочие выберут Ваньку-дурака директором, завод сядет в лужу, акции падут в цене, дураки их продадут, а умные у дураков купят по дешевке и руководство попадет в руки умных людей, людей дела с головой на плечах и будет хорошо.

— Это да. Но рабочий, продавши свои акции, перестанет быть акционером, а поэтому он опять будет предъявлять требования о повышении заработной платы и будет голосовать при выборе директора за того, кто поддержит его рваческие требования, поведет завод к гибели.

— Это невозможно. Выбирать директора будут только те, кто не продал акций. И не по количеству голосов, или голов, а по числу акций. Продавший свои акции, самоустраняется от управления заводом до тех пор, пока он их купит. Дурак их не купит, они потом будут дороги.

— Допускаете ли вы, что акции будут покупать иностранцы?

— Не только допускаю, я даже в этом уве-

рен. Но большинство акций остается в русских руках до тех пор, пока они дают прибыль. А убыточные предприятия и так и этак перейдут в руки иностранцев, ибо они потребуют больших капиталовложений, которых рабочий не имеет.

— А какую роль вы отводите русскому государственному капиталу? — спросил я.

— Он тоже будет акционером наших предприятий. Государственный капитал будет контролировать ряд основных предприятий страны: заводы оборонного значения, тяжелую индустрию, главные пути сообщения, крупные заводы легкой промышленности, крупные сельско-хозяйственные об'единения и т. д.

— Вы ничего не упомянули о государственном аппарате.

— Государство, как аппарат насилия, тогда будет вовсе не нужно. Партийных спецов нам ненужно, — пусть идут на завод и работают, кто что умеет, это приучит их к трудовому, а не кабинетному мышлению. Функции органов государственной безопасности будут изъяты от органов внутреннего террора и переданы армии и то только для защиты границ страны. Внутренний террор — бессмыслица, выдуманная марксистами — он нам не нужен. Управлять государством будут те же лица, которые будут управлять промышленностью и сельско-хозяйственными объединениями. Это управление будет сводиться к определению цен на продукты, к регулированию взаимоотношений между предприятиями и установлению добрососедских отношений с соседними странами.

— Все же, через десяток-другой лет у вас будет капитализм?

— Это верно. Но, во-первых не на кого тогда обижаться, а, во-вторых, и обижаться нечего,

ибо свободная конкуренция выдвинет на руководящие посты и в политике, и в экономике, и в области науки и искусства самые лучшие, способные силы страны. Учитывая опыт революции, они не будут тиранами нации, кроме того, они будут в большинстве, а меньшинство, не способное к творчеству, им подчинится.

— Ваше отношение к религии?

— Дома молитвы передать, как и заводы, общинам верующих, на тех же основаниях, никаких запретов и притеснений: веруй, как веришь, правая вера будет иметь наибольший успех, думаю, это будет Православие.

— Ваше отношение к мировой революции?

— Начиная от Александра Македонского, от римских цезарей, от магометанских вождей и до настоящего времени, все попытки объединить мир под властью одного человека или одной нации, терпели фиаско. „Мировой пролетариат", — величина не реальная, она разлагается, следовательно, разложится идея классовой борьбы и идея мировой революции. Наша система ликвидирует борьбу, ибо рабочий, он и есть в то же время компаньон своего предприятия, это защищает его от произвола, в данном случае, коммунистического. А национальные противоречия ликвидированы будут ходом прогресса, а не мировой революцией.

Таковы взгляды, так называемой, технократической рабочей группы на будущие изменения государственного строя. Со многим можно не согласиться, но это движение—одно из самых сильных. О нем говорят, что это не сдача капитализму, а продажа ему своих прав не безплатно, а за выкуп, так же как в свое время дворянство переуступало за выкуп свои латифундии крестьянству.

КРЕСТЬЯНСТВО.

Крестьянство представляет собой тот слой населения, который больше всего претерпел от экспериментов советской власти. Сравнительно недавно освобожденное от крепостной зависимости, оно распылилось на миллионы мелких индивидуальных хозяйств. Раскрепощение и экономическая независимость сразу отразились на производительности труда. Можно утверждать, что оно было наиболее рентабельным хозяйством и удачно конкурировало с крупным помещичьим землепользованием. Прирост населения в деревнях и раздел крестьянских наделов между членами семьи вызвал перенаселение, малоземелье и безземелье. Отсюда возник, так называемый, земельный вопрос. Он разрешился в России двумя способами. Было организовано переселение излишнего населения на свободные земли в Азиатскую часть России, с другой стороны, нерентабельные помещичьи имения прекращали свое существование и переходили за выкуп в руки крестьян. В южных губерниях России, где перенаселение было особенно чувствительно, цены на землю возросли до 250 руб. золотом за десятину и это затрудняло быстрый переход земли в руки крестьянства. Правительством был организован льготный выкуп помещичьих земель в рассрочку, с помощью крестьянского банка, но дело шло чрезвычайно медленно. Организация крепкого крестьянского хозяйства была необходима не только с точки зрения экономической, оно было

необходимо по причинам политическим. Разложение национальной мысли в среде дворянства становилось очевидным фактом. Правящий слой, потерявши бесплатного крепостного работника, экономически ослабел. Чувствуя свою обреченность, он, в целях самосохранения, искал выхода в изменении политического строя на западно-европейский образец и даже по рецептам идеологов социализма.

Социализм представлялся в виде такой формы государственности, где будет безконечное число учреждений с огромным бюрократическим аппаратом, с хлебными должностями и жирными окладами. Социалистическое разложение мысли грозило катастрофой, ибо поддерживалось паразитарными слоями города и деревни, национальными меньшинствами, мечтавшими о сепаратизме и еврейской нацией, претендовавшей на командные посты в будущем государственном аппарате власти. Единственной опорой устоев России был крепкий крестьянин. Его политико-моральное состояние было чуждо революционному миропониманию. Его экономическая независимость трансформировалась в чувстве политической гордости и в сознании собственного достоинства. Его удовлетворял идеал православной самодержавной монархии, идея правой веры, белого царя и белой империи. Он неохотно расставался с землей. Даже уезжая от безземелицы в Америку и живя там более культурной жизнью квалифицированного рабочего, живя в стране хваленых свобод и народоправия, он тосковал по национальному укладу жизни в своей стране, где он чувствовал себя не работником, а хозяином. Этот государственный инстинкт крестьянина не был своевременно оценен. Денационализированные элементы страны не могли понять кре-

стьянина и вели страну в пропасть. Идеолог крепкого русского крестьянства Столыпин — одинокая фигура разводящего, передававшего пост защиты государства крестьянству — остался непонятным социально близкой ему дворянской прослойкой. Но в такой передаче было единственное спасение страны! Но получился развыв. Правящий слой, уходил со сцены. Новый слой крестьянской национально-мыслящей интеллигенции еще не вырос, для этого не было экономических предпосылок.

Получилась пустота, расхождение, щель — в которую хлынули деклассированные интернаціональные силы, захватили государственный аппарат и поставили Россию на службу мировому финансовому капиталу. Крестьянство было против революции, против замены Царя республикой, считая Царя своим. Но идеологические расхождения с анти-национально настроенной частью дворянства и безземелица, толкнули его на временную поддержку революции. Социалистическая демагогия была и остается чуждой миропониманию крестьянства. Не признавая „диктатуры пролетариата", и даже презирая пролетариат, он впервые был сбит с толку лозунгом „вся власть народу, вся земля народу". В его понимании народ — это крестьянство. Политически неграмотный, крестьянин клюнул на эту удочку и глубоко заглотнул крючок.

Не имея своей политической партии или организации, он не мог повлиять на изменение политического курса страны. Компартия, прибирая к рукам власть, внесла элемент вражды и ненависти в среду крестьянства, чтобы парализовать его обороноспособность. Крестьянство было поделено на кулаков, средняков и бедняков, их взаимная вражда привела к уничтожению сначала идеологической группы крестьянства, так называемого, „кулачест-

ва“, затем середнячества. Беднота очутилась без идеологической надстройки. Теперь уже „пролетариат“ ведет ее за нос к социализму. Но идея социализма чужда даже бедняку. Загнанный в колхоз или по-большевистски, в „учреждение последовательно-социалистического типа“, крестьянин прежде всего потерял чувство собственного достоинства. Его оскорбили в его лучших чувствах. Ему говорят, что он не умел хозяйничать самостоятельно, а потому взят под опеку; ему говорят, что он настолько был глуп, что верил в Бога; его, наконец, лишили права распоряжаться семьей, издеваются над его органической тягой к накоплению материальных богатств, над его стремлением к собственности. Всем известно, что крестьянство ответило рядом кровавых восстаний, выражая свой протест против введения новой, еще более жестокой формы крепостного права. Восстания не привели ни к чему, несмотря на то, что крестьянство имело свою прослойку в армии и прослойку довольно сильную. Эта прослойка занимает подчиненное положение и не имеет своих идеологов, отсюда анархичность восстаний и отсутствие конечной цели борьбы. Отсутствие результатов, неудача восстаний заставило крестьянство стать на путь экономической борьбы. Началось массовое расхищение, так называемой, социалистической собственности. Портия ответила на это изданием закона по которому даже за сорванный колос давали 10 лет.

Крестьянство стало на путь саботажа. Это окончилось страшным голодом 1932—1933 года, который довел крестьянство до людоедства и вымирания целых населенных пунктов. Поэтому крестьянство отошло от обостренных методов борьбы.

Посильно загнанное в колхозы, оно все же жило мыслью, что это положение временное. Воз-

лагая свои надежды на поражение советской власти в предстоящей войне, крестьянство имело свою схему разрешения аграрного вопроса: раздел земли на хуторные и отрубные хозяйства по схеме реформы Столыпина. Когда в колхоз был отобран рабочий скот и затем полевая земля, крестьянин все свое время обратил на тот участок земли, который был оставлен в его в личном пользовании. Это — сад, усадьба, огород и приусадебный участок земли. Отрабатывая барщину в колхозе, крестьянин возвращался домой и ручным способом обрабатывал свой участок, который его кормил. Колхоз в среднем давал $^3/_4$ фунта хлеба на трудовой день; этого явно не хватало для крестьянской семьи, в которой дети, старики и нетрудоспособные не получили вовсе ничего от колхоза. Представленный в распоряжение колхозника, его кичный приусадебный участок земли рассматривался властью, как некоторая плата за его почти бесплатный труд в колхозе. Этим власть снимала с себя ответственность за прокормление колхозника.

Колхозник понял это и вложил максимум труда и энергии в свое индивидуальное хозяйство. При этих условиях он имел возможность быть не батраком, а полубатраком. В его личном пользовании остались изба, садик или огород, иногда приусадебный кусок земли, корова, поросенок, несколько штук домашней птицы, иногда два-три улья пасеки. Надо добавить, что вся важность этого хозяйства была не только в том, что оно кормило семью. Чтобы учесть все значение этого хозяйства, нужно указать, что колхозы не имели своего огорода, а крестьянин имел право продавать овощи на рынок. Рыночные цены были очень высоки, значительно выше цен на зерно в кооперати-

ве и потому огородничество и садоводство, по сравнению с зерновым хозяйством, имело огромное преимущество в смысле доходности. Оно, а не колхоз, одевало и обувало колхозника. На базе огорода вырощенная корова, поросенок, птица, яйца, молоко, мед обменивалось на мануфактуру и предметы широкого потребления. Получался своеобразный остаток НЭП-а. Городской житель, покупая обувь и мануфактуру по твердым ценам в том магазине, куда крестьянину доступ был закрыт, выносил все это на базар и из под полы продавал колхознику, или вернее, обменивал на продукты. Этой операцией они были довольны оба, обходясь без посредничества грабящей их обоих государственной торговли и кооперации. Ибо самая примитивная одежда и обувь, если и попадала случайно в сельский кооператив, то, проходя через промежуточные базы, склады и распределители, повышалась в цене в 2-2$^1/_2$ раза и колхознику ясно невыгодно было ее покупать. Свежие овощи, доставленные в город органами государственной торговли, во-первых, — были далеко уже не свежими, во-вторых, они были дороги, в-третьих, их было мало и горожанин предпочитал купить овощи из первых рук на рынке. Это единственный остаток частной торговли, который еще существовал в СССР до последнего времени. Но это частная торговля, или, вернее, контрабанда, была невыгодна государству по двум причинам, на складах городской кооперации гнили овощи, в виду дороговизны их никто не покупал. В сельских кооперативах лежали без движения товары, колхозник покупал их на рынке из рук „спекулянта“.

Получилось омертвление государственного капитала. Мало того, выявилась смехотворная вещь.

Колхозник, покупая у городского „спекулянта“ товар, во многих случаях переплачивал частнику, а частник переплачивал колхознику за мясо, молоко, овощи, фрукты, мед, яйца. Чем это объяснить? Отнюдь не призрением к государственной торговле, а качеством продукции, ассортиментом и сезонностью товара. При бюрократической системе торгового аппарата в сельском кооперативе валенки могут появиться только весной, скажем, по 80 руб. за пару. Колхозник спрашивает их на рынке осенью и платит 100 руб. частнику, который их приберег для колхозника с зимы. В свою очередь, село привозило в город овощи раньше, чем неповоротливая городская кооперация и брало за эти овощи значительно дороже и горожанин не протестовал.

Но и это невыгодно государству: не только подрывается государственная торговля: падает курс денег, удорожается жизнь рабочего и он требует прибавки заработной платы. А прибавить неоткуда; заводы, благодаря чудовищно безграмотному руководству, бюрократически разбухшему аппарату, не рентабельны. Цены регулируются не законами экономики, а директивами партии, завод в убытке и прибавить жалованье нет возможности. Обидеть городское население и снизить его жизненный уровень опасно; оно организовано, значит нужно и можно повысить курс денег за счет крестьянина, за счет ликвидации остатков частной крестьянской торговли.

Предпоследний удар крестьянству, как известно, был нанесен в мае. Декретом правительства были отрезаны приусадебные участки. Крестьянин сжался, но не сдался. В более мелком масштабе он все же вел свое хозяйство и этим вредил советской власти, подрывая курс денег, омертвляя

капиталовложения государственной торговли и конкурируя с ней довольно успешно.

Теперь личному хозяйству крестьянина наносится второй удар. Уже это карликовое хозяйство облагается таким налогом, который фактически ставит колхозника перед необходимостью прекратить дело. Самый сильный враг советской власти— крестьянин этим налогом фактически экспроприируется. Врагу некуда податься, он прижат к земле, положен на обе лопатки, если принять во внимание разные натуральные повинности, денежные налоги, хлебозаготовки, мясозаготовки, молочную повинность, страховые взносы, „добровольные“ займы и „добровольные“ пожертвования в пользу китайской, испанской и пр. революций, то положение крестьянства стало критическим, как никогда. Все пути крестьянству отрезаны, все дыры заколочены, все щели законопачены, врагу некуда податься. Это видно из следующей таблицы исчисления налога от доходов с личного хозяйства колхозников.

Доход 700 руб.	Налог 50 р.
Доход —от 700 р. до 1000 р.	Налог 50 р. + 8 %
Доход—от 1000 р. до 2000 р.	Налог 74 р. + 9 %
Доход—от 2000 р. до 3000 р.	Налог 164 р. + 11 %
Доход—от 3000 р. до 4000 р.	Налог 274 р. + 13 %
Доход—свыше 4000 руб.	Налог 404 р. + 15 %

Если один из членов семьи не состоит в колхозе, то налог увеличивается на все хозяйство в размере 20 %.

Что касается сельско-хозяйственного налога с единоличника, то здесь побиты все рекорды:

Доход 1000 р.	Налог 110 р.
От 1000 р. до 2000 р.	Налог 110+16%
От 2000 р. до 3000 р.	Налог 270+20%
От 3000 р. до 4000 р.	Налог 470+25%
От 4000 р. до 5000 р.	Налог 721 р.+ 31%
От 5000 р. до 6000 р.	Налог 1030 р.+ 38%
Свыше 6000 р.	Налог 1410 р.+ 45%

И так далее.

Каков же порядок определения доходности крестьянского хозяйства? И на это есть закон.

Посев зерновых с гектара	— 540 р.
картофеля	— 1200 руб.
табака	— 1700 руб.
огорода	— 2500 руб.
сада	— 3500 руб.
Виноградник	—7000 руб.
Коровы в год	— 600 руб.
Свинья в год	— 300 руб.
Лошадь в год	— 500 руб.

Местным властям предоставлено право увеличивать налог на 30%.

Любопытно, что доходность определяется не по количеству посева, а по плановому заданию (!). За просрочку уплаты налога 6% в месяц или 72% в год. Поистине венецианский купец Шейлок, требовавший только фунт мяса с живого человека в качестве процента за ссуду, был великий благодетель человечества. Будущий русский Шекспир будет иметь более богатый материал для драматических сюжетов.

Единственный путь теперь—только в колхоз, на барщину. Единственный способ прокормления—только из рук хозяина крохами, падающими с его

стола. В эмиграции иногда задают робкие вопросы, а что такое колхоз, неужели в нем нельзя жить, ведь земля та же, рабочий скот и рабочая сила та же, даже наоборот, произошло изменение в сторону прогресса, на помощь скоту и мужику пришли машино-тракторные станции и квалифицированное руководство инженеров, агрономов, зоотехников. Убедить этих людей я не могу, для этого нужно показать им колхоз. Обобществляя скот, большевики вынудили мужика зарезать 19 миллионов из 36 миллионов лошадей, в такой же пропорции погибли и остальные отрасли животноводства. Колхоз без рабочего скота и без навоза. Земля отощала и ее нечем обрабатывать. Обработка машинами баснословно дорога, это обходится в 20% валового дохода. Урожай низкий еще потому, что нет личной заинтересованности, обычно влияющей на качество обработки и количество урожая. Все мало-мальски толковое население из села убежало в город, там произвол меньше и гарантирован какой ни есть, но все же кусок хлеба и покрышка для тела. В деревне остались только „хлопы", забитая, затравленная, одичавшая масса иждивенцев, стариков, женщин, детей. Им ли вести колхоз к социализму! Присланные из города колхозное начальство в сельском хозяйстве ни уха, ни рыла не понимает. Ближайшие хозяйственные тресты навязывают колхозу свои планы посева технических культур. На тощих землях сеют свеклу, табак, лен, коноплю и другие технические культуры.

Продажные цены на эти культуры диктуются трестами. Тресты работают на демпинг, т. е. на продажу по минимальным бросовым ценам. Отсюда они не могут платить за сырье дорого. Колхоз получает нищую выручку, платит госналог, стра-

ховки, за прокат машин, фонды семенной, фуражной, запасной и пр. и пр. Остатки делят по трудодням. Колхозник получает гроши, фунты, ноль целых, икс десятых.

Спрашивают, неужели мужик забыл, как обрабатывать землю? Нет, не забыл. Но хороший хозяин обязательно был кулаком, если не кулаком, то подкулачником, если не подкулачником, то он сын, кум, сват, брат кулачный. Отсюда закономерно вытекает, что допустить его к руководству колхозом нельзя, ибо он неблагонадежен. Вокруг присланного из города коммуниста, „слесаря из под станка", толпится паразитарный слой деревни, те, кто в былые времена заполняли городские ночлежки. Это средостение оттирает хозяйственного мужичка, буде такой даже избежал ссылки в Сибирь или посадки в концлагерь. Эта камарилья больна особым видом ненависти к хозяйственному мужику. Эта ненависть свекрови по отношению к молодой невестке, изводящей ее под лозунгом „мне у моей свекрови было хуже". Революционный восторг этой группы в первые годы революции вылился в поджоги имений, вспарывание лошадям животов, в поголовное избиение породистых собак, и уничтожение дорогих картин, статуй, барельефов, сжигание библиотек, и памятников старины.

Партия опирается на эту группу в деревне. Ее нищета в прошлом является как бы аттестатом политической благонадежности. А политическая благонадежность прежде всего. Нельзя забывать, что партия и на 22-м году жизни в России не чувствует себя дома. Кругом враги. Гнущий спину перед начальством мужик есть враг и враг опасный. Он подлежит уничтожению. Его место должен занять „новый социалистический человек",

колхозный „робот“, механический металлический истукан, производитель колониального сырья для заводов и фабрик еврейского государственного капитала.

Отсюда попытки партии реконструировать сельское хозяйство, игнорируя личные интересы крестьянства, его опыт, знание своего дела, традиции.

В правовом отношении положение крестьянства еще тяжелее. Можно сказать, что в южно-американских штатах негры хлопковых плантаций пользовались большими правами, ибо негр, как ценность, котировался на бирже. Его покупали и продавали, были даже питомники, где эту рабсилу разводили и кормили, правда их били, но все же не до смерти, это было экономически невыгодно. Разница между негром и колхозником в правовом отношении такова, как между домашним кроликом и диким зайцем. Кролика содержат, кормят, поят, и убивают по мере надобности. Зайца не кормят, не поят, не содержат, но каждый смотрит на него, как на свою собственность. Колхозник так хорошо понимает свое бесправие в колхозе, что очень часто освобождаясь из тюрьмы, просит оставить его на „сверхсрочную службу“, опасаясь возвращения к „веселой зажиточной жизни“. Отсюда же и тот „энтузиазм“, с которым крестьянская молодежь идет в армию. Солдатская казарма лучше колхозного кабака, крестьянская молодежь мечтает овладеть рулем танка или бронемашины, чтобы остаться на сверхсрочной, или демобилизовавшись, устроиться „на производство“. Молодая престьянсаая смена не имеет уже традиционной тяги к земле. Через несколько лет, если продлится колхозный режим, перед властью будет стоять уже не проблема найма рабочей силы на завод из колхозов, а вопрос о репатриации крестьянства обратно

в колхозы. Будут, вероятно, ссылать в колхозы уголовный элемент. Таково положение крестьянства в колхозной деревне. Если попытаться заглянуть вперед и представить себе те факторы и стимулы, которые носят в себе зародыши ликвидации существующего положения вещей, то прежде всего нужно отметить рост так называемого „красного мужичка". Это идеолог индивидуального хозяйства, индивидуалист, или, как его называют коммунисты, „индус".

Прикрываясь лозунгами партии, он критикует ее политику в деревне, орудуя левой фразой и правой практикой. На его стороне знание дела и крестьянской психологии. Его привлекает к себе на помощь тот коммунист, руководитель колхоза, который потерял веру в рентабельность сельского хозяйства, руководимого беднотой. Они делятся. Председатель колхоза берет на себя роль колхозного комиссара, а „индус" роль полевода—командира, одним словом, технического руководителя. Коммунист обычно сдает ему свои функции и занимается только бумажной волокитой и руководством „вообще и в целом". Все это уже сейчас вылилось в ряд интересных фактов, которые получили освещение в советской прессе. Полевод стремится освободиться от ростовщической эксплоатации машино-тракторной станции и хочет обрабатывать землю рабочим скотом. Это дешевле. Скрываются объекты обложения, т. е. утаивается количество земли, скота, удой молока, живой вес, настриг шерсти. Утаивается посевная площадь, урожайность, изменяется категория земли, имеет место сдача земли в аренду, оформленная, неоформленная, фактическая и юридическая продажа земли отдельным колхозникам. На колхозной бирже котируются „рабочие дни". На юге России внутри-

колхозные „красные индусы“ начинают обрастать. Они направляют колхоз в русло капиталистического развития сельского хозяйства. Дело в том, что сырье дешево и производство сырья убыточно. Отсюда тенденция сбывать свою продукцию не в виде сырья, а в виде полуфабрикатов и фабрикатов: вместо ржи, пшеницы, ячменя, гречихи—крупу, муку, печеный хлеб; вместо конопляннного, льяного семени—постное масло. В советских газетах появляются заметки об „антигосударственных тенденциях колхозников“. Оказывается, колхозники добывают и продают каменный уголь и конкурируют с государственными предприятиями. Оно, конечно, от хорошей жизни в шахту не полезешь, но нужно прокормить себя и семью. В данном случае колхоз „отпустил в пользование артели“ участок земли „за определенную плату“. Налицо скрытая продажа колхозом земли акционерному товариществу. Личная заинтересованность обычно поднимает производство. Колхозник иногда покупает себе „вольную“. Он уходит на отхожий промысел и присылает барину „оброк“. Этот вид индивидуальной продажи колхозников выгоднее, чем организованная продажа их на завод, когда оплата за труд имеет „безналичный расчет“, когда завод платит колхозу в порядке банковских операций по низким ставкам. Отпуск колхозника на „вольный извоз“ выгоднее, чем выполнение транспортных работ колхозом. За годы строительства масса колхозников побывала на разных „стройках“, получила ту или иную квалификацию плотников, столяров, кузнецов, слесарей, шоферов, трактористов. Возврат в колхоз связан с понижением жизненного уровня; колхозник мечется между городской заработной платой и кровной тягой к земле. Порвать с колхозом—выбросят на улицу

семью, взять ее в город—там квартирный кризис и дороговизна. Колхозник „вносит в колхоз „трудодни“ и работает в городе или, возвращаясь в колхоз, требует платы не в „трудоднях“, а по тарифной сетке.

Непобедимые законы экономики толкают колхоз в целом на путь автаркии, на путь защиты интересов своего племени от хищнической эксплоатации со стороны государственного капитала. Не надо забывать, что при всех своих отрицательных качествах, колхоз имеет одно положительное. Распыленное индивидуальное крестьянское хозяйство не было организовано, крестьянские массы не были оформлены, не имели своей политической организации. „Комитеты бедноты“ не были крестьянской организацией, они были агентурой коммунистической партии в деревне. Теперь колхоз насильственно объединил интересы всего села. Связанная одинаковыми производственными интересами и одинаковым правовым положением, колхозная масса имеет теперь свою легальную экономическую организацию. Во избежание противопоставления этой организацией своих интересов интересам тяжелой индустрии, над колхозом учреждена опека в виде колхозного комитета коммунистической партии. Между ними идет борьба.

В настоящее время борьба крестьянства за свои интересы вышла за экономические рамки и крестьянство переходит к борьбе политической. Не имея возможности при „диктатуре пролетариата“ создать свою политическую партию, крестьянство давит своим количеством, своей стихией на парторганизацию села и деформирует ее „генеральную линию“. Как известно, парторганизация зародилась в селе из „полпредов“ городского пролетариата. Здесь осели раскулачиватели, коллек-

тивизаторы, чекисты и колонизаторы. Они создали „точки“ опоры партии в деревне. В сельском хозяйстве они диллетанты, их специальность — „выборные должности“.

Закончив разрушительную фазу „реконструкции“ сельского хозяйства под знаком преданности Сталину, дясятки тысяч их поехали в концлагеря за „головокружения от успехов“ и „левые загибы“. Оставшиеся осторожные канцеляристы пошли на компромисс с селом и попали под чистку, как „буржуазные перерожденцы, плетущиеся на поводу у классового врага“.

Пополнение парткомитетов села комплектуется за счет новой технической просвещенческой, агрономической и врачебной интеллигенции, принесшей с собой из Вузов и втузов оппозиционные настроения советской молодежи. Это пополнение идет еще за счет отбывших военную службу красноармейцев, возвращающихся обратно в родное село и оседающих в машинно-тракторных парках.

В сельских комитетах идет глухая борьба между „стариками“ и „молодой сменой“. На стороне первых—преданность интересам финансового капитала коммунистической партии, на стороне вторых—кровная связь со своим племенем. Правда, эта кровная связь слаба, новая „молодая смена“ кормится не колхозными трудоднями, а получает твердую ставку и поэтому еще хромает на оба колена и садится между двух стульев. Но на очереди большой перелом. Колхозы из предприятий „последовательно-социалистического типа“ должны стать предприятиями „чисто социалистического типа“. В переводе на язык жизни это значит, они должны быть совхозами, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Обремененный

военными расходами, государственный бюджет не сможет подкармливать сельско-хозяйственную коммунистическую верхушку за счет банковских дотаций государственного капитала. Она неизбежно перейдет на содержание колхоза. Это заставит ее подойти с глубоким анализом к причинам экономического застоя в колхозе и руководствоваться не директивами ЦК, а экономической целесообразностью. Будет борьба за колхозный НЭП, которая кончится победой села. Есть и другие признаки изменения крестьянской мысли. Колхозная молодежь, взятая под ружье, в настоящее время проделывает экскурсию по лимитрофам и Польше. Эта экскурсия не пройдет даром. Налюбовавшись витринами магазинов и привольной, сытой жизнью зажиточного крестьянства в капиталистических странах, молодежь отбросит в сторону сказки партии о тяжелом положении за границей и принесет в колхоз новые мысли о свободной жизни.

На некоторое время партия вынуждена будет не вводить колхозного землепользования в покоренных странах из тактических соображений. Получается временное соревнование двух систем: колхозной в СССР и индивидуальной в присоединенных краях. Уже сейчас советская пресса бьет тревогу, наблюдая тягу к экскурсиям в покоренные страны под разными предлогами. Советский гражданин, всегда проявлявший огромный интерес к тому, как живут и что думают заграницей, неожиданно получает возможность поехать в Западную Украину и он там... устраивается на постоянное жительство.

Даже суррогат капитализма лучше коллективизации, поэтому и имѣет место добровольное переселение крестьянства туда. Общий лозунг кре-

стьянства один: „Назад к 1926 году“. Это значит, назад к ослаблению диктатуры партии, назад в тот период, когда умер Ленин и еще не родился Сталин, а взаимная грызня партийных группировок давала крестьянину возможность отдохнуть.

Это значит, назад к свободной торговле, к политике рыночных цен, а не цен, диктуемых биржей государственного капитала. Назад—к частному землепользованию и экономическому раскрепощению крестьянства. Политических лозунгов, как видно, нет. Имеется ввиду медленная подготовка к захвату аппарата власти постепенно, начиная снизу и с хозяйственных комиссариатов. Национально-мыслящая интеллигенция считается своей, будущей сменой коммунистической партии. Она, опираясь на крестьянскую прослойку в армии, на интеллигентную прослойку в рабочем классе, ведет подготовку к захвату власти в стране. Платформа этой национальной технократии родственна идеалам крестьянства. Пока что она чуть-чуть левее фашизма, но правее платформы Бухарина. Крестьянству по пути, и оно пойдет за национальной технократией.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Техническая интеллигенция сохранила в СССР свои кадры от политического, экономического и идейного разгрома со стороны террористических органов советской власти. В дореволюционное время она состояла прежде всего из дворян, промышленников и купечества. Были в рядах технической интеллигенции выходцы из мещан и мелких чиновников, из крестьян и рабочих, но эта прослойка была в меньшинстве. Неправда, что техническая интеллигенция в целом находилась в идеологическом плену у своих хозяев и была, так сказать, на поводу у них.

Она занимала среднее место в социальной пирамиде государственности России. Предвидя, что Россия должна стать на путь капиталистического развития, техническая интеллигенция находилась в оппозиции по отношению к патриархально-феодальному строю, вела легальную борьбу с ним за реформы и отвергала революцию. Ее политической партией была партия кадетов, стоявшая за сохранение монархического образа правления, дополненного народным представительством и ответственным министерством. Ненавидимая за это крайне правыми группировками, техническая интеллигенция в равной степени была ненавидима революционными элементами и, прежде всего, пролетариатом. В то время, как крайне правые элементы, не имея опоры для поддержки своего господства в стране, обосновали его фразами.

ссылкой на историю, на традиции, на незыблемость и исконность устоев государственности, техническая интеллигенция требовала реформ и обосновывала их необходимость логикой фактов. Революционное миропонимание было чуждо технической интеллигенции, как религия разрушения. Эта религия несла уничтожение тех ценностей, которые были созданы технической интеллигенцией и потому была неприемлема. Характерно, что в среде идеологов революционного движения не было представителей технической интеллигенции. Адвокаты, журналисты, фармацевты, статистики не производили никаких материальных ценностей и не представляли себе конкретно издержек революции и потому ее возглавили. Софистика заменяла им логику, маниловские мечтания подменили собой конкретные задачи экономики страны. Техническая интеллигенция это прекрасно понимала и не случайно в первые дни Октябрьского переворота фактически защищал Зимний Дворец идеолог технократии Пальчинский, за что он впоследствии и расстрелян.

Видя обреченность дальнейшей борьбы за власть он пошел на службу к советской власти, сказавши историческую фразу: „Чернь била нас в открытом поле своим количеством, но мы победим ее наукой". Под этим лозунгом пошла на советскую службу почти вся техническая интеллигенция. Верхушка технической интеллигенции— технократия во время революции дважды шла на уступки веяниям времени, чтобы не допустить разрухи. После отречения Императора от престола, кадетская партия не возражала против республиканского образа правления, после октябрьского переворота решила сотрудничать с советской властью при условии, что власть будет националь-

ной. Истерический террор первых дней послеоктябрьской жизни, неспособность большевиков наладить хоть сколько нибудь экономическую жизнь страны, заставили технократию сразу же стать на борьбу с властью.

„ВИКЖЕЛЬ“ — всероссийский исполнительный комитет железнодорожников первый об'явил забастовку, техническая интеллигенция стала на путь саботажа и вредительства. Технократия вела только экономическую и пассивную политическую борьбу в тот момент, когда противник применял систему террора, систему подавления. Вследствие этого, сопротивление технократии, было подавлено. Представитель технократии, горный инженер Врангель, несомненно, лучше понимал ситуацию, чем Деникин, но он очень поздно пришел к власти, потому и вооруженная борьба и не удалась. После неудачной экономической и политической борьбы с советской властью, технократия не сдала своих позиций. Она заняла командные посты в промышленности и в армии и пошла на службу России, игнорируя советскую власть, не признавая „диктатуры“ пролетариата“. Компартия и технократия неофициально поделили между собой сферы влияния. В армии технократия заняла пост командира, а партия комиссара. На предприятии и в учреждениях технократия заняла посты технических руководителей, инженеров, агрономов, врачей, профессоров,—партия заняла посты директоров и администраторов. Военная технократия выбросила вон марксистские утинные идеи о замене армии „вооруженным народом“, о выборности командного состава и сколотила армию по своим старым схемам. Промышленная технократия отбросила марксистскую теорию об уравнении заработной платы, о рабочем руководстве производством, по-

ставила промышленность на рельсы государственного, но все же капитализма.

Вся эта система больна двоеначалием.

Промышленная технократия руководствуется законами экономики, хозяин коммунист директивами партии, военная технократия интересуется обороноспособностью страны, комиссар силится поставить армию на службу мировой революции, а в сельском хозяйстве коммунист заботится выкачкой хлеба для города, игнорируя интересы крестьян, но в селе нет своей технократии, отсюда неизбежный хаос в колхозах.

Крестьянская технократия, „кулачество", не дозрело до этого названия. Оно анархично, неорганизовано, плохо владеет теорией, не понимает общности своих интересов. Конечно, идеал крестьянина — индивидуальное хозяйство, но оно должно быть построено на базе интенсификации сельского хозяйства. на организации системы кредитования и сбыта своей продукции, а это требует квалифицированного технического руководства.

Религиозная и просвещенческая сельская интеллигенция никогда не была тесно связана с сельско-хозяйственным производственным процессом и в этом весь корень зла в селе и в прошлом и в настоящем.

Еще одно звено в государственном аппарате не имеет своей технократии и хромает на оба колена: это аппарат советской полиции.

Аппарат ВЧК — ГПУ—НКВД не допустил в свои ряды технократии, а потому не имеет духа и традиций русской национальной интеллигенции, он живет реминисценциями трибуналов французской революции, опытом анархического террора и философией еврейских мудрецов об исключительности своего призвания.

Крестьянство имело свою технократию в виде столыпинских хуторян и казачества — в виде „кулаков".

Но в ходе революции эта технократия погибла, не сумев отмежеваться справа от влияния идеологов нерентабельного крупного землевладения и слева от демагогии паразитарных слоев деревни.

Крестьянская технократия, возродившись в огне НЭП'а в 1926 году в виде культурных индивидуальных хозяйств по немецкому образцу („красные кулаки"), темпом своего культурного, экономического и политического роста настолько испугала советскую власть, что она вынуждена была бороться с ней только методами экономической экспроприации и полицейского террора. Страх перед „красными кулаками" породил даже раскол в партии.

Эта сельская технократия погибла, но она неизбежно возродится под влиянием милитаристической и промышленной технократии, а также при содействии сельской интеллигенции, не имеющей, пока что, прямой связи с сельским хозяйством.

Догматом технократии в области идеологии является прогресс, отсюда вытекает лозунг: „Движение — все, цель — ничего".

Разносторонне образованная технократия полагает, что мир в тупике, мировая культура на закате, спешить некуда, впереди огней не видно. Она отрицает идеал коммунистов— мировую революцию, бесклассовое общество, равенство, свободу и рай на земле, ибо с прекращением идейной борьбы исчезнет и культура, как ее производное, со всеми вытекающими отсюда последствиями перехода человечества к первобытному состоянию.

Отсюда — консервативность политических

убеждений и подчинение их текущим задачам экономики страны. Истерическую экзальтацию коммунистов технократия считает результатом одностороннего знакомства с жизнью, узостью кругозора и диллетантским отношением к науке. Технократия убеждена, что коммунизм, как доктрина, будет побежден чистой наукой, которая докажет абсурдность его догматов.

Коммунизм, по мнению технократии, есть ни что иное, как религия умирающего торгового капитала, со всеми его характерными особенностями упадка культуры духа. Поэтому метафизика не чужда технократии. Антирелигиозную агитацию она считает бесцельной, ввиду неразрешенности наукой вопросов о времени и пространстве, ввиду отсутствия в коммунистической „науке" указаний на причины возникновения начала всех начал и возможности измерения бесконечности. Коммунистическая „наука", имея такие серьезные пробелы, не может быть религией технократии. Технократия, поэтому, остается на старых позициях своего миропонимания и стоит за свободное соревнование идей без применения полицейских и террористических методов борьбы, утверждая, что идеи, близкие духу народа, привьются без насилия, а то, что не привьется мирным путем, не нужно.

Обосновывая причину своей борьбы с коммунистической доктриной, технократия утверждает, что прогресс возможен только при наличии в обществе моральных традиций, которые влияют на воспроизводство принципов качества. Считая неверным основной догмат марксизма „бытие определяет сознание", она утверждает, что такой фактор бытия, как террор, не меняет миропонимания нации и только разрушая принципы, регулирую-

щие взаимоотношения членов общества, приводит его к разложению мысли, к дегенерации культуры и распаду государственности.

Государство, по мнению технократии, должно быть аппаратом, регулирующим взаимоотношения членов и прослоек общества. Критикуя доктрину коммунизма: „государство есть аппарат угнетения одного класса другим", — технократия считает, что советское государство в настоящем его виде подходит под определение анархистов: „как аппарат насилия одного человека над целым обществом".

Отрицая „диктатуру пролетариата", т. е. гегемонию компартии в области идеологии, технократия недовольна и административным аппаратом советской власти, сколоченным на 50 проц. из „приводных ремней партии", и на 50 проц. из мертвых статистов, играющих в советском аппарате пассивную роль болельщиков. Положительной чертой технократии является национальный образ мышления. Отсюда научный антисемитизм, основанный на тщательном изучении разрушительной роли хищнической природы еврейского финансового капитала.

Это роднит русскую технократию с идеологами фашизма, но сдать свои позиции немецкой технократии она не хочет, ссылаясь на незнание ею духа русского народа и обстановки, а также из национального самолюбия.

Технократия была сильно придавлена военным коммунизмом. Она сразу определила военный коммунизм, как поворот к временам, так называемого натурального хозяйства, т. е. к такой системе хозяйства, где технократии и делать то, собственно говоря, неизвестно, что.

Страна возвращалась на целые столетия назад,

происходило хищническое разбазаривание накопленных до революции духовных и материальных богатств, отрезались пути к возможности их воссоздания. Технократия поняла это и путем саботажа заставила Ленина провозгласить НЭП. НЭП временно возродил право на ограниченную собственность и частную инициативу в хозяйственном производстве, он спас страну от экономической катастрофы. Советская власть была поставлена перед необходимостью пойти на целый ряд политических уступок. Характерно, что не имея опоры в среде пролетариата, технократия выговорила уступки только торгово-промышленной интеллигенции и... крестьянству, ухудшив значительно положение пролетариата, как анти-национальной стихии, всегда вражебно относившейся к технократии.

Миллионы рабочих были выброшены на биржу труда, и ставши безработными, давили на советский режим, требуя изменения политического курса страны вправо. Это давление вылилось в кризис партии 1927 года и технократия оседлала правую фракцию Бухарина, наивно надеясь ввести ее в русло национальной политики. Еврейская левая фракция партии—троцкисты, опасаясь национального курса страны, решили подкормить пролетариат. Троцкисты дали ему строить пятилетки; за отсутствием капитала, для этой цели было экспроприировано крестьянство. Троцкий, основной враг технократии под ее давлением, уйдя со сцены, прямым наследником оставил не Бухарина, а Сталина. Технократия очутилась у разбитого корыта. НЭП был ликвидирован, крестьянство было разгромлено, правая фракция партии была поставлена на колени, над технократией был установлен контроль. Технократия ответила на это особым видом политического протеста — вредительством.

Из них наиболее известны: „Шахтинское дело", „Дело торгово-промышленной партии Рамзина", „Дело профессоров Петровско-Разумовской сельско-хозяйственной академии Чаянова-Кондратьева", „Киевский Союз Освобождения" и т. д.

Потерпев поражение в стычках с органами политической полиции и не имея своей прослойки в органах НКВД — технократия попробовала опереться на армейскую военно-технократическую группу Тухачевского, но потерпела поражение. Ошибка технократии в том, что она ведет преимущественно только экономическую войну с партией и избегает обостренных методов борьбы, как например, террор и вооруженное восстание, опасаясь разрушения материальных ценностей в ходе гражданской войны.

Положение технократии сейчас таково. Она имеет незначительную прослойку: 10% в правой группе партии, несколько больше 20% в советском аппарате, около 75% в командном составе армии, 80% в комиссариатах промышленности и земледелия, просвещения, здравоохранения, путей сообщения. Совершенно не имеет своей прослойки в политбюро, в ЦК партии, в органах государственного контроля (КК-РКИ) и наркомате внутренних дел (НКВД). Но зато в ея руках почти монопольное воспроизводство промышленной и военной технократии, т. е. своей смены, силами которой она начинает бороться сейчас за свой идейный приоритет.

Молодая технократия ведет борьбу под лозунгами старой, но применяет довольно оригинальную тактику. Если старая технократия вела борьбу с партией под правыми лозунгами, не скрывая своих целей, то молодая ее смена, учитывая ряд прошлых поражений, удачно маскируется. Ведя борь-

бу с партией за власть, с целью направить Россию в русло национальной политики, она прикрывается лохмотьями демагогических лозунгов, пятнами революционного происхождения и словоблудием ленинской диалектики. Если представить себе целевую установку этого тактического приема, то невольно приходишь к убеждению, что молодая технократия хочет воевать чужими руками: она хочет натравить троцкистов на „генеральную линию", партии или, вернее, стравить четвертый интернационал с третьим, в надежде, что они друг друга уничтожат. Если даже они не уничтожат друг друга и не расчистят дороги, то обессиленный борьбой Сталин вынужден будет плыть вправо, вниз по течению, что и требовалось доказать. Таковы тактические ходы.

Сталин в последнее время делает реверансы в сторону „беспартийных большевиков", т. е. молодой технократии. А она сделала ему медвежью услугу. Толкнувши его на „дружбу" с Германией, она дискредитировала генеральную линию и сломала хребет коминтерну. „Братские партии" демократических стран с ненавистью отплевываются от „тоталитарного большевизма" и уходят к Троцкому в лоно IV Интернационала. Теперь нужно для спасения сталинской генеральной линии или форсировать революцию в Германии, или об'явить Коминтерн агентурой троцкистов, агентурой врагов народа и международной буржуазии.

Технократия понимает безвыходность положения генеральной линии. Чтобы форсировать революцию в Германии, Сталин вынужден будет устроить в Германии „бомбовой период", как это имело место во время подготовки революции в Польше и пустить на воздух кварталы Берлина вождей и людей. Но немцы этого не простят и

будут воевать. А Сталин, в условиях внешней войны, развяжет руки технократии и переворот будет обеспечен. Если германская революция не произойдет, то Коминтерн рассыпется, потерявши поддержку и симпатии мирового еврейства, не желающего сотрудничать с Гитлером. А Сталин, будучи вынужден искать точку опоры для своего господства, начнет период спекулятивных уступок и изгибая штопором свою генеральную линию, сделает партию идеологическим безпризорником. В этот момент технократия, перетянувши предварительно на свою сторону правое крыло партии, нанесет ей удар с целью захватить в свои руки комиссариат внутренних дел и органы государственного контроля, конечно, при помощи прослойки военной технократии в армии. В результате, в России на первых порах должен возродиться особый вид нелегитимной национальной монархии, облеченной в форму военно-технократической диктатуры, с пятнами революционного происхождения и примесью авантюризма. Эта форма правления будет ограничена корпоративным представительством в центре и органами самоуправления на местах. Правящим слоем или вернее, слоем, поставляющим кадры в органы государственного аппарата будет Русская национальная интеллигенция. Неизбежен возврат к православию, как к общей идее нации и воспроизводство кадров духовенства, которое будет теснее связано с правящим слоем, чем это было раньше.

Но военная и промышленная технократия, рассчитывая на помощь идеологов православной церкви, ведущую роль оставляет за собой, учитывая то обстоятельство, что аппарат церкви в России никогда не претендовал и не претендует на руководство политикой и экономикой страны и

всегда ограничивал сферу своего влияния созданием высших духовных ценностей, культом морали и национальной совести. Проводить в жизнь свои идеи церковь будет мирно, не пользуясь для этого методами административного нажима. Отсутствие интеллигенции в селе будет компенсировано возвратом из города в деревню той ее части, которая подверглась остракизму в годы коллективизации и раскулачивания и которой сельская жизнь ближе по кровной органической связи с землей, а земля к этому моменту будет уже раскрепощена.

Как я уже говорил, старая технократия это особый слой русской технической интеллигенции, которая, не признавши диктатуры пролетариата и игнорируя вмешательство органов советской власти в сферы своего влияния, частично сохранила за собой командные высоты, главным образом, в промышленности, в армии, в аппарате подготовки кадров, органах здравоохранения, путей сообщения и земледелия. Остальная часть национально-мыслящей интеллегенции имеет тот недостаток, что она утеряла свои командные высоты. Характерно и любопытно, что в самом глупом положении очутился именно тот слой старой интеллигенции, который был поставщиком революционной идеологии, инженером душ революционной толпы. Я имею старых адвокатов, юристов, правоведов. До большей степени падения не дошла ни одна прослойка в России. Использовав их, как демогогов, компартия выбросила их вон на мусорную свалку истории. Член коллегии защитников в СССР, это самая жалкая фигура. Ее ненавидит и партия, и технократия, и рабочий, и крестьянин. Дореволюционный правовед считал позором служить в жандармерии, а теперь старый адвокат даже с „рево-

люционными заслугами", не подпускается на пушечный выстрел к руководящим постам в аппарате НКВД, не принимается на службу в судебные учреждения, в рабоче-крестьянскую инспекцию и в органы государственного контроля. Изредка встретишь старого кандидата прав, подшивающего дела для какого-нибудь безграмотного чекиста. Они не сумели удержаться на руководящих постах. „Защита прав" в советском суде, это даже не глумление над подсудимым, это самобичевание старого адвоката, кающегося в былом словоблудии и грехах молодости.

Особую роль занимает русская гуманитарная интеллигенция. Ее положение среднее между старым технократом и старым правоведом. Она рассосалась по советским кабакам, и ее можно назвать служилой или, вернее, обслуживающей полуинтеллегенцией. Она не имеет политического веса, она не имеет и своего лица. Жизненный уровень ее несколько ниже уровня жизни квалифицированного рабочего, хотя правда выше, чем у колхозника. С ней никто не считается, ее третируют. Сплошь и рядом это высококультурные, высокообразованные люди, но их культура сейчас не в моде. Ценность их в том, что они умеют читать, писать, считать, остальные качества они держат, так сказать, при себе.

Интересно положение офицерства старой армии, не имеющего никакой технической подготовки. Оно расположилось компактной массой в двух местах: в городе, это счетный аппарат, в селе — учителя начальных школ.

Если говорить о массе, то она вовсе не служит в партийных учреждениях, меньше в советских и больше в хозяйственных. Двадцатилѣтний террор оглушил эту прослойку, она молчит боль-

ше, чем кто бы то ни было. Для нее чрезвычайно характерны симпатии к технократии, на которую возложены все надежды старых кадров офицерства, давно переменившего свою квалификацию. По контакту между этими группировками мешает чрезвычайно распространенная в среде былого офицерства посеянная органами НКВД, больше чем где бы то ни было, сеть внутренней разведки. Поэтому старая технократия очень осторожна в выборе попутчиков и союзников. Она сама сейчас представляет из себя штаб, откуда ведется борьба за власть с партией. В бой она посылает главным образом, свою молодую смену, которая лучше знает тактику и стратегию борьбы в новых условиях. Наибольший процент смертных приговоров, тюремного заключения и ссылок попадает на долю молодой русской промышленной и военной технократии. Неизживаемый антагонизм между молодым комсоставом и институтом комиссаров — есть, несомненно, дело старой русской военной технократии. Тактика молодой технократии — левая фраза, стратегия — правая практика и нападение на глубокий тыл противника.

Отвергая теорию эволюции, как маниловские мечтания, можно твердо и уверенно сказать, что СССР — накануне великих событий. Все контрольно-измерительные приборы определения политической погоды показывают приближение бури. Вера в непогрешимость марксистских догматов трансформировалась в нигилизм по отношеную к авторитету вождей революции. Искусственное повышение этого авторитета рассматривается, как попытка „взять на горло“, т. е. заставить верить слепо, без доказательств. Сельское хозяйство дало все, что могло индустрии и село в лужу. Была надежда, что основную роль кормилицы го-

сударственного бюджета возьмет на себя промышленность. И это невозможно, она нерентабельна, вложенный в индустрию капитал омертвлен и не дает дивидентов. Идеи большевизма не нашли психологической почвы в народных массах. На все попытки большевизма нагнуть массы к социализму — массы ответили упорным стремлением отойти от него подальше. Большевизм испробовал все методы своего влияния, вплоть до террора, с целью переделать психологию народа. Ничего не вышло. Дух нации победил и в этом основная причина идейного кризиса большевизма. Большевизм не хочет уступить, но не уступают и массы. В поисках компромиссного решения, коммунистическая партия изгибает штопором свою генеральную линию. Это штопор противоречий, где схоластика первоначальных догматов перепутана со спекулятивными компромиссами. Формально исповедуя эти догматы—большевизм, скрипя зубами, пока что отступает. В этом большая победа национальной Русской военно-промышленной группы, считающей себя единственным наследником после смерти партии Маркса-Энгельса-Троцкого-Сталина.

Перейдем к последней.

КОМПАРТИЯ.

Как известно, Всесоюзная коммунистическая партия претендует на монопольную роль выразителя чистого марксизма. С этими разбухшими претензиями можно и не соглашаться, ибо они не совсем обоснованы. Влияние анархизма несомненно.

Автор программы коммунистической партии Николай Бухарин, по авторитетному свидетельству Ленина, всю свою жизнь страдал припадками анархо-синдикализма. Это отразилось на программе коммунистической партии и на террористических методах проведения ее в жизнь. Исходным пунктом программы коммунистической партии является утверждение, что в буржуазных государствах экономика развивается без всякого плана. Отсюда дошли до теории о загнивании капитализма, о непримиримости классовых противоречий и об империализме, как конечной стадии капитализма.

Крупный советский теоретик, Бухарин, незадолго до расстрела, понял свою основную ошибку и из его книги „Организованный капитализм", можно убедиться, что он перед смертью изжил свои основные коммунистические заблуждения. Лев Троцкий, после своей теории об исключительности развития капитализма в Соединенных Штатах Америки тоже, кажется, начинает кое-что понимать.

Но советским теоретикам это невдомек. Да и нет в настоящее время теоретиков-львов на со-

ветском олимпе. Там теперь визжат ишаки, болтают попугаи, лают недорезанные собаки.

Вне зависимости от наших симпатей к Бухарину, Троцкому и Сталину, нужно сказать, что два первых лучше видели, в какую пропасть идет Россия, прыгнув со своей полу-феодальной социально-экономической системой в лоно „чистого социализма".

Правда, в качестве выхода из положения, они оба усиленно рекомендовали утинную теорию мировой революции. Но уже одно это говорит, что они поняли всю абсурдность построения социализма в России, хотя они и не дали ответа на вопрос: куда пойдет Россия, ежели революции мировой не будет? Но Сталину и этого не понять. Он продолжает твердить, что коммунистическое движение имеет четкое идеологическое оформление, имеет ясную цель, имеет свою программу и что эта программа стоит на позиции защиты прав трудящихся. Сталинские подхалимы дошли даже до утверждения, что наибольшее свое идейное выявление коммунистическая программа нашла в современной практике сталинизма.

Чтобы опровергнуть это утверждение, рассмотрим те исторические факты и идейно-программные основы, из которых возник сам большевизм, а также проследим все этапы его дегенерации и разложения.

Как известно, большевистская партия и ея заграничные отделы берут свое идеологически-организационное начало из социал-демократического движения, зародившегося во второй половине девятнадцатого века, из маркистской доктрины. Теоретические предпосылки марксизма вытекали из материалистического миропониманияи, так называемой, диалектики исторического развития. При-

давая этому материалистическому развитию механический характер, марксизм построил свою политическую программу на двух костылях: на об'единении капитала и социальной революции.

Маркс и его последователи считали, что в условиях капиталистической экономики, об'единение капитала и его завершение, социалистическая реконструкция общества, могут осуществиться только в мировом масштабе. Отсюда вытекла третья теоретическая подпорка марксизма —интернационализм. Согласно марксистской теории о закономерности назревания мировой революции, она должна была произойти прежде всего в самой передовой капиталистической стране, где предпосылки для возникновения должен был породить развитый промышленно-финансовый капитал, обострившие социально-экономические классовые противоречия до вооруженной борьбы за аппарат власти. Таким образом, по Марксу, социальная революция должна была произойти в Соединенных Штатах Америки, потом в Англии, потом во Франции и Германии.

Предвидение Маркса оказалось болтовней. Социальная революция произошла в полуфеодальной России. Маркс в ряде своих трудов утверждал, что в России революция произойти не может, что политически она—жандарм Европы, опора реакции в мире, что экономически она слаба, к социалистическому переустройству предпосылок не имеет, ибо по своему патриархальному укладу жизни устремлена куда-то в сторону, даже от капиталистического развития. Нельзя не согласиться с Марксом. Примитивное состояние полуфеодальной социально-экономической системы России, действительно, не могло создать реальных предпосылок для прививки ей западно-европейского

социализма. Промышленно-финансовый капитал был в зародыше, рабочие массы не имели своей организации, выражаясь точнее, даже не были оформлены. Прочие трудовые прослойки: крестьянство, мещанство и полуинтеллигенция имели еще меньше оснований быть втянутыми в социалистическое движение. Но революция произошла именно в России, вопреки всем предсказаниям праотцов марксизма и вовсе не хочет происходить в других странах!

В чем же дело? Маркс ошибся. Предпосылкой к назреванию социальной революции является не экономический прогресс, а ослабление государственного инстинкта господствующей нации. В странах с высоко-развитым государственным инстинктом и национальным миропониманием (Ниппон, Германия, Италия) марксизм не мог и не будет иметь успеха. На наш грех, в России существовали разные анти-правительственные течения, которые питались винегретом западно-европейских идей: масонством, космополитизмом, либерализмом, утопическим социализмом. Эти течения разложили русский государственный национальный инстинкт и сделали его организм неспособным к борьбе с инфекцией.

Смешнее всего, что идеи социализма пленили именно ту часть русского общества, которая к социализму и „пролетарским революциям", собственно говоря, никакого отношения не имела: это интеллигенцию и родовое дворянство.

Начиная от князя Крапоткина, артиллерийского офицера, Бакунина, юристов Плеханова, Ленина и кончая такими представителями „ленинской гвардии" как Алексинский, Луначарский, Покровский, Дзержинский, Трояновский, Чичерин, Красин Коллонтай — все сплошь были дворяне. Эта ин-

теллигенция переделала социализм в романтику. Здоровый реализм необходимости экономических преобразований исчез в маниловских мечтаниях, экспериментальных исканиях, в гнилом интеллигентском фетишизме. Под влиянием многих исторических факторов в русской душе глубоко закоренены своеобразные мистические порывы, которые придавали ей то характер пассивного фатализма, то мгновенного стихийного взрыва. Вся история нашей нации характерна взрывчатыми исканиями „правды всех правд", которая пребывает где-то за пределами реальной жизни. Эти мистические порывы имели черты духовной патологии и привели нас к иностранному идолопоклонству.

Но из истории известно, что нация, забывшая свои идеалы, неизбежно терпит наказание; отсюда и вытекают 22 года российской разрухи, лжи, взаимной резни и людоедства.

Большевизм укоренился на территории России и принялся за мировую революцию. В первые годы после Великой Войны он возлагал большие надежды на стихийное развитие пролетарских революций в странах, придавленных Версальским договором. На это были затрачены миллионы, но никаких прибылей от этого не воспоследовало. В последующие годы большевизм пытался гальванизировать мировую революцию в Вене, Праге, Пекине и Мадриде, но ничего не вышло. Мир пошел по линии культивирования национального сознания. Разочаровавшись в поддержке мирового пролетариата, большевизм поставил ставку на сепаратистские настроения национальных меньшинств, пытаясь этим разрушить капиталистические страны и вызвать разруху и революцию. Но на этом большевизм здорово проиграл. Из тактических соображений, он допустил некоторую федеративность в

своих бутафорских республиках и у них выросла тяга к отделению от Советского Союза. Напуганный возможностью разрушения базы своего господства, большевизм задумал принять меры к укреплению своих позиций. С этой целью он начал заигрывать с великодержавной стихией внутри страны и с демократическими странами заграницей.

Неудача революций в мире и угроза реваншной войны со стороны стран Антикоминтерна, заставили компартию искать союзников. Это было очень нелегко. Коминтерновская политика советской власти подорвала доверие к нему даже среди наиболее идеологически близких и симпатизирующих ему общественно-политических кругов Европы. В этих условиях искать себе союзников извне большевизм не мог, ибо никто не хотел иметь союзника, который, при первом удобном случае, ударит в спину. Сталинизм стал перед необходимостью переориентации советской внешней политики, переориентации, которая бы придала ему характер стабилизатора существующего международного политического уклада, а не поджигателя мировой революции.

И это было сделано. Но это изменение курса внешней политики нужно было как-то пояснить для международной дипломатии. Не мог же сталинизм об'яснить это изменение страхом за свое существование. Для этого нашлась в Кремле соответствующая „идеология"—это борьба „с мировой угрозой фашизма". В тот момент международное положение сложилось так, что большевизму было как раз по пути с правительствами демократично-либеральных государств, которые, в свою очередь, относились к фашизму враждебно. Тогда, по команде из коминтерна, в странах демократий были

созданы „народные фронты“, где, рядом с местными коммунистическими партиями, стали совместно работать умеренные социалистические и даже буржуазно-демократические течения. Это обязывало и большевизм занять умеренные тактические позиции. В европейских странах коммунистическая партия, через свои местные коммунистические секции, начала выступать в роли заступницы национальной солидарности и легального социального реформизма, то-есть, делать именно противоположное тому, что обуславливало его идеологически-программное содержание. Общее направление этой тактики обосновывала новая сталинская политика. Это, конечно, не значило, что сталинизм отказался от мировой революции. Нет. Даже в этих тяжелых для него условиях, он делал все, что мог для углубления ее, особенно, когда это можно было делать за чужой счет и чужими руками. Доказательство— Испания, Китай. Но нужно правду сказать, что большевизм принял в это время твердое решение, что гальванизация мировой революции не есть его главное и непосредственное задание. У кого горит собственный дом, тот не побежит спасать имущество соседа.

Обусловленный внешней угрозой, противоестественный союз сталинизма с заграничными буржуазно-демократическими кругами, повлиял на него и в другом направлении. Демократии запада, привязанные к традиционным социально-политическим формам и „формулам“, ведя борьбу с фашизмом, не имели симпатий и к Советскому Союзу. Заграничная насмешка над большевизмом принималась в Кремле очень болезненно. В Москве чувствовали необходимость, хотя бы формально, приспособить советский режим к традиционным вкусам своих заграничных союзников: большевистско-

го „Ваньку“ нужно было умыть, причесать, вообще, сделать его похожим на „европейца“.

Так появилась на свет Божий „наиболее демократическая в мире“ сталинская конституция. Вот почему ее авторы вытащили из старого чулана ранее оплеванные теории Монтескье и решили придать им „культурный вид“.

Но до конституционных изменений привел ряд внутренних обстоятельств. Их можно определить общим утверждением: строительство социализма в одной стране не удалось. Приспособленные к нему раньше правовые нормы законодательства стали очевидным пережитком. На место уничтожаемой частной собственности — рождается новая; вместо старых классов возрастает новая социальная дифференциация, а с ней и социальное неравенство. Рядом с этим, в стране происходят психологические процессы, которые ничего общего с социализмом не имеют. Жизнь отбросила большевизм. Этот факт сталинизму пришлось как-то согласовывать с остатками марксо-ленинизма, так как они превратились в очевидный для всех абсурд. Сознание этой задачи и обуславливало все ходы и маневры сталинской политики последних лет, которые имели одну цель — идя на отвоеванные жизнью уступки,— делать все возможное для сохранения самого режима.

На изменение политического курса толкнуло сталинизм и разложение в рядах самой компартии. Привыкшая к привилегиям и господству над окружением, она стала ленивой и паразитарной. В рядах партийных кадров мертвечина, бюрократизм, халатное отношение к своим служебным обязанностям. Чистки не помогают. Понадобилось более сильно-действующее средство. Новая выборная система — это камфарный укол с целью продлить

работу сердца партийного организма. Наконец, сталинизм убедился, что партия не может быть опорой в его превратной судьбе. В лице внешних и внутренних угроз ему нужно как-то „мириться“ с населением, во избежание погрома, хотя бы с той частью населения, которая претендует на звание „знатных людей“, „героев“, „орденоносцев“, „беспартийных большевиков“.

Нужно было давать дорогу „беспартийным большевикам“, на которых сталинизм стал теперь больше ориентироваться, чем на самую компартию, ибо они, удовлетворяясь материальными выгодами, не претендуют пока на власть, как например, оппозиционные партийные группировки.

Вот краткий перечень общих причин, вызвавших необходимость маневров и в области внутренней политики.

Если внутренние противоречия и демагогия определяют целую конструкцию, то в той ея части, где обсуждаются права и компетенции отдельных советских республик, она побивает все рекорды. Цинизм авторов конституции доходит до крайних пределов и они даже не старались как нибудь увязать отдельные правовые нормы. Причины понятны. Вся декларативная часть, где говорится о национальных правах народов СССР, рассчитана на эффект заграницей. Сталинизм знает, что заграничные круги не будут штудировать отдельные параграфы конституции с карандашем в руках и вскрывать их противоречия: им можно бросить только общие импонирующие „лозунги“. Что декларации сталинской конституции рассчитаны главным образом на экспорт, как способ увеличить количество своих сторонников заграницей — этого не скрывает даже советская пресса.

Цель всех этих деклараций заключалась в

создании нужного для сталинизма внешнего спекулятивного эффекта и указывает на страшную примету большевизма, его подлость. Наследник Ленина, Сталин повторяет в своей конституции ленинский лозунг: „нужно врать, нужно уметь врать“.

На этой заповеди воспитана целая генерация большевиков. Вранье, обман, преступление, демагогия, аморальность в достижении цели—стали ея органическими приметами.

Сталинская конституция является классическим образцом этих паталогических примет. Наилучшей иллюстрацией значения новой сталинской конституции являются последние процессы, казни, аресты и ссылки, новые виды чисток раскулачиваний, отрезки усадебных участков, ликвидация хуторов.

Несмотря на сталинскую конституцию, до сих пор никаких изменений нет в части защиты прав личной собственности. Между тем, право собственности есть и политическое право гражданина. Охранять его необходимо. Но кто будет охранять?

Ведь не обеспечена даже охрана и защита тех прав граждан, которые предусмотрены в ст. 125 сталинской конституции — свобода слова, печати, союзов, собраний, совести. В советской практике отсутствует понимание личных прав, вытекающих из семейных отношений.

Прокуроры и судьи подчиняют требования закона соображениям „революционной целесообразности“. Выходит, что советская власть издает законы нецелесообразные, хотя впрочем, прокуроры и судьи в этом, несомненно, правы. Сталинская конституция, рассчитанная на уловление западно-европейских идеалистических карасей все же не обманула подсоветского населения. Характерно,

что во всех концах СССР ее называют сталинской проституцией. Понятна она там, в России, как последний изгиб сталинизма в борьбе за свое существование.

Там по прежнему ждут войны, в моде пораженческие настроения.

Сталинизм страшно боится войны. Накануне первого выстрела он изменил демократическим странам и об'явил о традиционной „русской немецкой дружбе". Вместе с тем, он боится, эти страны запада рано или поздно найдут общий язык и станут по ту сторону баррикады. Что делать? И большевизм начинает эксплоатировать великодержавные настроения русского народа. Рядом с портретами Маркса и Энгельса вешают портреты Александра Невского и Димитрия Донского. Ведя непрерывную борьбу с населением, сталинизм делает вид, что старается смешать русский великодержавный патриотизм с интернациональным еврейским коммунизмом, Эта смесь по рецепту анекдотического колбасника, производится поровну: один рябчик и одна лошадь.

В качестве государственной религии тоже есть сдвиги; рекомендуется обожание „отца народов". В области внешней политики происходят большие зигзаги. „Миролюбивый" сталинизм бьет в милитаристические барабаны и нажимает на мозоли своим маломощным соседям. Тем более, что страны запада заняты междоусобной войной. Притесняя своих соседей, большевизм и здесь двурушничает. Оккупируя Западную Украину, он орудует панславистскими лозунгами: „Освобождения братьев славян единокровных и единоутробных". Неединоутробным—эстонцам, латвийцам и финнам угрожает та же судьба, но уже под лозунгами голого интернационализма и красного империализма.

Не остается сомнений в том, что сталинизм запрег великодержавную стихию в свою империалистическую колесницу, хотя считая ее временным спутником и зорко следит за тем, чтобы спутник не поднимал голову. А может выйти неприятная история. Армия получила патроны, ряды ее пополнились голодным колхозником. Неизвестно, что скажет красноармеец, проделав поход заграницу, налюбовавшись там витринами капиталистических магазинов и привольной жизнью крестьян прибалтики. Возможно, и он попрет к капитализму. И партия, как вор, тихонько пробирается в двор ушедшего на войну красноармейца и занимается уничтожением остатков капитализма в его хозяйстве. Идет отрезка участков земли, ликвидация хуторов, полным ходом идет выкачка новейшего налога, самого страшного за все время существования советской власти, ибо он последний. Возвратясь домой, красноармеец будет гол, как сокол. Вот тогда и начнутся события, интересующие двадцать два года эмиграцию! Но, конечно, не один красноармеец будет решать вопрос — быть или не быть диктатуре партии? Имеется целый ряд факторов, которые работают параллельно. „Русско-германская дружба“ сломала хребет Коминтерну. В демократических странах компартии отплевываются от сталинизма. Мировое еврейство кричит „гевалт“. Это отразится на возрождении в партии „трижды проклятого троцкизма“.

Он опасается, как бы сталинские спекулятивные уступки великодержавному национальному не зашли слишком далеко. Из концлагерей скоро уйдут домой троцкисты, осужденные в 1936 году на 5 лет, а их сотни тысяч. Они расползутся по стране, как раз перед новыми выборами в Верховный совет СССР. Обстановка для пропаганды

будет соблазнительная. Конец войны и 3-й пятилетки. В казне останется ломаный грош, налоговой пресс будет выжимать последнее, жизненный уровень понизится до минимума.

Начнется турнир: 4-й интернационал на 3-й интернационал. А тут, как на грех в условиях внешней войны с Германией возникнет новый и самый больной вопрос внутренней политики СССР и компартии: борьба за сталинское наследство.

В условиях возрождения великодержавных патриотических настроений русского народа — Каганович не подходит. Но кто, как не он и его единоплеменники в ЦК будут агентурой 4-го интернационала в русской компартии. Конечно, они. За ними будет стоять весь еврейский кагал, фунты стерлингов, мешки долларов и франков. Но Ворошилов тоже не дурак. Он обопрется на связи в армии, Молотов на связи в соваппарате, Андреев — на головку в партии, а Жданов на завещание Сталина. Вместо борьбы за мировую революцию будет взаимная резня и грызня из-за портфелей, кремлевских квартир и мягких кресел.

Арбитраж в этой борьбе сначала будет в руках НКВД, но неизбежно перейдет к армии. Будут новые люди и новые идеи. Сталинцы и троцкисты, агенты 3-го и 4-го интернационалов ослабят друг друга во взаимной борьбе. На сцену выступит русская национальная интеллигенция, тесно спаянная с крестьянством, с его прослойкой в рабочей среде, а главное—имеющая крупные связи с военной и промышленной технократией. С коммунизмом в России будет покончено.

Компартия после того, как из ее рук будет выбит полицейский аппарат—террора, не только потеряет авторитет в стране, но сама разложится на несколько враждующих друг с другом политических

течений. Правое ее крыло сменит интернациональные ризы и будет стараться сотрудничать с национальной властью, на правах оппозиции. Левое крыло уйдет в лоно 4-го Интернационала, к троцкистам. Центр будет вибрировать и колебаться в зависимости от политической погоды и ситуации. Создадутся новые партии: технократическая, рабочая, крестьянская. Они будут намечать пути, будет анархия и интервенция. Под влиянием внешней угрозы, народная масса обопрется на ту группировку, которая имеет реальные силы для защиты независимости страны. Появится русский Бонапарт. Купол государства Российского вероятнее всего примет вид нелигитимной монархии, облеченной в форму военно-технократической диктатуры, с пятнами революционного происхождения и примесью авантюризма.

ЛАГЕРНИКИ.

Было бы, конечно, не хорошо с моей стороны, если бы я не упомянул о пятом классе пизанской башни сталинизма. Я говорю о тех, кто лишен не политических, а человеческих прав на существование. Я не могу умолчать о тех миллионах, которые живут в СССР вне закона, без пищи, без одежды, без жилища, оторванные от своих семей, от своего племени, от своей нации. Они не живут, а влачат жалкое рабское существование: в дебрях сибирских таежных концлагерей, в шахтах Ухта-Печоры, на золотых приисках Колыми, на Байкало-Амурской колесухе, на Волго-Донском канале, на полярной Игарке, на сопках Уссурийского края и в многочисленных подвалах социалистической тюрьмы народов. Их много. Их 7 милллионов, плюс 14 миллионов ссыльных и высыльных. Да, это класс. Он „связан одинаковыми производственными отношениями и по своему политическому и социальному положению резко противопоставлен другому классу“ — классу коммунистов. Их даже больше, чем коммунистов. Об этом классе здесь, в эмиграции, написано много правды, еще больше романов и я не буду повторяться. Я только хочу сказать о том, что миропонимание, идеи этого класса не изучены эмиграцией. И это большой пробел. Ведь там то и сидят те, кто завтра будет у власти. Концлагеря НКВД — это школа, это кузница. Там выковываются новые кадры будущего служилого строя России.

В огне террора гибнут слабые духом. Но те, кто прошел испытание огнем, не боятся ни сквозняков эволюции, ни тех претендентов на власть, которые не могут расстаться с моноклем. Я видел этих людей. Видел в чекистских подвалах на польской, на румынской, на латвиской границе. Видел в вертепах НКВД Киева, Харькова, Москвы, Твери, Свердловска, Новониколаевска и Никольско-Уссурийска. Видел их во всех тюрьмах вдоль великого сибирского пути от Балтийского моря до Тихого океана. Видел в таежных сибирских лагерях особого назначения, в дальневосточных и уссурийских лагерях, откуда мне удалось уйти сюда, к вам.

Впечатление одно: творится большая несправедливость, творится такое безобразие, которому названия нет. Начали с декларации прав гражданина, а кончили людоедством. И в прямом, и в переносном смысле этого слова. Изучение психологии пятого класса социалистических рабов я начал десять лет тому назад и закончил сравнительно недавно. Общий вывод — живуч и крепок русский народ. То хныкание и те маниловские мечтания, которые так характерны для некоторых слоев русской эмиграции, ничего общего с психологией концлагерной массы не имеют. Все слабое погибло, но то, что осталось в живых, чрезвычайно выносливо и в физическом, и в психологическом отношении. Есть цель, есть идеалы, есть и идеи. Основная идея— борьба с абсолютизмом Сталина, борьба с идейной монополией партии, старая русская правда, что меньшинство „вождей“ не имеет права притеснять большинство людей.

Буду говорить прямо. Несмотря на свое тяжелое положение и поиски попутчиков и союзников, — пятый класс стоит все же на той точке зрения,

что с феодализмом покончено в России раз и навсегда.

Социальный состав обитателей концлагерей НКДВ за последнее время сильно изменился. Если раньше там сидели „недорезанные буржуи“, не имевшие опоры в массах и потому не проявлявшие политической активности, если сидело прибитое „ликвидацией капитализма в деревне“, распыленное и не владеющее современным политическим оружием „кулачество“, то теперь уже в концлагеря идет новая смена. Во-первых, огромнейшее количество председателей колхозов, бригадиров, полеводов, животноводов, одним словом, сливки колхозной аристократии нисшего пошиба. На этот слой, как на козла отпущения, возложены коммунистической партией все грехи, совершенные ею в процессе „реконструкции сельского хозяйства“. Это не „кулаки“. Их отношение к колхозу было: ни „за“, ни „против“, а даже напротив. Они пошли в колхоз так, как шли они когда-то в атаку на немецкие пулеметные гнезда, имея только штык, приклад и два-три патрона. Не их вина, что они не победили и в колхозе. Они несли жертвы и на позиции, и в колхозе, несут их и в концлагере. И как накануне революции 17-го года в окопах жужжали об „измене“, о „продаже“, о негодности руководства и тыла, так жужжат и теперь. Эти люди имеют право говорить, имеют право критиковать, они нюхали колхозный порох. На стороне этой массы такое поразительное знание дефектов коллективизации, какого никогда не сможет оспаривать ученый агроном и экономист сельского хозяйства. Вы хотите видеть самого закоренелого врага советской власти и коммунистической партии? Вот они! Их ненависть к режиму — сильнее ненависти к нему „кулачества“,

ибо эта ненависть не классовая, а ненависть всего села, помноженная на годы „веселой зажиточной жизни“, в самом колхозе. Концлагерное „кулачество“ сдает им свои политические позиции и примыкает к ним. Это будущие руководители, будущего союза русского народа в деревне. Прототип этого союза я видел через тюремную решетку 8-го марта 1930 года в бою с охранявшим нас отрядом тюремщиков-чекистов. К великому моему изумлению, вместо традиционно - желто-голубого флага они несли черное знамя с белой свастикой. Их было 700 человек повстанцев на низкорослых колхозных лошадях. Вооруженные берданками, обрезами и двухстволками, они дрались жестоко. Их победили танки и пулеметы.

Лагерное население пополняется технократией и ее сменой, студенчеством, славной молодежью, любящей свою страну и ненавидящей неправду.

Технократия сидит за поражение на фронтах пятилетки. Тоже бились. Бились жестоко, бились самоотверженно, но тоже подвел тыл и штабные канцеляристы. Причины поражения те же: вместо снарядов — овес, вместо крупы — чечевица, в мае — валенки, зимой — трусы, Тоже ненависть и ненависть органическая. Они не против того, чтобы сделать страну экономически сильной, это их идеал. Но в штабах сидят Мясоедовы и Самоедовы. При их руководстве — победа невозможна.

На социальной лестнице пятого класса в части идеологической, экономической и технической — технократия и здесь занимает первое место, если не считать конкурирующей с ней прослойки отбывающих наказание бытовиков-чекистов, изолированных идеологически от остального

лагерного населения и „услужающих“ начальству только на ролях вышибал и палачей.

Ниже технократии жмется к ней „союз русского народа“, осколки рабочей мастеровщины и, наконец, продукт нового социалистического воспитания, порожденное большевизмом новое племя уголовного мира „урки“ и гуманитарная интеллигенция. Да, она здесь. Она плетется в хвосте, ибо она не приспособлена к жизни, не умела удержаться у власти и на нее не претендует. Идеологически она банкрот и мечется в поисках платформы. Тут и монархизм, и анархизм, и учредиловка, и надежды на варягов.

Все-же, если суммировать надежды всех прослоек пятого класса, то все они ждут появления русского Наполеона — Сидорчука. Бела ли его кость? Голуба ли его кровь? Не важно! Была бы на плечах крепкая голова, теплилась бы в сердце любовь к „крестьянскому люду“ и в сердце русская совесть. На остальные его недостатки можно наплевать с высокого дерева. Он уже есть. Где то он, незаметной тенью, бродит по русской земле. может быть, в форме капитана. Ну, что-ж, Ему и вручить руль корабля российского.

А пути? Конечно, террор конечно, восстание, конечно, свержение правительства Мясоедовых-Самоедовых. Дальше что? А голос Божий разве не авторитет? Над нами смеются феодалы? Но это — насмешка импотентных старичков над торопливостью юношей. У нас выйдет!

Указывают на „легитимизм“ Солоневича, но его легитимизм — тактический маневр с целью обойти острые углы, маневр, необходимый в условиях консервативности мысли в среде русской эмиграции запада.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА.

Знает ли обо всем этом Сталин? Догадывается ли он, „что день грядущий“ готовит коммунистической партии? По моему, да. С этой целью бешенным темпом ведется истерическая экзальтированная пропаганда и агитация, с целью заставить „вас“ полюбить „нас“. Требуется доказать, что советская власть это есть самая настоящая российская национальная власть. В качестве благородных свидетелей привлечены: история, литература, наука, искусство, демагогия, подлость, обман и террор. Переделана история государства Российского. В ней все строители государства Российского превращены в ветхозаветных пророков, предсказывающих социалистическую революцию. Петр Великий выглядит в роли робкого предтечи, указывающего русскому народу на грядущего Иосифа — красное солнышко. Сталин ищет ориентации, с целью обеспечить свое господство. Несмотря на свое отвращение к великодержавному национализму, он видит в нем силу, на которую можно опереться. Ориентация сталинизма на великодержавный национализм есть, несомненно, результат возрождения патриотических настроений русского народа, ничего общего со сталинизмом не имеющих.

Разгром России в великой мировой войне, огромные территориальные потери и революционный хаос, захват власти еврейством временно ослабили российский великодержавный национа-

лизм. Теперь он поднимает голову и возрождается под знаком реванша за удары по национальному самолюбию. Сталинизму это очень опасно, но временно он этому не мешает. Он приходит к убеждению, что органическому развитию в мире и в стране враждебных советскому строю национализмов можно противопоставить только живую силу великорусского национализма. Силу, как таковую. Другой силы нет, иначе крах. Связывая свою долю с идеей российской великодержавности, сталинизм щупает точку опоры. Отсюда „национальный“ уклон, отсюда теории о „самом передовом русском народе“, и новые аттрибуты сталинской идеологии: „советская родина“, „советский народ“, „советский патриотизм“ и „священные границы русской земли“. Современный сталинизм гримируется в маску великорусского национализма, старается скрестить красный империализм с панславизмом, идею „третьего Рима“ с идеей мировой революции, марксистский материалистический атеизм с мистическим египетским фараоновским культом „отца народов“, „героев“, „орденоносцев“, „знатных людей“ и т. д. От хорошей веселой жизни на такую авантюру не пойдешь. Ясно, что на этот шаг толкнули тактические соображения, с целью выиграть время. Сталинизм спрятался за деревянными стенами и готовится к длительной осаде. Сидя у моря, он ожидает мировой революции. Тогда можно будет снять голову русскому великодержавному национализму. А пока „давай уставим общий лад, ведь, откровенно говоря, я сам с волками грызться рад“. А массы бушуют. Они захватывают заводы, колхозы, учреждения, школы и, по выражению московской „Правды“, наносят удары режиму в голову и в сердце, разворачивая новые формы борьбы, более жестокие, чем это бы-

ло раньше. Врагов стало меньше? Тогда почему десятилетний срок лишения свободы за политические преступления заменен двадцатипятилетним? Марксизм отжил свой век. Существуя, как государственная религия, он только прикрывал органические процессы, которые, вопреки ему развивались среди населения СССР. Теперь он не нужен. Эта же судьба ожидает учение Ленина-Сталина. С ленинизмом кончают уже в этом году, в моду входит новейшая тема, „отцвели уж давно хризантемы в саду", в смысле том, что и Сталин уже хризантема.

Сталинизм изживает себя не только в области политической и экономической. В области культуры он, протежируя „пролетарскую культуру", не мог не наложить на нее клеймо примитивизма и противоречий. Тематика советской литературы нищенски убога. Исчезли проявления творческих исканий, проблемы творчества духа, идейных порывов, морали, эстетики. „Бытие определяет сознание" — говорит Карл Маркс. Не бык вертит хвостом, а хвост вертит быком, — утверждает Сталин, давая непогрешимые директивы союзу придворных советских писателей. Отсюда и пошло.

Советский литератор со своим челном ныряет по волнам сталинской генеральной линии и думает только о том, как бы за перегиб не попасть в „места не столь отдаленные". Где уж тут думать о творчестве, об идеалах? Тут не до жиру, тут лишь бы остаться живу. Даже Горький перед смертью написал: „семьдесят пять процентов советской литературы ни к черту не годится". В самом деле, какой то кретинизм. Давайте рассмотрим любую книгу. Что найдем. Если не совхоз, то колхоз, если не МТС, то политотдел. Живых людей, с их радостями, горем нет и в помине. Вместо

них трактор, комбайн, веялка, косилка, молотилка и непогрешимые директивы компартии. Все это охвачено психопатией генеральной линии и патологической преданности „отцу народов“. В каждом сюжете нудный, тошный трафарет. К машине колхоза, или к станку завода где то сбоку приклеен герой произведения, до края переполненный благонадежными предметами и до бесчувствия преданный очередным постановлениям сталинского ЦК. Против него выступает какой нибудь „враг народа“, стандартный ходячий носитель всех грехов мира. Они борются. Может ли быть у читателя сомнение в том, кто победит? Герой побеждает и получает из Москвы, в важных случаях, знак почета, в меньших—суконные штаны или патефон из местного партийного комитета. Успешно подвигается по лестнице советской иерархии и на придачу женится на такой же благонадежной, как и сам, активистке. „Враг народа“, конечно, гибнет; в лучшем случае, он приносит повинную и тоже делается преданным сталинцем. Все советские издания, книжные склады и библиотеки наполнены этой набившей оскомину дешевой агиткой.

Литература национальных республик тоже не исключение из этого общего правила. Разница между героями только в том, что в русском советском романе герой произведения — бригадир ударник, скажем, Ванька Болванов, говорит по русски и живет где нибудь в окрестностях Москвы, а верный слуга „отца народов„ Опанас Захмурыло говорит по украински и живет на берегу Днепра, верный сын партии Израиль Пудельман живет где нибудь в Азербейджане и говорит на языке международном. Но все они, как валеный сапог, сделаны на одно копыто.

Надо сказать правду. По некоторым данным,

можно сделать заключение, что сама власть начинает понимать всю трагедию своей литературы. Но что делать? Развязать идейные стимулы и дать возможность литератору конкурировать с непогрешимой генеральной линией в области идеологии? А куда она заедет? То-то же и оно.

В подобном связанном положении пребывает и поэзия, и изобразительное искусство, и пресса, и даже наука.

Правда, события последних дней нашли свое отражение в народном фольклоре в песнях, былинах, сказках и анекдотах. Развитие этих видов народного творчества шло помимо официальной советской науки и литературы, помимо их народ приобретал и понимание происходящих событий.

На советские подмостки теперь все чаще и чаще вытаскивают старух сказательниц, рассказывающих длинные „народные" сказки о благоденственном мирном житии в советском союзе и о верноподданических чувствах колхозников по отношению к дорогому „вождю". Вся эта подделка ничего общего с народным творчеством не имеет. Подлинные народные сказки, стихи и анекдоты, правильно освещающие события, получили настолько широкое распространение, что власть бессильна в борьбе с этим „злом". Существует в СССР особый вид закрытого суда, где за распространение и сочинение этих сказок судят „несознательных" граждан и ссылают их за это в места, не столь отдаленные, но почему-то обязательно в холодные, наивно предполагая, что поэтическая фантазия доморощенных поэтов остынет под влиянием низкой температуры. Нет никаких сомнений в том, что половина всех политических „преступников" сидит в концлагерях НКВД именно за свою

любовь к острому словцу, ярко отражающему симпатии народа к существующему режиму.

Размер брошюры не позволяет нам остановиться на больших формах народного творчества, сказках и анекдотах. Но песни, народные песни, известные подсоветскому гражданину, заслуживают того, чтобы с ними ознакомилась эмиграция. На юге России большой популярностью пользуется посевка, сравнивающая старое житье-бытье с новым. Общеизвестно, что колхозник голоден, но не все знают о том, что он оборван, или вовсе гол. И веселые колхозницы, вспоминая о лучших временах, когда все же они были одеты, поют:

Як колысь був царь и царыця,
Була в мэнэ блюзка й спидныця;
Як настала сталинская влада,
Стало выдно спереду и сзаду.

В центральной части России на эту же тему поют по-русски:

Юбка рваная,
Да лапти в клеточку,
Выполняй, стахановка,
Пятилеточку.

В Ленинградской области поют о том, что надоел хлеб суррогат из лебеды, кортофельной шелухи и прочих социалистических злаков. Колхозницы ищут выход из положения в от'езде на заработки в город, где хлеб есть и поют:

Долой, долой колхозы,
Поедем в Ленинград,
Забудем муку, слезы,
Забудем суррогат.

Колхозница приезжает в город, получает

„жилплощадь“, на нарах в общем бараке, получает краюху хлеба и советский „силос“. А потом от‘евшись на социалистических харчах, идет осматривать город. Облупившиеся дома, грязные дворы не удивляют колхозницу. Она рассматривает витрины магазинов. Правда, продукты и товары есть, но не про ее честь. По ценам они доступны только „красным совбурам“ и, возвратясь в свой барак, даже с подругой на грязных нарах, она поет:

В магазине, на витрине
Куры, яйца, колбаса,
А мужик наш с голодухи
Рвет на бабе волоса.

Но не всегда мужик с голодухи дерет за косы свою подругу жизни. Иногда ему приходят в голову мысли, что нужно искать какой-то выход из тяжелого положения. Колхозница видит, что жить тяжело, замечает грусть и тоску на лице своего друга. Он предлагает ей вернуться домой, в родной колхоз, все-таки, дома, среди своих и умирать лучше. Но колхозница наотрез отказывается возвращаться в колхоз и мотивируя свой отказ, поет:

Не пойду я во коммуну,
Не пойду я во колхоз,
Там скотинку поднимают,
Кто за гриву, кто за хвост.

Муж соглашается с доводами жены, он предлагает новый план; он будет стахановцем, будет работать от солнца до солнца, будет работать по ночам, скопит денег, отстроит избу, купит ей коровенку, обзаведется хозяйством. Колхозница понимает заботы мужа и уже беспокоится за его образ мыслей, который не доведет до добра. Она

знает, что богатство в советском союзе — порок, преступление, знает, что за это наказывают и отвечают ему на его мысли своей песней-просьбой:

Не заботься, милый мой,
Ты дурными мыслями.
Если будешь побогаче,
Как бы нас не выслали.

Все же муж напрягает все усилия, идет на фабрику, работает до седьмого пота и надеется на улучшение своей жизни. Жена смеется, она иронизирует над его мечтаниями и поет ему о том, что

Сталин Жданову сказал:
„Едь, Андрюшка, на базар,
Купишь клячу старую,
Подкормим пролетарию“.

Муж понимает иронию жены, но не понимает политики вождей. — Как по твоему, спрашивает он жену, — они-то, вожди, понимают безвыходность положения? — Жена ему говорит о подслушанном ею разговоре:

Коммунисты в кабинете
Как-то говорили —
Все равно нам быть в ответе,
Что мы натворили?

Чувствуя растерянность коммунистов, вчерашний колхозник, а ныне рабочий, спрашивает, что же остается делать?

Жена отвечает ему веселой песенкой, отражающей ея настроение:

Эх, яблочки, да помидорчики,
Убьем мы Кирова, да в коридорчике.
Убьем мы Жданова, убьем Димитрова,

Убьем и Берию, чего тут хитрого.
Эх, коммуна ледяная, ты-б растаяла,
Убили Кирова — убьем мы Сталина.

— А что-же после этого? — спрашивает муж, молодой несмысленыш, колеблющийся в выборе будущего строя, не смеющий мечтать о реставрации старого строя, ищущий компромисса между старым и новым. Жена поет ему об абсурдности этих мыслей и указывает на то, что и ленинизм не лучше сталинизма. И Ленин теперь не даст ответа на внутрисоветские противоречия, этот свой ответ она облекает в форму песни:

Вставай, Ленин, вставай, детка,
В гроб нас гонит пятилетка.
Ленин встал, развел руками: —
„Что поделать с дураками!“

Хорошо, Ленин растерялся, он не знает, что делать, все испорчено, откуда же искать спасения? Жена отвечает песней:

А я Россию милую
Из могилы вырою,
Вырою, помою,
Заберу с собою.

Формулировка не ясна мужу, он требует более точного ответа и она ему поет дальше:

Мы прополем всю пшеницу,
Коммунистов за границу,
Кто останется — убьем,
И в деревню жить пойдем.

Уничтожим мы декреты,
Всем колхозам по домам,
Поразгоним все советы,
На кой чорт нам этот срам!

Не будет скучать за колхозом не только человек, но даже колхозная скотина, которая хватила горя за время пребывания на колхозных харчах и колхозница поет:

Шла корова из колхоза,
Слезы капали из глаз,
Обернулась и сказала:
„Не обманешь в другой раз“.

Таков настоящий советский фольклор, определяющий отношение подсоветского гражданина к „веселой зажиточной жизни“.

22 года существует советская поэзия. Где же обещанные советские Пушкинзоны и Лермонтовичи? Ведь, советская власть „создала все предпосылки для буйного (!) развития социалистической поэзии“. Ну и что? Заменила русскому народу поэзия Демьяна Бедного хотя бы Кольцова или „Бруски“ Панферова „Дворянское Гнездо“ Тургенева? Нет. Вместо анализа причин импотентности советской поэзии, ведется клеветническая кампания против политического режима Николая Первого, при котором поэзия, де не могла развиваться. Шуты и скоморохи! Эта эпоха дала нам Пушкина и Лермонтова.

— Да, иронически отвечают Авербахи, — но ведь вы знаете, что Пушкина и Лермонтова убили. — Этот намек возмущает подсоветского гражданина.

— Да, действительно, Пушкина и Лермонтова убили, но ваши лучшие поэты Есенин и Маяковский... сами застрелились — отвечает он. И в этом намеке — глубокая истина.

Советская поэзия кончает самоубийством.

Несчастный, затравленный Есенин чувствовал себя лишним в СССР.

— В своей стране, я точно иностранец, — вот как отразил настроение русского крестьянина один из лучших его поэтов, чувствовавший всю тяжесть под'яремного существования в стране, где русский человек живет на кухне из милости, при дальних родственниках.

Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, я здесь никому не нужен,

пропел он свою лебединую песню, кончая самоубийством и уходя в неизвестность от „счастливой, свободной, веселой и зажиточной жизни", из страны, где процветает социализм в чистом виде.

Уходя от жизни, он дал меткую характеристику советской поэзии:

Мне мил стихов российских жанр,
Есть Маяковскй, есть и кроме,
Но он их главный штабс-маляр,
Поет о пробках в Моссельпроме.

Есть Клюев, — ладожский евнух,
Есть стишки, как телогрейка,
Но я вчера прочел их вслух
И в клетке сдохла канарейка.

Других уж нечего считать,
Они под хладным солнцем зреют,
Бумаги даже замарать
И то, как надо, не умеют.

Вот она правда о советской поэзии. Куда ей до взлетов поэзии либерально дворянской эпохи!

Маяковский осудил самоубийство Сергея Есенина и отрекся от своего друга по перу. Но и это не помогло. Бюрократизм и мертвечина советского жития была ему не по нутру. Он не мог петь

в хоре советских кастратов. Свой психологический кризис он отразил в стихах:

Мне хочется самому наступить
На горло собственной песне.

Кого же еще перечислять? Не Безыменского же, не Асеева, не Сельванского. Да, есть талантливый „русский“ поэт Мойшэ Светлов. На днях он тоже посмотрел на окружающую его поэтическую брашну и написал злобную эпиграмму:

На сто тысяч деревьев
Я один — человек.

Правильно, товарищ Мойшэ. Это даже не деревья, а моськи и шавки, восхваляющие тараканище — Сталина, по Чуковскому. Есть в России советский большой театр.

Я был на постановке пьесы: „Аристократы“. В ней поют дифирамбы мудрости гениальным чекистам, перевоспитывающим население России в концлагерях Беломорско-балтийского канала. О, Господи, прости им! Да, ставят „Бориса Годунова“, „Евгения Онегина“, “Пиковую Даму“, ставят „Жизнь за Царя“ (ныне „Иван Сусанин“). Но позвольте! Причем здесь социалистическая пролетарская культура! Да, в большом театре идет единственная „социалистическая советская“ опера „Тихий Дон“. В ней воспевается жизнь донских казаков-кулаков, звучат мелодии казачьих песен, есть в этих мотивах и ложка советского социалистического дегтя.

И в Москве, после постановки этой оперы появился напечатанный анекдот: „Почему „Тихий Дон“ — опера советская? Потому, что музыка композитора Дзержинского“.

В „Эрмитаже“ ставят оперетки: „Желтая коф-

та“, „Нищий студент“, „Лебединое озеро“, „Там, где жаворонок поет“. Где же перлы раскрепощенного советского искусства? Ах, да. Единственный „Красный мак“, пляска людоедов вокруг поджариваемого единоплеменника, под звуки еврейской мелодии, гимна анархистов.

В Третьяковской галлерее висят картины великих русских художников. Их рассматривают руские люди, с тоской по тем временам, когда были предпосылки для величайшего в мире расцвета изобразительного искусства. Советские гиды об'ясняют экскурсантам содержание картин, по марксистски. Маяковский недопонимал, Репин недооценивал, Айвазовский не понял, Суриков запутался.

Спускаемся в нижний этаж. Царство футуризма. Какой то покосившийся небоскреб с черными окнами-глазными впадинами и рядом какая-то скрипка.

— Что это? — спрашиваю я у гида.

— К сожалению, я и сам в этом ничего не понимаю, — смущенно отвечает гид. — Вероятно, какая нибудь идея.

И я вспомнил о голом короле. Да, советский король гол. „Умные“ люди делают вид, что видят одежду, но простаки уже кричат: „а ведь он, ей-Богу, гол“.

— —

Большевизм плывет вниз по течению, хватаясь за соломинки.

Понимают это и за границей, понимают это и в России.

Умерла былая фанатичная вера, дегенерирует и партия. Из фактора, который в революционном порыве не оглядываясь назад, жег за собой мосты, она переродилась в мещанскую бюрократи-

ческую касту, которая всеми силами стремится использовать свое привилегированное положение. Место старого фанатичного большевика-ленинца занял осторожный трусливый сталинский Акакий Акакиевич. Ему ли двигать поэзию, науку и искусство? Одна идея довлеет: спасение животов, какой угодно ценой, отдача на расправу вчерашних товарищей для успокоения толпы. Расстрел их сегодня за симпатии к Гитлеру, а завтра — за симпатии к Чемберлену. И только. И 7-го ноября в день очередной годовщины октябрьской революции, Сталин, в позе Наполеона, ходит по мавзолею, смотрит на пожар России и качает головой. Глядя на свой мародерствующую коммунистическую партию, он безнадежно качает головой и декламирует:

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем, без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодовитой,
Не гением начатого труда.

И прах наш с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом, —
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

Duke University Libraries
D040001005